

ЗОЛОТАЯ



СЕРИЯ

БЕРНАРД
ШОУ



Зарубежная литература



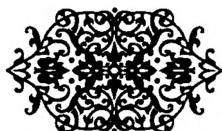


БЕРНАРД
ШОУ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

БЕРНАРД ШОУ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

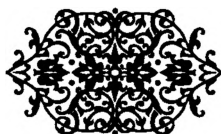


МОСКВА 2004

БЕРНАРД ШОУ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Том второй



ПЬЕСЫ

КАРЬЕРА ОДНОГО БОРЦА

НОВЕЛЛЫ



МОСКВА 2004

ББК 84(4Вл)

Ш81

- Ш81 **Шоу Б.**
Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2: Пигмалион; Дом, где разбиваются сердца: Пьесы; Карьера одного борца: Роман; Новеллы / Пер. с англ.; Коммент. А. Николукина и Б. Акимова. — М.: Литература, Мир книги, 2004.— 512 с.— (Золотая серия. Зарубежная литература).

ISBN 5-8405-0078-X (т. 2)

ISBN 5-8405-0077-1

Крупнейший английский драматург конца XIX — первой половины XX в., Джордж Бернард Шоу (1856—1950) в своих произведениях выступает как мастер интеллектуальной драмы-дискуссии, построенной на острых диалогах, полной парадоксальных ситуаций, разрушающей все традиционные представления о театре. Его пьесы бичуют политическую реакцию, нормативную мораль, лицемерие, ханжество. В 1925 г. писателю была присуждена Нобелевская премия по литературе.

Во второй том Избранных сочинений вошли наиболее значительные драмы Б. Шоу, а также его роман и новеллы разных лет.

ББК 84(4Вл)

ISBN 5-8405-0078-X (т. 2)

ISBN 5-8405-0077-1

© ООО «РИЦ Литература», 2002

© Сайко И. Е., серийное
оформление, 2000

© ООО «Мир книги», ООО «РИЦ
Литература», логотип серии, 2000

ПЬЕСЫ





ПИГМАЛИОН*

РОМАН-ФАНТАЗИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ковент-Гарден. 11.15 вечера. Лето. Проливной дождь. Со всех сторон отчаянные гудки автомобилей. Прохожие бегут к рынку и к церкви св. Павла, под портиком которой уже укрылось несколько человек. Среди них дама с дочерью, обе в вечерних туалетах. Все мрачно взирают на потоки дождя, и только один человек, стоящий спиной к остальным, по-видимому, целиком поглощен своей записной книжкой; он торопливо делает какие-то заметки. Бьет четверть двенадцатого.

Дочь (*стоит между двумя центральными колоннами портика, ближе к левой*). Я продрогла до костей. Куда пропал Фредди? Вот уже двадцать минут как он ушел.

Мать (*справа от дочери*). Положим, не двадцать. Но такси он бы все-таки мог уже найти.

Прохожий (*справа от мамы*). Раньше половины двенадцатого никакого такси он вам не достанет, мэм, и не надейтесь; сейчас все из театров разъезжаются.

Мать. Но нам очень нужно. Мы не можем стоять здесь до половины двенадцатого. Какое безобразие!

Прохожий. А я чем виноват?

Дочь. Будь у него голова на плечах, он давно бы нашел такси у театра.

Мать. Ну что ты хочешь от бедного мальчика?

Дочь. Все достают такси. А он почему не может?

Под потоками дождя со стороны Сауттемpton-стрит вылетает Фредди и становится между ними, закрывая зонтик, с которого стекает вода. Это молодой человек лет двадцати в вечернем костюме, брюки у него мокры по щиколотку.

Дочь. Ну, достал-таки?

Фредди. Нигде ни одного, ни за какие деньги.

Мать. Ах, Фредди, машину всегда можно достать. Ты просто плохо искал.

Дочь. Боже, как мне все надоело. Уж не прикажешь ли нам самим идти за такси?

Фредди. Я же вам говорю, все машины расхватали. Дождь начался внезапно, никто его не ожидал, и все кинулись искать такси. Я дошел до Черинг-кросс, потом повернул и добрался почти до самого Ледгет-серкус: нигде ни одной свободной машины.

Мать. А на Трафальгар-сквер?

Фредди. И на Трафальгар-сквер ни одной.

Дочь. А ты там был?

Фредди. Я был на Черинг-кросском вокзале. Ты, вероятно, ожидала, что я пробежусь до Хаммерсмита?

Дочь. Никуда ты не ходил.

Мать. Ты в самом деле ужасно беспомощен, Фредди. Иди опять и, пока не найдешь такси, не возвращайся.

Фредди. Только зря вымокну до нитки.

Дочь. А мы? По-твоему, мы всю ночь будем стоять здесь на ветру, в одних платьях? Это свинство. Эгоист несчастный!

Фредди. Ну ладно, ладно, иду.

Раскрывает зонтик и бросается в сторону Стрэнда, но по дороге сталкивается с уличной цветочницей, которая спешит укрыться от дождя, и выбивает у нее из рук корзину с цветами. Ослепительная вспышка молнии, сопровождаемая оглушительным раскатом грома, служит фоном для этого происшествия.

Цветочница. Ты что, очумел, Фредди? Не видишь, куда прешь!

Фредди. Виноват... *(Убегает.)*

Цветочница *(подбирая рассыпанные цветы и укладывая их в корзину)*. А еще называется образованный! Все мои фиалочки копытами перемял.

Усаживается у подножия колонны справа от дамы и начинает приводить в порядок цветы. Привлекательной ее не назовешь. Лет ей восемнадцать — двадцать, не больше. На ней маленькая матросская шапочка из черной соломки, с многочисленными следами лондонской пыли и копоти, явно скучающая по щетке. Ее давно не мытые волосы приобрели какой-то неестественный мышинный цвет. Поношенное черное пальто, узкое в талии, едва доходит до колен. На ней коричневая юбка и грубый фартук. Башмаки тоже знавали лучшие дни. Нельзя сказать, что она не старается быть по-своему опрятной, но по сравнению с

окружающими ее дамами выглядит настоящей грязнулей. Черты ее лица не хуже, чем у них, но кожа оставляет желать лучшего. К тому же девушка явно нуждается в услугах зубного врача.

Мать. Простите, откуда вы знаете, что моего сына зовут Фредди?

Цветочница. Ага, так это ваш сынок? Хороша мамаша! Воспитала бы сына как положено, так он бы побоялся цветы у бедной девушки изгадить, а потом смыться и денег не заплатить. Вот вы теперь и гоните монету!

Прошу извинения, но попытка воспроизвести ее отчаянный диалект без фонетической транскрипции неосуществима за пределами Лондона.

Дочь. Только этого еще не хватало!

Мать. Не вмешивайся, Клара. Есть у тебя мелочь?

Дочь. Шестипенсовик. Мельче нет.

Цветочница (с надеждой). Так я вам его разме-
няю, леди.

Мать (Кларе). Дай сюда.

Дочь неохотно подчиняется.

Так. (Цветочнице.) Вот вам за цветы, милая.

Цветочница. Премного благодарна...

Дочь. Пусть она даст сдачи. Такому букетику красная цена — пенни.

Мать. Помолчи, Клара. (Цветочнице.) Сдачу оставьте себе.

Цветочница. У... у... у... х, спасибо вам, леди.

Мать. А теперь скажите мне, откуда вам известно имя этого молодого человека?

Цветочница. Да я его и не знаю.

Мать. Но я слышала, как вы называли его по имени. Не обманывайте меня.

Цветочница (возражая). А чего мне вас обманывать? Ну, Фредди, Чарли — не все одно? Надо же из вежливости как-то назвать человека. (Усаживается возле своей корзины.)

Дочь. Зря только выбросили шесть пенсов. Право, мама, тут уж вы могли бы пощадить Фредди. (Брезгливо отступает за колонну.)

Пожилой джентльмен — привлекательный тип старого военного — спешит укрыться от дождя, закрывая на ходу зонтик, с которого льет вода. У него, как и у Фредди, брюки внизу совершенно мокрые. Он в вечернем костюме и легком пальто. Занимает освободившееся место у колонны слева.

Джентльмен. Уфф!

Мать (*джентльмену*). Ну, как там, сэр? Просвета все еще не видно?

Джентльмен. Ни малейшего намека. Напротив, дождь усиливается. (*Подходит к тому месту, где сидит цветочница, ставит ногу на плинтус колонны и, нагнувшись, поворачивает мокрые брюки.*)

Мать. О Господи! (*Огорченно отходит к дочери*).

Цветочница (*пользуется соседством пожилого джентльмена, чтобы завязать с ним дружеские отношения*). Раз опять припустил, значит, конец видать. Не огорчайтесь, кэптен, купите лучше букетик у бедной девушки.

Джентльмен. К сожалению, у меня нет мелочи.

Цветочница. Я вам разменяю, кэптен.

Джентльмен. Соверен? Мельче у меня нет.

Цветочница. Ух ты! Купите цветочек, кэптен, купите! Полкроны я еще разменяю. Возьмите вот этот — всего два пенса.

Джентльмен. Не приставай ко мне, девочка, — это нехорошо. (*Шарит по карманам.*) У меня в самом деле нет мелочи... Пстой-ка! Вот три монетки по полпенса, если тебя устроит... (*Переходит к грутой колонне.*)

Цветочница (*разочарованно, но понимая, что полтора пенса лучше, чем ничего*). Спасибо вам, сэр.

Прохожий (*цветочнице*). Эй ты, полегче, взяла деньги — так дай ему цветок. Видишь вон того типа за колонной? Он записывает каждое твое слово.

Все оборачиваются к человеку с записной книжкой.

Цветочница (*испуганно вскакивая*). Что я худого сделала? Ну, заговорила с джентльменом — так я имею право продавать цветы, если на тротуар не лезу. (*Истерически.*) Я девушка порядочная! Я ничего такого ему не сказала — просто попросила купить цветочек...

Общий шум. Большая часть публики сочувствует цветочнице, но осуждает ее чрезмерную чувствительность. Люди пожилые, солидные треплют ее по плечу, бросая ободряющие реплики вроде: «Чего расхныкалась? Кто тебя трогает? Кому ты нужна? К чему шум поднимать? Ну-ну, успокойся. Будет, будет!» Менее терпеливые рекомендуют ей заткнуть глотку или сердито спрашивают, чего, собственно, она разоралась? Те, кто стояли далеко и не знают, в чем дело, спешат к месту происшествия и усугубляют суматоху расспросами и объяснениями: «Что за шум? Что она натворила? Где он? Да вот, застучал ее легавый.

Какой? Да вон тот, за колонной. Деньги у джентльмена выманила». И так далее. Цветочница, оглушенная и растерянная, протискивается сквозь толпу к джентльмену и громко вопит.

Цветочница. Ой, сэр, пожалуйста, не велите ему заявлять на меня. Вы не знаете, что мне за это будет! У меня отберут патент, меня выкинут на улицу за приставанье к мужчинам. Они мне...

Человек с записной книжкой (*выходит вперед, толпа окружает его*). Ну, хватит, хватит! Кто вас обижает, глупая вы девчонка! За кого вы меня принимаете?

Прохожий. Все в порядке. Это джентльмен — поглядите, какие у него ботинки. (*Объясняет человеку с записной книжкой.*) Она думала, сэр, что вы легавый.

Человек с записной книжкой (*с живым интересом*). А что значит «легавый»?

Прохожий (*не находя определения*). Легавый — это... это... ну, одним словом, легавый. Как его иначе назовешь? Ну, вроде сыщика или полицейского агента.

Цветочница (*все еще истерически*). Да я на Библии могу присягнуть, что ничего такого...

Человек с записной книжкой (*повелительно, но добродушно*). Довольно! Замолчите наконец. Разве я похож на полицейского?

Цветочница (*далеко не успокоенная*). А зачем тогда записывали каждое слово? Почему я знаю, что вы там накатали? А ну-ка, покажите, что у вас там обо мне накарякано?

Он раскрывает записную книжку и сует ей под нос. Толпа, пытаясь прочесть написанное через его плечо, напирает так, что человек послабее не устоял бы на ногах.

Чего это? Написано-то не по-нашему. Я не разбираю...

Человек с записной книжкой. Зато я разбираю. (*Читает, точно воспроизводя ее выговор.*) «Ни огарчайтись, кэптин, купитя лучше пукетик у бенной де-вушки».

Цветочница (*в полном смятении*). Может, вы за то, что я его назвала «кэптен»? Так я ж ничего плохого не думала. (Джентльмену.) Ах, сэр, не велите ему на меня заявлять за одно только слово. Вы...

Джентльмен. О чем заявлять? Я вас ни в чем не обвиняю. (*К человеку с записной книжкой.*) Право, сэр,

хоть вы и сыщик, вам вовсе незачем ограждать меня от приставаний, пока я сам не попрошу. Слепому ясно, что у девушки не было дурных намерений.

Голоса в толпе (*протестующе против полицейского произвола*). Правильно! Чего он суется? Пусть лучше занимается своим делом! Не видите, что ли? Он выслужиться захотел! Каждое слово за человеком записывает! Девушка с ним слова не сказала! А хоть бы и сказала! Хорошенькое дело, девушке уж и от дождя нельзя укрыться, чтобы ее не оскорбили. (*И т. г. и т. п.*)

Прохожие, настроенные наиболее сочувственно, отводят цветочницу обратно к колонне, где она снова усаживается, стараясь побороть волнение.

Прохожий. Никакой он не сыщик. Просто любит соваться в чужие дела. Я же вам говорю, посмотрите на его ботинки.

Человек с записной книжкой (*обернувшись к нему, сердечно*). Как поживают ваши родные в Селси?

Прохожий (*подозрительно*). А кто вам сказал, что мои родные из Селси?

Человек с записной книжкой. Неважно кто. Ведь это же так. (*К цветочнице.*) А вас как занесло так далеко на восток? Вы ведь родились в Лисонгрове.

Цветочница (*ошеломленная*). А что такого, если я уехала из Лисонгрова? Я там в конуре вонючей жила,— у свиньи хлев и то лучше,— а платила четыре шиллинга шесть пенсов в неделю. (*Заливается слезами.*) О... о... ой... ой... ой...

Человек с записной книжкой. Живите где угодно, только прекратите реветь.

Джентльмен (*девушке*). Ну полно, полно! Он не тронет тебя, ты имеешь право жить где хочешь.

Саркастический прохожий (*протискиваясь между человеком с записной книжкой и джентльменом*). Например, в собственном особняке на Парк-лейн. А знаете, я не прочь обсудить с вами жилищную проблему.

Цветочница (*пригорюнившись над корзиной, потихоньку причитает*). Я девушка честная. Да, честная.

Саркастический прохожий (*не обращая на нее внимания*). Ну, а откуда я родом, вы знаете?

Человек с записной книжкой (*не моргнув глазом*). Из Хокстона.

В толпе хихикают. Интерес к человеку с записной книжкой явно возрастает.

Саркастический прохожий (*пораженный*). Угадал, ничего не скажешь. Черт побери, да вы действительно всезнайка.

Цветочница (*все еще переживая нанесенную ей обиду*). Нет у него таких прав, чтобы лезть в чужие дела. Чего он ко мне пристал?

Прохожий (*цветочнице*). Верно! Вот ты ему и не спускай. (*К человеку с записной книжкой.*) Послушайте, а на каком таком основании вы все знаете о людях, которые с вами не желают иметь дела? Где ваше удостоверение?

Несколько человек из толпы (*обогранные ссылкой на статью закона*). Точно! Где у вас удостоверение?

Цветочница. А пусть его болтает чего вздумается! Не хоч с ним связываться.

Прохожий. А все потому, что вы нас за людей не считаете. С джентльменом вы бы себе шутки шутить не позволили.

Саркастический прохожий. Верно! Если уж взялись ворожить, так скажите нам — откуда он взялся? (*Указывает на пожилого джентльмена.*)

Человек с записной книжкой. Челтенхем, Хэрроу, Кембридж, позднее Индия.

Джентльмен. Совершенно верно.

Толпа разражается хохотом. Теперь сочувствие явно на стороне человека с записной книжкой. Раздаются восклицания: «Все насквозь знает! Так и отрезал! Слыхали, как он ему выложил что, да как, да где?» И т. д.

Джентльмен. Позвольте спросить, сэръ. Вы, наверно, из мюзик-холла? Зарабатываете этим номером на жизнь?

Человек с записной книжкой. Я уже подумывал об этом. Возможно, когда-нибудь попробую.

Дождь прекратился, и толпа понемногу начинает расходиться.

Цветочница (*недовольная переменой общего настроения не в ее пользу*). Никакой он не порядочный. Порядочный не станет обижать бедную девушку.

Дочь (*потеряв терпение, бесцеремонно проталкивается вперед*). Куда же пропал Фредди? Я схвачу воспаление легких, если еще постою на этом сквозняке.

Пожилой джентльмен, вежливо сторонясь, отступает за колонну.

Человек с записной книжкой (*поспешно делает отметку, повторив про себя*). Эрлкорт.

Дочь (*возмущенно*). Попрошу держать при себе свои дерзости.

Человек с записной книжкой. Неужели я сказал что-либо вслух? Простите, это невольно. Но матушка ваша, несомненно, из Эпсома.

Мать (*подходит к дочери и становится между ней и человеком с записной книжкой*). Подумайте, как интересно! Я действительно выросла в Толсталеди-парк, неподалеку от Эпсома.

Человек с записной книжкой (*весело смеясь*). Ха-ха-ха! Черт, ну и название. (*К дочери.*) Простите, вам, кажется, нужно такси?

Дочь. Как вы смеете обращаться ко мне!

Мать. Клара, Клара!

Дочь сердито пожимает плечами и, не удостоив ответом, с надменным видом отходит в сторону.

Мы были бы страшно признательны вам, сэр, если бы вы достали для нас такси.

Человек с записной книжкой вытаскивает свисток. Мать отходит к дочери. Человек с записной книжкой пронзительно свистит.

Саркастический прохожий. Видали? Я же говорил, что это шпик, только в штатском.

Прохожий. Нет, у него не полицейский, а спортивный.

Цветочница (*все еще негодуя*). Нет у него таких прав, чтобы забрать мой патент. Мне нужен патент, как и всякой леди.

Человек с записной книжкой. Кстати, вы заметили, что дождь уже перестал?

Прохожий. И верно. Чего же вы раньше не сказали? А то мы торчим здесь и теряем время: слушаем ваши глупости. (*Уходит по направлению к Стрэнду.*)

Саркастический прохожий. А я могу сказать, откуда вас самих принесло. Из психической лечебницы. Возвращайтесь-ка туда.

Человек с записной книжкой (*поправляя*). Психиатрической.

Саркастический прохожий (*стараясь говорить изысканно*). Весьма признателен, господин учитель. Ха-ха-ха! Всего наилучшего! (*Издевательски-почтительно приподнимает шляпу и уходит.*)

Цветочница. Людей только пугает! самого бы его пугнуть.

Мать. Дождя нет, Клара. Теперь можно добраться до автобуса. Идем. (*Подбирает юбку и торопливо уходит по направлению к Стрэнду.*)

Дочь. А как же такси...

Мать уже не слышит ее.

Ах, как мне все надоело! (*С раздраженным видом следует за матерью.*)

Вся публика постепенно разошлась. Остались только человек с записной книжкой, джентльмен и цветочница, которая сидит и, укладывая в корзину цветы, продолжает тихо жаловаться на судьбу.

Цветочница. Бедная ты девушка! И так тебе жизни нет, а тут еще каждый цепляется да надсмехается.

Джентльмен (*возвращаясь на свое прежнее место, слева от человека с записной книжкой*). Могу я узнать, как это у вас получается?

Человек с записной книжкой. Фонетика и еще раз фонетика. Наука о произношении. Моя профессия и моя страсть. Поистине счастлив тот, кому любимое занятие дает средства к жизни. Ирландца или йоркширца легко узнать по акценту. Но я могу определить место рождения человека с точностью до шести миль, а в Лондоне — до двух. Иногда даже в пределах двух улиц.

Цветочница. Стыда на вас нет, бессовестный!

Джентльмен. Неужели этим можно заработать на жизнь?

Человек с записной книжкой. Конечно, можно. И на вполне приличную жизнь. Наш век — это век выскочек. Есть люди, которые начинают в Кентиштауне, живя на восемьдесят фунтов, а кончают в особняке на Парк-лейн, имея сто тысяч годового дохода. Они

хотят отделаться от Кентиштауна, но стоит им раскрыть рот, как они выдают себя. Я же могу научить их...

Цветочница. Занимался бы лучше своим делом, чем мучить бедную девушку.

Человек с записной книжкой (*всплыв*). Женщина! Сейчас же прекрати свое мерзкое нытье или ищи себе место на другой паперти.

Цветочница (*с робким вызовом*). Я имею право тут сидеть, как и вы.

Человек с записной книжкой. Женщина, издающая такие омерзительные и убогие звуки, не имеет права сидеть где бы то ни было. Она вообще не имеет права жить. Не забывайте, что вы человеческое существо, наделенное душой и божественным даром членораздельной речи. Ваш родной язык — язык Шекспира, Мильтона и Библии. А вы тут сидите и квакаете, как простуженная лягушка.

Цветочница (*совершенно погавленная, боясь погнуть голову, искоса смотрит на него со смешанным чувством удивления и осуждения*). Ай... о... о... у... у... а!

Человек с записной книжкой (*хватаясь за карандаш*). Боже мой! Что за звуки! (*Записывает, затем, глядя в книжку, читает, точно воспроизводя сочетание звуков*.) Ай... о... о... у... у... а!

Цветочница (*довольная представлением, невольно смеется*). Ух ты!

Человек с записной книжкой. Взгляните на эту девчонку! Слышали вы, на каком жаргоне она говорит? Этот жаргон навсегда приковал ее к панели. Так вот, сэръ, дайте мне три месяца, и эта девушка сойдет у меня за герцогиню на приеме в любом посольстве. Я даже смогу устроить ее горничной или продавщицей в магазин, где надо говорить совсем уж безукоризненно. Нашим миллионерам я оказываю услуги именно этого рода, а на заработанные деньги веду научные изыскания в области фонетики и немножко занимаюсь поэзией — в духе Мильтона.

Джентльмен. Я сам изучаю индийские диалекты и...

Человек с записной книжкой (*с нетерпением*). Серьезно? А не знаете ли вы случайно полковника Пикеринга, автора «Разговорного санскрита»?

Джентльмен. Я и есть полковник Пикеринг. А кто вы?

Человек с записной книжкой. Генри Хигинс — изобретатель «Универсального алфавита Хигинса».

Пикеринг *(восторженно)*. Я же приехал из Индии, чтобы повидаться с вами!

Хигинс. А я собирался в Индию, чтобы встретиться с вами!

Пикеринг. Где вы живете?

Хигинс. Уимпол-стрит, двадцать семь «а». Жду вас у себя завтра же.

Пикеринг. Я остановился в отеле «Карлтон». Идите ко мне, мы еще успеем перекинуться словечком за ужином.

Хигинс. С восторгом!

Цветочница *(Пикерингу, когда он проходит мимо)*. Купите цветочек, добрый джентльмен, а то мне за квартиру платить нечем.

Пикеринг. К сожалению, у меня в самом деле нет мелочи. *(Уходит.)*

Хигинс *(возмущенный лживостью девушки)*. Лгунья! Вы же говорили, что можете разменять полкроны.

Цветочница *(в отчаянии вскакивая)*. Сердце у вас каменное, вот что! *(Швыряет к его ногам корзину.)* Нате, забирайте всю эту чертову корзину за шесть пенсов.

Часы на колокольне бьют половину двенадцатого.

Хигинс *(услышав в этом бое укор свыше за фарисейскую жестокость к бедной девушке)*. Глас Божий! *(Торжественно приподнимает шляпу, затем бросает в корзину пригоршню монет и уходит вслед за Пикерингом.)*

Цветочница *(вытаскивая полкроны)*. Ау... у... у... ох! *(Вытаскивает два флорина.)* У... а... а... ооу! *(Вытаскивает еще несколько монет.)* Ую... ю... ю... ай! *(Вытаскивая полсоверена.)* А... а... а... ха... ха... ха... ой!

Фредди *(выскакивая из такси)*. Наконец-то достал! Хелло! *(Цветочнице.)* Тут стояли две дамы. Не знаете, где они?

Цветочница. А как дождь кончился, так они к автобусу и потопали.

Фредди. Безобразие! А что я буду делать с такси?

Цветочница *(величественно)*. Не беспокойтесь, молодой человек. На вашей такси поеду домой я.

Проплывает мимо Фредди к машине. Ш о ф е р при виде ее поспешно захлопывает дверцу. Понимая его сомнения, она гордо показывает ему пригоршню монет.

Видал, Чарли? Восемь пенсов для нас — кха, тьфу!

Шофер ухмыляется и открывает ей дверцу.

Энджел-корт, Друри-лейн, за керосиновой лавкой. И жми на всю железку!

С шумом захлопывает дверцу. Такси трогается.

Фредди. Вот это номер!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Одиннадцать утра. Кабинет Хигинса на Уимпол-стрит. Это комната в первом этаже, окнами на улицу, первоначально предназначавшаяся под гостиную. Посередине задней стены — двустворчатая дверь: входя через нее, видишь справа у стены два высоких картотечных шкафа, стоящих под прямым углом друг к другу. Там же письменный стол, где громоздятся фонограф, ларингоскоп, батарея тонких органных труб с воздуходувными мехами, ряд газовых горелок под ламповыми стеклами, подсоединенных резиновым шлангом к газовому рожку на стене, несколько разного размера камертонов, муляж человеческой головы в натуральную величину, показывающий голосовые органы в разрезе, и коробка с запасными восковыми валиками для фонографа. По ту же сторону — камин; возле него, ближе к двери, — удобное кожаное кресло и ящик для угля. На каминной доске — часы. Между письменным столом и камином — журнальный столик. По левую руку от двери — шкафчик с неглубокими ящиками; на нем телефон и телефонная книга. Почти вся остающаяся часть левого угла занята концертным роялем, расположенным хвостом к двери; перед роялем не табурет, как обычно, а скамейка во всю длину клавиатуры. На рояле ваза с фруктами и сладостями, преимущественно шоколадными конфетами.

Середина кабинета пуста. Кроме кресла, скамейки и двух стульев у письменного стола, в комнате есть лишь еще один стул, не имеющий определенного назначения. Сейчас он придвинут к камину. На стенах гравюры, в основном Пиранези*, и портреты меццо-тинто*. Картин нет. П и к е р и н г, сидя у стола, раскладывает по местам камертон и карточки, которыми только что пользовался. Х и г и н с, стоя рядом, у картотеки, водворяет обратно выдвинутые ящики. Сейчас, при дневном свете, видно, что это крепкий, жизнерадостный, отменного здоровья мужчина лет сорока, в костюме, свидетельствующем о принадлежности к определенной профессии, — черный сюртук, крахмальный воротничок, черный шелковый галстук. Он один из тех энергичных людей науки, которые глубоко, даже страстно интересуются всем, что может служить предметом научного исследования, и в то же время равнодушны к себе и ближним, а заодно и к их чувствам. Несмотря на возраст и внушительную комплекцию, он, в сущности, очень похож на непоседу ребенка, который шумно и бурно реагирует на все, что привлекает его внимание, и за которым нужно внимательно присматривать, чтобы он не натворил беды. По-детски неустойчиво и его поведе-

ние: добродушная ворчливость в минуты хорошего настроения мгновенно сменяется у него яростными вспышками, как только ему что-нибудь не по нраву; но он так непосредствен и бесхитроуствен, что симпатичен даже тогда, когда заведомо не прав.

Хиггинс (*задвигая последний ящик*). Ну вот, как будто и все.

Пикеринг. *Поистине потрясающе*. Но знаете, я не воспринял даже половины.

Хиггинс. Хотите снова прослушать на выбор?

Пикеринг (*встает, подходит к камину и становится спиной к огню*). Нет, спасибо, больше не могу. На сегодня хватит.

Хиггинс (*идет за ним и становится рядом, с левой стороны*). Устали слушать звуки?

Пикеринг. Да. Ужасное напряжение. А я-то гордился, что могу отчетливо произнести двадцать четыре гласных. Но ваши сто тридцать сразили меня. В большинстве случаев я даже не могу уловить разницу между ними.

Хиггинс (*посмеиваясь, отходит к роялю и берется за конфеты*). Вопрос привычки. Вначале вы не улавливаете разницы; но вслушайтесь хорошенько и вскоре убедитесь, что они отличаются друг от друга, как «А» от «Б».

В комнату заглядывает миссис Пирс, экономка Хиггинса.

В чем дело, миссис Пирс?

Миссис Пирс (*колеблясь, она явно растеряна*). Какая-то юная особа желает вас видеть, сэр.

Хиггинс. Юная особа? А что ей угодно?

Миссис Пирс. Видите ли, сэр, она утверждает, что вы очень обрадуетесь, когда узнаете, зачем она пришла. Совсем простая девушка, сэр. Из самых простых. Я бы сразу выпроводила ее, но подумала, может быть, она вам нужна, чтобы наговаривать в ваши машины. Не знаю, правильно ли я поступила, но к вам иногда приходят такие странные люди... Надеюсь, вы меня извините, сэр...

Хиггинс. Ничего, ничего, миссис Пирс. А у нее забавное произношение?

Миссис Пирс. Кошмарное, сэр, просто кошмарное. Не понимаю, как вы можете интересоваться такими вещами.

Хиггинс (*Пикерингу*). Давайте послушаем. Тащите ее сюда, миссис Пирс. (*Бросается к письменному столу и достает новый валик для фонографа.*)

Миссис Пирс (*подчиняясь не без внутренней борьбы*). Слушаю, сэ. Как вам угодно. (*Уходит.*)

Хиггинс. Какая удача! Я покажу вам, как делаю запись. Заставим ее говорить — я запишу ее сначала по системе Белла, а затем латинским алфавитом. Потом запишем ее на фонограф, и вы сможете прослушивать запись сколько захотите, сравнивая звук с транскрипцией.

Миссис Пирс (*возвращаясь*). Вот эта юная особа, сэ.

Входит ц вет оч ни ца. Она в полном параде. На голове у нее шляпа с тремя страусовыми перьями: оранжевого, небесно-голубого и красного цвета. Ее передник почти чист, и грубошерстное пальто подверглось воздействию щетки. Пафос этой жалкой фигурки, с ее наивным тщеславием и видом важной дамы, трогает Пикеринга, который и так уже выпрямился в кресле при появлении миссис Пирс. Что касается Хиггинса, то ему безразлично, с мужчиной или женщиной он имеет дело; разница заключается лишь в том, что в тех случаях, когда он не воздевает руки к небу в отчаянии от тупости какого-нибудь небесного создания или же не помыкает им, он заискивает перед женщиной, как ребенок перед своей нянькой, когда ему хочется выпросить у нее что-нибудь.

Хиггинс (*сразу узнав цветочницу и не скрывая своего разочарования, которое у него, как у ребенка, превращается в смертельную обиду*). Это же та девчонка, которую я записал вчера вечером. Она нам не нужна. У меня достаточно записей с лисонгровским жаргоном. Нет смысла тратить на нее еще один валик. (*Цветочнице.*) Уходите, вы нам не нужны.

Цветочница. А вы не задирайте нос раньше времени! Вы еще не знаете, зачем я пришла. (*К миссис Пирс, которая остановилась в дверях, ожидая дальнейших приказаний.*) Вы сказали ему, что я приехала на такси?

Миссис Пирс. Какие глупости, моя милая! Неужели вы думаете, что такому джентльмену, как мистер Хиггинс, не все равно, на чем вы приехали?

Цветочница. Ого, какие мы гордые! А ведь он не брезговает давать уроки; я сама слышала, как он говорил. Ну так вот! Я сюда не кланяться пришла. Если мои денежки вам не по вкусу, я пойду к другому.

Хиггинс. При чем здесь ваши деньги?

Цветочница. Как при чем? При том, что я пришла брать уроки. Теперь расчухали? И платить за них собираюсь, не сумлевайтесь!

Хиггинс (*ошеломлен*). Ну, знаете! (*С трудом переводя дыхание*.) И чего же вы ожидаете от меня?

Цветочница. А были бы вы джентльменом, так для начала предложили бы мне сесть. Я ведь уже сказала, что дам вам заработать.

Хиггинс. Пикеринг, как мы поступим с этим пугалом? Предложим ей сесть или вышвырнем ее за окно?

Цветочница (*в ужасе отступает за рояль, готовая отчаянно защищаться*). А-а-оо-уу. (*Оскорбленная в своих лучших чувствах, хнычет*.) Что вы обзываете меня пугалом? Я же сказала, что буду платить, как всякая другая леди.

Мужчины, остолбенев, растерянно смотрят на нее.

Пикеринг (*мягко*). Чего вы хотите, дитя мое?

Цветочница. Я хочу быть продавщицей в цветочном магазине, а не торговать фиалками на углу Тотенхэм Корт-роуд. А меня туда не возьмут, если я не буду выражаться по-образованному. А он сказал, что берется научить меня. Я не прошу никаких одолжений, понятно? Я могу заплатить, а он меня обзывает, словно я дрянь последняя.

Миссис Пирс. Как можно быть такой глупой, невежественной девушкой? Неужели вы думаете, что вы в состоянии брать уроки у мистера Хиггинса?

Цветочница. А почему бы нет? Я не хуже вас знаю, почему стоят уроки, и согласна платить.

Хиггинс. Сколько?

Цветочница (*приближаясь к нему, торжествующе*). Наконец-то заговорил по-людски. Я ведь знала: стоит вам увидеть, что можно вернуть хоть часть того, что вы швырнули мне вчера вечером, вы сразу станете поговорчивее. (*Доверительно*.) Малость подзаложили за галстук, а?

Хиггинс (*повелительно*). Сядьте!

Цветочница. Только выкиньте из головы, что мне из милости...

Хиггинс (*громовым голосом*). Кому я сказал? Сядьте!

Миссис Пирс (*строго*). Садитесь, моя милая. Давайте, что вам велят.

Придвигает свободный стул к камину между Хиггинсом и Пикерингом и становится за ним, ожидая, пока девушка сядет.

Цветочница. А... аааоооу... у. (*Стоит ошеломленная, но с вызывающим видом.*)

Пикеринг (*с изысканной вежливостью*). Не присядете ли?

Цветочница (*неуверенно*). Что ж, это можно. (*Садится.*)

Пикеринг возвращается к камину.

Хигинс. Как вас зовут?

Цветочница. Элиза Дулитл.

Хигинс (*торжественно декламирует*).

Элиза, Элизабет, Бетси и Бесс

Удрали за птичьими гнездами в лес.

Пикеринг. В гнезде там четыре яйца отыскали.

Хигинс. Оставили три, а по штучке забрали.

Оба заливаются хохотом, довольные своим остроумием.

Элиза. Хватит дурить-то!

Миссис Пирс. Так, милая, с джентльменами говорить не полагается.

Элиза. А чего он со мной не по-людски разговаривает?

Хигинс. Вернемся к делу. Сколько же вы намерены платить за уроки?

Элиза. Да уж не знаю, сколько положено. Моя подружка берет уроки французского языка по восемнадцать пенсов за час. Так то у настоящего француза. А у вас ведь не хватит нахальства брать с меня за мой родной язык столько же. Вот я и не дам больше шиллинга. Хотите — берите, не хотите — как хотите.

Хигинс (*расхаживает по комнате и, засунув руки в карманы, позванивает ключами и мелочью*). Знаете, Пикеринг, если рассматривать шиллинг не просто как шиллинг, а как некий процент с ее заработка, то он для нее то же, что шестьдесят — семьдесят фунтов для какого-нибудь миллионера.

Пикеринг. То есть как?

Хигинс. А вот так — посчитайте сами. Миллионер имеет примерно сто пятьдесят фунтов в день. Она зарабатывает примерно полкроны.

Элиза (*заносчиво*). Кто это вам сказал, что я зарабатываю только...

Хиггинс *(продолжая)*. Она предлагает мне за уроки две пятых своего дневного дохода. Две пятых дневного дохода миллионера составили бы примерно шестьдесят фунтов. Недурно! Нет, черт побери, колоссально! Это, пожалуй, самый высокий гонорар в моей жизни.

Элиза *(вскочив в ужасе)*. Шестьдесят фунтов! Что вы такое горóдите! Я и не думала предлагать вам шестьдесят фунтов. Откуда мне их взять...

Хиггинс. Придержите язык!

Элиза *(плача)*. Нету у меня столько...

Миссис Пирс. Не плачьте, глупенькая. Сядьте. Никто не возьмет ваших денег.

Хиггинс. Зато кто-то возьмет метлу и всыпет вам как следует, если не перестанете реветь. Сядьте.

Элиза *(нехотя повинуется)*. О-о-о... аау. Полегче — вы мне пока что не отец!

Хиггинс. Если уж я возьмусь вас учить, то буду пострашнее двух отцов. Нате. *(Протягивает ей свой шелковый носовой платок.)*

Элиза. Это еще для чего?

Хиггинс. Чтобы вытирать глаза. Вытирать нос, вытирать все, что окажется мокрым; и запомните: вот это — платок, а это — рукав. Не пугайте их, если хотите стать леди и поступить в цветочный магазин.

Окончательно сбита с толку, Элиза беспомощно смотрит на него.

Миссис Пирс. Бесплезно с ней говорить, мистер Хиггинс: она же вас не понимает. Кроме того, вы не правы, она рукавом не утирается. *(Берет у нее носовой платок.)*

Элиза *(вырывая платок)*. Еще чего! Отдавайте платок! Он не вам его дал, а мне.

Пикеринг *(смеясь)*. Верно. Боюсь, миссис Пирс, что платок теперь придется рассматривать как ее собственность.

Миссис Пирс *(подчиняясь силе обстоятельств)*. Так вам и надо, мистер Хиггинс.

Пикеринг. Послушайте, Хиггинс! Мне пришла в голову интересная мысль. Помните, вы похвастались, что сумели бы выдать ее за герцогиню на приеме в посольстве? Если вам это удастся, я признаю, что вы лучший педагог в мире. Держу пари на все издержки по эксперименту, что вам это не удастся. Я даже согласен платить за ее уроки.

Элиза. Вот это добряк! Спасибо, кэптен.

Хигинс (*соблазненный предложением, смотрит на Элизу*). Чертовски соблазнительно! Она так неподражаемо вульгарна, так невероятно грязна.

Элиза (*с возмущением*). Оау-ооооо! И совсем я не грязная. Я мыла и лицо и руки, а потом уж пошла к вам. Вот!

Пикеринг. Вы, безусловно, не вскружите ей голову комплиментами, Хигинс.

Миссис Пирс (*с беспокойством*). Не скажите, сэр. Есть много способов вскружить голову девушке, и нет человека, который бы умел это делать лучше, чем мистер Хигинс, пусть даже не всегда умышленно. Надеюсь, сэр, вы не толкнете его на безрассудные поступки.

Хигинс (*зажигаясь идеей Пикеринга*). Что такое жизнь, как не ряд безрассудных поступков? Вот повод для них найти труднее. Никогда не упускай случая: он подворачивается не каждый день. Согласен! Я сделаю герцогиню из этой чумички, из этого грязного, вонючего окурка!

Элиза (*энергично протестуя против такой оценки ее особы*). Ооооааау!

Хигинс (*с увлечением*). Через полгода, да нет, через три месяца, если у нее хороший слух и гибкий язык — я свезу ее куда угодно и выдам за кого угодно. Начнем сегодня же! Сейчас! Сию минуту! Миссис Пирс, возьмите ее и отмойте хорошенько! Не поможет мыло, трите наждаком! Плиты вы уже затопили?

Миссис Пирс (*протестуя*). Да, но...

Хигинс (*неустово*). Сорвите с нее все эти тряпки и немедленно сожгите. Позвоните к Уайтли или в любой магазин и велите прислать все новое! А пока не привезут — заверните ее в газету.

Элиза. Вы не джентльмен, никакой вы не джентльмен, если говорите такие вещи. Я честная девушка, да, честная. Знаю я таких, как вы! Видала!

Хигинс. Вот что, милая, хватит с меня вашей лисонгровской добродетели. Вы должны теперь учиться вести себя как герцогиня. Уведите ее, миссис Пирс. Если она не будет слушаться, вздуйте ее!

Элиза (*вскакивает и бросается к Пикерингу, ища защиты*). Нет! Я позову полицию, вот увидите, позову!

Миссис Пирс. Но у меня нет для нее места.

Хигинс. Суньте ее в мусорное ведро!

Элиза. Ааоооооу!

Пикеринг. Ну-ну, Хигинс! Будьте же благоразумны!

Миссис Пирс (*решительно*). Вы должны быть благоразумны, мистер Хигинс, право, должны. Нельзя так третировать людей.

Хигинс, получив нагоняй, стихает. Ураган переходит в ласкающий ветерок изумления.

Хигинс (*с профессиональной изысканностью модуляций*). Я третирую людей! Дорогая моя миссис Пирс, дорогой мой Пикеринг, я не имел ни малейшего намерения третировать кого бы то ни было. Наоборот! Я считаю, что все мы должны как можно лучше отнестись к этой бедной девушке. Мы должны подготовить ее к новому образу жизни и помочь ей освоиться с ним. Если я недостаточно вразумительно высказывался, то делал это лишь из боязни ранить ее или ваши чувства.

Элиза, успокоившись, пробирается на свое прежнее место.

Миссис Пирс (*Пикерингу*). Нет, вы слышали что-нибудь подобное, сэръ?

Пикеринг (*смеясь от души*). Никогда, миссис Пирс, никогда.

Хигинс (*терпеливо*). А в чем, собственно, дело?

Миссис Пирс. А дело в том, что нельзя же вот так просто подобрать девушку, как подбирают камешек на пляже.

Хигинс. А почему бы нет?

Миссис Пирс. Как почему? Да ведь вы ничего о ней не знаете. Кто ее родители? К тому же она может быть замужем.

Элиза. Черта с два!

Хигинс. Вот именно. Как совершенно справедливо выразилась девушка — черта с два! Какой там замужем! Разве вы не знаете, что женщина ее происхождения, пробыв год замужем, выглядит как пятидесятилетняя поденщица.

Элиза. Да кто на мне женится!

Хигинс (*внезапно переходя на самые волнующие, низкие ноты своего голоса и к самым убедительным приемам своего красноречия*). Клянусь вам, Элиза, еще прежде чем я успею обучить вас, улицы у вашего дома

будут усеяны трупами мужчин, застрелившихся от безумной любви к вам.

Миссис Пирс. Хватит, сэра. Вам не следует так разговаривать с ней.

Элиза (*решительно встает и выпрямляется*). Я ухожу. У него у самого не все дома! Ясно! Не нужно мне тронутых учителей!

Хиггинс (*оскорбленный до глубины души тем, что она осталась глуха к его красноречию*). Ах вот как! Я сумасшедший, не так ли? Прекрасно. Миссис Пирс, не заказывайте ей новые платья. Вышвырните ее.

Элиза (*хнычет*). Легче, легче... Нет у вас таких прав, чтобы меня трогать.

Миссис Пирс. Видите, к чему приводит дерзость. (*Указывая на дверь*.) Сюда, пожалуйста.

Элиза (*чуть не плача*). Я и не просила платьев. Я бы все равно их не надела. (*Бросает платок Хиггинса*.) Я сама могу себе платья купить.

Хиггинс (*ловко подхватывает платок и загораживает ей дорогу*). Вы дрянная, неблагодарная девчонка. Вот как вы мне платите за то, что я хотел вытащить вас из грязи, красиво одеть и сделать настоящей леди.

Миссис Пирс. Довольно, мистер Хиггинс! Я этого не допущу. Дурно поступаете вы, а не она. Возвращайтесь домой к родителям, дитя мое, и скажите им, чтобы они лучше смотрели за вами.

Элиза. Нет у меня никаких родителей. Они сказали, что я уже взрослая, сама могу прокормиться, и выгнали меня.

Миссис Пирс. А где ваша мать?

Элиза. Нет у меня матери. А выгнала меня моя мачеха... шестая. Ну и наплевать — я и без них обхожусь. Но вы не думайте, я девушка честная.

Хиггинс. Вот и прекрасно! К чему тогда весь шум? «Нет у нее никаких родителей». Девушка никому не принадлежит и никому не нужна, кроме меня. (*Подходит к миссис Пирс и вкрадчиво убеждает*.) Вы же можете удочерить ее, миссис Пирс. Иметь дочку — такая радость. А теперь довольно болтовни. Тащите ее вниз и...

Миссис Пирс. Но что станет с ней? Собираетесь ли вы платить ей? Опомнитесь же, сэра.

Хиггинс (*нетерпеливо*). Да платите вы ей сколько положено; можете занести это в графу хозяйственных расходов. А зачем, черт побери, ей деньги? У нее будет вдоволь еды и платьев. А если дать ей денег, она запьет.

Элиза (*набрасывается на него*). Совести у вас нет! Все вы врете! В жизни никто не видел, чтобы я хоть каплю спиртного в рот взяла. (*Возвращается к своему стулу и с вызывающим видом садится*).

Пикеринг (*с добродушным упреком*). А вам не приходит в голову, Хигинс, что у девушки могут быть какие-то чувства?

Хигинс (*критически осматривая ее*). Нет, вряд ли. Во всяком случае, не такие, которые следовало бы принимать во внимание. (*Весело*.) Есть у вас какие-нибудь чувства, Элиза, а?

Элиза. У меня чувства такие, как у всех людей.

Хигинс (*задумчиво*). Понимаете вы, Пикеринг, в чем трудность?

Пикеринг. Что? Какая трудность?

Хигинс. Исправить произношение легко. Научить грамотно говорить — куда труднее.

Элиза. Не желаю я грамотно говорить. Я хочу говорить как леди.

Миссис Пирс. Мистер Хигинс, прошу вас, не уклоняйтесь в сторону. Я должна знать, на каких условиях остается здесь девушка. Собираетесь вы платить ей жалованье? Что станет с ней, когда вы кончите ее учить? Надо же хоть немного смотреть вперед, сэр.

Хигинс (*нетерпеливо*). А что станет с ней, если я оставлю ее в канаве? Ответьте-ка мне на этот вопрос, миссис Пирс.

Миссис Пирс. Это дело ее, а не ваше, мистер Хигинс.

Хигинс. В таком случае, когда я закончу обучение, мы сможем выбросить ее обратно в канаву, и это снова станет ее делом, так что все в порядке.

Элиза. Сердца у вас нет; на всех вам наплевать, кроме себя. (*Встает и решительно объявляет*.) Хватит с меня, я ухожу. (*Направляется к двери*.) Постыдились бы вы, да, постыдились.

Хигинс (*берет конфету из вазы на рояле, глаза его лукаво блестят*). Возьмите шоколадку, Элиза.

Элиза (*колеблется, поддаваясь соблазну*). Почему я знаю, что там внутри? Такие вот, как вы, отравили не одну порядочную девушку. Я знаю, слышала.

Хигинс вынимает перочинный нож, разрезает конфету, кладет половину в рот и, смакуя ее, протягивает вторую половинку девушке.

Хиггинс. Вот, смотрите, в залог доверия, одну половину вам, другую — мне.

Элиза хочет что-то возразить, Хиггинс всовывает ей в рот конфету.

Вы будете получать шоколад коробками, бочками, каждый день. Вы только им и будете питаться. Ну как?

Элиза (*наконец проглатывает конфету, чуть не подавившись ею*). Сдалась мне ваша конфета! Я бы и не стала ее есть, только я слишком хорошо воспитана, чтобы плюваться.

Хиггинс. Послушайте, Элиза, вы, кажется, приехали в такси?

Элиза. Ну, а если приехала? Я что, не имею права на такси ездить, как все?

Хиггинс. Имеете, имеете, Элиза. Теперь вы будете ездить в такси сколько захотите. Можете хоть каждый день кататься по всему городу и вдоль, и поперек, и вокруг. Подумайте об этом, Элиза.

Миссис Пирс. Мистер Хиггинс, вы искушаете девушку. Это нехорошо. Ей надо думать о будущем.

Хиггинс. В ее возрасте! Вздор! О будущем она успеет подумать тогда, когда впереди уже не будет будущего. Нет, Элиза, берите пример с этой леди: думайте о чужом будущем, но никогда не размышляйте о своем собственном. Думайте лучше о шоколаде и такси, о золоте и бриллиантах.

Элиза. Не хочу я вашего золота и бриллиантов. Я порядочная девушка, вот! (*Снова садится, пытается принять позу, исполненную достоинства.*)

Хиггинс. Вы и останетесь порядочной девушкой — об этом позаботится миссис Пирс. А замуж вы выйдете за гвардейского офицера с пышными усами. Он окажется сыном маркиза, и отец сначала лишит его наследства за то, что он женится на вас, а потом, тронутый вашей красотой и добродетелью, смягчится и...

Пикеринг. Простите, Хиггинс, но я обязан вмешаться. Миссис Пирс безусловно права. Раз девушка намерена довериться вам на полгода, то есть на время вашего опыта, она должна ясно понимать, что делает.

Хиггинс. Невозможно! Она решительно не способна понимать что бы то ни было. Да и вообще, кто из нас понимает, что делает? Мы бы никогда ничего не сделали, если бы понимали, что делаем.

Пикеринг. Очень остроумно, Хигинс, но маловразумительно. (Элизе.) Мисс Дулитл...

Элиза (ошеломленная). А... у... у... о!..

Хигинс. Ну вот! Это все, что можно выжать из Элизы. А... у... у... о! Объяснять ей что-либо — бесполезно. Вы должны понимать это, как человек военный. Ей надо приказывать — вот и все, что требуется. Элиза, вы будете жить здесь полгода и учиться красиво говорить, как леди из цветочного магазина. Если вы будете слушаться и делать то, что вам скажут, вы будете спать в хорошей спальне, есть вволю, покупать конфеты и разъезжать в такси. Если вы будете непослушной и ленивой, вы будете спать в чулане с черными тараканами, и миссис Пирс будет колотить вас метлой. Через полгода вы наденете роскошное платье и в карете поедете в Букингемский дворец. Если король увидит, что вы не настоящая леди, он прикажет полицейским засадить вас в Тауэр, где вам отрубят голову в назидание другим дерзким цветочницам. Если же никто ничего не узнает, вы получите в подарок семь шиллингов шесть пенсов, поступите продавщицей в цветочный магазин и начнете новую жизнь. Если вы откажетесь от моего предложения, значит вы самая неблагодарная и злая девчонка на свете, и ангелы будут плакать, глядя на вас. (Пикерингу.) Надеюсь, теперь вы удовлетворены, Пикеринг? (Миссис Пирс.) Я полагаю, что объяснил все предельно ясно и просто. Не так ли, миссис Пирс?

Миссис Пирс (терпеливо). Позвольте мне лучше, сэръ, поговорить с девушкой с глазу на глаз. Не знаю, смогу ли я взять на себя заботу о ней и вообще соглашусь ли я на эту затею. Конечно, я уверена, что вы не желаете ей зла, но уж если вы заинтересуетесь производением человека, так забываете обо всем на свете. Пойдемте со мной, Элиза.

Хигинс. Отлично, миссис Пирс, благодарю вас. Тащите ее в ванну.

Элиза (неохотно вставая, погрозительно). Невежа вы, вот кто. Не понравится мне здесь, так я и не останусь, а уж бить себя метлой никому не дам. Не просилась я в ваш Букнемский дворец. А с полицией никогда делов не имела, никогда. Я девушка порядочная...

Миссис Пирс. Нельзя возражать старшим, моя милая. Вы не поняли этого джентльмена. Пойдемте, пойдемте. (Ведет Элизу и распахивает перед ней дверь.)

Элиза (*на пороге*). А чего там, я правду сказала. И не стану я соваться ни к какому королю, пусть мне хоть голову отрубят. Знала бы я, что здесь получится, ни за какие коврижки не пришла бы. Я всегда была девушка честная, к нему я не лезла, ничего я ему не должна, наплевать мне, не позволю над собой измываться, и какие у всех людей чувства, такие и у меня...

Миссис Пирс закрывает дверь, и причитаний Элизы больше не слышно. Пикеринг отходит от камина и, усевшись верхом на стул, кладет локти на спинку.

Пикеринг. Простите за откровенный вопрос, Хигинс. Порядочный ли вы человек в отношениях с женщинами?

Хигинс (*уныло*). А вы встречали мужчин, которые были бы порядочны в отношениях с женщинами?

Пикеринг. Да, довольно часто.

Хигинс (*опершись ладонями на крышку рояля, подпрыгивает, с шумом усаживается и авторитетно объясняет*). Ну, а я не встречал! Стоит только женщине сблизиться со мной, как она становится ревнивой, требовательной, подозрительной и чертовски надоедливой. Стоит только мне сблизиться с женщиной, как я превращаюсь в тирана и эгоиста. Женщины все ставят с ног на голову. Впустите только женщину в свою жизнь, и вы обязательно увидите, что ей всегда нужно одно, а вам — совершенно другое.

Пикеринг. Что же, например?

Хигинс (*в нетерпении прыгивает с рояля*). А черт его знает! Вероятно, женщина хочет жить своей жизнью, а мужчина своей, причем каждый старается свести другого с правильного пути. Один хочет ехать на юг, другой — на север, в результате оба вынуждены отправиться на восток, хотя оба не выносят восточного ветра. (*Садится на скамейку у рояля.*) Вот почему я старый убежденный холостяк и, по-видимому, таковым и останусь.

Пикеринг (*встает и, подойдя к нему, говорит серьезно*). Бросьте, Хигинс! Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Приняв участие в этой затее, я беру на себя ответственность за судьбу девушки. Надеюсь, вы не попытаетесь злоупотребить ее положением? Ясно?

Хигинс. Что? Ах вот вы о чем! Дело свято — можете быть спокойны. (*Встает и объясняет.*) Поймите, она ведь будет моей ученицей, а научить чему-нибудь можно

лишь при условии, что личность ученика — священна. Я научил десятки американских миллионерш правильно говорить по-английски, а это самые красивые женщины в мире. Я человек закаленный. На уроке женщина для меня все равно что полено, и сам я не мужчина, а полено. Видите ли...

Миссис Пирс приоткрывает дверь. В руках у нее шляпа Элизы. Пикеринг усаживается в кресло перед камином.

(Живо.) Ну что, миссис Пирс? Все в порядке?

Миссис Пирс (в дверях). Если разрешите, мистер Хигинс, я хотела бы сказать вам несколько слов.

Хигинс. Разумеется, миссис Пирс. Входите.

Она входит в комнату.

Не сжигайте это (он берет у нее шляпу), я хочу сохранить ее как антикварную редкость.

Миссис Пирс. Только, пожалуйста, поосторожнее, сэр. Мне пришлось дать девушке слово, что я не сожгу эту шляпу, но немножко прокалить ее в печке отнюдь не мешает.

Хигинс (поспешно кладет шляпу на рояль). Спасибо за предупреждение! Так что же вы хотите мне сказать?

Пикеринг. Я не помешаю?

Миссис Пирс. Нисколько, сэр. Мистер Хигинс, очень прошу вас тщательно выбирать выражения в присутствии этой девушки.

Хигинс (строго). Разумеется. Я всегда чрезвычайно тщательно выбираю выражения. Почему вас это беспокоит?

Миссис Пирс (невозмутимо). Нет, сэр, вы вовсе не выбираете выражения, особенно если что-нибудь ищете или теряете терпение. Для меня это не имеет значения: я привыкла. Но, право, вам не следует ругаться при девушке.

Хигинс (возмущенно). Я — ругаюсь! (С пафосом.) Я никогда не ругаюсь. Терпеть не могу сквернословия. Какого черта вы имеете в виду?

Миссис Пирс (бесстрастно). Как раз это я и имею в виду, сэр. Вы злоупотребляете бранными словами. С проклятиями я готова примириться: «к черту», «на черта», «какого черта», «какому черту» — это еще куда ни шло...

Хиггинс. Миссис Пирс! Что за выражения я слышу от вас! Ну, знаете!

Миссис Пирс (*твердо*). ...но есть одно слово, которое я самым настоятельным образом прошу не употреблять. Девушка только что сама произнесла это слово, стукнувшись о дверь. Кстати, оно начинается на ту же букву. Девушке простительно, сэр, она с детства ничего другого не слышала. Но она не должна слышать этого слова от вас.

Хиггинс (*нагменно*). Не припоминаю, чтобы я когда-нибудь произносил это слово, миссис Пирс.

Миссис Пирс пристально смотрит на него. Он вынужден добавить с мнимым беспристрастием судьи.

Разве в редкие минуты крайнего и справедливого возмущения.

Миссис Пирс. Еще сегодня утром, сэр, вы упомянули этим словом свои ботинки, масло и хлеб.

Хиггинс. Вот как! Но это же просто метафора, вполне естественная в устах поэта.

Миссис Пирс. Как бы это ни называлось, сэр, прошу вас не повторять этого слова при девушке.

Хиггинс. Ну ладно, ладно, не буду. Это все?

Миссис Пирс. Нет, сэр. Присутствие девушки обязывает нас быть особенно аккуратными и опрятными.

Хиггинс. Несомненно. Вы совершенно правы. Это очень важно.

Миссис Пирс. Ее нужно отучить от неряшливости в одежде и нельзя позволять ей разбрасывать повсюду свои вещи.

Хиггинс (*подходя к ней, торжественно*). Золотые слова! Я как раз хотел обратить на это ваше внимание. (*Отходит к Пикерингу, который наслаждается этим разговором.*) Именно такие мелочи, Пикеринг, имеют огромное значение. Береги пенсы, а фунты сами себя сберегут — эту пословицу можно в равной мере отнести и к нашим личным привычкам и к деньгам. (*Теперь Хиггинс бросил якорь на коврике у камина с видом человека, занявшего неприступную позицию.*)

Миссис Пирс. Да, сэр. В таком случае я попрошу вас не выходить к завтраку в халате или, по крайней мере, возможно реже пользоваться им вместо салфетки. А если вы еще будете так любезны и перестанете есть все

с одной тарелки и запомните, что не следует ставить кастрюльку с овсянкой прямо на чистую скатерть, то у девушки перед глазами всегда будет полезный пример. Ведь на прошлой неделе вы чуть не подавились рыбьей костью, которая ни с того ни с сего очутилась в вашем варенье.

Хиггинс (*снявшись с якоря, снова берет курс к роялю*). Допускаю, что такое может произойти со мной — по рассеянности. Во всяком случае, не часто. (*Разозлившись.*) Кстати, от моего халата чертовски разит бензином.

Миссис Пирс. Верно, мистер Хиггинс. Но если вы будете вытирать руки...

Хиггинс (*вопит*). Ну хорошо, хорошо, хорошо! Отныне я буду вытирать их о свои волосы.

Миссис Пирс. Надеюсь, вы не обиделись на меня, мистер Хиггинс?

Хиггинс (*смутясь при мысли, что его могли запозорить в столь недобрых чувствах*). Что вы, что вы, миссис Пирс! Вы совершенно правы. Я буду крайне осмотрителен при девушке. Теперь все?

Миссис Пирс. Нет, сэр. Не разрешите ли мне дать ей пока один из японских халатов, которые вы привезли из-за границы? Я просто не решаюсь снова надеть на нее старое платье.

Хиггинс. Разумеется, разрешаю. Берите все, что хотите. А теперь, наконец, все?

Миссис Пирс. Теперь все. Благодарю вас, сэр. (*Уходит.*)

Хиггинс. Знаете, Пикеринг, у этой женщины совершенно превратное представление обо мне. Я человек скромный и застенчивый. Мне до сих пор кажется, что я не такой взрослый и внушительный, как другие. И тем не менее она глубоко убеждена, что я деспот, домашний тиран и сумасброд. Почему — не понимаю.

Миссис Пирс возвращается.

Миссис Пирс. Ну вот, сэр, неприятности уже начинаются. Пришел мусорщик Элфрид Дулита и хочет вас видеть. Он говорит, что здесь его дочь.

Пикеринг (*встает*). Ого! Ну и ну! (*Отступает к камину.*)

Хиггинс (*быстро*). Впустите-ка этого прохвоста.

Миссис Пирс. Слушаю, сэр. (*Уходит.*)

Пикеринг. А может быть, он вовсе не прохвост, Хигинс?

Хигинс. Вздор! Конечно прохвост!

Пикеринг. Прохвост он или нет, но, боюсь, у вас будут неприятности.

Хигинс (*самоуверенно*). Не думаю. А если уж будут, то скорее у него, чем у меня. И уж, конечно, мы услышим что-нибудь интересное.

Пикеринг. Насчет девушки?

Хигинс. Нет, я имею в виду его речь.

Пикеринг. О!

Миссис Пирс (*в дверях*). Дулитл, сэр. (*Впускает Дулитла и уходит.*)

Элфрид Дулитл — пожилой, но еще крепкий мусорщик в рабочей одежде и в шляпе, поля которой закрывают шею и плечи. У него энергичные, довольно интересные черты лица: он производит впечатление человека, которому одинаково чужды страх и совесть. У него на редкость выразительный голос — результат привычки давать волю своим чувствам. В данный момент весь его вид говорит об оскорбленном достоинстве и решимости.

Дулитл (*останавливается в дверях, стараясь понять, к кому из двоих он должен обратиться*). Профессор Хигинс?

Хигинс. Да. Доброе утро. Садитесь.

Дулитл. Доброе утро, хозяин. (*Опускается на стул с важностью сановной особы.*) Я пришел по очень важному делу, хозяин.

Хигинс (*Пикерингу*). Вырос в Хоунслоу, мать, вероятней всего, из Уэльса. (*Дулитлу, который смотрит на него разинув рот.*) Что вам нужно, Дулитл?

Дулитл (*угрожающе*). Мне нужна моя дочь, вот что мне нужно. Понятно?

Хигинс. Вполне. Вы ведь ее отец, верно? Кому же она еще нужна, кроме вас? Я рад, что в вас еще жива искра отцовского чувства. Ваша дочь здесь, наверху. Забирайте ее немедленно.

Дулитл (*встает, страшно обескураженный*). Чего?

Хигинс. Забирайте свою дочь! Неужели вы думали, что я буду нянчиться с нею вместо вас?

Дулитл (*протестуя*). Ну-ну, погодите же, хозяин, да разве так можно? Разве так поступают с человеком? Девчонка — моя, вы ее забрали себе, а я с чем остаюсь? (*Снова садится.*)

Хиггинс. Ваша дочь имела наглость явиться ко мне и потребовать, чтобы я научил ее правильно говорить, иначе ей не получить места продавщицы в цветочном магазине. Разговор происходил при этом джентльмене и моей экономке. *(Наступая на него.)* Как вы смели явиться ко мне и шантажировать меня? Вы ее нарочно сюда подослали.

Дулитл. Что вы, хозяин! Я тут ни при чем.

Хиггинс. Нет, подослали. Откуда вы иначе узнали, что она здесь?

Дулитл *(протестуя)* Легче, легче! Нельзя так сразу брать человека за горло!

Хиггинс. Берегитесь, как бы за вас не взялась полиция! Чистой воды мошенничество! Он еще мне угрожает! Попытка выманить деньги налицо! Сейчас же звоню в полицию. *(С решительным видом, идет к телефону и открывает справочник.)*

Дулитл. Да разве я с вас хоть фартинг потребовал? Вот этот джентльмен пусть скажет. *(Пикерингу.)* Сказал я хоть слово о деньгах?

Хиггинс *(бросает справочник и подходит к Дулитлу)*. Так зачем же вы пришли сюда?

Дулитл *(заискивающе)*. Зачем всякий пришел бы на моем месте? Будьте человеком, хозяин.

Хиггинс *(обезоруженный)*. Элфрид, скажите, вы нарочно подослали ее сюда?

Дулитл. Не подсылал, хозяин, чтоб мне с места не сойти. Могу хоть на Библии присягнуть, я девчонку уже два месяца в глаза не видел.

Хиггинс. Откуда же вы узнали, где она?

Дулитл *(«сладко, печально»)*. Сейчас объясню, хозяин, дайте только рот раскрыть. Я готов вам объяснить, пытаюсь вам объяснить, должен вам объяснить!

Хиггинс. Пикеринг, да этот парень — прирожденный оратор! Обратите внимание на инстинктивную ритмичность его фразы: «Я готов вам объяснить, пытаюсь вам объяснить, должен вам объяснить». Сентиментальная риторика. Вот что значит примесь валлийской крови. Попрошайничество и жульничество отсюда же.

Пикеринг. Помилосердствуйте, Хиггинс! Я ведь сам с Запада. *(Дулитлу.)* Откуда вы узнали, что девушка здесь, если не подослали ее?

Дулитл. Вот как получилось, хозяин. Дочка как поехала к вам, так взяла с собой мальчонку на такси прокатить. Он сынишкой ее квартирной хозяйке приходится. Вот он и болтался тут, думал, она его обратно тоже под-

везет. А она, как узнала, что вы ее здесь оставляете, возьми да и пошли его домой за своим барахлишком, а он на меня и нарвался на углу Лонг-экр и Эндел-стрит.

Хигинс. У пивной, не так ли?

Дулитл. Пивная — клуб для бедного человека, хозяин. Что же тут дурного?

Пикеринг. Дайте же ему договорить, Хигинс.

Дулитл. Вот он и рассказал мне, какое дело вышло. Спрашиваю вас, что я должен был почувствовать, как поступить? Я же ей отец! Я говорю мальчонке: тащи сюда ее барахло, говорю я...

Пикеринг. А почему вы сами не пошли за вещами?

Дулитл. Да хозяйка мне их ни в жизнь не доверит. Бывают, знаете, такие бабы. Мальчонка — и тот, поросенок, пенни сорвал, иначе ни в какую не хотел доверить. А я человек услужливый. Взял да и притащил вещички сюда. Вот и все.

Хигинс. Что это за вещи?

Дулитл. Музыкальный инструмент, хозяин, парочка фотографий, кое-какие побрякушки да птичья клетка. Платьев братъ она не велела. Что я должен был подумать, а, хозяин? Я вас спрашиваю. Что я должен был подумать, как ее родитель, спрашиваю я вас?

Хигинс. Итак, вы пришли, чтоб спасти ее от позора более страшного, чем смерть? Не так ли?

Дулитл. *(с заметным облегчением — он доволен тем, что его так хорошо поняли)*. Именно так, хозяин. Именно так.

Пикеринг. Но зачем же вы принесли ее вещи, если собираетесь взять ее отсюда?

Дулитл. А разве я сказал, что собираюсь? Заикнулся я хоть раз насчет этого?

Хигинс. *(решительно)*. Вы ее заберете, и заберете немедленно. *(Подходит к камину и звонит.)*

Дулитл. Нет, хозяин, не надо так говорить. Не такой я человек, чтобы собственной дочке встать поперек дороги. Тут, можно сказать, перед ней карьера открывается, а я...

В дверях, ожидая приказаний, появляется миссис Пирс.

Хигинс. Миссис Пирс, за Элизой пришел ее отец. Он хочет увести ее. Выдайте ему девушку. *(Отходит к роялю с видом человека, решившего умыть руки.)*

Дулитл. Да нет, тут ошибка вышла, послушайте...

Миссис Пирс. Он не может увести ее, мистер Хигинс. Ей же не в чем идти — вы сами велели мне сжечь ее платье.

Дулитл. Правильно! Не могу же я тащить девчонку по улице в чем мать родила, как какую-нибудь мартышку! Ну, сами посудите, разве это можно?

Хигинс. Вы заявили мне, что требуете свою дочь. Вот и заберите ее. А если она сидит без платья — пойдите и купите.

Дулитл *(в отчаянии.)* А где платье, в котором она пришла к вам? Кто его сжег — я или эта ваша мадам?

Миссис Пирс. В этом доме я, с вашего позволения, не мадам, а экономка. Я послала за платьем для вашей дочери. Когда его принесут, можете взять ее домой. Подождите на кухне. Сюда, пожалуйста.

Расстроенный Дулитл идет за ней к двери, затем останавливается и после некоторого колебания вкрадчиво обращается к Хигинсу.

Дулитл. Да погодите минутку, хозяин, не торопитесь. Мы ведь с вами люди воспитанные, верно?

Хигинс. Вот оно что! Мы — люди воспитанные! Вам, пожалуй, лучше пока уйти, миссис Пирс.

Миссис Пирс. Я тоже так думаю, сэр! *(С достоинством удаляется.)*

Пикеринг. Слово за вами, мистер Дулитл.

Дулитл *(Пикерингу.)* Спасибо, хозяин. *(Хигинсу, который пытается укрыться на стуле у рояля: он избегает чрезмерной близости к посетителю, потому что от Дулитла исходит свойственный его профессии запах.)* А знаете, хозяин, по правде говоря, вы мне здорово нравитесь. Если девчонка вам так уж нужна, пусть остается. Ведь если глядеть на нее как на женщину, ей-Богу, она годится по всем статьям — хорошая, красивая девка. А как дочь — ее прокормить себе дороже станет. Я с вами начистоту говорю и только одного прошу — не забывайте мои отцовские права! Вы, я вижу, человек справедливый, хозяин! Не хотите же вы, чтобы я уступил ее просто так, за здорово живешь? Что для вас пять фунтов? И что для меня Элиза! *(Возвращается к стулу и торжественно садится.)*

Пикеринг. Вам следует знать, Дулитл, что у мистера Хигинса вполне благородные намерения.

Дулитл (*Пикерингу*). Само собой, благородные, хозяин. Иначе я запросил бы пятьдесят фунтов.

Хигинс (*возмущенно*). Вы хотите сказать, бессердечный негодяй, что продали бы родную дочь за пятьдесят фунтов?

Дулитл. Продавать ее заведенным порядком мне ни к чему. Другое дело — услужить такому джентльмену, как вы. Тут я готов на все, верьте слову.

Пикеринг. Неужели вы начисто лишены моральных устоев?

Дулитл (*откровенно*). Я не могу позволить себе такую роскошь, хозяин. Да и вы не смогли бы, окажись вы в моей шкуре. Да и что тут особенного? Как по-вашему, уж если Элизе перепало кой-что, почему бы и мне не попользоваться? А?

Хигинс (*озабоченно*). Право, не знаю, что и делать, Пикеринг. Дать этому типу хоть фартинг — с точки зрения морали равносильно преступлению. И в то же время я чувствую, что в его требованиях есть какая-то первобытная справедливость.

Дулитл. То-то и оно, хозяин. Вот и я так думаю. Отцовское сердце, как ни скажете.

Пикеринг (*Хигинсу*). Я понимаю вашу щепетильность, но едва ли правильно будет...

Дулитл. Зачем так говорить, хозяин. Вы на это дело взгляните с другой стороны. Кто я такой? Я вас спрашиваю, кто я такой? Я бедняк и человек недостойный, вот я кто. Вдумайтесь-ка, что это значит? А это значит, что буржуазная мораль не для таких, как я. Если я чего-нибудь захотел в этой жизни, мне твердят одно и то же — ты человек недостойный, тебе нельзя. А ведь нужды у меня такие же, как у самой предостойной вдовы, которая в одну неделю получает деньги с шести благотворительных обществ за смерть одного и того же мужа. Мне нужно не меньше, чем достойному, — мне нужно больше. У меня аппетит не хуже, чем у него, а пью я куда больше. Мне и развлечься надо, потому что я человек мыслящий. Мне и на людях побыть охота, и песню послушать, и музыку, когда на душе худо. А дерут с меня за все, как с достойного. Чем же она оборачивается, ваша буржуазная мораль? Да это же просто предлог, чтобы мне ни шиша не дать. Поэтому я и обращаюсь к вам, как к джентльменам, и прошу поступить со мной по-честному. Я ведь с вами играю начистоту — не притворяюсь достойным.

Был я всю жизнь недостойным, таким и останусь. Мне это даже нравится, если хотите знать. Так неужели вы обманете человека и не дадите ему настоящую цену за его родную дочь, которую он в поте лица растил, кормил и одевал, пока она не стала достаточно взрослой, чтобы заинтересовать сразу двух джентльменов? Разве пять фунтов такая уж крупная сумма? Я спрашиваю вас и жду вашего решения.

Хиггинс (*подходит к Пикерингу*). А знаете, Пикеринг, займись мы этим человеком, он уже через три месяца мог бы выбирать между постом министра и церковной кафедрой в Уэльсе.

Пикеринг. Что вы на это скажете, Дулитл?

Дулитл. Нет, уж увольте, хозяин, не подойдет. Доводилось мне слушать и проповедников и премьер-министров — потому человек я мыслящий и для меня всякая там политика, религия или социальные реформы — тоже развлечение. Но скажу вам одно: куда ни кинь — всюду жизнь собачья. Так что мне уж лучше быть недостойным бедняком. Как сравнишь различные положения в обществе, то в моем, ну, в общем, на мой вкус, в нем хоть изюминка есть.

Хиггинс. Дадим ему, пожалуй, пять фунтов.

Пикеринг. Боюсь, он истратит их без всякой пользы.

Дулитл. С пользой, хозяин, лопни мои глаза! Вы, может, боитесь, что я их припрячу и буду на них жить себе понемножку, не работая? Не беспокойтесь, к понедельнику от них уж пенни не останется, и потопаю я на работу, будто у меня их и не было. В нищие не скачусь, можете быть спокойны. Малость кутну со старухой, сам отведу душу и другим заработать дам. А вам приятно будет знать, что деньги не выброшены на ветер. Да вы и сами их разумнее не истратите.

Хиггинс (*вынимая бумажник, подходит к Дулитлу*). Нет, он неотразим. Дадим ему десять. (*Протягивает две кредитки.*)

Дулитл. Не надо, хозяин: у старухи не хватит духу истратить десятку. Да и у меня, пожалуй, тоже. Десять фунтов — большие деньги; заведутся они, и человек становится расчетливым, а тогда прощай счастье! Нет, дайте мне столько, сколько я прошу, хозяин, — ни больше ни меньше.

Пикеринг. Дулитл, почему вы не женитесь на этой вашей старухе? Я не склонен поощрять безнравственность.

Дулитл. Вот вы ей это и скажите, хозяин, скажите! Я-то со всем удовольствием. Ведь сейчас кто страдает? Я. Власти у меня нет над ней: я и угождай ей, и подарки делай, и платья покупай. Грех да и только! Я раб этой женщины, хозяин, а все потому, что я ей не муж. И она это знает. Попробуйте-ка, заставьте ее выйти за меня. Послушайтесь моего совета, хозяин: женитесь на Элизе, пока она еще молодая и не смыслит, что к чему. Не женитесь — потом пожалеете. А женитесь — потом пожалеет она. Так уж пусть лучше она пожалеет, поскольку вы мужчина, а она всего-навсего баба и все равно своего счастья не понимает.

Хигинс. Пикеринг, если мы еще минуту послушаем этого человека, у нас не останется никаких убеждений. (Дулитлу.) Пять фунтов? Так вы, кажется, сказали?

Дулитл. Покорно благодарю, хозяин.

Хигинс. Итак, вы отказываетесь взять десять?

Дулитл. Сейчас отказываюсь. Как-нибудь в другой раз, хозяин.

Хигинс (вручает ему кредитку). Получите.

Дулитл. Спасибо, хозяин. Счастливо оставаться.

Дулитл спешит к двери, чтобы поскорее улизнуть со своей добычей. На пороге он сталкивается с изящной, ослепительно чистой молодой японкой в скромном голубом кимоно, искусно вышитом мелкими белыми цветами жасмина. За ней следует миссис Пирс. Он почтительно уступает ей дорогу и извиняется.

Прошу прощения, мисс.

Японка. Провалиться мне на этом месте! Родную дочку не признал!

Дулитл	} (одновременно)	Лопни мои глаза! Элиза!
Хигинс		Кто это? Она?
Пикеринг		Боже мой, ну и ну!

Элиза. А верно, я как придурковатая выгляжу?

Хигинс. «Придурковатая»?

Миссис Пирс (у двери). Прошу вас, мистер Хигинс, не говорите лишнего, а то девушка бог весть что о себе возомнит.

Хигинс (спохватившись). Ах да, да, совершенно верно, миссис Пирс. (Элизе.) Черт знает, что у вас за идиотский вид.

Миссис Пирс. Пожалуйста, сэръ!

Хигинс (поправляясь). Я хотел сказать, очень глупый вид.

Элиза. Вот надену шляпку, так будет получше. *(Берет свою шляпу, надевает ее и с непринужденностью светской дамы шествует к камину.)*

Хигинс. Ей-Богу, новая мода! А ведь могло выглядеть ужасно!

Дулитл *(с отцовской гордостью)*. Батюшки, вот не думал, что ее можно отмыть до такой красоты, хозяйин. Она делает мне честь, верно?

Элиза. Подумаешь, великое дело здесь мытой ходить! Вода в кране и тебе горячая, и холодная, плескайся, сколько влезет. Полотенца пушистые, а вешалка под ними такая горячая, что пальцы обожжешь, и щетки мягкие есть, чтобы тереться, а уж мыла полная чашка, и запах от него — ну, что твой первоцвет. Теперь понятно, почему все леди такие намытые ходят. Мытье им — одно удовольствие. Вот посмотрели бы они, как оно нам достается!

Хигинс. Очень рад, что моя ванна пришла к вам по вкусу.

Элиза. И вовсе не все мне по вкусу. Уж как там хотите, а я скажу — не постесняюсь. Вот миссис Пирс знает.

Хигинс. Какой-нибудь непорядок, миссис Пирс?

Миссис Пирс *(мягко)*. Пустяки, сэр. Право, не стоит говорить об этом.

Элиза. Покалечить я его хотела, вот что. Со стыда не знаешь, куда глаза девать. Потом-то я справилась, взяла да полотенце на него и навесила.

Хигинс. На кого?

Миссис Пирс. На зеркало, сэр.

Хигинс. Дулитл, вы слишком строго воспитали свою дочь.

Дулитл. Я? А я ее и не воспитывал. Так разве постегаешь ремнем для порядку. Вы уж не взыщите, хозяйин. Не привыкла она еще — вот в чем штука. Поживет у вас, так научится свободному поведению, как в ваших кругах полагается.

Элиза. Не стану я учиться свободному поведению: я не какая-нибудь, я девушка порядочная.

Хигинс. Элиза, если вы еще раз скажете, что вы порядочная девушка, отец заберет вас домой.

Элиза. Как же, заберет! Держи карман шире! Плохо вы моего папашу знаете. Он сюда пришел, чтобы из вас деньги выжать да нализаться как следует — только и всего.

Дулитл. А что мне еще с деньгами делать! В церковную кружку бросить, что ли?

Элиза показывает ему язык. Он так взбешен этим, что Пикерингу приходится встать между ними.

Ты у меня язык попридержи да смотри, не вздумай с этим джентльменом разные штучки откалывать, а то я тебе по первое число всыплю. Поняла?

Хигинс. Не хотите ли вы дать ей еще какие-нибудь наставления, Дулитл? Или, может быть, благословить ее на прощанье?

Дулитл. Нет, хозяин. Не такой я отпетый дурак, чтобы своим деткам выложить все, что знаю. С ними и без того не совладаешь. Хотите, чтоб Элиза ума набралась, возьмите ремень, хозяин, да поучите ее сами. Счастливо оставаться, джентльмены! *(Направляется к двери.)*

Хигинс *(повелительно)*. Стойте! Вы должны регулярно навещать свою дочь. Это ваш отцовский долг. У меня есть брат священник, он поможет вам направить ее.

Дулитл *(уклончиво)*. Ну как же, как же. Я приду, хозяин. На этой неделе, правда, не смогу, работаю очень далеко. Но малость попозже можете на меня рассчитывать. Всего доброго, джентльмены! Всего доброго, мэм! *(Снимает шляпу перед миссис Пирс, но та не отвечает на его приветствие, и он направляется к двери. Обернувшись на пороге, он подмигивает Хигинсу, видимо, соболезнуя ему по поводу тяжелого характера миссис Пирс; затем уходит вслед за ней.)*

Элиза. Не верьте вы этому старому брехуну. Да он скорее согласится, чтобы вы на него бульдога напустили, чем священника. И не ждите — он сюда скоро не сунется.

Хигинс. Мы не очень жаждем видеть его, Элиза. А вы?

Элиза. А я уж и подавно. Век бы мне его не видеть. Срамит меня только — с мусором возжается, вместо того чтоб свое дело делать.

Пикеринг. Чем он занимается, Элиза?

Элиза. Людям зубы заговаривает да денежки в свой карман перекачивает. А сам-то он — землекоп. Бывает, и теперь берется за лопату, когда поразмяться захочет, и хорошие деньги зашибает. А вы больше не хотите звать меня мисс Дулитл?

Пикеринг. Простите, мисс Дулитл, я оговорился.

Элиза. Да нет, я не обижаюсь. Просто очень уж это красиво получается — мисс Дулитл. А можно мне сейчас такси нанять и проехаться по Тотенхэм Корт-роуд? Я бы там вышла и велела подождать. Вот бы наши девчонки утерлись — пусть знают свое место. Разговаривать с ними я бы, понятное дело, не стала.

Пикеринг. Лучше подождите, пока вам принесут новое модное платье.

Хиггинс. Кроме того, заняв высокое положение, не следует забывать старых друзей. Мы это называем снобизмом.

Элиза. Нет уж, вы меня теперь с ихней компанией не путайте. Было время, насмехались они надо мной почему зря, а теперь я им нос утру. Конечно, если я получу новые модные платья, можно и подождать. Больно мне заиметь их охота. Миссис Пирс говорит, что вы мне разные дадите — одни днем носить, другие ночью в постель надевать. А по-моему, чего деньги зря переводить, раз в них никому не покажешься? А потом, мне и думать страшно: зимой раздеваться да на ночь холодные вещи на себя напяливать!

Миссис Пирс *(возвращается)*. Идемте, Элиза. Там принесли платья, нужно примерить.

Элиза. Ууух ты! А... а... а... ах! Уй... ий... й. *(Вылетает из комнаты.)*

Миссис Пирс *(следуя за ней)*. Не надо носиться сломя голову, моя милая. *(Закрывает за собой дверь.)*

Хиггинс. Трудное нам предстоит дело, Пикеринг.

Пикеринг *(убежденно)*. Да, Хиггинс. Очень трудное.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Приемный день у миссис Хиггинс. Еще никого нет. Квартира ее расположена на набережной Челси, и гостиная всеми тремя окнами выходит на реку; только потолок в ней ниже, чем был бы в таком доме, будь он более старинной постройки. Окна — во всю стену. Они распахнуты, открывая доступ на балкон, уставленный цветами в горшках. Слева, если стоять лицом к окнам, — камин; в правой стене, поближе к углу, — дверь. Миссис Хиггинс воспитана на Моррисе и Берн-Джонсе, и ее жилище разительно отличается от квартиры ее сына на Уимпол-стрит: ни лишней мебели, ни полочек, ни безделушек. Посреди комнаты — просторная тахта. Подушки и парчовое покрывало на ней, ковер на полу, моррисовские обои и моррисовские набивные занавеси на окнах — вот и все убранство гостиной, но оно настолько изысканно, что его грешно было бы прятать за нагромождением никому не нужных ве-

щей. На стенах несколько хороших картин (в манере Берн-Джонса, а не Уистлера), лет за тридцать до этого выставявшихся в галерее Гровнер. Пейзаж всего один: 'Сесил Лоусон' в масштабах Рубенса. Здесь же портрет миссис Хигинс в молодости; на ней, наперекор тогдашней моде, один из тех очаровательных россетиевских костюмов, которым так карикатурно подражали невежды, чьими стараниями был насажден безвкусный эстетизм семидесятих годов.

В углу, наискосок от двери, за простым, но элегантным письменным столиком с пуговкой звонка под рукою, сидит миссис Хигинс и пишет письмо; ныне ей за шестьдесят, и она давным-давно не дает себе труда одеваться не так, как требует мода. В глубине, между столиком и окном, — чипендейловский стул. На другой стороне комнаты, подалее от окна, елизаветинское кресло с грубой резьбой в духе Иниго Джонса. Там же рояль в чехле со строчкой. Между камином и окнами диванчик с обивкой из моррисовского кретона. Время — пятый час полудни. Дверь с шумом распаивается, входит Хигинс в шляпе.

Миссис Хигинс (*тревожно*). Генри! (*Укоризненно*.) Зачем ты явился? Ты же обещал не приходить в мои приемные дни.

В то время как он наклоняется поцеловать ее, она снимает с него шляпу и подает ему.

Хигинс. А, черт! (*Швыряет шляпу на стол*.)

Миссис Хигинс. Сейчас же возвращайся домой.

Хигинс (*целует ее*). Знаю, знаю, мама. Я пришел нарочно.

Миссис Хигинс. И напрасно. Я не шучу, Генри. Ты распугал всех моих друзей. Стоит им встретиться с тобой, как они перестают бывать у меня.

Хигинс. Вздор! Светских разговоров я вести не умею, что верно, то верно, но это никого не трогает. (*Садится на диван*.)

Миссис Хигинс. Ты так думаешь? Светские разговоры! А не светские ты умеешь вести? Нет, милый, уходи, я решительно настаиваю на этом.

Хигинс. Не могу. Вы должны помочь мне в одном деле... связанном с фонетикой.

Миссис Хигинс. Нет, милый. К сожалению, твои гласные выше моего понимания. Я с удовольствием получаю от тебя хорошенькие открытки, стенографированные по твоей системе, но читать мне приходится написанные обычными буквами подстрочники, которые ты предусмотрительно прикладываешь.

Хигинс. Тогда считайте, что мое дело не связано с фонетикой.

Миссис Хигинс. Но ты же сам так сказал.

Хигинс. То есть оно связано, но вы к ней не будете иметь отношения. Я тут подцепил девушку...

Миссис Хигинс. А не значит ли это, что девушка подцепила тебя?

Хигинс. Ничего подобного. О любви здесь и речи нет.

Миссис Хигинс. Очень жаль!

Хигинс. Почему?

Миссис Хигинс. Ты еще ни разу не влюблялся в женщину моложе сорока пяти. Когда наконец ты поймешь, что на свете есть немало прелестных девушек?

Хигинс. Не собираюсь возиться с девушками. Мой идеал — женщина, насколько это возможно, похожая на вас. Ни одна девушка никогда мне всерьез не понравится: у меня свои привычки, а старые привычки трудно менять. *(Порывисто вскакивает, начинает шагать из угла в угол, побрякивая ключами и мелочью в кармане.)* Кроме того, все они дуры.

Миссис Хигинс. Знаешь, Генри, что бы ты сделал, если бы по-настоящему любил меня?

Хигинс. А, черт! Ну что еще? Женился бы, наверное, да?

Миссис Хигинс. Нет. Вынул бы руки из карманов и перестал носиться по комнате.

С жестом отчаяния он повинуется и снова усаживается на диван.

Вот пай-мальчик. А теперь расскажи мне о девушке.

Хигинс. Она сегодня явится к вам с визитом.

Миссис Хигинс. Не припоминаю, чтобы я ее приглашала.

Хигинс. Вы не приглашали. Пригласил я. Вы бы ее ни за что не пригласили, если бы знали, кто она.

Миссис Хигинс. Интересно! А почему?

Хигинс. Вот как обстоит дело. Она простая цветочница. Я подобрал ее на панели.

Миссис Хигинс. И пригласил ко мне в мой приемный день!

Хигинс *(подходит к матери, стараясь заговорить ее)*. Не беспокойтесь, все будет в порядке. Я научил ее правильно говорить и дал точные указания, как вести себя. Ей строго-настрого велено касаться только двух тем:

погоды и здоровья. Словом, ничего не значащие фразы: «Как поживаете?» — «Сегодня прекрасный день» — и никаких рассуждений на общие темы. Уверяю вас, это совершенно безопасно!

Миссис Хиггинс. Безопасно! Безопасно говорить о нашем здоровье! О внутренностях! Может быть, даже о внешности! Как мог ты так наглупить, Генри!

Хиггинс (*нетерпеливо*). Должна же она о чем-то говорить. (*Вовремя берет себя в руки и снова садится.*) Да не волнуйтесь вы, пожалуйста, из-за пустяков, все будет хорошо. Пикеринг тоже принимает в ней участие. Я держал с ним пари, что через полгода смогу выдать ее за герцогиню. Я работаю с ней всего несколько месяцев, но она уже сделала потрясающие успехи. Пари я непременно выиграю. У нее превосходный слух, и воспринимает она все куда лучше, чем мои ученики из буржуазных кругов, потому что ее приходится учить с самого начала, как учат чужому языку. Сейчас она уже говорит по-английски почти так, как вы по-французски.

Миссис Хиггинс. Во всяком случае, это уже не так страшно.

Хиггинс. И да и нет.

Миссис Хиггинс. Как это понимать?

Хиггинс. Видите ли, произношение она освоила. Но сейчас мне уже надо думать не только о том, как эта девушка произносит, но и о том, что она произносит. И вот тут-то...

Разговор их прерывает горничная, докладывающая о гостях.

Горничная. Миссис и мисс Эйнсфорд Хилл. (*Уходит.*)

Хиггинс. Чтоб их черт побрал! (*Вскакивает, хватая со стола свою шляпу и спешит к двери, но прежде чем успевает до нее дойти, мать уже представляет его входящим.*)

Миссис и мисс Эйнсфорд Хилл — те самые мать и дочь, которые укрывались от дождя в Ковент-Гардене. Мать — хорошо воспитанная, спокойная женщина, но чувствуется, что она находится в постоянном напряжении, как все люди с ограниченными средствами. Дочь усвоила светский тон девушки, постоянно бывающей в обществе — бравада прикрашенной бедности.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*мистеру Хигинсу*).
Здравствуйтесь!

Здороваются.

Мисс Эйнсфорд Хилл. Здравствуйтесь.

Здороваются.

Миссис Хигинс (*представляя*). Мой сын Генри.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Ваш знаменитый сын! Я жаждала познакомиться с вами, профессор Хигинс.

Хигинс (*мрачно, не двигаясь с места*). Очень рад. (*Облакачивается на рояль и небрежно кивает ей.*)

Мисс Эйнсфорд Хилл (*доверительно-фамильярно, приближаясь к нему*). Здравствуйтесь.

Хигинс (*уставившись на нее*). Я вас уже где-то видел. Где и когда — не имею представления, но голос ваш я тоже слышал. (*Мрачно.*) Впрочем, это совершенно безразлично. Что же вы стоите? Сели бы куда-нибудь.

Миссис Хигинс. К сожалению, должна признать себя. Не обижайтесь на него.

Мисс Эйнсфорд Хилл (*весело*). Ну что вы! (*Садится в елизаветинское кресло.*)

Миссис Эйнсфорд Хилл (*слегка растерянно*). Конечно, конечно. (*Садится на тахту слева от дочери и справа от миссис Хигинс, которая повернула к ним свое кресло у письменного стола.*)

Хигинс. Разве я нахамил? Простите, нечаянно. (*Подходит к окну и, став спиной к гостям, созерцает реку и цветы Бетерси-парка с таким видом, словно перед ним вечные льды.*)

Горничная возвращается с Пикерингом.

Горничная. Полковник Пикеринг. (*Уходит.*)

Пикеринг. Здравствуйтесь, миссис Хигинс.

Миссис Хигинс. Очень рада вас видеть. Вы знакомы? Миссис Эйнсфорд Хилл, мисс Эйнсфорд Хилл.

Обмен поклонами. Полковник ставит чипендейловский стул между миссис Хигинс и миссис Эйнсфорд Хилл и усаживается.

Пикеринг. Генри рассказал вам о цели нашего визита?

Хигинс *(через плечо)*. Не успел досказать, черт побери.

Миссис Хигинс. Генри, Генри, прошу тебя.

Миссис Эйнсфорд Хилл *(приподнимаясь)*. Может быть, мы помешали?

Миссис Хигинс *(встает и снова усаживает ее)*. Что вы, что вы! Напротив, вы пришли как раз вовремя. Мы хотим познакомить вас с одной нашей приятельницей.

Хигинс *(обрадованный, поворачивается к ним)*. Черт побери, а ведь верно! Нам нужно, чтоб было несколько человек. Вы вполне сойдете.

Горничная возвращается, за ней следует Фредди.

Горничная. Мистер Эйнсфорд Хилл.

Хигинс *(чуть ли не в полный голос)*. А, черт! Еще одного нелегкая принесла!

Фредди *(здороваясь с миссис Хигинс)*. Здравсте.

Миссис Хигинс. Очень рада вас видеть. *(Знакомит.)* Полковник Пикеринг.

Фредди *(кланяется)*. Здравсте.

Миссис Хигинс. Вы, вероятно, не знакомы с моим сыном, профессором Хигинсом?

Фредди *(подходя к Хигинсу)*. Здравсте.

Хигинс *(разглядывает его так, будто перед ним вор-карманник)*. Голову даю на отсечение, что и вас я где-то уже видел. Только вот где?

Фредди. Что-то не припомню.

Хигинс *(покорившись судьбе)*. Впрочем, это не имеет значения. Садитесь. *(Пожимает руку Фредди и чуть ли не силой усаживает его на тахту. Сам переходит на другую сторону.)* Ну вот, мы и уселись. *(Садится рядом с миссис Эйнсфорд Хилл, слева.)* О чем же, черт возьми, нам говорить до прихода Элизы?

Миссис Хигинс. Генри, на вечерах Королевского общества ты, вероятно, неотразим, но в менее торжественных случаях тебя трудно переносить.

Хигинс. В самом деле? Сожалею. *(Внезапно просив.)* А знаете, наверно, действительно трудно. *(Хохочет.)* Ха-ха-ха!

Мисс Эйнсфорд Хилл *(которая находит Хигинса вполне приемлемым с матримониальной точки зре-*

ния). Я понимаю вас. Я сама не умею вести светские разговоры. Ах, почему люди так редко бывают откровенны и говорят не то, что думают!

Хигинс (*мрачней*). И слава Богу!

Миссис Эйнсфорд Хилл (*перехватывая реплику дочери*). Но почему?

Хигинс. То, что, как люди полагают, они обязаны думать, видит Бог, уже достаточно мерзко. А то, что они на самом деле думают, вообще ни в какие ворота не лезет. Вы полагаете, вам будет приятно, если я сейчас возьму и выложу все, что думаю на самом деле?

Мисс Эйнсфорд Хилл (*весело*). Неужели это так неприлично?

Хигинс. «Неприлично»? Куда к черту неприлично! Просто непристойно!

Миссис Эйнсфорд Хилл (*серьезно*). Я уверена, что вы шутите, мистер Хигинс.

Хигинс. Видите ли, все мы в той или иной мере дикари. Предполагается, что мы цивилизованны и культурны — разбираемся в поэзии, философии, науке, искусстве и прочее, и прочее. Но скажите, многие ли из нас знают, что представляют собой хотя бы одни эти названия? (*К мисс Хилл.*) Ну что вы, например, понимаете в поэзии? (*К миссис Хилл.*) Что вы знаете о науке? (*Указывая на Фреггу.*) А вот он, что он смылит в искусстве, науке и вообще в чем бы то ни было? А что я сам, черт побери, знаю о философии?

Миссис Хигинс (*предостерегающе*). Или об умении вести себя в обществе.

Горничная (*открыв дверь*). Мисс Дулитл. (*Уходит.*)

Хигинс (*поспешно вскакивает и бежит к матери*). Мама, это она. (*Становится за креслом матери и, погнавшись на цыпочки, глазами показывает Элизе, кто из дам хозяйка дома.*)

Элиза, изысканно одетая, производит такое впечатление своей красотой и элегантноcтью, что все невольно встают. Направляемая сигналами Хигинса, она с заученной грацией подходит к миссис Хигинс.

Элиза (*произносит слова с педантичной чистотой, приятным музыкальным голосом*). Здравствуйте, миссис Хигинс. Мистер Хигинс передал мне ваше приглашение.

Миссис Хигинс (*приветливо*). Да, да! Я очень рада вас видеть.

Пикеринг. Здравствуйте, мисс Дулитл.

Элиза. Если не ошибаюсь, полковник Пикеринг?

Миссис Эйнсфорд Хилл. Я уверена, что мы с вами уже встречались, мисс Дулитл. Я помню ваши глаза.

Элиза. Здравствуйте. *(Грациозно опускается на тахту, заняв место, которое только что освободил Хигинс.)*

Миссис Эйнсфорд Хилл *(знакома)*. Моя дочь Клара.

Элиза. Здравствуйте.

Клара *(возбужденно)*. Здравствуйте! *(Садится рядом с Элизой, пожирая ее глазами.)*

Фредди *(подходя)*. Я уже имел счастье...

Миссис Эйнсфорда Хилл *(представляя)*. Мой сын Фредди.

Элиза. Здравствуйте.

Фредди кланяется и, совершенно покоренный, опускается в елизаветинское кресло.

Хигинс *(внезапно)*. Ах, черт побери, теперь я вспомнил!

Все уставились на него.

Ковент-Гарден! *(Сокрушенно.)* Вот нелегкая!

Миссис Хигинс. Генри! *(Заметив, что он собирается сесть на ее письменный столик.)* Не садись на мой письменный стол — сломаешь.

Хигинс *(хмуро)*. Прошу прощения.

Направляется к дивану, но по дороге спотыкается о каминную решетку и роняет щипцы. Ругаясь сквозь зубы, приводит все в порядок и, завершив наконец свое неудачное путешествие, обрушивается на диван с такой силой, что диван трещит. Миссис Хигинс наблюдает за ним, но сдерживается и молчит. Долгая тягостная пауза.

Миссис Хигинс *(прерывая молчание)*. Как вы думаете, будет сегодня дождь?

Элиза. Незначительная облачность, наблюдавшаяся в западной части Британских островов, постепенно захватит и восточные районы. Судя по барометру, существенных перемен в состоянии атмосферы не предвидится.

Фредди. Ха-ха-ха! Как смешно!

Элиза. Что тут смешного, молодой человек? Держу пари, я все сказала, как надо.

Фредди. Восхитительно!

Миссис Эйнсфорд Хилл. Надеюсь, в этом году не будет неожиданного похолодания! Кругом столько случаев инфлюэнцы. А наша семья так подвержена ей — каждую весну все заболевают.

Элиза (*мрачно*). Тетка у меня померла, так тоже сказали — от инфлюэнцы.

Миссис Эйнсфорд Хилл сочувственно прищелкивает языком.

(*Тем же трагическим тоном.*) А мое такое мнение — пришили старуху.

Миссис Хиггинс (*озабоченно*). Пришили?

Элиза. Факт! Боже ж ты мой, с чего бы это ей помирать от инфлюэнцы? Прошлый год она дифтеритом болела — и то как с гуся вода. Она аж посинела, я своими глазами видела. Все уж думали, ей крышка, а папаша мой возьми ложку да и начни ей в глотку джин лить, так она сразу очухалась и пол-ложки откусила.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*потрясенная*). Господи!

Элиза (*нагромождая улики*). Ну, скажите на милость, с чего бы такой здоровенной тетке вдруг помереть от инфлюэнцы! А куда девалась ее новая соломенная шляпа, что должна была достаться мне?? Стибрили! Вот я и говорю: кто шляпу стибрил, тот и тетку пришил!

Миссис Эйнсфорд Хилл. А что это значит — пришил?

Хиггинс (*поспешно*). О, это модное светское выражение. Пришить человека — значит убить его.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*Элизе, в ужасе*). Неужели вы серьезно думаете, что вашу тетушку убили?

Элиза. Великое дело! Да эта публика могла пристукнуть ее за шляпную булавку, не то что за целую шляпу.

Миссис Эйнсфорд Хилл. И все же вашему отцу не следовало вливать ей в горло алкоголь. Это действительно могло убить ее.

Элиза. Кого? Ее? Да для нее джин — что материнское молоко для младенца. Моему ли папаше не знать, что за штука джин? Он на своем веку немало за галстук залил.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Вы хотите сказать, что ваш отец многопил?

Элиза. Пил? Лакал без передышки, черт бы его подрал!

Миссис Эйнсфорд Хилл. Как вы, должно быть, страдали!

Элиза. Нисколечко! Как я замечала, это ему только на пользу шло. Да он и не то чтобы подряд глушил, запоем. *(Весело.)* Так, бывало, загуляет время от времени. Он, когда выпивши, куда лучше становится. Вот сидит он без работы, а мать дает ему четыре пенса и велит домой не приходиться, пока он не напьется, потому что тогда он веселый да ласковый. Многим женщинам приходится своих мужей поить, а то, пока они не выпивши, с ними и житья нет. *(Окончательно почувствовав себя как дома.)* Тут ведь какой переплет получается. Вот, к примеру, человек совесть имеет, так трезвого она его уж как заедает, и он от этого на стенку лезет. А долбанет стаканчик-другой, горя как не бывало. *(К Фредди, который корчится от сдерживаемого смеха.)* Эй, молодой человек! Вы чего ржете?

Фредди. Ах, эти модные светские выражения. До чего же здорово они у вас получаются!

Элиза. А если здорово, так чего зубы скалить. *(Хигинсу.)* Разве я сказала, чего не следует?

Миссис Хиггинс *(опередив сына)*. Нет, что вы, мисс Дулитл!

Элиза. Слава тебе Господи! *(С увлечением.)* Я ведь что говорю...

Хиггинс *(поднимаясь и глядя на часы)*. Гм...

Элиза *(взглянув на него, понимает намек и встает)*. Простите, мне пора идти.

Все встают. Фредди направляется к двери.

Мне было так приятно познакомиться с вами. До свиданья. *(Прощается с миссис Хиггинс.)*

Миссис Хиггинс. До свиданья.

Элиза. До свиданья, полковник Пикеринг.

Пикеринг. До свиданья, мисс Дулитл. *(Пожимает ей руку.)*

Элиза *(кивком головы прощаясь с остальными)*. И вам всем до свиданья.

Фредди *(распахивая перед ней дверь)*. Вы идете через парк, мисс Дулитл? Позвольте мне...

Элиза. Че-его? Пешком топать? К чертям собачьим!

Все потрясены.

Я в такси еду! *(Выходит.)*

Пикеринг, задохнувшись от изумления, падает в кресло. Фредди выбегает на балкон, чтобы еще раз взглянуть на Элизу.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*все еще не оправившись от потрясения*). Все-таки я никак не могу привыкнуть к этой новой манере выражаться.

Клара (*с досадой бросаясь в елизаветинское кресло*). Ну полно, мама, полно. Вы так старомодны, что люди полагают, будто мы никогда нигде не бываем.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Вероятно, я действительно очень старомодна, но, надеюсь, Клара, ты не будешь употреблять таких выражений. Я уже привыкла к тому, что мужчин ты называешь пройдохами, на каждом шагу говоришь «мерзость» и «свинство», хотя я лично считаю это неприличным и неженственным. Но то, что мы сейчас слышали,— это уж слишком! Как вы считаете, полковник Пикеринг?

Пикеринг. Меня не спрашивайте. Я несколько лет провел в Индии, и за это время манера держаться так изменилась, что, право, иногда не знаешь, где находишься — на званом обеде в респектабельном доме или в парходном кубрике.

Клара. Дело привычки. Это ни хорошо ни плохо. И никто не придает этому никакого значения. Просто такая необычность придает особый шик тому, что само по себе не слишком остроумно. Я нахожу новую манеру выражаться прелестной и вполне безобидной.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*встает*). Пожалуй, нам пора.

Пикеринг и Хигинс встают.

Клара (*встает*). Да, сегодня нам предстоит сделать еще три визита. До свиданья, миссис Хигинс. До свиданья, полковник Пикеринг. До свиданья, профессор Хигинс.

Хигинс (*мрачно провожая ее до двери*). До свиданья. Смотрите не забудьте на всех трех визитах испробовать новую манеру выражаться. Главное, не смущайтесь и ваяйте всюю.

Клара (*расплываясь в улыбке*). Обязательно! До свиданья. Вся эта старомодная викторианская благовоспитанность — такая чушь!

Хигинс (*искушая ее*). Будь она проклята!

Клара. К чертям ее собачьим!

Миссис Эйнсфорд Хилл (*содрогаясь*). Клара!

Клара. Ха-ха-ха! (*Уходит, сияя оттого, что оказалась на уровне современных требований. С лестницы доносится ее звонкий смех.*)

Фредди (*ко всей вселенной*). Нет, вы мне скажите... (*Не в силах справиться с нахлынувшими чувствами, прощается с миссис Хигинс.*) До свиданья.

Миссис Хигинс (*обмениваясь рукопожатием*). До свиданья. Хотели бы вы снова встретиться с мисс Дулитл?

Фредди (*горячо*). Да, да, ужасно хотел бы!

Миссис Хигинс. Милости просим. Вы знаете мои приемные дни.

Фредди. Благодарю вас. До свиданья. (*Уходит.*)

Миссис Эйнсфорд Хилл. До свиданья, мистер Хигинс.

Хигинс. До свиданья, до свиданья.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*Пикерингу*). Ничего не поделаешь, я никогда не сумею себя заставить употреблять эти ужасные выражения.

Пикеринг. И не старайтесь: это вовсе не обязательно. Вы прекрасно обойдетесь без них.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Да вот Клара опять обрушится на меня за то, что я пренебрегаю самым модным жаргоном. До свиданья.

Пикеринг. До свиданья. (*Пожимают руки друг другу.*)

Миссис Эйнсфорд Хилл (*миссис Хигинс*). Не сердитесь на Клару.

Пикеринг, услышав, что она понизила голос, деликатно отходит к окну, где стоит Хигинс.

Мы так бедны, и она так редко бывает в обществе, бедная девочка! Она просто не знает, как сейчас следует держаться.

Миссис Хигинс, заметив у нее на глазах слезы, сочувственно пожимает ей руку и провожает ее до двери.

Но Фредди у меня очень славный, правда?

Миссис Хигинс. Он очень мил, и я всегда буду рада ему.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Благодарю вас, дорогая. До свиданья. *(Уходит.)*

Хиггинс *(нетерпеливо)*. Ну как? Можно показывать Элизу в обществе? *(Тащит мать к дивану.)*

Миссис Хиггинс садится на место Элизы, сын садится слева от нее.
Пикеринг возвращается на свой стул справа.

Миссис Хиггинс. Ну конечно, нет, глупый мой мальчик. Она шедевр искусства — твоего и ее портнихи. Но если ты хоть на минуту сомневаешься в том, что она выдает себя каждой фразой, значит, ты просто помешан на ней.

Пикеринг. И вы полагаете, что ничего нельзя сделать? Неужели невозможно отучить ее от ругательств?

Миссис Хиггинс. До тех пор, пока она будет находиться в обществе Генри, — нет.

Хиггинс *(обиженный)*. По-вашему, моя манера выражаться неприлична?

Миссис Хиггинс. Нет, дорогой, отчего же. Для грузовой пристани вполне прилична, но в гостях едва ли.

Хиггинс *(глубоко оскорбленный)*. Ну, знаете...

Пикеринг *(прерывая его)*. Не кипятитесь, Хиггинс, а лучше последите за собой. Таких словечек, как ваши, я не слышал с тех пор, как производил смотры волонтеров в Гайд-парке лет двадцать назад.

Хиггинс *(надувшись)*. Ну что ж, вероятно, я действительно не всегда выражаюсь, как епископ.

Миссис Хиггинс *(успокаивая его жестом)*. Полковник Пикеринг, может быть, вы мне расскажете, что происходит на Уимпол-стрит.

Пикеринг *(весело, будто вопрос изменил тему разговора)*. Я переехал к Генри и живу у него. Мы вместе работаем над моей книгой «Индийские диалекты» — мы решили, что так нам будет удобнее...

Миссис Хиггинс. Да, да, все это мне известно, и вы действительно все очень разумно устроили. Но где живет эта девушка?

Хиггинс. Как где? Конечно, у нас. Где же ей еще жить?

Миссис Хиггинс. Но на каком положении? Она ваша горничная? А если нет, так кто?

Пикеринг *(медленно)*. Миссис Хиггинс, я, кажется, начинаю понимать, что вы имеете в виду.

Хигинс. Будь я проклят, если я что-нибудь понимаю. Одно ясно — три месяца я изо дня в день работаю над этой девушкой, чтобы привести ее в человеческий вид. Кроме того, она оказалась очень полезной: она знает, где найти мои вещи, помнит, когда и с кем я должен встретиться.

Миссис Хигинс. А как с ней ладит твоя экономка?

Хигинс. Миссис Пирс? Радуетя, что с нее свалилось столько забот. Ведь до появления Элизы ей самой приходилось разыскивать мои вещи и напоминать мне о деловых свиданиях. И все-таки Элиза — это ее пунтик. Она без устали мне твердит: «Вы ни о чем не думаете, сэр». Правда, Пик?

Пикеринг. Да, это ее неизменная формула: «Вы ни о чем не думаете, сэр». Этими словами кончается каждый разговор об Элизе.

Хигинс. А я ни на секунду не перестаю думать об этой девушке и ее проклятых гласных и согласных. Я измучился, думая о ней, наблюдая за ней, за ее губами, зубами, языком, не говоря уже о ее душе, — а это самое непостижимое.

Миссис Хигинс. Ах, взрослые дети! Вы играете с куклой, но она ведь живая.

Хигинс. Хорошая игра! Поймите же, мама, я еще никогда в жизни не брался за такую трудную работу. Вы даже не представляете себе, как интересно взять человека, надеть его новой речью и с помощью этой речи сделать его совершенно иным. Ведь это значит уничтожить пропасть, разделяющую классы и души людей.

Пикеринг (*придвигаясь к миссис Хигинс и даже наклоняясь к ней*). Да, это поразительно интересно. Уверю вас, миссис Хигинс, мы относимся к Элизе чрезвычайно серьезно. Каждую неделю — какое там! — почти каждый день в ней происходит новая перемена. (*Придвигается еще ближе.*) Мы фиксируем каждую стадию... Сотни записей и фотографий...

Хигинс (*атакуя с другой стороны*). Черт побери, да это самый увлекательный эксперимент, какой мне приходилось ставить. Она заполнила всю нашу жизнь. Правда, Пик?

Пикеринг. Мы постоянно говорим об Элизе.

Хигинс. Учим Элизу.

Пикеринг. Одеваем Элизу.

Миссис Хигинс. Что?

Хигинс. Изобретаем новую Элизу.

Хигинс } Вы знаете, у нее поразительный слух.
Пикеринг } Уверяю вас, дорогая миссис Хигинс, эта девушка...

Хигинс } Настоящий попутай. Я проверил ее на
Пикеринг } ...гениальна. Она уже очень мило играет на рояле.

Хигинс } ...встречающиеся в человеческой речи...

Пикеринг } Мы водим ее на концерты классической музыки и в мюзик...

Хигинс } ...в европейских и африканских языках, готтентотских...

Пикеринг } ...холлы. Представьте себе, вернувшись домой, она подбирает любую...

Хигинс } ...говорах. Звуки, произносить которые я сам учился годами, она...

Пикеринг } ...мелодию, будь то...

Хигинс } ...схватывает на лету, словно...

Пикеринг } ...Бетховен или Брамс, Легар или Лайонел Монктон...*

Хигинс } ...всю жизнь только этим и занималась.

Пикеринг } ...хотя прежде никогда не подходила к роялю...

*(говорят все вместе, спараясь
перекричать друг друга)*

Миссис Хигинс *(затыкая уши, так как теперь они оба стараются перекричать друг друга)*. Ш-ш-ш-ш-ш!

Они замолкают.

Пикеринг. Прошу прощения. *(Смущенно отодвигает свой стул.)*

Хигинс. Простите. Но когда этот Пикеринг начинает кричать, он слова никому не дает вставить.

Миссис Хигинс. Замолчи, Генри. Полковник Пикеринг, неужели вы не понимаете, что в тот день, когда Элиза переступила порог дома на Уимпол-стрит, с нею вместе вошло еще кое-что.

Пикеринг. Да, приходил ее отец, но Генри быстро выставил его.

Миссис Хигинс. Уместнее было бы, чтобы пришла ее мать. Но дело не в этом. Появилось нечто другое.

Пикеринг. Но что же? Что?

Миссис Хигинс (*бессознательно выдвая этим словом свои устаревшие понятия*). Проблема!

Пикеринг. Ага, понял! Проблема — как выдать ее за светскую даму.

Хигинс. Я разрешу эту проблему. По существу, она уже наполовину разрешена.

Миссис Хигинс. Как безгранично тупы бывают порой мужчины! Проблема в том — что делать с Элизой после?

Хигинс. Не вижу здесь никакой проблемы. Будет жить как ей вздумается, пользуясь всеми преимуществами, которые я ей дам.

Миссис Хигинс. Да, будет жить, как живет та женщина, которая только что вышла отсюда! Ты дашь ей манеры и привычки светской дамы, которые лишат ее возможности зарабатывать на жизнь, но не дашь ей доходов светской дамы. И это ты называешь преимуществом?

Пикеринг (*снисходительно, ему стало скучно*). Все как-нибудь уладится, миссис Хигинс. (*Встает.*)

Хигинс (*тоже встает*). Мы подыщем ей какую-нибудь легкую работу.

Пикеринг. Она совершенно счастлива. Не беспокойтесь о ней. До свиданья. (*Пожимает ей руку с таким видом, словно утешает испуганного ребенка, и направляются к двери.*)

Хигинс. Так или иначе, сейчас уже поздно беспокоиться — дело сделано. До свиданья, мама. (*Целует ее и следует за Пикерингом.*)

Пикеринг (*в восторге от последнего утешения*). Существует масса возможностей. Мы сделаем все, что полагается. До свиданья.

Хигинс (*Пикерингу, в дверях*). Свезем-ка ее на Шекспировскую выставку в Эрлскорт*.

Пикеринг. С удовольствием. Вы представляете себе ее замечания? Вот будет забавно!

Хигинс. А дома она начнет передразнивать публику.

Пикеринг. Великолепно!

Слышно, как оба, смеясь, спускаются по лестнице. Миссис Хигинс порывисто встает и подходит к письменному столу. Отодвигает в сторону разбросанные бумаги, садится и, вытащив из бюро листок чистой бумаги, решительно начинает писать письмо. Но, написав три строчки, бросает перо и сердито отталкивает стол.

Миссис Хигинс. Ах эти мужчины! Мужчины! Мужчины!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кабинет Хигинса. Полночь. В комнате никого нет. Часы на камине бьют двенадцать. В камине нет огня. Теплая летняя ночь. На лестнице раздаются голоса Хигинса и Пикеринга.

Хигинс (*кричит Пикерингу*). Послушайте, Пик, зайдите, пожалуйста, входную дверь. Сегодня я больше никуда не пойду.

Пикеринг. Хорошо. А миссис Пирс можно идти спать? Нам больше ничего не понадобится?

Хигинс. Ни черта нам не надо. Пусть ложится.

В освещенном квадрате двери появляется Элиза. Она в роскошном вечернем туалете и бриллиантах. В руках у нее цветы, веер и прочие аксессуары. Она подходит к камину и включает свет. Видно, что она очень устала; темные глаза и волосы подчеркивают ее бледность; выражение лица у нее чуть ли не трагическое. Она сбрасывает накидку, кладет веер и цветы на рояль и опускается на козетку, печальная и притихшая. Входит Хигинс в вечернем костюме, пальто и цилиндре, в руках у него домашняя куртка, которую он захватил внизу. Он бросает цилиндр и пальто на журнальный столик, снимает смокинг и, облавившись в домашнюю куртку, устало разваливается в кресле у камина. Входит Пикеринг, тоже в вечернем костюме. Снимает цилиндр и пальто и уже собирается бросить их на вещи Хигинса, но спохватывается.

Пикеринг. Как бы нам не влетело от миссис Пирс за то, что мы бросили здесь вещи.

Хигинс. Спустите их по перилам в холл. Утром она найдет их и повесит на место. Подумает, что мы вернулись пьяные, и все тут.

Пикеринг. А мы действительно чуточку того. Писем не было?

Хигинс. Я не смотрел.

Пикеринг уносит пальто и шляпы. Хигинс между зевками напевает арию из *La Fanciulla del Golgen West*. Внезапно он обрывает пение.

Куда, к дьяволу, запропастились мои домашние туфли?

Элиза мрачно смотрит на него, внезапно вскакивает и выходит из комнаты. Хигинс зевает и снова начинает напевать свою арию. Возвращается Пикеринг с пачкой писем в руках.

Пикеринг. Одни проспекты и любовное послание с графской короной для вас. *(Бросает проспекты в камин и, повернувшись, прислоняется к нему спиной.)*

Хигинс *(взглянув на письмо)*. Ростовщик.

Письмо летит вслед за проспектами. Возвращается Элиза, в руках у нее большие стоптанные домашние туфли. Она ставит их на коврик перед Хигинсом и молча садится на прежнее место.

(Зевая). О Господи! Что за вечер! Что за люди! Что за дурацкий балаган! *(Поднимает ногу, чтобы расшнуровать ботинок, и замечает туфли. Оставив в покое ботинок, смотрит на них, будто они появились тут сами собой.)* А, вот они, оказывается, где!

Пикеринг *(потягиваясь)*. Признаюсь, я устал. Трудный был день. Прием, званый обед и еще вдобавок опера! Слишком много удовольствий сразу. Но пари вы, Хигинс, выиграли. Элиза справилась с ролью, да еще как!

Хигинс *(с жаром)*. Слава Богу, все позади!

Элизу передергивает, но мужчины ничего не замечают. Она берет себя в руки и снова застывает.

Пикеринг. Вы нервничали на приеме? Я ужасно. А Элиза была совершенно невозмутима.

Хигинс. Она и не думала нервничать. Я вообще нисколько не беспокоился и был уверен, что все пройдет гладко. Просто я переутомился, и напряжение всех этих месяцев наконец сказалось. Вначале, когда мы занимались фонетикой, было довольно интересно, а потом мне смертельно надоело. Если бы не пари, я бы еще два месяца назад послал все к черту. Затея-то в общем глупая — сплошная скука.

Пикеринг. Не скажите! На приеме были захватывающие моменты. У меня даже сердцебиение началось.

Хигинс. Да, первые три минуты. А когда стало ясно, что мы выигрываем без боя, я почувствовал себя как медведь в клетке — слоняйся без дела из угла в угол. А обед и того хуже! Сиди и обжирайся целый час, и поговорить не с кем, кроме какой-то модной дуры. Нет, Пикеринг, с меня довольно. Поддельных герцогинь я больше изготовлять не собираюсь. Вся эта история обернулась настоящей пыткой.

Пикеринг. У вас просто не хватает тренировки для светского образа жизни. *(Направляется к роялю.)* А я по временам люблю окунуться в эту атмосферу — начинаешь снова чувствовать себя молодым. Как бы там ни было, но это успех, потрясающий успех! Элиза так хорошо себя держала, что раза два мне даже стало страшно. Видите ли, настоящие герцогини часто вовсе не умеют держать себя. Эти дуры воображают, что хорошие манеры свойственны им от природы, и не желают ничему учиться. Когда же человек делает что-то безукоризненно хорошо, в этом всегда чувствуется профессиональная выучка.

Хигинс. Вот это меня и бесит. Эти дураки даже настоящими дураками быть не умеют. *(Встает.)* Во всяком случае наше дело сделано и с ним покончено. По крайней мере можно завалиться спать без боязни за завтрашний день.

Красота Элизы принимает злое вид.

Пикеринг. Пожалуй, и я отправлюсь на покой. Что ни говорите, а событие это — ваш полный триумф. Спокойной ночи. *(Уходит.)*

Хигинс *(слегуя за ним.)* Спокойной ночи. *(Обернувшись на пороге.)* Погасите свет, Элиза, и скажите миссис Пирс, чтобы утром она не варила кофе: я буду пить чай. *(Уходит.)*

Элиза старается взять себя в руки и остаться равнодушной. Она направляется к выключателю, но, дойдя до камина, уже находится на грани истерики. Она опускается в кресло Хигинса и сидит, крепко вцепившись в ручки. В конце концов силы ей изменяют, и в порыве бессильной злобы она бросается на пол. Хигинс орет за дверью.

Куда опять девались эти проклятые туфли? *(Появляется в дверях.)*

Элиза *(хватает туфли и одну за другой изо всей силы швыряет ему прямо в лицо).* Вот вам ваши туфли! Вот вам! Берите ваши туфли и подавитесь ими!

Хигинс *(изумленный).* Какого дьявола?.. *(Подходит к ней.)* Что случилось? Вставайте. *(Поднимает ее.)* Я спрашиваю вас, что-нибудь стряслось?

Элиза *(задыхаясь).* Ничего не стряслось — с вами. Ничего! Я выиграла вам пари, не так ли? С вас этого достаточно. А до меня вам и дела нет.

Хиггинс. Вы выиграли мне пари! Вы, дрянь вы такая? Я выиграл его. Почему вы швырнули в меня туфлями?

Элиза. Потому что хотела расквасить вам физиономию. Я готова убить вас, скотина толстокожая! Почему вы не оставили меня там, где нашли,— на панели? Теперь вы благодарите Бога, что все кончено и меня снова можно вышвырнуть на улицу, да? *(В отчаянии ломает руки.)*

Хиггинс *(глядя на нее с холодным удивлением)*. Оказывается, у этого существа все-таки есть нервы.

Элиза со сдавленным воплем ярости бросается на Хиггинса, готовая выцарапать ему глаза, но он хватает ее за руки.

Ах, вы царапаться? Прочь когти, кошка! Какое вы имеете право устраивать мне сцены? Садитесь, и чтобы я звука не слышал! *(Грубо швыряет ее в кресло.)*

Элиза *(подавленная его превосходством в силе и весе)*. Что со мной будет! Что со мной будет!

Хиггинс. За каким чертом мне знать, что с вами будет? Не все ли мне равно, что с вами будет?

Элиза. Да, вам все равно! Я знаю, что вам все равно. Даже если я умру, это вас не тронет. Я для вас ничего не значу — меньше вот этих туфлей.

Хиггинс *(громовым голосом)*. Туфель.

Элиза *(с горькой покорностью)*. Туфель. Впрочем, сейчас это уже не имеет значения.

Пауза. Элиза безнадежно подавлена. Хиггинс чувствует себя неловко.

Хиггинс *(со всем высокомерием, на какое способен)*. С чего это вы вдруг взорвались? Позвольте узнать, вы недовольны отношением к вам?

Элиза. Нет.

Хиггинс. Кто-нибудь плохо обращается с вами? Полковник Пикеринг? Миссис Пирс? Прислуга?

Элиза. Нет.

Хиггинс. Надеюсь, вы не жалуетесь на то, что я третирую вас?

Элиза. Нет.

Хиггинс. Рад слышать. *(Смягчаясь.)* Вы, вероятно, просто устали после напряженного дня. Хотите бокал шампанского? *(Направляется к двери.)*

Элиза. Нет. *(Вспомнив, как полагается вести себя.)* Благодарю вас, нет.

Хиггинс *(снова придя в добродушное настроение)*. Это у вас накопилось за последние дни. Совершенно естественно: вы волновались в ожидании приема. Но теперь уже все позади. *(Снисходительно треплет ее по плечу. Она съеживается.)* Теперь больше не о чем беспокоиться.

Элиза. Да, вам больше не о чем беспокоиться. *(Внезапно встает и, отойдя от него, опускается на козетку у рояля, где сидит, закрыв лицо руками.)* Боже мой, как мне хочется умереть!

Хиггинс *(глядя на нее с искренним изумлением)*. Но почему? Ради всего святого, объясните мне, почему? *(Подходя к ней, рассудительно.)* Послушайте, Элиза, ваше раздражение носит чисто субъективный характер.

Элиза. Не понимаю. Я слишком невежественна.

Хиггинс. Вы все сами выдумали. Плохое настроение, и больше ничего. Никто вас не обижал, никто не собирается обижать. Будьте умницей, ложитесь, выспитесь — и все пройдет. Поплачьте немного, помолитесь — вам сразу станет легче.

Элиза. Вашу молитву я уже слышала: «Слава Богу, все кончилось!»

Хиггинс *(нетерпеливо)*. А вы разве не благодарите Бога, что все кончилось? Теперь вы свободны и можете делать, что вам вздумается.

Элиза *(через силу, в отчаянии)*. На что я годна? К чему вы меня подготовили? Куда я пойду? Что будет дальше? Что со мной станет?

Хиггинс *(он наконец уразумел, в чем дело, но это его нисколько не тревожит)*. Ах, так вот что вас волнует! *(Засовывает руки в карманы и, позвякивая по привычке их содержимым, начинает шагать по комнате. Лишь по доброте душевной он снисходит до такого тривиального разговора.)* На вашем месте я бы не беспокоился о будущем. Думаю, что вам будет нетрудно так или иначе устроиться, хотя, откровенно говоря, я еще как-то не представляю себе, что вы уйдете от нас.

Она бросает на него быстрый взгляд, но он ничего не замечает. Он исследует вазу с фруктами, стоящую на рояле, и решает съесть яблоко.

В конце концов, вы можете выйти замуж. *(Откусывает большой кусок яблока и шумно жует его.)* Знаете, Элиза, далеко не все мужчины такие убежденные старые холостяки, как мы с полковником. Большинство мужчин, увы, принадлежит к тем несчастным, которые женятся. А вы

ведь совсем неплохо выглядите... Иногда на вас просто приятно смотреть — не сейчас, конечно: сейчас физиономия у вас зареванная и похожа черт знает на что. Но когда вы спокойны и довольны, я сказал бы даже, что вы привлекательны. То есть, я хочу сказать — привлекательны для мужчин, склонных к браку. Отправляйтесь-ка в постель, отдохните как следует, а утром встаньте, посмотрите в зеркало, и у вас сразу поднимется настроение.

Элиза, не двигаясь с места, молча пристально смотрит на него, но взгляд ее пропадает даром. Яблоко оказалось вкусным, и Хиггинс с довольным видом жует его. Внезапно его осеняет блестящая идея.

Послушайте, мама найдет вам какого-нибудь подходящего парня! Ручаюсь!

Элиза. Как я низко пала после Тотенхэм Корт-роуд. Хиггинс (*очнувшись*). Что вы имеете в виду?

Элиза. Там я продавала цветы, но не себя. Теперь, когда вы сделали из меня леди, мне не остается ничего другого, как торговать собой. Лучше бы вы оставили меня на улице.

Хиггинс (*решительно бросает огрызок яблока в камин*). Довольно нести вздор, Элиза. Не оскорбляйте человеческие отношения ханжескими рассуждениями о купле и продаже. Никто вас не заставляет выходить за него, если он вам не понравится.

Элиза. А что мне остается делать?

Хиггинс. Да все что угодно. Помните, вы мечтали о цветочном магазине? Пикеринг может вам это устроить — у него куча денег. (*Хихикает.*) Ему еще придется заплатить за тряпки, которые вы сегодня надевали, а если к этому прибавить плату за прокат бриллиантов, то плакали его двести фунтов. Сознайтесь, ведь полгода назад вы и мечтать не смели о таком счастье, как собственный цветочный магазин. Ну, выше нос! Все будет в порядке. А теперь мне пора в постель — чертовски хочется спать. Да, кстати, я ведь за чем-то пришел... Будь я проклят, если помню, за чем...

Элиза. За туфлями.

Хиггинс. Совершенно верно, за туфлями. А вы ими запустили в меня. (*Погibtает туфли и собирается уходить, но Элиза встает и задерживает его.*)

Элиза. Прежде чем вы уйдете, сэръ...

Хиггинс, услышав это обращение, роняет от неожиданности туфли.

Хигинс. А?

Элиза. Я хочу знать: мои платья принадлежат мне или полковнику Пикерингу?

Хигинс возвращается в комнату с таким видом, словно ему никогда не приходилось слышать более нелепого вопроса.

Хигинс. На кой черт нужны Пикерингу ваши платья?

Элиза. Они могут понадобиться ему для эксперимента над следующей девушкой, которую вы найдете.

Хигинс (*уязвленный*). Так вот вы какого мнения о нас!

Элиза. Я не желаю больше разговаривать на эту тему. Я желаю лишь знать, что из вещей принадлежит мне. Мои вещи, в которых я пришла сюда, к сожалению, сожжены.

Хигинс. Да не все ли равно? С чего это вы вздумали задавать мне в час ночи дурацкие вопросы?

Элиза. Я хочу знать, что я могу взять с собой. Я не хочу, чтобы потом меня обвинили в воровстве.

Хигинс (*глубоко оскорбленный*). «В воровстве»! Зачем вы так говорите, Элиза? Не думал я, что вы такая бесчувственная.

Элиза. Прошу прощения, но я простая, невежественная девушка, и в моем положении мне надо быть очень осторожной. Между такими, как вы, и такими, как я, не может быть никаких чувств. Прошу вас, скажите точно, что здесь принадлежит мне, а что нет.

Хигинс (*утрюмо*). Выносите хоть весь дом, черт вас дери! Оставьте только бриллианты: они взяты напрокат. Вас это устраивает? (*Возмущенный, направляется к двери.*)

Элиза упивается его раздражением, как нектаром, и обдумывает, как еще спровоцировать Хигинса, чтобы продлить наслаждение.

Элиза. Погодите! (*Снимает с себя драгоценности.*) Будьте так любезны, возьмите их и спрячьте у себя. Я не хочу отвечать за них — вдруг что-нибудь пропадет.

Хигинс (*взбешенный*). Давайте!

Она передает ему драгоценности.

Если бы они принадлежали мне, а не ювелиру, я бы заткнул ими вашу неблагодарную глотку. (*Яростно рассказывает украшения по карманам, не замечая, что украсил себя свешивающимися концами ожерелья.*)

Элиза (*снимая кольцо*). Это кольцо не взято напрокат. Вы купили мне его в Брайтоне. Теперь оно мне больше не нужно.

Хигинс швыряет кольцо в камин и оборачивается к ней с таким угрожающим видом, что она прячется за рояль, вскрикивает и закрывает лицо руками.

Не бейте меня!

Хигинс. Бить вас, тварь вы этакая! Как вы смели подумать, что я ударю вас! Это вы ударили меня! Вы ранили меня в самое сердце!

Элиза (*трепеща от затаенной радости*). Очень рада, что хоть немного поквиталась с вами.

Хигинс (*с достоинством, самым изысканным профессиональным тоном*). Вы меня вывели из себя, что случается со мной чрезвычайно редко. На этом мы прервем наш разговор — я иду спать.

Элиза (*дерзко*). Оставьте лучше записку миссис Пирс насчет кофе, я не собираюсь ничего передавать ей.

Хигинс (*педантично*). К черту миссис Пирс! К черту кофе! К черту вас! К черту мою собственную глупость! Надо же было мне, идиоту, тратить свои упорным трудом приобретенные знания, сокровища своей души, свои чувства на бессердечную уличную девчонку! (*Величественно покидает комнату, но портит весь эффект, хлопнув изо всех сил дверью.*)

Элиза впервые за весь вечер улыбается и выражает свои чувства бурной пантомимой, то пародируя горделивый уход Хигинса, то упиваясь торжеством победы. В конце концов она опускается на колени перед камином и начинает искать в нем кольцо.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Гостиная миссис Хигинс. Хозяйка сидит за письменным столом.
Входит горничная.

Горничная (*в дверях*). Мистер Генри, мэм, и с ним полковник Пикеринг.

Миссис Хигинс. Просите.

Горничная. Они говорят по телефону, мэм. Помоему, вызывают полицию.

Миссис Хигинс. Что?

Горничная (*подходит ближе и понижает голос*).
Мистер Генри в расстроенных чувствах, мэм. Я сочла нужным вас предупредить.

Миссис Хигинс. Я удивилась бы гораздо больше, если бы узнала, что мистер Генри не в расстроенных чувствах. Попросите их подняться ко мне, когда они кончат свои дела с полицией. Мистер Генри, наверно, потерял что-нибудь.

Горничная. Слушаю, мэм. (*Направляется к двери.*)

Миссис Хигинс. Поднимитесь наверх и скажите мисс Дулитл, что мистер Генри и полковник здесь. Передайте, чтобы она не выходила, пока я не пришлю за ней.

Горничная. Слушаю, мэм.

Врывается Хигинс. Он, как правильно заметила горничная, пребывает в расстроенных чувствах.

Хигинс. Послушайте, мама, произошла дьявольская история!

Миссис Хигинс. Доброе утро, мой милый.

Он сдерживает свое нетерпение и целует ее, в то время как горничная покидает комнату.

Что же случилось?

Хигинс. Элиза сбежала.

Миссис Хигинс (*спокойно продолжая писать*).
Вы, наверно, напугали ее.

Хигинс. Как же! Ее напугаешь! Вздор! Вчера вечером она, как обычно, задержалась, чтобы погасить свет и всякое прочее, а потом, вместо того чтобы пойти спать, переделась и сбежала. Ее постель даже не смята. Сегодня рано утром она приехала на такси за своими вещами, и эта дура миссис Пирс, не сказав мне ни слова, отдала их. Что мне теперь делать?

Миссис Хигинс. Обходиться без нее, Генри. Девушка имела полное право уйти, если ей так хочется.

Хигинс (*блуждая по комнате*). Но я не могу найти ни одной своей вещи. Я не знаю, с кем и когда у меня назначены встречи. Я...

Входит Пикеринг. Миссис Хигинс кладет перо и отодвигается от письменного стола.

Пикеринг. Доброе утро, миссис Хигинс. Генри уже рассказал вам? *(Садится на тахту.)*

Хигинс. Ну, что сказал этот осел инспектор? Вы предложили вознаграждение?

Миссис Хигинс *(встает в негодовании)*. Неужели вы серьезно собираетесь разыскивать Элизу через полицию?

Хигинс. Конечно! Для чего еще существует полиция? И что нам оставалось делать? *(Садится в елизаветинское кресло.)*

Пикеринг. Я с трудом договорился с инспектором. Он, кажется, заподозрил нас в не совсем чистых побуждениях.

Миссис Хигинс. Безусловно. Вообще, какое вы имели право заявлять об этой девушке в полицию, как будто она воровка или потерянный зонтик? Безобразие! *(Снова садится, крайне возмущенная.)*

Хигинс. Но мы же хотим найти ее.

Пикеринг. Мы не допустим, чтобы она вот так ушла от нас. Что же нам оставалось делать, миссис Хигинс?

Миссис Хигинс. Здравому смысла у вас столько же, сколько у двух младенцев. Почему...

Входит горничная, прервав начатый разговор.

Горничная. Мистер Генри, к вам какой-то джентльмен по срочному делу. Его направили сюда с Уимпол-стрит.

Хигинс. А ну его ко всем чертям! Мне сейчас не до дел. А кто он такой?

Горничная. Некий мистер Дулитл, сэр.

Пикеринг. Дулитл? Так ведь это мусорщик!

Горничная. Мусорщик? Что вы, сэр! Это джентльмен.

Хигинс *(возбужденно вскочив с места)*. Черт побери, Пик! Это, наверно, ее родственник, у которого она скрывается. Кто-нибудь, кого мы еще не знаем. *(Горничной.)* Тащите его сюда, да поживее.

Горничная. Слушаю, сэр. *(Уходит.)*

Хигинс *(подходит к матери, нетерпеливо)*. Ну, сейчас мы кое-что услышим. *(Садится на чипендейловский стул.)*

Миссис Хигинс. А вы знаете кого-нибудь из ее родных?

Пикеринг. Только отца. Помните, мы вам о нем рассказывали.

Горничная (*объявляет*). Мистер Дулитл. (*Уходит.*)

Входит Дулитл. Он великолепно одет: новый, модный сюртук, белый жилет и серые брюки. Цветок в петлице, сверкающий цилиндр и лакированные ботинки завершают картину. Войдя, он не замечает миссис Хигинс, так как целиком поглощен целью своего визита. Он направляется прямо к Хигинсу и обрушивает на него град упреков.

Дулитл (*указывая на свой костюм*). Смотрите! Видите вы это? Все это вы наделали!

Хигинс. Простите, что «все»?

Дулитл. Вот это все, говорю я вам. Взгляните на меня! Взгляните на эту шляпу! Взгляните на этот костюм!

Пикеринг. Элиза купила вам эти вещи?

Дулитл. Как же, Элиза! Держи карман шире! С какой это стати Элиза будет покупать мне тряпки?

Миссис Хигинс. Доброе утро, мистер Дулитл. Не угодно ли присесть?

Дулитл (*смущенный тем, что не заметил хозяйку дома*). Прошу прощения, мэм. (*Подходит к ней и пожимает протянутую руку.*) Благодарю вас. (*Усаживается на тахту справа от Пикеринга.*) Совсем я убит тем, что со мной приключилось, ни о чем другом думать не могу.

Хигинс. Что же, черт побери, с вами приключилось?

Дулитл. Да если б это со мной просто случилось, ну что ж, как говорится, ничего не поделаешь, с каждым может случиться, на то и воля Божья. Так ведь нет, не случилось, а вы это сами со мной сделали. Да, да, вы, лично вы, Генри Хигинс.

Хигинс. Вы нашли Элизу? Остальное неважно.

Дулитл. А вы ее потеряли?

Хигинс. Да.

Дулитл. Ваше счастье. Я ее не нашел, но теперь, после того, что вы со мной сделали, она меня сама живо найдет.

Миссис Хигинс. Но что же такое сделал с вами мой сын, мистер Дулитл?

Дулитл. Что он со мной сделал? Сгубил меня. Лишил покоя. Связал меня по рукам и ногам и отдал в лапы буржуазной морали.

Хигинс (*встает и с негодующим видом подступает к Дулитлу*). Вы бредите. Вы пьяны. Вы с ума сошли. Я дал

вам пять фунтов, после чего имел с вами еще две беседы по полкronы в час. Больше я вас в глаза не видел.

Дулитл. Ах, я, значит, пьян? Да? Я с ума, значит, сошел? Да? А скажите-ка, писали вы письмо одному старому душегубу в Америке, который отвалил пять миллионов на то, чтобы по всему свету основать общества моральных реформ, и просил, чтобы вы придумали для него всемирный язык?

Хигинс. Что? Эзра Д. Уонафелер? Да ведь он умер. *(Успокоенный, снова усаживается.)*

Дулитл. Да, он умер, а я пропал. Писали вы ему или не писали? Нет, вы ответьте, писали вы ему, что, насколько вам известно, самый что ни на есть оригинальный моралист во всей Англии — это Элфрид Дулитл, простой мусорщик?

Хигинс. А ведь верно, после вашего последнего визита я, кажется, написал что-то в этом духе, ради шутки.

Дулитл. Ничего себе шутка! Она меня доконала, ваша шутка! Он ведь только и дожидался случая показать, что американцы нам не чета. Они, мол, признают и уважают человека за его достоинства, а из какого он класса, им начхать, пусть хоть из самых подонков. Вот эти самые слова черным по белому и записаны в его завещании. А по этому завещанию он из-за ваших дурацких шуток, Генри Хигинс, оставил мне пай в своем тресте «Пережеванный сыр» на три тысячи годового дохода при условии, что я буду читать лекции в его уонафелеровской Всемирной лиге моральных реформ, когда меня пригласят, но не больше шести раз в год.

Хигинс. Черт побери! *(Внезапно развеселившись.)* Ну и потеха!

Пикеринг. Вам нечего опасаться, Дулитл: второй раз вас уже не пригласят.

Дулитл. Да тут не о лекциях речь. Я и глазом не моргну, а буду себе читать им эти лекции, пока они на стенку не полезут. Я ведь против чего возражаю — против того, что из меня порядочного сделали. Кто его просил делать из меня порядочного? Жил я в свое удовольствие, был свободен как ветер, а когда хотел, мог из любого джентльмена деньжат вытянуть, вроде как из вас вытянул, Генри Хигинс. Теперь я минуты покоя не знаю. Связан по рукам и ногам, и все кому не лень из меня деньги тянут. «Вам повезло», — говорит мой адвокат. «Вот как, — говорю я. — Вы, верно, хотите сказать, что

это вам повезло». Помню, когда я был бедняком, довелось мне раз иметь дело с адвокатом — оказалась, понимаете, в моем мусорном фургоне детская коляска. Так адвокат этот только и думал, как бы меня поскорее с рук сбыть. И с докторами та же история — я еще на ногах не держусь, а меня уже норовят из больницы вышвырнуть. Так это мне хоть денег не стоило. А теперь доктора находят, что здоровье у меня слабое и я помру, если они ко мне по два раза на дню не будут заглядывать. Дома мне пальцем не дают шевельнуть: все за меня делают другие, а я за это денежки гони. Год назад у меня на всем белом свете было два-три родственника, да и те со мной знаться не хотели. А теперь их объявилось штук пятьдесят, и всем жить не на что. Живи для других, а не для себя — вот она как обернулась, буржуазная-то мораль. Вы говорите, Элиза потерялась? Не беспокойтесь! Бьюсь об заклад, что она уже у моего подъезда торчит. А пока меня почтенным буржуа не сделали, она себе спокойно цветочки продавала и сама кормилась. Подходит день, когда и вы, Генри Хигинс, начнете из меня деньги тянуть. Придется вам меня учить разговаривать по-буржуазному, просто по-человечески мне теперь говорить не положено. Вот тут-то ваш черед и подойдет. Я так думаю, что вы всю эту штуку для того и подстроили.

Миссис Хигинс. Но, милый мистер Дулитл, если вы говорите серьезно, то зачем вам теперь это? Никто не заставляет вас принять наследство. Вы можете отказаться от него. Не так ли, полковник Пикеринг?

Пикеринг. Несомненно.

Дулитл (*смягчая тон из уважения к game*). В том-то и трагедия, мэм. Легко сказать — отказаться. А если духа не хватает? Да и у кого хватило бы? Все мы запуганы, мэм, — вот оно что. Ну, допустим, я отказался, а под старость что? Ступай в работный дом? Мне уже сейчас приходится волосы красить, чтобы работу не потерять. А я всего-навсего мусорщик. Будь я достойным бедняком, я бы, конечно, имел кой-какие сбережения и тогда мог бы отказаться. Но опять-таки смысла нету, потому как достойным беднякам живется не лучше, чем миллионерам. Им даже не понять, что значит жить в свое удовольствие. А как я есть бедняк недостойный, то между мной и нищенской робой только и стоят что эти три тысячи в год. Будь они трижды прокляты — простите за выражение, мэм, но и вы на моем месте не удержались бы — они-то

меня в буржуазное общество и спихнули. Вот и выходит — куда ни кинь, все клин: выбирать приходится между Скилией рабочего дома и Харбидией буржуазного класса*, а выбрать рабочий дом рука не поднимается. Запуган я, мэм. Сдаться решил. Меня купили. Счастливы будут вывозить мой мусор и тянуть из меня на чай, а я буду смотреть на них и завидовать. И все это подстроил мне ваш сынок. *(Смолкает от наплыва чувств.)*

Миссис Хигинс. Я очень рада, что вы не собираетесь делать глупости. Таким образом, будущее Элизы перестанет быть проблемой. Теперь вы можете обеспечить ее.

Дулитл *(с печальной покорностью)*. Да, мэм. Теперь я должен обеспечивать всех — и все на жалкие три тысячи в год.

Хигинс *(вскакивая)*. Вздор! Он не может обеспечить ее и не будет ее обеспечивать. Она ему не принадлежит: я заплатил за нее пять фунтов. Честный вы человек или мошенник, Дулитл?

Дулитл *(кратко)*. И того и другого есть понемногу. Как каждый из нас, Генри.

Хигинс. Но деньги-то вы за девушку взяли? Значит, не имеете права требовать ее обратно.

Миссис Хигинс. Генри, перестань глупить. Угодно тебе знать, где Элиза? Так вот, она у меня наверху.

Хигинс *(пораженный)*. Наверху? Ну, так я ее живо спущу вниз! *(Решительно направляется к двери.)*

Миссис Хигинс *(следует за ним)*. Успокойся, Генри. Сядь.

Хигинс. Я...

Миссис Хигинс. Сядь, милый, и выслушай меня.

Хигинс. Ну хорошо, хорошо, пожалуйста! *(С размаху бросается на тахту и отворачивается.)* Но вы могли все-таки сказать мне об этом еще полчаса назад.

Миссис Хигинс. Элиза пришла ко мне сегодня утром. Уйдя от вас, она в ярости металась по улицам, хотела утопиться, но не нашла в себе сил и остаток ночи провела в отеле «Карлтон». Она рассказала мне, как отвратительно вы поступили с ней.

Хигинс *(снова вскочив)*. Что-о?

Пикеринг *(тоже встает)*. Дорогая миссис Хигинс, поверьте, это сплошные выдумки. Никто с ней дурно не поступал. Мы вообще почти не разговаривали с ней и расстались самыми лучшими друзьями. *(Хигинсу.)* Хи-

гинс, может быть, вы ее чем-нибудь допекли после моего ухода?

Хиггинс. Как раз наоборот. Это она запустила в меня туфлями и вообще вела себя самым непозволительным образом. Я не дал ей ни малейшего повода, и вдруг бац! — не успел я слова сказать, как она влепила мне в физиономию сначала одну туфлю, потом другую. А сколько гадостей наговорила!

Пикеринг (*удивленный*). Но за что? Что мы ей сделали?

Миссис Хиггинс. А я прекрасно понимаю, что вы ей сделали. Девушка, вероятно, от природы очень чувствительна. Не правда ли, мистер Дулитл?

Дулитл. Сердце у нее чистый воск, мэм. В меня пошла.

Миссис Хиггинс. Вот видите. Она привязалась к вам обоим. Она так старалась ради тебя, Генри! Ты даже представить себе не можешь, что значит для такой девушки умственная работа. Наконец наступает великий день. Она справляется с труднейшим испытанием без единого промаха, а вы возвращаетесь домой и, даже не замечая ее, начинаете рассказывать, как вам надоела вся эта история и как вы рады, что все наконец кончилось. И ты еще удивляешься, что она запустила в тебя туфлями? Я бы в тебя кочергой запустила!

Хиггинс. Мы сказали только, что очень устали и хотим спать, вот и все. Правда, Пик?

Пикеринг (*пожимая плечами*). Больше мы ничего не говорили.

Миссис Хиггинс (*с иронией*). Вы уверены?

Пикеринг. Абсолютно уверен. Ни слова больше.

Миссис Хиггинс. И вы не поблагодарили ее, не сказали ей ласкового слова, не похвалили ее за то, что она так блистательно справилась со своей задачей?

Хиггинс (*нетерпеливо*). Все это ей и без того было известно. Если вы имеете в виду поздравительные речи, то мы их действительно не произносили.

Пикеринг (*испытывая угрызения совести*). Возможно, мы были недостаточно внимательны. Она очень сердится?

Миссис Хиггинс (*возвращаясь на свое место за письменным столом*). Боюсь, что она не вернется больше на Уимпол-стрит, особенно теперь, когда мистер Дулитл может обеспечить ей то положение, которое вы ей навя-

зали. Однако она говорит, что готова забыть обиды и встретиться с вами по-дружески.

Хигинс (*взбешенный*). Вот как! Она готова снизойти до нас!

Миссис Хигинс. Если ты обещаешь вести себя прилично, Генри, я попрошу ее спуститься сюда. Если нет — отправляйся домой: ты и так уже отнял у меня много времени.

Хигинс. Прекрасно! Превосходно! Пик, прошу вас, ведите себя прилично. Облачимся в наши лучшие воскресные манеры ради девчонки, которую мы вытащили из грязи. (*Сердито бросается в елизаветинское кресло.*)

Дулитл (*с укором*). Ах, Генри Хигинс, Генри Хигинс, пощадите мои буржуазные чувства.

Миссис Хигинс. Не забывай, Генри: ты обещал. (*Нажимает кнопку звонка на письменном столе.*) Мистер Дулитл, будьте любезны, пройдите пока на балкон. Я хочу, чтобы Элиза помирилась с этими джентльменами до того, как вы сообщите ей о своем новом положении. Вы не возражаете?

Дулитл. Как вам угодно, мэм. Я готов на все, лишь бы Генри избавил меня от нее. (*Скрывается за балконной дверью.*)

Появляется горничная. Пикеринг занимает место Дулитла.

Миссис Хигинс. Попросите, пожалуйста, мисс Дулитл.

Горничная. Слушаю, мэм. (*Уходит.*)

Миссис Хигинс. Смотри, Генри, будь умницей.

Хигинс. По-моему, я веду себя идеально.

Пикеринг. Он старается как может, миссис Хигинс.

Пауза. Хигинс откидывает голову, вытягивает ноги и начинает насвистывать.

Миссис Хигинс. Милый Генри, в этой позе ты выглядишь совсем не лучшим образом.

Хигинс (*подбирая ноги*). А я и не стремлюсь выглядеть лучшим образом.

Миссис Хигинс. Дело не в этом, милый. Я просто хотела, чтобы ты заговорил.

Хигинс. А почему?

Миссис Хигинс. А потому, что, когда человек разговаривает, он не может свистеть.

Хигинс издает стон. Снова томительная пауза.

Хигинс *(потеряв терпение, вскакивает с места)*. Где же, черт побери, эта девчонка? Целый день нам ее дожидаться, что ли?

Входит невозмутимая, излучающая приветливость Элиза. Она в совершенстве владеет собой и держится с полной непринужденностью. В руках у нее рабочая корзинка. Видно, что она чувствует себя здесь как дома. Пикеринг так поражен, что не в силах двинуться с места.

Элиза. Здравствуйте, профессор Хигинс. Как вы себя чувствуете?

Хигинс *(поперхнувшись)*. Как я... *(Продолжать он не в состоянии.)*

Элиза. Ну конечно, хорошо — вы ведь никогда не болеете. Как я рада вас видеть, полковник Пикеринг!

Пикеринг поспешно вскакивает и здоровается с ней.

Сегодня прохладно, не правда ли? *(Садится.)*

Пикеринг усаживается рядом с ней.

Хигинс. Со мной вы эти фокусы бросьте! Я сам вас всему научил, меня этим не возьмешь! Хватит дурака валять! Одевайтесь — и домой.

Элиза вынимает из корзинки вышивание и начинает работать, не обращая на Хигинса ни малейшего внимания.

Миссис Хигинс. Право, ты очень мил, Генри! Ни одна женщина не устоит перед таким приглашением.

Хигинс. Оставьте вы ее, мама. Пусть говорит сама за себя. Вы очень скоро убедитесь, что у нее нет ни одной своей мысли, ни одного своего слова — всему научил ее я. Повторяю вам, я создал ее из рыночных отбросов, а теперь эта гнилая капустная кочерыжка разыгрывает передо мной знатную леди.

Миссис Хигинс *(успокаивающе)*. Да, да, мой милый, но, может быть, ты все-таки сядешь.

Разъяренный Хигинс садится.

Элиза (*продолжая работать и, по-видимому, не замечая его присутствия*). Теперь вы меня, наверно, совсем забудете, полковник Пикеринг,— ведь ваш эксперимент окончен.

Пикеринг. Не надо так. Вы не должны об этом думать как об эксперименте. Мне больно это слышать.

Элиза. Правда, я ведь всего лишь гнилая капустная Kocherzhka.

Пикеринг (*порывисто*). Нет!

Элиза (*невозмутимо*). ...но вы для меня столько сделали, что мне было бы очень горько, если бы вы меня забыли.

Пикеринг. Вы очень любезны, мисс Дулитл.

Элиза. Дело не в том, что вы платили за мои туалеты. Я знаю, вы не скупитесь на деньги. Но именно от вас я научилась хорошим манерам, а ведь без них нельзя стать настоящей леди, не правда ли? Знаете, мне было так трудно научиться прилично вести себя, находясь все время в обществе профессора Хигинса. Я с детства привыкла вести себя точно так же, как ведет себя он: не умела сдерживаться, кричала, ругалась по каждому поводу. Я бы так никогда и не узнала, как ведут себя настоящие леди и джентльмены, если бы не вы.

Хигинс. Ну и ну!

Пикеринг. Но ведь у него это получается произвольно. Он не хотел вам плохого.

Элиза. Вот и я произвольно делала то же самое, когда была цветочницей. Но все-таки делала — вот в чем беда.

Пикеринг. Ваша правда. Тем не менее именно он научил вас правильно говорить; я, знаете, с этим бы не справился.

Элиза (*небрежно*). Да, конечно, но ведь это его профессия.

Хигинс. Ах, черт!

Элиза (*продолжая*). Это все равно что научить танцевать модные танцы, не больше. Знаете вы, когда понастоящему началось мое воспитание?

Пикеринг. Нет...

Элиза (*опуская вышивку*). В тот день, когда я впервые пришла на Уимпол-стрит и вы назвали меня мисс Дулитл. С этой минуты я начала уважать себя. (*Снова берется за вышивание*.) Многих мелочей вы даже не замечали, так они были естественны для вас. Вы разгова-

ривали со мной стоя, снимали передо мной шляпу, пропуская меня в дверях...

Пикеринг. Какие пустяки!

Элиза. Да, но эти пустяки говорили о том, что вы обо мне лучшего мнения, чем о какой-нибудь судомойке; хотя и с судомойкой, попади она в гостиную, вы, конечно, были бы так же вежливы. Вы, например, никогда не снимали при мне ботинок в столовой.

Пикеринг. Вы не должны обижаться за это на Хигинса: он снимает их всюду.

Элиза. Знаю. И не виню его. Это у него получается произвольно, не правда ли? Но для меня было так важно, что вы этого не делали. Видите ли, разница между леди и цветочницей заключается не только в умении одеваться и правильно говорить — этому можно научить, и даже не в манере вести себя, а в том, как себя ведут с ними окружающие. С профессором Хиггинсом я навсегда останусь цветочницей, потому что он вел себя и будет вести себя со мной, как с цветочницей. Но с вами я могу стать леди, потому что вы вели себя и будете вести себя со мной, как с леди.

Миссис Хиггинс. Генри, пожалуйста, не скрежещи зубами.

Пикеринг. Право, мне очень приятно это слышать, мисс Дулитл.

Элиза. Если хотите, можете называть меня просто Элизой.

Пикеринг. Благодарю. С наслаждением буду называть вас Элизой.

Элиза. А профессора Хиггинса я просила бы называть меня мисс Дулитл.

Хиггинс. Раньше подохнете.

Миссис Хиггинс. Генри! Генри!

Пикеринг *(смеясь)*. Платите ему той же монетой, Элиза. Не церемоньтесь с ним, ему это на пользу.

Элиза. Не могу. Раньше смогла бы, а теперь не могу. Ночью, когда я бродила по улицам, ко мне обратилась какая-то девушка. Я попробовала заговорить с ней постарому, но у меня ничего не вышло. Помните, вы мне рассказывали, что, когда ребенок попадает в другую страну, он быстро начинает говорить на чужом языке и забывает свой. Я — такой ребенок в вашей стране. Я была свой родной язык и могу говорить только на вашем.

Именно теперь, когда я ушла с Уимпол-стрит, я навсегда покончила с Тотенхэм Корт-роуд.

Пикеринг (*встревоженно*). Но вы же вернетесь на Уимпол-стрит, правда? Вы простите Хигинса?

Хигинс (*вскакивая*). Черта с два я ей позволю прощать меня. Пускай убирается! Пускай попробует обойтись без нас. Без меня она через три недели скатится обратно на дно.

В комнате появляется Дулитл. Бросив на Хигинса полный достоинства и укоризны взгляд, он тихо подходит к дочери, которая стоит спиной к нему.

Пикеринг. Он неисправим, Элиза. Но вы ведь не скатитесь на дно, правда?

Элиза. Нет, никогда не скачусь. Я хорошо выучила свой урок. Я уже не могу издавать такие звуки, как раньше, даже если бы захотела!

Дулитл сзади кладет ей руку на плечо. От неожиданности она роняет вышивание, оборачивается, и тут, при виде отца в шикарном костюме, ей сразу изменяет выдержка.

А... а... а... у... о... ой!

Хигинс (*издав торжествующий вопль*). Ага! Правильно! А... а... а... у... у... о... ой! Победа! Победа! (*Растягивается на тахте, скрестив руки на груди.*)

Дулитл. Ну чего к девушке прицепились? Не смотри на меня так, Элиза. Я тут ни при чем. Просто у меня деньги завелись.

Элиза. Не иначе как тебе миллионер подвернулся?

Дулитл. Верно. Но сегодня я вырядился по особому случаю. Сейчас еду в церковь Святого Георгия*. Мачеха твоя за меня выходит.

Элиза (*сердито*). И ты унизишься до брака с этой мерзкой, вульгарной бабой?

Пикеринг (*мягко*). Это его долг, Элиза. (*Дулитлу.*) А почему она переменяла свои намерения?

Дулитл (*грустно*). Запутана, хозяин, запутана. Буржуазная мораль требует жертв. Не хочешь ли поглядеть, как меня окрутят, Элиза? Надевай шляпу и поехали.

Элиза. Если полковник считает это нужным, я... я... (*Чуть не плачет.*) Я поступлюсь своим достоинством. А в награду за это, наверно, наслушаюсь новых оскорблений.

Дулитл. Не бойся, теперь она больше ни с кем не лается. Как стала порядочной, так совсем духом пала.

Пикеринг *(слегка сжимая локоть Элизы)*. Не огорчайте их, Элиза. Сделайте, что в ваших силах.

Элиза *(пытается выгнать улыбку, скрыв раздражение)*. Ну хорошо, я поеду. Пусть видят, что я не злопмятна. Подожди минутку, я сейчас вернусь. *(Уходит.)*

Дулитл *(подсаживаясь к Пикерингу)*. Как подумаю об этой церемонии, так меня страх и разбирает, полковник. Может, вы тоже поедете, чтобы подбодрить меня?

Пикеринг. У вас ведь уже есть опыт, старина. Вы же были женаты на матери Элизы.

Дулитл. Да кто это вам сказал?

Пикеринг. Мне, собственно, никто не говорил... Но, естественно, я полагал...

Дулитл. Ничего тут нет естественного. Просто у порядочных так принято. А я всегда поступал, как положено непорядочному. Только вы Элизе ничего не говорите.

Пикеринг. И правильно сделали. Если не возражаете, забудем о нашем разговоре.

Дулитл. Ладно. А вы поедете со мной в церковь, полковник, и присмотрите, чтобы меня окрутили по всем правилам?

Пикеринг. С удовольствием. Не знаю только, будет ли от меня, холостяка, польза.

Миссис Хигинс. А меня вы не приглашаете, мистер Дулитл? Я бы тоже с удовольствием побывала на вашей свадьбе.

Дулитл. За большую честь сочту, мэм, если вы снизойдете. А старуха моя, так та на стенку от радости ползет. Очень уж она расстраивается, бедняжка, что кончились наши счастливые денечки.

Миссис Хигинс *(вставая)*. Тогда я велю подать коляску и пойду одеваться.

Мужчины встают, Хигинс не трогается с места.

Я задержу вас минут на пятнадцать, не больше.

Направляется к двери. Навстречу ей входит Элиза в шляпе и перчатках, которые она застегивает на ходу.

Элиза, я тоже отправляюсь в церковь на свадьбу вашего отца. Вам удобнее ехать со мной, а полковник Пикеринг может сопровождать жениха.

Миссис Хигинс уходит. Элиза проходит в комнату и останавливается между окном и тахтой. Пикеринг присоединяется к ней.

Дулитл. Жених! Ну и словечко! Скажешь такое, и сразу тебе ясно, на что идешь. *(Берет цилиндр и направляется к двери.)*

Пикеринг. Элиза, пока я не ушел, обещайте, что простите Хигинса и возвратитесь к нам.

Элиза. Боюсь, что папа не разрешит мне. Правда, папочка?

Дулитл *(опечаленный, но готовый проявить великодушие)*. А ловко эти шутники обвели тебя вокруг пальца, Элиза. Имей ты дело с одним, ты бы уж его из рук не выпустила. Вся беда в том, что их оказалось двое, и один вроде как прикрывал другого. *(Пикерингу.)* Хитрей не придумаешь, полковник, но я не в претензии — я бы и сам так сделал. Всю жизнь я страдал от женщин; так уж если вам удалось выкрутиться, ваше счастье. Я в ваши дела не полез. Ну, полковник, пора нам двигаться. До скорого, Генри. Элиза, увидимся в церкви. *(Уходит.)*

Пикеринг *(заискивающе)*. Оставайтесь с нами, Элиза. *(Идет вслед за Дулитлом.)*

Элиза хочет выйти на балкон, чтобы не оставаться наедине с Хигинсом. Он следует за ней. Она тут же возвращается в комнату, но он, пробежав вдоль балкона, успевает преградить ей путь.

Хигинс. Ну вот, Элиза, вы и поквитались со мной, по вашему выражению. Довольны вы, или вам еще мало? Может быть, вы хоть теперь образумитесь?

Элиза. Вы хотите, чтобы я вернулась только затем, чтобы подавать вам туфли, терпеть ваши вздорные причуды и быть у вас на побегушках?

Хигинс. Я не сказал, что хочу вашего возвращения.

Элиза. Ах вот как! В таком случае о чем нам вообще говорить?

Хигинс. О вас, не обо мне. Если вы вернетесь, я буду относиться к вам точно так же, как относился до сих пор. Я не могу переделать себя и не собираюсь менять свои манеры. Кстати, веду я себя нисколько не хуже, чем полковник Пикеринг.

Элиза. Неправда. Полковник Пикеринг ведет себя с цветочницей, как с герцогиней.

Хигинс. А я с герцогиней — как с цветочницей.

Элиза. Понятно. *(Спокойно садится на тахту лицом к окну, отвернувшись от него.)* Со всеми одинаково.

Хиггинс. Совершенно верно.

Элиза. Совсем как мой отец.

Хиггинс *(с усмешкой, но слегка сбавив тон)*. Я не совсем согласен с вашим сравнением, Элиза. Однако должен признать, что отец ваш не страдает снобизмом и будет чувствовать себя одинаково свободно в любом положении, в каком может очутиться по воле своей капризной судьбы. *(Серьезно.)* Вы знаете, в чем секрет, Элиза? Не в том, что человек ведет себя плохо или хорошо, или еще как-нибудь, а в том, что он со всеми людьми ведет себя одинаково. Короче говоря, надо вести себя так, словно ты в раю, где нет пассажиров третьего класса и царит всеобщее равенство.

Элиза. Аминь. Вы прирожденный проповедник.

Хиггинс *(раздраженно)*. Дело не в том, что я груб с вами, а в том, что я никогда ни с кем и не бываю иным.

Элиза *(очень искренне)*. Мне все равно, как вы со мной обращаетесь. Ругайте меня, бейте, пожалуйста,— я к этому привыкла. Но *(встает и смотрит на него в упор)* раздавить себя я не позволю.

Хиггинс. Так прочь с моего пути. Я не собираюсь останавливаться из-за вас. С какой стати вы говорите обо мне так, словно я автобус?

Элиза. Вы и есть автобус. Завели мотор и поперли, а до других вам и дела нет. Но не думайте, я могу обойтись и без вас.

Хиггинс. Знаю. Я сам говорил вам, что можете.

Элиза *(уязвленная, переходит к другому концу тахты и поворачивается к камину)*. Да, говорили, бездушный вы человек. Вы хотели избавиться от меня.

Хиггинс. Врете.

Элиза. Спасибо. *(С достоинством садится.)*

Хиггинс. А приходило вам когда-нибудь в голову, что я не могу обойтись без вас?

Элиза *(серьезно)*. Не пытайтесь снова меня опутать. Вам придется обходиться без меня.

Хиггинс *(высокомерно)*. И обойдусь. Мне не нужен никто. У меня есть моя собственная душа, моя собственная искра божественного огня. *(С неожиданным смирением.)* Но мне будет недоставать вас, Элиза. *(Садится рядом с ней.)* Ваши idiotские представления о жизни многому меня научили — признаюсь покорно и с благо-

дарностью. Кроме того, я привык к вашему голосу и к вашему виду, они мне даже нравятся.

Элиза. Ну что ж, у вас есть записи с моим голосом и мои фотографии. Когда вам станет скучно без меня, послушайте запись. У нее, по крайней мере, нет чувств, ей не причинишь боли.

Хиггинс. Но я не услышу вашей души. Оставьте мне свою душу, а голос и лицо берите с собой. Они — не вы.

Элиза. О, да вы настоящий дьявол! Вы умеете вернуть душу, как другие выворачивают руку, чтобы поставить человека на колени. Миссис Пирс предупреждала меня. Сколько раз она собиралась от вас уйти, но в последнюю минуту вам всегда удавалось уломать ее. А ведь она вас нисколько не интересуется, так же, как не интересую вас я.

Хиггинс. Но меня интересуется человеческая природа и жизнь, а вы — частица этой жизни, которая встрети-лась мне на пути и в которую я вложил свою душу. Чего еще вы хотите?

Элиза. Я хочу быть безразличной к тому, для кого безразлична я.

Хиггинс. Это торгашеский принцип, Элиза. Все равно что (*профессионально точно воспроизводит ее ко-вент-гарденскую манеру речи*) «фляпочки» продавать.

Элиза. С вашей стороны подло глумиться надо мной.

Хиггинс. Я никогда в жизни ни над кем не глумился. Глумление не украшает ни человека, ни его душу. Я лишь выражаю свое справедливое возмущение торгашеским подходом к делу. В вопросах чувства я не признаю сделок. Вы называете меня бездушным, потому что не смогли купить меня тем, что подавали мне туфли и находили очки. Вы были душой. Женщина, подающая мужчине туфли, — отвратительное зрелище. Разве я когда-нибудь подавал туфли вам? Вы намного выиграли в моих глазах, когда запустили этими самыми туфлями мне в физиономию. Нечего сперва раболепствовать передо мной, а потом возмущаться, почему я не интересуюсь вами. А кто может интересоваться рабом? Если вы хотите вернуться, возвращайтесь ради настоящей дружбы. Другого не ждите. Вы и так получили от меня в тысячу раз больше, чем я от вас. А если вы посмеете сравнивать свои собачьи повадки — вроде таскания туфель — с тем, что я создал

из вас герцогиню Элизу, то я просто захлопну дверь перед вашим глупым носом.

Элиза. Зачем вы делали из меня герцогиню, если я вас не интересую?

Хиггинс (*искренне*). Так ведь это же моя работа.

Элиза. Вы даже не подумали, сколько беспокойства причините мне этим.

Хиггинс. Мир никогда бы не был сотворен, если бы творец его боялся кого-нибудь обеспокоить. Творить жизнь — значит причинять беспокойство. Есть один только путь избежать беспокойства: убийство. Вы заметили, трусы всегда требуют, чтобы беспокойных людей убивали.

Элиза. Я не проповедник, чтобы обращать внимание на такие вещи. Я обращаю внимание только на то, что вы не обращаете внимания на меня.

Хиггинс (*разозлившись, вскакивает и начинает ходить по комнате*). Элиза, вы идиотка! Я зря трачу сокровища своего мильтоновского ума, выкладывая их перед вами. Поймите раз и навсегда — я иду своим путем и делаю свое дело. А на то, что может случиться с любым из нас, мне решительно наплевать. Я не запуган, как ваш отец и ваша мачеха. Выбирайте сами — либо возвращайтесь, либо идите ко всем чертям.

Элиза. Зачем мне возвращаться?

Хиггинс (*встав коленями на тахту, наклоняется к Элизе*). Только ради собственного удовольствия. Из-за этого я и взял вас к себе.

Элиза (*отвернувшись*). А завтра, если я не стану выполнять все ваши желания, вы вышвырнете меня обратно на улицу?

Хиггинс. Да. Но вы тоже можете встать и уйти, если я не буду исполнять все ваши желания.

Элиза. Уйти и жить с мачехой?

Хиггинс. Да. Или продавать цветы.

Элиза. Ах, если бы я могла опять вернуться к моей корзине с цветами! Я бы не зависела ни от вас, ни от отца, ни от кого на свете! Зачем вы отняли у меня мою независимость? Зачем я пошла на это! А теперь я просто жалкая раба, несмотря на все свои красивые платья.

Хиггинс. Ничего подобного. Если хотите, я могу удочерить вас и положить на ваше имя деньги. А может быть, вы предпочитаете выйти замуж за Пикеринга?

Элиза (*свирепо*). Я не вышла бы даже за вас, если бы вы меня попросили. А по возрасту вы мне больше подходите, чем они.

Хиггинс (*мягко*). Чем он, а не «чем они».

Элиза (*выйдя из себя, вскакивает*). Буду говорить, как хочу. Вы мне больше не учитель.

Хиггинс (*в раздумье*). Нет, Пикеринг едва ли пойдет на это. Он такой же убежденный холостяк, как я.

Элиза. Я и не собираюсь замуж, не воображайте. У меня всегда хватало охотников жениться на мне. Вон Фредди Эйнсфорд Хилл пишет мне три раза в день, и не письма — целые простыни.

Хиггинс (*неприятно пораженный*). Черт знает что за нахал! (*Откидывается назад и оказывается сидящим на корточках.*)

Элиза. Он имеет право писать мне, раз ему так нравится. Бедный мальчик любит меня.

Хиггинс (*слезая с тахты*). Но вы не имеете права поощрять его.

Элиза. Каждая девушка имеет право на любовь.

Хиггинс. На чью любовь? Вот таких идиотов?

Элиза. Фредди не идиот. А если он бедный и слабенький и я нужна ему, то, может быть, я буду с ним счастливее, чем с человеком, который стоит выше меня и которому я не нужна.

Хиггинс. Весь вопрос в том, сможет ли он что-нибудь сделать из вас?

Элиза. А может быть, я сама могу что-нибудь сделать из него. Но я вообще никогда не задумывалась над тем, кто из кого будет что-то делать, а вы только об этом и думаете. Я хочу остаться такой, как я есть.

Хиггинс. Короче говоря, вы хотите, чтобы я вздыхал по вас так же, как Фредди? Да?

Элиза. Нет, не хочу. Мне от вас нужно совсем другое чувство. Напрасно вы так уж уверены насчет меня или себя. Я могла бы стать скверной девушкой, если б хотела. Я в жизни такое видела, что вам и не снилось, несмотря на всю вашу ученость. Вы думаете, такой девушке, как я, трудно завлечь джентльмена? Только от этой любви назавтра в петлю полезешь.

Хиггинс. Это верно. Так из-за чего же, черт побери, мы спорим?

Элиза (*с глубоким волнением*). Мне хочется чуточку внимания, ласкового слова. Я знаю, я простая, темная, а

вы большой ученый и джентльмен. Но ведь и я человек, а не ком грязи у вас под ногами. Если я чего и делала (*поспешно поправляется*), если я что-нибудь и делала, то не ради платьев и такси. Я делала это потому, что нам было хорошо вместе, и я начала... я начала привязываться к вам... не в смысле любви или потому что забыла разницу между нами, а так просто, по-дружески.

Хиггинс. Вот-вот! То же самое чувствуем и мы с Пикерингом. Элиза, вы дура.

Элиза. Это не ответ. (*Опускается в кресло у письменного стола, на глазах ее слезы.*)

Хиггинс. Другого не ждите, пока не перестанете вести себя как круглая дура. Желаете стать леди, так нечего хныкать, что знакомые с вами мужчины не проводят половину своего времени, вздыхая у ваших ног, а вторую половину — разукрашивая вас синяками. Если вам не под силу та напряженная, но чуждая страстей жизнь, которую веду я, — возвращайтесь обратно на дно. Гните спину до потери человеческого облика, потом, переругавшись со всеми, заползайте в угол и тяните виски, пока не заснете. Ах, хороша жизнь в канаве! Вот это настоящая жизнь, жаркая, неистовая — прошибет самую толстую шкуру. Чтобы вкусить и познать ее, не нужно ни учиться, ни работать. Это вам не наука и литература, классическая музыка и философия или искусство. Вы находите, что я — бесчувственный эгоист, человек с рыбьей кровью, так ведь? Вот и прекрасно. Отправляйтесь к тем, кто вам по душе. Выходите замуж за какого-нибудь сентиментального борова с набитым кошельком. Пусть он целует вас толстыми губами и пинает толстыми подошвами. Не способны ценить, что имеете, так получите то, что способны ценить.

Элиза (*в отчаянии*). Вы злой, вы тиран, вы деспот! Я не могу с вами говорить — вы все обращаете против меня, и выходит, что я же во всем виновата. Но в душе-то вы понимаете, что вы просто мучитель, и больше ничего. Вам отлично известно, что я не могу уже вернуться на дно, как вы говорите, и что на всем белом свете у меня нет настоящих друзей, кроме вас и полковника. Вы великолепно знаете, что после вас я буду не в состоянии жить с простым грубым человеком. Зачем же оскорблять меня, предлагая мне выйти за такого? Вы считаете, что мне придется вернуться на Уимпол-стрит, так как к отцу я не пойду, а больше мне некуда деться. Но не вообра-

жайте, что уже наступили мне на горло, что надо мной теперь можно издеваться. Я выйду замуж за Фредди, вот увидите, как только он сможет содержать меня.

Хигинс (*садится рядом с ней*). Вздор! Вы выйдете замуж за посла, за генерал-губернатора Индии, за наместника Ирландии, за любого короля! Я не потерплю, чтобы мой шедевр достался Фредди!

Элиза. Вы думаете доставить мне удовольствие, но я не забыла, что вы говорили минуту назад. Сладкими словами вы от меня ничего не добьетесь. Я не ребенок и не дурочка. Раз уж я не получу любви, то по крайней мере сохраню независимость.

Хигинс. Независимость! Это кощунственная мелкобуржуазная выдумка. Все мы, живые люди, зависим друг от друга.

Элиза (*решительно встает*). А вот вы увидите, завишу я от вас или нет. Если вы способны проповедовать, то я способна преподавать. Я стану учительницей.

Хигинс. Хотел бы я знать, чему это вы собираетесь учить?

Элиза. Тому, чему учили меня вы, — фонетике.

Хигинс. Ха-ха-ха!

Элиза. Я пойду к профессору Непину и предложу ему свои услуги в качестве ассистентки.

Хигинс (*яростно вскакивая*). Что! К этому мошеннику, к этому невежде, к этой старой каракатице! Раскрыть ему мои методы! Выдать мои открытия! Да я вам раньше шею сверну! (*Хватает ее за плечи.*) Слышите, вы?

Элиза (*не делая ни малейшей попытки сопротивляться*). Сворачивайте! Мне все равно. Я знала, что когда-нибудь вы меня ударите.

Он выпускает ее, взбешенный тем, что забылся, и отшатывается так резко, что падает на тахту на свое прежнее место.

Ага! Теперь я знаю, чем вас пронять. Боже, какая я была дура, что не догадалась раньше! Вам уже не отнять у меня моих знаний. А слух у меня тоньше, чем у вас, — вы это сами говорили. Кроме того, я умею вежливо и любезно разговаривать с людьми, а вы нет. Что? Пробрало вас наконец, Генри Хигинс! Теперь мне наплевать и на вашу ругань, и на все ваши высокопарные слова. (*Прищелкивает пальцами.*) Я дам объявление в газете, что ваша герцогиня — простая цветочница, которую

обучили вы, и что я берусь сделать то же самое из любой уличной девчонки — срок полгода, плата тысяча фунтов. Боже, когда вспоминаю, что пресмыкалась перед вами, что вы издевались надо мной, насмехались и мучили меня, а мне достаточно было пальцем шевельнуть, чтобы поставить вас на место, — я просто убить себя готова!

Хиггинс (*пораженный, смотрит на нее*). Ах вы наглая, бессовестная девчонка! Но все равно, это лучше, чем ныть, лучше, чем подавать туфли и находить очки, правда? (*Встает.*) Черт побери, Элиза, я сказал, что сделаю из вас настоящую женщину, — и сделал. Такая вы мне нравитесь.

Элиза. Да, теперь вы будете хитрить и заискивать. Поняли наконец, что я не боюсь вас и могу без вас обойтись.

Хиггинс. Конечно, понял, дурочка! Пять минут тому назад вы висели у меня на шее, как жернов. Теперь вы — крепостная башня, боевой корабль! Вы, я и Пикеринг — мы теперь не просто двое мужчин и одна глупая девочка, а три убежденных холостяка.

Возвращается миссис Хиггинс, уже успевшая переодеться. Элиза тотчас же принимает спокойный, непринужденный вид.

Миссис Хиггинс. Элиза, экипаж ждет. Вы готовы?

Элиза. Да, вполне. А профессор не едет?

Миссис Хиггинс. Ну конечно, нет. Он не умеет вести себя в церкви. Он постоянно отпускает во всеулышание критические замечания по поводу произношения священника.

Элиза. Значит, мы больше не увидимся, профессор. Всего хорошего. (*Направляется к двери.*)

Миссис Хиггинс (*подходя к Хиггинсу*). До свиданья, милый.

Хиггинс. До свиданья, мама. (*Хочет поцеловать ее, но спохватывается и говорит вдогонку Элизе.*) Да, кстати, Элиза, закажите по дороге копченый окорок и головку стилтоновского сыра. И купите мне, пожалуйста, у «Ила и Бинмена» пару замшевых перчаток номер восемь и галстук к новому костюму — расцветка на ваше усмотрение. (*Его небрежный, веселый тон свидетельствует о том, что он неисправим.*)

Элиза (*презрительно*). Купите сами. (*Выплывает из комнаты.*)

Миссис Хиггинс. Боюсь, вы слишком избаловали девушку, Генри. Но ты не волнуйся, милый: я сама куплю тебе галстук и перчатки.

Хиггинс *(сияя)*. Нет, мама, можете быть спокойны: она купит все, что я просил. До свиданья. *(Целует мать.)*

Миссис Хиггинс выходит. Хиггинс, вполне довольный собой, с лукавой усмешкой позванивает в кармане мелочью.

ПОСЛЕСЛОВИЕ¹

Дальнейшие события показывать на сцене незачем, да, по правде говоря, незачем было бы и рассказывать о них, если бы не разленилось наше воображение; оно слишком привыкло полагаться на шаблоны и заготовки из лавки старьевщика, где Романтика держит про запас счастливые развязки, чтобы кстати и некстати приставлять их ко всем произведениям подряд. Итак, история Элизы Дулитл хотя и названа романом из-за того, что описываемое преображение кажется со стороны невероятным и неправдоподобным, на самом деле достаточно распространена. Такие преобразования происходят с сотнями целеустремленных честолюбивых молодых женщин с тех пор, как Нелл Гвин показала им пример, играя королев и очаровывая королев в том самом театре, где сперва продавала апельсины. Тем не менее самые разные люди полагают, что раз Элиза героиня романа — изволь выходить замуж за героя. Это невыносимо. Прежде всего, ее скромная драма будет испорчена, если играть пьесу, исходя из столь несообразного предположения, а кроме того, реальное продолжение очевидно всякому, кто хоть немного разбирается в человеческой природе вообще и в природе женской интуиции в частности.

Элиза, объявляя Хигинсу, что не пошла бы за него замуж, если б даже он ее просил, отнюдь не кокетничала, она сообщала ему глубоко продуманное решение. Когда холостяк интересуется незамужнюю девушку, оказывает на нее влияние, обучает ее и становится необходимым ей, как Хигинс Элизе, то она, если только у нее хватает характера, всерьез задумается: а стоит ли еще делаться женой этого холостяка, тем более что любая решительно настроенная и увлеченная идеей брака женщина может его заарканить — так мало он думает о браке. Тут решение будет в значительной степени зависеть от того, насколько она свободна в своем выборе. А это, в свою оче-

¹ Перевод Н. Рахмановой.

редь, будет зависеть от ее возраста и дохода. Если она не столь уж юна и не обеспечена средствами к существованию, то она выйдет за него замуж, так как вынуждена согласиться на любого, кто ее обеспечит. Но красивая девушка в возрасте Элизы не испытывает такой безотлагательности; она свободна в своем выборе и может проявлять разборчивость. И тут она руководствуется интуицией. Интуиция ей подсказывает не выходить за Хигинса. Но она не ведет ей отказаться от него совсем. Нет никаких сомнений: на всю жизнь он останется одним из сильнейших ее увлечений. Чувство это жестоко пострадало бы, если бы другая женщина заняла ее место. Но поскольку в этом отношении она в нем уверена, то и не сомневается в правильности избранной ею линии поведения и не сомневалась бы, даже если бы между ними не было разницы в двадцать лет,— разницы, которая так велика с точки зрения юности.

Коль скоро ее решение к нашей интуиции не взывает, давайте попробуем обосновать его с точки зрения разума. Когда Хигинс объясняет свое равнодушие к молодым женщинам тем, что они имеют сильнейшую соперницу в лице его матери, он дает ключ к своей холостяцкой закоренелости. Случай этот можно считать редким только в том смысле, что замечательные матери попадаются редко. Если у впечатлительного мальчика мать достаточно богата, наделена умом, изящной внешностью, строгим, но не суровым характером, тонким вкусом и умением из современного искусства извлечь лучшее, то он возьмет ее за образец, с которым мало кто из женщин сможет потягаться; к тому же она освобождает его привязанности, чувство красоты и идеализм от специфических сексуальных импульсов. Все это делает его ходячей загадкой для большинства людей с неразвитым вкусом, которых растили в безвкусных домах заурядные или несимпатичные родители и для которых поэтому литература, скульптура, музыка и нежные отношения нужны лишь как форма секса, если вообще нужны. Слово «страсть» означает для них только секс, и мысль, что Хигинс испытывает страсть к фонетике и идеализирует мать, а не Элизу, кажется им нелепой и неестественной.

И однако, посмотрев окрест себя, мы убедимся, что нет такого уродливого и несимпатичного человеческого существа, которое при желании не нашло бы себе жену или мужа, тогда как многие старые девы и холостяки

возвышаются над средним уровнем благодаря своим высоким нравственным качествам и культуре. В результате этого нам трудно не заподозрить, что отделение секса от других человеческих связей, достигаемое людьми талантливыми путем чисто интеллектуального анализа, иногда осуществляется под воздействием родительского обаяния или же стимулируется им.

Так вот, хотя Элиза и не могла таким образом объяснить себе хигинсовские могучие силы противостояния ее чарам, которые повергли Фредди ниц с первого взгляда, она инстинктивно почувствовала, что никогда ей не завладеть Хигинсом целиком, не встать между ним и его матерью (первое, что должна сделать замужняя женщина). Короче говоря, она догадалась, что по какой-то необъяснимой причине он не подходит для роли мужа, то есть мужчины, для которого, соответственно ее представлению о муже, она стала бы объектом ближайшего, нежнейшего и самого горячего интереса. Даже при отсутствии соперницы-матери Элиза все равно не пожелала бы удовольствоваться таким интересом к себе, который стоял бы на втором месте после философских интересов. Даже если бы миссис Хигинс умерла, остались бы Мильтон и Универсальный алфавит. Высказывание Лэндора в том смысле, что любовь для тех, кто наделен сильнейшей способностью любить, играет второстепенную роль, не расположило бы к нему Элизу. Добавьте сюда возмущение, с каким она относилась к высокомерному деспотизму Хигинса, и как не доверяла его хитрой вкрадчивости, когда он старался обвести ее вокруг пальца и избежать ее гнева в тех случаях, когда обращался с нею чересчур запальчиво и грубо,— и вы увидите, что чутье Элизы с полным основанием предостерегало ее от брака с Пигмалионом.

Но тогда за кого же вышла Элиза? Ибо если Хигинсу на роду было написано оставаться холостяком, то Элиза вовсе не была создана для того, чтобы оставаться старой девой. Хорошо, коротко расскажем это для тех, кто сам не догадается, несмотря на некоторые намеки Элизы.

Почти сразу вслед за тем, как уязвленная Элиза провозглашает свое обдуманное решение не выходить за Хигинса, она упоминает, что молодой мистер Фредерик Эйнсфорд Хилл ежедневно объясняется ей в любви по почте. Что ж, Фредди молод, фактически на двадцать лет моложе Хигинса; он джентльмен (или же, говоря языком

прежней Элизы, «барчук») и изъясняется как джентльмен. Полковник обращается с ним как с равным; Фредди непритворно любит Элизу и не командует ею и вряд ли будет командовать, несмотря на свое социальное превосходство. Элиза не признает дурацкого романтического традиционного представления о том, что всем женщинам нравится, чтобы ими повелевали, а то и в буквальном смысле силой принуждали к подчинению и били.

«Идешь к женщине — бери с собой плетку», — говорит Ницше. Здравомыслящие деспоты никогда не прилагали этот совет к женщинам: они брали с собой плетку, когда имели дело с мужчинами, и мужчины, над чьей головой она свистела, рабски их боготворили, в гораздо большей степени, чем женщины. Бесспорно, бывают не только мужчины, но и женщины, любящие покоряться; они, как и мужчины, восхищаются теми, кто сильнее их. Но восхищаться сильной личностью — одно, а жить у него или у нее под пятой — совсем другое. Слабые личности, быть может, и не вызывают восхищения и желания поклоняться, но зато они не вызывают и неприязни, от них не шарахаются, и они без малейших затруднений вступают в брак с теми, кто для них слишком хорош. Они могут подвести в минуту крайности, но поскольку жизнь не есть одна сплошная минута крайности, а представляет собою главным образом цепь ситуаций, не требующих никакой особенной силы, то справиться с ними могут даже сравнительно слабые люди, имея в помощь более сильного партнера. Равным образом все вокруг свидетельствует о том, что люди сильные (неважно, мужского или женского пола) не только не вступают в брак с еще более сильными, но даже не отдают им предпочтение, когда подбирают себе друзей. Когда один лев встречает другого, у которого еще более громкий рык, он относит его к разряду зануд. Мужчина или женщина, которые чувствуют в себе силы на двоих, ищут в партнере чего угодно, только не силы. Обратное положение вещей тоже верно. Люди слабые любят вступать в брак с сильными, лишь бы те не очень их пугали, и, таким образом, часто совершают ошибку, которую метафорически мы определяем как «орешек не по зубам». Они хотят слишком многого в обмен на слишком малое, и когда сделка становится неравноценной до бессмысленности, союз распадается: слабейшего партнера либо отвергают, либо волочат за собой как тяжелый крест, что еще хуже. В

таких нелегких обстоятельствах обычно оказываются люди не просто слабые, но к тому же еще глупые или тупые.

Ну, а раз с человеческими отношениями дело обстоит таким образом, как же поступит Элиза, очутившись между Фредди и Хигинсом? Изберет ли себе уделом всю жизнь подавать домашние туфли Хигинсу или предпочтет, чтобы всю жизнь ей подавал туфли Фредди? Ответ не вызывает сомнений. Если только Фредди физически не отталкивает ее, а Хигинс не привлекает настолько, что чувство это пересилит все другие, то, если она за кого-нибудь из них и выйдет, это будет Фредди.

Именно так и поступила Элиза.

Последовали осложнения. Но экономического, а не романтического характера. У Фредди не было ни денег, ни профессии. Вдовья часть, последняя реликвия, оставшаяся от бывшего великолепия Толсталеда-парк, позволила его матери переносить превратности жизни в Эрлкорте с жантильным видом, но не позволила дать детям сколько-нибудь серьезного среднего образования, а тем более профессию сыну. Служить клерком за тридцать шиллингов в неделю было ниже его достоинства и вообще непереносимо. Его виды на будущее заключались в надежде на то, что, если соблюдать видимость благополучия, кто-нибудь что-нибудь для него сделает. «Что-нибудь» смутно рисовалось его воображению как частное секретарство или некая синекура. Матери это «что-то», вероятно, представлялось женитьбой на светской девушке со средствами, не устоявшей перед обаянием ее мальчика. Вообразите же чувства матери, когда Фредди женился на цветочнице, покинувшей свой класс при совершенно экстраординарных обстоятельствах, которые уже приобрели широкую известность.

Нельзя, правда, назвать положение Элизы полностью незавидным. Отец ее, в прошлом мусорщик, совершил фантастический прыжок из одной общественной категории в другую и стал необычайно популярен в фешенебельном обществе благодаря своему демагогическому таланту, восторжествовавшему над всеми предрассудками и всеми невыгодами его положения. Отвергнутый ненавистным ему классом буржуа, он в один миг угодил в высшие слои за счет своей смекалки, профессии мусорщика (которую он выставял, как знамя) и нищенской позиции вне добра и зла. На званых герцогских обедах

для узкого круга он помещался по правую руку от герцогини, а в загородных домах если не сидел за обеденным столом и не давал советы членам кабинета министров, то курил в буфетной и ему прислуживал дворецкий. Но оказалось, что ему так же трудно заниматься всем этим на четыре тысячи в год, как миссис Эйнсфорд Хилл существовать в Эрлкорте на ничтожно малый доход — доход настолько меньше дулитловского, что у меня духу не хватает предать гласности точную цифру. И он наотрез отказался добавить к своему бремени последнюю крупичку: взять на себя заботу о содержании Элизы.

Таким-то образом Фредди и Элиза, отныне мистер и миссис Эйнсфорд Хилл, провели бы медовый месяц без гроша в кармане, если бы полковник не преподнес Элизе в качестве свадебного подарка пятьсот фунтов. Их хватило надолго, так как Фредди, денег никогда не имевший, тратить их не умел, а Элиза, получившая светское воспитание из рук двух застарелых холостяков, носила платья, пока они совсем не изнашивались, но все равно была хороша собой, и ее нисколько не беспокоило, что они давно вышли из моды. Однако на всю жизнь пятисот фунтов молодой паре хватить не могло, и оба знали, а Элиза еще и инстинктивно чувствовала, что нужно наконец обходиться без посторонней помощи. Она могла бы поселиться на Уимпол-стрит, так как там, по существу, был теперь ее дом. Но она вполне отдавала себе отчет в том, что Фредди селить там не следует, потому что для его характера это будет вредно.

Надо сказать, уимпол-стритовские холостяки не возражали против вселения молодой четы. Когда Элиза попросила у них совета, Хигинс просто отказался обсуждать жилищный вопрос, не видя тут проблемы, — желание Элизы иметь в доме подле себя Фредди, с его точки зрения, заслуживало не более пристального внимания, чем, скажем, желание купить еще один предмет мебели для спальни. Соображения относительно характера Фредди и его морального долга самостоятельно зарабатывать на жизнь не произвели на Хигинса никакого впечатления. Он заявил, что характер у Фредди отсутствует и что, если он возьмется за полезную деятельность, какому-то компетентному лицу придется все исправлять, а такая процедура доставит чистый убыток обществу и огорчения самому Фредди, которого природа явно создала для легкой работы, а именно — развлекать Элизу, и это, по

уверению Хигинса, куда полезнее и почетнее, чем служить в Сити.

Когда Элиза снова вернулась к своему проекту обучать фонетике, Хигинс ни на йоту не умерил яростного сопротивления. Он утверждал, что ее по меньшей мере еще десять лет нельзя подпускать к преподаванию его любимой науки, и поскольку полковник, судя по всему, взял его сторону, Элиза поняла, что не сможет пойти против них в таком важном деле и что без согласия Хигинса она не имеет права использовать полученные от него знания (не будучи коммунисткой, она считала знания такой же личной собственностью, как, например, часы). Ко всему прочему она до фанатизма предана им обоим, и после замужества еще безраздельнее и откровеннее, чем прежде.

В конце концов, разрешил проблему полковник, но стоило это ему многих мучительных сомнений. Как-то раз он довольно нерешительно спросил Элизу, отказалась ли она совсем от идеи поступить в цветочный магазин. Она ответила, что если раньше и думала об этом, то выбросила эту мысль из головы с того дня, как полковник объявил у миссис Хигинс, что это никуда не годится. Полковник сознался, что тогда он говорил под свежим впечатлением блистательного триумфа накануне. В тот же вечер они открыли свои замыслы Хигинсу. Единственное замечание, какое он соизволил отпустить по этому поводу, чуть было всерьез не рассорило их с Элизой. Сводилось оно к тому, что из Фредди получится идеальный мальчик на побегушках.

Разузнали мнение Фредди. Как оказалось, Фредди и сам подумывал о магазине, но ему, привычному к нужде, магазин представлялся тесной лавчонкой, где на одном прилавке Элиза продает табак, а на противоположном — он торгует газетами. Но он с готовностью согласился на цветочный магазин, сказав, что забавно будет ходить ранним утром вместе с Элизой на Ковент-гарденский рынок и покупать цветы на том месте, где они впервые встретились. За столь трогательные чувства он был вознагражден женой множеством поцелуев. Фредди добавил, что всегда боялся высказать вслух такое предположение из-за Клары — она закатила бы скандал, обвинив его в том, что он губит ее шансы на замужество, да и мать вряд ли одобрила бы такой шаг, раз столько лет она

цеплялась за ту ступень общественной лестницы, на которой розничная торговля недопустима.

Это препятствие было устранено благодаря одному совершенно непредвиденному событию, которого мать Фредди никак не могла ожидать. Клара во время своих вторжений в наиболее высокие из доступных ей артистических кругов обнаружила, что в разговорную подготовку входит знание романов мистера Г. Д. Уэлса. Она принялась отовсюду брать их взаймы, и так энергично, что за два месяца проглотила все до единого. Результатом явилось обращение, в наше время весьма распространенное. Современные деяния апостолов составили бы целых пятьдесят Библий, найдись кто-нибудь, кто сумел бы их написать.

Бедная Клара, казавшаяся Хигинсу и его матери неприятной и нелепой особой, а собственной матери неудачницей, необъяснимым образом провалившейся в свете, не воспринимала сама себя ни той ни другой, потому что, хотя над ней подтрунивали и ее передразнивали, как, впрочем, было вообще принято в Западном Кенсингтоне, ее тем не менее считали разумным и нормальным (или, так сказать, неизбежным?) человеческим существом. В худшем случае ее называли пробивной, но ни им, ни ей в голову не приходило, что пробивается она сквозь пустоту, и притом не в ту сторону. Однако счастливой она себя не чувствовала. Более того, она уже начинала приходить в отчаяние. Единственное ее достоинство, а именно тот факт, что ее мать походила, по выражению зеленщика в Эпсоме, на «даму с выездом», очевидно, не имело ходовой ценности. Оно помешало ей получить образование, потому что рассчитывать Клара могла только на те знания, которые ей причиталось получать вместе с дочерью эрлскортского зеленщика. По неволе ей пришлось искать общества людей того круга, откуда происходила ее мать. Но те попросту не хотели ее, так как она была гораздо беднее зеленщика и не могла себе позволить держать не то что собственную горничную, но даже прислугу в доме и вынуждена была обходиться приходящей прислужкой, согласной на скупое жалованье. При таких условиях ничто не могло придать ей вид подлинного продукта Толсталеди-парка. И тем не менее его традиции обязывали ее взирать на брак с кем-то в пределах ее досягаемости как на нестерпимое унижение. Дельцы и разного рода «люди со специально-

стью» мелкого пошиба были для нее неприемлемы. Она гонялась за художниками и романистами, но сама для них предмета очарования не составляла, ее манера подхватывать и смело пускать в ход словечки из мира художников и литераторов раздражала их. Короче говоря, она во всех отношениях была неудачницей — невежественная, ничего не умеющая, претенциозная, никому не нужная, отличающаяся снобизмом никчемная бесприданница. И хотя сама она ни в коей мере не допускала наличия у себя этих недостатков (ни один человек не желает признавать неприятных истин в приложении к себе, пока ему не забрезжит свет другого способа существования), она ощущала их воздействие на свою жизнь слишком остро, чтобы быть удовлетворенной положением вещей.

Сильнейшую встряску, открывшую ей глаза, Клара испытала, когда встретила девушку одного с ней возраста. Та произвела на нее ошеломляющее впечатление, пробудила ее, вызвала неудержимое желание взять ее себе за образец, завоевать ее дружбу. Но потом вдруг обнаружилось, что это утонченное создание вышло из трущоб и стало тем, чем оно стало, всего лишь в течение нескольких месяцев. Потрясение оказалось настолько сильным, что, когда мистер Г. Д. Уэллс приподнял ее на кончике своего могучего пера и с новой точки зрения показал ей в истинном свете жизнь, которую она вела, и общество, к которому льнула, показал, какое отношение они имеют к подлинным нуждам человечества и достойной социальной структуре, он добился такого разительного преобразования и сознания греховности, что подвиг его можно сравнить лишь с самыми сенсационными подвигами генерала Бута и Джипси Смит. Кларин снобизм как рукой сняло. Жизнь ее внезапно пришла в движение. Сама не зная как и почему, она начала приобретать друзей и врагов. Одни знакомые, для которых прежде она была скучной, или безразличной, или нелепой неизбежностью, бросили ее совсем; другие стали радушны. К своему изумлению, она обнаружила, что некоторые «очень порядочные» люди насквозь пропитаны уэллсовскими идеями, и в том, что они доступны новым идеям, и кроется секрет их порядочности. Люди, которых она считала глубоко религиозными и из подражания которым также пыталась встать на этот путь (причем с катастрофическими результатами), неожиданно заинтересовались

ею, и она открыла в них враждебное отношение к общепринятой религии, свойственное, как она раньше полагала, только отпетым личностям. Ее заставили прочесть Голсуорси, и тот обнажил перед нею всю тщеславность Толсталеди-парка и тем доконал ее. Ей невыносима стала мысль, что темница, где она изнывала долгие несчастливые годы, все это время была не заперта и что порывы, с которыми она так старательно боролась и которые подавляла для того, чтобы подлаживаться к обществу, одни только и могли помочь ей завязать настоящие человеческие отношения. В слепящем блеске этих открытий и сутолоке нахлынувших чувств она не раз ставила себя в глупое положение так же непосредственно и явно, как и в тот раз, в гостиной у миссис Хигинс, когда столь опрометчиво подхватила бранные слова Элизы. Это и понятно: новорожденной уэллсовке приходилось в поисках пути тыкаться во все стороны с детской бестолковостью. Но ведь младенец не вызывает неприязни своей бестолковостью, и к нему не относятся хуже из-за того, что он попытался съесть спички. Потому и Клара не растеряла друзей из-за своих глупых выходов. На сей раз над нею смеялись открыто, так что она могла защищаться и что есть сил стоять на своем.

Когда Фредди явился в Эрлскорт (что он делал, только если нельзя было этого избежать) с сокрушительным известием, что они с Элизой намереваются бросить тень на фамильный герб Толсталеди, открыв цветочный магазин, он нашел обитателей дома в состоянии лихорадки: Клара опередила его, она тоже собиралась работать — в лавке подержанной мебели на Доувер-стрит, принадлежавшей ее сестре по духу, тоже поклонявшейся Уэллсу. Этой службой Клара в конечном счете была обязана своим прежним пробивным способностям. Она давно уже забрала себе в голову во что бы то ни стало увидеть мистера Уэллса вживе и добилась своего на одном приеме в саду. Ей повезло больше, чем того заслуживала ее вздорная затея. Мистер Уэллс вполне оправдал ее ожидания. С годами он не увял, и его бесконечное разнообразие не могло приестся за полчаса. Его подкупающая опрятность и собранность, маленькие руки и ноги, богатый, щедрый ум, непритворная простота и какая-то тонкая понятливость, свидетельствующая о его способности воспринимать и чувствовать всем организмом — от лю-

бого волоска на макушке до кончиков ногтей на ногах,— были неотразимы.

Клара несколько недель подряд только о нем и говорила. И так как случайно она заговорила о нем с хозяйкой мебельной лавки, а та тоже больше всего на свете хотела познакомиться с мистером Уэллсом и продать ему что-нибудь красивое, то она и предложила Кларе место у себя в лавке, рассчитывая через нее осуществить свою мечту.

Вот так и получилось, что удача продолжала сопутствовать Элизе, предполагаемое противодействие отпало. Магазин помещается в галерее вокзала неподалеку от музея Виктории и Альберта, и если вы живете в этом районе, вы в любой день можете зайти и купить у Элизы бутоньерку.

И вот тут-то остается последний шанс для романтической версии. Разве не хотелось бы вам удостовериться, что магазин процветал благодаря обаянию Элизы и ее былому опыту в цветочном деле с ковент-гарденских времен? Увы! правды не утаить: магазин долгое время не приносил дохода просто-напросто потому, что ни Элиза, ни Фредди не умели вести дела. Хорошо еще, что Элизе не надо было начинать все сначала,— все-таки она знала названия простых и более дешевых цветов. И радости ее не было границ, когда выяснилось, что Фредди, как и все молодые люди, учившиеся в дешевых, претенциозных и ровно ничего не дающих школах, чуть-чуть знает латынь. Малость, но вполне достаточно, чтобы он казался ей Порсоном или Бентли и без труда освоил ботаническую номенклатуру. К сожалению, больше он ничего не знал, а Элиза, хоть и умела сосчитать приблизительно до восемнадцати шиллингов и приобрела некоторое знакомство с языком Мильтона за время своих трудов во славу Хиггинса, стараясь выиграть для него пари, не могла выписать счета, не скомпрометировав своего заведения. Умение Фредди сказать на латыни, что Бальб возвел стену, а Галлия делилась на три части, не означало еще умения вести бухгалтерские книги и вообще дела, так что пришлось полковнику Пикерингу объяснять ему, что такое чековая книжка и банковский счет. Притом парочка наша не так-то легко поддавалась обучению. Фредди поддерживал Элизу в ее упрямом нежелании нанять бухгалтера, который бы имел понятие о цветочных магазинах, и, так же как она, не верил, что это сэкономит им

деньги. Каким образом, протестовали они, можно сэкономить деньги, пойдя на дополнительные расходы, когда и так не свести концы с концами? Но тут полковник, неоднократно сводивший для них концы с концами, мягко настоял на своем, и присмирившая Элиза, стыдясь, что так часто вынуждена прибегать к его помощи, уязвленная бесцеремонными насмешками Хигинса, для которого образ преуспевающего Фредди был мишенью непрекращающихся шуток, постигла наконец следующую истину: профессии, как и фонетике, надо учиться.

Не стану останавливаться на жалостном зрелище, которое являла собой эта парочка, проводившая все вечера на курсах стенографии и в политехнических классах, обучаясь бухгалтерии и машинописи вместе с начинающими младшими клерками и секретаршами, пришедшими из начальных школ. Не обошлось даже без занятий в лондонской экономической школе, где они смиренно обратились с личной просьбой к директору — рекомендовать им курс, имеющий отношение к цветочному делу. Директор, будучи шутником, рассказал им о методе, которым пользовался один джентльмен в знаменитом диккенсовском очерке о китайской метафизике: он сперва читал статью про Китай, потом статью про метафизику и сведения затем объединял. Директор предложил им соединить лондонскую экономическую школу с Кью Гарденс. Элиза, которой способ диккенсовского джентльмена показался совершенно правильным (а так оно и было) и несколько не смешным (и тут уж виновато было ее невежество), восприняла совет с полнейшей серьезностью. Наибольшие унижения ей доставила просьба, с которой она обратилась к Хигинсу. Следующей после стихов Мильтона вдохновенной страстью у него была каллиграфия, и сам он писал красивейшим почерком. Она попросила научить ее писать. Он объявил, что она от рождения не способна изобразить хотя бы одну букву, достойную занять место в самом незначительном слове мильтоновского словаря. Но она настаивала, пока он опять не принялся со свойственным ему пылом обучать ее, проявляя при этом сочетание бурного натиска, сосредоточенного терпения и отдельных взрывов увлекательных рассуждений о красоте и благородстве, великой миссии и предназначении человеческого почерка. В конце концов, Элиза приобрела крайне неделовую манеру писать, носившую отпечаток ее личной красоты, и стала тратить на

бумагу втрое больше денег, чем другие. Она даже не соглашалась надписать конверт общепринятым способом, так как в этом случае поля выглядели как-то некрасиво.

Дни обучения коммерции явились для молодой пары периодом позора и разочарования: знаний о цветочных магазинах ничуть не прибавлялось. Наконец, отчаявшись, они бросили всякие попытки чему-то научиться и навсегда отряхнули прах стенографических курсов, политехнических классов и лондонской экономической школы со своих ног. А кроме того, их цветочная торговля каким-то непостижимым образом вдруг пошла сама собой. Они и не заметили, что позабыли о своем нежелании нанимать чужих людей. И пришли к выводу, что их путь — самый верный и что они обладают замечательными деловыми качествами. Полковник, который несколько лет принужден был держать на своем текущем счету в банке порядочную сумму, чтобы покрывать их убытки, вдруг обнаружил, что запас этот больше не нужен, — молодые люди преуспевают. Говоря по совести, игра была не совсем честной, — они находились в более выгодном положении, чем их конкуренты по ремеслу: загородные уик-энды им ничего не стоили и сберегали средства на воскресные обеды благодаря тому, что автомобиль принадлежал полковнику и полковник с Хигинсом оплачивали еще и гостиничные счета. Манеры мистера Ф. Хилла, торговца цветами и зеленью (очень скоро молодые сделали открытие, что спаржа хорошо идет, а от спаржи перешли к другим видам овощей), придавали заведению шик, а в частной жизни он как-никак был Фредерик Эйнсфорд Хилл, эсквайр. Но Фредди никогда не зазнавался, и одна Элиза знала, что при рождении его нарекли Фредерик Чэлонер. Элиза-то как раз зазнавалась почему зря.

Вот, собственно, и все. Так обернулась эта история. Просто удивительно, до какой степени Элиза ухитряется по-прежнему вмешиваться в домашнее хозяйство на Уимпол-стрит, несмотря на магазин и свою семью. И можно заметить, что мужа она никогда не шпыняет, к полковнику привязана искренне, как любимая дочь, но так и не избавилась от привычки шпынять Хигинса, как повелось с того рокового вечера, когда она выиграла для него пари. Она откусывает ему нос по малейшему поводу и без оного. Он больше не смеет дразнить ее, утверждая, что Фредди находится на несравненно более низком уровне умственного развития, чем он. Он беснуется, уг-

рожает, издевается, однако она всегда дает ему такой безжалостный отпор, что полковник подчас не выдерживает и просит быть добрее к Хигинсу, и это единственная из его просьб, вызывающая на ее лице выражение ослиного упрямства. И ничто не изменит этого положения, кроме чрезвычайных обстоятельств или катастрофы такой силы (избави их Бог от подобного испытания!), чтобы сломить симпатии и антипатии и воззвать к их общему человеколюбию. Она знает, что Хигинс не нуждается в ней, так же как не нуждался в ней ее отец. Именно та добросовестность, с какой он сообщил ей в тот день, что привык к ее присутствию, что он полагается на нее в разного рода мелочах и ему будет не хватать ее (Фредди или полковнику в голову бы не пришло говорить такие вещи), укрепляет ее уверенность в том, что она для него «ничто, хуже вот этих туфлэй». И в то же время есть у нее ощущение, что безразличие его стоит большего, чем страстная влюбленность иных заурядных натур. Она безмерно заинтересована им. Бывает даже, у нее мелькает злорадное желание заполучить его когда-нибудь одного, на необитаемом острове, вдали от всяких уз, где ни с кем не надо считаться, и тогда стащить его с пьедестала и посмотреть, как он влюбится — как самый обыкновенный человек. Всех нас посещают сокровенные мечты такого рода. Но когда доходит до дела, до реальной жизни в отличие от жизни воображаемой, то Элизе по душе Фредди и полковник и не по душе Хигинс и мистер Дулитл. Все-таки Галатее не до конца нравится Пигмалион: уж слишком богоподобную роль он играет в ее жизни, а это не очень-то приятно.



ДОМ, ГДЕ РАЗБИВАЮТСЯ СЕРДЦА

ФАНТАЗИЯ В РУССКОМ СТИЛЕ НА АНГЛИЙСКИЕ ТЕМЫ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ясный сентябрьский вечер. Живописный гористый пейзаж северного Суссекса открывается из окон дома, построенного наподобие старинного корабля с высокой кормой, вокруг которой идет галерея. Окна в виде иллюминаторов идут вдоль всей стены настолько часто, насколько это позволяет ее устойчивость. Ряд шкафчиков под окнами образует ничем не обшитый выступ, прерывающийся примерно на поддороге, между ахтерштевнем и бортами, двустворчатой стеклянной дверью. Вторая дверь несколько нарушает иллюзию, она приходится как бы на левом борту корабля, но ведет не в открытое море, как ей подобало бы, а в переднюю дома. Между этой дверью и галереей стоят книжные полки. У двери, ведущей в переднюю, и у стеклянной двери, которая выходит на галерею, — электрические выключатели. У стены, изображающей правый борт, — столярный верстак, в тисках его закреплена доска. Пол усеян стружками, ими же доверху наполнена корзина для бумаги. На верстаке лежат два рубанка и коловорот. В этой же стене, между верстаком и окнами, узкий проход с низенькой дверцей, за которой видна кладовая с полками; на полках бутылки и кухонная посуда. На правом борту, ближе к середине, дубовый чертежный стол с доской, на которой лежат рейсшина, линейки, угольники, вычислительные приборы; тут же блюдечко с акварелью, стакан с водой, мутной от красок, тушь, карандаш и кисти. Доска положена так, что окно приходится с левой стороны от стула чертежника. На полу, справа от стола, корабельное кожаное ведро. На левом борту, рядом с книжными полками, спинкой к окнам, стоит диван; это довольно массивное сооружение из красного дерева престранно покрыто вместе с изголовьем брезентом, на спинке дивана висят два одеяла. Между диваном и чертежным столом, спиной к свету, — большое плетеное кресло с широкими ручками и низкой покатою спинкой; у левой стены, между дверью и книжной полкой, — небольшой, но добротный столик тикового дерева, круглый, с изогнутыми ножками. Это единственный предмет убранства в комнате, который — впрочем, отнюдь не убедительно — позволяет допустить, что здесь участвовала и женская рука. Голый, из узких досок, ничем не покрытый пол проконопачен и начищен пемзой, как палуба.

Сад, куда ведет стеклянная дверь, спускается на южную сторону, а за ним уже виднеются склоны холмов. В глубине сада возвышается купол обсерватории. Между обсерваторией и домом — маленькая эспланада, на ней флашток: на восточной стороне эспланады висит гамак, на западной стоит длинная садовая скамья.

Молодая девушка, в шляпе, перчатках и дорожном плаще, сидит на подоконнике, повернувшись всем телом, чтобы видеть расстилающийся за окном пейзаж. Она сидит, опершись подбородком на руку, свесив небрежно другую руку, в которой она держит томик Шекспира, заложив палец на той странице, где она читала. Часы бьют шесть.

Молодая девушка поворачивается и смотрит на свои часы. Она встает с видом человека, который давно ждет и уже выведен из терпения. Это хорошенькая девушка, стройная, белокурая, у нее вдумчивое личико, она одета очень мило, но скромно, — по всей видимости, это не праздная модница. Со вздохом усталой покорности она подходит к стулу у чертежного стола, садится, начинает читать Шекспира. Постепенно книга опускается на колени, глаза девушки закрываются, и она засыпает.

Пожилая служанка входит из передней с тремя неоткупоренными бутылками рома на подносе. Она проходит через комнату в кладовую, не замечая молодой девушки, и ставит на полку бутылки с ромом, а с полки снимает и ставит на поднос пустые бутылки. Когда она идет обратно, книга падает с колен гостьи, девушка просыпается, а служанка от неожиданности так вздрагивает, что чуть не роняет поднос.

Служанка. Господи, помилуй!

Молодая девушка поднимает книгу и кладет на стол.

Простите, что я разбудила вас, мисс. Только я что-то вас не знаю. Вы кого же здесь ждете?

Девушка. Я жду кого-нибудь, кто бы дал мне понять, что в этом доме знают о том, что меня сюда пригласили.

Служанка. Как, вы приглашены? И никого нет? Ах ты Господи!

Девушка. Какой-то сердитый старик подошел и посмотрел в окно. И я слышала, как он крикнул: «Няня, тут у нас на корме молоденькая хорошенькая женщина, подите-ка узнайте, что ей нужно». Это вы няня?

Служанка. Да, мисс. Я няня Гинесс. А это, значит, был старый капитан Шотовер, отец миссис Хэшебай. Я слышала, как он кричал, но я подумала, что он насчет чего-нибудь другого. Верно, это миссис Хэшебай вас и пригласила, деточка моя?

Девушка. По крайней мере я так поняла. Но, пожалуйста, мне, право, лучше уйти.

Няня. Нет, что вы, бросьте и думать, мисс. Если даже миссис Хэшебай и забыла, так это будет для нее приятный сюрприз.

Девушка. Признаться, для меня это был довольно неприятный сюрприз, когда я увидела, что меня здесь не ждут.

Няня. Вы к этому привыкнете, мисс. Наш дом полон всяческих сюрпризов для того, кто не знает наших порядков.

Капитан Шотовер (*неожиданно заглядывает из передней, это еще вполне крепкий старик с громадной белой бородой; он в двубортной куртке, на шее висит свисток*). Няня, там прямо на лестнице валяются портплед и саквояж; по-видимому, брошены нарочно для того, чтобы каждый о них спотыкался. И еще теннисная ракетка. Кой черт это там все набросал?

Девушка. Боюсь, что это мои вещи.

Капитан Шотовер (*подходит к чертежному столу*). Няня, кто эта заблудившаяся юная особа?

Няня. Они говорят, мисс Гэсси пригласила их, сэр.

Капитан Шотовер. И нет у нее, бедняжки, ни родных, ни друзей, которые могли бы ее предостеречь от приглашения моей дочери? Хорошенький у нас дом, нечего сказать! Приглашают юную привлекательную леди, вещи ее подня валяются на лестнице, а она здесь, на корме, предоставлена самой себе — усталая, голодная, заброшенная. Это у нас называется гостеприимством! Хорошим тоном! Ни комнаты не приготовлено, ни горячей воды. Нет хозяйки, которая бы встретила. Гостье, по-видимому, придется ночевать под навесом и идти умываться на пруд.

Няня. Хорошо, хорошо, капитан. Я сейчас принесу мисс чаю, и пока она будет пить чай, комната будет готова. (*Обращается к девушке.*) Снимите, душенька, шляпку. Будьте как дома. (*Идет к двери в переднюю.*)

Капитан Шотовер (*когда няня проходит мимо него*). «Душенька»! Ты воображаешь, женщина, что если эта юная особа оскорблена и оставлена на произвол судьбы, ты имеешь право обращаться с ней так, как ты обращаешься с моими несчастными детьми, которых ты вырастила в полнейшем пренебрежении к приличиям?

Няня. Не обращайтесь на него внимания, деточка. *(С невозмутимым спокойствием проходит в переднюю и направляется в кухню.)*

Капитан Шотовер. Окажите мне честь, сударыня, сообщите, как вас зовут? *(Усаживается в большое плетеное кресло.)*

Девушка. Меня зовут Элли Дэн.

Капитан Шотовер. Дэн... Был у меня как-то давно боцман, который носил фамилию Дэн. Он, в сущности, был китайским пиратом, потом открыл лавочку, торговал всякой корабельной мелочью; и у меня имеется полное основание полагать, что все это он украл у меня. Можно не сомневаться, что он разбогател. Так вы — его дочь?

Элли *(возмущенная)*. Нет. Конечно, нет! Я с гордостью могу сказать о своем отце, что хотя он и не преуспел в жизни, зато ни одна душа не может сказать про него ничего дурного. Я считаю, что мой отец — лучший из людей.

Капитан Шотовер. Должно быть, он очень переменялся. Не достиг ли он седьмой степени самосозерцания?*

Элли. Я вас не понимаю.

Капитан Шотовер. Но как это ему удалось, если у него есть дочь? У меня, видите ли, сударыня, две дочери. Одна из них Гесиона Хэшебай, которая вас сюда пригласила. Я вот стараюсь поддерживать порядок в этом доме, а она его переворачивает вверх дном. Я стремлюсь достигнуть седьмой степени самосозерцания, а она приглашает гостей и предоставляет мне занимать их.

Няня возвращается с чайным подносом и ставит его на тиковый столик.

Есть у меня еще дочь, которая, слава Богу, находится в весьма отдаленной части нашей империи со своим чурбаном-мужем. Когда она была маленькой, она считала резную фигуру на носу моего корабля, который назывался «Неустрашимый», самой прекрасной вещью на свете. Ну, а он несколько напоминал эту фигуру. У него было точь-в-точь такое же выражение лица: деревянное, но в то же время предприимчивое. Вышла за него замуж. И ноги ее больше не будет в этом доме.

Няня *(подвигает столик с чайным прибором к стулу)*. Вот уж, можно сказать, вы маху дали. Как раз она

сию минуту в Англии. Вам уж три раза на этой неделе говорили, что она едет домой на целый год, для поправления здоровья. И вы должны бы радоваться, что увидите свою родную дочь после стольких лет разлуки.

Капитан Шотовер. А я нисколько не радуюсь. Естественный срок привязанности человеческого животного к своему детенышу — шесть лет. Моя дочь Ариадна родилась, когда мне было сорок шесть, сейчас мне восемьдесят восемь. Если она явится сюда, меня нет дома. Если ей что-нибудь нужно, пусть берет. Если она будет спрашивать обо мне — внушить ей, что я дряхлый старик и совершенно ее не помню.

Няня. Ну что это за разговоры при молодой девушке! Нате, душечка, выпейте чайку. И не слушайте его. *(Наливает чашку чаю.)*

Капитан Шотовер *(гневно поднимаясь)*. Силы небесные! Они поят невинного ребенка индийским чаем, этим зельем, которым они дубят свои собственные кишки. *(Хватает чашку и чайник и выливает все в кожаное ведро.)*

Элли *(чуть не плача)*. Ах, прошу вас, я так устала. И мне так хотелось пить.

Няня. Ну что же это вы делаете! Глядите, ведь бедняжка едва на ногах держится.

Капитан Шотовер. Я вам дам моего чаю. И не прикасайтесь к этому обсиженному мухами сухарю. Этим только собак кормить. *(Исчезает в кладовой.)*

Няня. Ну что за человек! Недаром говорят, будто б он, перед тем как его произвели в капитаны, продал душу черту там, на Занзибаре. И чем он старше становится, тем я все больше этому верю.

Женский голос *(из передней)*. Есть кто-нибудь дома? Гесиона! Няня! Папа! Да пойдите же вы кто-нибудь сюда. Возьмите мои вещи.

Слышен глухой стук, словно кто-то бьет зонтиком по деревянной панели.

Няня. Господи ты Боже мой! Это мисс Эдди. Леди Эттеруорд, сестра миссис Хэшебай. Та самая, о которой я капитану говорила. *(Откликается.)* Иду, мисс, иду!

Она ставит столик обратно на место около двери и поспешно идет к выходу, но сталкивается с леди Эттеруорд, которая врывается в комнату в страшном волнении. Леди Эттеруорд — очень красивая,

прекрасно одетая блондинка. У нее такие стремительные манеры и она так быстро говорит, что с первого взгляда производит ошибочное впечатление смешной и глуповой.

Леди Эттеруорд. Ах, это ты, няня. Как поживаешь? Ты ни чуточки не постарела. Что, никого нет дома? А где Гесиона? Разве она меня не ждет? Где прислуга? А чей это багаж там на лестнице? Где папа? Может быть, все спать легли? *(Замечает Элли.)* Ах, простите, пожалуйста. Вы, верно, одна из моих племянниц. *(Подходит к ней с раскрытыми объятиями.)* Поцелуйте свою тетю, душечка.

Элли. Я здесь только гостья. Это мои вещи на лестнице.

Няня. Я сейчас пойду принесу вам, душенька, свежего чайку. *(Берет поднос.)*

Элли. Но ведь старый джентльмен сказал, что он сам готовится чай.

Няня. Да Бог с вами! Он уже и позабыл, за чем пошел. У него все в голове мешается да с одного на другое перескакивает.

Леди Эттеруорд. Это о папе?

Няня. Да, мисс.

Леди Эттеруорд *(сердито)*. Не будь душой, нянька, не смей называть меня мисс.

Няня *(спокойно)*. Хорошо, милочка. *(Уходит с подносом.)*

Леди Эттеруорд *(стремительно и шумно опускается на диван)*. Представляю себе, что вы должны испытывать. Ах, этот дом, этот дом! Я возвращаюсь сюда через двадцать три года. И он все такой же: вещи валяются на лестнице; невыносимо распушенная прислуга; никого дома; гостей принять некому; для еды нет никаких установленных часов; и никто никогда и есть не хочет, потому что вечно все жуют хлеб с маслом или грызут яблоки. Но самое ужасное — это тот же хаос и в мыслях, и в чувствах, и в разговорах. Когда я была маленькая, я, по привычке, не замечала этого — просто потому, что я ничего другого и не видела, — но я чувствовала себя несчастной. Ах, мне уже и тогда хотелось, мне так хотелось быть настоящей леди, жить как все другие, чтобы не приходилось обо всем думать самой. В девятнадцать лет я вышла замуж лишь бы вырваться отсюда. Мой муж, сэр Гастингс Эттеруорд, был губернатором

всех колоний британской короны по очереди. Я всегда была хозяйкой правительственной резиденции. И я была счастлива. Я просто забыла, что люди могут жить вот так. Но мне захотелось повидать отца, сестру, племянников и племянниц — ведь это же так приятно, вы сами понимаете. Я просто мечтала об этом. И вот в каком состоянии я нахожу родительский дом! Как меня принимают! Невозмутимая наглость этой Гинесс, нашей старой няньки. И право же, Гесиона могла бы хоть дома-то быть; могли бы они хоть что-нибудь для меня приготовить. Вы уж простите меня, что я так разоткровенничалась, но я, в самом деле, ужасно расстроена, обижена и разочарована. Если бы я только знала, что так будет, я бы не поехала сюда. У меня большое искушение — повернуться и уехать, не сказав им ни слова. *(Чуть не плачет.)*

Элли *(тоже очень огорченная)*. Меня тоже никто не встретил. Мне тоже кажется, что лучше уехать. Но как это сделать, леди Эттеруорд! Вещи мои на лестнице, дилижанс уже уехал.

Из кладовой появляется капитан Шотовер, у него в руках лакированный китайский поднос с очень красивым чайным прибором. Он ставит его сначала на край стола, стаскивает чертежную доску на пол и прислоняет ее к ножке стола, а затем подвигает поднос на середину.

Элли с жадностью наливает чай.

Капитан Шотовер. Вот вам чай, юная леди! Как? Еще одна дама? Надо еще чашку принести. *(Поворачивается к двери.)*

Леди Эттеруорд *(поднимается с дивана, задыхаясь от волнения)*. Папа, что же ты, не узнаешь меня? Я твоя дочь.

Капитан Шотовер. Глупости. Моя дочь спит наверху. *(Исчезает в дверях.)*

Леди Эттеруорд отходит к окну, чтобы не видно было, что она плачет.

Элли *(подходит к ней с чашкой в руках)*. Не огорчайтесь так. Вот выпейте чашку чая. Он очень старый и ужасно странный. Вот так же он и меня встретил. Я понимаю, что это ужасно. Мой отец для меня все на свете. Я уверена, он это не нарочно.

Капитан Шотовер возвращается с чашкой.

Капитан Шотовер. Ну вот, теперь на всех хватит. *(Ставит чашку на поднос.)*

Леди Эттеруорд *(истерическим голосом)*. Папа, но ты же не мог забыть меня. Я Ариадна. Маленькая Пэдди Пэткинс. Что же, ты даже не поцелуешь меня? *(Бросается к нему на шею.)*

Капитан Шотовер *(стойчески перенося ее объятия)*. Как это может случиться, чтобы вы были Ариадной? Вы, сударыня, женщина в годах. Прекрасно сохранившаяся женщина, но уже немолодая.

Леди Эттеруорд. Да ты вспомни, сколько лет ты меня не видал, папа. Ведь я же должна была стать старше, как и все люди на свете.

Капитан Шотовер *(освобождаясь из объятий)*. Да, пора бы уж вам почувствовать себя постарше и перестать бросаться на шею к незнакомым мужчинам. Может быть, они стремятся достигнуть седьмой степени самосохранения.

Леди Эттеруорд. Но я твоя дочь! Ты не видал меня столько лет!

Капитан Шотовер. Тем более. Когда наши родственники дома, нам приходится постоянно помнить об их хороших качествах — иначе их невозможно было бы выносить. Но когда их нет с нами, мы утешаем себя в разлуке тем, что вспоминаем их пороки. Вот так-то я и привык считать мою отсутствующую дочь Ариадну сущим дьяволом. Так что не пытайтесь снискать наше расположение, выдавая себя за нее. *(Решительным шагом уходит на другой конец комнаты.)*

Леди Эттеруорд. Снискать расположение... Нет, это уж в самом деле... *(С достоинством.)* Прекрасно! *(Садится к чертежному столу и наливает себе чашку чая.)*

Капитан Шотовер. Я, кажется, плохо выполняю свои хозяйские обязанности. Вы помните Дэна? Вилли Дэна?

Леди Эттеруорд. Этого гнусного матроса, который ограбил тебя?

Капитан Шотовер *(представляя ей Элли)*. Его дочь. *(Садится на диван.)*

Элли *(протестуя)*. Да нет же!

Входит няня со свежим чаем.

Капитан Шотовер. Унесите вон это свиное пойло. Слышите?

Няня. А ведь действительно приготовил чай. (Элли.) Скажите, мисс, как это он про вас не забыл? Видно, вы произвели на него впечатление.

Капитан Шотовер (мрачно). Юность! Красота! Новизна! Вот чего недостает в этом доме. Я глубокий старик. Гесиона весьма относительно молода. А дети ее не похожи на детей.

Леди Эттеруорд. Как дети могут быть детьми в этом доме? Прежде чем мы научились говорить, нас уже пичкали всякими идеями, которые, может быть, очень хороши для языческих философов лет под пятьдесят, но отнюдь не подобают благопристойным людям в каком бы то ни было возрасте.

Няня. Помню, вы и раньше всегда говорили о благопристойности, мисс Эдди.

Леди Эттеруорд. Няня, потрудитесь запомнить, что я леди Эттеруорд, а не мисс Эдди, и никакая не дочка, не цыпочка, не крошечка.

Няня. Хорошо, душенька. Я скажу всем, чтобы они называли вас — миледи. (С невозмутимым спокойствием берет поднос и уходит.)

Леди Эттеруорд. И это называется удобство! Какой смысл держать в доме такую неотесанную прислугу?

Элли (поднимается, подходит к столу и ставит пустую чашку). Леди Эттеруорд, как вам кажется, миссис Хэшебай на самом деле ждет меня или нет?

Леди Эттеруорд. Ах, не спрашивайте. Вы ведь сами видите, я только что приехала — единственная сестра, после двадцати трех лет разлуки, — и по всему видно, что меня здесь не ждали.

Капитан Шотовер. А какое это имеет значение, ждали эту юную леди или не ждали? Ей здесь рады. Есть кровать, есть еда. И я сам приготовлю ей комнату. (Направляется к двери.)

Элли (идет за ним, пытаясь остановить его). Ах, пожалуйста, прошу вас...

Капитан уходит.

Леди Эттеруорд, я просто не знаю, что мне делать. Ваш отец, по-видимому, твердо убежден, что мой отец — это тот самый матрос, который его ограбил.

Леди Эттеруорд. Лучше всего сделать вид, что вы этого не замечаете. Мой отец очень умный человек, но он вечно все забывает. А теперь, когда он такой старик, разумеется, это еще усилилось. И надо вам сказать, иной раз очень трудно бывает поверить всерьез, что он действительно забыл.

Миссис Хэшебай порывисто вбегает в комнату и обнимает Эли. Она на год, на два старше леди Эттеруорд и, пожалуй, даже еще красивей. У нее прекрасные черные волосы, глаза как колдовские озера и благородная линия шеи, короткая сзади и удлиняющаяся меж ключицами. Она, в отличие от сестры, в роскошном халате из черного бархата, который оттеняет ее белую кожу и скульптурные формы.

Миссис Хэшебай. Эли! Душечка моя, детка! *(Целует ее.)* Давно ли вы здесь? Я все время дома. Я ставила цветы и убирала вашу комнату. И только на минуточку присела, чтобы посмотреть, удобно ли я вам поставила кресло, как сразу и задремала. Папа разбудил меня и сказал, что вы здесь. Представляю себе, что вы почувствовали, когда вас никто не встретил и вы очутились здесь совсем одна и думали, что про вас забыли. *(Снова целует ее.)* Бедняжка! *(Сажает Эли на диван.)*

В это время Ариадна отходит от стола и направляется к ним, желая обратить на себя внимание.

Ах, вы приехали не одна? Познакомьте меня.

Леди Эттеруорд. Гесиона, может ли это быть, что ты не узнаешь меня?

Миссис Хэшебай *(со светской учтивостью)*. Разумеется, я прекрасно помню ваше лицо. Но где мы с вами встречались?

Леди Эттеруорд. Да разве папа не сказал тебе, что я здесь? Нет, это уж чересчур. *(В негодовании бросается в кресло.)*

Миссис Хэшебай. Папа?

Леди Эттеруорд. Да, папа. Наш папа! Негодная ты, бесчувственная кукла! *(Возмущенная, поднимается.)* Сию минуту уезжаю в гостиницу.

Миссис Хэшебай *(хватает ее за плечи)*. Господи, Боже мой! Силы небесные! Неужели это Эдди?

Леди Эттеруорд. Ну конечно я, Эдди. И не настолько уж я изменилась, что ты не узнала бы меня, если бы хоть немножко любила. А папа, по-видимому, даже не считал нужным и упомянуть обо мне.

Миссис Хэшебай. Вот история! Садись. (Толкает ее обратно в кресло, вместо того чтобы обнять, и становится позади.) Но у тебя прекрасный вид! Ты стала гораздо красивее, чем была. Ты, конечно, познакомилась с Элли? Она собирается выйти замуж за настоящего борова, миллионера. Жертвует собой, чтобы спасти отца, который беден как церковная мышь. Ты должна мне помочь уговорить ее, чтобы она этого не делала.

Элли. Ах, пожалуйста, не надо, Гесиона.

Миссис Хэшебай. Душенька, этот субъект сегодня приедет сюда с вашим отцом и будет приставать к вам. И не пройдет и десяти минут, как всем все станет ясно. Так зачем же делать из этого тайну?

Элли. Он совсем не боров, Гесиона. Вы не знаете, как он был добр к моему отцу и как я ему благодарна.

Миссис Хэшебай (обращается к леди Эттеруорд). Ее отец замечательный человек, Эдди. Его зовут Мадзини Дэн. Мадзини* был знаменитостью, и это был близкий знакомый Эллиных бабушки и дедушки. А они были поэты — ну, как Браунинги... И когда Эллин отец появился на свет, Мадзини сказал: «Вот еще один солдат свободы». Так они его и назвали Мадзини. И он тоже посвоему борется за свободу, поэтому-то он так и беден.

Элли. Я горжусь тем, что он беден.

Миссис Хэшебай. Ну конечно, душечка. Но почему же не оставить его в этой бедности и не выйти за того, кого вы любите?

Леди Эттеруорд (внезапно вскакивает, не владея собой). Гесиона, ты меня поцелуешь или нет?

Миссис Хэшебай. А зачем это тебе нужно, чтобы тебя целовали?

Леди Эттеруорд. Мне не нужно, чтобы меня целовали, но мне нужно, чтобы ты вела себя прилично и как подобает. Мы сестры, мы не виделись двадцать три года. Ты должна меня поцеловать.

Миссис Хэшебай. Завтра утром, дорогая моя. Прежде, чем ты намажешься. Терпеть не могу, когда пахнет пудрой.

Леди Эттеруорд. Бесчувственная...

Ее прерывает вернувшийся капитан.

Капитан Шотовер (обращаясь к Элли). Комната вам готова.

Элли встает.

Простыни были совершенно сырые, но я переменял.
(Идет на левый борт, к двери в сад.)

Леди Эттеруорд. Хм... А как мои простыни?

Капитан Шотовер (останавливаясь в двери).
Могу вам дать совет — проветрите их или просто снимите и спите, завернувшись в одеяло. Вы будете спать в прежней комнате Ариадны.

Леди Эттеруорд. Ничего подобного. В этой жалкой камерке? Я имею право рассчитывать на лучшую комнату для гостей.

Капитан Шотовер (невозмутимо продолжает).
Она вышла замуж за чурбана. Она говорила, что готова выйти за кого угодно, лишь бы вырваться из дома.

Леди Эттеруорд. Ты, по-видимому, просто приворялся, что не узнаешь меня. Я уйду отсюда.

Из передней входит Ма д з и н и Д э н. Это маленький пожилой человек, глаза навывкате, взгляд доверчивый, степенные манеры. Он в синем саржевом костюме и в расстегнутом макинтоше. В руках мягкая черная шляпа, вроде тех, что носят священники.

Элли. Наконец-то! Капитан Шотовер, вот мой отец.

Капитан Шотовер. Этот? Чепуха! Ни капельки не похож. (Выходит в сад, сердито хлопая дверью.)

Леди Эттеруорд. Я не допущу, чтобы меня умышленно не замечали и делали вид, что принимают за кого-то другого. Я пойду и сию же минуту объяснюсь с папой. (Магзини.) Простите, пожалуйста. (Уходит за капитаном, небрежно на ходу кивая Магзини, который на ее кивок отвечает поклоном.)

Миссис Хэшебай (радушно пожимая руку Магзини). Как это мило с вашей стороны, что вы приехали, мистер Дэн. Вы не обижаетесь на папу, не правда ли? Он у нас совсем сумасшедший, но абсолютно безобидный. И при этом необыкновенно умный. Вы еще побеседуете с ним, и с большим удовольствием.

Ма д з и н и. Я надеюсь. (Элли.) А вот и ты, Элли, милашка. (С нежностью берет ее под руку.) Я вам очень признателен, миссис Хэшебай, за то, что вы так добры к моей дочери. Боюсь, что у нее не вышло бы никакого праздника, если бы не ваше приглашение.

Миссис Хэшебай. Да нет, что вы. Это так мило с ее стороны, что она к нам приехала, она будет привлекать сюда молодых людей.

Ма д з и н и *(улыбаясь)*. Боюсь, что Элли мало интересуется молодыми людьми, миссис Хэшебай. В ее вкусе скорее положительные, серьезные люди.

Миссис Хэшебай *(с внезапной резкостью)*. Может быть, вы снимете пальто, мистер Дэн? Там, в углу в передней — шкаф для пальто, шляп и всего прочего.

Ма д з и н и *(поспешно выпуская руку Элли)*. Да, благодарю вас. Мне, конечно, надо было... *(Уходит.)*

Миссис Хэшебай *(выразительно)*. Старая скотина! Элли. Кто?

Миссис Хэшебай. Кто! Да он — вот этот, он самый. *(Показывает пальцем вслед Магзину.)* «Положительные, серьезные»... скажите!

Элли *(пораженная)*. Неужели это может быть, чтобы вы сказали так о моем отце!

Миссис Хэшебай. Сказала. И вы это отлично знаете.

Элли *(с достоинством)*. Я немедленно уйду из вашего дома. *(Поворачивается к двери.)*

Миссис Хэшебай. Если вы только посмеете, я сейчас же доложу вашему отцу, почему вы это сделали.

Элли *(оборачиваясь)*. Но как вы можете так обращаться с вашим гостем, миссис Хэшебай?

Миссис Хэшебай. Мне казалось, что вы зовете меня Гесиона.

Элли. Теперь — конечно нет.

Миссис Хэшебай. Отлично. Я все расскажу вашему отцу.

Элли *(в страшном огорчении)*. Ах!

Миссис Хэшебай. Если вы только двинете пальцем, если только хоть на минуту станете на его сторону, против меня и против вашего собственного сердца... я поговорю с этим прирожденным солдатом свободы так, что он потом целую неделю будет стоять на голове, этот старый эгоист.

Элли. Гесиона! Мой отец эгоист? Как мало вы знаете...

Ее прерывает Ма д з и н и, который врывается, запыхавшийся и взволнованный.

Ма д з и н и. Элли! Менген приехал. Я думал, может быть лучше тебя предупредить. Простите меня, миссис Хэшебай, этот престранный старый джентльмен...

Миссис Хэшебай. Папа? Вполне согласна с вами.

Мадзини. Ах, простите... Ну да, разумеется. Меня несколько смутило его обращение. Он заставил Менгена что-то там делать в саду. И требует, чтобы и я тоже...

Раздается громкий свисток.

Голос капитана. Боцман, наверх!

Снова громкий свисток.

Мадзини (*растерянно*). О Господи, мне кажется, это он меня зовет... (*Поспешно выбегает.*)

Миссис Хэшебай. Вот мой отец — это действительно замечательный человек!

Элли. Гесиона, послушайте меня. Вы просто не понимаете. Мой отец и мистер Менген были еще детьми, и мистер Мен...

Миссис Хэшебай. Мне совершенно все равно, чем они были. Только давайте лучше сядем, если вы собираетесь начать так издалека. (*Обнимает Элли за талию и усаживает на диван рядом с собой.*) Ну, душенька, рассказывайте мне все про этого мистера Менгена. Его все зовут Босс Менген, хозяин Менген, правда? Настоящий Наполеон промышленности и отвратительно богат. Верно я говорю? А почему же отец ваш не богат?

Элли. Да папе вовсе и не следовало бы заниматься коммерческими делами. Его отец и мать были поэты. Они внушали ему самые возвышенные идеи. Только у них не хватало средств, чтобы дать ему законченное образование.

Миссис Хэшебай. Воображаю себе ваших дедушку и бабушку, как они во вдохновенном экстазе закатывают глаза... Итак, значит, вашему бедному отцу пришлось заняться коммерцией. И он не преуспел в этом?

Элли. Он всегда говорил, что он добился бы успеха, если бы у него был капитал. А ему всю жизнь приходилось сводить концы с концами, только чтобы не оставить нас без крова и дать нам хорошее воспитание. И вся его жизнь — это была сплошная борьба. Вечно одно и то же препятствие — нет денег. Я просто не знаю, как вам это рассказать.

Миссис Хэшебай. Бедняжка Элли! Я понимаю. Вечно изворачиваться...

Элли (*уязвленная*). Нет, нет, совсем не так. Он во всяком случае никогда не терял достоинства.

Миссис Хэшебай. А это еще трудней. Я бы не могла изворачиваться и при этом сохранять достоинство. Я бы изворачивалась не щадя себя (*сжав зубы*), не щадя. Ну хорошо, а дальше?

Элли. Наконец, все-таки пришло время, когда нам стало казаться, что все наши несчастья кончились: мистер Менген из чистой дружбы и из уважения к моему отцу совершил необыкновенно благородный поступок — он спросил папу, сколько ему нужно денег, и дал ему эти деньги. И знаете, он не то чтобы дал их ему займы или, как говорится, вложил в его дело, — нет, он просто подарил их ему! Разве это не замечательно с его стороны?

Миссис Хэшебай. При условии, что вы будете его женой?

Элли. Ах, да нет, нет, нет! Я еще тогда была совсем маленькая. Он даже меня и в глаза не видал. Он тогда еще и не бывал у нас в доме. Он сделал это совершенно бескорыстно. Из чистого великодушия.

Миссис Хэшебай. О, в таком случае прошу прощения у этого джентльмена. Так. Ну и что же случилось с этими деньгами?

Элли. Мы все оделись с ног до головы и переехали в другой дом. Меня отдали в другую школу, и я училась там два года.

Миссис Хэшебай. Только два года?

Элли. Да. Вот и все. Потому что через два года оказалось, что мой отец совершенно разорен.

Миссис Хэшебай. Как же это так?

Элли. Не знаю. Никогда не могла понять. Только это было ужасно. Пока мы были бедны, у отца не было долгов, но как только он стал ворочать большими делами, ему пришлось брать на себя всякие обязательства. И вот, когда все предприятие ликвидировалось, то вышло как-то так, что долгов у него оказалось больше, чем то, что ему дал мистер Менген.

Миссис Хэшебай. По-видимому, цапнул больше, чем мог проглотить.

Элли. Мне кажется, вы относитесь к этому как-то ужасно бесчувственно.

Миссис Хэшебай. Детка моя, вы не обращайте внимания на мою манеру разговаривать. Я была когда-то такая же чувствительная и недотрога, вот как вы. Но я нахваталась ужасного жаргона от моих детей и совершенно разучилась разговаривать прилично. Очевидно, у

вашего отца не было способностей к подобного рода вещам, и он просто запутался.

Элли. Ах, вот тут-то и видно, что вы его совершенно не понимаете. Дело это потом необыкновенно расцвело. Оно дает теперь сорок четыре процента дохода, за вычетом налога на сверхприбыль.

Миссис Хэшебай. Так вы должны бы купаться в золоте, почему же этого нет?

Элли. Не знаю. Мне все это кажется ужасной несправедливостью. Видите ли, папа обанкротился. Он чуть не умер от горя, потому что он уговорил некоторых своих друзей вложить деньги в это дело. Он был уверен, что дело пойдет успешно, и, как потом оказалось, он был прав,— но все они потеряли свои вклады. Это было ужасно. И я не знаю, что бы мы стали делать, если бы не мистер Менген.

Миссис Хэшебай. Что? Босс опять пришел на выручку? И это после того, как все его денежки полетели на ветер?

Элли. Да. Он нас выручил. И даже ни разу не упрекнул отца. Он купил все, что осталось от этого дела,— помещение, оборудование, ну и все прочее,— через коронного стряпчего за такую сумму, что отец мог заплатить по шесть шиллингов восемь пенсов за фунт и выйти из предприятия. Все очень жалели папу, и так как все были убеждены, что он абсолютно честный человек, никто не возражал против того, чтобы получить шесть шиллингов восемь пенсов вместо десяти шиллингов за фунт. А потом мистер Менген организовал компанию, которая взяла это дело в свои руки, а отца моего сделал управляющим... чтобы мы не умерли с голоду... потому что тогда ведь я еще ничего не зарабатывала.

Миссис Хэшебай. Боже, да это настоящий роман с приключениями! Ну, а когда же Босс воспылал нежными чувствами?

Элли. О, это уже спустя несколько лет. Совсем недавно. Он как-то случайно взял билет на один благотворительный концерт. Я там пела. Ну просто, знаете, в качестве любительницы, мне платили полгинеи за три номера и еще за три выхода на бис. И ему так понравилось, как я пела, что он попросил разрешения проводить меня до дому. Вы просто представить не можете, до чего он удивился, когда я привела его к нам домой и представила его моему отцу, его же собственному управляюще-

му. И вот тут-то отец и рассказал мне о его благородном поступке. Ну, разумеется, все считали, что для меня это необыкновенно счастливый случай... ведь он такой богатый. Ну и вот, мы пришли к чему-то вроде соглашения. Мне кажется... я должна считать это почти... помолвкой. *(Она страшно расстроена и не может больше говорить.)*

Миссис Хэшебай *(вскакивает и начинает ходить взад и вперед)*. Помолвка, вы говорите? Ну, моя деточка, эта помолвка живо обратится в размолвку, если я только возьмусь за это как следует.

Элли *(безнадежно)*. Нет, вы напрасно так говорите. Меня вынуждает к этому честь и чувство благодарности. Я уж решилась.

Миссис Хэшебай *(останавливается у дивана и, перегнувшись через спинку, отчитывает Элли)*. Вы, конечно, сами прекрасно понимаете, что это совсем не честно и не благородно — выйти замуж за человека, не любя его. Вы любите этого Менгена?

Элли. Д-да. Во всяком случае...

Миссис Хэшебай. Меня совершенно не интересуют эти ваши «всякие случаи», я хочу, чтобы вы мне выложили все начистоту. Девушки в вашем возрасте способны влюбиться в самых невообразимых идиотов, особенно стариков.

Элли. Я очень хорошо отношусь к мистеру Менгену. И я всегда...

Миссис Хэшебай *(нетерпеливо заканчивая ее фразу, стремительно переходит на правый борт)*. «...буду благодарна ему за его доброту к моему дорогому папе». Это я уж все слышала. А еще кто есть?

Элли. То есть... что вы хотите сказать?!

Миссис Хэшебай. Есть кто-нибудь еще? Вы в кого-нибудь влюблены по-настоящему?

Элли. Конечно нет — ни в кого.

Миссис Хэшебай. Гм... *(Ей попадает на глаза книга, лежащая на чертежном столе, она берет ее в руки, и заглавие книги, по-видимому, ее поражает; она смотрит на Элли и вкрадчиво спрашивает.)* А вы не влюблены в какого-нибудь актера?

Элли. Нет, нет! Почему... почему вам это пришло в голову?

Миссис Хэшебай. Ведь это ваша книга? Что это вам вдруг вздумалось читать «Отелло»?

Элли. Отец научил меня любить Шекспира.

Миссис Хэшебай (*швыряя книгу на стол*). Действительно! Ваш отец, по-видимому, правда не в себе!

Элли (*наивно*). А вы разве никогда не читаете Шекспира, Гесиона? Мне просто это кажется удивительным. Мне так нравится Отелло.

Миссис Хэшебай. Отелло нравится? Потому что он ревнивец?

Элли. Ах, нет, не это. Все, что там насчет ревности, — просто ужасно. Но вы не находите, что это было просто непостижимое счастье для Дездемоны, которая мирно росла дома, вдруг встретиться с таким человеком... Ведь он скитался по всему свету, жил в таком кипучем мире, совершал всякие чудеса храбрости, столько испытал всяких ужасов — и вот все же что-то нашел в ней, что притягивало его, и он мог часами сидеть и рассказывать ей обо всем этом.

Миссис Хэшебай. Ах, вот вам какие романы по вкусу?

Элли. Почему же непременно роман? Это могло и на самом деле случиться. (*По глазам Элли видно, что она не спорит, а мечтает.*)

Миссис Хэшебай внимательно вглядывается в нее, потом не спеша подходит к дивану и усаживается с ней рядом.

Миссис Хэшебай. Элли, милочка! А вы не обратили внимания, что все эти истории, которые он Дездемоне рассказывает, ведь на самом деле их не могло быть?

Элли. Ах, нет. Шекспир думал, что все это могло случиться.

Миссис Хэшебай. Гм... Вернее, Дездемона думала, что все это так и было. Но этого не было.

Элли. Почему вы говорите об этом с таким загадочным видом? Вы прямо сфинкс какой-то. Никогда не могу понять, что вы, в сущности, хотите сказать?

Миссис Хэшебай. Если бы Дездемона осталась в живых, она бы вывела его на чистую воду. Иногда мне, знаете, приходит в голову, не потому ли он и задушил ее?

Элли. Отелло не мог лгать.

Миссис Хэшебай. Откуда вам это известно?

Элли. Шекспир так и сказал бы, что Отелло лгал. Гесиона, ведь есть же на свете мужчины, которые действительно делают замечательные вещи. Мужчины, похожие на Отелло; только, конечно, они белые, очень красивые и...

Миссис Хэшебай. Ага! Наконец-то мы пришли к сути дела. Ну, теперь расскажите мне про него все. Я так и знала, что тут кто-то есть. Потому что иначе вы не чувствовали бы себя такой несчастной из-за Менгена. Вам даже улыбалось бы выйти за него замуж.

Элли (*вспыхивая*). Гесиона, вы просто ужасны. Но я не хочу делать из этого тайны, хотя, конечно, я не стала бы об этом рассказывать направо и налево. И к тому же я с ним незнакома.

Миссис Хэшебай. Незнакомы?

Элли. Ну, конечно, немножко знакома, разговаривала с ним.

Миссис Хэшебай. Но вам хочется узнать его поближе?

Элли. Нет, нет. Я знаю его очень близко...

Миссис Хэшебай. Вы с ним незнакомы... вы знаете его очень близко... Как это все ясно и просто!

Элли. Я хочу сказать, что у нас он не бывает.. я... я просто разговорилась с ним случайно, на концерте.

Миссис Хэшебай. Вы, по-видимому, очень весело проводите время на ваших концертах, Элли?

Элли. Да нет. Вовсе нет. Вообще мы все разговариваем друг с другом в артистической, когда дожидаемся своей очереди. Я думала, что это кто-нибудь из артистов. У него такое замечательное лицо. Но оказалось, он просто один из членов комитета. Я, между прочим, сказала ему, что хожу копировать одну картину в Национальной галерее. Я немножко зарабатываю этим. Я не очень хорошо рисую, но так как это всегда одна и та же картина, то я теперь могу скопировать ее очень быстро, и получаю за это два или три фунта. И вот как-то раз он пришел в Национальную галерею.

Миссис Хэшебай. В студенческий день*, конечно. Заплатил шесть пенсов, чтобы толкаться там среди всех этих мольбертов, хотя в другой день можно было прийти бесплатно и без всякой толкотни. Разумеется, это вышло совершенно случайно.

Элли (*торжествующе*). Нет. Он пришел нарочно. Ему нравилось разговаривать со мной. У него масса блестящих знакомых, светские женщины от него без ума,— но он сбежал от всех, чтобы прийти повидать меня в Национальной галерее. И упросил меня поехать кататься с ним в Ричмонд-парк.

Миссис Хэшебай. И вы, душечка, согласились. Просто удивительно, что только вы, добродетельные девушки, можете себе позволить, и о вас никто слова не скажет.

Элли. Но я не выезжаю в свет, Гесиона. Если бы у меня не было знакомств, которые завязываются вот так, то у меня вообще не было бы знакомых.

Миссис Хэшебай. Да нет, конечно тут нет ничего дурного, если вы умеете постоять за себя. А можно узнать его имя?

Элли *(медленно и нараспев)*. Марк Дарнли!

Миссис Хэшебай *(повторяя за ней)*. Марк Дарнли. Какое замечательное имя!

Элли. Ах, я так рада, что вам нравится. Мне тоже ужасно нравится, но я все боялась, что это просто мое воображение.

Миссис Хэшебай. Ну, ну. Он что — из эбердинских Дарнли?

Элли. Никто этого не знает. Нет, вы только подумайте, его нашли в старинном ларце...

Миссис Хэшебай. Что? В чем?

Элли. В старинном ларце. В саду, среди роз, летним утром. А ночью была страшная гроза.

Миссис Хэшебай. Что ж он там делал, в этом ларце? Спрятался туда от молнии, что ли?

Элли. Ах нет, нет. Он же был тогда совсем малюточной. Имя Марк Дарнли было вышито на его детской рубашечке. И пятьсот фунтов золотом...

Миссис Хэшебай *(строго смотрит на нее)*. Элли!

Элли. В саду виконта...

Миссис Хэшебай. Де Ружемона.

Элли *(невинно)*. Нет. Де Лярошжаклена. Это французский род. Виконты. А его жизнь — это сплошная сказка. Тигр...

Миссис Хэшебай. Убитый его собственной рукой?

Элли. Да нет, вовсе не так банально. Он спас жизнь тигру во время охоты. Это была королевская охота, короля Эдуарда, в Индии. Король страшно рассердился. Вот потому-то его военные заслуги и не были оценены по достоинству. Но ему это все равно. Он социалист, он презирает титулы и чины. И он участвовал в трех революциях, дрался на баррикадах...

Миссис Хэшебай. Ну как это вы только можете — сидеть вот так и рассказывать мне все эти небылицы? И это вы, Элли! А я-то считала вас простодушной, прямой, хорошей девушкой.

Элли (*поднимается с достоинством, но в страшном негодовании*). Вы хотите сказать, что вы мне не верите?

Миссис Хэшебай. Ну конечно, не верю. Сидите и выдумываете — ни одного слова правды. Да что, вы считаете меня совсем дурой?

Элли (*смотрит на нее широко раскрытыми глазами; искренность ее до того очевидна, что миссис Хэшебай озадачена*). Прощайте, Гесиона. Мне очень жаль. Я теперь вижу, что все это звучит невероятно, когда это рассказываешь. Но я не могу оставаться здесь, если вы так обо мне думаете.

Миссис Хэшебай (*хватает ее за платье*). Никуда вы не пойдете. Нет, так ошибаться просто невыносимо! Я слишком хорошо знаю вралей. По-видимому, вам действительно кто-то рассказывал все это.

Элли (*вспыхивая*). Гесиона, не говорите, что вы не верите ему. Я этого не вынесу.

Миссис Хэшебай (*успокаивая ее*). Ну конечно, я верю ему, милочка моя. Но вы должны были преподнести это мне по крайней мере не все сразу, а как-нибудь по частям. (*Снова усаживает ее рядом с собой.*) Ну, теперь рассказывайте мне о нем все. Итак, вы влюбились в него?

Элли. Ах, нет. Я не такая дурочка. Я не влюбляюсь так сразу. Я вовсе уж не такая глупенькая, как вам кажется.

Миссис Хэшебай. Понятно. Это просто, чтобы было о чем помечтать, чтобы жить было интереснее и радостнее.

Элли. Да, да. Вот и все.

Миссис Хэшебай. И тогда время бежит быстро. Вечером не томишься от скуки и не ждешь, когда можно лечь спать, не думаешь о том, что вот будешь вертеться без сна или приснится что-нибудь неприятное. А какое счастье просыпаться утром! Лучше самого чудесного сна! Вся жизнь преображается. Уж не мечтаешь почитать какую-нибудь интересную книгу, жизнь кажется интересней всякой книги. И никаких желаний, только чтобы остаться одной и ни с кем не разговаривать. Сидеть одной и просто думать об этом.

Элли (*обнимая ее*). Гесиона, вы настоящая колдунья. Откуда вы все это знаете? Вы самая чуткая женщина на свете.

Миссис Хэшебай (*поглаживая ее*). Милочка моя, детка! Как я завидую вам! И как мне жаль вас!

Элли. Жаль? Почему?

Очень красивый человек лет пятидесяти, с усами мушкетера, в широкополой, франтовато загнутой шляпе, с изящной тросточкой, входит из передней и останавливается как вкопанный при виде двух женщин на диване.

(*Увидев его, поднимается с радостным изумлением.*) О Гесиона! Это мистер Марк Дарнли.

Миссис Хэшебай (*поднимаясь*). Вот так штука! Это мой муж.

Элли. Но как же... (*Внезапно умолкает, бледнеет и пошатывается.*)

Миссис Хэшебай (*подхватывает ее и усаживает на диван*). Успокойтесь, детка.

Гектор Хэшебай (*в некотором замешательстве и в то же время с каким-то наглым спокойствием кладет шляпу и трость на стол*). Мое настоящее имя, мисс Дэн, Гектор Хэшебай. Я предоставляю вам судить — может ли тонко чувствующий человек спокойно признаться в том, что он носит такое имя. Когда у меня есть возможность, я стараюсь обходиться без него. Я уезжал на целый месяц. И я не подозревал, что вы знакомы с моей женой и можете появиться здесь. Тем не менее я чрезвычайно рад приветствовать вас в нашем скромном домике.

Элли (*в настоящем отчаянии*). Я не знаю, что мне делать. Пожалуйста... можно мне поговорить с папой? Оставьте меня. Я этого не вынесу.

Миссис Хэшебай. Уходи, Гектор.

Гектор. Я...

Миссис Хэшебай. Живо, живо! Убирайся вон!

Гектор. Ну, если ты думаешь, что так лучше... (*Уходит, захватив свою шляпу, трость остается на столе.*)

Миссис Хэшебай (*укладывает Элли на диван*). Ну вот, деточка, он ушел. Здесь никого нет, кроме меня. Можете дать себе волю. Не сдерживайтесь. Поплачьте хорошенько.

Элли (*поднимая голову*). К черту!

Миссис Хэшебай. Вот это здорово! Замечательно! Я думала, вы сейчас скажете, что у вас сердце разбилось. Вы меня не стесняйтесь. Выругайтесь еще раз.

Элли. Я не его ругаю. Я себя ругаю. Как я могла быть такой дурой! *(Вскакивает.)* И как это я позволила так себя одурачить! *(Быстро ходит взад и вперед, вся ее цветущая свежесть куда-то пропала, она сразу стала как-то старше и жестче.)*

Миссис Хэшебай. Ну почему бы и нет, милочка? Очень немногие молодые женщины могут устоять перед Гектором. Я вот сама не устояла в вашем возрасте. Он поистине великолепен.

Элли *(поворачиваясь к ней)*. Великолепен? Да, великолепная внешность, конечно. Но как можно любить лгуна?

Миссис Хэшебай. Не знаю. Но, к счастью, оказывается — можно. Иначе в мире было бы очень немного любви.

Элли. Но так лгать! Оказаться хвастунишкой, трусом!

Миссис Хэшебай *(вскакивает в смятении)*. Нет, милочка, только не это, прошу вас. Если вы выразите хотя малейшее сомнение в храбрости Гектора, он пойдет и наделает черт знает чего, только бы убедить себя, что он не трус. Он иногда проделывает ужасные штуки — вылезет из окна на третьем этаже и влезет в другое. Просто чтобы испытать свои нервы. У него целый ящик медалей Альберта за спасение погибающих.

Элли. Он никогда не говорил мне об этом.

Миссис Хэшебай. Он никогда не хвастается тем, что он сделал на самом деле. Он терпеть этого не может. Даже если кто-нибудь другой это говорит, он стыдится. Зато все его рассказы — это сказки, выдумки.

Элли *(погходит к ней)*. Так вы, значит, хотите сказать, что он действительно храбрый и у него были всякие приключения, а рассказывает он небывлицы?

Миссис Хэшебай. Да, милочка. Вот именно. Ведь у людей их добродетели и пороки не разложены по полочкам. Все это вместе перемешано.

Элли *(задумчиво смотрит на нее)*. В вашем доме, Гесиона, что-то есть странное. И даже в вас самой. И я не знаю... как это я так спокойно разговариваю с вами. У меня какое-то ужасное чувство, как будто у меня сердце разбилось. Но это, оказывается, совсем не то, что я себе представляла.

Миссис Хэшебай (*обнимая ее*). Просто это жизнь начинает воспитывать вас, деточка. Ну, а что же вы сейчас испытываете к Боссу Менгену?

Элли (*вырывается из объятий Гесионы, на лице ее написано отвращение*). О Гесиона, как вы можете мне напоминать о нем!

Миссис Хэшебай. Простите, детка. Мне кажется, я слышу шаги Гектора. Вы сейчас не возражаете, если он придет?

Элли. Ничуть. Я совершенно излечилась.

Из передней входят Мадзини Дэн и Гектор.

Гектор (*открывает дверь и пропускает Мадзини вперед*). Еще секунда, и она бы упала мертвой.

Мадзини. Нет, подумайте, какое чудо! Элли, деточка моя! Мистер Хэшебай только что рассказал мне совершенно удивительную...

Элли. Да, я уже слышала. (*Отходит в другой конец комнаты.*)

Гектор (*идет за ней*). Нет, этого вы еще не слышали. Я вам расскажу после обеда. Мне кажется, это должно вам понравиться. По правде сказать, я сочинил это для вас и уже предвкушал удовольствие рассказать вам, но с досады, когда меня отсюда выгнали, я истратил этот заряд на вашего отца.

Элли (*отступая, спиной к верстаку, презрительно, но с полным самообладанием*). Вы истратили не зря. Он верит вам. Я бы не поверила.

Мадзини (*добродушно*). Элли — она у меня очень своенравная, мистер Хэшебай. Конечно, на самом деле она так не думает. (*Идет к книжным полкам и разглядывает корешки.*)

Из передней входит Босс Менген, за ним капитан. Менген в сюртучной паре, точно он собрался в церковь или на заседание директората. Ему лет пятьдесят пять; у него озабоченное, недоверчивое выражение лица; во всех его движениях чувствуются тщетные потуги держать себя с неким воображаемым достоинством. Лицо серое, волосы прямые, бесцветные, черты лица до того заурядны, что о них просто нечего сказать.

Капитан Шотовер (*знакома миссис Хэшебай с новым гостем*). Говорит, что его зовут Менген. К службе не годен.

Миссис Хэшебай (*очень любезно*). Добро пожаловать, мистер Менген.

Менген (*пожимая ей руку*). Очень рад.

Капитан Шотовер. Дэн порастерял все свои мускулы, но зато приобрел бодрость духа. Редкий случай, после того как человек пережил три приступа белой горячки. (*Уходит в кладовую.*)

Миссис Хэшебай. Поздравляю вас, мистер Дэн.

Мадзини (*в недоумении*). Да я всю жизнь в рот не брал спиртного.

Миссис Хэшебай. Вам будет гораздо меньше хлопот, если вы предоставите папе думать то, что ему хочется, а не будете пытаться объяснить ему то, что есть на самом деле.

Мадзини. Ну, знаете, три приступа белой горячки...

Миссис Хэшебай (*обращаясь к Менгену*). Вы знакомы с моим мужем, мистер Менген? (*Показывает на Гектора.*)

Менген (*идет к Гектору, который приветливо протягивает ему руку*). Очень рад. (*Оборачивается к Элли.*) Я надеюсь, мисс Элли, вы не очень устали с дороги. (*Здоровается с ней.*)

Миссис Хэшебай. Гектор, покажи мистеру Дэну его комнату.

Гектор. Да, да, конечно. Идемте, мистер Дэн. (*Уходит с Мадзини.*)

Элли. Вы еще не показали мне моей комнаты, Гесиона.

Миссис Хэшебай. Ах, Господи, какая я глупая! Идемте. Пожалуйста, будьте как дома, мистер Менген. Папа составит вам компанию. (*Кричит капитану.*) Папа, иди покажи дом мистеру Менгену. (*Уходит с Элли.*)

Капитан Шотовер. Вы думаете жениться на дочери Дэна? Не делайте этого. Вы слишком стары.

Менген (*пораженный*). Вот как! Не слишком ли вы сплеча рубите, капитан?

Капитан Шотовер. Но ведь это правда.

Менген. Она этого не думает.

Капитан Шотовер. Думает.

Менген. Люди и постарше меня...

Капитан Шотовер (*доканчивает за него*). ...оказывались в дураках. Это тоже правда.

Менген (*переходя в наступление*). Не понимаю, почему вы считаете себя вправе в это вмешиваться.

Капитан Шотовер. Каждый должен в это вмешиваться. Звезды содрогаются в небесах, когда происходят подобные вещи.

Менген. И тем не менее я женюсь на ней.

Капитан Шотовер. Откуда это вам известно?

Менген *(старается показать себя человеком с сильным характером)*. Я намерен это сделать. Я так решил. Ясно? Со мной еще не бывало, чтобы я что-нибудь решил и не довел до конца. Такой уж я человек. И мы с вами лучше пойдем друг друга, если вы это твердо и раз навсегда усвоите, капитан.

Капитан Шотовер. Вы любите кинематограф!

Менген. Возможно. Кто это вам сказал?

Капитан Шотовер. Разговаривайте как человек, а не как кукла на экране. Вам хочется сказать, что вы зарабатываете сто тысяч в год.

Менген. Я этим не хвастаюсь. Но когда я встречаю человека, который зарабатывает сто тысяч в год, я снимаю перед ним шляпу, пожимаю ему руку и называю его братом.

Капитан Шотовер. Значит, вы тоже зарабатываете сто тысяч в год? Не так ли?

Менген. Нет, этого я не сказал бы. Пятьдесят — возможно.

Капитан Шотовер. Значит, брат наполовину. *(С обычной своей резкостью поворачивается спиной к Менгену и собирает со стола на китайский поднос пустые чашки.)*

Менген *(раздраженно)*. Послушайте, капитан Шотовер, мне не совсем понятно мое положение в этом доме. Я приехал сюда по приглашению вашей дочери. Я в ее доме или в вашем?

Капитан Шотовер. Вы под небесным кровом, в доме господнем. Что истинно внутри этих стен, то правильно и вне их. Идите в море, взберитесь на гору, спуститесь в долины, все равно она слишком молода для вас.

Менген *(ослабевая)*. Но ведь мне всего лишь чуть-чуть за пятьдесят.

Капитан Шотовер. Точнее сказать, чуть-чуть не шестьдесят. Босс Менген, вы не женитесь на дочери пирата. *(Уносит поднос в кладовую.)*

Менген *(идет за ним к двери)*. На какой дочери пирата? Что вы такое говорите?

Капитан Шотовер *(из кладовой)*. Элли Дэн. Вы не женитесь на ней.

Менген. А кто же мне помешает?

Капитан Шотовер (*появляясь*). Моя дочь. (*Направляется к двери в переднюю.*)

Менген (*идет за ним*). Миссис Хэшебай? Вы хотите сказать, что она пригласила меня сюда, чтобы расстроить это дело?

Капитан Шотовер (*останавливается и поворачивается к нему*). Я знаю только то, что я видел по ее глазам. Да, она расстроит это. Послушайтесь моего совета, женитесь на негритянке из Вест-Индии; прекрасные из них выходят жены. Я сам когда-то два года был женат на негритянке.

Менген. Черт возьми!

Капитан Шотовер. Да уж взял! Меня тоже сцапал когда-то. И на много лет. Негритянка спасла меня.

Менген (*беспомощно*). Престранная история! Я собственно должен был бы покинуть этот дом.

Капитан Шотовер. Почему?

Менген. Ну, знаете, многие люди были бы обижены вашей манерой разговаривать.

Капитан Шотовер. Глупости! Ссоры, видите ли, возникают совсем из-за другой манеры разговаривать. Со мной никто никогда не ссорился.

Из передней появляется джентльмен, прекрасный костюм и безупречные манеры которого свидетельствуют о его принадлежности к Вест-Энду. Он производит приятное впечатление молодого холостого человека, но при ближайшем рассмотрении ему по меньшей мере за сорок.

Джентльмен. Простите пожалуйста, что я вторгаюсь таким образом. Но дело в том, что молотка на двери нет, а звонок, если не ошибаюсь, не действует.

Капитан Шотовер. А зачем вам молоток? Зачем звонок? Двери открыты.

Джентльмен. Вот именно. Поэтому-то я и осмелился войти.

Капитан Шотовер. Ну и отлично. Я сейчас покажу вам комнату. (*Идет к двери.*)

Джентльмен (*удерживая его*). Боюсь, что вы не знаете, кто я такой.

Капитан Шотовер. Неужели вы думаете, что люди моего возраста делают различие между одним человеческим созданием и другим? (*Уходит.*)

Менген и гость стоят и смотрят друг на друга.

Менген. Странный человек этот капитан Шотовер.
Джентльмен. Да. Очень.

Капитан Шотовер (*кричит снаружи*). Гесиона! Приехал еще один. Надо ему комнату. Хлыщ. Щеголь. Лет под пятьдесят.

Джентльмен. Представляю себе, что должна подумать Гесиона. Разрешите узнать — вы член этой семьи?

Менген. Нет.

Джентльмен. А я да. Некоторым образом родственник.

Входит миссис Хэшебай.

Миссис Хэшебай. Добро пожаловать! Как это мило, что вы приехали.

Джентльмен. Я так рад познакомиться с вами, Гесиона. (*Целует ее.*)

В дверях появляется капитан.

Вы, конечно, простите меня, капитан, что я целую вашу дочь; когда я скажу вам...

Капитан Шотовер. Чушь. Все целуют мою дочь. Целуйте, сколько хотите. (*Направляется к кладовой.*)

Джентльмен. Благодарю вас. Одну минутку, капитан.

Капитан останавливается, оборачивается. Джентльмен предусмотрительно подходит к нему.

Вы, быть может, помните, а возможно и нет, это ведь было так много лет тому назад, — что ваша младшая дочь вышла замуж за чурбана.

Капитан Шотовер. Помню. Она сказала, что выйдет за кого угодно, лишь бы уйти из этого дома. Не узнал бы вас. Голова у вас теперь не похожа на грецкий орех. Вы размякли. Похоже, вас много лет кипятили в молоке с хлебным мякишем, как это делают с мужьями. Бедняга! (*Исчезает в кладовой.*)

Миссис Хэшебай (*подходит к джентльмену и испытующе смотрит на него*). Я не верю, что вы Гастингс Эттеруорд.

Джентльмен. Нет, я не он.

Миссис Хэшебай. Тогда с какой же стати вы меня целуете?

Джентльмен. Да просто мне очень захотелось. Дело в том, что я Рэнделл Эттеруорд, недостойный младший брат Гастингса. Я был за границей на дипломатической службе, когда он женился.

Леди Эттеруорд (*врывается в комнату*). Гесиона, где ключи от шкафа в моей комнате? У меня все мои брильянты в сумке. Я хочу спрятать их. (*Останавливается как вкопанная при виде нового лица.*) Рэнделл, как вы осмелились? (*Направляется к нему.*)

Миссис Хэшебай отходит и усаживается на диване, рядом с Менгеном.

Рэнделл. Как я осмелился — что именно? Я ничего не сделал.

Леди Эттеруорд. Кто вам сказал, что я здесь?

Рэнделл. Гастингс. Я был у Клариджей и узнал, что вы только что уехали. И я последовал за вами сюда. Вы чудесно выглядите.

Леди Эттеруорд. Не смейте так со мной разговаривать.

Миссис Хэшебай. А в чем дело с мистером Рэнделлом, Эдди?

Леди Эттеруорд (*сдерживая себя*). Ах, ни в чем. Но он не имел права приезжать сюда без приглашения и беспокоить тебя и папу. (*Идет к подоконнику и садится, в раздражении отворачивается ото всех и смотрит в сад, где прогуливаются Гектор и Эми.*)

Миссис Хэшебай. Ты, кажется, незнакома с мистером Менгеном, Эдди?

Леди Эттеруорд (*оборачивается и холодно кивает Менгену*). Простите. Рэнделл, вы меня так расстроили, что я поставила себя в совершенно дурацкое положение.

Миссис Хэшебай. Леди Эттеруорд. Моя сестра. Моя младшая сестра.

Менген (*отвешивая поклон*). Чрезвычайно счастлив познакомиться с вами, леди Эттеруорд.

Леди Эттеруорд (*с явным интересом*). Кто этот джентльмен, который разгуливает там в саду с мисс Дэн?

Миссис Хэшебай. Не знаю. Всего только десять минут тому назад она насмерть поссорилась с моим мужем. И я не видала, кто там еще приехал. Вероятно, новый гость. (*Подходит к окну и смотрит.*) Ах, это Гектор. Они помирились.

Леди Эттеруорд. Твой муж? Этот красавец мужчина?

Миссис Хэшебай. Гм. Скажите! А почему же мой муж не может быть красавцем?

Рэнделл (*присоединяется к ним*). Мужья никогда не бывают красавцами, Ариадна. (*Садится около леди Эттеруорд справа.*)

Миссис Хэшебай. А вот мужья сестер, мистер Рэнделл, обычно очень недурны.

Леди Эттеруорд. Не будьте пошляком, Рэнделл; и ты, Гесиона, тоже не лучше.

Элли и Гектор входят из сада в двери с правого борта. Рэнделл встает. Элли проходит в угол, к кладовой. Гектор выходит вперед. Леди Эттеруорд поднимается во всем своем великолепии.

Миссис Хэшебай. Гектор, это Эдди.

Гектор (*явно изумленный*). Не может быть, эта леди?

Леди Эттеруорд (*улыбаясь*). А почему же нет?

Гектор (*смотрит на нее пронизывающим взглядом глубокого, но почтительного восхищения, усы его топорщатся*). Я думал (*спохватывается*) ...прошу извинить меня, леди Эттеруорд. Несказанно счастлив приветствовать вас, наконец, под нашей кровлей. (*С проникновенной учтивостью протягивает руку.*)

Миссис Хэшебай. Она жаждет, чтобы ты ее поцеловал, Гектор.

Леди Эттеруорд. Гесиона! (*Но продолжает улыбаться.*)

Миссис Хэшебай. Зови ее Эдди, поцелуй ее, как добрый зять, и кончайте с этой церемонией. (*Представляет друг другу.*)

Гектор. Веди себя прилично, Гесиона. Леди Эттеруорд вправе рассчитывать здесь не только на гостеприимство, но и на культурное обращение.

Леди Эттеруорд (*признательно*). Благодарю вас, Гектор.

Дружески пожимают друг другу руки. В саду под окнами от правого борта к левому проходит Мадзини Дэн.

Капитан Шотовер (*выходя из кладовой и обращаясь к Элли*). Ваш отец умылся.

Элли (*с полным самообладанием*). Он это часто делает, капитан Шотовер.

Капитан Шотовер. Странное перерождение! Я наблюдал за ним из окна кладовой.

Мадзини Дэн входит в дверь с правого борта, свежeweымытый и причесанный, и, благодушно улыбаясь, останавливается между Менгеном и миссис Хэшебай.

Миссис Хэшебай (знакома). Мистер Мадзини Дэн — леди Этте... ах, я совсем забыла — вы уже знакомы. (Показывает на Элли.) Мисс Дэн.

Мадзини (подходит к Элли, берет ее за руку, радуясь своей собственной дерзкой находчивости). С мисс Дэн мы тоже встречались — это моя дочь. (Ласково берет под руку.)

Миссис Хэшебай. Ах, ну конечно! Как глупо. Мистер Эттеруорд, мм... моей сестры...

Рэнделл (любезно пожимая руку Мадзини). Ее деверь, мистер Дэн. Очень приятно.

Миссис Хэшебай. А это мой супруг.

Гектор. Мы знакомы, дорогая. Не трудись представлять нас еще раз. (Подходит к большому креслу.) Не хотите ли присесть, леди Эттеруорд?

Леди Эттеруорд благосклонно усаживается.

Миссис Хэшебай. Простите. Терпеть не могу знакомить. Все равно, что спрашивать у людей — «ваш билет».

Мадзини (нравоучительно). В конце концов как мало это о нас говорит. Вопрос ведь не в том, кто мы, а в сущности: что мы такое.

Капитан Шотовер. Гм-да. Вот вы, скажем, что вы такое?

Мадзини (недоуменно). Что я такое?

Капитан Шотовер. Вор, пират, убийца.

Мадзини. Уверю вас, вы заблуждаетесь.

Капитан Шотовер. Жизнь авантюриста. А к чему это привело? К респектабельности. Дочка — настоящая леди. Речь, манеры столичного проповедника. Пусть это будет предостережением для всех нас. (Выходит в сар.)

Мадзини. Надеюсь, здесь никто не верит, что я вор, пират и убийца? Миссис Хэшебай, простите, я на минутку удалюсь. Нет, в самом деле, надо пойти и объяснить-ся. (Идет за капитаном.)

Миссис Хэшебай (*ему вслеп*). Бесплезно. Вы бы лучше... (*Но Магзини уже исчез.*) Нам всем, пожалуй, лучше пойти выпить чаю. У нас никогда не бывает чаю в положенные часы. Но можно пить всегда, когда только захотите. Он кипит у прислуги целый день. А спросить лучше всего на галерее около кухни. Хотите, я покажу вам. (*Идет к двери направо.*)

Рэнделл (*идет рядом с ней*). Благодарю вас. Мне совсем не хочется чаю. Но если бы вы показали мне ваш сад...

Миссис Хэшебай. В нашем саду нечего показывать, разве только папину обсерваторию. И песочную яму с погребом, где он держит динамит и всякие такие вещи. Впрочем, на воздухе все-таки приятней, чем в комнате. Идемте.

Рэнделл. Динамит! Ведь это довольно рискованно.

Миссис Хэшебай. Ну что вы! Мы же не лезем в эту песочную яму во время грозы.

Леди Эттеруорд. Это уж что-то новое. А зачем это — динамит?

Гектор. Чтобы взорвать человечество, если оно зайдет слишком далеко. Он пытается найти некий психический луч, который взорвет все взрывчатые вещества по повелению Махатмы*.

Элли. У капитана восхитительный чай, мистер Эттеруорд.

Миссис Хэшебай (*останавливается в двери*). Неужели отец угощал вас своим чаем? Как это вам удалось обойти его, не успев пробыть в доме и десяти минут?

Элли. Видите, удалось.

Миссис Хэшебай. Вот маленький бесенок! (*Выходит с Рэнделлом.*)

Менген. А вы не хотите прогуляться, мисс Элли?

Элли. Я устала. Я лучше возьму книжку с собой в комнату и отдохну немножко. (*Подходит к книжной полке.*)

Менген. Ну, прекрасно. Лучше и не придумаешь. Но я крайне огорчен. (*Уходит вслед за Рэнделлом и миссис Хэшебай.*)

Остаются Элли, Гектор и леди Эттеруорд. Гектор стоит у кресла леди Эттеруорд. Они смотрят на Элли, дожидаясь, чтобы она ушла.

Элли (*рассматривая заглавия книг*). Вы любите романы с приключениями, леди Эттеруорд?

Леди Эттеруорд (*покровительственно*). Разумеется, дорогая.

Элли. В таком случае оставляю вас мистеру Хэшебаю. (*Выходит в переднюю.*)

Гектор. Эта девчонка помешана на приключениях. Чего только я для нее не выдумывал.

Леди Эттеруорд (*ни капельки не интересуясь Элли*). Когда вы меня увидели, вы хотели сказать что-то; вы начали: «я думал» — и потом вдруг остановились. Что именно вы думали?

Гектор (*скрестив руки и гипнотизируя ее взглядом*). Вы разрешите сказать?

Леди Эттеруорд. Ну конечно.

Гектор. Это звучит не очень любезно. Я собирался сказать: «Я думал, что вы обыкновенная женщина...»

Леди Эттеруорд. О, как вам не стыдно, Гектор! Кто вам дал право замечать, обыкновенная я или нет?

Гектор. Послушайте меня, Ариадна. До сегодняшнего дня я видел только вашу фотографию. Но никакая фотография не может передать то очарование, которым обладают дочери этого сверхъестественного старца. В них есть какая-то дьявольская черточка, которая разрушает моральную силу мужчины и уводит его за пределы чести и бесчестия. Вы ведь знаете это, не так ли?

Леди Эттеруорд. Возможно, что я знаю это, Гектор. Но разрешите мне предупредить вас раз навсегда, что я женщина твердых правил. Вы, может быть, думаете, что если я из семьи Шотовер, так во мне есть что-то от богемы, потому что мы все — ужасная богема. Но я — нет. Я ненавижу богему всеми силами души. Ни один ребенок, воспитанный в пуританской семье, так не страдал от пуританства, как я от богемы.

Гектор. Вот и у нас дети точь-в-точь такие же. Они проводят каникулы у своих респектабельных друзей.

Леди Эттеруорд. Я приглашу их на рождество к себе.

Гектор. В их отсутствие мы остаемся без наших домашних наставников.

Леди Эттеруорд. Дети, конечно, иногда ужасная помеха. Но разумные люди всегда умеют устроиться, если только у них дома не богема.

Гектор. Вы не богема. Но и пуританского в вас ничего нет. Живое и властное очарование — вот ваша сила. Скажите, какого рода женщиной вы сами себя считаете?

Леди Эттеруорд. Я светская женщина, Гектор. И уверяю вас, если только взять на себя труд вести себя всегда совершенно корректно и говорить всегда только корректные вещи, то в остальном вы вольны поступать как вам угодно. Плохо воспитанная, распущенная женщина просто не может иметь успеха. Плохо воспитанный, распущенный мужчина никогда не может подойти ни к одной достойной женщине.

Гектор. Теперь я понимаю. Вы не богема. И вы не пуританка. Вы — опасная женщина.

Леди Эттеруорд. Напротив. Я безопасная женщина.

Гектор. Вы чертовски пленительная женщина. Заметьте, я отнюдь не ухаживаю за вами. Я не люблю чувствовать себя плененным. Но если вы намерены остаться у нас, то, конечно, вам лучше знать, что я думаю о вас.

Леди Эттеруорд. Вы чрезвычайно искусный сердцеед. И изумительно красивы. Я сама очень неплохой партнер в такого рода игре. Ведь это само собой разумеется, что мы только играем?

Гектор. Ну ясно. Я спокойно позволяю себя дурачить, сознавая свое полное ничтожество.

Леди Эттеруорд (*оживленно поднимаясь*). Итак, вы мой зять. Гесиона велела вам поцеловать меня.

Гектор хватает ее в объятия и усердно целует.

О, это, пожалуй, несколько больше, чем игра, дорогой зять. (*Внезапно отталкивает его.*) Больше вы этого не сделаете.

Гектор. По правде сказать, вы запустили в меня ваши когти глубже, чем я думал.

Миссис Хэшебай (*входит из сада*). Не обращайтесь на меня внимания, я вам мешать не буду. Я только хочу взять папину фуражку. Солнце садится, я боюсь, как бы он не простудился. (*Идет к двери в переднюю.*)

Леди Эттеруорд. Твой супруг совершенно очарователен, дорогая. Наконец-то он снизошел и поцеловал меня. Я иду в сад; как будто стало прохладнее. (*Выходит в дверь с левого борта.*)

Миссис Хэшебай. Берегись, дитя мое! Я не думаю, чтобы кто-нибудь из мужчин мог поцеловать Эдди и не влюбиться в нее. (*Идет в переднюю.*)

Гектор (*бьет себя в грудь*). Дурак! Козел!

Миссис Хэшебай возвращается с фуражкой капитана.

Твоя сестра на редкость предприимчивая старуха. Где мисс Дэн?

Миссис Хэшебай. Менген сказал, что она поднялась к себе наверх, отдохнуть. Эдди тебе с ней разговаривать не позволит. Она уже тебя отметила, теперь ты ее собственность.

Гектор. У нее есть это ваше семейное дьявольское обаяние. И я машинально начал за ней ухаживать. Но что мне делать? Влюбиться я не способен, а оскорбить женское чувство, признаться ей в этом, когда она влюбляется в меня, я тоже не могу. А так как женщины вечно влюбляются в мои усы, у меня заводится масса всяких скучных, бессмысленных флиртов, которые меня нисколько не занимают.

Миссис Хэшебай. То же самое и Эдди. Она за всю жизнь ни разу не была влюблена. Хотя вечно стремилась влюбиться по уши. Она еще хуже тебя. У тебя хоть один такой случай был — со мной.

Гектор. Это было настоящее безумие. Не могу себе представить, чтобы такие изумительные переживания были доступны всем. Они оставили во мне глубокий след. И вот поэтому-то я и думаю, что они неповторимы.

Миссис Хэшебай *(смеясь, похлопывая его по руке)*. Мы были ужасно влюблены друг в друга, Гектор. Это был такой волшебный сон, что я потом потеряла способность ревновать тебя или кого бы то ни было, — я понимала, что это такое. Я всегда старалась приглашать к нам побольше хорошеньких женщин, чтобы доставить тебе еще такой случай, но у тебя что-то ни разу не вышло.

Гектор. Не знаю, хотел ли я, чтобы вышло. Это дьявольски опасно. Ты околдовала меня. Но я любил тебя. И это был рай. А эта твоя сестрица околдовывает меня, но я ненавижу ее. И получается ад. Убью ее, если она будет продолжать.

Миссис Хэшебай. Ничто не может убить Эдди. Здорова, как лошадь. *(Выпуская его руку.)* Ну, а теперь я пойду околдовывать кого-нибудь еще.

Гектор. Вот этого хлыща из министерства иностранных дел, Рэнделла?

Миссис Хэшебай. Боже упаси. Нет! Зачем я буду его околдовывать?

Гектор. Надеюсь, не этого надутого толстосума Менгена.

Миссис Хэшебай. Хм... Мне кажется, что уж лучше пусть он будет околдован мной, а не Элли. (*Идет в сар.*)

Навстречу ей идет капитан с какими-то брусочками в руке.

Что это у тебя такое, папочка?

Капитан Шотовер. Динамит.

Миссис Хэшебай. Ты лазил в песочную яму? Смотри не урони эту штуку где-нибудь в доме. Ты мой дорогой! (*Уходит в сар, где все пронизано красным закатным светом.*)

Гектор. Выслушай меня, о мудрец. Сколь долго осмеливаешься ты сосредоточиться на каком-нибудь чувстве, не опасаясь, что оно запечатлется в твоём сознании на всю твою остальную жизнь?

Капитан Шотовер. Девяносто минут. Полтора часа. (*Уходит в кладовую.*)

Гектор, оставшись один, сдвигает брови и погружается в мечты. Некоторое время он сидит неподвижно, затем скрещивает руки на груди, потом встает и, заложив руки за спину, с трагическим видом ходит взад и вперед. Внезапно хватает со столика свою трость и, обнажив находящуюся внутри нее рапиру, вступает в отчаянный поединок с воображаемым противником; после ряда удачных и неудачных выпадов он вонзает в него шпагу по самую рукоять, затем прячет свое оружие обратно в трость, бросает ее на диван и снова погружается в задумчивость; впериwв взор в глаза воображаемой женщины, он хватается за руки и говорит глухим, проникновенным голосом: «Ты меня любишь». В эту минуту из кладовой показывается капитан, и Гектор, пойманный врасплох с вытянутыми руками и сжатыми кулаками, делает вид, что занимается гимнастикой, и проделывает ряд упражнений.

Капитан Шотовер. Такого рода сила не имеет смысла. Ты все равно никогда не будешь таким сильным, как, например, горилла.

Гектор. Зачем вам динамит?

Капитан Шотовер. Уничтожить вот таких, вроде Менгена.

Гектор. Бесплезно. У них всегда будет возможность купить еще больше динамита.

Капитан Шотовер. Я сделаю такой динамит, что им его не взорвать.

Гектор. А вы взорвете?

Капитан Шотовер. Да. Когда достигну седьмой степени самосозерцания.

Гектор. Не стоит стараться. Вы никогда не достигнете ее.

Капитан Шотовер. А что же делать? Так, значит, нам вечно и барахтаться в грязи из-за этих свиней, для которых вселенная это что-то вроде кормушки, в которую они тычутся своим щетинистым рылом, чтобы набить себе брюхо?

Гектор. Разве щетина Менгена много хуже, чем завиточки Рэнделла?

Капитан Шотовер. Мы должны быть властны в жизни и в смерти того и другого. И я не умру, пока не найду к этому пути.

Гектор. Кто мы, чтобы судить их?

Капитан Шотовер. А кто они, чтобы судить нас? Однако они делают это не задумываясь. Между их семенем и семенем нашим вечная вражда. Они знают это и поэтому делают все, чтобы раздавить наши души. Они верят в самих себя. Когда мы поверим в себя, мы одолеем их.

Гектор. Семя одно. Вы забываете, что у вашего пирата очень миленькая дочка. Сын Менгена может быть Платоном. А сын Рэнделла — Шелли. Что такое был мой отец?

Капитан Шотовер. Отъявленнейший негодяй. *(Кладет на место чертежную доску, усаживается за стол и начинает подбирать кистью краски.)*

Гектор. Именно. Так вот, осмелитесь ли вы убить его невинных внуков?

Капитан Шотовер. Они и мои внуки.

Гектор. Совершенно верно. Мы все части один другого. *(Небрежно разваливается на диване.)* Я вам скажу. Я нередко думал об истреблении человекоподобных гадин. Многие думали об этом. Порядочные люди — это вроде Даниила во рву львином*. Как они выживают — это настоящее чудо. И не всегда, конечно, выживают. Мы живем среди Менгенов, Рэнделлов, Билли Дэнов, как они, несчастные, живут среди вирулентных микробов, докторов, адвокатов, попов, ресторанных метрдотелей, торгашей, прислуги и всяких иных паразитов и шарлатанов. Что наши страхи по сравнению с тем, как они трясутся? Дайте мне власть уничтожить их, и я пощажу их из чистого...

Капитан Шотовер *(резко обрывает его)*. Чувства товарищества?

Гектор. Нет. Я бы должен был покончить с собой, если бы я думал так. Я должен верить, что моя искорка, как бы она ни была мала, божественного происхождения, а багровый свет над их дверью — это пламя преисподней. Я бы их пощадил просто из великодушной жалости.

Капитан Шотовер. Ты не можешь пощадить их, пока ты не имеешь власти истребить их. Сейчас они обладают этой властью по отношению к тебе. Там, за океаном, миллионы чернокожих, которых они вымуштруют и обрушат на нас. Они готовятся к этому. Они делают это уже сейчас.

Гектор. Они слишком глупы, чтобы воспользоваться своей властью.

Капитан Шотовер *(бросает кисть и подходит к дивану)*. Не обманывай себя. Они пользуются ею. Каждый день мы убиваем в себе лучшее, что в нас есть, чтобы их умилостивить. Одно сознание, что эти люди всегда здесь, начеку, чтобы сделать бесполезными все наши стремления, не дает этим стремлениям даже родиться внутри нас. А когда мы пытаемся уничтожить их, они посылают на нас демонов, чтобы обольстить нас, — демонов, принимающих облик красивых дочерей, певцов, поэтов и им подобных, ради которых мы щадим и их самих.

Гектор *(садится и наклоняется к нему)*. А не может быть так, что Гесиона и есть демон, порожденный вами, чтобы я не убил вас?

Капитан Шотовер. Возможно. Она выжала вас целиком и не оставила вам ничего, кроме грез, — так делают некоторые женщины.

Гектор. Женщины-вампиры, демонические женщины.

Капитан Шотовер. Мужчины думают, что мир потерян для них, и действительно теряют его. А кто вершит дела в этом мире? Мужья сварливых и пьяниц; мужчины, у которых сидит заноза в теле. *(Рассеянно идет к кладовой.)* Я должен об этом хорошенько подумать. *(Круто поворачивается.)* Но все же я буду продолжать работать с динамитом. Я открою луч более мощный, чем все икс-лучи, духовный луч, который взорвет гранату на поясе у моего врага раньше, чем он успеет бросить ее в меня. И мне надо спешить. Я стар. У меня нет времени на разговоры. *(Он уже на пороге кладовой, а Гектор идет в переднюю.)*

В это время возвращается Гесиона.

Миссис Хэшебай. Папочка! Ты и Гектор — вы должны помочь мне занять эту публику. И о чем это вы тут так кричите?

Гектор (*взявшись за ручку двери*). Он совсем спятил; он сегодня хуже, чем всегда.

Миссис Хэшебай. Все мы спятили.

Гектор. Я должен переодеться. (*Нажимает ручку двери.*)

Миссис Хэшебай. Постой, постой. Вернитесь вы оба. Пойдите сюда.

Они неохотно возвращаются.

У меня нет денег.

Гектор. Денег? А где мои апрельские дивиденды?

Миссис Хэшебай. Где снег прошлогодний?

Капитан Шотовер. А где все деньги за патент на мою спасательную лодку?

Миссис Хэшебай. Пятьсот фунтов! С самой пасхи я их тянула.

Капитан Шотовер. С пасхи! И четырех месяцев не прошло! Чудовищная расточительность! Я мог бы прожить семь лет на пятьсот фунтов.

Миссис Хэшебай. Только не на такую широкую ногу, как у нас в доме.

Капитан Шотовер. За такую спасательную лодку — и всего только пятьсот фунтов! А за прошлое свое изобретение я получил двенадцать тысяч.

Миссис Хэшебай. Да, дорогой. Но ведь это было судно с каким-то магнетическим килем для охоты за подводными лодками. Разве при нашем образе жизни можно позволить себе тратить время на какие-то спасательные приспособления? Ты бы лучше придумал что-нибудь такое, что сразу, одним махом, прихлопнет пол-Европы.

Капитан Шотовер. Нет. Я старею. Быстро старею. Мозг мой не способен теперь сосредоточиться на убийстве, как прежде, когда я был мальчишкой. Почему это твой муж ничего не изобретает? Он только и умеет, что врать всякую чепуху женщинам.

Гектор. Н-да, но ведь это тоже своего рода изобретательство. А впрочем, вы правы. Я должен содержать жену.

Миссис Хэшебай. Ничего ты такого не должен. Тогда тебя с утра до поздней ночи не увидишь. Мне нужно, чтобы мой муж был со мной.

Гектор (*с горечью*). С тем же успехом я мог бы быть твоей комнатной собачкой.

Миссис Хэшебай. А тебе бы хотелось быть моим кормильцем, как, знаешь, есть такие несчастные мужья?

Гектор. Нет, черт возьми! Но что это за трижды проклятое создание — муж!

Миссис Хэшебай (*капитану*). А как насчет гарпунной пушки?

Капитан Шотовер. Никакого толку. Это на китов, а не на людей.

Миссис Хэшебай. А почему бы и нет? Ты стреляешь гарпуном из пушки, гарпун попадает прямо в неприятельского генерала — и ты его вытаскиваешь. Вот тебе и все.

Гектор. Ты дочь своего отца, Гесиона.

Капитан Шотовер. Да, тут можно что-нибудь придумать, конечно. Не затем, чтобы ловить генералов, — они не опасны. Но можно было бы стрелять железной кошкой и выуживать пулеметы, даже танки. Я над этим подумаю.

Миссис Хэшебай (*нежно поглаживая капитана по плечу*). Вот и спасены. Ты прямо прелесть, папочка. А теперь надо нам идти ко всем этим ужасным людям и занимать их.

Капитан Шотовер. Ведь они не обедали, ты не забудь об этом.

Гектор. И я тоже не обедал. А уже темно. И, должно быть, Бог знает который час!

Миссис Хэшебай. Ах, Гинесс придумает им какой-нибудь обед. Прислуга никогда не забывает позаботиться о том, чтобы в доме была еда.

Капитан Шотовер (*испускает какой-то странный вопль в темноте*). Что за дом! Что за дочь!

Миссис Хэшебай (*восторженно*). Какой отец!

Гектор (*вторит*). Какой супруг!

Капитан Шотовер. Или гром, что ли, иссяк в небесах?

Гектор. Или красота и отвага иссякли на земле?

Миссис Хэшебай. И что только нужно мужчинам? Сыты, одеты, и у себя дома, и любовью нашей дарим мы их перед тем, как отойти ко сну. И все-то они

недовольны. Почему они завидуют той муке, с какой мы производим их на свет, и сами создают для себя какие-то непостижимые опасности и мучения, только для того, чтобы не отстать от нас.

Капитан Шотовер (*нараспев, словно читает закливание*).

Я дом дочерям построил и настежь открыл для гостей,
Чтоб дочери, выйдя замуж, хороших рожали детей.

Гектор (*подхватывает*).

Но вышла одна за чурбана, другая лжецом увлеклась...

Миссис Хэшебай (*оканчивает строфу*).

И ложе его разделила и любит лжеца и сейчас.

Леди Эттеруорд (*кричит из сада*). Гесиона, Гесиона, где ты?

Гектор. Кот на крыше!

Миссис Хэшебай. Иду, дорогая, иду. (*Быстро уходит в сад.*)

Капитан возвращается к столу.

Гектор (*уходя в переднюю*). Зажечь вам свет?

Капитан Шотовер. Не надо. Дайте мне тьму еще поглубже. Деньги при свете не делаются.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Горит свет, шторы спущены. Входит Элли и за ней Менген, оба одеты к обеду. Она подходит к чертежному столу. Он становится между столом и плетеным креслом.

Менген. Что за обед! По-моему, это не обед, а так, что-то сухомятку к чаю.

Элли. Я привыкла к сухомятке, мистер Менген, и очень рада, когда она есть. Кроме того, капитан сварил мне немножко макарон.

Менген (*передергиваясь, желчно*). Какая роскошь! Я не могу этого есть. Я думаю, это потому, что у меня слишком напряженная мозговая работа. Это самое тяже-

лое в жизни делового человека. Вечно приходится думать, думать, думать. Кстати, сейчас — пока мы одни — разрешите мне воспользоваться случаем, чтобы выяснить, так сказать, наши взаимоотношения.

Элли (*усаживаясь на табурет у чертежного стола*). Да, да, я как раз этого и хочу.

Менген (*оторопев*). Вы хотите? Это меня, знаете, удивляет. Потому что, мне кажется, я заметил сегодня днем, вы всячески старались избегать меня. И это уж не первый раз.

Элли. Просто я устала. И мне было как-то не по себе. Я тогда еще не привыкла к этому необыкновенному дому. Пожалуйста, простите меня.

Менген. О, это пустяки. Я не обижаюсь. Но капитан Шотовер говорил со мной о вас. Понимаете — о вас и обо мне.

Элли (*заинтересовавшись*). Капитан? И что же он говорил?

Менген. Да он, видите ли, обратил внимание на... разницу наших... лет.

Элли. Он все замечает.

Менген. Вы, значит, не придаете этому значения?

Элли. Конечно, я очень хорошо знаю, что наша помолвка...

Менген. Ах, так вы называете это помолвкой?

Элли. А разве нет?

Менген. О, конечно, конечно, если вы так говорите. Ведь вы в первый раз произносите это слово. Мне просто было не совсем ясно. Вот и все. (*Усаживается в плетеное кресло и предоставляет Элли вести разговор*.) Простите, вы, кажется, что-то начали говорить...

Элли. Разве? Я забыла. Напомните. Вам нравится здесь? Я слышала, как вы спрашивали миссис Хэшебай за обедом, не сдастся ли поблизости какой-нибудь хороший особняк.

Менген. Мне понравились эти места. Здесь как-то легко дышится. Возможно, что я и поселюсь здесь.

Элли. Я бы ничего лучшего не желала. Здесь, правда, легко дышится. И я хотела бы быть поближе к Гесионе.

Менген (*все больше мнется*). Воздух-то здешний, конечно, нам подходит, а вот вопрос в том, подходим ли мы друг к другу. Вы об этом подумали?

Элли. Мистер Менген, мы должны быть с вами расудительными, вы не находите? Нам нет нужды разыг-

рывать Ромео и Джульетту. Но мы очень хорошо можем поладить, если оба возьмем на себя труд приложить к этому некоторые усилия. Ваше доброе сердце намного облегчит для меня все это.

Менген (*наклоняется вперед, и в голосе его прорывается явное неудовольствие*). Доброе сердце?.. Гм. Ведь я же разорил вашего отца; вам это известно?

Элли. О, но ведь это было не умышленно?

Менген. Вот именно. Я сделал это с умыслом.

Элли. С умыслом?

Менген. Ну, не из личной злобы, разумеется. Вы сами знаете, что я дал ему работу, когда с ним было все кончено. Но дело всегда остается делом. Я уничтожил его как человека, который может влиять на дела и деловую жизнь.

Элли. Не понимаю, как это может быть. Вы, верно, хотите заставить меня почувствовать, что я вам ничем не обязана, чтобы я могла решить совершенно свободно,— так?

Менген (*встает, с вызывающим видом*). Нет. Я хочу сказать именно то, что я говорю.

Элли. Но какая же вам была польза разорять моего отца? Ведь деньги, которые он потерял, это же были ваши деньги?

Менген (*с язвительным смехом*). Да. Мои. Они и есть мои, мисс Элли. И все деньги, которые вместе с ним потеряли его друзья, тоже мои деньги. (*Засовывает руки в карманы и ухмыляется.*) Я просто их выкурил, как выкуривают пчел из улья. Что вы на это скажете? Вас это несколько потрясает, не так ли?

Элли. Сегодня утром это могло бы меня потрясти. А сейчас вы даже и представить себе не можете, как мало это для меня значит. Но это очень любопытно. Только вы должны объяснить мне. Я не совсем понимаю. (*Облокотившись на стол и уткнув подбородок в лагони, она приготовилась слушать; на лице ее написано явное любопытство и в то же время невольное презрение, которое раздражает его все больше и больше и вместе с тем внушает ему желание просветить ее в ее невежестве.*)

Менген. Ну конечно, вы не понимаете. Что вы можете понимать в делах? А вот вы слушайте и учитесь. Дело вашего отца было новое дело. А я не имею обыкновения начинать дела. Я обычно предоставляю другим начинать. Они вкладывают в это все свои деньги и деньги

своих друзей, отдаются этому душой и телом, только чтобы поставить предприятие на ноги. Это, как говорится, самые настоящие энтузиасты. Но для них всякий, хотя бы временный, застой в делах — сущий зарез. У них нет финансового опыта. И обычно, так через год либо два, они или терпят крах, или продают свое предприятие за бесценок, в рассрочку каким-нибудь пайщикам. И это еще если повезет, а то может статься, что они и вовсе ничего не получают. Ну, чаще всего то же самое происходит и с новой компанией. Те вкладывают еще деньги, тоже стараются, из кожи вон лезут, тянут еще год или два — и, в конце концов, им опять-таки приходится перепродавать дело в третьи руки. Если это действительно крупное предприятие, то и третьи покупатели тоже ухлопают только в него свои труды и деньги — и опять-таки перепродадут. И вот тут-то и появляются настоящие дельцы. Тут появляюсь я. Но я похитрее многих других. Я не пожалею истратить немножко денег, чтобы подтолкнуть такое дело. Я сразу раскусил вашего отца. Я видел, что идея у него хорошая и что он будет из кожи вон лезть, если ему дать возможность претворить ее в жизнь. И я видел, что в делах он сущий младенец и не сумеет уложиться в бюджет и выждать время, чтобы завоевать рынок. Я знал, что самый верный способ разорить человека, который не умеет обращаться с деньгами, это дать ему денег. Я поделился моей идеей кое с кем из друзей в Сити, и они нашли деньги. Потому что я сам, видите ли, не вкладываю деньги в идеи, даже когда это мои собственные идеи. Ваш отец и его друзья, которые рискнули вместе с ним своим капиталом, были для меня все равно что кучка выжатых лимонов. Так что вы зря расточали вашу благодарность, и эти разговоры о моем добром сердце — чистейший вздор. Меня тошнит от них. Когда я вижу, как ваш отец, весь расплываясь, глядит на меня своими влажными, признательными глазами и прямо захлебывается от благодарности, меня так и разбирает сказать ему всю правду, — а не то, кажется, я вот-вот лопну. И останавливает меня только то, что, я знаю, он мне все равно не поверит. Он подумает, что это моя скромность, — вот так же, как и вы сейчас подумали. Допустит все что угодно, только не правду. А это-то вот и доказывает, что он круглый дурак, а я человек, который умеет о себе позаботиться. *(Откидывается в кресле с*

видом полного самоудовлетворения.) Н-да... так вот, что вы теперь обо мне скажете, мисс Элли?

Элли (*опуская руки*). Как странно, что моя мать, которая ничего не понимала в делах, была совершенно права относительно вас! Она всегда говорила — конечно не в присутствии папы, а нам, детям, — что вы вот именно такой человек.

Менген (*выпрямляется, сильно загетый*). Ах, она так говорила? И тем не менее она не возражала против того, чтобы вы вышли за меня.

Элли. Видите ли, мистер Менген, моя мать вышла замуж за очень хорошего человека — потому что, как бы вы там ни оценивали моего отца с деловой точки зрения, он сама доброта, — и ей совсем не хотелось, чтобы я повторила ее опыт.

Менген. Во всяком случае, вы-то теперь уж не пойдете за меня замуж, не правда ли?

Элли (*совершенно спокойно*). Да нет, почему же?

Менген (*встает ошеломленный*). Почему?

Элли. Я не вижу оснований, почему бы мы не могли с вами поладить.

Менген. Да, но, послушайте, вы понимаете... (*Он умолкает, совершенно сбитый с толку.*)

Элли (*терпеливо*). Да?

Менген. Я думал, что вы более щепетильны в ваших взаимоотношениях с людьми.

Элли. Если бы мы, женщины, были слишком щепетильны по отношению к мужчинам, нам тогда вовсе не пришлось бы выходить замуж, мистер Менген.

Менген. Такой ребенок, как вы, и слышать от вас: «Мы, женщины»! Куда же дальше! Нет, не может быть, чтобы вы это говорили серьезно.

Элли. Совершенно серьезно. А разве вы — нет?

Менген. Вы хотите сказать, что вы не собираетесь от меня отказываться.

Элли. А вы хотите отказаться?

Менген. Да нет. Не то чтобы отказаться...

Элли. Так в чем же дело?

Менген не находит, что ответить. С протяжным свистом он падает в плетеное кресло и смотрит перед собой с видом проигравшегося в пух и прах игрока. Потом вдруг по лицу его проскальзывает что-то хитренькое, он облакачивается на ручку кресла и говорит вкрадчиво и понизив голос.

Менген. А что, если бы я вам сказал, что я влюблен в другую женщину?

Элли *(в тон ему)*. А если бы я вам сказала, что я влюблена в другого мужчину?

Менген *(в раздражении вскакивает)*. Я не шучу.

Элли. А почему вы думаете, что я шучу?

Менген. Повторяю вам, что я говорю совершенно серьезно. Вы слишком молоды, чтобы быть серьезной, но вам придется поверить мне. Я хочу быть поближе к вашей приятельнице, миссис Хэшебай. Я влюблен в нее. Ну вот, теперь я все выложил.

Элли. А я хочу быть поближе к вашему приятелю, мистеру Хэшебаю. Я влюблена в него. *(Встает и с видом совершенного чистосердечия заканчивает.)* Ну, теперь, когда мы во всем открылись друг другу, мы будем настоящими друзьями. Благодарю вас за то, что вы доверились мне.

Менген *(вне себя)*. И вы воображаете, что я позволю так злоупотреблять моей персоной?

Элли. Полно вам, мистер Менген. Вы же нашли возможным злоупотребить моим отцом в этих ваших делах. Брак для женщины — это такое же дело. Так почему же мне не злоупотребить вами в семейном смысле?

Менген. Потому что я не позволю этого! Потому что я не круглый простофиля, как ваш отец, вот почему!

Элли *(со спокойным презрением)*. Вы не достойны ботинки чистить моему отцу, мистер Менген. Я делаю для вас громадную любезность, снисходя до того, чтобы злоупотребить вашей милостью, как вы извоили выразиться. Разумеется, у вас есть полная возможность расторгнуть нашу помолвку, раз уж вам так хочется. Но если вы только это сделаете, вы больше не переступите порога дома Гесионы. Я уж позабочусь об этом.

Менген *(задыхаясь)*. Ах вы чертенок!.. Вы меня положили на обе лопатки. *(Сраженный, совсем было уже падает в кресло, но вдруг его словно что-то осеняет.)* Нет, нет, погодите. Вы не так хитры, как вы думаете. Вам не удастся так просто провести Босса Менгена. А что, если я сейчас прямехонько отправлюсь к миссис Хэшебай и объявлю ей, что вы влюблены в ее мужа?

Элли. Она знает.

Менген. Вы ей сказали!!!

Элли. Она мне это сказала.

Менген *(хватается за виски)*. Это какой-то сумасшедший дом! Или это я сошел с ума! Да что она, сгово-

рилась, что ли, с вами — заполучить вашего супруга в обмен на своего?

Элли. А разве вы хотите нас обоих?

Менген *(совершенно оторопев, падает в кресло)*. Нет, мои мозги этого не выдержат. У меня голова лопается. Помогите! Мой череп! Скорей! Держите его, сожмите его! Спасите меня!

Элли подходит к нему сзади, крепко охватывает его голову, потом начинает тихонько проводить руками от лба к ушам.

Спасибо. *(Сонным голосом.)* Как это освежает. *(Борясь со сном.)* Только не вздумайте гипнотизировать меня. Я видел, как люди становились круглыми дураками от этой штуки.

Элли *(внушительно)*. Успокойтесь. Я видела, как люди становились дураками без всякого гипноза.

Менген *(кратко)*. Надеюсь, вам не противно трогать меня? Потому что ведь до сих пор вы никогда не трогали меня.

Элли. Ну конечно, пока вы не влюбились самым естественным образом во взрослую, симпатичную женщину, которая никогда не позволит вам приступить к ней. И я никогда не позволю ему приступить ко мне.

Менген. А он все-таки будет пытаться.

Элли *(продолжая ритмически свои пассы)*. Ш-ш-ш... засыпайте. Слышите? Вы будете спать-спать-спать. Будьте спокойны, совсем, совсем спокойны. Спите-спите-спите-спите.

Менген засыпает. Элли тихонько отходит, выключает свет и уходит в сад. Няня открывает дверь и появляется в полосе света, пробивающегося из передней.

Няня *(говорит кому-то в передней)*. Мистера Менгена нет здесь, душенька. Здесь никого нет. Темно совсем.

Миссис Хэшебай *(снаружи)*. Посмотрите в саду. Мы с мистером Дэном будем у меня в будуаре. Проводите его к нам.

Няня. Хорошо, душенька. *(Идет в темноте к двери в сад, спотыкается о спящего Менгена, кричит.)* Ах! Господи ты боже! Простите уж, пожалуйста! Не разглядела впотьмах. Да кто же это такой? *(Возвращается к двери и включает свет.)* Ах, мистер Менген, надеюсь, я

не ушибла вас? Вот ведь, шлепнулась прямо на колени! *(Подходит к нему.)* А я вас-то и ищу. Миссис Хэшебай просила вас... *(Замечает, что он совершенно неподвижен.)* Ах ты Господи! Да уж не убила ли я его! Сэр! Мистер Менген! Сэр! *(Трясет его, он безжизненно валится с кресла, она подхватывает его и прислоняет к подушке.)* Мисс Гесси! Мисс Гесси! Скорей сюда, голубушка! Мисс Гесси!

Миссис Хэшебай входит из передней с Мадзини Дэном.

Ах, мисс Гесси! Похоже, я убила его!

Мадзини обходит кресло с правой стороны от Менгена и видит, что, по-видимому, няня говорит правду.

Мадзини. Что побудило вас, женщина, совершить такое преступление?

Миссис Хэшебай *(удерживаясь, чтобы не расхохотаться)*. Ты хочешь сказать, что ты это умышленно?

Няня. Да разве это похоже на меня, чтобы я нарочно человека погубила? Наткнулась на него в темноте, да и придавила. Вес-то у меня большой. А он слова не сказал и не пошевелился, пока я не трянула его. Потом, гляжу — валится замертво на пол. Экая беда вышла!

Миссис Хэшебай *(подходит к Мадзини, обойдя няню, и критически разглядывает Менгена)*. Глупости! Ничуть он не мертвый. Просто спит. Вижу, как дышит.

Няня. А почему ж он не просыпается?

Мадзини *(очень вежливо говорит Менгену в самое ухо)*. Менген, дорогой Менген! *(Дует ему в ухо.)*

Миссис Хэшебай. Так не годится. *(Изо всех сил встряхивает его.)* Мистер Менген, извольте проснуться! Слышите?

Он начинает сползать ниже, на пол.

Ах, няня, няня! Он падает, помоги мне!

Няня бросается на помощь. Вместе с Мадзини они снова втаскивают Менгена на подушки.

Няня *(стоя за креслом, наклоняется и нюхает)*. Может, он пьян, как ты думаешь, душенька?

Миссис Хэшебай. Может быть, хлебнул папиного рома?

Мадзини. Нет, этого быть не может. Он человек воздержанный. Кажется, когда-то пил изрядно, но теперь в рот не берет спиртного. Вы знаете, миссис Хэшебай, я думаю, он под гипнозом.

Няня. Под гип-но... чем, сэр?

Мадзини. Как-то раз вечером у нас дома, после того как мы были на гипнотическом сеансе, дети устроили игру в это, и Элли стала гладить меня по голове. И представьте, я заснул мертвым сном. Пришлось им послать за специалистом, чтобы разбудить меня, после того как я проспал восемнадцать часов. Да они еще вздумали нести меня наверх в спальню, а так как дети, бедняжки, не могут похвастать силой, они меня уронили, и я скатился вниз по всей лестнице — и все-таки не проснулся.

Миссис Хэшебай еле удерживается от смеха.

Да, вам, конечно, смешно, миссис Хэшебай, а я ведь мог разбиться насмерть.

Миссис Хэшебай. Все равно, это ужасно смешно, и я не могу не смеяться, даже если бы вы и разбились насмерть, мистер Дэн. Так, значит, это Элли загипнотизировала его. Вот потеха!

Мадзини. Ах нет, нет, нет. Это для нее был такой ужасный урок. Я думаю, она ни за что на свете не решится повторить это.

Миссис Хэшебай. Тогда кто же это сделал? Я не делала.

Мадзини. Я думаю, может быть это капитан, как-нибудь так, не нарочно. Он ведь такой магнетический. Я чувствую, как я весь начинаю вибрировать, чуть только он приближается ко мне.

Няня. Уж капитан во всяком случае сумеет разбудить его, сэр. Об этом-то я постараюсь. Пойду приведу его. *(Идет в кладовую.)*

Миссис Хэшебай. Постой немножко. *(Магзини.)* Вы говорите, что он может спокойно проспать восемнадцать часов?

Мадзини. То есть это я проспал восемнадцать часов.

Миссис Хэшебай. И вам после этого не было плохо?

Мадзини. Что-то я не совсем помню. Они вливали в меня бренди, знаете...

Миссис Хэшебай. Отлично. Во всяком случае вы остались живы. Няня, милая, поди попроси мисс Дэн

прийти сюда к нам. Скажи, что очень нужно, что я хочу поговорить с ней. Наверно, они где-нибудь с мистером Хэшебаем.

Няня. Не думаю, душенька. Мисс Эдди, вот кто с ним. Но я сейчас пойду поищу и пришлю ее к вам. *(Уходит в сад.)*

Миссис Хэшебай *(показывает Мадзини на фигуру в кресле)*. Ну, мистер Дэн, смотрите. Вы только посмотрите! Да хорошенько. Вы все еще настаиваете на том, чтобы принести вашу дочь в жертву этому чучелу?

Мадзини *(смущенно)*. Меня прямо всего перевернуло, миссис Хэшебай, от того, что вы мне сказали. И чтобы кто-нибудь мог подумать, что я, я, прирожденный солдат свободы, если можно так выразиться, мог кому-нибудь или чему-нибудь пожертвовать моей Элли или что у меня когда-нибудь могла возникнуть мысль насилловать ее чувства или склонности,— это такой тяжкий удар моему... ну, скажем, моему доброму мнению о самом себе.

Миссис Хэшебай *(говольно равнодушно)*. Простите.

Мадзини *(уныло глядя на сонное тело)*. Что вы собственно имеете против бедняги Менгена, миссис Хэшебай? По-моему, он хороший человек. Но, правда, я так привык к нему.

Миссис Хэшебай. Неужели у вас нет сердца, нет чувства? Вы только посмотрите на это животное. Подумайте о бедной, невинной, слабенькой Элли в лапах этого рабовладельца, который всю жизнь заставляет толпы грубых, непокорных рабочих подчиняться ему и потеть для его процветания. Человек, для которого паровые молоты куют огромные раскаленные массы железа! Который способен часами безжалостно препираться с женщинами и девушками из-за какого-нибудь полупенни! Капитан промышленности — так, что ли, вы его зовете? Неужели вы способны бросить ваше нежное, хрупкое, беспомощное дитя в когти этого зверя? И только из-за того, что она будет жить у него в роскошном доме и он обвешает ее брильянтами, чтобы все видели, какой он богатый.

Мадзини *(смотрит на нее широко раскрытыми, изумленными глазами)*. Дорогая миссис Хэшебай, да Бог с вами, откуда у вас такие романтические представления о деловой жизни? Бедняга Менген совсем не такой.

Миссис Хэшебай (*презрительно*). Бедняга Менген — действительно!

Мадзини. Да он ничего не смыслит в машинах. Он никогда и близко-то не подходит к рабочим. Он не мог бы ими управлять. Он их боится. Мне никогда не удалось его хоть сколько-нибудь заинтересовать производством. Он не больше вашего понимает в этом. Люди жестоко заблуждаются в Менгене. Они думают, что это такая грубая сила,— и все только потому, что у него плохие манеры.

Миссис Хэшебай. Не хотите ли вы уверить меня, что у него не хватит сил раздавить бедную малютку Эли?

Мадзини. Конечно, очень трудно сказать, как может обернуться тот или иной брак. Но я лично думаю, что у него решительно нет никаких шансов взять над ней верх. У Эли удивительно сильный характер. Я думаю, это потому, что, когда она была еще совсем маленькая, я научил ее любить Шекспира.

Миссис Хэшебай (*пренебрежительно*). Шекспир! Теперь вам еще только не хватает сказать мне, что вы способны загребать деньги лучше Менгена. (*Подходит к дивану и садится с левого края, страшно разграженная.*)

Мадзини (*идет за ней и садится на другой конец*). Нет. Это я плохо умею. Да я, видите ли, и не очень стремлюсь. Я не честолюбив! Должно быть, поэтому. Менген — вот он насчет денег просто удивительный! Он ни о чем больше не думает. У него ужасный страх перед бедностью. А я всегда думаю о чем-нибудь другом. Даже на фабрике я думаю о вещах, которые мы делаем, а вовсе не о том, сколько они стоят. Но самое худшее во всем этом, что бедняга Менген не знает, что ему делать со своими деньгами. Это такой младенец, что он не знает даже, что ему есть, что пить. Он себе печень испортил тем, что ел и пил то, что ему совсем не полагалось. И сейчас почти ничего не может есть. Эли создаст ему режим и заставит соблюдать диету. Вы просто удивитесь, когда узнаете его поближе. Это, уверяю вас, самый беспомощный человек на свете. Проникаешься к нему таким, как бы сказать, покровительственным чувством.

Миссис Хэшебай. А скажите, пожалуйста, кто же в таком случае заворачивает всеми его предприятиями?

Мадзини. Я. И другие, вот такие же, как я.

Миссис Хэшебай. Которых он держит на побегушках?

Мадзини. Если смотреть с вашей точки зрения — да.

Миссис Хэшебай. А скажите на милость, почему же вы собственно не можете без него обойтись, если вы все настолько умнее его?

Мадзини. Ах нет, мы без него пропадем. Мы погубим все дело за какой-нибудь год. Да я уж пробовал. Знаю. Мы бы слишком много тратили денег на разные разности, улучшили бы качество товаров. И все это обошлось бы нам очень дорого. И с рабочими тоже; мы, вероятно, в некоторых случаях пошли бы на уступки. Ну, а Менген держит нас в порядке. Он накидывается на нас из-за каждого лишнего пенни. Мы никак не можем без него обойтись. Вы знаете, он способен целую ночь просидеть, раздумывая, как бы ему сэкономить какой-нибудь шестипенсовик. Но Элли заставит его поплясать, когда она будет держать дом в руках.

Миссис Хэшебай. Так, значит, это ничтожество даже и в качестве капитана промышленности всего лишь шарлатан чистойшей воды?

Мадзини. Боюсь, что все наши капитаны промышленности такие вот, как вы говорите, шарлатаны, миссис Хэшебай. Конечно, есть фабриканты, которые действительно знают, что они говорят, знают свое дело. Но они не умеют добывать таких громадных барышей, как Менген. Уверяю вас, Менген по-своему хороший человек. Такой добродушный...

Миссис Хэшебай. Вид у него очень непривлекательный. И ведь он уж далеко не молод.

Мадзини. В конце концов, миссис Хэшебай, ни один супруг не пребывает очень долго в состоянии первой молодости. Да в наше время мужчины и не могут позволить себе жениться очень рано.

Миссис Хэшебай. Вот, видите ли, если бы я сказала так, это звучало бы остроумно. Почему же у вас получается как раз наоборот? Чего-то в вас не хватает. Почему вы никому не внушаете доверия, уважения?

Мадзини (*смирно*). Мне кажется, все дело в том, что я беден. Вы себе представить не можете, что это значит для семьи. Заметьте, я не хочу сказать, что они когда-нибудь жаловались. Всегда они по отношению ко мне держали себя замечательно. Они гордились моей бедно-

стью. Они даже частенько подшучивали над этим. Но жене моей приходилось туго. Она готова была со всем примириться.

Миссис Хэшебай невольно вздрагивает.

Вот то-то и есть. Вы понимаете, миссис Хэшебай, я не хочу, чтобы и Элли пришлось мириться...

Миссис Хэшебай. И вы хотите, чтобы она примирилась с необходимостью жить с человеком, которого она не любит?

Мадзини (*грустно*). А вы уверены, что это хуже, чем жить с человеком, которого любишь, а он всю жизнь у кого-то на побегушках?

Миссис Хэшебай (*у нее исчезает презрительный тон, и она с интересом смотрит на Мадзини*). Знаете, я теперь думаю, что вы действительно очень любите Элли. Потому что вы становитесь положительно умником, когда говорите о ней.

Мадзини. Я не знал, что я до того уж глуп, когда говорю на другие темы.

Миссис Хэшебай. Бывает иной раз.

Мадзини (*отворачивается, потому что глаза у него влажны*). Я многое узнал о себе от вас, миссис Хэшебай. Вряд ли только мне будет веселей от вашей откровенности. Но если вы считаете, что это нужно было для того, чтобы я подумал о счастье Элли, то вы очень ошибаетесь.

Миссис Хэшебай (*наклоняется к нему в сердечном порыве*). Я отвратительно груба, правда?

Мадзини (*овладевая собой*). Да ну, что обо мне говорить, миссис Хэшебай! Я вижу, что вы любите Элли, и для меня этого достаточно.

Миссис Хэшебай. Я начинаю и вас любить немножко. Я просто ненавидела вас сначала. Я считала вас самым отвратительным, самодовольным, скучным старым ханжой.

Мадзини (*он уже решил принять ее тон за должное и заметно повеселел*). Что ж, может быть я такой и есть. Я никогда не был в чести у таких роскошных женщин, как вы. Я их всегда побаивался.

Миссис Хэшебай (*польщенная*). А я, по-вашему, роскошная женщина, Мадзини? Смотрите, как бы я в вас не влюбилась.

Мадзини (*с невозмутимой учтивостью*). Нет, вы не влюбитесь, Гесиона. Нет, со мной вы в совершенной безопасности. Поверьте мне, много женщин флиртовали со мной только потому, что они знали — со мной это совершенно безопасно. Но, конечно, именно поэтому им это очень быстро надоело.

Миссис Хэшебай (*коварно*). Берегитесь. Вы, может быть, вовсе не так неуязвимы, как вы думаете.

Мадзини. О нет, совершенно неуязвим. Видите ли, я любил по-настоящему. То есть такой любовью, которая бывает только раз в жизни. (*Проникновенно.*) Потому-то Элли такая миленькая.

Миссис Хэшебай. Вы... гм... Нет, знаете, вы начинаете раскрываться. Вы совершенно уверены, что не дадите мне совратить вас на второе такое же сильное чувство?

Мадзини. Вполне уверен. Это было бы противоестественно. Дело в том, что вы, как бы это сказать... от меня не загоритесь, и я от вас не загорюсь.

Миссис Хэшебай. Понятно. Ваш брак, по-видимому, это нечто вроде противопожарного крана.

Мадзини. Как вы остроумно перевернули мою мысль. Я бы никогда не додумался.

Входит Элли из сада; вид у нее удрученный.

Миссис Хэшебай (*поднимаясь*). Ах, вот, наконец, и Элли. (*Обходит диван сзади.*)

Элли (*остановившись в двери с правого борта*). Гинесс сказала, что вы хотели меня видеть. Вы и папа.

Миссис Хэшебай. Вы заставили нас так долго ждать, что это почти уже потеряло... Ну, впрочем, все равно. Ваш отец совершенно удивительный человек. (*Ласково ерошит ему волосы.*) Первый и единственный до сих пор, который мог устоять против меня, когда я изо всех сил старалась понравиться. (*Подходит к большому креслу по левую сторону Менгена.*) Пойдите сюда. Я хочу вам что-то показать.

Элли безучастно подходит к креслу с другой стороны.

Полюбуйтесь.

Элли (*смотрит на Менгена без всякого интереса*). Я знаю. Он спит. Мы с ним тут говорили после обеда, и он заснул среди разговора.

Миссис Хэшебай. Вы его усыпили, Элли?

Мадзини *(быстро вскакивает и подходит к спинке кресла)*. Нет, надеюсь, это не ты. Разве ты, в самом деле, сделала это, Элли?

Элли *(устало)*. Он сам меня попросил.

Мадзини. Но ведь это очень опасно. Ты помнишь, что тогда со мной было?

Элли *(совершенно равнодушно)*. Да, я думаю, я сумею разбудить его. Ну, а не я, так другой кто-нибудь.

Миссис Хэшебай. В конце концов, это не важно, потому что я наконец убедила вашего отца, что вам не следует выходить за него замуж.

Элли *(внезапно выходя из своего равнодушия, очень раздосадованная)*. А зачем вы это делали? Я хочу выйти за него замуж. Я твердо решила выйти за него.

Мадзини. Ты вполне уверена в этом, Элли? Миссис Хэшебай дала мне почувствовать, что я в этом деле проявил, быть может, некоторый эгоизм и легкомыслие.

Элли *(очень отчетливо, внятно и уверенно)*. Папа, если когда-нибудь миссис Хэшебай еще раз возьмет на себя смелость объяснить тебе, что я думаю и чего я не думаю, ты заткни уши покрепче и закрой глаза. Гесиона ничего обо мне не знает. Она не имеет ни малейшего понятия, что я за человек — и никогда этого не поймет. Обещаю тебе, что я никогда не буду делать ничего такого, чего бы я не хотела и не считала бы нужным для собственного блага.

Мадзини. Ты в этом вполне, вполне уверена?

Элли. Вполне, вполне. Ну, а теперь иди и дай нам поговорить с миссис Хэшебай.

Мадзини. Мне хотелось бы послушать. Разве я помешаю?

Элли *(неумолимо)*. Я предпочитаю поговорить с ней наедине.

Мадзини *(нежно)*. Ну хорошо, хорошо. Я понимаю. Родители — всегда помеха. Я буду пайнкой. *(Идет к двери в сар.)* Да, кстати, ты не помнишь, как адрес того специалиста, который меня разбудил? Как ты думаешь, не послать ли ему сейчас телеграмму?

Миссис Хэшебай *(направляясь к дивану)*. Сегодня уж поздно телеграфировать.

Мадзини. Да, пожалуй. Ну, я надеюсь, он ночью сам проснется. *(Уходит в сар.)*

Элли (*едва только отец выходит из комнаты, круто поворачивается к Гесионе*). Гесиона, какого черта вы заводите такие неприятные разговоры с отцом из-за Менгена?

Миссис Хэшебай (*сразу теряя самообладание*). Как вы смеете так разговаривать со мной, противная девчонка? Не забывайте, что вы у меня в доме!

Элли. Чепуха! Зачем вы суетесь не в свое дело. Вам то что, выйду я за Менгена замуж или нет?

Миссис Хэшебай. Вы что, думаете запугать меня? Вы, маленькая авантюристка, которая ищет себе мужа!

Элли. Всякая женщина, у которой нет денег, ищет себе мужа. Вам хорошо болтать. Вы никогда не знали, что это такое вечно быть без денег. Вы можете себе подхватывать мужчин, как цветочки по дороге. А я, бедная, порядочная...

Миссис Хэшебай (*прерывает ее*). Ха! Порядочная. Как вы подцепили Менгена? Как вы подцепили моего мужа? И у вас хватает дерзости говорить мне, что я... я...

Элли. Сирена, вот вы кто. Вы созданы для того, чтобы водить мужчин за нос. Если бы это было не так, Марк, может быть, дождался бы меня.

Миссис Хэшебай (*внезапно остывая и уже полусмется*). Ах, бедняжка моя Элли, детка моя! Бедная моя крошка! Мне до того жаль, что это так вышло с Гектором. Но что же я могу сделать? Ведь я не виновата. Я бы вам его уступила, если бы могла.

Элли. Я вас и не виню.

Миссис Хэшебай. Какая же я скотина, что начала с вами ругаться. Ну, идите ко мне, поцелуйте и скажите, что не сердитесь.

Элли (*злобно*). Ах, перестаньте вы, пожалуйста, сюсюкать, изливаться и сентиментальничать. Неужели вы не понимаете, что если я не заставлю себя быть жестокой, жестокой как камень, то я сойду с ума. Мне совершенно наплевать, что вы меня ругали и обзывали как-то. Неужели вы думаете, что для женщины в моем положении могут что-нибудь значить какие-то там слова?

Миссис Хэшебай. Бедненькая вы моя женщина! Такое ужасное положение!

Элли. Вам, наверно, кажется, что вы необыкновенно чуткая. А вы просто глупое, взбалмошное, эгоистическое существо. Вы видите, как меня ударило — ударило прямо в лицо, — и это убило целую и лучшую часть мо-

ей жизни — ту, что уже никогда теперь не вернется. И вы воображаете, что можно меня утешить вот этими поцелуями и сюсюканьем. Когда мне нужно собрать в себе всю силу, чтобы я могла хоть на что-нибудь опереться, на что-то железное, каменное,— все равно, как бы это ни было больно,— вы болтаете тут всякую чепуху и причитаете надо мной. Я не сержусь; я не чувствую к вам никакой вражды. Но только, Бога ради, возьмите вы себя в руки и не думайте, пожалуйста, что если вы всю жизнь не жили в бархате и сейчас так живете, то женщины, которые жили в самом настоящем аду, могут так же легко ко всему относиться, как и вы.

Миссис Хэшебай (*пожимая плечами*). Превосходно. (*Садится на диван, на старое место.*) Но я должна предупредить вас, что когда я не сюсюкаю, не целуюсь, не смеюсь, то я только об одном думаю: сколько еще я могу выдержать в этом проклятом мире, наполненном жестокостью. Сирены вам не нравятся. Хорошо, оставим сирен в покое. Вы хотите успокоить ваше израненное сердце на жернове. Отлично. (*Скрещивая руки на груди.*) Вот вам жернов.

Элли (*усаживается около нее, несколько успокоившись*). Так-то вот лучше. У вас поистине удивительная способность приладиться к любому настроению. Но все равно вы ничего не понимаете, потому что вы не из того сорта женщин, для которых существует только один мужчина и одна возможность.

Миссис Хэшебай. Я, конечно, совершенно не понимаю, каким образом, связав себя с этим чучелом, вы утешитесь в том, что не можете стать женою Гектора.

Элли. Вы, вероятно, не понимаете и того, почему сегодня утром я была такой милой девочкой, а сейчас я уже не девочка и не такая уж милая.

Миссис Хэшебай. Нет, это я понимаю. Потому что вы вбили себе в голову, что вы должны сделать что-то гадкое и мерзкое.

Элли. Нет, этого у меня нет в мыслях, Гесиона. Но я должна что-то постараться сделать с этим моим разбитым корытом.

Миссис Хэшебай. Ну-у! Все это вы переживете. И корыто ваше целехонько.

Элли. Конечно, переживу. Надеюсь, вы не воображаете, что я сяду, сложив руки, и буду ждать, когда я

умру от разбитого сердца или останусь старой девой, которая живет на подаяние общества помощи престарелым инвалидам. Но все равно — сердце у меня разбито. Я просто хочу сказать этим, что я знаю — то, что было у меня с Марком, больше для меня никогда не повторится. И в мире для меня существует Марк и безликая масса других мужчин, которые все одинаковы. Но если мне отказано в любви, это еще не значит, что я к тому же должна жить в бедности. И если у Менгена нет ничего другого, так у него по крайней мере есть деньги.

Миссис Хэшебай. А разве нет на свете молодых людей с деньгами?

Элли. Для меня нет. Кроме того, молодой человек будет вправе ожидать от меня любви и, возможно, бросит меня, когда увидит, что ничего такого я ему дать не могу. Богатые молодые люди, вы сами знаете, имеют возможность очень легко отделаться от своих жен. А это чучело, как вы изволите выражаться, не может от меня ждать ничего, кроме того, что я намерена ему предоставить.

Миссис Хэшебай. Вы будете его собственностью, не забудьте. Если он вас купит, он постарается, чтобы эта сделка была выгодна ему, а вовсе не вам. Спросите-ка у вашего отца.

Элли *(встает, подходит к креслу и разглядывает предмет их разговора)*. Об этом вы можете не беспокоиться, Гесиона. Я могу больше дать Боссу Менгену, чем он мне. Это я его покупаю, и за хорошую цену. Женщины в такого рода сделках судят лучше мужчин. И десять Боссов Менгенов не помешают мне делать то, что мне заблагорассудится в качестве его жены, и много больше, чем если бы я осталась бедной девушкой. *(Наклоняясь над неподвижным телом.)* Ведь правда, не помешают, Босс? Я думаю нет. *(Идет к чертежному столу, останавливается, прислонившись к нему, и смотрит в окно.)* Во всяком случае мне не придется вечно думать о том, долго ли еще продержатся мои перчатки.

Миссис Хэшебай *(величественно поднимаясь)*. Элли! Вы маленькое порочное, подленькое животное. И подумать только: я снизошла до того, что старалась пленить эту жалкую тварь, чтобы спасти вас от него. Так вот, разрешите заявить вам следующее: если вы вступите в этот омерзительный союз, вы больше никогда не увидите Гектора, поверьте мне.

Элли (*невозмутимо*). Я сразила Менгена, пригрозив ему, что если он не женится на мне, так он вас больше никогда в глаза не увидит. (*Она приподнимается на руках и садится на край стола.*)

Миссис Хэшебай (*содрогаясь*). Вы... вы...

Элли. Так что видите, этот ваш козырь — он для меня не неожиданность. А впрочем, ну что ж, попробуйте. Посмотрим. Я могла бы сделать из Марка человека, а не комнатную собачку.

Миссис Хэшебай (*вспыхивая*). Как вы смеете?

Элли (*с почти угрожающим видом*). А вот попробуйте, дайте ему повод думать обо мне; посмотрим, как вы посмеете.

Миссис Хэшебай. Нет, в жизни моей не видела такого наглого чертенка! Гектор говорит, что есть предел, после которого единственный ответ человеку, не желающему знать никаких правил, это хорошая оплеуха. Что, если я надеру вам уши?

Элли (*спокойно*). Вцеплюсь вам в волосы.

Миссис Хэшебай (*ехидно*). А я бы и не почувствовала. Может быть, я их снимаю на ночь.

Элли (*так поражена, что соскакивает со стола и подбегает к ней*). О нет, не может быть, Гесиона, чтобы эти чудесные волосы были фальшивые.

Миссис Хэшебай (*поглаживая свои волосы*). Только вы не говорите Гектору: он ведь думает, что они настоящие.

Элли (*со стоном отчаяния*). О, даже волосы, которыми вы опутали его, — все, все фальшивое!

Миссис Хэшебай. Ну-ка, потяните, попробуйте. Есть женщины, которые своими волосами ловят мужчин, как в сеть, а я вот на своих укачиваю младенца. А вам, золотые локончики, этого не сделать!

Элли (*убитая*). Нет, не сделать. Вы украли моих младенцев.

Миссис Хэшебай. Душенька, ведь я сейчас заплачу. Вы знаете, вот то, что вы сказали, будто я из него делаю комнатную собачку, это до некоторой степени правда. Может быть, ему следовало подождать вас. Ну разве какая-нибудь другая женщина на свете простила бы вам это?

Элли. Ах, но по какому праву вы забрали его всего, всего целиком и только для себя! (*Овладевая собой.*) Ну

довольно, вы тут ничем не виноваты. И никто не виноват. И он не виноват. Нет, нет, не говорите мне больше ничего. Я не могу этого вынести. Давайте разбудим наше чучело. *(Начинает поглаживать Менгена по голове в обратном направлении — от ушей ко лбу.)* Проснитесь, слышите? Вы должны сейчас же проснуться. Проснитесь. Проснитесь. Просни...

Менген *(подскакивает в кресле и в ярости накидывается на них)*. Проснитесь! Так вы думаете, я спал? *(В бешенстве отталкивает ногой стул и становится между ними.)* Вы меня вогнали в такой столбняк, что я не мог шевельнуть ни ногой, ни рукой. Меня могли бы так похоронить заживо! Хорошо, что до этого хоть не дошло. А они думают, что я просто спал! Если бы я свалился на пол оба раза, когда вы меня тут трясли, я бы сломал себе нос ко всем чертям и остался бы так на всю жизнь. Но зато теперь я вас всех знаю вдоль и поперек. Знаю, что вы за публика и куда я попал. Я слышал каждое ваше слово. И ваше — и вашего драгоценного папаши — и *(к миссис Хэшебай)* ваше тоже. Итак, значит, я чучело! Я ничтожество! Я дурак! Дурак, который даже не знает, что ему есть. Я, видите ли, боюсь рабочих, которые бы все подошли с голоду, если бы я не кормил их, давая им заработок. Я отвратительный старый скупердай, который только и годится, чтобы им пользовались ловкие женщины и его собственные безмозглые управляющие. Я...

Миссис Хэшебай *(с апломбом самого изысканного свойства)*. Ш-ш-ш... ш-ш-ш... ш-ш-ш... Мистер Менген, ваше достоинство обязывает вас вычеркнуть из памяти все, что вы слышали в то время, когда вы так мило притворялись, что изволите спать. Это отнюдь не предназначалось для вашего слуха.

Менген. Притворялся! Неужели вы думаете, что, если бы я только притворялся, я бы лежал здесь беспомощный и выслушивал всю эту клевету, ложь, несправедливость? Терпел бы это ляганье в спину, это поношение... Если бы я только мог встать и сказать вам всем, что я о вас думаю! Удивляюсь, как меня не разорвало.

Миссис Хэшебай *(воркующим голосом)*. Вам все это приснилось, мистер Менген. Мы только говорили, какой у вас удивительно мирный вид во сне. Вот и все. Ведь правда, Элли? Поверьте мне, мистер Менген, все эти неприятные вещи причудились вам в самую послед-

нюю секунду, перед тем как вы проснулись. Это просто Элли погладила вас по голове против шерсти. И это неприятное ощущение вызвало у вас такой неприятный сон.

Менген (*утрюмо*). Я верю снам.

Миссис Хэшебай. Я тоже. Только они всегда сбываются наоборот.

Менген (*все его чувство бурно прорывается наружу*). Нет, я до самой смерти не забуду, что, когда вы кокетничали со мной в саду, вы просто дурачили меня. Это было грязно, подло, недостойно так поступать. Вы не имели права привлекать меня к себе, если я вам внушал такое отвращение. Не моя вина, что я не молод и что у меня усы не вроде бронзовых канделябров, как у вашего уважаемого супруга. Есть вещи, которые порядочная женщина не позволит себе по отношению к мужчине, как мужчина не позволит себе ударить женщину в грудь.

Гесиона, пристыженная, садится на диван и закрывает лицо руками. Менген тоже опускается в кресло и начинает всхлипать как ребенок. Элли переводит глаза с одного на другого. Миссис Хэшебай, услышав эти жалобные звуки, отнимает руки от лица и глядит на Менгена. Потом вскакивает и подбегает к нему.

Миссис Хэшебай. Не плачьте. Я не могу этого вынести. Неужели я разбила ваше сердце? Я не знала, что оно у вас есть. Разве я могла это знать?

Менген. Мужчина я или нет?

Миссис Хэшебай (*полуласкательно, полушутя и вместе с тем очень умильно*). Ах, нет. Не то, что я называю мужчиной. Вы — Босс. И больше ничего. Ну, а зачем же Боссу сердце?

Менген. Значит, вы несколько не раскаиваетесь? Вам не стыдно?

Миссис Хэшебай. Мне стало стыдно в первый раз в жизни, когда вы сказали, что это то же, что ударить женщину в грудь. И я поняла, что я наделала. Я чуть не сгорела от стыда. Вы взяли свое, Босс. Разве вам этого мало?

Менген. Так вам и надо! Вы слышите — так и надо! Вы жестокая, только одно и можно сказать — жестокая!

Миссис Хэшебай. Ну что же, жестокость была бы очень приятной вещью, если бы можно было найти такую жестокость, которая не причиняла бы боли. Кста-

ти (*усаживается около него на ручку кресла*), как вас зовут? Ведь не Босс же, наконец!

Менген (*отрывисто*). Если вам угодно знать, меня зовут Альфред.

Миссис Хэшебай (*вскакивает*). Альфред! Элли, его зовут, как Теннисона!

Менген (*вставая*). Меня так назвали в честь моего дядюшки, от которого я никогда ни пенни не получил, будь он проклят. Но что из этого следует?

Миссис Хэшебай. Мне вдруг, знаете, пришло в голову, что ведь и вы тоже человек, что у вас была мать, как и у всякого другого. (*Кладет ему руки на плечи и разглядывает его.*) Крошка Альф.

Менген. Ну и характер же у вас!

Миссис Хэшебай. А у вас, оказывается, есть сердце, Альф. Крошечное такое, жалкое сердечко, но все-таки настоящее. (*Внезапно отпуская его.*) Ну, а теперь идите и помиритесь с Элли. У нее было достаточно времени, чтобы придумать, что вам сказать. Гораздо больше, чем у меня. (*Быстро уходит в сад через правую дверь.*)

Менген. Эта женщина своими руками вам всю душу наизнанку вывернет.

Элли. Вы по-прежнему еще влюблены в нее, несмотря на все, что мы о вас говорили.

Менген. Неужели все женщины такие, как вот вы с ней? Неужели они ничего больше не думают о мужчине, кроме того, что от него можно получить? А вы даже и этого не думали обо мне. Вы думали только о том, сколько времени проносятся ваши перчатки.

Элли. Когда мы с вами поженимся, мне не придется больше об этом думать.

Менген. И вы рассчитываете, что я женюсь на вас после того, что я здесь слышал?

Элли. Вы не слышали от меня ничего такого, чего бы я не говорила вам раньше.

Менген. Вы, верно, думаете, что я без вас жить не могу.

Элли. Я думаю, что теперь вы будете чувствовать себя одиноким без всех нас — теперь, когда вы нас так хорошо узнали.

Менген (*с каким-то воплем отчаяния*). Неужели за мной никогда не останется последнее слово?

Капитан Шотовер (*появляется в двери из сада*). Чья это душа предается здесь мучениям ада? Что тут случилось?

Менген. Эта девица не желает всю жизнь думать о том, сколько времени проносятся ее перчатки.

Капитан Шотовер (*проходит через комнату*). А зачем они? Я их никогда не ношу. (*Исчезает в кладовой.*)

Леди Эттеруорд (*появляясь из двери с левого борта в роскошном обеденном туалете*). Что это такое здесь происходит?

Элли. Этот джентльмен интересуется, останется ли за ним когда-нибудь последнее слово.

Леди Эттеруорд (*подходит к дивану*). Я бы ему позволила сказать последнее слово, дорогая. Самое главное, это вовсе не сказать последнее слово, а поставить на своем.

Менген. Она хочет и того и другого.

Леди Эттеруорд. Этого ей не добиться, мистер Менген. Последнее слово всегда остается за провидением.

Менген (*в совершенном испуге*). Вот теперь вы еще будете меня религией пичкать. В этом доме человеком играют, точно футбольным мячом. Я уйду. (*Направляется в переднюю, но его останавливает окрик капитана, появляющегося из кладовой.*)

Капитан Шотовер. Куда вы это, Босс Менген?

Менген. К черту из этого дома. Ну, довольно этого с вас? С вас и со всех остальных?

Капитан Шотовер. Двери открыты, вы свободно можете войти и уйти. Вся ширь земная, просторы морей и купол неба ожидают вас.

Леди Эттеруорд. А ваши вещи, мистер Менген? Ваши чемоданы, щетки, гребенки? Ваши пижамы?

Гектор (*появляясь в двери с правого борта в красном костюме бегуна*). Зачем этот беглый раб потащит с собой свои цепи?

Менген. Правильно, Хэшебай. Оставьте себе мои пижамы, миледи. Может быть, пригодятся.

Гектор (*подходит слева к леди Эттеруорд*). Давайте все уйдем в мрак ночной и бросим все, оставим все позади.

Менген. Нет, вы оставайтесь там, где вы есть. В обществе я не нуждаюсь. Особенно в женском.

Элли. Пусть идет. Он чувствует себя здесь несчастным. Он рассердился на нас.

Капитан Шотовер. Ступайте, Босс Менген. И когда вы обретете страну, где есть счастье и нет женщин, сообщите мне ее координаты. Я присоединюсь к вам.

Леди Эттеруорд. Вам, конечно, будет очень неудобно без ваших вещей, мистер Менген.

Элли (*нетерпеливо*). Идите, идите. Почему же вы не уходите? Такая ночь чудесная. Уснете в поле или там, в вереске. Возьмите мой плащ, вы можете его себе постелить. Он висит в передней.

Гектор. Утренний завтрак у нас в девять. А то можете позавтракать с капитаном в шесть утра.

Элли. Покойной ночи, Альфред.

Гектор. Альфред! (*Бежит к двери и кричит в сад*.) Рэнделл! Менгена зовут Альфредом.

Рэнделл (*в смокинге появляется в двери слева*). Значит, Гесиона выиграла пари.

В двери с правого борта появляется миссис Хэшебай, левой рукой она обхватывает шею Гектора, увлекает его к дивану, а правой рукой обнимает за шею леди Эттеруорд.

Миссис Хэшебай. Они мне не верили, Альф.

Все с интересом смотрят на Менгена.

Менген. Может быть, тут еще кто-нибудь найдется, кто хочет прийти посмотреть меня, точно я последняя новинка в зверинце.

Миссис Хэшебай. Вы и есть последняя новинка в этом зверинце.

Прежде чем Менген успевает ответить, слышно, как наверху падает что-то тяжелое, затем раздается выстрел и чей-то пронзительный вопль.

Трио, оставившееся на Менгена, в смятении рассыпается.

Голос Мадзини (*сверху*). Сюда! На помощь! Вор!

Гектор (*сверкая глазами*). Вор!

Миссис Хэшебай. Нет, нет, Гектор, тебя убьют!

Но уже поздно, он стрелой пронесится мимо Менгена, который поспешно сторонится к книжной полке, чтобы дать ему дорогу.

Капитан Шотовер (*свистит в свой корабельный свисток*). Все наверх! (*Шагает вслед за Гектором*.)

Леди Эттеруорд. Мои брильянты! (*Бросается за капитаном*.)

Рэнделл *(бежит за ней)*. Нет, Ариадна, позвольте мне!

Элли. О, может быть, папу убили! *(Выбегает.)*

Миссис Хэшебай. Вам страшно, Альф?

Менген. Нет. Слава Богу, это не мой дом.

Миссис Хэшебай. Если вора поймают, нам придется, наверно, выступить в суде в качестве свидетелей? И нам будут задавать всякие вопросы о нашей частной жизни.

Менген. Только не вздумайте говорить там правду, вам никто не поверит.

Из передней, страшно взволнованный, с громадным дульным пистолетом в руке, входит Мадзини и идет к чертежному столу.

Мадзини. Ах, дорогая миссис Хэшебай, я чуть было не уложил его. *(Бросает пистолет на стол и шатаясь подходит к стулу.)* Надеюсь, вы не думаете, что я действительно собирался его ухлопать?

Входит Гектор, ведя перед собой за шиворот старого грязного оборванца, выводит его на середину комнаты и отпускает. Следом за ними входит Элли, тотчас же бежит к отцу и, перегнувшись через спинку стула, обнимает его за плечи.

Рэнделл *(входит с кочергой)*. Посторожите-ка эту дверь, Менген. А я пока буду стеречь другую. *(Подходит к правой двери и становится там на страже.)*

Вслед за Рэнделлом входит леди Эттеруорд и становится между миссис Хэшебай и Менгеном. Последней появляется няня Гинесс и останавливается около двери, слева от Менгена.

Миссис Хэшебай. Что случилось?

Мадзини. Ваша экономка сказала мне, что кто-то забрался наверх, и дала мне пистолет, из которого мистер Хэшебай упражняется в стрельбе. Я собирался только припугнуть вора. Но едва я прикоснулся к этой штуке, как она выпала.

Вор. Да. И раскровянила мне ухо. Хорошо еще, что в лоб не угодила. Почему вы не заведете себе настоящий револьвер вместо этой штуковины, которая палит, стоит только на нее дунуть.

Гектор. Это один из моих дульных пистолетов. Простите.

Мадзини. Он сейчас же поднял руки вверх и заявил, что он сдается, потому что его поймали по всем правилам.

Вор. Так оно и было. Посылайте за полицией.

Гектор. Нет, клянусь честью, его совсем не по правилам поймали: нас было четверо против одного.

Миссис Хэшебай. Что же они теперь с ним делают?

Вор. Десять лет. И прямо в одиночную. Десять лет вон из жизни. Мне уж столько не отсидеть, я слишком стар. Это для меня гроб.

Леди Эттеруорд. Что же вы не подумали об этом перед тем, как лезть за моими брильянтами?

Вор. Но ведь вы же их получили обратно, леди. А вы сможете вернуть мне обратно десять лет моей жизни, которые вы у меня отнимаете?

Миссис Хэшебай. Нет, невозможно похоронить заживо человека на десять лет за несколько брильянтов.

Вор. Десять маленьких блестящих камешков. Десять долгих черных лет в аду.

Леди Эттеруорд. Только представить себе, что нам предстоит пройти через все ужасы уголовного суда! И все наши семейные дела попадут в газеты. Если бы вы были туземцем и Гастингс велел бы вас высечь как следует и вон выгнать, я бы слова не сказала. Но здесь, в Англии, у порядочных людей нет никакой защиты.

Вор. Я уж слишком стар для порки, леди. Посылайте за полицией, да и кончим дело. Это будет только справедливо. Вы правильно поступите.

Рэнделл (*убедившись в мирных намерениях вора, ослабляет свою бдительность и выходит вперед, покачивая кочергой, точно это аккуратно сложенный зонтик*). Друг мой, я не вижу ничего правильного и справедливого в том, что мы обременим себя кучей неприятностей для облегчения вашей проснувшейся совести. Лучше убирайтесь-ка подбру-поздорову, пока вам предоставляется эта возможность.

Вор (*неумолимо*). Нет. Я должен снять грех с моей совести. Мне словно голос с неба провещал. Дайте мне провести остаток моей жизни в темнице, в раскаянии. Я получу мою награду на небесах.

Менген (*в негодовании*). Даже воры — и те не могут вести себя естественно в этом доме.

Гектор. Придется вам, милый человек, потрудиться заработать себе спасенье за чей-либо другой счет. Здесь никто не собирается передавать вас в руки закона.

Вор. Ах, так вы не хотите передавать меня в руки закона?

Гектор. Нет. Простите, что мы так негостеприимны, но не будете ли вы так добры убраться отсюда?

Вор. Отлично. Я отправляюсь в полицейский участок и сам повинюсь. *(Решительно направляется к двери, но Гектор останавливает его.)*

Гектор	}	Нет, вы этого не сделаете.
Рэнделл		Нет, нет, выкатывайтесь вон, милейший, не ломайте дурака.
		<i>(все вместе)</i>
Миссис Хэшебай		Да будет вам чудить! Что, вы не можете дома раскаяться?

Леди Эттеруорд. Извольте делать то, что вам говорят.

Вор. Вы, значит, покрываете преступление. Вы это понимаете?

Миссис Хэшебай. Но это же совершеннейший абсурд. Кто может нас заставить преследовать человека, когда мы этого не хотим?

Вор. А что у меня похитят мое спасенье — и только из-за того, что вам не хочется провести один денек на заседании суда, это, по-вашему, справедливо? Это правильно? Это честно по отношению ко мне?

Мадзини *(поднимается и, перегнувшись через стол, говорит проникновенно-убедительным тоном, словно он стоит за люпитром проповедника или за прилавком)*. Ну полно, полно. Хотите, я научу вас, как вы можете обратиться в вашу пользу даже ваше преступление? Почему бы вам не сделаться слесарем? Вы в замках хорошо понимаете; лучше, чем большинство честных людей.

Вор. Это верно, сэр. Только, для того чтобы стать слесарем, надо иметь самое малое двадцать фунтов.

Рэнделл. Что вам стоит украсть двадцать фунтов? Пойдите в ближайший банк — и готово.

Вор *(в ужасе)*. Но как же это джентльмен может вбивать такие мысли в голову бедному преступнику, пытающемуся выбраться из греховной бездны? Стыдитесь, сэр! Да простит вам Бог. *(Бросается в кресло и закрывает лицо руками, словно молясь.)*

Леди Эттеруорд. В самом деле, Рэнделл!

Гектор. Мне кажется, нам придется сделать сбор в пользу этого некстати раскаявшегося грешника.

Леди Эттеруорд. Но двадцать фунтов — это просто смешно.

Вор (*быстро открывая лицо*). Сколько мне придется купить инструментов, леди!

Леди Эттеруорд. Глупости, у вас есть ваши воровские инструменты.

Вор. Фомка, сверло, ацетиленовая лампа, связка отмычек — вот и все. Что с этим сделаешь? Мне понадобится горн, кузница, мастерская и всякое там оборудование. Да и на двадцать-то не обойдешься.

Гектор. Почтеннейший, у нас нет двадцати фунтов.

Вор (*чувствуя себя хозяином положения*). Но ведь вы бы могли собрать между собой.

Миссис Хэшебай. Дай ему фунт стерлингов, Гектор, и прогони его.

Гектор (*протягивает ему фунт*). Вот. А теперь вон отсюда.

Вор (*встает, берет деньги без малейшей признательности*). Я ничего не могу вам обещать. У вас, я полагаю, могло бы найтись и побольше, у всех-то.

Леди Эттеруорд (*энергично*). Давайте-ка отправим его куда следует и покончим с этим. У меня тоже есть совесть, я полагаю. И я вовсе не уверена в том, что мы имеем право отпускать его вот так на свободу, в особенности если он дерзит, да еще и торгуется.

Вор (*поспешно*). Ладно, ладно, леди. Я не собираюсь доставлять вам никаких неприятностей. До свиданья, леди и джентльмены, премного вам благодарен. (*Поспешно идет к выходу, но в дверях сталкивается с капитаном Шотовером.*)

Капитан Шотовер (*смотрит на него пронизывающим взглядом*). Это еще что такое? Да что, вас двое, что ли?

Вор (*падает на колени перед капитаном, трясясь от страха*). О Господи, что я наделал. Неужели же это я к вам залез, капитан Шотовер?

Капитан хватает его за шиворот, ставит на ноги и ведет на середину комнаты. Гектор отступает назад, к жене, чтобы дать им дорогу.

Капитан Шотовер (*поворачивает его к Эли*). Это твоя дочь? (*Отпускает его.*)

Вор. Да откуда же я могу это знать, капитан? Знаете ведь, какой мы с вами вели образ жизни. Можно сказать, любая молодая девушка этого возраста в любом уголке мира могла бы быть моей дочерью.

Капитан Шотовер (*к Магзину*). Вы не Билли Дэн. Вот Билли Дэн. Вы обманывали меня?

Вор (*возмущенно, к Магзину*). Вы выдавали себя за меня? И вы же чуть не всадили мне пулю в лоб? Выходит, вы, если можно так выразиться, за самим собой охотились.

Магзини. Дорогой капитан Шотовер, с тех пор как я переступил порог вашего дома, я только и делал, что старался убедить вас, что я не мистер Вильям Дэн, а Магзини Дэн, совершенно другой человек.

Вор. Он не по той линии, капитан. У нас в роду две ветви: Дэны-ученые и Дэны-пьянчуги. И каждая ветвь идет своей дорогой. Я из Дэнов-пьянчуг. А он из тех, которые мозгами ворочают. Но это не дает ему никакого права охотиться за мной.

Капитан Шотовер. Итак, значит, ты стал вором?

Вор. Нет, капитан. Я не позволю себе опорочить наше морское звание. Я не вор.

Леди Эттеруорд. А что же вы делали с моими брильянтами?

Няня. А зачем же ты в дом-то залез, коли ты не вор?

Рэнделл. Принял его за свой собственный? Ошибся ошком?

Вор. Теперь уж мне нет нужды врать. Я могу провести любого капитана, но только не капитана Шотовера, потому что он на Занзибаре продался черту, может достать воду из-под земли, знает, где лежит золото, может взорвать патрон у тебя в кармане одним взглядом и видит правду, скрытую в сердце человека. Только я не вор.

Капитан Шотовер. Что же, ты честный человек?

Вор. Я никогда не старался быть лучше моих ближних, как вы хорошо знаете, капитан. Но то, что я делаю, — это дело невинное и даже богоугодное. Я просто разузнаю по соседству насчет домов, где хорошие люди живут, ну и поступаю вот так, как я здесь поступил. Забираюсь в дом, кладу в карман несколько ложечек или там брильянтов, потом поднимаю шум, даю себя поймать,

а затем делаю сбор. И вы представить себе не можете, какое это трудное дело заставить себя поймать, когда ты сам этого хочешь. Как-то раз в одном доме пришлось изломать все стулья, и хоть бы одна душа живая проснулась. В конце концов, так и пришлось уйти.

Рэнделл. А когда так случается, вы кладете на место ложки и брильянты?

Вор. Да как вам сказать. Если уж вы хотите знать, я не перечу воле божьей.

Капитан Шотовер. Гинесс, вы помните этого человека?

Гинесс. Еще бы мне не помнить, раз я была замужем за ним, за душегубом.

Миссис Хэшебай	} (вместе)	Замужем за ним? Гинесс!!!
Леди Эттеруора		

Вор. Это был незаконный брак. Много у меня таких жен было. Нечего на меня клепать.

Капитан Шотовер. Отведите его на бак. *(Отпихивает его к двери с неожиданной для своего возраста силой.)*

Няня. Вы хотите сказать — в кухню. Да разве его туда пустят? Вы думаете, прислуга захочет водить компанию со всякими ворами и бродягами?

Капитан Шотовер. Воры сухопутные и воры морские — одной плоти и крови. Я боцмана у себя на шанцах не потерплю. Вон отсюда оба!

Вор. Есть вон отсюда, капитан. *(Покорно уходит.)*

Мадзини. А это не опасно, оставить его вот так, в доме?

Няня. И что же это вы его не убили, сэр? Знала бы я, кто это, так сама бы убила. *(Уходит.)*

Миссис Хэшебай. Садитесь, пожалуйста, господа. *(Усаживается на диван.)*

Каждый выбирает себе местечко, за исключением Элли. Мадзини садится на свое прежнее место. Рэнделл присаживается на подоконник у двери с правого борта и, снова покачивая свою кочергу наподобие маятника, пылливо, словно Галилей, наблюдает за нею. Гектор садится слева от него, посредине. Менген, всеми забытый, пристраивается в углу налево. Леди Эттеруора усаживается в большое кресло. Капитан Шотовер в глубокой задумчивости уходит в кладовую. Все провожают его глазами, а леди Эттеруора многозначительно кашляет.

Так Билли Дэн — это герой романа нашей бедной няни. Я знала, что у нее что-то такое было.

Рэнделл. Теперь у них снова пойдут перепалки, и оба будут вкушать полное блаженство.

Леди Эттеруорд (*раздраженно*). Вы не женаты. Ничего в этом не понимаете, Рэнделл. Придержите язык.

Рэнделл. Тиранша!

Миссис Хэшебай. Ну вот, у нас был необыкновенно занимательный вечер. Дальше уж все будет не так интересно. Пожалуй, лучше идти спать.

Рэнделл. А вдруг еще кто-нибудь залезет?

Мадзини. Ах нет, невысказано. Надеюсь, что нет.

Рэнделл. А почему? Ведь не один же у нас вор на всю Англию?

Миссис Хэшебай. А вы что скажете об этом, Альф?

Менген (*обиженно*). Ну что мое мнение значит? Обо мне забыли. Вор меня совершенно затмил. Ткните меня куда-нибудь в угол и забудьте обо мне.

Миссис Хэшебай (*вскакивает и с явно злонамеренным видом направляется к нему*). Не хотите ли прогуляться до верескового луга, Альфред? Со мной?

Элли. Ступайте, мистер Менген. Вам будет полезно. Гесиона вас утешит.

Миссис Хэшебай (*взяв его под руку, поднимает его*). Идемте, Альфред. Луна. Ночь. Прямо как в «Тристане и Изольде». (*Гладит его руку и тащит его к двери в сад.*)

Менген (*упирается, но поддается*). И как это у вас духу хватает, сердца... (*Чувства его прорываются наружу, из-за двери доносятся его рыдания.*)

Леди Эттеруорд. Что за непонятная манера вести себя? Что с ним такое, с этим человеком?

Элли (*странно спокойным голосом, устремив глаза в какую-то воображаемую даль*). У него разбивается сердце, вот и все.

В дверях кладовой появляется капитан и слушает.

Странное это ощущение — боль, которая милосердно уводит нас за пределы наших чувств. Когда сердце разбито, все корабли сожжены, тогда уж все, все равно. Конец счастья и начало покоя.

Леди Эттеруорд (*неожиданно вскакивает в бешенстве, ко всеобщему удивлению*). Как вы смеете?

Гектор. Боже милостивый. Да что случилось?

Рэнделл (*предостерегающе, шепотом*). Ш-ш-ш... ш-ш-ш... Тише!

Элли (*удивленно и нагменно*). Я не обращаюсь лично к вам, леди Эттеруорд. И я не привыкла, чтобы меня спрашивали, как я смею.

Леди Эттеруорд. Разумеется, нет. Всякий может видеть, как вы дурно воспитаны.

Мадзини. Ах нет! Надеюсь, нет, леди Эттеруорд. Нет, в самом деле!

Леди Эттеруорд. Я прекрасно понимаю, что вы хотите сказать. Какая наглость!

Элли. А что собственно вы хотите сказать?

Капитан Шотовер (*подходя к креслу*). Она хочет сказать, что ее сердце не разобьется. Всю жизнь она мечтала о том, чтобы как-нибудь разбить его. А теперь она боится, что разбивать собственно нечего.

Леди Эттеруорд (*бросается на колени и обнимает ноги отца*). Папа, неужели ты думаешь, что у меня нет сердца?

Капитан Шотовер (*поднимает ее с угрюмой нежностью*). Если бы у тебя не было сердца, дитя, как могла бы ты мечтать, чтобы оно у тебя разбилось?

Гектор (*вскакивает, как ужаленный*). Леди Эттеруорд, на вас нельзя положиться — вы устроили сцену. (*Убегает в дверь направо.*)

Леди Эттеруорд. О Гектор, Гектор! (*Бежит за ним.*)

Рэнделл. И все это только нервы, уверяю вас. (*Встает и идет за ней, в волнении размахивая кочергой.*) Ариадна! Ариадна! Бога ради, будьте осторожней... Вы... (*Уходит.*)

Мадзини (*вставая*). Как неприятно! Не могу ли я — как вы думаете — чем-нибудь быть полезен?

Капитан Шотовер (*быстро подвигает стул к чертежному столу и садится за работу*). Нет. Ступайте спать. Покойной ночи.

Мадзини (*оторопев*). О-о! А впрочем, пожалуй, вы и правы.

Элли. Покойной ночи, дорогой. (*Целует его.*)

Мадзини. Покойной ночи, милочка. (*Направляется к двери, но потом подходит к книжной полке.*) Я только возьму какую-нибудь книжку. (*Достает книгу с полки.*)

Покойной ночи. (*Уходит, оставляя Элли наедине с капитаном.*)

Капитан погружен в свои чертежи. Элли, словно на страже, стоит за его спиной и некоторое время смотрит на него молча.

Элли. Вас никогда ничего не волнует, капитан Шотовер?

Капитан Шотовер. Я выстаивал на мостике по восемнадцать часов во время тайфуна. Здесь, правда, еще более бурно. Но все же я могу выстоять.

Элли. Как вы думаете, следует мне выйти замуж за мистера Менгена или нет?

Капитан Шотовер (*не поднимая головы*). О тот или другой камень разбиться — не все ли равно?

Элли. Я его не люблю.

Капитан Шотовер. А кто это вам говорит, что вы любите?

Элли. Вас это не удивляет?

Капитан Шотовер. Удивляться! В моем возрасте!

Элли. Мне кажется, что это совершенно честно. Я ему нужна для одного, а он мне для другого.

Капитан Шотовер. Деньги?

Элли. Да.

Капитан Шотовер. Ну что ж — одна подставляет щеку, а другой ее целует. Один добывает деньги, а другая тратит.

Элли. Мне интересно, кому из нас выгодней эта сделка?

Капитан Шотовер. Вам. Эти люди всю жизнь сидят у себя в конторе. Вам придется терпеть его только с обеда до утреннего завтрака. Но большую часть этого времени вы оба будете спать. Весь день вы будете распоряжаться собой по собственному усмотрению. И будете тратить его деньги. Если и этого для вас слишком много, выходите замуж за моряка дальнего плавания. Он будет надоедать вам не больше, чем недели три за целый год.

Элли. Я думаю, что это было бы самое лучшее.

Капитан Шотовер. Опасное это дело увязнуть в браке с головой, как, например, муж моей старшей дочери. Он целый день торчит дома, словно проклятая душа в преисподней.

Элли. Мне это раньше никогда не приходило в голову.

Капитан Шотовер. Но если вы подходите к этому как к сделке, надо уж и рассуждать по-деловому.

Элли. Почему женщины всегда хотят иметь мужей других женщин?

Капитан Шотовер. Почему конокрады предпочитают обьеженную лошадь дикой?

Элли (*с коротким смешком*). Это, пожалуй, верно. Какой подлый мир!

Капитан Шотовер. Меня это не касается. Я уж скоро уйду из него.

Элли. А я еще только вхожу.

Капитан Шотовер. Да. Так будьте начеку.

Элли. Мне кажется, что я действую очень осмотрительно.

Капитан Шотовер. Я не говорил — осмотрительно, я сказал: будьте начеку.

Элли. А в чем тут разница?

Капитан Шотовер. Можно из осмотрительности отдать душу за то, чтобы получить целый мир. Но не забывайте, что ваша душа сама льнет к вам, если вы ею дорожите. А мир — он стремится выскользнуть у вас из рук.

Элли (*устало отходит от него и беспокойно шагает назад и вперед по комнате*). Простите меня, капитан Шотовер, но это совершенно бесполезно — разговаривать со мной таким образом. Люди старого уклада ничем не помогут. Люди старого уклада думают, что у человека может существовать душа без денег. Они думают, что чем меньше у тебя денег, тем больше души. А молодежь в наше время иного мнения. Душа, видите ли, очень дорого обходится. Содержать ее стоит гораздо дороже, чем, скажем, автомобиль.

Капитан Шотовер. Вот как? Сколько же она поглощает, ваша душа?

Элли. О, целую пропасть. Она поглощает и музыку, и картины, и книги, и горы, и озера, и красивые наряды, и общество приятных людей, — в этой стране вы лишены всего этого, если у вас нет денег. Вот потому-то наши души так изголодались.

Капитан Шотовер. Душа Менгена питается свиным пойлом.

Элли. Да. Деньги, когда они у него, — это деньги, брошенные на ветер. Я думаю, может быть его душа слишком изголодалась, когда он был еще очень молод. Но в моих руках они не будут брошены на ветер. И вот

потому, что я хочу сохранить мою душу, я и выхожу замуж из-за денег. И все женщины, если у них мозги на месте, поступают так.

Капитан Шотовер. Есть и иные способы добыть деньги. Почему бы их просто не украсть?

Элли. Потому что я не хочу попасть в тюрьму.

Капитан Шотовер. Единственная причина? Вы уверены, что честность здесь никакой роли не играет?

Элли. Ах, вы ужасно старомодны, капитан! Неужели вы думаете, что есть сейчас на свете молодые девушки, которые считают, что законные и незаконные способы добывать деньги — это честные или нечестные способы? Менген ограбил отца и друзей моего отца. Я бы украла у Менгена все эти деньги, если бы полиция позволила мне это сделать. Но поскольку это не разрешается, я должна их получить обратно, выйдя за него замуж.

Капитан Шотовер. Не могу спорить. Я слишком стар. Мозг мой окончательно сложился. Одно я могу вам сказать: старомодно это или новомодно, но только, если вы продадитесь, вы нанесете своей душе такой удар, что никакие книги, картины, концерты, ни все пейзажи мира не залечат его. *(Внезапно встает и направляется в кладовую.)*

Элли *(бежит за ним, хватая его за рукав)*. А почему же вы тогда продались черту на Занзибаре?

Капитан Шотовер *(останавливается изумленный)*. Что-о?

Элли. Нет, вы не уйдете, прежде чем не ответите. Я уж знаю эти ваши замашки. Если вы продались, почему мне нельзя?

Капитан Шотовер. Мне пришлось иметь дело с таким человеческим отребьем, что я только тогда мог заставить себя слушаться, когда ругал их последними словами, хватал за шиворот, бил кулаками. Глупцы забирали на улице несовершеннолетних воришек и отправляли их на учебное судно, где их учили бояться палки, вместо того чтобы бояться Бога, думая, что такого рода служба сделает из них мужчин и моряков. Я обманул этих воришек, внушив им, что я продался черту. Это избавило меня от необходимости прибегать к ругани и побоям, которые день за днем ввергали в преисподнюю мою душу.

Элли *(отпуская его)*. Я сделаю вид, что продаю Боссу Менгену, чтобы спасти мою душу от нищеты, которая день за днем ввергает меня в преисподнюю.

Капитан Шотовер. Богатство в десять раз скорее ввергнет вас в преисподнюю. Богатство не пощадит и ваше тело.

Элли. Ну, опять что-то старомодное. Мы теперь знаем, что душа — это тело, а тело — душа. Нам говорят, что это не одно и то же, потому что нас хотят убедить, что мы можем сохранить наши души, если мы позволим поработить наши тела. Боюсь, что я от вас никакого толку не добьюсь, капитан.

Капитан Шотовер. А чего бы вы собственно хотели? Спасителя, а? Неужели вы так старомодны, что верите в него?

Элли. Нет. Но я думала, что вы очень мудрый и можете помочь мне. А теперь я вижу вас насквозь. Вы делаете вид, что вы заняты, а сами придумываете всякие мудрые фразы и вот бегаєте взад и вперед и бросаете их на ходу, всем на удивление; и тут же исчезаете, прежде чем вам успеют ответить.

Капитан Шотовер. Я теряюсь, когда мне возражают, меня это расхолаживает. Я не могу долго переносить ни мужчин, ни женщин. Мне приходится исчезать. Я и сейчас должен исчезнуть. *(Пытается уйти.)*

Элли *(хватает его за руку)*. Нет, вы от меня не уйдете. Я могу вас загипнотизировать. Вы единственный человек в доме, которому я могу сказать все, что мне придет в голову. Я знаю, что я вам нравлюсь. Садитесь. *(Тянет его к дивану.)*

Капитан Шотовер *(уступая)*. Берегитесь. Я ведь впал в детство. Старики — народ опасный. Им нет дела до того, что может произойти с миром.

Они садятся рядом на диване. Она нежно прижимается к нему, положив ему голову на плечо и полузакрыв глаза.

Элли *(мечтательно)*. А я думала, что у стариков, кроме этого, не может быть никаких других интересов. Ведь им же не может быть интересно, что случится с ними самими.

Капитан Шотовер. Интерес человека к миру — это просто переизбыток его интереса к самому себе. Когда вы еще дитя, ваше суденышко только спускается на воду, поэтому вы и не интересуетесь ничем, кроме своих собственных дел. Когда вы возмужаете, ваше судно вхо-

дит в глубокую воду, и вот вы становитесь государственным деятелем, философом, исследователем, искателем приключений. В старости судно ваше изнашивается, оно уж не годится для дальнего плавания, и вы снова становитесь младенцем. Я могу подарить вам уцелевшие обрывки моей прежней мудрости. Жалкие остатки и крохи. Но в действительности я ничем не интересуюсь, кроме моих собственных маленьких потребностей и прихотей. Вот я сижу здесь и копаюсь в моих старых изобретениях, стараясь обратить их в средство истребления моих ближних. Я вижу, как мои дочери и их мужья живут бессмысленной жизнью, все это — романтика, чувства, снобизм. Я вижу, как вы, более юное поколение, отворачиваетесь от их романтики, чувств и снобизма, предпочитая им деньги, комфорт и жестокий здравый смысл. И я знаю, что, когда я стоял на своем капитанском мостике во время тайфуна или когда мы, в полном мраке, на несколько месяцев вмерзали в арктические льды,— я был в десять раз счастливее, чем когда-либо будете вы или они. Вы ищете себе богатого мужа. Я в вашем возрасте искал лишений, опасностей, ужасов, смерти, чтобы всем существом своим ощущать, что я живу. Я не позволял страху смерти управлять моей жизнью. И наградой мне было то, что я жил. А вот вы позволяете, чтобы страх перед бедностью управлял вашей жизнью. Этим вы достигнете того, что вы будете есть, а жить вы не будете.

Элли (*нетерпеливо выпрямляясь*). Но что ж я могу сделать? Ведь я же не морской капитан. Я не могу стоять на мостике во время тайфуна или убивать китов и тюленей среди гренландских плавучих льдов. Ведь женщинам не позволяют быть капитанами. Что же вы хотите, чтобы я была стюардессой?

Капитан Шотовер. Бывают жизни и похуже. Стюардессы могут сойти и на сушу, если им хотелось бы, но они плавают, плавают, плавают...

Элли. А что бы они стали делать на суше? Вышли бы замуж из-за денег. Не хочу быть стюардессой. Я плохой моряк. Придумайте для меня что-нибудь еще.

Капитан Шотовер. Я не в состоянии думать так долго. Я слишком стар. Я должен исчезать и появляться. (*Делает попытку подняться.*)

Элли (*тянет его назад*). Нет, вы не уйдете. Вам ведь хорошо здесь, разве нет?

Капитан Шотовер. Я уже вам говорил, что это опасно — удерживать меня. Я не могу долго бодрствовать.

Элли. А зачем вы бежите — спать?

Капитан Шотовер. Нет. Выпить стаканчик рому.

Элли (*в страшном разочаровании*). Только за этим? Фу, как противно! Вам приятно, когда вы пьяны?

Капитан Шотовер. Нет. Я больше всего на свете боюсь напиться допьяна. Быть пьяным — это значит грезить, размякнуть, поддаться любому соблазну, любому обману. Попасть в когти женщинам. Вот что делает с вами вино, когда вы молоды. Но когда вы стары, очень-очень стары, вот как я, — вас осаждают сны. Вы не знаете, до чего это ужасно. Вы молоды и спите только ночью, и спите крепко; потом вас начинает клонить ко сну днем; а в старости вам хочется спать даже и утром. И просыпаешься усталый, усталый от жизни. И никогда не бывает так, чтобы дрема и сны оставили вас в покое. Сон подкрадывается к вам во время вашей работы, каждые десять минут, если вы не разгоните его ромом. Я теперь пью для того, чтобы быть трезвым. Но сны побеждают. Ром теперь не такой, как раньше. Я уж выпил сегодня десять стаканов, с тех пор как вы приехали. И все равно как если бы я хлебнул воды. Пойдите-ка принесите мне еще стаканчик. Гинесс знает, где он. Вот вы сами увидите, какая это гадость, когда старый человек пьет.

Элли. Вы не будете пить. Вы будете грезить. Мне нравится, когда вы грезите. Вам не нужно быть в мире действительности, когда мы с вами разговариваем.

Капитан Шотовер. Я слишком устал, чтобы сопротивляться. Или слишком слаб. Ведь я снова переживаю детство. Я вижу вас не такой, какая вы на самом деле. Я не могу припомнить, какой я на самом деле. Я не ощущаю ничего, кроме этого дурацкого чувства счастья, которого я боялся всю мою жизнь; счастья, которое приходит, когда уходит жизнь; счастья уступать и грезить, вместо того чтобы сопротивляться и действовать. Это сладость гниющего плода.

Элли. Вы боитесь этого почти так же, как я боялась расстаться с моими мечтами, боялась того, что мне придется что-то делать. Но теперь все это для меня уже кончено: все мои мечты пошли прахом. Я бы хотела выйти замуж за очень старого, очень богатого человека. Я бы с

удовольствием вышла замуж за вас. Гораздо приятнее выйти за вас, чем за Менгена. Вы очень богатый?

Капитан Шотовер. Нет, перебиваемся со дня на день. Да у меня и жена есть, где-то на Ямайке. Чернокожая. Моя первая жена! Если только не умерла.

Элли. Какая жалость! Мне так хорошо с вами! *(Берет его руку и почти бессознательным движением поглаживает ее.)* Я уж думала, мне никогда не будет хорошо.

Капитан Шотовер. Почему?

Элли. Разве вы не знаете?

Капитан Шотовер. Нет.

Элли. Сердце разбилось. Я влюбилась в Гектора, не зная, что он женат.

Капитан Шотовер. Сердце разбилось? Так, может быть, вы из числа тех, кто настолько довольствуется самим собой, что только тогда и может быть счастлив, когда судьба лишит его всего, даже надежды?

Элли *(хватает его за руку)*. Да, похоже, что так. Вот я сейчас чувствую: нет ничего на свете, чего бы я не могла сделать,— потому что я ничего не хочу.

Капитан Шотовер. Это и есть единственная настоящая сила. Это и есть гений человека. Лучше рома.

Элли *(отбрасывает его руку)*. Рома! Ну зачем вы все испортили?

Из сада в дверь правого борта входят Гектор и Рэнделл.

Гектор. Прошу прощения. Мы думали, тут никого нет.

Элли *(вставая)*. Это, надо полагать, означает, что вы хотите рассказать мистеру Рэнделлу историю с тигром. Идемте, капитан. Я хочу поговорить с отцом, и лучше вам быть при этом.

Капитан Шотовер *(поднимаясь)*. Глупости! Он уже лег спать.

Элли. Ага! Вот я вас и поймала. Настоящий мой отец лег спать. Но отец, которого вы мне выдумали, в кухне. И вы отлично знали это с самого начала. Идемте. *(Тащит его в сад, к двери с левого борта.)*

Гектор. Вот удивительная девчонка! Водит Старого Моряка за собой на цепочке, как комнатную собачку.

Рэнделл. Ну вот, теперь, когда они ушли, может быть, мы с вами потолкуем по-дружески?

Гектор садится на стул у чертежного стола, повернувшись лицом к Рэнделлу, который стоит, небрежно прислонившись к верстаку.

Я полагаю, мы можем быть вполне откровенны. Я имею в виду леди Эттеруорд.

Гектор. Вы можете говорить откровенно. А мне нечего сказать. Я ни разу ее не видел до сегодняшнего дня.

Рэнделл (*выпрямляясь*). Что? Ведь вы муж ее сестры?

Гектор. Ну, если уж на то пошло, так ведь вы — брат ее мужа.

Рэнделл. Но ведь вы с ней, по-видимому, очень близки?

Гектор. Как и вы.

Рэнделл. Да. Но я с ней действительно близок. Я знаю ее уже много лет.

Гектор. По-видимому, ей понадобилось много лет для того, чтобы достичь с вами той короткости, которая со мной завязалась через пять минут.

Рэнделл (*оскорбленный*). Поистине, Ариадна — это предел. (*Отходит, нагнутый, к окну.*)

Гектор (*хладнокровно*). Она, как я уже говорил Гесионе, весьма предприимчивая женщина.

Рэнделл (*оборачивается в возбуждении*). Видите ли, Хэшебай, вы то, что женщины называют «красивый мужчина».

Гектор. В дни моего тщеславия я старался сохранить эту видимость. И Гесиона настаивает, чтобы я продолжал это и сейчас. Она заставляет меня напяливать эти дурацкие штуки (*показывает на арабский костюм*), потому что ей кажется, что у меня нелепый вид во фраке.

Рэнделл. Вы отлично сохранились, дружище. Так вот, уверяю вас, в моем отношении нет ни капли ревности.

Гектор. Казалось бы, много уместнее было бы поинтересоваться, нет ли этой капли у вашего брата?

Рэнделл. Что? Гастингс? Насчет Гастингса вы не беспокойтесь. Он обладает способностью работать по шестнадцати часов в день над какой-нибудь скучнейшей мелочью, и ему это действительно доставляет удовольствие. Поэтому-то он и выдвигается всюду. Пока Ариадна заботится о том, чтобы он вовремя поел, он будет только благодарен всякому, кто поддержит ее хорошее настроение.

Гектор. А так как она обладает этим фамильным обаянием Шотоверов, то претендентов находится более чем достаточно.

Рэнделл (*свирепо*). Она поощряет их. Ее поведение — это сплошной скандал. Уверяю вас, дорогой мой, что в моем отношении нет ни капли ревности. Но она своим легкомыслием заставляет говорить о себе везде, где бы она ни появилась. Вот ведь что. А на самом деле она совершенно равнодушна к мужчинам, которые увиваются вокруг нее. Но кто это может знать? И получается что-то довольно некрасивое по отношению к Гастингсу; некрасиво и по отношению ко мне.

Гектор. Она убеждена, что ведет себя столь безупречно...

Рэнделл. Безупречно! Она только тем и занимается, что с утра до вечера устраивает сцены. Берегитесь, дружище! Она вам наделает хлопот, — то есть, вернее сказать, наделала бы, если бы всерьез заинтересовалась вами.

Гектор. Значит, она не интересуется мною?

Рэнделл. Ни чуточки. Ей просто хочется прибавить еще один скальп к своей коллекции. Настоящее ее чувство отдано уже давно — много лет тому назад. Так что советую вам поостеречься.

Гектор. Скажите, вы очень страдаете от этого чувства ревности?

Рэнделл. Ревности? Я! Ревную! Дорогой мой, я же вам сказал, что в моем отношении нет ни капли...

Гектор. Да... А вот леди Эттеруорд сказала мне, что она никогда не устраивает сцен. Так вот, бросьте вы расточать попусту вашу ревность на мои усы. Никогда не ревнуйте к настоящему живому мужчине. В конце концов всякого из нас вытесняет воображаемый герой. К тому же ревность ужасно как не идет к вашей непринужденной позе светского человека, которой вы так успешно придерживаетесь во всех остальных случаях жизни.

Рэнделл. Ну, знаете, Хэшебай, мне кажется, мужчина может позволить себе быть джентльменом, и не обязательно обвинять его за это в позерстве.

Гектор. Это тоже поза, не меньше какой-либо другой. Мы здесь все позы наизусть знаем. У нас дома такая игра: найти, что за человек скрывается под той или иной позой. Насколько я понимаю, за вашей позой скрывается излюбленный герой Элли — Отелло.

Рэнделл. Позвольте уж сказать вам, что кое-какие игры в этом доме чрезвычайно раздражают.

Гектор. Да, я сам много лет был их жертвой. Сначала я прямо-таки корчился от этого. Потом, знаете, привык. А теперь и сам научился играть.

Рэнделл. Я бы вас попросил, если для вас это не составит труда, не разыгрывать этих игр со мной. Вы, по-видимому, абсолютно не понимаете ни моего характера, ни того, что я привык считать хорошим тоном.

Гектор. А это входит в ваше понятие хорошего тона — поносить леди Эттеруорд?

Рэнделл (*в его негодовании прорывается жалобная детская нотка*). Я ни одного слова не сказал против леди Эттеруорд. Это опять какой-то заговор против меня.

Гектор. Какой заговор?

Рэнделл. Вы отлично знаете, сэр. Заговор, который имеет в виду выставить меня мелочным, ревнивцем, ребячливым, — то есть как раз наделить меня теми качествами, которых у меня нет. Все знают, что я представляю собой полную противоположность этому.

Гектор (*поднимаясь*). По-видимому, в атмосфере нашего дома есть что-то, что скверно на вас действует. Это нередко бывает. (*Идет к двери в сад и подчеркнутым повелительным тоном зовет леди Эттеруорд.*) Ариадна!

Леди Эттеруорд (*откуда-то издали*). Да?

Рэнделл. Зачем вы ее зовете? Я хочу поговорить...

Леди Эттеруорд (*врывается, запыхавшись*). Да? Нет, в самом деле, у вас страшно властная натура. Что такое?

Гектор. Да вот я что-то не могу управиться с вашим приятелем Рэнделлом. Вы, конечно, знаете, как к нему подступиться?

Леди Эттеруорд. Рэнделл, вы опять выкинули какую-нибудь глупость? Я вижу по вашему лицу. Нет, вы поистине самое мелочное существо на свете.

Рэнделл. Вы отлично знаете, Ариадна, что в моей натуре нет ни капли мелочности. Я держал себя здесь в высшей степени обходительно. Я остался совершенно невозмутим при виде вора. Это моя особо отличительная черта — невозмутимость. Но... (*топает ногой и начинает сердито расхаживать*) я требую, чтобы со мной обращались с известным уважением. Я не позволю Хэсбау фамильярничать со мной. Я не потерплю, чтобы вы поощряли мужчин бегать за вами.

Гектор. Этот человек носит в себе сильно укоренившееся заблуждение в том, что он ваш супруг.

Леди Эттеруорд. Знаю. Он ревнует. Как будто у него есть на это какие-то права! Он вечно меня компрометирует. Устраивает сцены повсюду. Я этого не допущу, Рэнделл. Вы не имеете права пререкаться из-за меня с Гектором. Я не желаю быть предметом мужских пересудов.

Гектор. Будьте благоразумны, Ариадна. Ваша роковая красота сама по себе заставляет мужчин пререкаться.

Леди Эттеруорд. Ах вот как! А что вы скажете о вашей роковой красоте?

Гектор. Что ж я могу с этим сделать?

Леди Эттеруорд. Вы можете сбрить себе усы. Я могу отрезать себе нос. Всю жизнь мне приходится терпеть из-за мужчин, которые в меня влюбляются. А потом Рэнделл говорит, что я бегаю за мужчинами.

Рэнделл. Я...

Леди Эттеруорд. Да, да, вы говорили. Вы только что это сказали. Почему вы ни о чем не можете подумать, кроме женщин? Наполеон был совершенно прав, когда говорил, что женщины — это занятие для бездельников. А уж из всех бездельников самый отъявленный — это Рэнделл Эттеруорд...

Рэнделл. Ариа...

Леди Эттеруорд (*прерывая его целым потоком слов*). Да, да, бездельник. И нечего спорить. Сделали ли вы хоть что-нибудь за всю свою жизнь? На что вы годитесь?хлопот с вами больше, чем с трехлетним младенцем. Вы шагу ступить не можете без чужих услуг.

Рэнделл. Это...

Леди Эттеруорд. Лень! Воплощенная лень! Сплошной эгоизм! Самый скучный человек на земле. Даже когда вы сплетничаете, вы ни о чем говорить не можете, кроме как о себе самом, о своих огорчениях, своих болезнях и о том, кто вас обидел. (*Обращается к Гектору.*) Знаете, как его прозвали, Гектор?

Гектор	} (оба вместе)	Пожалуйста, не говорите
Рэнделл		мне этого.
		Я не потерплю этого.

Леди Эттеруорд. Рэнделл-слюнтяй — вот как его зовут в обществе.

Рэнделл (*кричит*). Я не допущу этого, повторяю вам! Выслушайте меня, вы, дьявольская... (*Задыхается.*)

Леди Эттеруорд. Ну-ну, я вас слушаю. Как это вы собирались меня назвать? Дьявольская... что? Каким противным животным я стану на этот раз?

Рэнделл (*захлебываясь от негодования*). Нет в мире такого омерзительного животного, каким способна быть женщина. Вы сущий дьявол, который может с ума свести человека! Вы не поверите мне, Хэшебай, если я вам скажу, что я любил этого демона всю мою жизнь. Но Бог свидетель, как я был за это наказан. (*Опускается на табурет и плачет.*)

Леди Эттеруорд (*останавливается перед ним, глядя на него с презрительным торжеством*). Нюня!

Гектор (*подходя к нему, серьезным тоном*). Друг мой, эти сестры Шотовер имеют в своем распоряжении две колдовские штуки против мужчин: они могут их заставить любить себя и могут заставить их плакать. Благодарите вашу звезду, что вы не женаты ни на одной из них.

Леди Эттеруорд (*нагменно*). Прошу вас, Гектор...

Гектор (*внезапно берет ее за плечи, круто поворачивает ее от Рэнделла к себе и хватает рукой за горло*). Ариадна! Если вы только посмеете начать эти штуки со мной, я вас задушу. Слышите? Игра в кошки-мышки с прекрасным полом — премилая игра, но я могу с вами до того доиграться, что голову вам оторву. (*Толкает ее без всяких церемоний в большое кресло и продолжает уже не так свирепо, но твердо.*) Наполеон верно сказал, что женщины — это занятие для бездельников. Но он сказал еще, что женщина — это утеха воина. Так вот, я — воин. Берегитесь!

Леди Эттеруорд (*ничуть не обиженная, а скорее даже польщенная этим неистовством*). Дорогой Гектор, я ведь сделала только то, что вы просили.

Гектор. Как вас прикажете понять? Будьте добры объясниться.

Леди Эттеруорд. Вы позвали меня сюда, чтобы утихомирить Рэнделла. Вы сказали, что сами не можете с ним справиться.

Гектор. Ну и что из того, что я сказал, — я не просил вас доводить человека до сумасшествия.

Леди Эттеруорд. Да ничуть он не сходит с ума. Просто это такой способ унять его. Будь вы матерью, вы бы меня поняли.

Гектор. Матерью? Что вы тут такое рассказываете?

Леди Эттеруорд. Да очень просто. Когда дети у меня капризничали и не слушались, я их шлепала как следует, чтобы поревели хорошенько,— это была для них такая полезная встряска. После этого они прекрасно спали и потом на другой день отлично вели себя. Но ведь не могу же я отшлепать Рэнделла. Он слишком велик. Поэтому, когда у него нервы не в порядке и он раскапризничается, я просто довожу его до слез. Вот теперь он будет хорошо вести себя. Посмотрите, он уже совсем спит. *(Так оно, в сущности, и есть.)*

Рэнделл *(просыпается, с возмущением)*. Я не сплю. Какая вы жестокая, Ариадна! *(Расчувствовавшись.)* Но я, кажется, готов простить вас, как всегда. *(Подавляет зевоту.)*

Леди Эттеруорд *(Гектору)*. Ну, грозный воин, вы удовлетворены моим объяснением?..

Гектор. Когда-нибудь, если вы зайдете слишком далеко, я вас зарежу. Я думал раньше, что вы просто дура.

Леди Эттеруорд *(смеясь)*. Все почему-то так думают сначала. Но я не такая дура, как это может показаться с первого взгляда. *(Очень довольная, встает.)* Ну, Рэнделл, теперь марш спать. И утром вы будете паймальчиком.

Рэнделл *(слабо сопротивляясь)*. Я пойду спать, когда мне захочется. Сейчас еще и десяти нет.

Леди Эттеруорд. Десять уже давно было. Пожалуйста, Гектор, посмотрите, чтобы он сейчас же пошел спать. *(Уходит в сад.)*

Гектор. Есть ли на свете рабство более гнусное, чем это рабство мужчин у женщин?

Рэнделл *(решительно поднимается)*. Я завтра не стану с ней разговаривать. Целую неделю не буду с ней говорить. Я ее так проучу... И сейчас пойду спать, не простившись с ней. *(Идет к двери в переднюю.)*

Гектор. Околдовали вас, человеке. Старик Шотовер проданся дьяволу на Занзибаре. И дьявол дал ему за это чернокожую ведьму в жены. Эти две чертовки-дочки — мистический плод сего союза. Я привязан к юбке Гесионы, но я муж ей. И если я даже и совершенно спятил из-за нее, то мы хоть поженились по крайней мере. Но почему вы позволяете, чтобы Ариадна швыряла вас и таскала, как ребенок таскает и колотит игрушечного слони-

ка? Какая вам от этого радость? Вы что, любовник ее, что ли?

Рэнделл. Вы не должны это так дурно понимать. Может быть, в высшем смысле, в платоническом...

Гектор. Фью-ю... В платоническом! Она держит вас на побегушках. А когда приходит время расплачиваться, она надувает вас. Так это надо понимать?

Рэнделл (*вяло*). Мне кажется... если я против этого не возражаю... то вам-то до этого какое дело? Кроме того, я же вам сказал, что я прочту ее. Вот увидите. Я знаю, как надо обращаться с женщинами. А правда, я, кажется, совсем засыпаю. Пожелайте миссис Хэшебай от меня покойной ночи, не сочтите за труд. Спокойной ночи. (*Поспешно уходит.*)

Гектор. Бедняга! О, женщины! Женщины! Женщины! (*Поднимает кулаки к небу и потрясает ими, точно произнося заклинание.*) Разверзись! Разверзись и сокруши! (*Уходит в сад.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гектор выходит в сад через стеклянную дверь кормовой галереи. С восточной стороны от эспланады, в свете дугового фонаря, который в своем матовом колпаке похож на луну, леди Эттеруорд томно раскинулась в гамаке; рядом с изголовьем гамака стоит складной стул. С другой стороны флаштока, на длинной садовой скамье, спит капитан Шотовер, рядом с ним сидит Элли, нежно прикорнувшая к его плечу; по левую сторону от них палубный стул. Позади, в темноте прогуливаются Гесиона с Менгеном. Прекрасная тихая безлунная ночь.

Леди Эттеруорд. Какая чудесная ночь! Как будто нарочно для нас.

Гектор. Никакого ей до нас дела нет. Что мы ей? (*Угрюмо садится на стул.*)

Элли (*сонно прижимаясь к капитану*). Эта ее красота прямо проникает во все мои жилки. Ночь несет в себе покой для старых и надежду для юных.

Гектор. Это вы что — сами придумали?

Элли. Нет. Это последняя фраза капитана перед тем, как он заснул.

Капитан Шотовер. Я не сплю.

Гектор. Рэнделл спит. И мистер Мадзини Дэн. И Менген, должно быть, тоже.

Менген. А вот и нет.

Гектор. Ах, вы здесь? Я думал, Гесиона уже отправила вас спать.

Миссис Хэшебай (*подходит сзади к скамье и появляется в круге света вместе с Менгеном*). Да, пожалуй, пора. Менген без конца повторяет мне, что у него предчувствие, будто он умрет. В жизни не видела человека, который бы с такой жадностью добивался, чтобы его пожалели.

Менген (*жалобно*). Но у меня правда такое предчувствие. Правда же. А вы не хотите слушать.

Миссис Хэшебай. Я слушала что-то другое. Тут было какое-то чудесное жужжанье в небе. Никто не слышал? Откуда-то донеслось издали, а потом замерло.

Менген. Я же вам сказал, что это поезд.

Миссис Хэшебай. А я вам говорю, Альф, что в эти часы никакого поезда нет. Последний приходит в девять сорок пять.

Менген. Может быть, какой-нибудь товарный.

Миссис Хэшебай. По нашей маленькой ветке они не ходят. Просто прицепляют к пассажирскому один товарный вагон. Что бы это такое могло быть, Гектор?

Гектор. Это грозное рычание неба, знаменующее его отвращение к нам, жалким, бесполезным тварям. (*Истукленно.*) Я вам говорю, вот увидите, что-нибудь случится. Одно из двух — или из тьмы выйдет какое-то новое существо на смену нам, как мы пришли на смену животным, или небосвод с грохотом обрушится и уничтожит нас.

Леди Эттеруорд (*хладнокровно, поучительным тоном, укладываясь поуютнее в своем гамаке*). Вовсе мы не приходили на смену животным, Гектор. Почему вы призываете небо обрушиться на этот дом, в котором можно было бы устроить такую уютную жизнь, если бы только Гесиона имела хоть малейшее представление о том, как надо жить. Разве вы не понимаете, в чем главный недостаток этого дома?

Гектор. Мы — главный недостаток. Смысла в нас нет ни малейшего. Мы бесполезны, опасны. И нас следует уничтожить.

Леди Эттеруорд. Глупости! Гастингс в первый же день, как только приехал сюда, — это было тому назад

года двадцать четыре, кажется,— сразу же сказал мне, какой у нас недостаток.

Капитан Шотовер. Что? Чурбан сказал, что в моем доме какой-то недостаток?

Леди Эттеруорд. Я сказала, что это Гастингс сказал, а он вовсе не чурбан.

Капитан Шотовер. Какой же это недостаток в моем доме?

Леди Эттеруорд. Такой же, как и на корабле, папа. Разве не тонко было со стороны Гастингса подметить это?

Капитан Шотовер. Дурак он. Какой может быть недостаток на корабле? Там все на месте.

Леди Эттеруорд. Нет, не все.

Миссис Хэшебай. Ну, а что же такое? Да не тяни ты, Эдди.

Леди Эттеруорд. Угадайте.

Гектор. Дьяволицы, дщери ведьмы занзибарской! Дьяволицы!

Леди Эттеруорд. А вот и нет. Уверю вас, все, что нужно, чтобы сделать этот дом разумным, здоровым, приятным, чтобы у всех был хороший аппетит и здоровый сон,— это лошади.

Миссис Хэшебай. Лошади! Какая чушь!

Леди Эттеруорд. Да, лошади. Почему мы никогда не могли сдать этот дом внаймы? Потому что тут нет конюшен. Поезжайте куда угодно в Англии, где живут нормальные, здоровые, довольные, настоящие, порядочные англичане, и вы увидите, что главный стержень всего дома — это конюшни; а если кому-нибудь из гостей вздумается побренчать на рояле, так, прежде чем открыть его, надо всю комнату перевернуть вверх дном — чего-чего только не навалено на крышке. Я до тех пор не почувствовала, что существую, пока не научилась ездить верхом. Но я никогда по-настоящему, как следует, ездить не буду, потому что меня с детства этому не учили. Настоящее английское общество делится на два круга: это круг лошадиников и круг невротиков. И это вовсе не условность. Всякому ясно, что люди, которые занимаются охотой,— это порядочные люди, а те, кто не охотится,— это не настоящие люди.

Капитан Шотовер. В этом есть доля правды. Мужчину из меня сделал мой корабль, а корабль — это конь морской.

Леди Эттеруорд. Вот именно поэтому-то, как мне Гастингс объяснял, ты и джентльмен.

Капитан Шотовер. Не так уж глупо для чурбана. Можешь его привезти в следующий раз. Надо поговорить с ним.

Леди Эттеруорд. Почему Рэнделл такой слюнтяй? Воспитывали его хорошо, был в колледже и университете, работал в министерстве иностранных дел, всю жизнь вращался в лучшем обществе. А почему он какой-то такой недоделанный, никчемный? Почему ни один слуга не уживается у него больше, чем два-три месяца? Потому что он слишком ленив и слишком падок на всякие развлечения и поэтому не может быть ни охотником, ни стрелком. Он бренчит на рояле, рисует, волочитя за замужними женщинами, читает беллетристику, стихи. Он даже на флейте играет. Но я никогда не позволяла ему являться с флейтой ко мне в дом. Посмел бы он только... *(Ее прерывают меланхолические звуки флейты, доносящиеся из открытого окна сверху. Она в негодовании приподнимается в гамаке.)* Рэнделл! Вы до сих пор не легли спать? Вы что же, подслушиваете?

Флейта задорно отвечает.

Боже, какая пошлость! Сейчас же в кровать, Рэнделл! Как вы смеете!

Окно со стуком закрывается.

(Снова укладывается в гамак.) Ну кто может заинтересоваться таким ничтожеством?

Миссис Хэшебай. Эдди, как ты думаешь, следует Элли выйти замуж за бедного Альфреда только из-за его денег?

Менген *(в ужасном смятении)*. Ну что же это такое? Миссис Хэшебай, неужели вы будете обсуждать мои дела вот так, перед всеми?

Леди Эттеруорд. Я думаю, Рэнделл сейчас уже не слушает.

Менген. Все слушают. Так, право, нельзя.

Миссис Хэшебай. Да ведь сейчас темно. Ну не все ли вам равно? Элли не возражает. Правда, Элли?

Элли. Правда. Вы что думаете об этом, леди Эттеруорд? У вас так много здравого смысла.

Менген. Нет, это нехорошо. Это... это...

Миссис Хэшебай зажимает ему рот рукой.

Ах, ну отлично!

Леди Эттеруорд. Сколько у вас денег, мистер Менген?

Менген. Ну, знаете!.. Нет, это просто невозможно!

Леди Эттеруорд. Глупости, мистер Менген. Ведь весь вопрос в вашем капитале?

Менген. Ну, уж если на то пошло, — сколько у нее денег?

Элли. Ничего нет.

Леди Эттеруорд. Ну вот, она ответила, мистер Менген. А теперь, после того как вы заставили мисс Дэн бросить карты на стол, извольте показать и ваши.

Миссис Хэшебай. Ну, Адольф, выкладывайте — сколько же?

Менген (*разозленный до того, что теряет всякую осторожность*). Ну, если уж вам угодно знать, то у меня нет денег и никогда не было.

Миссис Хэшебай. Альфред, зачем вы нам рассказываете такие нелепые сказки?

Менген. Это не сказки. Голая правда.

Леди Эттеруорд. На что же вы тогда живете, мистер Менген?

Менген. Я живу на разъездные; ну а потом немножко еще комиссионных.

Капитан Шотовер. А у кого из нас есть что-нибудь, кроме разъездных на путешествие по жизни?

Миссис Хэшебай. Но ведь у вас же есть фабрика, капиталы и все такое?

Менген. Это все так думают, что у меня есть. Меня считают промышленным Наполеоном. Поэтому-то мисс Элли и хочет выйти за меня. Но я вам говорю, что у меня ничего нет.

Элли. Вы хотите сказать — эти фабрики вроде тигров Марка? Они на самом деле не существуют?

Менген. Они отлично существуют. Только это не мои фабрики. Они принадлежат синдикатам, акционерам и всяким там ленивым, ни на что не пригодным капиталистам. Я беру у них деньги и пускаю фабрики в ход. Отыскиваю людей вроде папаши мисс Дэн, которые кла-

дут все свои силы на то, чтобы наладить дело, и сам принимаю все меры к тому, чтобы оно приносило доход. Конечно, я ставлю условие, чтобы мне платили приличное содержание, но это собачья жизнь. А собственности у меня никакой нет.

Миссис Хэшебай. Альфред, вы очень неискусно пытаетесь увильнуть от брака с Элли.

Менген. Первый раз в жизни сказал правду насчет своих денег — и первый раз в жизни ни одна душа не верит!

Леди Эттеруорд. Как это грустно! Почему бы вам не заняться политикой, мистер Менген?

Менген. Политикой? Да что вы, с луны свалились? Чем же я занимаюсь, как не политикой!

Леди Эттеруорд. Простите, но я ни разу о вас не слыхала.

Менген. Разрешите объяснить вам, леди Эттеруорд, что премьер-министр нашей страны предложил мне войти в правительство и безо всякой этой чепухи вроде выборов — на правах диктатора одного крупного ведомства.

Леди Эттеруорд. В качестве консерватора или либерала?

Менген. Ну, это все ерунда. Просто в качестве делового человека.

Все раздражаются хохотом.

Над чем вы собственно смеетесь?

Миссис Хэшебай. Ах, Альфред, Альфред!

Элли. Это вас-то, который не может ступить шагу без моего отца? Ведь он все за вас делает.

Миссис Хэшебай. Вас, который боится собственных рабочих?

Гектор. Вас, с которым три женщины целый вечер играют в кошки-мышки?

Леди Эттеруорд. Вы, должно быть, дали той партии, которая выдвинула вас, огромную сумму, мистер Менген?

Менген. Ни пенни из своего кармана. Деньги нашел синдикат. Они понимали, насколько я буду для них полезен в правительстве.

Леди Эттеруорд. Все это необыкновенно интересно и неожиданно, мистер Менген. Ну, и каковы же ваши административные достижения?

Менген. Достижения?.. Гм... не знаю, что вы подразумеваете. Но я ловко расстроил планы молодчиков из других ведомств. Каждый из них стремился выступить в роли спасителя страны, а меня хотели оттеснить, лишиться доверия и всякой надежды заработать титул. Но я заранее позаботился,— на тот случай, если бы они захотели мне пакостить,— чтобы у них ничего не вышло. Я, может быть, ничего не понимаю в моих машинах, но зато я прекрасно умею сунуть палку в чужую машину. Вот теперь они остались в совершенных дураках.

Гектор. А вы с чем остались?

Менген. Я остался с тем, что перехитрил всех остальных. Если это не торжество деловитости, то как это еще назвать?

Гектор. Где мы: в Англии или в сумасшедшем доме?

Леди Эттеруорд. Так вы собираетесь спасти страну, мистер Менген?

Менген. А кто же еще ее спасет? Может быть, ваш мистер Рэнделл?

Леди Эттеруорд. Рэнделл-слюнтяй? Нет, конечно.

Менген. Или, может быть, ваш зятек с этими его усами и пышными фразами?

Гектор. О да, если бы мне позволили.

Менген (*насмешливо*). А-а! А позволят?

Гектор. Нет. Вы им больше по душе.

Менген. То-то же. Ну а раз вы живете в мире, где меня ценят, а вас нет, вам не мешает обращаться со мной повежливее. Кто тут еще найдется, кроме меня?

Леди Эттеруорд. Гастингс! Бросьте вашу нелепую демократию, дайте Гастингсу власть и хороший запас бамбуковых палок, чтобы привести британских туземцев в чувство,— и он без всякого труда спасет страну.

Капитан Шотовер. Пусть уж она лучше погибнет. С палкой в руках всякий дурак сумеет управлять. И я бы мог так управлять. Это не божий путь. Этот твой Гастингс — чурбан.

Леди Эттеруорд. Он стоит всех вас вместе взятых. А вы что скажете, мисс Дэн?

Элли. Я думаю, что мой отец отлично мог бы управлять, если бы люди не клеветали на него, не обманывали его и не презирали за то, что он такой хороший.

Менген (*презрительно*). Представляю себе: Мадзини Дэн в парламенте и пробивает себе путь в правитель-

ство! Слава Богу, до этого мы еще не дошли. Что вы скажете, миссис Хэшебай?

Миссис Хэшебай. О, я думаю, что это ровно ничего не значит, кто из вас управляет страной, пока мы управляем вами.

Гектор. Мы? Кто это мы, позвольте узнать?

Миссис Хэшебай. Внучки дьявола, дорогой. Прекрасные женщины.

Гектор (*снова вздымая руки к небесам*). Обрушья, говорю я, и избавь нас от чар сатанинских!

Элли. Выходит, что в мире нет ничего настоящего, кроме моего отца и Шекспира. Тигры Марка поддельные. Миллионы мистера Менгена поддельные. Даже в Гесионе нет ничего по-настоящему сильного и неподдельного, кроме ее прекрасных черных волос. А леди Эттеруора слишком красива, чтобы быть настоящей. Единственная вещь, которая еще для меня существовала, это была седьмая степень самосозерцания капитана. Но и это, оказывается...

Капитан Шотовер. Ром.

Леди Эттеруора (*спокойно*). Большая часть моих волос отнюдь не поддельная. Герцогиня Дитеринг предлагала мне за это (*поглаживает свою прическу*) пятьдесят гиней. Она думала, что это парик. Но это все мое собственное, за исключением цвета, разумеется.

Менген (*в совершенном неистовстве*). Нет, слушайте, я сейчас разденусь, я сниму с себя все, что есть. (*Начинает стаскивать с себя сюртук.*)

Леди Эттеруора
Капитан Шотовер

Гектор
Элли

(*все вместе,
в ужасе*)

Мистер Менген!
Что это такое! Ха-ха-ха! Валяйте!
Раздевайтесь!
Пожалуйста, не надо.

Миссис Хэшебай (*хватает его за руку*). Альфред! Как вам не стыдно! Да что вы, с ума сошли?

Менген. Стыдно! Где тут стыд, в этом доме? Нет, давайте все разденемся догола. Уж если что делать, так надо доводить до конца. Морально мы все уж разоблачились догола. Так давайте обнажимся и телесно. И посмотрим, как это нам понравится. Я вам говорю, что я не в состоянии это выдержать. Меня с детства учили быть приличным. Я не возражаю против того, чтобы женщины красили волосы, а мужчины пили,— это в человеческой

натуре. Но совсем не в человеческой натуре рассказывать об этом направо и налево. Стоит только кому-нибудь из вас рот открыть, как меня всего передергивает (*ежится, словно в него запустили камнем*) от страха — что еще сейчас тут ляпнут? Как можно сохранять хоть какое-нибудь уважение к себе, если мы не стараемся показать, что мы лучше, чем на самом деле.

Леди Эттеруорд. Совершенно согласна с вами, мистер Менген. Все это я испытала. Я знаю, по опыту знаю, что мужчины и женщины — это хрупкие цветы, и их надо выращивать под стеклом. А у нас в семье привычка швырять камнями куда ни попало и устраивать сквозняки — и это не только невыносимо грубо, но положительно опасно. Но если уж вы не убереглись от моральной простуды, то зачем же еще простужаться и физически. Нет, уж вы, пожалуйста, не снимайте ваше платье.

Менген. Я буду делать так, как мне хочется, а не так, как вы говорите. Что я, ребенок или взрослый? Хватит с меня этой родительской тирании. Уеду в Сити, там меня ценят и уважают.

Миссис Хэшебай. Прощайте, Альф. Вспоминайте нас иногда там, в вашем Сити. Вспоминайте, какая она, юная Элли.

Элли. Вспоминайте, какие глаза и волосы у Гесионы.

Капитан Шотовер. Вспоминайте про наш сад, где вам не приходилось быть сторожевым псом, который лает, дабы преградить дорогу правде.

Гектор. Вспоминайте красоту леди Эттеруорд. Ее здравый смысл. Ее изящество.

Леди Эттеруорд. Лъстец! Нет, мистер Менген, вы лучше вспоминайте, есть ли на свете другое такое место, где вам было лучше, чем здесь. Это ведь самое главное.

Менген (*сдаваясь*). Хорошо, хорошо. Сдаюсь. Пусть будет по-вашему. Только отвяжитесь. Я понять не могу, где я, что со мной, — когда вы все так на меня накидываетесь. Остаюсь, женюсь на ней. Все сделаю, только чтобы жить спокойно. Ну, теперь вы довольны?

Элли. Нет. Я в сущности никогда не собиралась женить вас на себе, мистер Менген. В глубине души — никогда. Я только хотела испытать свои силы. Проверить, можете ли вы устоять, если я захочу.

Менген (*в негодовании*). Как! Вы хотите сказать, что теперь, после того как я так благородно поступил, вы собираетесь отказаться от меня?

Леди Эттеруорд. На вашем месте я бы не стала так торопиться, мисс Дэн. Вы в любое время, до самой последней минуты, успеете отказаться от мистера Менгена. В его положении разориться довольно трудно. Вы можете вести очень комфортабельную жизнь, пользуясь тем, что он слышет таким богачом.

Элли. Я не могу пойти на двоемужество.

Миссис	} (все вместе)	Двоемужество! Что вы такое городите?
Хэшебай		Двоемужество! Что вы хотите сказать, мисс Дэн?
Леди Эттеруорд		Двоемужество! Вы хотите сказать, что вы уже замужем?
Менген		Двоемужество! Действительно, загадка!
Гектор		

Элли. Всего только полчаса тому назад капитан Шотвер взял меня в белые жены.

Миссис Хэшебай. Элли! Что за чушь! Где?

Элли. В небесах, где совершаются все истинные браки.

Леди Эттеруорд. Ну, знаете, мисс Дэн! Ну, знаешь, папа!

Менген. И он еще говорил мне, что слишком стар! А сам-то, мумия этакая!

Гектор (*цитируя Шелли*).

Им алтарем был темный лес,
Венчал их ветер вольный*.

Элли. Да, я, Элли Дэн, отдала свое разбитое сердце, мою сильную, здоровую душу ее естественному капитану, моему духовному супругу и отцу. (*Она подсовывает руку капитана под свою и нежно ее поглаживает.*)

Капитан крепко спит.

Миссис Хэшебай. Ах, как это умно с вашей стороны, деточка. Необыкновенно умно! Альфред, вам никогда не сравняться с Элли. Куда там! Вы должны удовольствоваться маленькой порцией меня.

Менген (*сопит и вытирает глаза*). Это бессердечно... (*Задыхается от огорчения.*)

Леди Эттеруорд. Вы удачно отделались, мистер Менген. Мисс Дэн — такая самонадеянная молодая осо-

ба, я первый раз вижу такую, с тех пор как вернулась в Англию.

Миссис Хэшебай. О, Элли вовсе не самонадеянная. Ведь правда, милочка?

Элли. Теперь я знаю свою силу, Гесиона.

Менген. Бесстыжая, вот как ее надо назвать.

Миссис Хэшебай. Ш-ш-ш... ш-ш-ш... Альфред, не надо грубить. Разве вы не чувствуете, как прекрасна эта брачная ночь, этот брак, заключенный в небесах? Разве вы не счастливы, вы и Гектор? Откройте глаза. Эдди и Элли достаточно хороши, чтобы понравиться самому требовательному мужчине. Мы живем и любим и ни о чем не думаем. И все это мы, женщины, устроили для вас. Почему же, скажите, во имя здравого смысла, вы все еще продолжаете вести себя так, будто вы два жалких, брошенных человека?

Капитан Шотвер. Я вам говорю, что от счастья проку мало. Вы можете быть счастливы только тогда, когда вы наполовину живы. Вот я сейчас — наполовину мертвец, а счастливее, чем я был когда-то в молодости. Но и моему счастью нет благословения божьего.

Элли *(с просветленным лицом)*. Жить в благословении! Вот что мне надо. Теперь я понимаю, почему я на самом деле не могу выйти замуж за мистера Менгена. В нашем браке не могло быть благословения. Благословение в моем разбитом сердце. Благословение в вашей красоте, Гесиона. Благословение в душе вашего отца. Даже в выдумках Марка есть благословение. Но в деньгах мистера Менгена никакого благословения нет.

Менген. Ни звука не понимаю.

Элли. Я тоже. Но я знаю, что это что-то значит.

Менген. Не думайте только, что у меня могут быть какие-нибудь заминки с благословением. Я готов откопать епископа, чтобы он нас благословил и повенчал.

Миссис Хэшебай. Ну не болван ли он, милочка?

Гектор *(гневно)*. Довольно вам издеваться над этим человеком. Все вы болваны.

Мадзини, в пижаме и в ярком шелковом халате, выходит из дома и подходит к леди Эттеруорд.

Миссис Хэшебай. А! Вот идет единственный человек, который сумел устоять против меня. Что такое случилось, мистер Дэн? Уж не пожар ли?

Мадзини. Нет, что вы! Ничего не случилось. Но как можно спать, когда у тебя под окном такая интересная беседа, да еще при этом такая замечательная ночь. Просто не утерпел и решил присоединиться к вам. О чем это здесь шла речь?

Миссис Хэшебай. О, здесь происходят удивительные вещи, солдат свободы.

Гектор. Вот, например, Менген, в качестве практика и дельца, пытался раздеться здесь при всех. И потерпел позорное поражение. Тогда как вы, в качестве идеалиста, блестяще преуспели в этом.

Мадзини. Надеюсь, вы не в претензии, что я в таком виде? *(Садится на складной стул.)*

Миссис Хэшебай. Напротив. Я бы предпочла вас всегда в таком виде.

Леди Эттеруорд. Брак вашей дочери, мистер Дэн, расстроился. У мистера Менгена, которого мы все считали капиталистом, оказывается ровно ничего нет.

Мадзини. Ну, я-то, разумеется, знал это, леди Эттеруорд. Но, если люди верят в него и дают ему деньги, тогда как в меня они не верят и денег мне не дают, то как я могу настаивать, чтобы бедняжка Элли рассчитывала на меня?

Менген. Пожалуйста, только не воображайте, будто у меня ничего нет. Я...

Гектор. Ах, ради Бога, без объяснений! Мы поняли. У вас есть тысячи фунтов в долгосрочных векселях, пятьдесят тысяч паев, которым цена десять пенсов за дюжину, и поддюжины таблеток цианистого калия, чтобы покончить с собой в ту минуту, когда вас прижмут к стенке. Вот и все ваши миллионы.

Мадзини. Нет, нет, нет! Он вполне честный человек. Все предприятия, с которыми он имеет дело, совершенно подлинны и вполне законные предприятия.

Гектор *(с отвращением)*. Гм. Даже и плут-то не крупный.

Менген. Это вы так думаете. Но для кое-кого из честных людей оказался даже слишком крупным.

Леди Эттеруорд. Вам никак не угодишь, мистер Менген. Вы решили быть сразу и не богатым и не бедным, и не честным и не нечестным.

Менген. А вы опять за свое. С тех пор как я вступил в этот дурацкий дом, из меня все время шута делают. А я ведь такой же человек, как в Сити, так и здесь.

Элли (*мелодично*). Да, это дурацкий дом... Это нелепо счастливый дом, это душераздирающий дом, дом безо всяких основ. Я буду называть его домом, где разбиваются сердца.

Миссис Хэшебай. Перестаньте, Элли. А то я завою, как зверь.

Менген начинает понемногу всхлипывать.

Ну вот, вы уже довели Альфреда.

Элли. Мне он больше нравится, когда он воет.

Капитан Шотовер. Молчать!

Менген затихает.

Пусть сердца разбиваются в безмолвии.

Гектор. А вы согласны с этим именем для вашего дома?

Капитан Шотовер. Это не дом мой, это моя берлога.

Гектор. Мы слишком зажились здесь. Мы не живем в этом доме, мы в нем просто на ролях привидений.

Леди Эттеруорд (*с надрывом*). Это просто ужасно представить себе, что вы здесь сидели все эти годы, когда я весь свет успела объехать. Мне удалось бежать отсюда еще в юности. А теперь этот дом потянул меня обратно. Он хочет разбить и мое сердце. Но это у него не выйдет. Я простилась с ним и с вами. Глупо было возвращаться. Но я как-то расчувствовалась — вспомнила папу, Гесиону и старые места... Мне казалось, будто они зовут меня.

Мадзини. Но ведь это совершенно естественное, хорошее человеческое чувство, леди Эттеруорд.

Леди Эттеруорд. Вот и я так думала, мистер Дэн. Но теперь я вижу, что это были просто последствия гриппа. И я убедилась, что меня здесь не помнят и не хотят.

Капитан Шотовер. Ты уехала, потому что ты не нуждалась в нас. Разве это не разбило сердце твоего отца? Ты вырвала себя отсюда с корнем. А земля залечила раны и вырастила свежие ростки. И мы забыли тебя. Какое ты имела право возвращаться и беречь старые раны?

Миссис Хэшебай. Ты сначала показалась мне совершенно чужой, Эдди. Но сейчас мне кажется, что ты никогда и не уезжала.

Леди Эттеруорд. Спасибо тебе, Гесиона; но мой грипп теперь совершенно прошел. И пусть этот дом будет домом разбитых сердец — для вас, мисс Дэн, и для этого господина из Сити, который так плохо владеет собой; а для меня это просто бестолковая и неряшливая вилла, и даже без конюшни.

Гектор. Где обитает...

Элли. Старый, выживший из ума капитан и юная певица, которая преклоняется перед ним.

Миссис Хэшебай. И беспутная матрона, старающаяся скрыть второй подбородок и расплывающиеся телеса и тщетно пытающаяся пленить прирожденного солдата свободы.

Мадзини. Ну что вы, миссис Хэшебай!..

Менген. И еще член правительства его величества короля, награжденный здесь званием болвана. Не забудьте о нем, леди Эттеруорд.

Леди Эттеруорд. И весьма очаровательный джентльмен, основная профессия которого — быть мужем моей сестры.

Гектор. Целая серия идиотов с разбитыми сердцами.

Мадзини. Ах нет! Я бы сказал, если вы разрешите, — весьма и весьма удачные образцы всего, что только есть лучшего в нашей английской культуре. Вы прямо обаятельные люди, очень передовые, без всяких предрассудков, открытые, человечные, не считающиеся ни с какими условностями, демократы, свободомыслящие — словом, у вас все качества, которыми дорожит мыслящий человек.

Миссис Хэшебай. Вы слишком превозносите нас, Мадзини.

Мадзини. Нет, я не льщу, серьезно. Где бы я мог чувствовать себя так непринужденно в пижаме? Я иногда вижу во сне, что я нахожусь в очень изысканном обществе и вдруг обнаруживаю, что на мне нет ничего, кроме пижамы. А иногда и пижамы нет. И я всякий раз чувствую, что я просто сгораю от стыда. А здесь я ничего этого не испытываю; мне кажется, что так и надо.

Леди Эттеруорд. Совершенно безошибочный признак того, что вы не находитесь в действительно изысканном обществе, мистер Дэн. Если бы вы были у меня в доме, вы бы чувствовали себя очень неловко.

Мадзини. Я приложу все старания, чтобы держаться подальше от вашего дома, леди Эттеруорд.

Леди Эттеруорд. Вот и неправильно, мистер Дэн. Я позаботилась бы о том, чтобы вы чувствовали себя вполне удобно. И вам не пришлось бы ломать себе голову над тем, в каком халате вам надо появиться за обедом: в пурпурно-золотом или малиново-изумрудном. Делая такие нелепые вещи, вы усложняете жизнь, вместо того чтобы упрощать.

Элли. В вашем доме сердца не разбиваются, не правда ли, леди Эттеруорд?

Гектор. Нет, она сама разбивает сердца в этом своем удобном доме. И тот несчастный, там наверху, со своей флейтой, воет так же, когда она выворачивает ему сердце наизнанку, как воет Менген, когда моя жена проделывает то же с ним.

Леди Эттеруорд. Это потому, что Рэнделлу больше нечего делать, как позволять разбивать себе сердце. Это для него такое же занятие, как мытье головы. Поищите кого-нибудь, кто разбил бы сердце Гастингсу!

Капитан Шотовер. Чурбан в конце концов оказывается в выигрыше.

Леди Эттеруорд. Я с величайшим удовольствием вернусь к моему чурбану, когда мне до смерти надоест эта ваша компания умников.

Менген *(обиженно)*. Я и не думал выдавать себя за умника.

Леди Эттеруорд. Ах, я и забыла о вас, мистер Менген.

Менген. Ну, я что-то этого не вижу.

Леди Эттеруорд. Вы, может быть, не очень умны, мистер Менген, но вы человек преуспевающий.

Менген. Но я совсем не хочу, чтобы на меня смотрели только как на преуспевающего человека. У меня тоже есть воображение, как и у всякого другого. Вот, например, сейчас у меня предчувствие...

Миссис Хэшебай. Нет, вы просто невозможны, Альфред. Целый вечер я за вами ухаживаю, а вы ни о чем другом не думаете, кроме ваших нелепых предчувствий. Вы мне прямо надоели с этим. Идемте. Вы мне будете читать стихи при свете звезд. *(Тащит его в глубь сада в темноту.)*

Менген *(плаксиво, из темноты)*. Вам хорошо потешаться надо мной. Но если бы вы только знали...

Гектор *(досадливо)*. Чем все это кончится?

Мадзини. Ничем не кончится, мистер Хэшебай. Жизнь — она ведь не кончается. Она идет себе и идет.

Элли. О, вечно так не может идти. Я всегда чего-то жду. Я не знаю, что это такое, только жизнь должна ведь прийти к какой-то цели.

Леди Эттеруорд. Для молодой женщины вашего возраста — это ребенок.

Гектор. Да, черт побери, но у меня тоже такое чувство. А я не могу родить ребенка.

Леди Эттеруорд. Передав ваши полномочия, Гектор...

Гектор. Да есть у меня дети. Все это для меня уже позади. А все-таки я чувствую, что так это не может продолжаться. Вот мы сидим здесь, болтаем и предоставляем все на свете Менгенам, случаю и сатане. Подумайте только на минуту о тех разрушительных силах, которые имеются у Менгена и у его восхищающейся друг другом шайке. Ведь это истинное сумасшествие! Все равно как дать в руки невоспитанному ребенку в качестве игрушки заряженную торпеду, пусть поиграет в землетрясение.

Мадзини. Да, это верно. Я часто об этом думал, когда был молод.

Гектор. Думать! Что толку об этом думать?! Почему вы чего-нибудь не сделали?

Мадзини. Да нет, я делал. Я был в разных кружках, обществах, произносил речи, статьи писал. То есть все, что было в моих силах. Но, знаете ли, хоть люди в этих кружках и были уверены, что они знают больше, чем Менген, многие из них и не подумали бы сунуться туда, если бы они знали столько, сколько он знает. Видите ли, им никогда не приходилось иметь дело с деньгами или держать в повиновении людей. Каждый год я ждал революции или какого-нибудь ужасного взрыва; казалось просто невыносимым, что мы можем вечно вот так путаться и топтаться на месте. Но ничего не случилось. За исключением, конечно, обычных для нас явлений — нищеты, преступлений, пьянства, к чему все уж привыкли. И никогда ничего не случается. Просто удивительно, если принять во внимание все обстоятельства, до чего мы мирно и гладко существуем...

Леди Эттеруорд. Может быть, кто-нибудь поумнее вас с мистером Менгеном все время заботился об этом?

Мадзини. Возможно. Хотя меня воспитали в неверии, у меня часто бывает такое чувство, что, в общем,

можно довольно много сказать в пользу теории о всемогущем провидении.

Леди Эттеруорд. Провидение! Я имела в виду Гастингса.

Маdzини. Ах, простите, я вас не понял, леди Эттеруорд.

Капитан Шотовер. Всякий пьяный шкипер верит в провидение. Но один из способов провидения обращаться с пьяными шкиперами — швырять их о скалы.

Маdzини. Конечно, на море так оно и есть. Но в политике, уверяю вас, они просто садятся в лужу. Ничего не случается.

Капитан Шотовер. На море с морем ничего не случается. И с небом ничего не случается. Солнце восходит с востока и садится на западе. Месяц из серпа превращается в дуговую лампу и появляется все позже и позже, пока не утонет в солнечном свете, как все остальное тонет во мраке. После тайфуна летучие рыбы на солнце сверкают, точно птицы. Удивительно — принимая во внимание все обстоятельства, как они существуют. Ничего не случается, кроме пустяков, о которых и говорить-то не стоит.

Элли. И что же это такое, о капитан, мой капитан?*

Капитан Шотовер (*мрачно*). Ничего. Кроме того, что корабль пьяного шкипера разбивается о скалы, гнилые доски разлетаются в щепы, ржавые болты разъезжаются, и команда идет ко всем чертям, как крысы в капкане.

Элли. Мораль: не надо пить рома.

Капитан Шотовер (*запальчиво*). Это ложь, дитя. Пусть человек за день выпьет хоть десять бочек рома, он не пьяный шкипер, пока он ведет свой корабль. Пока он не сбивается с пути, стоит на мостике, держит руль — он не пьяница. А вот человек, который лежит у себя на койке, доверившись провидению, — вот этого я называю пьяным шкипером, хоть он, может быть, ничего не пил, кроме воды из реки Иорданской*.

Элли. Замечательно! А все-таки вы за целый час не выпили ни капли. Вот видите, ром вам вовсе и не нужен. Ваша душа жива.

Капитан Шотовер. Это эхо. Только эхо. Последний выстрел прогремел много лет тому назад.

Гектор. А этот корабль, на котором мы все плывем? Эта темница душ, которую мы зовем Англией?

Капитан Шотовер. Капитан ее валяется у себя на койке и сосет прямо из бутылки сточную воду. А команда дуется в кубрике в карты. Налетят, разобьются и потонут. Вы что думаете, законы Господни отменены в пользу Англии только потому, что мы здесь родились?

Гектор. Да не хочу я тонуть, как крыса в тюрьме. Я хочу жить. Но что я должен делать?

Капитан Шотовер. Что делать? Чего проще — изучить, в чем заключаются ваши обязанности настоящего англичанина.

Гектор. А разрешите узнать, в чем заключаются мои обязанности англичанина?

Капитан Шотовер. Навигация. Изучите ее и живите. Или пренебрегите ею и будьте прокляты во веки веков.

Элли. Тихонько, тихонько. Вы утомляетесь. Вам вредно.

Мадзини. Когда-то я об этом думал, капитан. Но, уверяю вас, все равно ничего не случится.

Слышится отдаленный глухой взрыв.

Гектор *(вскакивая)*. Что это такое?

Капитан Шотовер. Что-то случилось. *(Свистит в свисток.)* Буруны на носу.

Свет гаснет.

Гектор *(в бешенстве)*. Кто погасил свет? Кто смел погасить свет?

Ня ня выбегает из дому на середину эспланады.

Ня ня. Я, сэр. Из полиции позвонили и сказали, что мы будем отвечать, если не погасим свет.

Гектор. Его сейчас будет видно на сотни миль. *(Бросается в дом.)*

Ня ня. Говорят, от дома приходского священника не осталось ничего, кроме груды кирпичей. Если мы его не приютим на ночь, ему негде будет голову приклонить.

Капитан Шотовер. Церковь швырнуло на скалы, ее разнесет в щепы. Я говорил ему, что так оно и случится, если она не будет держать курс в открытое море Господне.

Ня ня. А вам всем велено идти в подвал.

Капитан Шотовер. Ступай туда сама. Ты и вся команда. И прикройте люки.

Няня. Чтобы я стала прятаться рядом с этим трусом, за которого я когда-то вышла замуж?! Да я лучше на крышу полезу.

Свет снова вспыхивает.

Вон мистер Хэшебай опять зажег.

Вор (*бежит бегом, взывая к няне Гинесс*). Да где же эта песочная яма? Мне мальчишка на кухне сказал, что там погреб есть. А от подвалов толку мало. Где песочная яма, где она, капитан?

Няня. Иди вон туда, все прямо, мимо флагштока. Так прямо и уткнешься туда — даст Бог, сломаешь там свою проклятую шею. (*Презрительно толкает его в сторону, а сама идет к гамаку и становится у его изголовья, как когда-то она стояла у колыбели Ариадны.*)

Доносится второй, еще более громкий взрыв. Вор останавливается и стоит, дрожа всем телом.

Элли (*вставая*). Это уже ближе.

Капитан Шотовер. Следующий попадет к нам. (*Встает.*) Встать всем перед судилищем.

Вор. О Господи, Боже мой! (*В панике бежит мимо флагштока и исчезает в темноте.*)

Миссис Хэшебай (*задыхаясь, появляется из темноты*). Кто это тут пробежал? (*Подходит к Элли.*) Вы слышали взрывы? А этот звук в небе? Чудесно! Точно настоящий оркестр! Бетховен.

Элли. Вот правда, Гесиона, это Бетховен.

В неистовом восторге бросаются друг к другу в объятия. Свет становится ярче.

Мадзини (*в беспокойстве*). Свет что-то уж очень яркий.

Няня (*смотрит на дом*). Это мистер Хэшебай зажигает свет во всем доме и срывает шторы.

Рэнделл (*выбегает в пижаме, растерянно размахивая флейтой*). Ариадна, душа моя, радость моя! Идемте в подвал! Умоляю вас!

Леди Эттеруорд (*совершенно невозмутимо лежа в гамаке*). Жена резидента — в подвале, с прислугой! Ну, Рэнделл!

Рэнделл. А что ж мне делать, если вас убьют?

Леди Эттеруорд. Вас, вероятно, тоже убьют, Рэнделл. А ну-ка покажите, что вы не трусите, и поиграйте нам на флейте. Пожалуйста, сыграйте нам «Пылайте, огни очагов».

Няня (*мрачно*). Уж насчет того, чтобы пылало, они позаботятся, вон эти... эти...

Рэнделл (*пытается играть*). У меня губы трясутся. Не могу ни звука сыграть.

Мадзини. Надеюсь, бедняга Менген цел и невредим?

Миссис Хэшебай. Он спрятался в песочной яме.

Капитан Шотовер. Мой динамит привлек его туда. Десница божья.

Гектор (*выходит из дома и большими шагами идет на прежнее место*). Мало света. Нам бы надо до небес пылать.

Элли (*вся грожа от возбуждения*). Зажгите дом, Марк.

Миссис Хэшебай. Мой дом? Ни за что!

Гектор. Я уж думал об этом. Да не поспеть теперь.

Капитан Шотовер. Час суда настал. Мужество не спасет вас. Но оно покажет, что души ваши еще живы.

Миссис Хэшебай. Ш-ш-ш-ш... Слушайте. Слышите, вот сейчас? Как это великолепно!

Все поворачиваются спиной к дому и прислушиваются, глядя вверх.

Гектор (*внушительно*). Мисс Дэн, вам совершенно не годится оставаться здесь. Мы все из этого дома — мошки, летящие на огонь. А вам бы лучше в подвал пойти.

Элли (*презрительно*). Не думаю.

Мадзини. Элли, дорогая... Пойти в подвал, в этом же нет ничего унижительного. Всякий офицер скомандовал бы своим солдатам: марш под прикрытие! Мистер Хэшебай ведет себя здесь как любитель. Менген и бродяга поступили совершенно разумно. Вот они-то и уцелеют.

Элли. Пусть уцелеют. Я буду вести себя как любитель. А вот ты зачем подвергаешь себя опасности?

Мадзини. Подумать только, какой опасности подвергают себя эти бедняги — там, наверху.

Няня. О них еще думать! Убийцы проклятые! Скажете тоже.

Страшный взрыв сотрясает землю. Они откидываются на своих сиденьях, кое-кто хватается за ближайшую опору. Слышно, как из окон со звоном вылетают разбитые стекла.

Мадзини. Никто не ранен?

Гектор. Куда попало?

Няня *(со злорадством)*. Прямо в песочную яму. Своими глазами видела. Так ему и надо. Сама видела. *(Со злобным смехом бежит к песочной яме.)*

Гектор. Одним мужем стало меньше на свете.

Капитан Шотовер. Тридцать фунтов первоклассного динамита — и попусту!

Мадзини. Ах, бедный Менген!

Гектор. Да что вы, бессмертный что ли, что жалеете его? Теперь наша очередь.

Все молча, в страшном напряжении, ждут. Гесиона и Элли крепко держат друг друга за руки. Доносится отдаленный взрыв.

Миссис Хэшебай *(выпуская руку Элли)*. Ах, они пролетели мимо!

Леди Эттеруорд. Опасность миновала, Рэнделл, идите спать.

Капитан Шотовер. Все по местам. Корабль невредим. *(Сагится и тут же засыпает.)*

Элли *(в отчаянии)*. Невредим!

Гектор *(с омерзением)*. Да. Невредим. И до чего же опять стало невыносимо скучно. *(Сагится.)*

Мадзини *(сагясь)*. Как я, оказывается, ошибся, — ведь вот мы все уцелели, а Менген и бродяга...

Гектор. Два вора...

Леди Эттеруорд. ...два деловых человека.

Мадзини. ...оба погибли. А бедному священнику придется, по-видимому, строить себе новый дом.

Миссис Хэшебай. Но какое замечательное ощущение! Я думаю — может быть, они завтра опять прилетят.

Элли *(сияя в предвкушении этого)*. Ах, я тоже думаю!

Рэнделлу удается, наконец, изобразить на флейте «Пылайте, огни очагов...»

КАРЬЕРА ОДНОГО БОРЦА



ПРОЛОГ

I

Монкриф Хауз в общине Панлей. Учебное заведение для сыновей джентльменов и т. д.

Из задних окон Монкриф Хауза открывается просторный вид на Панлейскую общину. Она тянется на запад, насколько хватает глаз, широкими полосами лугов, с островками лилового вереска и зеленой осоки.

Был теплый весенний полдень; по небу быстро неслись стаи разорванных облаков, по лугам огромными пятнами скользили их тени, между которыми, как желтые и зеленые лоскутья, сверкали на солнце обмытые дождем поросли.

На холмах, обрамлявших пейзаж с севера, еще темнели следы туч, только что разразившихся ливнем над черепичной кровлей школы — четырехугольного белого здания, бывшего когда-то помещицкой усадьбой. Перед школой расстилалась красивая лужайка, украшенная подстриженными кустами, а за домом виднелось огороженное пространство приблизительно в четверть акра, назначенное для игр воспитанников. Лица, совершавшие прогулку в пределах общины в рекреационные часы школы, слышали из-за высокой ограды оживленные крики и топот детских ног. Если среди прогуливающих мимо школьной ограды лиц находились сверстники резвившихся школьников, они нередко взбирались на забор, и тогда им удавалось увидеть небольшую, совершенно голую площадку в несколько квадратных ярдов величины, до такой степени утоптанную ногами детей, что на ней образовались целые колеи и ложбины, и она вряд ли могла бы служить своему первоначальному назначению — быть местом для игры в мяч. Взобравшийся на забор видел еще длинный навес, под ним пожарный насос, дверь, всю испещренную вырезанными на ней надписями, задний фасад дома, гораздо менее привлекательный, чем

передний, и около пятидесяти мальчиков в коротких куртках с слишком широкими воротниками. Лишь только школьники замечали незнакомца на заборе, они всей гурьбой, с дикими криками кидались к нему, осыпая насмешками и бранью, и всячески старались согнать его с забора, забрасывая комьями земли, камнями, хлебными корками, — словом, всем, что было годного для этой цели у них под руками.

В этот теплый дождливый весенний полдень у дверей Монкриф Хауза стояла запряженная коляска. Кучер в белом плаще с некоторым беспокойством следил за вновь набегавшими с юга тучами. А внутри дома в приемном зале Монкриф беседовал с изящно одетой стройной дамой, которой можно было бы дать на вид лет тридцать пять. Манеры ее были грациозные, и в общем только недостаточная свежесть лица и фигуры мешали признать ее вполне красивой.

— Все еще не заметно никаких успехов; мне очень грустно сообщать вам это, — говорил доктор Монкриф.

— Это глубоко огорчает меня, — отвечала дама, нахмутив брови.

— Ваше огорчение вполне понятно. Я бы серьезно советовал вам попробовать перевести его в другую... — Доктор замолчал. Лицо дамы осветилось прелестной улыбкой, и рука поднялась с очаровательным протестующим жестом.

— Нет, нет, доктор Монкриф, — проговорила она. — Вами и вашей школой я глубоко удовлетворена; но меня тем более огорчает Кэшель. Ведь если он не делает никаких успехов у вас, несомненно, это только его вина. Не может быть речи о том, чтобы я взяла его отсюда. У меня не было бы ни минуты душевного покоя, если бы он остался без вашего попечения и влияния. Я поговорю с ним перед отъездом о его поведении, а вы, надеюсь, также не откажетесь серьезно поговорить с ним. Не правда ли?

— Конечно, с величайшим удовольствием, — смущенно ответил доктор, чувствуя себя неловко перед изящной собеседницей. — Пусть он остается здесь до тех пор, пока вам будет удобно. Но (тут к доктору вернулось его обычное самообладание) вам следует с особенной настойчивостью внушить ему, как важно для него серьезно заниматься в настоящее время, которое является в известной степени поворотным пунктом в его судьбе. Ему

уже почти семнадцать лет, а у него так мало склонности к учению, что я сильно сомневаюсь, в состоянии ли он будет выдержать нужные для поступления в университет экзамены. Вы ведь, вероятно, хотели бы, чтобы он получил высшее образование, прежде чем избрать себе определенную профессию в жизни?

— Да, конечно,— нерешительно ответила дама, очевидно, только механически подтверждая слова доктора.— Какую профессию вы посоветовали бы для него? — спросила она.— Вы гораздо больше меня понимаете в этих делах.

— Как вам сказать...— пробормотал доктор Монкриф в затруднении.— Это будет зависеть от его собственных желаний и склонностей...

— Нет, нет, что вы! — с живостью перебила она.— Разве он понимает что-нибудь в жизни, бедный мальчик? Его желания будут, наверное, нелепы и вздорны. Вероятно, он захочет, подобно мне, пойти на сцену.

— А разве вы стали бы противиться этому?

— Самым решительным образом. Надеюсь, что эта мысль еще не приходила ему в голову.

— Да, он, по крайней мере, никогда не говорит об этом. В нем до сих пор проявляется так мало склонности к какой-нибудь определенной профессии, что, мне думается, его выбор будет определен волей или влиянием родителей. Я, конечно, не знаю, насколько сильно это влияние. Но воздействие родных вообще важнее всего, особенно в тех случаях, когда дети, как ваш сын, например, не обнаруживают со своей стороны никаких определенных склонностей.

— Я единственный близкий и родной человек для моего сына. Кроме меня, у него никогда никого не было,— с задумчивой улыбкой проговорила дама и, заметив на лице доктора выражение удивления, быстро добавила: — Все родные его давно умерли.

— Бедный мальчик!

— Я надеюсь,— продолжала она,— что все же смогу кое-что для него сделать. Но в нынешние времена трудно добиться какого-нибудь положения без хорошего образования. Поэтому он непременно должен как можно прилежнее учиться. Если он ленив, надо прибегать к наказаниям.

Доктор несколько удивленно посмотрел на нее.

— Вы должны привыкнуть к тому, что ваш сын вышел уже из детских лет,— сказал он.— Правда, по своему поведению и мыслям он еще мальчик, но физически он быстро превращается в юношу. И это заставляет меня просить вас серьезно поговорить с ним вот по какому поводу. В известных границах я не мешаю спортивным упражнениям моих воспитанников: это очень важный элемент нашей педагогической системы. Но я, к своему огорчению, замечаю, что Кэшель злоупотребляет ими и становится несколько грубоват. В этом отчасти повинны необычные в его возрасте сила и ловкость. Несколько месяцев назад он жестоко подрался, как мне передавали, с каким-то деревенским мальчиком на главной улице Панлея. К сожалению, я не сразу узнал об этом. Несколько позже он провинился гораздо серьезнее. Я разрешил ему пойти вдвоем с одним из его товарищей на прогулку, но потом я узнал, что вместо этого они пошли на какое-то состязание по борьбе, которое — конечно, тайно от полиции — должно было состояться в нашей общине. Кроме обмана, который они совершили, мне сильно не понравилась цель их устремлений. Общество, в которое они там попали, несомненно, опасно для них. Я счел себя вынужденным применить к ним суровое наказание и запретил им на шесть недель отлучаться из школы. Но, в общем, должен вам сказать, я очень мало значения придаю наказанию. Гораздо важнее для смягчения природной грубости мальчиков в годах вашего сына доброе влияние матери.

— По-видимому, он не обратил никакого внимания на то, что я говорила ему последний раз. Но, конечно, я еще раз поговорю с ним об этом. Нельзя допускать, чтобы он дрался на улице с деревенскими мальчишками.

— Будьте так добры. Вот самые насущные вопросы, которые вы должны затронуть: необходимость большего, гораздо большего прилежания, неудовлетворительность поведения и, наконец, вопрос о его будущности. Я согласен с вами, что не следует придавать излишнего значения его теперешним намерениям. Хотя не надо также забывать, что детские мечтания часто оказывают влияние на направление жизненной энергии юноши.

— Я совершенно согласна с вами,— подтвердила дама.— Я постараюсь, чтобы мое наставление не пропало даром и послужило ему уроком.

Доктор с оттенком недоверия посмотрел на нее, вероятно полагая, что и ей пригодился бы урок в ее обязанностях матери. Но он не осмелился высказать этого; к тому же, полагая, что у актрисы естественное чувство материнства должно быть заглушено, он не верил в целесообразность какой-либо попытки в этом направлении. Он даже думал, что сын становился для нее бременем в жизни. Да и, несмотря на свой титул доктора богословия, ему, как и всякому мужчине, не хотелось казаться нелюбезным по отношению к красивой женщине. Он позвонил и попросил явившегося слугу пригласить в залу Кэшеля Байрона. Вскоре послышалось, как отворилась в нижнем этаже дверь и сквозь нее донесся гул отдаленных голосов. Доктор хотел было из приличия возобновить разговор, но воображение не подсказало ему подходящей темы. Молчание в зале продолжалось, и только слышно было, как смутный шум внизу вырос в громкое: «Бай-рон! Кэш!» — причем последнее восклицание явно подражало манере приказчиков больших универсальных магазинов, призывающих заведующего кассой. Наконец поднялся много раз повторяемый протяжный крик: «Ма-а-ма-а!» — очевидно, в объяснение приглашения Байрона в залу. Доктор смутился. Госпожа Байрон улыбнулась. Вдруг затворившаяся дверь внизу заглушила доносившиеся крики, и на лестнице послышались шаги.

— Войдите сюда,— сказал доктор, чтобы ободрить мальчика.

Кэшель Байрон вошел в комнату; он, краснея, с нерешительным видом направился к матери и поцеловал ее. Как всякий мальчик его лет, он не умел еще целовать и лишь неловко ткнул в щеку матери своими сжатыми губами. Сознывая свои провинности, он сейчас же отошел в сторону, где задался целью спрятать не совсем чистые руки в складках своей куртки. Он был высокого роста, с сильными плечами и шеей; его короткие, каштановые волосы мелкими завитками плотно прилегли к голове. Голубые глаза и все лицо выражали мальчишеское добродушие, которое, однако, не давало уверенности в его добром нраве.

— Здравствуй, Кэшель! Как поживаешь? — с почти царственной покровительностью проговорила наконец госпожа Байрон после безмолвного взгляда, показавшего мальчику невыносимо долгим.

— Спасибо, мама, очень хорошо,— ответил он, стараясь не глядеть на мать.

— Садитесь, Байрон,— сказал доктор.

Кэшель вдруг забыл, как это делается, и беспомощно перебежал глазами от одного стула к другому. Доктор извинился и покинул залу, к большому облегчению своего воспитанника.

— Ты очень вырос, Кэшель; но я огорчена, что ты стал так неловок.

Кэшель вновь покраснел и смутился.

— Не знаю, как мне быть с гобой,— продолжала госпожа Байрон.— Монкриф говорил мне, что ты очень ленив и дурно ведешь себя.

— Вовсе нет,— хмуро ответил Кэшель.— Это не...

— Пожалуйста, не отвечай мне таким образом,— строго перебила его госпожа Байрон.— Я уверена, что все, сказанное мне доктором Монкрифом, совершенная правда.

— Он всегда худо говорит обо мне,— жалобно проговорил Кэшель.— Я не могу учить латынь и греческий; я не понимаю, что в них хорошего. Я учусь так же прилежно, как все остальные. А мое поведение он бранит лишь потому, что один раз я гулял с Джулли Молесвортом, и мы увидели толпу за деревней; а когда подошли, оказалось, что это дерутся два человека. Ведь это же не наша вина, что они там дрались,

— Да, я не сомневаюсь, что ты можешь привести еще с полсотни таких же оправданий, Кэшель. Но я не желаю никаких драк, и ты должен действительно лучше учиться. Думал ли ты когда-нибудь о том, сколько я должна работать, чтобы платить за тебя доктору Монкрифу сто двадцать фунтов в год?

— Я учусь и работаю как могу. Старый Монкриф думает, что с самого утра и до вечера мы должны только и делать, что переписывать латинские стихи. Татэм, которого доктор считает таким гением, сдирает все свои письменные работы с подстрочников. Если бы у меня были подстрочники, я бы так же хорошо, даже лучше, сумел бы списывать с них.

— Ты страшно ленив, Кэшель, я это прекрасно знаю. Слишком досадно выбрасывать столько денег каждый год без всякой пользы. Притом тебе вскоре придется подумать о выборе профессии.

— Я пойду на военную службу,— сказал неожиданно Кэшель.— Это единственное занятие, достойное джентльмена.

Госпожа Байрон посмотрела на него, пораженная. Но, быстро овладев собой, она сказала только:

— Боюсь, что тебе придется избрать менее разорительное занятие. Кроме того, ведь для поступления в военную службу надо сдать экзамен. А как ты выдержишь его, если ты не хочешь учиться?

— Ну, когда придет время, я сдам все экзамены.

— Милый мой! Ты стал говорить за последнее время очень грубо. И это большее из всех огорчений, которые ты мне приносишь, Кэшель!

— Я говорю так, как и все,— раздраженно ответил мальчик.— Не понимаю, почему надо обращать столько внимания на всякое слово. Я не привык, чтобы мне делали замечания по поводу каждого слова, какое я скажу. А мальчики у нас знают все о вас, мама.

— Все обо мне? — повторила госпожа Байрон, с любопытством смотря на сына.

— Что вы служите на сцене,— пояснил Кэшель.— Вы сердитесь, что я становлюсь грубым, а мне приходилось бы очень худо, если бы я не умел грубо поговорить кое с кем из наших учеников.

Госпожа Байрон грустно усмехнулась, по-видимому своим мыслям, и с минуту молчала. Зачем она поднялась и, смотря в окно, обратилась к сыну:

— Мне пора. Находят новые тучи. А ты без меня молись усердно, старайся чему-нибудь научиться и поскорее исправь свое поведение. Ведь скоро тебе предстоит перевод в Кембридж.

— В Кембридж! — радостно воскликнул Кэшель.— Когда, мама, когда?

— Еще не знаю. Во всяком случае, не очень скоро, как только доктор Монкриф сочтет тебя достаточно подготовленным.

— Ну этого, действительно, не скоро дождешься,— разочарованно заметил Кэшель.— Он не легко откажется от 120 фунтов в год. Толстого Генглиса он держал у себя до двадцати лет. Мама, смогу ли я уйти отсюда в конце этого полугодия? Я чувствую, что в Кембридже буду лучше учиться, чем здесь.

— Глупости,— решительно сказала госпожа Байрон.— Я не думаю взять тебя от доктора Монкрифа раньше,

чем через полтора года. И, во всяком случае, не раньше, чем ты станешь хорошо учиться. Не ворчи, Кэшель: ты меня раздражаешь этим. Жалею, что сообщила тебе о Кембридже.

— Тогда, мама, переведите меня лучше пока в другую школу,— жалобно проговорил Кэшель.— Мне так нехорошо у старого Монкрифа.

— Тебе нехорошо здесь только потому, что доктор Монкриф требует, чтоб ты много занимался, а я именно потому и хочу, чтобы ты оставался у него.

Кэшель ничего не ответил, но сильно омрачился.

— Прежде, чем уехать, мне надо сказать еще несколько слов доктору,— добавила она, вновь усаживаясь.— Иди, поиграй с товарищами. До свидания, Кэшель.— И она подставила щеку для поцелуя.

— До свидания, мама,— сухо ответил Кэшель, повернувшись к двери и делая вид, будто не заметил ее движения.

— Кэшель! — проговорила она ему вслед с удивлением.— Ты сердисься?

— Нет,— печально ответил мальчик,— мне нечего больше сказать. Я вижу, что мои манеры недостаточно изящны. Мне это очень грустно, но что же делать?

— Отлично,— строго сказала госпожа Байрон.— Можешь идти, но знай, что я очень недовольна тобой.

Кэшель вышел из комнаты и притворил за собою дверь. Внизу, у лестницы, его ожидал мальчик, на год моложе его, который быстро подошел к нему.

— Сколько она дала тебе? — прошептал он.

— Ни одного пенни,— ответил Кэшель, стиснув зубы.

— Видишь, говорил я тебе! — воскликнул тот, сильно разочарованный.— Это гадко с ее стороны.

— Еще бы не гадко! Это все проделки старого Монка. Он наговорил ей с три короба обо мне. Но она тоже хороша. Говорю тебе, Джулли, что я ненавижу свою мать.

— Ну, ну,— пробормотал Джулли, несколько озадаченный.— Это ты хватил чересчур, дружище. Но во всяком случае ей следовало бы что-нибудь оставить тебе.

— Не знаю, что ты намерен делать, Джулли, а я думаю удрать отсюда. Если она полагает, что я стану торчать здесь еще два года, то она сильно ошибается.

— Это была бы премилая штука,— усмехнулся Джулли.— И если ты вправду задумал это,— добавил он с важностью,— то, ей-Богу, я убегу с тобой! Уилсон как

раз задал мне тысячу строк, — пусть меня повесят, если я напишу их.

— Послушай, Джулли, — сказал Кэшель, с серьезностью нахмутив брови и сморщив лоб. — Мне нужно было повидаться с кем-нибудь из деревенских парней, знаешь, из тех, которых мы давеча встретили.

— Знаю, знаю, — обрадовался Джулли, — вероятно, тебе особенно нужен тот, которого зовут Фиббером. Пойдем на площадку для игр: мне попадет, если меня застанут здесь.

II

Ночь обратила Панлейскую общину в черное пятно, мрачный тон которого мог бы соперничать своей чернотой с эбеновым деревом. Ни одной души не было на целую милю вокруг Монкриф Хауза. Дымовые трубы темной громады его жутко белели с той стороны, которая была озарена пробивающейся сквозь тучи луной. На сербристой серой черепице кровли от труб тянулись длинные тени. Молчание ночи только что было нарушено ударом колокола с отдаленной колокольни, оповестившего окрестность, что настала четверть первого, — когда из слухового окна вынырнула чья-то голова, и вслед за ней показалась целая человеческая фигурка, очевидно принадлежавшая мальчику. Высунувшись до плеч наружу, он поднял голову кверху и ухватился за перекладину, подерживавшую флюгер, прыгнул на крышу и стал осторожно красться вдоль ее ската. За ним тотчас же последовал другой мальчик.

Входные двери Монкриф Хауза находились на левом срезанном углу фасада. Они были построены в виде высокого портала с плоским карнизом, который служил балконом верхнего этажа. Стена одинаковой с порталом высоты непосредственно примыкала к фасаду дома и соприкасалась с другой стеной, которая окружала фруктовый сад, находившийся с левой стороны школы, между лужайкой и площадкой для игр. Добравшись по балюстраде крыши до края, примыкавшего к самому portalу, оба мальчика остановились и по длинной веревке спустили две пары башмаков на балкон. Благополучно пристроив башмаки, их владельцы кинули им вслед веревку, а сами вернулись в дом через слуховое окно. Спустя ми-

нуту они вновь появились на балконе, обулись и поползли по стене в сторону фруктового сада. Добравшись до середины стены, мальчик, бывший сзади, громко шепнул товарищу:

— Послушай, Кэш!

— Молчи! — гневным шепотом ответил тот. — Что случилось?

— Ничего. Я рад, что мы еще раз заберемся под грушу Монкрифовой матери. Вот и все.

— Дурак, ведь на ней теперь нет плодов.

— Знаю. Но все же мы теперь в последний раз проберемся туда. Разве это не славная штучка?

— Если ты не замолчишь, то это будет, наверное, последний раз, потому что нас накроют. Ползи!

Кэшель тем временем достиг противоположного края стены и спрыгнул на землю за пределы Монкрифовых владений. Джулли затаил дыхание, встревоженный шумом, произведенным прыжком товарища. Успокоившись, он шепотом спросил, все ли обошлось благополучно.

— Да, — нетерпеливо ответил Кэшель. — Спускайся же попроворней и не шуми.

Джулли повиновался. Но, занятый одной мыслью не нашуметь и не разбудить доктора, он не искал подходящей опоры для ноги и повис в самом беспомощном положении.

— Эх, — виновато произнес он, оглядываясь на Кэшеля, — тут совсем не за что зацепиться.

— Прыгай, говорят тебе. Что за медведь! Живей, а то я не стану ждать тебя.

— Скажите пожалуйста, — обиженно возразил Джулли. — Бьюсь об заклад, что раньше тебя буду на перекрестке. Пойди, дерни за звонок у дверей. Они все равно не догонят нас.

— Да, — иронически произнес Кэшель. — Это было бы действительно умно — дернуть за звонок. А теперь бежим.

Через несколько минут они задыхаясь добежали до перекрестка на большой дороге. Тут по их плану им следовало бы разойтись. Джулли пустится на север, в Шотландию, где его дядя, лесничий, наверное, даст ему убежище. А Кэшель направится к морю и, может быть, делается пиратом, причем, несомненно, облагородит это отважное ремесло отважными подвигами.

Кэшель, дав товарищу время отдышаться, сказал:

— Теперь, дружище, пришло время расстаться.

План бегства, казавшийся таким привлекательным в мечтах, пришелся вдруг не по душе Джулли. Помолчав минуту, он робко предложил:

— Я лучше пойду с тобой, Кэшель. Ну ее совсем, Шотландию!

Но Кэшель не согласился.

— Нет, это не годится. Я пойду слишком скоро, тебе не успеть за мной. Да ты и недостаточно силен, чтобы стать моряком. Матросы, милый мой, крепки, как железо, и то им приходится туго на море.

— Ну, тогда пойди ты со мной,— жалобно попросил Джулли.— Мой дядя ничего не будет иметь против этого. Он славный малый. И, знаешь, там пропасть дичи.

— Это все хорошо для тебя, Джулли. Но я не знаю твоего дяди и не хочу зависеть от его милостей. Кроме того, нас легче могут накрыть, если мы пойдем вдвоем. Мне, конечно, было бы приятнее не разлучаться с тобою. Но это невозможно: я уверен, что нас накроют. Прощай!

— Подожди минутку,— в последний раз попытался Джулли изменить предначертания друга.— Предположи, что им удастся отыскать нас. Нам будет легче бороться с ними, если мы будем вдвоем.

— Пустяки,— решительно возразил Кэшель,— это все мальчишеские глупости. Они пошлют за нами не меньше шести полисменов. Даже в лучшем случае я не могу победить больше двух, если они нападут вместе, а тебе не справиться и с одним. Отправляйся и не подходи близко к железнодорожным станциям. Тогда ты благополучно доберешься до Шотландии. Мы только даром теряем тут время. Я ухожу. Прощай!

Джулли больше не настаивал.

— Прощай,— сказал он, нерешительно протягивая товарищу руку.— Желаю тебе успеха.

— Счастливого пути,— важно ответил Кэшель, крепко пожимая его руку.

Ему стало вдруг жалко оставлять Джулли одного.

— Я напишу тебе, как только будет что сообщить. Мне, знаешь, вряд ли удастся устроиться раньше, чем через несколько месяцев.

Напоследок он обнял Джулли и бодро зашагал по дороге, ведущей в селение Панлей. Джулли, грустно посмотрев ему вслед, пошел в сторону Шотландии.

Селение Панлей стоит на большой дороге и представляет собой единственную довольно широкую улицу, на одном конце которой старинный постоялый двор, на другом — современного стиля железнодорожная станция и мост, а между ними колодезь и скотный двор. Кэшель постоял некоторое время под тенью моста, прежде чем отважился вступить на освещенную луной улицу. Убедившись, что никого кругом не видно, он смело пошел вперед бодрым, но не очень быстрым шагом, так как сообразил, что все равно невозможно бежать до самой Испании. На беду Кэшеля по деревне проходил в это время еще кто-то. Это был мистер Уилсон, преподаватель математики в школе д-ра Монкрифа, возвращавшийся в этот вечер из театра. Мистер Уилсон полагал, что театр — сомнительное учреждение, куда порядочные и уважающие себя люди должны ходить лишь изредка и не слишком явно для всех. Только когда давали Шекспира, он решался посещать театр открыто. Любимой вещью его была «Как вам это понравится»: Розалинда в трико неизменно прельщала его гораздо сильнее, чем леди Макбет в ночном уборе. На этот раз он видел в этой роли известную актрису, приехавшую на гастроли в соседний город. После театра он заехал в Панлей, чтобы поужинать с приятелями, и теперь шел в Монкриф Хауз. Он был в расположении духа самом благоприятном для поимки удравшего школьника. Обычное горделивое сознание, что он слишком умен для своих учеников, проявлявшееся в том, что он резал их на экзаменах, усугублялось теперь воспоминанием ужина и проведенного в театре вечера.

Он заметил Кэшеля, когда тот подходил к колодезю, и сразу узнал его. Быстро поняв, в чем дело, он скрылся в тени изгороди и дождался там, пока мальчик не прошел мимо, почти касаясь его плечом. Он тогда выскочил из своей засады и схватил беглеца сзади за воротник куртки.

— Прекрасно, сэр,— произнес он.— Что вы поделяете здесь в такой поздний час? А?

Кэшель, краснея и бледнея поочередно, смотрел на него с ужасом и не мог произнести ни одного звука.

— Идите за мной! — сказал Уилсон строго.

Кэшель позволил вести себя за рукав шагов двадцать, но потом остановился и заплакал.

— Мне незачем идти назад,— сказал он.— Я никогда не делал ничего хорошего в вашей школе.

— Не могу этого опровергнуть,— с величественным сарказмом ответил Уилсон.— Но мы постараемся, чтобы в будущем вы поступали лучше.

С этими словами он снова потащил за собой мальчика. Кэшель, полный горечью унижения и стыда за свои мечты, пытался упираться.

— Пожалуйста, не тащите меня,— с ненавистью в голосе сказал он.— Я могу идти и без этого.

Но учитель только крепче сжал руку и толкнул юношу вперед.

— Я не убегу, сэр,— уже миролюбиво сказал Кэшель, сдерживая новые слезы.— Отпустите меня,— опять попросил он дрожащим голосом, стараясь повернуться лицом к своему врагу.

Но Уилсон не переставал толкать Кэшеля перед собой, не выпуская его рукава из своей крепко сжатой руки.

— Отпустите же меня, наконец! — вспыхнул мальчик.

— Пожалуйста, без глупостей, Байрон,— с оскорбительным спокойствием ответил учитель.— Извольте идти вперед, сэр.

Кэшель вдруг быстрым движением сбросил с себя куртку, освободившись таким образом от своего мучителя, и с лицом, искаженным ненавистью и обидой, бросился на него со сжатыми кулаками. Уилсон получил ловкий удар снизу в подбородок, от которого он потерял сознание и, зашатавшись, упал ничком. Кэшель испугался, думая, что убил учителя, и стал тормошить его. Но Уилсон задвигался, чем успокоил Кэшеля и снова пробудил в нем ненависть. С подчеркнутой резкостью юноша вырвал из рук врага свою куртку и, процедив:

— Можешь теперь хвастаться, что видел, как я плачу,— побежал прочь.

Мистер Уилсон вскоре очнулся и почувствовал себя в состоянии встать, но ему не хотелось двигаться. Преувеличивая степень своей слабости, он начал стонать, надеясь, что к нему прибегут на помощь из деревни. Но прошло довольно много времени, и вместо участия и помощи подошли холод и скука. Ему пришло в голову, что, если полиция найдет его в таком положении, она примет его за пьяного. К тому же долг повелевал ему поднять тревогу для поимки беглеца. Он поднялся, но, почувствовав головокружение и озноб, решил, что его первойший долг — лечь в постель и предоставить д-ру Монкрифу

ловить своего непокорного воспитанника, как ему заблагорассудится.

В половине второго доктор Монкриф проснулся от стука в дверь своей спальни, за которой он нашел почтенного преподавателя математики — избитого, растерзанного и, как д-ру показалось, нетрезвого. Такое предположение длилось у доктора до тех пор, пока Уилсон, оправившись от волнения, не связал в толковый рассказ всех перипетий своего ночного приключения. Наконец доктор понял его и велел, разбудив воспитанников, произвестить переключку. Оказалось, что Байрон и Молесворт отсутствуют. Никто не видел, как они скрылись, никто ничего не знал о том, как им удалось выйти из дома. Один из младших мальчиков сделал робкое предположение, что они выбрались через каминную трубу. Но, заметив угрожающие намеки некоторых старших воспитанников, очевидно тайных любителей докторских фруктов, не решился настаивать и принужден был выслушать от доктора наставление за легкомысленность и нелепость своих суждений. Было уже около трех часов ночи, когда тревога дошла до деревни, но власти заявили, что не беспокоят себя до утра. Доктор, убежденный, что Кэшель убежал к матери, решил, что розыски его излишни, и ограничился тем, что написал госпоже Байрон письмо, в котором сообщал о дерзком поступке ее сына по отношению к мистеру Уилсону и выражал сожаление о невозможности дальнейшего пребывания мистера Байрона в его учебном заведении.

Все старания были направлены к розыску Молесворта, так как из рассказа мистера Уилсона явствовало, что он расстался с Кэшелем, еще не доходя до деревни. Сведения о Джулли были вскоре получены. Крестьяне со всех концов сообщали, что видели малого, «который, наверное, был он самый». Поиски прекратились к пяти часам вечера, когда сам Джулли возвратился в школу, пристыженный и раскаявшийся. Расставшись с Кэшелем и пройдя две мили, он испугался и решил вернуться. Но на полпути устыдился своей трусости и стал вновь удаляться от Панлея. В восьми милях от Монкриф Хауза, чтобы сократить путь, он пошел по проселку и заблудился. Проплутав до утра, он встретил наконец какую-то женщину, работающую в поле, спросил у нее кратчайший путь в Шотландию. Но она не знала даже, что такое Шотландия. Когда же он просил указать ему дорогу в

Панлей, она отнеслась к нему в высшей степени подозрительно и натравила на него свою собаку. Это так испугало Молесворта, что он уже не решался больше обращаться к встречным. Держа путь по солнцу, он шел то в Шотландию, то опять в сторону Панлея, смотря по степени бодрости своего духа. Наконец, обессилев от голода, усталости и отчаяния, он решил из последних сил, не меняя уже направления, добраться до Монкриф Хауза. Кое-как дотащился он до Панлея и явился с повинной к доктору, который пригрозил ему немедленным исключением из школы. Джулли был страшно огорчен перспективой принудительного расставания с тем местом, откуда несколько часов назад бежал по своей воле. Он смиренно попросил доктора наложить на него другое наказание. Начальство снизошло к его просьбе. После длинной и торжественной речи в присутствии остальных школьников, в которой указывалось, что Джулли был совращен дурным примером, но выказал искреннее раскаяние, вернувшись назад, а главное — не участвовал в дерзком нападении на многоуважаемого мистера Уилсона, которому грозят теперь все гибельные последствия сотрясения мозга, доктор согласился поверить Джулли в его желании исправиться и простил его. Джулли решил на первое время, для улучшения своего положения, представиться прилежным и послушным учеником; но похвалы, доверие старших и самоудовлетворение так прельстили его, что он остался таким до самого конца своего учения. Он сумел при этом не лишиться любви своих товарищей, так как при всяком удобном случае убеждал их, что его видимое исправление — только ловкий обман против общего врага — старого Монка.

Миссис Байрон получила письмо доктора Монкрифа в то самое время, когда собиралась выйти из дому, и, не приписывая ему большого значения, оставила письмо непрочитанным до более досужего часа. Она бы и совсем забыла о нем, если бы не второе письмо, пришедшее через два дня. Узнав о пропаже сына, она немедленно поехала в Монкриф Хауз и наговорила доктору столько неприятных вещей, скольких он, пожалуй, не слышал за всю свою жизнь. Затем, извинившись в своей горячности, она со слезами просила помочь ей отыскать ее мальчика. Когда же он посоветовал ей объявить, что она вознаградит того, кто доставит ей сведения о сыне, она сначала с негодованием объявила, что не потратит и фар-

тинга на негодного мальчишку; затем заплакала, обвиняя себя в недостаточной заботливости и нежности к сыну; потом опять стала осыпать доктора упреками за жесткое, по ее мнению, обращение с Кэшелем и кончила тем, что обещала дать сто фунтов тому, кто приведет его обратно, но тут же заявила, что никогда в жизни не скажет сыну больше ни одного доброго слова. Доктор поспешил дать со своей стороны обещание поспособствовать розыскам. Он способен был в эту минуту пообещать все, что угодно, лишь бы избавиться от своей посетительницы. После некоторого совещания они остановились на награде в 50 фунтов. Но потому ли, что опасение судебного преследования за покушение на убийство Уилсона побуждало Кэшеля к особенной осторожности, или потому, что он уже успел покинуть Англию за те четыре дня, которые протекли со времени его бегства из школы до назначения награды, розыски ни к чему не привели, и доктор сообщил госпоже Байрон о неудаче. Она приятно удивила его чрезвычайно любезным письмом, в котором выражала свое огорчение и жалела, что не в силах высказать доктору всей благодарности за его хлопоты. На этом дело и кончилось.

III

В это время по ту сторону океана, в городе Мельбурне, в Австралии, над дверью одного невзрачного деревянного здания красовалась вывеска: «Гимназия и Военная школа». У входа за стеклом висел пожелтевший листок, доводивший до сведения проходивших мимо, что Нед Скин, бывший чемпион Англии и колоний, обучает джентльменов искусству самообороны. Были упомянуты также и часы, в которые мистер Скин при сотрудничестве опытных профессоров дает уроки танцев, салонных манер и гимнастики.

Однажды вечером какой-то человек сидел на простом кухонном стуле у порога этого дома и курил трубку. Рядом с ним лежал молоток. Он только что прибил к двери над ящиком для писем записку, на которой женским почерком было начертано: «Нужна мужская прислуга, могущая вести счета. Справиться здесь». Куривший был крепко сложен, и сразу бросался в глаза его широкий, плоский затылок. На его лице негра не было заметно

глаз, но зато сильно выделялись крупные зубы, которые почти никогда не скрывались за вечно раскрытыми в добродушно-хитрую улыбку губами. Сквозь темные, коротко стриженные волосы просвечивала кожа; бритый подбородок был туп, а переносица почти не выступала над общей плоскостью лица. Одним словом, нельзя было ничего возразить против его наружности. Она носила отпечаток крайнего добродушия, мало гармонизировавшего с чрезвычайной силой и крепостью его сложения, и указывала, что в трезвом и ничем не раздраженном состоянии это был спокойный и добрый малый. Ему было, по видимому, лет пятьдесят; на голове его красовалась соломенная шляпа, а сам он был одет в белый полотняный костюм.

Прежде чем он докурил свою трубку, записка над дверью привлекла внимание проходившего мимо юноши в матросской куртке и серых коротких штанах, из которых он явно вырос.

— Ищете занятия? — спросил экс-чемпион Англии и колоний.

Юноша покраснел и ответил:

— Да, я с удовольствием принялся бы за какое-нибудь дело.

Мистер Скин уставился на него с любопытством. Во время своего профессионального бродяжничества он прекрасно научился распознавать манеры и речь коренных англичан: он тотчас же узнал в юном матросе эмигранта из метрополии.

— Может быть, вы умеете порядочно писать? — спросил атлет после минуты раздумья.

— Я учился в школе, но недолго. Все же я умею вести двойную бухгалтерию.

— Двойная бухгалтерия! Что это такое?

— Это способ, каким ведутся торговые книги. Он называется двойным потому, что все вносится в книги два раза.

— Ну,— сказал Скин, недовольный такой сложностью системы,— с меня довольно и одного раза. Какое хотите жалованье?

— Не знаю,— нерешительно промолвил юноша.

— Не знаете, сколько сами хотите жалованья! — возмутился Скин.— Из вас выйдет мало толка в жизни.

— Я уже давно не получал жалованья, с тех пор, как много времени назад покинул Англию,— постарался оп-

равдать себя матрос, чтобы заслужить доверие нанимателя.— Жалованье мое тогда было очень маленькое.

— А много вы понимаете в том, что большое и что маленькое жалованье? Может быть, обладая такими обширными знаниями, вы умеете боксировать? А?

— Не думаю, чтобы я смог побороть вас,— ответил юноша, опять смутившись.

Скин засмеялся; тогда молодой матрос с почти детской общительностью рассказал, какие он видел настоящие кулачные бои в Англии. Похвастался и тем, что сам уложил одним ударом учителя, когда бежал из школы. Скин отнесся к этому с недоверием и всесторонне проэкзаменовал рассказчика относительно всех особенностей удара и его результатов, убедившись, в конце концов, что рассказ был правдив. Через четверть часа юный матрос так понравился экс-чемпиону, что он повел его в дом, взвесил его, измерил и дал пару боксерских перчаток, предложив показать на деле свое умение. Хотя юноша и заключил по внешнему виду боксера, что ему не справиться с таким атлетом, он смело бросился в атаку, в тот же миг получив удар в лицо левым кулаком противника, что оказалось мало приятным. Тогда он повел новую атаку против своего противника, но тут ему встретилось непреодолимое препятствие в правом локте Скина, который, в конце концов, отбросил его в противоположный угол комнаты, где юноша свалился с ног и сильно стукнулся головой о косяк двери. Неудача не обескуражила его. Быстро поднявшись, он предложил возобновить борьбу. Но Скин отказался. Ему настолько понравился новый знакомый, что он немедленно пообещал заняться его обучением и сделать из него человека.

Боксер позвал свою жену и представил ее новому знакомому как женщину выдающихся душевных качеств и утонченного воспитания. Молодой человек по всем признакам сразу узнал в ней обычный тип престарелой, захолустной учительницы танцев; но это не помешало ему обойтись с ней со всей почтительностью, на какую был способен, и этим возбудить в ней сочувствие похвалам, которыми осыпал его муж этой дамы. Юноша рассказал ей, как, бежав из школы, он попал в Ливерпуль, как бродил долго по гавани и как, наконец, ему удалось незамеченным пробраться на океанский пароход, отплывавший в Австралию. Как долго он страдал от голода и жажды, прежде чем решился обнаружить себя; как, не-

смотря на то, что он не умалчивал о своем бегстве, к нему стали хорошо относиться на корабле, лишь только он выказал охоту работать. И в доказательство того, что эта охота не покинула его и теперь, а также для того, чтобы показать свое умение моряка, он предложил госпоже Скин тотчас же, по морскому способу, вымыть пол ее квартиры. Это предложение окончательно убедило Скинов, слушавших без особого доверия его повествование, в порядочности и трудолюбии юноши, и тут же было решено, что он с сегодняшнего дня поселится у них, станет получать стол, квартиру и пять шиллингов карманных денег в неделю, за что будет исполнять обязанности слуги, заведующего хозяйством школы, писца и ученика мистера Скина, экс-чемпиона Англии и колоний.

Вскоре юноша убедился, что эти обязанности были не из легких. Школа была открыта с девяти утра до одиннадцати вечера, и любители спорта, посещавшие в это время школу, не только бесцеремонно давали ему всевозможные приказания, но также, чтобы разнообразить свои упражнения с неизменно непобедимым для них Скином, заставляли его вступать с ними в бой, причем беззастенчиво бросали его то вперед, то назад, перебрасывали через голову и продельвали над ним, как если бы он был неодушевленный предмет, все штуки, которые не удавались им по отношению к Скину. Маэстро ограничивался добродушным смехом, слишком занятый для того, чтобы исполнить данное обещание научить юношу искусству самообороны. Последнему предоставлено было самому извлекать посильную пользу из уроков, которые при нем ежедневно давались другим, и к концу месяца он стал уже так отделявать мельбурнских любителей бокса, что Скин был вынужден заметить ему:

— Вы стали не в меру бойки; с джентльменами следует обращаться более деликатно, предоставляя им иногда радости победы.

Кроме этих физических упражнений в его обязанности входило ведение приходно-расходных книг как по школе мистера Скина, так и по хозяйству госпожи Скин. Это было самой трудной из его обязанностей, так как он все еще писал крупным детским почерком, что сильно замедляло его работу. Когда же он стал помогать своему патрону в преподавании, счета пришли в беспорядок, и госпоже Скин пришлось по-прежнему заниматься ими, к большому удовольствию ее супруга, который усмотрел в

этом доказательство превосходства ее ума над окружающими. Вскоре наняли китайца для черных работ, а «новичок», как его стали звать, был произведен в помощники Скина по преподаванию и стал уважаемым лицом в школе.

Уже истекли девять месяцев его жизни у Скинов, во время которых восемнадцатилетний юноша развился в умелого боксера с крепкой рукой и верным глазом.

Был вечер. В школе оставались только Нед Скин, который, сняв сюртук, сидел на покое, дымя из своей трубки, и его молодой ученик, кончавший в комнате в верхнем этаже свой туалет, собираясь в театр. Спустившись вниз, юноша столкнулся со своим патроном.

— Прекрасно, сэр,— насмешливо заметил Скин,— вы очаровательно нарядились. Боже, даже перчатки! Но ведь они слишком малы для вас. Не вздумайте вступать в них с кем-нибудь в драку, иначе вывихнете себе кисти рук.

— Не опасайтесь за меня, я не дерусь с первым встречным,— ответил тот, смотря на часы. Убедившись, что еще рано, он сел за стол против Скина.

— Да,— подтвердил боксер.— Когда вы дорастете до настоящего бойца, вы не станете драться без порядочной платы за это удовольствие.

— Мне думается, что я вправе считать себя уже и сейчас профессиональным боксером,— гордо ответил юноша.— Не назывете же вы меня любителем!

— Пожалуй, что нет,— подтвердил Скин.— Но, милый мой, я не могу назвать настоящим бойцом того, кто еще ни разу не выступал на арене. Вы и сейчас изрядный кулачный боец, ловкий боец, скажу я. Но этого еще мало. Когда-нибудь мы соорудим для вас маленькое состязание и тогда посмотрим, что вы в состоянии сделать с серьезным противником.

— Я давно мечтаю надеть боевые перчатки,— смутившись, признался юноша.

— О, я знаю, что у вас львиное сердце.— одобрительно произнес Скин.

Но ученик слишком часто слышал этот комплимент в устах своего наставника, постоянно льстившего самолюбию учившихся у него джентльменов, желая искупить тем неумеренные потасовки, которыми он их награждал. Поэтому юноша недоверчиво посмотрел на него и недовольно промолчал.

— Пока вы давали урок капитану Ноблю.— продолжал Скин,— сюда приходил Сэм Дюскет из Милтауна. Сэм ведь недурной боец. Что вы думаете о нем?

— Я невысокого мнения о его искусстве. Он подкупен, как вы знаете.

— Это общий грех нашей профессии. Но об этом нечего говорить,— сурово заметил Скин.— Человек не становится менее умелым боксером от того, что он подкуплен. Сэм Дюскет побил Эбона Мюллей в двадцать минут.

— Да, Дюскет,— презрительно ответил ученик.— Но что такое Эбон Мюллей? Негр, старая развалина под шестьдесят лет, пьяный семь дней на неделе и продающий победу за стакан водки. Дюскет должен был бы побить его в двадцать секунд. Дюскет не знает хороших приемов.

— Не знает, это верно,— согласился Нед.— Но у него сноровка хорошего бойца.

— Э, старая история! Если кто-нибудь порядочно боксирует, про него говорят, что он знает приемы, но недостаточно тренирован. А когда малый не умеет отличить правой руки от левой, его хвалят и говорят, что, хотя он и не учен, обладает хорошей сноровкой.

Скин со скрытым уважением посмотрел на своего ученика, замечания и слова которого часто казались ему равными по мудрости мыслям самой госпожи Скин.

— Сэм, действительно, говорил сегодня что-то в этом роде. Он говорил, что вы молокосос и что он живо разделался бы с вами, если бы пришлось встретиться на арене.

Ученик свистнул.

— Я хотел бы услышать, как Сэм Дюскет говорил это,— сказал он угрожающе.

— А что бы вы сделали ему? — подмигнул Нед.

— Ему бы не поздоровилось, ручаюсь вам за это.

— Ну, скорее уж, он проглотил бы вас.

— Он охотно бы так поступил, если бы мог. Он с удовольствием проглотил бы и вас, если бы ему удалось только насыпать вам соли на хвост. А хвастается он потому, что у меня нет денег, пятидесяти фунтов залога, которые Сэм требует в качестве приза за победу, если она будет на его стороне.

— «Нет денег»! — возмутился Скин.— Раньше середины завтрашнего дня будут пятьдесят фунтов у человека, за которого я ручаюсь. Надо же юноше когда-нибудь

начинать! Моя первая битва на Тозмском поле шла, впрочем, всего на пять шиллингов, и я был горд, что выиграл ее. Я вовсе не хочу, чтобы вы непременно дрались с Сэмом Дюскетом, но не говорите, что у вас нет денег. Для того, чтобы добыть их, достаточно, чтобы Нед Скин указал на вас и заявил: вот человек, за которого Нед Скин ручается!

Ученик колебался.

— Полагаете ли вы, Нед, что я должен вызвать его? — спросил он.

— Это меня не касается, — почему-то рассердился Скин. — Я знаю, как поступил бы в ваши годы. Но, может быть, вам следует быть благоразумным. Скажу вам откровенно, мне не очень-то хотелось бы видеть вас побежденным таким противником, как Сэм Дюскет.

— Согласитесь ли вы помочь мне тренироваться, если я вызову его? — спросил юноша.

— Соглашусь ли я! — в восторге прокричал Нед. — Я не только буду тренировать вас, но дам вам деньги. И вы будете победителем, клянусь вам святым Георгием.

— Тогда, — радостно воскликнул ученик, — я вызову его! И, если одержу победу, вы принуждены будете в своем объявлении называть меня чемпионом колоний.

— Непременно сделаю это, — торжественно пообещал Скин. — Нечего откладывать. Начнем тренировку завтра же.

Это было первое профессиональное выступление Кэшея Байрона.



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Уилстокен Кастл был старинной постройки замок, представлявший собою четырехугольное здание с круглыми бастionsами по углам. Бастionsы заканчивались высокими, тонкими башенками, тянувшимися к небу, как турецкие минареты. Фасад замка, выходявший на юго-запад, был прорезан мавританской аркой, прикрывавшейся стеклянною дверью, которую на всякий случай защищала железная решетка фантастического рисунка. Над аркой высоко, до самой кровли, вздымался портик, увенчанный широкой нишей, в которой стояло черное мраморное изваяние египетской работы, сумрачно сверкавшее на полуденном солнце. Внизу у самой земли раскинулась итальянская терраса с огромными каменными слонами по обеим сторонам балюстрады. Окна верхнего этажа были, как и выходная арка, мавританского стиля. Окна же нижнего этажа представляли собою четырехугольные отверстия, заделанные тяжелыми решетками и напоминавшие о суровом средневековье. Непосвященные считали замок красивым и величественным, но знатоки архитектуры осуждали в нем непозволительно грубое смешение эпох и стилей. Замок стоял на возвышенности среди волнообразной лесистой местности. Вокруг него на тридцати акрах был разбит парк. В полумиле к югу от замка лежал городишко Уилстокен, в который из Лондона по железной дороге можно было доехать в два часа.

Большая часть населения Уилстокена симпатизировала консерваторам. Уилстокенцы боялись и не любили обитателей замка, и в то же время многие из них охотно зарезали бы с полдюжины своих лучших друзей, лишь бы добиться приглашения на обед или хотя бы ответного поклона на глазах у сограждан от мисс Лидии Кэру*, которая, осиротев, стала единственной владелицей замка. Мисс Кэру была замечательной личностью. Обладательница большого богатства, она унаследовала этот замок от своей тетки, которая полагала, что богатство племянни-

цы, состоявшее в железнодорожных и каменноугольных акциях, не будет иметь достаточно благородного облика, пока к нему не присоединятся поместья и замок. Мисс Лидия получила много таких наследств от своих многочисленных дядей и теток, презиравших и ненавидевших бедных родственников, и теперь, к двадцати пяти годам, она увидела в своих руках огромное состояние, приносящее ежегодный доход, равный годовому заработку пятисот хороших рабочих. Но она мало думала об этой стороне своих наследств и нисколько не беспокоилась о нарушенной справедливости. Кроме несомненных преимуществ положения независимой и богатой женщины, у нее была еще репутация широко образованной и прекрасно воспитанной девушки. В Уилстокене говорили, будто она знает сорок восемь живых языков и все мертвые; умеет играть на всех известных людям музыкальных инструментах; одарена талантами поэтессы и художницы. Может быть, все это было и правда, по крайней мере уилстокенцы не ошибались в том, что мисс Кэру знала больше, чем они. В ранней молодости она много путешествовала с отцом, человеком очень деятельного ума и плохого пищеварения, любителем специальных наук, просвещения вообще и в особенности изящных искусств. Он даже был не чужд писательству, и после него остались несколько книг, главным образом о Ренессансе, благодаря которым он добился репутации распространителя сведений, полезных для туристов. Его книги свидетельствовали о некоторой начитанности, а также о многочисленности совершенных им путешествий и обнаруживали многосторонний, даже философический склад ума их автора. Во всех этих качествах, кроме последнего, дочь не отставала от отца, пожалуй, даже превосходила его. Посвящая свое время непрестанному лечению и ученым занятиям, которые увеличивали раздражительность его от природы тяжелого характера, отец дал ей суровое воспитание, заставляя с ранних лет изучать в подлиннике греческих и немецких мыслителей и переводить их на родной язык.

Когда Лидия достигла совершеннолетия, здоровье ее отца серьезно пошатнулось. Он стал больше нуждаться в ней, и она быстро поняла, что его деспотические притязания на ее жизнь еще увеличатся. Однажды, живя с отцом в Неаполе, Лидия организовала прогулку верхом с

компанией своих друзей. Незадолго до часа, назначенного для отправления, мистер Кэру потребовал от дочери сделать для него перевод большого отрывка из Лессинга*. Лидия, уже давно с горечью ощущавшая иго отцовской власти, простояла некоторое время с расстроенным видом, прежде чем ответить отцу согласием. Кэру заметил это и ничего не сказал дочери, но велел позвать слугу, которому Лидия поручила отнести ожидавшим ее друзьям письмо с извинением за отсутствие. Взяв у слуги письмо, он прочел его и вошел в кабинет дочери, которая уже сидела над переводом.

— Лидия, — сказал он с каким-то колебанием, которое Лидия приписала бы притворству, если бы смела допустить такую мысль по отношению к своему отцу. — Я не желаю, чтобы ты когда-либо откладывала свои дела ради каких-то литературных пустяков.

Столь необычные в устах ее отца слова поразили Лидию. Почти не понимая их, она смотрела на него в безмолвном смущении.

— Для меня гораздо важнее, чтобы ты весело проводила время, чем то, чтобы моя книга подвинулась вперед. Поезжай!

Лидия, немного поколебавшись, отложила перо и сказала:

— Я не могу радоваться верховой езде, если буду знать, что не исполнила чего-нибудь для вас.

— А я не смогу радоваться тому, что ты делаешь для меня, если буду знать, что ты приносишь ради этого в жертву свои удовольствия. Еще раз — я предпочитаю, чтобы ты поехала.

Лидия молча повиновалась. Ей показалось, что следовало бы поцеловать отца; но они оба были так непривычны к изъявлениям нежности, что дочь не решалась выполнить своего намерения. До самого вечера продолжалась прогулка, во время которой Лидия передумывала свои поздно возмущившиеся против отцовского деспотизма мысли. Вернувшись домой, она dokonчила перевод.

С тех пор в молодой девушке непрерывно росло сознание внутренних сил, незаметно накопленных ею в длинные годы юности, протекшей под самовластной опекой строгого и придирчивого отца. Она начала самостоятельно выбирать себе предметы занятий и решалась уже отстаивать против отцовского консерватизма собственные

художественные вкусы, склонявшиеся к новым направлениям в музыке и живописи. Неожиданно для нее отец одобрил в ней ее самостоятельность и потребовал, чтобы она считалась с его мнениями лишь постольку, поскольку считается с суждениями остальных критиков его лагеря. Он был достаточно умен, чтобы отнестись именно так к эмансипации дочери. После этого отношения их стали более сердечными.

Однажды Лидия призналась отцу, что в спорах с ним она неизменно ощущает радость от сознания, что в конце концов он всегда прав. Он строго ответил:

— Это радует меня, Лидия, потому, что я верю твоим словам. Но такие вещи лучше оставлять невысказанными. Лучше оставить при себе искреннюю похвалу, чем подвергать себя подозрению в лживости.

Вскоре после этого разговора Лидия, по своему желанию, провела сезон в Лондоне, где вращалась в лучших кругах светского общества, которое произвело на нее впечатление храма, где обожествлялось богатство, и рынка, где торговали девственностью. Присмотревшись внимательно к этому культу и этой торговле, она нашла их глубоко неинтересными, и единственное, что заняло ее, это типично английская манера, сквозившая в каждом штрихе лондонской светской жизни. Но скоро новизна этих впечатлений притупилась. Ее особенно стало тяготить и смущать вначале совсем для нее непонятное, аффектированное отношение, которое она помимо своей воли возбуждала в окружающих ее женщинах. Ей было нетрудно удержать на почтительном от себя расстоянии юных взбалмошных дев. Но старые женщины, в особенности две тетки, которые во времена ее детства не оказывали ей ровно никакого внимания, стали теперь преследовать ее нежностями, уговорами бросить отца и навсегда поселиться с ними. Холодность, порой даже резкость ее отказов не охлаждали их пыла, так что ей пришлось, чтобы избавиться от их назойливых притязаний, покинуть Лондон. Вместе с отцом она опять переехала на материк и прекратила всякие письменные сношения с лондонским обществом. Тетки довели до ее сведения, что они глубоко оскорблены и уязвлены ею. Лидия была названа неблагодарной и невоспитанной, но после смерти этих двух теток оказалось, что они обе завещали ей свои состояния.

Первое событие в жизни, глубоко потрясшее ее, была смерть отца. Это случилось в Авиньоне. Ей шел тогда двадцать пятый год. Мистер Кэру умирал в полном сознании, и все же перед смертью между ним и дочерью не произошло никаких трогательных сцен. В вечер рокового исхода больной чувствовал себя хорошо и потребовал, чтобы дочь у его изголовья читала ему вслух какую-то вновь вышедшую книгу. Он, как ей казалось, внимательно слушал ее чтение, когда вдруг приподнялся на локти и спокойно произнес: «Лидия, мое сердце, кажется, перестает биться, прощай!» — после чего тотчас же умер.

Для дочери были очень тягостны суэта и волнение, поднявшиеся вокруг нее после этой смерти. Все выражали ей неумеренное сочувствие ее горю. Она же оставалась внешне спокойной и не выказывала ни благодарности окружающим ее, ни намерения вести себя так, как это в таких случаях принято.

Родственники мистера Кэру остались очень недовольны его завещанием. Документ этот оказался очень кратким, содержащим всего несколько строк, в которых все имущество покойного передавалось его дорогой и единственной дочери. Однако он, кроме того, лично передал Лидии часть своей посмертной воли. Большое возмущение среди родни вызвало, между прочим, его распоряжение, чтобы тело его было отправлено в Милан и там сожжено в крематории.

Исполнив эту волю отца, Лидия вернулась в Англию, чтобы привести в порядок свои дела.

Ее приезд в качестве богатой невесты и независимой девушки вызвал много надежд в сердцах молодежи ее круга, но она начала с того, что озадачила своих поклонников необычайной для девушки ее лет и ее положения деловитостью и выдержкой. Покончив со своими делами, она вернулась в Авиньон, чтобы исполнить последнее распоряжение отца.

Среди посмертных бумаг его она нашла конверт с надписью, сделанною его рукою: «Письмо к Лидии. Прочти его на досуге, когда я и мои дела будут окончательно ликвидированы». Она решила прочесть это письмо в комнате, бывшей свидетельницей последних часов жизни ее отца.

Вот что отец писал ей:

«Дорогая моя Лидия!

Я принадлежу к числу разочарованных людей, которых среди нас гораздо больше, чем предполагают. Это письмо содержит признание в моем жизненном банкротстве. Лишь несколько лет назад я впервые понял, что, хотя я и страдаю от своих неудач в этом мире, мне незачем отражать свои настроения на твоей молодой жизни и что для меня остается последняя утешительная задача: быть для тебя хорошим отцом и полезным руководителем. Я почувствовал тогда, что ты не можешь вывести из всей нашей совместной жизни иного заключения, кроме того, что я, по своей эгоистичности, видел в тебе только своего переписчика и секретаря, и что у тебя нет иных обязанностей по отношению ко мне, кроме тех, какие может иметь раб по отношению к той власти, которая заставляет безрадостно работать его мышцы. Горькое сознание того, что я причинял тебе при жизни немало неприятностей своим деспотизмом и несправедливой требовательностью, вызывает во мне желание оправдаться перед тобой.

Я никогда не спрашивал тебя, помнишь ли ты свою мать. Если бы ты когда-нибудь нарушила установившееся у нас молчание о ней, я с радостным облегчением рассказал бы тебе то, что решаюсь сказать только теперь. Но какой-то мудрый инстинкт удерживал тебя от этого, и, пожалуй, лучше для тебя, что ты узнаешь о ней только теперь, когда уже не существует необходимости продолжать наше молчание. Если в тебе живет печаль, что ты так мало знала женщину, давшую тебе жизнь, то стряхни ее с себя без всякого сожаления. Это была жестокая, самовлюбленная женщина, которая не могла жить под одной кровлей ни с одним человеком, чтобы не замучить его,— ни с мужем, ни с ребенком своим, ни со слугой, ни с другом. Я говорю уже беспристрастно, даже бесстрастно, потому что много лет прошло с тех пор, как ненависть к ней вспыхнула в моем сердце, и давно уже это чувство угасло. Горечь воспоминания о ней так же спит во мне теперь, когда я пишу это письмо, как будет она спать вечным сном тогда, когда ты станешь читать его. Я недавно еще с нежностью наблюдал черты твоего лица и характера, которые ты унаследовала от нее, так что могу с глубокой искренностью сказать, что еще ни-

когда, с тех пор как погибли мои мечты, ради которых я женился на твоей матери, не чувствовал я себя таким примиренным с ее памятью. Во время нашей совместной жизни я делал для нее все лучшее, что было в моих силах, — она же платила мне всем злом, на которое была способна. Через шесть лет мы развелись. Я предоставил ей свободу рассказывать о причинах нашего развода все, что ей заблагорассудится, и обеспечил в материальном отношении ее судьбу гораздо лучше, чем она могла и была вправе рассчитывать. Этим я купил у нее отказ от всех прав на тебя и, на всякий случай, вместе с тобой, покинув Англию, поселился в Бельгии. До ее смерти мы ни разу не возвращались на родину, потому что я боялся, как бы она не воспользовалась распущенными ею же слухами о моем развратном поведении и моей открытой враждебности к официальной религии, чтобы начать судебное дело о своих правах на тебя. Мне трудно подробнее говорить о ней и жалею, что вообще вынужден был упомянуть ее имя.

Я хочу пояснить здесь, что побуждало меня взять тебя у матери. Это не было естественной привязанностью отца: тогда я еще не любил тебя — порождение ненавистной мне женщины; к тому же я знал, что ты будешь в твои детские годы бременем для меня. Но, дав тебе жизнь и затем порвав свои обязательства по отношению к твоей матери, я слишком живо чувствовал свою обязанность: не дать моей ошибке горестно отразиться на твоей жизни. Я был бы счастлив тогда, если бы мог поверить, что женщина, бывшая моей женой, будет для тебя хорошей матерью и воспитательницей; но противоположное было слишком очевидно, и я положил все силы своего ума и воли на то, чтобы исполнить свои обязанности перед тобой. С течением времени, по мере того как ты подрастала, ты становилась полезной мне в моих занятиях, и, как ты это знаешь, я заставлял тебя работать без сожаления, но зато не без мысли о твоей собственной пользе. Я всегда держал секретаря для той работы, которую считал чисто механической, и никогда не обременял тебя ею. Без колебания могу заявить, что никогда не обременял тебя работой, не имевшей воспитательного или образовательного значения для тебя же. Я часто боялся, что часы, проводимые тобой над моими денежными делами, были тебе очень тягостны, но мне нет нужды

теперь оправдываться в этом перед тобой. Ты уже по собственному опыту знаешь, как необходимо знание этой стороны жизни обладательнице большого состояния.

В долгие годы твоего детства и ранней юности ты была в моих глазах лишь доброй девочкой, которую невежды называли чудом образованности и воспитания. В условиях, которые я для тебя создал, всякое дитя было бы таким же. Но мало-помалу, созерцая твою молодую жизнь, протекавшую так близко от моей, я выносил от нее ту светлую радость, которой не мог найти в созерцании самого себя. Я не умел во всю свою жизнь, не умею и теперь высказать силу своей привязанности к тебе, моя дочь, не смогу передать в словах и торжества, испытываемого мной, когда я почувствовал, как то, что я принял в качестве тяжелой, неблагодарной обязанности, стало живой водой, обновившей мою жизнь. Свою литературную работу, которая поглотила так много и твоего труда, я стал ценить лишь постольку, поскольку она служила тебе материалом для приобретения знаний, и ты будешь вполне справедлива к моим научным занятиям, если признаешь, что, хотя я и перебрал большие кучи песка, я не отыскал скрытых в них крупинок золота. Я прошу тебя только вспомнить, когда это суждение оформится в твоём уме, что я начал выполнять свой долг по отношению к тебе тогда, когда он не обещал мне еще никаких радостей, и я даже не смел надеяться на результаты своих трудов. И когда друзья твоей матери, которых ты, может быть, встретишь в предстоящей тебе длинной жизни, расскажут тебе о том, как я изменил своим обязанностям по отношению к ней (о чем так любят говорить люди), то ты, быть может, найдешь для меня оправдание в том, что я сумел зато дать тебе возможность и средства войти в жизнь не беззащитной девушкой, а человеком, вооруженным знаниями и дисциплинированным умом.

Твое будущее не беспокоит меня, хотя я много и подолгу думал о нем. Боюсь только, как бы ты не пришла скоро к заключению, что жизнь нашего круга не представляет поприща для деятельности образованной и умной женщины. В молодости моей, когда я не мог обойтись без общества сверстников, я не раз пытался забыть приобретения культуры человеческого духа, забыть свои убеждения, приобрести взгляды, принятые среди того общества, которое по моему рождению и воспитанию

должно было стать моим, чтобы ужиться в нем. Но эта попытка принесла мне больше горя, чем все остальные ошибки, совершенные мною в жизни. Легче стать медведем среди медведей, чем остаться человеком среди людей. Ужиться с ними можно лишь ценою отказа от самого себя, а жить вне самого себя — значит умереть еще при жизни. Берегись, Лидия! Не поддавайся искушению приспособиться к людям ценою нравственного самоубийства!

Когда-нибудь, я надеюсь на это, ты выйдешь замуж. При этом тебе представится возможность совершить роковую ошибку, от которой не могут предостеречь тебя ни мои теперешние советы, ни твоя собственная чуткость. Я думаю, что ты не легко и не скоро найдешь человека, способного удовлетворить в тебе свойственную твоему полу потребность освобождения от ответственности за собственную жизнь. Если твой выбор, тем не менее, будет ошибочен, вспомни тогда о своем отце, несчастный брак которого и разочарование в жене были, в конце концов, единственным событием его жизни, доставившим ему счастье на ее склоне. Позволь мне также предостеречь тебя от грозящего тебе, как богатой невесте, заблуждения, будто ты можешь найти себе достойного супруга только среди таких же богатых мужчин, по своему богатству свободных от подозрения в стремлении жениться на деньгах. Ведь пошлый авантюрист, надеюсь, не сможет увлечь тебя, а воистину хорошие люди скорее испугаются твоего богатства, чем соблазнятся им. Единственный род людей, от которых я хотел бы предостеречь тебя всеми силами, это тот, к какому, кажется, я сам принадлежу. Не поддавайся заблуждению, что мужчина будет для тебя внимательным и любящим другом оттого, что он образован, начитан и наделен критическим умом; что он так же глубоко, как и ты, переживает впечатления прекрасного, оттого, что согласен с твоими определениями художественных направлений, школ и дворцов; или что у него одинаковые с тобою вкусы и что он одинаково с тобой понимает слова, мысли и творения любимых тобою авторов, оттого, что тоже предпочитает их перед другими. Остерегайся людей, которые больше читают и размышляют, чем действуют, берегись тех, кто больше склонен к пассивной мысли, чем к активной работе. Не забывай, что женщина тем несчастнее, чем

больше времени муж проводит дома. Берегись художников, поэтов, музыкантов, вообще служителей искусства всякого рода, кроме истинно великих. Не верь им: они плохие мужья и отцы. Удовлетворенный собой работник, хорошо выполняющий свое дело,— кем бы он ни был: государственным канцлером или пахарем,— вот кто может дать тебе, пожалуй, счастье, потому что из всех разрядов людей, которых я встречал в жизни, этот был еще более других выносим.

Но довольно советов. Чем больше я размышляю о них, тем яснее становится для меня их тщетность.

Ты, вероятно, будешь дивиться тому, что я никогда не заговаривал с тобой о вещах, которым посвятил это письмо. Верь мне, дитя мое, что меня часто терзала потребность высказать тебе все это, но моя природная замкнутость отнимала у меня нужные слова. Я чувствую, что написал эти строки только для того, чтобы выразить тебе хоть раз в жизни, какой горячей привязанностью к тебе было полно мое сердце. Предрассудки холодного ума и робкая стыдливость, запрещающие человеку обнаружить, что он нечто большее, чем образованный и мыслящий камень, мешали мне раскрыть перед тобой свое сердце. Но теперь, когда уверенность, что уже никакие впечатления от меня не придут разрушить твою веру в правдивость этих моих слов,— последних слов моей жизни,— я решаюсь их высказать.

Я вижу, что наговорил слишком много, и в то же время чувствую, что далеко не сказал всего. Это письмо было для меня трудной задачей. Несмотря на опытность своего пера, я никогда еще не чувствовал, как мало способно оно передавать мои мысли и чувства...»

Тут письмо обрывалось. Ему не суждено было дойти до конца.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В мае месяце, через семь лет после бегства обоих мальчиков из Монкриф Хауза, одна молодая женщина сидела в тени кедрового дерева посреди лужайки, сверкавшей на солнце своей юной зеленью. Она избегала солнца, потому что дорожила жемчужно-бледным цветом

своего лица. Это была маленькая изящная девушка, с немного чувственными линиями тонких губ и ноздрей, с серыми глазами, над которыми спокойными легкими дугами изгибались тонкие брови, и с огненно-золотой копной прекрасных волос, наполовину скрытых широкополой соломенной шляпой. Платье из индийского муслина с короткими рукавами, обнажавшими до локтей белизну выточенных рук, благородно очерчивало ее плечи, на которые был накинут пушистый белый шарф, образовавший уютное гнездышко вокруг шеи. Казалось, что она вся погружена в чтение небольшого томика в изящном переплете из слоновой кости — миниатюрное издание гетевского «Фауста».

Когда солнце спустилось к закату и яркий дневной свет стал понемногу угасать, девушка закрыла книгу и продолжала неподвижно сидеть, погружившись в свои думы и не обращая никакого внимания на прозаическую черную фигуру, двигавшуюся поперек лужайки по направлению к ней. Это был молодой человек, одетый в изящный черный сюртук. В его наружности заметно преобладали темные цвета, а общее выражение лица и фигуры было сдержанно, почти сурово.

— Вы собираетесь уезжать так рано, Люциан? — обратилась она к подошедшему.

Люциан внимательно посмотрел на нее. Его имя, только что произнесенное ею, всякий раз поражало его в устах девушки. Он любил вдумываться в причины вещей и объяснял себе эту странность необычайной тонкостью и изяществом ее произношения.

— Да, — ответил он. — Я уже покончил все дела и пришел побеседовать с вами, прежде чем проститься.

Он сел рядом с нею на принесенный с собою складной стул. Девушка сложила руки на коленях, приготовившись молчать.

— Во-первых, о вилле, — продолжал Люциан. — Она сдана только на один месяц. Таким образом, вы можете сообщить госпоже Гофф, что в начале июля вилла будет свободной, и она может к тому времени приехать, если только ее общество вам приятно. Надеюсь все же, что вы не поступите так безрассудно.

Она улыбнулась.

— А что за господа снимают сейчас эту виллу? Я слышала, будто они запрещают нашим работникам проходить по вязовой аллее мимо их окон.

— Они имеют на это право. Они сняли виллу с условием, чтобы никто посторонний не проходил по этой аллее. Я не знал еще тогда, что вы приедете в замок, иначе бы я не согласился на это.

— А я хотела бы, чтобы эта аллея была недоступна именно для них. Но пусть, по крайней мере, нашим работникам будет разрешено проходить по ней два раза в день: когда они идут на скотный двор и возвращаются оттуда.

— Ну, знаете ли, теперь это нелегко сделать. Молодой человек, снявший виллу, находится в особых условиях. Он приехал сюда поправлять свое здоровье, и ему предписаны врачами ежедневные физические упражнения на открытом воздухе. Он не может выносить посторонних взоров. Даже я ни разу не видел его. Он живет в совершенном одиночестве с одним только слугою. Ввиду этих особенных обстоятельств я согласился предоставить виллу в его исключительное пользование. Он платит за виллу такую цену, которой оплачивается эта привилегия, для него представляющая исключительную важность.

— А ваш молодой человек не сумасшедший?

— Это для нас, мне кажется, безразлично. Я удовлетворился, сдавая ему виллу, тем, что, по-видимому, это чистый и порядочный жилец,— с некоторою обидою ответил Люциан.— Его рекомендовал мне лорд Вортингтон, очень хорошо отозвавшийся о нем. Я высказал лорду это же подозрение, которое пришло вам только что в голову, но он в такой же степени ручался за здравомыслие нашего нанимателя, как и за его платежеспособность. Вортингтон даже предлагал снять виллу на свое имя и тем взять на себя ответственность за поведение рекомендованного им джентльмена. Вам нечего опасаться: это просто молодой ученый, растративший свое здоровье и нервы усиленными занятиями. Вероятно, он товарищ лорда Вортингтона по колледжу.

— Возможно. Но товарищей лорда Вортингтона я готова скорее заподозрить в усиленных кутежах, чем в усиленных занятиях.

— Вам не из-за чего беспокоиться, Лидия,— продолжал Люциан, обиженный насмешливым тоном молодой женщины.— Я воспользовался любезностью лорда Вортингтона и составил контракт на его имя.

— Я очень благодарна вам, Люциан, за вашу предусмотрительную осторожность. Сегодня же подтвержу ваше приказание, чтобы никто не проходил по вязовой аллее мимо виллы.

— Второе дело важнее,— продолжал Люциан,— потому что касается вас лично. Мисс Гофф согласна на ваше предложение. Но трудно, по-моему, найти для вас более неподходящей компаньонки или подружки,— как вы ее, кажется, называете.

— Почему же, Люциан?

— В сущности, по всему. Она моложе вас и потому не может быть достаточно приличной в глазах света охраной для вас при выездах. Она получила очень недостаточное образование, и все ее знание общества и светских обычаев почерпнуто на здешних общественных балах. Вы знаете, что она хороша собой и считается в Уилстокене красавицей. Это сделало ее мнительной и капризной, и боюсь, что она во зло использует вашу симпатию к ней.

— Разве она еще капризнее меня?

— Вы вовсе не капризны, Лидия, если не считать того, что вы редко слушаетесь благоразумных советов.

— Это потому, что я редко нахожу в них благоразумие. Итак, вы полагаете, что мне лучше пригласить профессиональную компаньонку из увядших, но благородных вдов, чем спасти эту девушку от неизбежности стать гувернанткой и начать увядать в двадцать три года?

— Необходимость иметь подходящую компаньонку и нравственный долг оказывать помощь бедным людям — совершенно ведь разные вещи, Лидия.

— С этим я согласна, Люциан. Но когда придет мисс Гофф?

— Сегодня вечером. Имейте в виду, что вы еще ничем не связаны по отношению к ней, и если вы предпочитаете иметь более подходящую компаньонку, вы можете принять ее просто, как обыкновенную посетительницу. На том дело и кончится. Я бы советовал вам пригласить ее старшую сестру. Впрочем, вряд ли она согласится оставить мать, которая еще не оправилась от потери мужа.

Лидия молча и рассеянно смотрела на маленький томик «Фауста», лежащий у нее на коленях и, казалось, думала о другом.

— Что вы сказали? — спросил Люциан, чтобы скрыть смущение от ее молчания.

Лидия подняла на него глаза.

— Ничего. Мне нечего вам сказать, — как бы не замечая его замешательства, ответила Лидия.

— В таком случае, — окончательно обиделся Люциан, — мне лучше уйти.

— Ну, полноте, Люциан, — с прежней невозмутимостью сказала девушка. — Я очень рада вашему обществу. Если два уилстокенских крестьянина подружились, то знаете, как они проявляют свою дружбу? По воскресеньям они сидят целыми часами рядом на одной лавке и не произносят ни одного слова. Это гораздо естественнее и искреннее, чем паническая боязнь молчания, которая владеет всяким человеком, имеющим несчастье принадлежать к нашему кругу.

— У вас всегда чудаческие мысли, Лидия. Крестьянин молчит совершенно так же, как его собака, и по тем же причинам.

— А разве общество собак не приятно?

Люциан промолчал, пожав плечами. Единственное отношение к женщинам, которое он признавал, было интеллектуальное общение, где он любил роль снисходящего к ним руководителя. Лидия же никогда не давала ему возможности войти в эту роль. Она почти никогда не спорила с ним, но он чувствовал, что она не соглашалась ни с одним из его мнений. А молчать в присутствии женщины, по примеру уилстокенских пахарей, ему было тяжело и неловко. К счастью, надо было спешить к поезду и можно было встать и проститься.

Она подала ему руку; когда он взял ее в свою, тень нежности мелькнула в его серых глазах. Но он сейчас же застегнул сюртук на все пуговицы и с непоколебимо серьезным видом удалился. Она проводила его взглядом, следя за тем, как лучи близкого к закату солнца золотили его шляпу, вздохнула и снова погрузилась в томик Гёте.

Но через несколько минут она почувствовала усталость от долгой неподвижности и пошла бродить по парку, вспоминая места, где играла в детстве, когда приезжала гостить к своей старой тетке. Она узнала огромный древний алтарь друидов, развалины которого сохранились в парке; в детские годы он напоминал ей гору Синай, нарисованную в книжке, по которой она училась священной истории. У болотца, в отдаленной части парка, она вспомнила, как бранила ее няня, когда она здесь

для забавы наполнила свои чулки болотной грязью. Наконец она вышла на прелестную поляну, по которой тянулась обложенная нежным дерном аллея и терялась в бесконечности спускавшихся сумерек. Это место понравилось ей больше всего, что она видела в своих владениях, и она стала уже мечтать о том, чтобы построить здесь беседку, когда с огорчением узнала в нем ту самую вязовую аллею, которая была отдана в исключительное пользование странному нанимателю виллы.

Молодая девушка быстро углубилась в рощу и засмеялась тому, что оказалась нарушительницей частных прав в своем собственном поместье. Она стала пробираться между деревьями, чтобы попасть на какую-нибудь дорожку, которая привела бы ее домой, потому что часовая прогулка утомила ее. Но места были ей незнакомы и она не знала, куда идти. Не видно было ни дороги, ни опушки. Наконец она заметила просвет среди деревьев и, направившись к нему, вышла на лужайку. На середине ее она увидела мужскую фигуру, показавшуюся ей сначала прекрасной статуей, но вскоре с неожиданным для себя удовольствием она узнала в ней живого человека.

Принять за статую мужчину девятнадцатого века, делающего предписанную ему врачом послеобеденную гимнастику на свежем воздухе, казалось бы непростительным невежеством в скульптуре. Но ошибка Лидии оправдалась малообычным зрелищем, которое ей представало: мужчина был одет в белую вязаную рубашку без рукавов и короткие штаны, обнажавшие ноги до колен. Его руки обнаруживали мускулатуру римского гладиатора. Сильная грудь, обрисовывавшаяся под покрывавшей ее тканью, казалась высеченной из мрамора. Короткие волнистые волосы в вечернем свете казались отлитыми из бронзы. У Лидии мелькнула мысль, что она подглядела тайну античного бога, живущего в ее лесу. Но очарование было разрушено, когда она приняла за небожителя другого человека, похожего на лакея, присутствие которого трудно было примирить с мыслью об олимпийце, и который смотрел на него, как лакей может смотреть на хорошую лошадь. Он первый заметил Лидию, и по тому, как он поглядел на нее, она поняла, что ее приход был здесь вовсе нежелателен. Но богоподобный юноша тоже увидел ее и совсем другое впечатление отразилось на нем: его губы раскрылись, щеки покрылись румянцем, и

он застыл в удивленном восхищении. Первым побуждением Лидии было поскорее спрятаться от их взоров, второе — извиниться за свою невольную нескромность. В конце концов она ничего не сказала и спокойно вернулась в лес.

Когда Лидия почувствовала себя скрытой от их взоров, она пустилась бежать, чтобы скорее удалиться от места встречи, которая оставила в ней какой-то странный осадок. Но вечер был жаркий, и бег скоро утомил ее; она остановилась и стала вслушиваться в чары лесной жизни. Ее окружали таинственные звуки ожившего от зимнего молчания леса: шумела молодая листва, трещали кузнечики, перекликались мелодичные голоса птиц. Ни один звук, обнаруживавший присутствие человека, не доносился до нее. Ей пришла мысль, что богоподобный юноша, которого она только что видела, был праксительский Гермес*, вызванный к жизни ее воображением, еще полным звука гётевского Шабаша, который она только что прочла. Образ лакея был, вероятно, одним из тех немногих несоответствий, которые характерны для сновидений и галлюцинаций. Вероятно, ее фантазия создала этот образ в связи со словами Люциана о слуге наемателя виллы. Она не могла допустить, чтобы величавое видение, представшее ей в роще, было на самом деле каким-то буквоедом, испортившим свое здоровье за книгами. Безотчетное чувство радости, охватившее ее при созерцании прекрасного видения, тоже доказывало, что это было не более, как создание ее воображения: в противном случае, ей, конечно, было бы только неприятно и стыдно, что она очутилась в положении соглядатая, малопристойном для девушки ее лет и положения.

Лидия вернулась домой в сильном нервном возбуждении. Она все еще была полна дуновением эллинской красоты, виденной ею в парке, которое она не допустила бы в свою девичью душу, если бы подозревала, что очаровавший ее образ юноши был соткан не ее воображением, а материальной природой, общей всем смертным. Но видение с такою реальностью вставало перед ее глазами, что она невольно спрашивала себя, не живой ли это был человек? И тут же быстро разубеждала себя в этом.

— Сударыня, — доложил ей на пороге прихожей один из слуг, — мисс Гофф приехала и дожидается вас в гостиной.

Гостиная уилстокенского замка была круглой комнатой с потолком в форме сводчатого купола, от которого спускались массивные прекрасной работы бронзовые люстры. Бронзовые инкрустации того же стиля, что и люстры, украшали низкую широкую тоже массивную мебель, покрытую кожей, тисненной японским рисунком. Стены были оклеены темно-синими обоями, с большими золотыми цветами. В этой безвкусной круглой комнате мисс Кэру застала молодую двадцатитрехлетнюю девушку с милым, открытым лицом, тонкой фигуркой и нежным пурпуром красивых губ. Ее свободная, не выражавшая никакого стеснения поза показывала, что она знала о своей привлекательности от многочисленных своих поклонников. О том же свидетельствовали тщательность ее туалета, изящество ее черного платья, безукоризненность перчаток, ботинок, шляпы. Тем не менее она была заметно взволнована необычностью своего положения.

— Здравствуйте, мисс Гофф. Извините, что заставила вас ждать. Я была на прогулке.

— Я очень недолго ждала вас,— ответила мисс Гофф, с завистью смотря на рыжий цвет волос Лидии, который, по ее мнению, был гораздо аристократичнее, чем плебейский темный цвет ее собственных волос. Она сдержанно ответила на пожатие протянутой ей руки и после некоторого раздумья относительно того, что предписывают ей теперь делать правила светских приличий, решила сесть. Мисс Кэру села против нее и внимательно стала вглядываться в свою гостью, которая сидела выпрямившись на своем кресле и, желая скрыть овладевшее ею смущение, против воли изобразила на лице натянутое высокомерие.

— Мисс Гофф,— обратилась к ней Лидия после некоторого молчания, сделавшего ее слова более выразительными.— Не откажетесь ли вы поселиться у меня на продолжительное время? В этом уединенном замке мне очень нужно общество приятельницы моих лет и моего круга. Я прежде всего подумала о вас.

— Вы очень любезны,— решительно ответила она,— но мое и ваше положение в обществе далеко не схожи, мисс Кэру. Я не имею возможности вести праздную жизнь. Мы ведь очень бедны, и я должна помогать матери своим заработком.

— Я думаю, мисс Гофф, что пребывание у меня не послужит вам препятствием к выполнению ваших обязанностей и добрых намерений. Я, может быть, заражу вас своими дорогостоящими привычками к роскоши. Но будьте уверены, что я дам вам также возможность удовлетворить их.

— Я бы не хотела привыкнуть к роскоши,— сказала грустно Алиса.— Мне ведь предстоит в будущем удовлетворяться очень скромными условиями.

— Это вовсе не так уж неизбежно, милая мисс Гофф. Скажите мне откровенно: чем вы думали добывать себе средства к жизни? Вероятно, преподаванием, не правда ли?

Алиса смущенно подтвердила это.

— Но вы вовсе не созданы для этого,— продолжала Лидия,— вы, наверное, скоро выйдете замуж. А будучи учительницей, вам вряд ли удастся заключить хороший и достойный вас брак. Наоборот, в качестве праздной женщины, с привычками к роскошной жизни, вы найдете гораздо более завидную партию. Это большое искусство — умение быть богатой, и искусство необходимое, если вы хотите выйти замуж за богатого человека.

— Я не собираюсь замуж,— сухо ответила Алиса. Она почувствовала, что уже время прекратить беззастенчивое вторжение этой аристократки в ее жизнь и ее мечты.— Если я приму ваше предложение поселиться в замке, то без всяких тайных расчетов, будьте в этом уверены.

— Это именно было то, в чем я была вполне уверена, дорогая мисс Гофф. Поселитесь у меня без задних мыслей, и, надеюсь, мы будем приятельницами.

— Но...— нерешительно начала Алиса, смущенная оборотом, который приняли их переговоры. Она скомкала какую-то фразу и ждала от Лидии более определенного указания на то, чего она от нее хочет. Но Лидия сказала то, что хотела сказать, и, очевидно, ждала, чтобы высказалась ее собеседница.

— Я не вполне поняла, мисс Кэру, какие обязанности хотели бы вы возложить на меня?

— Мои требования довольно велики,— с преувеличенной серьезностью ответила Лидия.— Я жду от вас гораздо большего, чем от простой профессиональной компаньонки.

— Но я смотрю на себя, как на профессиональную компаньонку,— возразила Алиса,— и хотела бы ею быть.

— Почему?

Алиса еще больше смутилась, и в ней поднялись досада и раздражение против собеседницы.

— Право, это трудно объяснить...

— Но вы не хотите этим, надеюсь, сказать, что отказываетесь от моего предложения,— спокойно прервала ее Лидия.— Чего вы боитесь, мисс Гофф? Вы будете совсем близко от своей семьи и сможете вернуться домой, как только будете недовольны мною.

Алиса испугалась, не уронила ли она своего достоинства какими-нибудь неловкими словами и неаристократическими манерами. Ее недоброжелательство к Лидии росло. Ей казалось, что в этом доме, где царят капризы богатой аристократки, ее воля и желания не будут ставиться ни во что. В ней мелькнуло подозрение,— она часто слышала толки о низости богатых людей,— что, в конце концов, она будет обманута в плате за свои труды. Но, не умея защититься от спокойного и уверенного тона мисс Кэру, она проговорила первое, что ей пришло в голову:

— Мне нужно некоторое время для размышлений.

— Время для того, чтобы освоиться со мною, не правда ли? Хорошо. Окончательный свой ответ вы можете отложить на какой вам угодно срок.

— Я сообщу вам свое решение завтра,— уже совсем официально проговорила Алиса.

— Прекрасно, благодарю вас. Я пошлю со слугою записку к госпоже Гофф и предупрежу ее, чтобы она не ждала вас раньше завтрашнего дня.

— Нет... вы не так поняли... Я не предполагала так сразу остаться здесь...— растерянно комкала слова Алиса, чувствуя себя запутавшейся в сетях, расставленных Лидией.

— Знаете что, мисс Гофф? После обеда мы совершим прогулку до города, зайдем к вам домой, и там вы захватите с собою все, что вам необходимо. Но даже это излишне. Я могу вам пока одолжить все необходимое.

Алиса уже не решалась возражать.

— Я боюсь, что показалась вам грубой,— растерянно проговорила она.— Потом я так мало годна к чему-нибудь, что вы скоро совсем разочаруетесь во мне и...

— Полноте, мисс Гофф, не стыдно ли вам говорить об этом? В вас нет и тени грубости, но вы, как вижу, сильно дичитесь людей. У вас сразу появляется желание бежать

прочь, как только вы видите перед собою новые лица и новую обстановку.

Алиса, всегда прекрасно владевшая собою и никогда не терявшаяся в уилстокенском обществе, настолько почувствовала неопровержимость этих слов, что не нашла больше ни слова в свою защиту.

Лидия продолжала:

— Мои привычки складывались во время моих постоянных путешествий с покойным отцом, а потому мне чужды стеснение и застенчивость. Итак, вы остаетесь. Мы обедаем рано — в шесть часов.

Алиса уже пообедала в два, но не решилась почему-то признаться в этом.

— Хотите, я покажу вам вашу комнату? — не унималась Лидия. — А как вы находите эту гостиную? Она немного смешна, не правда ли? Я редко бываю в ней.

Она оглянулась вокруг себя так, как будто комната принадлежала не ей, а кому-то чужому. Затем она встала и повела Алису в комнату верхнего этажа, предназначенную ею для Алисы и обставленную очень комфортабельно и уютно.

— Если эта комната вам не нравится или если вы не можете устроиться в ней по своему вкусу, мы найдем для вас другую, более подходящую. Теперь я вас оставляю здесь. Придите в мой будуар, когда будете готовы.

— А где он? — с тоской спросила Алиса.

— Позвоните лучше всего, когда захотите прийти. Я пошлю к вам горничную.

Алиса, испугавшаяся горничной еще больше, чем господа, поспешила отказаться.

— Я привыкла сама себе услуживать, мисс Кэру, — пояснила она.

— Называйте меня, пожалуйста, Лидией, это проще, — сказала та. — Иначе мне и всем здесь будет казаться, будто вы обращаетесь к покойной владелице этого замка, моей старой тетке.

С этими словами она вышла из комнаты.

Алиса считала, что у нее есть женское чутье и умение придавать комнате уютный, жилой и приятный вид. Она любила время от времени переставлять мебель в гостиной их дома и то и дело украшала ее дешевыми кретоновыми занавесками, японскими бумажными веерами и сделанными под фарфор глиняными безделушками. Здесь

она почувствовала, что после того, как она проведет ночь в роскошной комнате, в которую привела ее Лидия, ей уже никогда не будет хорошо в родном доме.

Все, что она до сих пор читала и думала о преимуществах скромной простоты перед роскошью, напомнило ей басню о Лисе и Винограде*. Она с отвращением представила себе шестипенсовый китайский зонтик над камином, кретоновые занавески над кроватью, дешевые тюлевые портьеры на окне вместо дорогих материй и ценных безделушек, украшавших ее новую спальню. Уже без радости смотрела она на большое трехстворчатое зеркало, в котором она могла видеть себя во весь свой рост и со всех сторон, на туалетный столик со всеми нужными и ненужными изящными мелочами, на котором стояло другое, тоже большое, овальной формы зеркало. Зеркала навели жуть на Алису. При виде своего отражения, глядящего на нее со всех сторон, ей стало казаться, будто и сзади у нее появились глаза. Она еще никогда не созерцала такого полного и всестороннего отражения своей фигурки. И вся ее фигура, которая раньше казалась ей такой привлекательной, представилась грубой и плебейской в этих зеркалах.

«Все же,— подумала она, усаживаясь в удобное кресло,— если не считать кружев, весь ее костюм немногим дороже моего. Даже если она и заплатила больше, он не стоит своей цены. А мои старые кружева, которые носила мама еще в молодости, не хуже ее кружев».

Алиса была достаточно умна, чтобы не завидовать аристократическим манерам мисс Кэру больше, чем ее платью. Она ни за что не согласилась бы признать, что по своему воспитанию она не принадлежит к лучшему кругу; но она не могла не сознавать, что Лидия больше ее удовлетворяла требованиям хорошего тона. Мисс Кэру, она это прекрасно заметила, была чрезвычайно сдержанная в своем обращении, и тем не менее ей не стоило никакого труда обворожить своего собеседника. Алиса нередко завязывала дружбу со своими сверстницами, и они называли друг друга по именам; но они всегда прибавляли тогда к имени друг друга ласкательное «дорогая» или «милая» и при расставании всегда обменивались сердечным поцелуем.

Вспомнив об этом, Алиса в возбуждении приподнялась со своего кресла и почти вслух воскликнула:

— Ничто не убедит меня, будто такая искренняя нежность вульгарна. Надо быть настороже с этой чопорной аристократкой.

Это решение успокоило ее, и она стала внимательнее оглядывать свое новое жилище. Оно казалось ей все более привлекательным. Благодаря своей репутации местной красавицы, она была свободна от того смущения, из-за которого большинство людей из простой среды чувствуют себя не по себе в обстановке богатства и красоты, и потому не могут никогда примирить комфорт с роскошью. Если бы муслиновое покрывало постели было ее собственностью, Алиса не задумалась бы сделать из него бальное платье. Ей никогда еще не приходила в голову мысль о необходимости иметь такое платье, и она только мечтала о нем. Она разочарованно посмотрела на два больших шкафа, стоявших в комнате, и представила себе, какой жалкий и бедный вид примут в них ее три платья, пальтишко и старые кофточки. Из ее спальни дверь вела прямо в небольшое помещение, где находились мраморная ванна и такой же умывальник. Войдя сюда, Алиса впервые поняла, что потребность в чистоплотности, которой она главным образом руководствовалась при убранстве своей комнаты, можно обратить в чудо роскоши. Здесь все было роскошно, но ничего не было такого, что стояло бы только для украшения. Судя по домашней обстановке, мисс Кэру прежде всего была утилитаристкой. В ванной комнате стояла очень красивая печь. Но так как она не была ничем задрапирована, Алиса постаралась убедить себя, что печь в ее прежней комнате была красивее, так как ее украшали голубые занавески, белая кружевная вышивка и фотографии в плюшевых рамках.

Бой часов напомнил ей, что она забыла привести свой туалет в порядок к обеду. Она поспешно сняла шляпу, умыла руки, оглядела себя в зеркале и уже готовилась позвонить горничной, как на нее напало неприятное сомнение: следует ли надеть перчатки, чтобы сойти вниз? Ее колебание продолжалось несколько секунд. Она решила не надевать перчаток, но положить их в карман, чтобы потом поступить по примеру хозяйки. Она позвонила, и вскоре явилась молодая француженка с вежливыми манерами — горничная мисс Кэру. Она провела гостью в будуар — шестиугольную комнату, которой, по

мнению Алисы, могла бы позавидовать даже султанша. Лидия сидела за столом и читала. К своему облегчению, Алиса заметила, что она не переменяла платья и была без перчаток.

Обед прошел тягостно для мисс Гофф. У буфета стоял метрдотель, которому, казалось, нечего было делать, и он только играл роль почетной стражи. Прислуживал лакей, который подавал блюда, широко расставляя свои локти, и предлагал Алисе делать немедленный выбор между совсем неизвестными ей блюдами и винами. Она завидовала знанию приличий в среде этих чуждых ей людей и боялась их критикующих взглядов. Когда подали спаржу, Алиса взяла ее, как делала дома, в руку и страшно смутилась, заметив, что Лидия ест ее с помощью ножа и вилки. Ее успокоило лишь то, что метрдотель стоял в этот момент спиной к ней, а лакея не было в комнате. К ее облегчению, обед продолжался недолго, и она встала из-за стола, не погубив своей репутации во мнении прислуги.

Лидия не считала нужным занимать гостью разговорами, и обед прошел почти в полном молчании. Алису это несколько стесняло. Ей казалось, что и лакей чувствовал от этого неловкость. Даже метрдотель как будто удивленно поглядывал на них. Алиса много бы дала, чтобы знать, о чем думает во время обеда хозяйка. Если бы Лидия высказалась, то все — буфетчик, лакей и гостя — были бы одинаково поражены. Ей пришлось бы сказать:

— Сегодня на лесной поляне мне представилось видение праксителевского Гермеса, и теперь я думаю о нем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующий день Алиса приняла приглашение мисс Кэру. Лидия, которая, по-видимому, считала все решения окончательными с тех пор, как она высказала о них свое мнение, приняла это согласие как нечто само собою разумеющееся. Алиса сочла нужным напомнить ей, что в этом решении заинтересованы и другие лица.

— Я бы несколько не поколебалась вчера, если бы не моя мать. Мне казалось бессердечным покинуть ее.

— Но ведь при ней осталась ваша старшая сестра.

— Да. Но она не очень здорова. А моя мать нуждается в большом внимании и постоянных заботах.

И после минутного молчания молодая девушка грустно добавила:

— Она не может до сих пор оправиться от смерти отца.

— Разве ваш отец умер недавно? — спросила Лидия обыкновенным тоном.

— Только два года назад, — холодно ответила Алиса. — Я не знаю, как сообщить маме, что я покидаю ее.

— Поезжайте к ней сегодня, Алиса, и скажите ей об этом. Не бойтесь огорчить ее. Ведь двухлетняя печаль — это только дурная привычка.

Алису задела эти слова. Горе матери до сих пор было для нее священным, но она, зная свою мать, почувствовала правду в замечании Лидии и не смогла на него возразить. Она обиженно нахмурилась, но Лидия не заметила этого. Тогда она встала и направилась к двери. Перед тем как выйти из комнаты, она обернулась к Лидии и сказала:

— Вы не знаете атмосферы, в которой живет наша семья. Я поеду сейчас домой и постараюсь убедить маму отпустить меня к вам.

— Вернитесь, пожалуйста, к обеду. Я познакомлю вас с моим двоюродным братом, Люцианом Уэббером. Я только что получила телеграмму о том, что он приедет сегодня сюда с лордом Вортингтоном. Но не знаю, будет ли лорд к обеду. Тут по соседству с нами живет его больной приятель, и Люциан не сообщает, к нему или ко мне в гости приедет лорд. Это во всяком случае неважно: лорд Вортингтон только хороший спортсмен, а мой кузен очень умный человек и будет когда-нибудь знаменит. Он служит секретарем у одного из министров и очень занят. Но мы, вероятно, будем чаще видеть его у нас во время наступающей Троицы. Простите, что задерживаю вас в дверях своими рассказами. До свидания.

Она сделала прощальный жест рукой, и Алиса вдруг поняла, что можно сильно полюбить мисс Кэру.

Алиса провела с матерью тяжелый день. Госпожа Гофф вышла замуж за человека, которого она боялась и перед которым трепетала с первого дня их совместной жизни. Он сделал свой дом невыносимым для близких и относился к жене и к детям, как к неодушевленным предметам, не замечая их жизни, их потребностей, их прав. Госпожа Гофф, возведя необходимость терпеливого страдания в добродетель, прислала в Уилстокене при-

мерной женой и матерью. Когда в один прекрасный день мистер Гофф попал под телегу и был расшиблен насмерть, супруга его осталась без всяких средств к жизни, с двумя дочерьми на руках. В этих трудных обстоятельствах госпожа Гофф сделала себе оплот из своего горя и ничего не предпринимала, чтобы побороть надвигавшуюся нужду. Тогда обе девушки сами, без посторонней помощи, взялись за эту тяжелую обязанность. Сначала они, как могли, привели в порядок дела покойного отца; затем перебрались с матерью в дешевый домик на окраине города, а свой старый дом, в котором они жили так много лет, ухитрились сдать за хорошую плату. Дженет, старшая из сестер, образованная девушка, питавшая склонность к наукам, стала учительствовать и добилась приличных заработков, так как повела свое преподавание по последнему слову женского воспитания, отголоски которого уже донеслись до Уилстокена. Алиса недостаточно знала математику и гуманитарные науки, чтобы преподавать эти предметы. Поэтому она открыла школу танцев, давая в то же время уроки пения и иностранного языка, на котором, по общему мнению уилстокенцев, объяснялись во Франции, но который вряд ли был бы понят жителем этой страны, если бы судьба занесла его в наш город. Обе сестры нежно любили мать и друг друга. Алиса, по отношению к которой суровый и распущенный отец бывал иногда внимателен и ласков, сохранила уважение к его памяти, хотя и не могла простить ему разорения семьи и позора, которым он покрывал ее, напиваясь в кабаках и на общественных празднествах,— слабость, которая и была причиной его трагической смерти.

Алиса возвращалась домой, ожидая застать свою семью в смешанном настроении радости по поводу найденного ею хорошего места и горести из-за предстоящей разлуки. Ее понимание человеческой души и семейных чувств было еще очень наивно и романтично. Совершенно неожиданно для Алисы в госпоже Гофф обнаружилась зависть к роскоши и богатству, в которых будет жить ее дочь, и она осыпала бедную девушку горькими упреками в бесчувственности, желании покинуть мать и стремлении к пустым удовольствиям. Алису горестно поразили эти обвинения. Она до сих пор не позволяла проникнуть в свое еще детское сердце сомнению в святой добродетельности матери и закрывала глаза на частые

проявления ее деспотического эгоизма. Горечь несправедливой обиды сильно потрясла ее, и сквозь рыдания она объявила, что больше не вернется в замок и что ни за что не согласилась бы провести у мисс Кэру даже эту ночь, если бы не знала, что на ней лежит обязанность поддерживать семью. Госпожа Гофф, по опыту хорошо знавшая, что легче довести Алису до безрассудного решения, чем потом заставить ее отказаться от него, испугалась слов своей дочери. Сильнее всего она боялась, как бы не заговорили в Уилстокене о том, что она по зависти помешала дочери хорошо устроиться. Поэтому она подавила свое неприязненное чувство и прочла Алисе суровое наставление за невоздержанность характера и опрометчивость решений. Она объявила дочери, что ее долг по отношению к матери, а еще больше по отношению к Всевышнему — принять с благодарностью предложение мисс Кэру и потребовать хорошую плату, как только хорошим поведением она сделает свое присутствие необходимым для мисс Кэру. Алиса долго не сдавалась и вынудила мать напомнить Алисе о дочерних обязанностях к памяти покойного отца и даже изобразить неутешное вдовье горе. Только последнее сломало упрямство Алисы. Она обещала вернуться в замок после того, как повидается с сестрой, которая ушла на уроки, и попросит у нее прощение за тревогу, причиненную ей тем, что она не вернулась прошлую ночь домой. (Госпожа Гофф, чтобы больнее задеть Алису, выдумала, будто бы Дженет всю ночь проплакала, поджидая сестру.) Но госпожа Гофф хотела отправить Алису из дома до возвращения старшей сестры, опасаясь, что обнаружится ее ложь. Поэтому она уверила Алису, будто бы Дженет вернется очень поздно, и что нехорошо оставлять мисс Кэру так долго одну. Алиса послушалась и, осушив последние слезы, вернулась в замок, чувствуя себя очень несчастной и стараясь утешиться хотя бы тем, что ее любимая сестра была избавлена от только что разыгравшейся тяжелой сцены.

Люциана Узббера еще не было, когда она вошла в замок. Лидия заметила ее расстроенное лицо, но ничего не спросила об этом. Она только отложила книгу, лежавшую перед ней, еще раз внимательно посмотрела на свою новую компаньонку и сказала:

— Вот уже почти три года, как я не шила себе новых платьев.

Алиса удивленно взглянула на нее.

— Так как теперь вы можете помочь мне в выборе, мне хочется обновить весь мой гардероб. Я хотела бы, чтобы и вы при этом случае сшили что-нибудь для себя. Вы увидите, что моя портниха, мадам Смитс, шьет недурно, хотя дорога и не совсем честна. Когда Уилстокен нам надоест, мы поедem в Париж и не упустим, конечно, случая найти там что-нибудь по нашему вкусу. Но пока можно удовлетвориться мадам Смитс.

— Я не могу заказывать дорогих платьев,— просто-душно заметила Алиса.

— Да я и не хочу, чтобы вы себе заказывали. Но я уже предупреждала вас, что вам придется разделять со мной мои привычки к роскоши.

Алиса поняла, но колебалась. Ее соблазняло предложение мисс Кэру; она слишком долго страдала от бедности, чтобы не быть благодарной Лидии за ее доброту. Но мысль о красивой одежде, дорогой шляпе, о возможности встретить, прогуливаясь в одном из Лидиных экипажей по Уилстокену, Дженет, идущую с урока на урок, в бедном старом платье и потертых перчатках, смущала ее, заставляла вспомнить упреки матери и невольно признать их справедливыми. В конце концов она решила, что ее отказ не принесет никакой пользы Дженет.

— Было бы нехорошо с моей стороны отказаться от вашей любезной заботливости,— ответила она,— но вы слишком добры ко мне.

— В таком случае я сегодня же напишу мадам Смитс,— радостно проговорила Лидия.

Алиса собиралась еще более утонченным способом возобновить проявления своей благодарности, когда доложили о прибытии мистера Уэббера. Она с волнением приготовилась встретить посетителя, тогда как Лидия не тронулась с места. Люциан, которого со всей торжественностью светского обихода ввел в комнату камердинер, был несколько смущен и по манерам больше походил в эту минуту на бедную компаньонку, чем на свою аристократическую кузину. Его приняли с некоторым оттенком насмешливости: это был обычный тон, с которым Лидия встречала своего двоюродного брата, и Алиса была рада поддаться ему, чтобы скрыть свое смущение перед светским молодым человеком.

Отвечая на приветствие Алисы, мистер Уэббер глубокомысленно отметил, что сегодняшний день холоднее

вчерашнего, а в ответ на поклон Лидии сообщил успокоительным тоном, что резолюция, внесенная в палату общин лидером оппозиции, не опасна министерству, так как за последним обеспечено большинство. Важных новостей не имеется. Он провел день вместе с лордом Вортингтоном, который приехал в Уилстокен навестить своего больного друга, и они вместе вернутся в Лондон с восьмичасовым поездом.

За обедом Алиса уже не боялась смотреть в глаза слугам и, наученная опытом вчерашнего дня, не совершила никаких промахов. Разговор между Лидией и гостем шел все время о политике, и, так как Алиса ничего не понимала в ней, она принуждена была промолчать весь обед. Это укрепило ее в обычном ее мнении, что смешно и недостойно женщины говорить о том, что пишется в газетах. Тем не менее на нее произвел впечатление деликатный, но вместе с тем авторитетный тон Люциана, и она решила, что он все знает. Она заметила также, что Лидию интересовали его сообщения, но что она оставалась совершенно равнодушной к его мнениям.

Когда приблизился час отъезда Люциана, Лидия предложила проводить его пешком до станции. Люциан отнесся к этому с неодобрением, и Алиса, чтобы показать, что у нее имеются собственные понятия о светских приличиях, выказала даже открытое возмущение против этого плана. Но их протесты не смутили Лидию. Она быстро надела свою соломенную шляпу, накинула на плечи шарф и без перчаток решительно вышла из дому в сумерки весеннего вечера. Алиса едва успела сбегать в свою комнату и, впопыхах одеваясь, не имела даже времени оглянуться в зеркало, чтобы проверить впечатление, какое она произведет, первый раз появляясь в настоящем светском обществе. Когда она спустилась вниз и присоединилась на лужайке к поджидавшим ее Лидии и Люциану, последний говорил:

— Вортингтон боится вас, Лидия,— и не напрасно, мне кажется.

— Почему?

— Потому что вы знаете гораздо больше его,— поспешил ответить он, довольный, что Лидия, против своего обыкновения, просит у него разъяснений.— Но вы, кажется, сочувствуете его вкусам больше, чем он предполагает.

— Я должна объяснить вам, Алиса, что лорд Вортингтон — это молодой человек, который признает только

спортивный календарь и который занят лошадьми и атлетами больше, чем Люциан министрами и независимыми радикалами. Он никогда ничего не читает и не общается с людьми, читающими что-нибудь. Поэтому с ним не скучно разговаривать. Хотели бы вы поехать на аскотские скачки, Алиса?

Алиса ответила так, как, она чувствовала, ждет того Люциан, — что она никогда не была на скачках и не имеет вовсе желания быть на них.

— Вы измените свое мнение, когда на будущий год мы поедем с вами на Дерби, Алиса. Скачки интересуют всякого, чего нельзя сказать об опере или драматических спектаклях в Академии.

— Я была в Академии, — сказала Алиса, ездившая один раз со своим отцом в Лондон.

— А были ли вы в Национальной галерее?

— Кажется, нет. Не помню.

— Любите ли вы вообще живопись?

— О, конечно.

— Вы убедитесь, Алиса, что скачки гораздо интереснее.

— Позвольте предостеречь вас, — обратился Люциан к Алисе, — что моей кузиной овладел странный каприз — разочаровывать всякого в искусстве, которому сама она страстно предана. И в литературе, без которой она жить не может.

— Милый Люциан, — возразила Лидия, — если когда-нибудь оборвется ваша политическая карьера и ваше честолюбие потерпит поражение, то попытайтесь жить всецело искусством и литературой. Если они дадут вам удовлетворение, то я соглашусь с вашим мнением, будто они могут служить опорой жизни. До этого же времени позвольте мне продолжать считать их простой приправой.

— Вы, по обыкновению, сердитесь, Лидия? — заметил Люциан.

— А вы, по обыкновению, делаете мне поучительные замечания, — с нескрываемой досадой ответила Лидия.

Они подошли к станции. Поезд уже был у платформы, на которой перед вагоном первого класса стояли двое молодых людей. Станционные служащие с любопытством рассматривали их. Один, лет двадцати пяти, большеголовый, низенького роста и элегантно одетый, был лорд Вортингтон. В другом, несмотря на его соломенную шляпу, желтый шарф вокруг шеи и модный темно-серый

костюм, Лидия тотчас же узнала вчерашнего Гермеса. В новой одежде он был по-прежнему строен и, разговаривая с лордом, покачивался так легко на каблуках, будто сильное тело его не имело веса. Выражение лица говорило о спокойном довольстве собой и о добродушии. Но!.. Лидия почувствовала, что в этом дышащем здоровьем и силой молодом светлоглазом человеке скрыто для нее какое-то «но».

— Вот лорд Вортингтон,— указала она Алисе.

— Но его собеседник вряд ли может быть его большим приятелем,— заметила Алиса.

— Нет, это именно тот молодой человек, что живет на вилле,— сказала Лидия.— Я знаю его в лицо.

— Однако он не производит впечатления человека с расстроенным здоровьем,— заметил Люциан, присматриваясь к незнакомцу.

В это время лорд Вортингтон вошел в вагон, и через открытую дверь донеслись до них его слова:

— Будьте осторожны и берегите себя, мой друг. Помните, что, если это продолжится секундой больше уставленных пятнадцати минут, я теряю пятьсот фунтов.

Гермес обнял молодого лорда и, покровительственно потрепав его по плечу, произнес вполне чистым выговором, но голосом несколько более грубым и громким, чем говорят светские люди:

— Ваши деньги будут целы, как в банке, мой милый.

Алиса заключила, что молодой человек был близким приятелем лорда, и решила быть любезной с ним, если он будет ей представлен.

— Здравствуйте, лорд Вортингтон,— произнесла Лидия.

Молодой человек удивленно обернулся, поспешно вышел из вагона и в некотором замешательстве заговорил:

— Как поживаете, мисс Кэру? Прекрасная местность и прекрасная погода, не правда ли? Судя по вашему цветущему виду, это так.

— Благодарю за комплимент. Скажите, ваш друг, если я не ошибаюсь, мой арендатор?

Лорд с неудовольствием посмотрел на нее и ничего не ответил.

— Представьте его мне, пожалуйста. Мне хочется с ним познакомиться.

— Если вам угодно,— нерешительно пробормотал лорд.

— Разве вы что-нибудь имеете против этого? — удивилась Лидия.

— О нет,— совсем растерявшись, возразил тот.— Если вы этого хотите...

Он бросил многозначительный и хитрый взгляд своему товарищу, стоявшему рядом и восхищенно смотревшему на Лидию.

— Мистер Кэшель Байрон — мисс Кэру.

Мистер Кэшель немного покраснел, снимая для учтивого поклона шляпу, но в общем держался как не слишком гордая, но высокопоставленная особа. Так как новый знакомец не обнаружил намерения начать разговор, Лидия предоставила лорду рассказывать о предстоящих скачках, а сама молча разглядывала мистера Байрона. Сдержанность и скрытность, необходимые в обществе людей, согнали с его лица выражение добродушия, и теперь в нем появилось что-то необычайное и почти страшное, от чего Лидию охватила нервная дрожь радостного и грустного предчувствия. То же впечатление скрытой и непонятной опасности охватило Люциана, но не доставило ему никакого удовольствия. Он был смущен этим знакомством более, чем мог смутиться близостью крупного дога с подозрительным характером. Лидия почувствовала, что мистер Байрон с первого взгляда невлюбил ее двоюродного брата; он смотрел на него пристально и искоса, как бы смеривая его взглядом.

Волна нахлынувших на молодое общество чувств разбилась вдруг напоминанием кондуктора, что пора входить в вагоны. Отъезжающие обменялись рукопожатиями с остающимися, и лорд Вортингтон из окна своего купе прокричал Кэшелю Байрону:

— Помните, берегите себя!

Кэшель с неудовольствием, указывая глазами на мисс Кэру, ответил:

— Да, да. Будьте покойны, сэр.

Поезд отошел, и Кэшель остался на платформе один в обществе молодых девушек.

— Мы возвращаемся в парк, мистер Кэшель Байрон,— сказала ему Лидия.

— Мне туда же. Если позволите...— От смущения Кэшель не мог прибавить больше ни слова и перевел глаза на Алису, чтобы не встретиться взглядом с Лидией.

Часть пути они прошли молча. Алиса с подозрительностью вспоминала, что их спутник обратился к лорду Вортингтону с малоджентльменским выражением «сэр», а Лидия с удовольствием наблюдала его легкий шаг и стройную фигуру, стараясь разгадать причину смущения на его лице. Наконец он решился заговорить.

— Я видел вас вчера в парке и принял вас за привидение. Старый Меллиш, мой слуга, тоже заметил вас. Только отсюда я заключил, что вы были не бесплотным духом.

— Как странно,— удивленно сказала Лидия,— у меня было то же самое впечатление от вас.

— Что вы? — воскликнул Кэшель.— Действительно странно!

И опять взглянув на Лидию, он так смутился, что не заметил лежащего на его пути камня, споткнулся и от неожиданности присвистнул. Краска залила его лицо. Чтобы замаять эту неловкость, он со светской непринужденностью высказал мнение, обращаясь исключительно к Алисе, что вечера стоят за последнее время необыкновенно теплые. Она согласилась и добавила:

— Надеюсь, что вам теперь лучше?

Он с недоумением посмотрел на нее. Решив, наконец, что ее замечание относилось к тому, что он только что едва не упал, он ответил:

— Благодарю вас, я совсем не ушибся.

— Лорд Вортингтон рассказывал нам о вас,— начала Лидия.

Мистер Байрон, неожиданно остановившись, резко повернулся к ней, и ее поразило его огорченное лицо. Она поспешила добавить:

— Он говорил, что вы приехали сюда поправить ваше здоровье. Вот все, что мы знаем о вас.

Нахмуренные черты Кэшеля разгладились в хитрую улыбку. Он с довольным видом пошел дальше. Но вскоре новое подозрение мелькнуло в нем, и он тревожно спросил:

— Лорд больше ничего не говорил обо мне?

— Нет, больше ни одного слова.

— А вам никогда не встречалось мое имя? — настаивал Кэшель.

— Может быть. Но не могу вспомнить, при каких обстоятельствах. Вероятно, у нас есть общие знакомые?

— Нет, кроме лорда Вортингтона, ни одного.

— В таком случае, мне приходится заключить, что ваше имя приобрело известность и что я имею несчастье не знать этого, мистер Кэшель Байрон. Я не ошибаюсь?

— Конечно, ошибаетесь, мисс Кэру; у меня нет оснований предположить, что вы могли когда-нибудь слышать мое имя,— поспешно ответил он. И, обращаясь к Алисе, прибавил: — Я очень благодарен вам за ваше участие. Я уже вполне здоров теперь. Эта местность очень хорошо подействовала на мое самочувствие.

Алиса, у которой уже явились определенные подозрения относительно мистера Байрона, притворно улыбнулась и поспешила отстраниться от него. Это поразило и горестно задело его; он повернулся к Лидии, и та, все время зорко наблюдавшая за ним, с радостью поняла, что он обернулся к ней, бессознательно ища утешения. И когда взгляд Кэшеля тревожно остановился на ней, у нее был такой вид, точно ее мысли унеслись к заходящему солнцу или в другие таинственно-прекрасные страны. Он успокоился, заметив, что она не придавала значения выходке мисс Гофф.

— Значит, вы действительно приняли меня за привидение? — спросил он.

— Да. Сначала мне показалось, будто я вижу статую.

— Статую?

— Кажется, это очень мало льстит вам.

— Что может быть лестного, когда вас принимают за каменное чучело? — почти обиженно произнес он.

Лидия недоумевала. Вот человек, которого она приняла за совершеннейшее воплощение мужской силы и красоты, а он оказался настолько чуждым пониманию художественно прекрасного, что видит в статуе только бесчувственное каменное чучело.

— Я боюсь, что помешала вам тогда. Но я не очень виновата в этом. Я заблудилась в своем парке. Знаете, ведь я еще почти чужая здесь и совсем не знаю своего поместья.

— Что вы, чем могли вы мне помешать? — возмущенно воскликнул Кэшель.— Приходите, когда только вам будет угодно. Это Меллиш выдумывает, будто взглядом можно принести вред человеку. Меллиш глуп и недогадлив...— Кэшель устыдился своей горячности и виновато заметил: — Меллиш не в своем уме. Не стоит говорить о нем.

Алиса торжествующе и многозначительно посмотрела на Лидию. Она уже решила, что сам мистер Байрон по своему общественному положению был недалеко от своего слуги и что в этом была причина его замкнутой жизни на вилле. Кэшель, перехватив этот взгляд, почти понял его значение и, чтобы обезвредить его, со светской учтивостью обратился к Алисе:

— Как вы, сударыня, проводите время в деревне? Играете ли вы в бильярд?

— Нет,— возмущенно ответила Алиса. Ее оскорбило дерзкое, по ее мнению, предположение, будто она способна проводить вечера в бильярдной комнате деревенского трактира. Но, к ее удивлению, Лидия сказала:

— А я играю иногда, но только очень плохо. У меня не было достаточной практики. А вы, когда я застала вас вчера, кажется, собирались, судя по вашей одежде, играть в лаун-теннис? Мисс Гофф — знаменитый игрок в теннис. В прошлом году она победила чемпиона Австралии.

После этих слов обеим девушкам могло бы показаться, что мистер Байрон был не чужд умения ухаживать за женщинами, потому что он изобразил на своем лице величайшее удивление. Но затем он поразил их своим непонятным поведением.

— Чемпион Австралии? — спросил он.— Кто такой?.. Впрочем, вы имеете в виду лаун-теннисного чемпиона... Конечно. В таком случае, поздравляю вас, мисс Гофф. Далеко не всякий игрок может побить чемпиона.

Алиса была шокирована этим странным ответом. Она решила, что он вульгарно воспитан, каковы бы ни были взгляды высшего общества на игру в бильярд, и постановила дать ему это почувствовать, если он еще раз обратится к ней. Но он больше с ней не заговаривал. Они подошли уже к калитке парка и остановились.

— Позвольте, я открою,— предложил Кэшель.

Лидия дала ему ключ, и он с учтивым поклоном отворил калитку. Алиса собиралась уже с сухим поклоном войти в парк, когда заметила, что Лидия подала Кэшелю руку. Все, что делала мисс Кэру, казалось ей образцом светскости и учтивости. Кэшель робко взял руку Лидии в свою и осторожно пожал ее, не смея поднять глаз. Тогда Алиса поспешила снять свою перчатку. Заметив это, Кэшель сделал шаг к ней и с той же осторожностью пожал кончики ее пальцев. Алиса, невольно опустив глаза, уви-

дела его руку, больше, крепче и чернее которой ей, кажется, никогда еще не приходилось видеть.

Алиса первая вошла в парк. Лидия, шедшая за ней, обернулась, чтобы притворить калитку, и, заметив, что молодой человек смотрит им вслед, в последний раз приветливо улыбнулась ему. Для нее было ново это ощущение упорного и внимательного взгляда, ласково покоившегося на ней. Она несколько вышла из рамок сдержанности и холодности, предписываемых светскими обычаями для первых встреч, но все же меньше, чем Кэшель, который не мог отвести от нее глаз.

— Думаете ли вы,— спросила Алиса, когда они прошли несколько шагов,— что этот молодой человек — джентльмен?

— Не знаю. Мы ведь едва познакомились с ним.

— Но как вам кажется? Есть всегда что-то такое, по чему можно с первого взгляда узнать джентльмена.

— Разве? Никогда не замечала.

— Не может быть! — Алиса смутилась сухостью ответов мисс Кэру. Ее начало беспокоить подозрение, не обнаруживают ли высказанные ею представления о джентльменстве ее низшего, по сравнению с Лидией, общественного положения.— Я полагаю, что это всегда бросается в глаза.

— Может быть,— сказала Лидия.— Но, что касается меня, я замечала одинаковое разнообразие в характере и поведении у людей всех сословий. Некоторые люди, независимо от своего общественного положения, имеют врожденную утонченность и деликатность.

— Я именно об этом говорю,— перебила Алиса.

— Но эта черта встречается так же часто в среде актеров, цирковых наездников и крестьян, как среди чистокровных леди и джентльменов. Можно упрекнуть в недостатке природного чутья многих людей, но во всяком случае не мистера Байрона. Однако, я вижу, что он заинтересовал вас.

— Меня? — возмущенно воскликнула Алиса.— Нисколько.

— А меня да. И даже очень. Я так редко встречаю в людях что-нибудь новое. А он очень странный и необыкновенный человек.

— Я этого не нахожу,— ответила Алиса с неудовольствием.

Лидия не обратила внимания на ее тон и продолжала:

— По-моему, он или человек скромного происхождения, как вы подозреваете, но побывавший в обществе, или джентльмен, но непривычный к обществу. Я не вижу оснований, по которым можно было бы разрешить эту дилемму.

— Но его разговор далеко не учтив, а произношение вовсе не безупречно. У него грубые и черные руки. Разве вы этого не заметили?

— Заметила и полагаю, что если бы он был действительно из низших слоев общества, то следил бы за своим произношением, чтобы скрыть это. Такие люди никогда не погрешат против условных приличий, а он нарушал их на каждом шагу. То, как он выговаривал некоторые слова, заставило меня на минуту подумать, что он актер. Но я скоро разубедилась в этом. У него нет ни одного актерского недостатка. Однако по всему видно, что у него есть определенная профессия. Он не похож на светского бездельника. Я перебрала все пришедшие мне в голову профессии, и ни одна не подходит к нему. Может быть, то и интересно в нем, что его трудно разгадать.

— Но у него должно быть какое-нибудь положение в обществе. Он, очевидно, коротко знаком с лордом Вортингтоном.

— Лорд Вортингтон — ярый спортсмен и знается со всякими людьми.

— Да, но он вряд ли позволил бы жокею обнимать себя, как сделал мистер Байрон.

— Вероятно нет,— задумчиво ответила Лидия.— Во всяком случае я не верю, что он — расстроивший свое здоровье ученый, как рассказывал Люциан.

— Я знаю, кто он,— неожиданно воскликнула Алиса.— Он просто оберегает своего сожителя и ухаживает за ним. Помните, как он назвал Мелиша сумасшедшим.

— Очень возможно... по-видимому,— согласилась Лидия.— Как бы то ни было, он доставил нам предмет для разговоров, а это большая услуга в деревне.

Они уже входили в замок. Лидия на минуту остановилась на террасе. Высокая труба виллы, где жил ее новый знакомый, чернела на фоне светлого облака, за которым заходило солнце. Она улыбнулась какой-то мысли, пришедшей ей в голову, подняла на мгновение глаза на черного мраморного египтянина, бесстрастно смотревшего

из своей ниши на золотившееся закатное небо, и пошла вслед за Алисой.

Несколько позднее, когда ночь уже совсем спустилась на землю, Кэшель сидел у себя в кресле и думал. Его сожитель без сюртука курил у огня и присматривал за кастрюлей, в которой что-то варилось. Он взглянул на часы и нарушил установившееся молчание:

— Пора идти спать.

— Пора вам пойти к черту! — гневно ответил Кэшель. — Я ухожу.

— Идите и схватите простуду. Это будет очень благо- разумно.

— Ступайте сами спать, благоразумный человек. Я же- лаю пройтись.

— Если вы выйдете сегодня вечером на прогулку, то лорд Вортингтон потеряет свои пятьсот фунтов, это как пить дать. Вам не одержать победы над противником в пятнадцать минут, если будете гулять по ночам. Вы это прекрасно знаете.

— Хотите пари два против одного, что я буду спать на сырой траве и побью Длинного Датчанина еще до срока в первую же схватку?

— Не делайте глупостей, — пытался уговорить его Меллиш. — Ведь я советую для вашего же блага.

— Предположим, я вовсе не хочу, чтобы мне советовали для моего блага. Что вы на это скажете? И вы- бросьте ваши вареные лимоны. Сколько прекрасных ре- чей вы ни произнесете, я не стану их есть.

— Какой бес в вас вселился сегодня? — негодующе ответил Меллиш. — Вы знаете, что вам необходимо есть вареные лимоны. И я столько потрудился над ними!

— Какое мне до этого дело! — не унимался Кэшель. — Вот как нужны мне ваши лимоны!

Он схватил кастрюлю и выплеснул ее содержимое за окно.

— Я поработаю своими кулаками на славу и без этих бабьих глупостей. Завтра же поеду в Лондон и куплю себе пару боевых перчаток.

— На что вам теперь перчатки?

— Это нестерпимо, — совсем вышел из себя Кэшель. Он встал, взял шляпу и со злобой произнес: — Мне на- доели ваши вечные приставания. Не забывайте, что я здесь борец, а не вы. Слышите?

Меллиш даже вскочил от негодования:

— Понимаете ли вы сами смысл ваших слов, Кэшель Байрон? Вы несете такую бессмыслицу, как будто вы выжили из ума.

— Есть ли смысл в том, что я говорю, или нет — об этом поговорите со своими приятелями со скотного двора, Меллиш.

Меллиш укоризненно посмотрел на него. Кэшель отвернулся от этого взгляда и направился к двери. Это движение напомнило тренеру его профессиональные обязанности. Он возобновил свои уговоры, доказывал все опасности простуды, припоминал разные случаи, когда боксеры терпели поражение от того, что не слушались советов своих тренеров. Кэшель выразил свое недоверие к этим рассказам в кратких, но крепких словах. Наконец Меллишу пришлось ограничиться просьбой сократить ночную прогулку до получаса.

— Может быть, вернусь через полчаса, а может быть, и нет, — упрямылся Кэшель.

— Вот что, — предложил Меллиш. — Довольно нам ссориться. У меня явилась охота погулять с вами.

— Ваша хитрость слишком прозрачна, — отрезал Кэшель. — Лучше выпустите меня и запрячьтесь изнутри. Я не выйду за ограду парка. Не бойтесь, я не останусь ночевать в деревне, старый ворчун. Если вы не выпустите меня, я брошу вас в огонь.

— Порядочный человек должен прежде всего исполнять свои обязанности, — настаивал Меллиш. — Вспомните свои обязанности по отношению к лорду.

— Отойдете вы от двери или прикажете толкнуть вас? — вспыхнул Кэшель, покраснев от гнева.

Меллиш отошел в сторону, сел за стол и, опустив голову на руки, стал печально вздыхать.

— Лучше быть собакой, чем тренером. Завидная доля прожить целыми неделями наедине с чертовым боксером. Лучше провалиться в преисподнюю.

Кэшель, взбешенный всем происшедшим, вышел из дому. Он старался еще больше распалить свой гнев, чтобы заглушить укоры совести за обиду, нанесенную ни в чем не повинному старику. В таком настроении пробрался к замку и в продолжение получаса всматривался в его частью освещенные, частью темные окна, все время стараясь делать много движений, чтобы не простудиться.

Наконец часы на одной из замковых башенок пробили положенный час. Кэшелю, привыкшему к хриплому бою городских старых часов, этот мелодичный звон показался нисходящим с небес. Он вернулся домой и застал своего тренера перед дверями виллы, беспокожно глядевшего в темноту, покуривая свою старую трубку. Кэшель обратился к нему со словами примирения и стал укладываться спать, занятый своими думами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мисс Кэру сидела на скамье у пруда, находившегося в парке, и кидала камешки в воду, следя за убежавшими и пересекавшимися кругами на тихой поверхности воды. Алиса, которая старалась с первых дней своего пребывания у Лидии выказать все свои достоинства, устроилась неподалеку и рисовала замок. Группы сосен амфитеатром окружали их. Но деревья не подходили к самому пруду, оставив свободной довольно широкую полосу земли, усыпанную крупным гравием, среди которого Лидия выбирала свои камешки.

Среди лесной тишины Лидии послышались чьи-то шаги. Она обернулась и увидела Кэшеля Байрона, остановившегося за спиной Алисы и, по-видимому, с любопытством разглядывавшего ее рисунок. Он был одет так же, как и в прошлый раз, когда она познакомилась с ним, только на руках его были светлые перчатки, а на шее красный галстук. Алиса с высокомерным удивлением поглядывала на него через плечо. Но он, ничуть не смущаясь ее неприветливыми взглядами, продолжал стоять, не замечая своей навязчивости; тогда Алиса бросила взгляд в сторону Лидии и, уверившись, что та еще здесь, сухо поздоровалась с мистером Байроном и вновь принялась за карандаш.

— Странное здание, — проговорил он после некоторого молчания, указывая на замок. — От него несет какой-то китайщиной, не правда ли?

— Но он считается очень изящным по стилю, — ответила Алиса.

— Что нам за дело до того, каким его считают? — возразил Кэшель. — Важно то, каков замок на самом деле.

— Это дело вкуса, — очень холодно ответила Алиса.

В это время Кэшель должен был обернуться на приветствие Лидии. Сконфуженный, он поспешил к скамье, на которой она сидела.

— Здравствуйте, мисс Кэру. Я не видел вас, пока вы не окликнули меня,— смущенно проговорил он.

Она спокойным взглядом смотрела на Кэшеля, а он терзался тем, что до ее слуха донеслись непочтительные слова о замке. Желая исправить дело, он начал:

— Отсюда прекрасный вид на замок. Мы только что говорили с мисс Гофф об этом.

— Да? Вы находите? — лукаво спросила Лидия.

— Конечно. Это прекрасное место. С этим нельзя не согласиться.

— Почему-то принято хвалить замок передо мной и высмеивать его перед другими. Разве вы не сказали только что: что нам за дело до того, каким его считают?

Кэшель растерялся от этой улики и не сразу нашел слова для ответа. Но скоро глаза его засветились внутренней улыбкой, и он с чистосердечной откровенностью сказал:

— Извольте, я объясню вам это. Для картины и вообще для всякого постороннего он немного нелеп. Но тому, кто знает, что вы живете в нем, этот замок представляется совсем другим. Вот что я хотел сказать — верьте моему слову.

Лидия улыбнулась, но он не видел этой улыбки, так как принужден был смотреть сверху вниз на сидевшую девушку, а пряди ее выбившихся волос сверкающим в солнечных лучах золотым нимбом закрывали от него ее лицо. Кэшель любовался этим прекрасным препятствием, но вместе с тем досадовал на него. Ему хотелось увидеть выражение ее лица. Он поколебался несколько секунд, затем опустился на землю рядом с Лидией, но с таким нерешительным выражением, будто садился в горячую ванну.

— Разрешите мне сесть сюда,— робко проговорил он.— Трудно говорить, совсем не видя вас.

Она кивнула головой и снова бросила два камешка в воду. Они оба молча следили за всколыхнувшими поверхность пруда кругами, внимательно вглядываясь в поднимающуюся рябь; она — с таким видом, будто в них она находила неисчерпаемый предмет для размышлений, он — точно всецело поглощенный каким-то невиданным зрелищем.

Через несколько минут она произнесла:

— Думали ли вы когда-нибудь о том, что такое волнообразное движение?

— Нет,— с недоумением ответил Кэшель.

— Я очарована искренностью вашего признания, мистер Байрон. Ученые теперь все свели к волнообразному движению. Свет, звук, ощущение — все это только волнообразное движение или преломления его. Вот,— продолжала она, бросив еще два камня в воду и указывая на появившиеся переплетающиеся круги,— синие звезды и очарование звучного аккорда — только это. Но я не могу понять этого своим бедным умом и реально представить себе эту картину. И сомневаюсь, чтобы сотни ученых физиков, так уверенно говорящих в своих книгах о волнообразном движении, лучше меня представляли себе его.

— Конечно, нет. Они не представляют себе этого и наполовину так хорошо, как вы,— с нежностью сказал Кэшель, отвечая по своему разумению на малопонятные для него слова Лидии.

— Но, может быть, этот предмет вам не интересен? — спросила она, повернувшись к нему.

— Что вы, наоборот, ужасно интересен,— с жаром сказал Кэшель из желания быть как можно любезнее со своей собеседницей.

— Я не могу сказать того же о себе. Мне говорили, что вы ученый, мистер Байрон. Каков ваш любимый предмет? Впрочем, на это трудно ответить, не правда ли? Так скажите мне вообще, чем вы занимаетесь?

Алиса удвоила внимание.

Кэшель сурово посмотрел на Лидию и густо покраснел.

— Я профессор,— проговорил он.

— Профессор чего? Я не спрашиваю, где вы профессор, потому что получила бы в ответ только название высшего учебного заведения, и это ничего не сказало бы мне.

— Я профессор наук,— тихо сказал Кэшель, рассматривая свой левый кулак, которым он водил в воздухе перед собой, и косясь на свое согнутое колено, так, будто это было лицо какого-то враждебного ему человека.

— Физических или гуманитарных наук? — настаивала Лидия.

— Физических,— ответил Кэшель.— Но в них гораздо больше духовного, чем обыкновенно думают.

— Несомненно,— серьезно проговорила Лидия.— Хотя я и не имею достаточных познаний в физике, я все же могу оценить правду ваших слов. Быть может, даже всякое знание, которое в основе не покоится на физических науках, есть полное незнание. Я много читала по естественным наукам, и у меня часто являлось желание самой заняться опытами, устроить у себя лабораторию и даже взять в руки скальпель. Ведь чтобы проникнуть в науку, надо практически работать над ней. Согласны ли вы с этим?

Кэшель решительно посмотрел на нее:

— Вы вполне правы. Вы можете стать очень дельным любителем, если немного поупражняетесь,— сказал он.

— Нет, меня на это не хватит. Все те люди, которые думают, будто они становятся умнее и учнее от чтения книг, только обманывают себя. Черпать науку из одних книжек так же бесполезно, как учиться мудрости у пословиц. Легко следить за стройным развитием уже созданной аргументации, но зато как трудно собрать и понять факты, на которых она выросла! Популярные сочинения по физике преподносят нам так блестяще и гладко отделанные цепи логических рассуждений, что всякий с большим наслаждением пробегает их мыслью от начала до конца. Но от всего этого остается лишь смутное воспоминание об умственном удовольствии, доставленном ими, и никакого следа положительного знания.

— О, я хотел бы уметь говорить так! — воскликнул Кэшель.— Вы говорите, как книга!

— Боже мой, да ведь это ужасно! — ответила Лидия.— Извините меня за это. Хотите руководить мною, если я серьезно примусь за научную работу?

— Ну конечно,— едва скрывая свою радость, проговорил Кэшель.— Мне гораздо приятнее, чтобы вы учились у меня, чем у какого-нибудь другого профессора. Но я боюсь, что не гожусь для вас. Хорошо бы сперва набить руку вот на вашей подруге. Она сильнее и лучше сложена, чем девятеро из десяти мужчин.

— Разве вы придаете такое большое значение физическим качествам?

— Только с практической стороны, конечно,— важно пояснил Кэшель.— Нельзя смотреть на мужчин и женщин всегда с той же точки зрения, как на лошадей. Если вы хотите подготовить человека к борьбе или бегу — это

одно дело, если же вы хотите найти в нем друга,— это уже другое.

— Разумеется,— улыбнулась Лидия.— Но из ваших слов я заключаю, что вы не намерены создать себе более теплого отношения к мисс Гофф. Вы ограничиваетесь, по-видимому, оценкой ее внешних форм и достоинств.

— Именно,— подтвердил довольный Кэшель.— Вы понимаете меня, мисс Кэру. Бывают люди, с которыми вы можете проговорить целый день и которые к концу дня нисколько не больше имеют понятия о вас, чем в начале его. Вы не принадлежите к их числу, мисс Кэру.

— Я не верю, чтобы можно было действительно передать свои мысли другому человеку,— задумчиво сказала Лидия.— Мысль должна принять иную форму, чтобы войти в чужой ум, и поэтому она уже не та же самая. Вероятно, вы, господин профессор, вполне убедились в этом свойстве мысли на вашем обширном преподавательском опыте.

Кэшель поморщился, с неудовольствием посмотрел на воду и тихо произнес:

— Вы можете называть меня, конечно, как вам угодно. Но если вам безразлично, то не называйте меня, пожалуйста, профессором.

— Ах, знаете, я столько вращалась среди людей, которые любят, чтобы их при всех удобных случаях величали полными титулами, что вы должны извинить меня, если я этим доставила вам неприятность. Спасибо, что вы так просто предупредили меня. К тому же мне не следовало бы заводить с вами разговора о науке. Лорд Вортингтон говорил нам, что вы приехали сюда как раз затем, чтобы отдохнуть от нее и поправить здоровье, расстроенное усиленной работой.

— О, это пустяки!

— Нет, меня следовало бы побранить. Но я больше не провинюсь. Чтобы переменить тему, давайте посмотрим, как рисует мисс Гофф.

Едва успела Лидия закончить свою мысль, как Кэшель неожиданно, но очень деловито, будто так и следовало, поднял мисс Кэру на воздух и поставил ее на землю за спиной Алисы. Эта странная выходка, по-видимому, не показалась Лидии неприятной и не обидела ее. Она только обернулась к нему с улыбкой и заметила:

— Благодарю вас, но, пожалуйста, не повторяйте этой любезной заботливости. Немножко унижительно в мои

годы чувствовать себя ребенком на руках у взрослого. Однако вы очень сильны.

— Помилуйте, какая нужна сила, чтобы поднять такое перышко! Тут дело не в силе, а в ловкости: нужно чисто сделать это. Мне приходилось не раз носить шестипудовых мужчин, и они чувствовали себя на моих руках, как в кровати,

— Так вы, значит, занимались и в больницах? Меня всегда восхищала заботливость и ловкость, с которой сестры и братья милосердия обращаются с больными.

Кэшель промолчал.

— Это очень глупо, я знаю,— недовольно сказала Алиса, когда заметила, что за ней стоят Лидия и мистер Байрон.— Но я не могу рисовать, когда на меня смотрят.

— Ну, вы думаете, что всякий только и занят тем, что вы делаете,— ободряюще сказал Кэшель.— Это вечная ошибка любителей. На самом деле никто, кроме них самих, не занят их особой. Разрешите,— добавил он, взяв в руки ее набросок и рассматривая его.

— Пожалуйста, верните мне мой рисунок, мистер Байрон,— покраснев от злости, проговорила мисс Гофф.

Смущенный таким результатом своих слов, он обернулся к Лидии, как бы за объяснением, и в это время Алиса вырвала у него из рук свою работу и спрятала ее в папку.

— Стало слишком жарко,— сказала Лидия.— Не вернуться ли нам домой?

— Я думаю, это будет лучше всего,— ответила Алиса, дрожа от негодования, и быстро удалилась, оставив Лидию наедине с Кэшелем.

— Да что же такое я ей сделал? — воскликнул он.

— Вы сделали с неподдельной искренностью несколько неучтивое замечание.

— Боже мой, ведь я хотел только ободрить ее. Она не поняла меня!

— Ободрить? Но разве вы серьезно полагаете, что молодой девушке может быть приятным замечание, что она слишком высокого о себе мнения?

— Да я же не говорил ничего подобного!

— В несколько иных словах вы выразили именно это. Ведь вы сказали, что она напрасно не позволяет смотреть на свое рисование, так как все равно никто особенно не может быть этим заинтересован.

— Ну если она увидела в этом обиду, то, верно, она не в своем уме. Есть люди, которые обижаются на всякое слово. Им, верно, несладко живется.

Лидия решила изменить тему разговора.

— Есть ли у вас сестры, мистер Байрон? — спросила она.

— Нет.

— А мать?

— Моя мать жива, но я уже много лет ее не видел. По правде сказать, я и не особенно стараюсь повидаться с ней. Это по ее вине я стал тем, чем есть.

— Разве вы не довольны своей профессией?

— Нет, я не то хотел сказать. Я постоянно говорю нелепости.

— Это, верно, оттого, что вы совсем не знаете женщин и не подозреваете, что они больше любят почтительное молчание о некоторых предметах, чем откровенные высказывания. Вам вряд ли удастся войти в добрые отношения с моей подругой, если вы не научитесь уважать женские вкусы.

— Я предпочитаю быть в ее глазах дурным, если я на самом деле дурен. Правда должна оставаться правдой, не так ли?

— Даже если она не нравится мисс Гофф? — засмеялась Лидия.

— Даже если она не нравится вам, мисс Кэру. Думайте обо мне что хотите.

— Вот это хорошо, этим вы меня радуете, — искренне ответила она. — А теперь прощайте, мистер Байрон. Мне пора домой.

— Я подозреваю, что вы станете на сторону вашей приятельницы, когда она будет протаскивать меня за мои слова.

— Что значит — протаскивать? Бранить?

— Приблизительно в этом роде.

— Вы, верно, научились этому слову в колониях? — спросила Лидия с видом знатока-филолога.

— Да, вероятно, я оттуда вывез его. Впрочем, извиняюсь. Мне не следует употреблять таких вульгарных выражений в разговоре с вами.

— Наоборот, я люблю их слушать. Характерные словечки народного языка дают в руки гораздо больше нитей для понимания многого, чем наша застывшая в своей

правильности речь. Вот по вашим словам я догадываюсь кое о чем относительно вас. Не родились ли вы в Австралии?

— Что вы! Нет. Я вижу, вы издеваетесь надо мной, чтобы отомстить за обиду, которую я причинил мисс Гофф.

— Вообще нет. Я разделяю ее неудовольствие тем, как вы высказали свое замечание, но не тем, что вы сказали.

— До сих пор не могу понять, в чем мое преступление. Пожалуйста, предупреждайте меня всегда каким-нибудь знаком, когда заметите, что я начинаю говорить глупости. Я тогда замолчу без всяких возражений.

— Хорошо, значит, условлено: когда я мигну вам, это будет значить: «Замолчите, мистер Кэшель Байрон, вы собираетесь сказать глупость!» Ха-ха-ха!

— Именно, именно. Вы понимаете меня, Я уже говорил вам это.

— Но я боюсь,— сказала Лидия, все еще звонко смеясь,— что мне невозможно будет заняться вашим воспитанием, пока мы не будем лучше знакомы.

Кэшель огорчился.

— Вы, кажется, принимаете мою просьбу за навязчивость...

— Конечно, за навязчивость,— опять перебила она его со смехом.— Мне приходится достаточно следить и за собственными своими манерами. Знаете ли, мистер Байрон, вы кажется слишком мало дисциплинированным для ученого.

— Вот это хорошо! — радостно смеясь, воскликнул Кэшель.— У вас все так хорошо выходит, что от вас приятно получать даже выговоры. И если бы я был настоящим джентльменом, а не бедным кулачником, то я...— Кэшель спохватился и побледнел.

Наступило молчание.

— Позвольте вам напомнить,— сказала наконец Лидия, смущенная странными словами мистера Байрона,— что нас обоих поджидают дома. Меня ждет мисс Гофф, а за вами пришел ваш слуга, который вот уже некоторое время оттуда с беспокойством смотрит на нас.

И она указала ему на Меллиша, стоявшего в отдалении и с беспокойным удивлением смотревшего на аристократическую собеседницу боксера. Кэшель быстро подошел к своему тренеру, а Лидия воспользовалась

этим, чтобы удалиться. Она слышала их повышенные и сердитые голоса, но, к счастью для Кэшеля, не могла разобрать слов, иначе она бы сильно удивилась непочтительности выражений, с которыми они обращались друг к другу.

Лидия застала Алису в библиотеке замка. Она сидела, сухо выпрямившись на жестком табурете, который мог бы испортить настроение самому благодушному человеку. Лидия села против нее, едва сдерживая смех, который напал на нее еще во время разговора с Кэшелем. Алиса заметила это и так удивилась странному возбуждению обычно такой холодной и сдержанной Лидии, что даже забыла обидеться.

— Я рада, что вы в таком хорошем настроении,— сказала она.

Смех не давал Лидии выговорить слова. Наконец, справившись с ним, она ответила:

— Не знаю, смеялась ли я так сильно когда-нибудь в моей жизни. Забудьте на минуту, Алиса, свою неприязнь к нашему соседу и скажите мне, что вы о нем думаете.

— Я ничего о нем не думаю, уверяю вас,— презрительно отозвалась Алиса.

— Ну тогда на минутку подумайте о нем, чтобы сделать мне удовольствие. И расскажите мне результаты. Ну пожалуйста.

— Но ведь вы можете гораздо лучше меня судить о нем. Я почти не говорила с ним.

Лидия встала и подошла к одному из библиотечных шкафов.

— У вас, кажется, есть двоюродный брат, который учится в университете? — спросила она, раскрывая какую-то книгу.

— Да,— ответила польщенная Алиса.

— Так вы, может быть, знаете немножко студенческий жаргон?

— Что вы? Я ни за что не позволила бы ему говорить в моем присутствии на жаргоне,— возмутилась Алиса.

— Да, но, может быть, некоторые словечки все же прорывались у него? Не знаете ли вы, что такое «кулачник»?

— «Кулачник»? — переспросила Алиса.— Никогда не слышала. Скорее всего, что происходит это слово от кулака. Кулачник — все равно что кулачный боец.

— Кулачный бой — это бокс, а бокс ведь не профессия. Кто из англичан не занимается боксом? А это слово, наверное, означает какую-нибудь специальность. Мне думается, что на специальном университетском жаргоне оно означает демонстратора анатомических препаратов. Впрочем, это неважно.

— А где вы встретились с этим словом?

— Мистер Байрон произнес его сегодня.

— А вам этот молодой человек действительно нравится?

— Да, он занимает меня. Если его странное поведение — только особая манерность, то я, уверяю вас, никогда не видела так тонко и интересно проведенной игры в простоту...

— А мне кажется, что он и не умеет вести себя иначе. Не вижу, что может быть интересного в его манерах. Он просто дурно воспитан, и в его грубости нет ничего неестественного.

— Я бы согласилась с вами, если бы не два-три замечания его, говорящие о глубине его научных познаний. В нем есть какое-то инстинктивное проникновение в скрытый смысл слов, которые я встречала только у людей высокого духовного развития. Мне кажется, что его поведение выражает невольный протест свежего духом человека против жалкой чванливости, на которой основаны наши светские обычаи и приличия. Поэтому вы, пожалуй, правы, что его манеры не искусственны. Они непосредственно выливаются из его природы. Тем-то они и интересны. Бывали ли вы в лондонских театрах, Алиса?

— Нет,— ответила Алиса, удивленная этим неожиданным вопросом.— Мой отец считал, что театр — неподходящее место для молодой девушки. Впрочем, я раз была в театре. Давали «Женщину со львами».

— Есть в Лондоне известная актриса, Аделаида Джисборн...

— Как раз ее-то я и видела в «Женщине со львами». Она играла прекрасно.

— Не напоминает ли вам ее мистер Байрон?

Алиса недоверчиво посмотрела на Лидию.

— Кажется, что нет на свете людей, менее похожих друг на друга,— ответила она.

— Я бы не сказала этого,— задумчиво произнесла Лидия, впадая в ту слишком литературную манеру речи, которая так восхитила Кэшеля.— Мне кажется, что рез-

кость их несходства между собой как раз указывает на лежащее в основе ее что-то общее. Иначе как мог бы он напомнить мне ее?

Наступило довольно продолжительное молчание, во время которого Алиса, удивленная необычным настроением Лидии, зорко наблюдала за ней и с любопытством выжидала, чем вся эта беседа кончится.

— Алиса!

— Что?

— Я начинаю серьезно думать о страшных пустяках. Это свидетельствует о потере здорового душевного равновесия. Мое переселение в Уилстокен — одна из моих многочисленных со времени смерти моего отца попыток жить праздною жизнью. Все они только расстраивают меня, вместо того чтобы дать мне покой. Работа, по-видимому, необходимое гигиеническое условие здоровой жизни для меня. Завтра я уеду в Лондон.

Сердце Алисы упало; отъезд Лидии означал для нее потерю места. Так ей, по крайней мере, казалось. Но она постаралась ничего не показать, кроме вежливого безразличия.

— Мы успеем вдоволь насладиться всеми удовольствиями столицы до конца сезона, а в июне мы вернемся сюда, и я примусь за давно задуманную книжку. В Лондоне я соберу необходимые материалы. Если же мне захочется уехать раньше конца сезона, а вам будет жалко так рано расстаться со столичными увеселениями, то мне будет нетрудно пристроить вас в Лондоне так, чтобы вы могли оставаться там без неудобств для себя, сколько вам понравится. Ах, мне хотелось бы, чтобы скорей приходил июнь!

Алиса больше любила Лидию в состоянии женской возбужденности и раздражительности, чем в обычном сосредоточенно-спокойном настроении. Последнее составляло в ней тягостное сознание превосходства Лидии, которое со временем и увеличивавшейся близостью обеих девушек только росло в ней. Она, конечно, и теперь не смела подозревать Лидию в простой женской заинтересованности Кэшелем. Лидия все же была слишком необыкновенной в ее глазах для такого обыкновенного чувства. Однако она начинала не без тайного удовлетворения убеждать себя, что отношение Лидии к подозрительному молодому человеку не вполне безукоризненно.

Сегодня, например, она не постеснялась спросить мало-знакомоего человека, какова его профессия, а Алиса была уверена, что она никогда не допустила бы себя до такой развязности. Вообще Алиса уже совсем освоилась с тоном высшего общества. Она перестала бояться слуг и научилась обращаться к ним с равнодушно высокомерным, но вполне деликатным видом, чем заслужила себе полное признание в людской. Выездной лакей Башвиль даже заявил своим сослуживцам, что, по его мнению, мисс Гофф в высшей степени достойная девушка.

Башвиль был видный тридцатичетырехлетний мужчина чрезвычайно солидной осанки. В деревенском трактире все завистливые стремления посетителей выказать полное равнодушие к его столичной образованности разбивались о его красноречие и осведомленность в политических делах. В конюшне он считался знатоком всех спортивных вопросов. Женская половина прислуги смотрела на него с нескрываемым восхищением, служанки старались превзойти друг друга в выражениях наслаждения, испытываемого ими, когда он декламировал перед ними стихи. Он был любителем поэзии и, обладая хорошей памятью, любил поражать сердца своих поклонниц высокопарной декламацией. Всякая из них гордилась, если получала от него предложение пойти с ним на вечернюю прогулку. Но его временная благосклонность к какой-нибудь избраннице не вызывала в других ревности, так как в людской всем было известно, что Башвиль влюблен в свою госпожу. Сам Башвиль никому, конечно, не признавался в этом, и никто не осмелился бы в его присутствии намекнуть на его сердечную слабость или, того менее, посмеяться над ней. Однако его тайна была всем доподлинно известна. Все, разумеется не исключая и Башвилю, считали эту любовь безнадежной. Мисс Кэру, которая умела ценить добрых слуг, дорожила преданностью своего лакея и щедро вознаграждала его за услуги, но не могла, конечно, подозревать, что ей посвящал свои мечтания этот любимец всех деревенских девушек, знаток поэзии и политических дел.

Разговор Лидии и Алисы в библиотеке еще продолжался, когда Башвиль почтительно отворил дверь и с учтивым поклоном передал Алисе визитную карточку, объявив:

— Джентльмен ожидает вас в круглом зале, мисс.

Алиса прочла на карточке: мистер Уоллес Паркер.

— О! — взволнованно воскликнула она, стараясь разгадать по Башвилю, какое впечатление произвел на него новый гость.— Мой двоюродный брат, о котором мы недавно говорили, пришел навестить меня.

— Как удачно это случилось,— сказала Лидия.— Он объяснит мне, что значит «кулачник». Просите его позавтракать с нами.

— Он вам не понравится,— поспешила ответить Алиса.— Он мало бывал в обществе. Лучше я пойду и сейчас повидаюсь с ним.

Лидия не возражала, как будто занимавшие ее мысли мешали ей вникнуть в чужие слова, Алиса пошла в круглую гостиную, где ее в первый раз принимала Лидия. Там она застала мистера Паркера, занятого рассматриванием висевшего по стенам индийского оружия. Он был одет в синий сюртук, странно сидевший на его короткой фигуре. В заложенных за спину руках он держал новехонькую шляпу и пару еще ненадеванных перчаток. Он повернулся для приветствия к Алисе: на лице можно было прочесть выражение непоколебимого самоуважения. Тусклые глаза и поредевшие виски говорили о бессонных ночах, проведенных за прилежной работой или, может быть, за веселыми кутежами. Он очень уверенно подошел к Алисе, довольно долго и горячо жал ее руку и любезно подставил ей стул, не замечая подчеркнуто холодного приема, ему оказанного.

— Я нисколько, разумеется, не сержусь, Алиса, но я был чрезвычайно удивлен, узнав от тети, что вы переехали сюда, не посоветовавшись о том со мной. Я...

— Не посоветовавшись с вами? — гневно перебила Алиса.— В первый раз слышу. Почему это я обязана просить вашего совета перед каждым своим движением?

— Ну, может быть, мне и не следовало употреблять слова «совет», особенно по отношению к такой милой и независимой особе, как мисс Алиса Гофф. Но все же вы могли бы известить меня о ваших намерениях. Надеюсь, что отношения, связывающие нас, дают мне право на ваше доверие.

— О каких это отношениях вы говорите?

— О каких отношениях я говорю? — укоризненно повторил он.

— Да, о каких отношениях?

Он встал и торжественно, но нежно произнес:

— Алиса, я шесть раз просил вашей руки...

— А я хоть один раз приняла ваше предложение?

— Позвольте мне докончить, Алиса. Я знаю, что вы ни разу не заявили мне определенного согласия; но я всякий раз прекрасно понимал, что необеспеченность моего положения была единственной преградой для нашего счастья. Мы... Пожалуйста, не перебивайте меня, Алиса. Вы не можете знать, что я имею сообщить вам. Я назначен вторым наставником в Санбурийском колледже с 350 фунтами годового оклада, квартирой, отоплением и освещением. Со временем я, конечно, достигну положения главного наставника — блестящее место, дающее 1600 фунтов в год. Над вами уже теперь не тяготеет горе, так сильно овладевшее вами по смерти вашего отца, и вы можете при помощи одного слова теперь же, в одно мгновение покинуть свое зависимое положение в этом доме.

— Благодарю вас: я чувствую себя здесь прекрасно.

Наступило молчание. Мистер Паркер опять сел в свое кресло. Тогда Алиса продолжала:

— Я очень рада, что наконец вы пристроились. Это должно было чрезвычайно утешить вашу бедную мать.

— Мне показалось, Алиса — может быть, я и ошибаюсь, но мне показалось, — что ваша мать приняла меня сегодня утром холоднее обыкновенного. Надеюсь, что чрезмерная роскошь этого дома не испортит вашего прекрасного сердца. Я не смогу, конечно, поселить вас во дворце и окружить толпой ливрейных слуг; но я сделаю вас хозяйкой почтенного английского дома, не зависящей от благоволения чужих людей. Большого вы все равно ни от кого не получите.

— Я очень благодарна вам за поучения, Уоллес.

— Вы могли бы разговаривать посерьезнее со мною, — произнес он, вновь зашагав по комнате с сердитым видом. — Полагаю, что предложение, делаемое достойным человеком, должно быть выслушано с большим уважением.

— Ах, Боже мой! Но ведь между нами было, кажется, условлено, что вы не станете повторять свое предложение при каждой встрече.

— Да, но между нами было тоже условлено, что мое предложение откладывается до того времени, когда я займу обеспеченное положение. Это время наступило, Алиса. И я жду благоприятного ответа. Я заслужил его своим терпеливым ожиданием, Алиса.

— Должна вам заметить, Уоллес, что не считаю благоразумным с вашей стороны жениться, имея 350 фунтов в год.

— Вы забываете квартиру, отопление и освещение. Вы стали что-то слишком благоразумны, с тех пор как поселились в этом замке. Мне кажется, что вы просто перестали любить меня.

— Да я никогда и не говорила, что люблю вас!

— Может быть никогда и не говорили прямо, но давали мне это понять намеками.

— Никогда ничего подобного не было, Уоллес. И я не хочу, чтобы вы говорили об этом.

— Одним словом, вы надеетесь поймать здесь какого-нибудь молодчика, который будет более выгодным мужчиной, чем я?

— Уоллес, как вы смеете?!

— Вы оскорбили мои чувства, Алиса, и я вышел из себя. Простите. Я умею вести себя не хуже тех, которые имеют доступ в этот замок. Но когда все мое счастье поставлено на карту, я не могу думать о приличиях. Поэтому я настаиваю на немедленном и категорическом ответе на мое предложение.

— Уоллес,— с достоинством ответила Алиса,— я не желаю, чтобы меня угрозами принуждали отвечать. Вы знаете, что я относилась к вам только как к двоюродному брату.

— Я не желаю, чтобы на меня смотрели только как на двоюродного брата. Разве я так относился к вам?

— Неужели вы полагали, Уоллес, что я разрешила бы вам звать меня просто по имени и стать в такие близкие отношения ко мне, если бы я не смотрела на вас, как на близкого родственника? Если так, то у вас очень странное мнение обо мне.

— Никогда я не думал, что роскошь может так испортить человека...

— Вы уже говорили это,— с досадой перебила его Алиса.— Отучитесь от скверной привычки постоянно твердить одно и то же. Останетесь ли вы у нас к завтраку? Мисс Кэру просила пригласить вас.

— Это очень любезно с ее стороны. Поблагодарите мисс Кэру, скажите ей, что я чрезвычайно польщен, но чувствую себя расстроенным и не могу принять ее приглашение.

Алиса презрительно посмотрела на него.

— Вам почему-то нравится делать себя смешным в глазах людей.

— Очень огорчен, что мое поведение вам не по вкусу. Вам бы не пришло в голову жаловаться на него, если бы вы не попали в аристократическую обстановку. Но не буду больше отнимать вашего драгоценного времени. Счастливо оставаться!

— Прощайте. Не понимаю, отчего вы так сердитесь.

— Я несколько не сержусь. Я лишь огорчен тем, что роскошь так пагубно влияет на вас. Я считал ваш характер более устойчивым. Прощайте, мисс Гофф. Я не буду уже иметь случая вновь увидеться с вами в этом прекрасном замке.

— Значит, вы решительно уходите, Уоллес? — спросила Алиса вставая.

— Да, что же мне тут еще делать?

Она протянула руку к звонку, чем сильно разочаровала его. Он ожидал, что она постарается примириться с ним. Тотчас же появился Башвиль.

— До свидания,— вежливо проговорила Алиса.

— До свидания,— процедил Уоллес сквозь зубы. Он быстро вышел из комнаты, окинув слугу взбешенным взглядом.

Он уже спускался со ступенек террасы, когда Башвиль нагнал его.

— Извините, сэр. Не вы ли забыли это? — И он подал мистеру Паркеру его трость.

Первой мыслью Паркера было, что слуга издевается над дешевым видом его трости. Но он быстро отогнал от себя эту мысль, слишком унижавшую его достоинство. Однако он решил доказать Башвилю, что тот имеет дело с настоящим джентльменом. Он взял свою трость и, вместо благодарности, подал слуге пять шиллингов.

Башвиль вежливо улыбнулся, отрицательно покачав головой.

— Благодарю вас, сэр. Это не в моем обычае.

— Дурацкий же у вас после этого, обычай,— вспыхнул обиженный Уоллес, пряча деньги в карман.

Башвиль преисполнился чувством собственного достоинства.

— Спешите, спешите, сударь,— гордо ответил он, следуя по пятам за быстро удалявшимся Паркером.— Но

грубость порождает грубость. А джентльмену не мешало бы знать, как должен вести себя джентльмен.

— А пошел ты к черту! — крикнул Паркер и почти бегом пустился прочь.

— Если бы вы не были гостем моей госпожи, я отправил бы вас на недельку отлежаться в постели за то, что вы послали меня к черту, — погрозил ему вслед Башвиль.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мисс Кэру на другой же день привела в исполнение свое намерение и переехала в Лондон, где наняла дом около Риджент Парка. Это сначала огорчило Алису, потому что она мечтала жить в более аристократических кварталах Лондона, где-нибудь в Майфэре или Южном Кенсингтоне. Но Лидия дорожила чистым воздухом и прелестным видом, который открывался на парк из северных окон ее дома. Алиса же быстро нашла себе утешение, получив возможность кататься по Лондону в изящном экипаже и в дорогих туалетах. Это развлечение она любила больше, чем концерты классической музыки, которую она не умела оценить, и даже больше, чем оперу, куда Лидия часто водила ее. Гораздо более ей по вкусу пришелся театр. Она убедилась, что это развлечение нисколько не предосудительно, так как в партере и фойе театров она встречала лучшее общество Лондона. Сознание, что она возвращается в настоящем лондонском обществе, восторгало Алису. Она безумно увлекалась танцами, выезжала на балы почти каждый вечер и стала казаться себе в этой обстановке еще более красивой и обольстительной, чем в Уилстокене.

Лидия не делила с ней этих удовольствий. Она постоянно доставала для Алисы приглашения на балы и вечера, находила ей провожатых, а сама чаще всего оставалась дома. Алиса дивилась, как может умная и красивая девушка просиживать без зевка на глупейшем концерте и уходить домой, как только окончится скука и начинаются танцы.

В одну из суббот, за утренним кофе, Лидия спросила:

— Вы бывали в Кристал Паласе?

— Нет, — ответила Алиса с досадой, о которой она пожалела, когда Лидия мягко продолжала:

— Я пойду туда сегодня и поброжу по его чудным залам. После полудня там состоится концерт, на котором выступит Шимплицкая; игра ее, впрочем, вам не понравится. Хотите ли идти со мной?

— Как вам будет угодно,— сказала Алиса, подчеркивая сознание своего долга.

— Не как мне, а как вам угодно, дорогая Алиса. Есть ли у вас какое-нибудь приглашение на завтрашний вечер?

— На воскресенье? Нет. Впрочем, дорогая Лидия, все мои вечера принадлежат прежде всего вам.

Наступило молчание, достаточно продолжительное, чтобы обнаружить очевидную неискренность этих слов. Алиса закусила с досады губу. Лидия заговорила первая:

— Вы знакомы с госпожой Хоскин?

— С той, которая устраивает у себя вечера по воскресеньям? Разве мы пойдем к ней? — оживившись, спросила Алиса. — Меня часто спрашивают, бываю ли я на ее вечерах. Но я не знакома с ней, хотя знаю ее в лицо. Что она из себя представляет?

— Это молодая женщина, начитавшаяся разных книг по искусству, которые произвели на нее большое впечатление. Ее дом известен тем, что она вводит к себе всех умных людей, которых встречает где-либо, и умеет сделать себя для них настолько интересной, что они охотно посещают ее. Но она, к счастью, не настолько увлеклась искусством, чтобы лишиться благоразумия. Она вышла замуж за состоятельного делового человека, который, наверное, не читал ничего, кроме газет, с тех пор как окончил свое учение. Однако навряд ли сыщется более счастливая супружеская чета во всей Англии.

— У нее хватило ума понять, что для нее нет выбора,— снисходительно заметила Алиса. — Ведь она очень дурна собой.

— Вы думаете? Нет. Она всегда была окружена поклонниками, и мне говорили даже, что известный художник, мистер Герберт, просил ее руки, прежде чем она встретила со своим теперешним мужем. Мы увидим у нее завтра этого Герберта и других знаменитостей: его жену — пианистку Шимплицкую, композитора Джека Оуэна, изобретателя Конолли и многих других. Завтрашний вечер будет замечателен тем, что на нем будет присутствовать профессор Абендгассе, знаменитый немец-

кий катедер социалист и знаток искусства. Он прочтет доклад о «Праве в искусстве». Интересно ли вам послушать его лекцию?

— Конечно, очень интересно. Мне было бы жалко упустить возможность побывать у госпожи Хоскин. Меня часто спрашивают, бывала ли я у нее и знакома ли я с той или иной знаменитостью, о которой я даже не слышала в моем провинциальном уединении.

— Я решила поехать туда после лекций. Герр Абендгассе — очень восторженный и красноречивый человек, но мало оригинален в своих мыслях. Я предпочитаю черпать мысли непосредственно у их творцов. Но если вас особенно интересует...

— Нет, вовсе нет. Если он социалист, то я предпочитаю не слышать его, особенно в воскресный день.

Было решено отправиться завтра к госпоже Хоскин, но пропустить доклад. Сейчас же, после кофе, они поехали в Кристал Палас, по которому Алиса бегала с любопытством провинциалки, а Лидия ходила, внимательно изучая его богатые коллекции. Они остались на дневной концерт, прослушали ряд номеров, которые доставили видимое удовольствие Лидии, хотя она и указывала на недостатки отдельных исполнителей. Алиса же, для которой одинаково остались непонятыми как недостатки исполнения, так и красота самой музыки, считала необходимым выражать свое удовольствие и оживленно аплодировать, когда это делают другие. На эстраде, в последней части концерта, появилась леди Шимплицкая, с которой Алиса надеялась познакомиться на следующий день, и исполнила в сопровождении оркестра фортепианную фантазию славного Джека, с которым Алисе предстояло тоже познакомиться завтра. В программе был изложен разбор этого произведения, прочтя который Алиса узнала, что в первом *adagio* она услышит пение ангельского хора. Она прислушивалась изо всех сил, но ангельского пения так и не услышала. Ее сильно удивило, поэтому, что зал с увлечением аплодировал Шимплицкой, как будто она на самом деле свела на землю небесную музыку. Даже Лидия казалась взволнованной и сказала:

— Странно, что это только обыкновенная женщина, подобная многим из нас, с теми же самыми узкими границами существования, с теми же прозаическими заботами и мыслями; странно, что она сейчас сядет в вагон

метрополитена, поедет домой в обычную английскую семью. Разве не естественнее было бы, если бы ее ожидали у подъезда большая раковина, запряженная белыми лебедями, которые увезли бы ее на заколдованный остров. Ее игра напомнила мне те годы, когда я сама жила в зачарованной стране и ничего не знала о существовании иных стран.

— Говорят,— заметила Алиса,— что муж сильно ревнует ее, и что она сделала ему жизнь невыносимой.

— Говорят... Люди говорят о других только то, что находится на уровне их собственного понимания. Они замечают в других только то, что похоже на них самих... Но, может быть, и правду говорят... Я не встречалась с мистером Гербертом, но я видела его картины. По ним можно судить, что это человек, который много читает, но ничего не видит. Все они теперь берут сюжеты из какой-нибудь поэмы. Если бы только можно было найти развитого и умного человека, не прочитавшего ни одной книги. Какой бы это был восхитительный собеседник!

После окончания концерта они не сразу поехали домой. Лидии хотелось прогуляться по окружавшим Кристал Палас садам. К концу прогулки они подошли к одному из вокзалов городской железной дороги, сели в подошедший поезд и через несколько минут уже вышли на станции, где им предстояла пересадка. Настал прелестный летний вечер, и поэтому Алиса, которая считала, что девушки должны остерегаться вечерней железнодорожной публики, не решилась приставать с уговорами к Лидии, прохаживавшейся по более пустынному концу платформы, примыкавшему к цветущему саду.

— По-моему,— промолвила долго молчавшая Лидия,— это место у станции самое красивое в Лондоне.

— Разве? — лукаво заметила Алиса.— Я думала, что все поклонники искусства считают железные дороги и вокзалы уродством, искажающим красоту природы.

— Да, некоторые держатся такого мнения. Но это художники уже отжившего времени. Они твердят все одно и то же, как попугаи. Если почти всякое радостное воспоминание моего детства, всякий выезд из серого города в зеленые поля и леса связаны с железной дорогой, то естественно, что мои чувства к ней не похожи на чувства моего отца, в детские годы которого железные дороги были только чудовищным и неслыханным нововведени-

ем, безобразным для не привыкших к нему глаз. А теперь паровоз приводит в восторг всякого ребенка. Дети висят на перилах моста, чтобы посмотреть, как под ним проходит поезд. Мальчики бегают вдоль дорожек парков, пыхтя и свистя в подражание паровозу. Этот детский романтизм войдет скоро новым элементом в отношение взрослых к нововведениям цивилизации, когда подрастут все эти дети. Мечты детства не проходят бесследно. Да разве поезд, кроме тех минут, когда он спрячется в отвратительный лондонский туннель, не восхитительно прекрасен в своей жуткой мощи? Тянущиеся за ним полосы белого пара и дыма оживляют каждый пейзаж. А говор колес, доносящийся издали! Стояли ли вы когда-нибудь, Алиса, на морском берегу возле железнодорожной линии и вслушивались ли в нарастающий гул мчащегося к вам поезда? Сперва его едва отличаешь от говора волн, но мало-помалу вы распознаете своеобразный ропот колес: то раздается глухое роптанье, — это поезд вошел в глубокую котловину пути; но вот он вылетел на простор полей, — а соседние холмы отражают своим эхом его дерзкий гул, разрывающий молчание природы. Он шлет к вам издали лишь смутный шум, ритмическим грохотом колес завораживает вас, и грохот все растет, все приближается. Наконец поезд пролетает мимо, грохоча и обдавая вас вихрем своего движения, как неведомое чудовище, как неизъяснимое в своей мощи видение. Хорошо укрыться в туннель и, прижавшись к стене, ожидать его прихода. Я решила однажды на это. Поезд летел, и мне казалось, будто я слышу финальные аккорды бетховенской увертюры, в тысячу раз увеличенной в своей молниеносной стремительности. Только сентиментальная глупость может не видеть красот железной дороги. Я уверена, что есть миллионы людей в Англии, для которых гул далекого поезда так же мил, как щебетание полевого жаворонка. Посмотрите, — вдруг оборвала Лидия, — это не лорд Вортингтон стоит вон там, на третьей отсюда платформе? Кажется, он?

Она остановилась. Алиса посмотрела, куда ей указала Лидия, но не заметила лорда и не могла понять причины перемены, происшедшей с Лидией, которая быстро проговорила:

— Он, верно, с тем же поездом, что и мы. Пойдемте внутрь вокзала.

Говоря это, она быстро пошла вдоль платформы. Алиса с трудом попевала за ней. Они уже подошли к входу в залы первого класса, когда до них донеслись шумные голоса пьяной группы мужчин. Едва успели обе девушки скрыться за стеклянной дверью, как перед ними появился один из них и стал отплясывать самый неожиданный пьяный танец, горланя циничную песню. Лидия подошла к окну и молча наблюдала эту сцену. Алиса последовала ее примеру, и, взглядевшись в пьяницу, узнала в нем Меллиша. С ним были еще три приятеля, одобрительно смеявшиеся над выходкой своего товарища, но сами более трезвые, чем он. Вскоре к этой компании подошел Кэшель Байрон, в элегантном светлом костюме, который хорошо обрисовывал его крепкие мышцы. Он был совсем трезв, но прическа его была в беспорядке и левый глаз, украшенный огромным синяком, был полузакрит. Кэшель решительно приблизился к Меллишу, который, продолжая свою пляску, звал приятелей в буфет подкрепиться за его счет, и, схватив его за шиворот, потребовал, чтобы тот прекратил свою пляску. Меллиш в ответ старался обнять Кэшеля.

— Милый мой мальчик! — кричал он в приливе пьяной нежности. — Ты мой лучший друг! Ты победишь всех боксеров мира; это так же верно, как то, что я Боб Меллиш!

— Молчи, старый дурак, — успокаивал его Кэшель, таща за воротник к скамейке и усаживая его. — Можно подумать, что ты на своем веку не видел, как люди выигрывают.

— Погоди, Байрон, — сказал один из приятелей. — Вот идет его светлость.

Действительно, к этой странной группе подошел лорд Вортингтон, возбужденный и довольный.

— Молодец! — воскликнул он, хлопнув Кэшеля по плечу. — Молодчина, вы выиграли для меня сегодня порядочный куш, и вы получите из него свою долю, мой милый.

— Я, я тренировал его, — закричал Меллиш, опять вылезая вперед. — Вы знаете меня, милорд? Знаете старого Боба Меллиша? На пару слов по с-с-секрету, милорд.

— Да берегитесь вы, старый черт! — испуганно воскликнул лорд, заметив, что пьяный Меллиш, пошатываясь, побрел к рельсам. — Не видите разве поезда?

— Вижу,— важно ответил Меллиш.— Я все вижу. Знаете, кто я такой? Я — Боб Меллиш...

— Ну-ну, иди,— подхватил его под руку один из его более трезвых приятелей, внушительного вида господин с разбитым носом. Он потащил Меллиша в поезд, выкрикивая на ходу:

— Как здорово огрели вы своего датчанина, Байрон! Его сторонники просадили-таки немало денежек. Но зато и он изукрасил вас: завтра ваш глаз будет желтее спелой тыквы.

Взрыв хохота был ответом на эти слова. Вся компания забралась в вагоны. Лидия и Алиса постарались незамеченными пробраться на свои места в другом конце поезда.

— Признаюсь,— сказала Алиса, немного придя в себя после сцены, свидетельницей которой она только что была,— приятели мистера Байрона и лорд Вортингтон ведут себя довольно странно.

— Да,— нахмурившись ответила Лидия,— я хорошо знаю английский язык, но ни слова не поняла из того, что они говорили, хотя все ясно слышала.

— Ручаюсь, что это не джентльмены. Вы как-то говорили, что с первого взгляда нельзя узнать джентльмена. Но теперь вы вряд ли скажете, что эти люди одного круга с лордом Вортингтоном.

— Да. Это какие-то хулиганы. И мистер Байрон самый отъявленный хулиган из них всех,— с мрачной злобой проговорила Лидия.

Пораженная этим замечанием Алиса не смела заговорить с расстроенной подружкой, до тех пор пока они не вышли из поезда на станции Виктория. На улице они заметили толпу, окружавшую Кэшеля. Алиса поспешила пройти мимо, но Лидия обратилась к одному из полицейских и спросила, в чем дело. Тот объяснил ей, что какой-то пьяный, выходя из вагона, попал под колеса, но что поезд вовремя остановился и все обошлось благополучно. Теперь толпа приводит пьяницу в чувство. Лидия обернулась, отыскивая глазами поджидавшую ее в стороне Алису, когда перед ней очутился низко кланявшийся Башвиль. Его появление удивило Лидию, так как она не давала ему никаких соответствующих распоряжений. Однако она не стала его расспрашивать, только осведомилась, приехала ли за ней карета.

— Нет, сударыня,— ответил Башвиль.— Вы не изволили приказывать.

— В таком случае наймите, пожалуйста, экипаж.

Когда Башвиль отошел, она спросила Алису:

— Вы приказывали Башвилю поджидать нас?

— Нет,— ответила та,— мне это не приходило даже в голову.

— Странно. Но во всяком случае он очень старательно исполняет свои обязанности. Он, верно, прождал нас с самого полудня, бедный Башвиль.

— Ну, ему больше нечего делать,— беззаботно ответила Алиса.— Вот, он уже привел коляску.

В это время вытщенный из-под поезда Меллиш сидел уже на коленях одного из своих приятелей. Он был почти без сознания. На лбу зиял кровавый шрам. Человек с разбитым носом выказал себя опытным в таких делах. Пока Кэшель на руках переносил его с вокзала, а остальные приятели отгоняли увещеваниями и кулаками толпу, он разорвал свой платок, прочистил рану и перевязал ее. Затем он стал приводить Меллиша в чувство. Сначала он кричал ему на ухо; это не помогло. Тогда он стал ожесточенно трясти его, но Меллиш только бормотал невнятно какие-то ругательства, и голова его по-прежнему бессильно свешивалась на грудь.

Выведенный из терпения Кэшель заявил, что Меллиш дурачит их, и что он не желает стоять здесь до вечера.

— Погодите, я приведу его в чувство,— решительно проговорил он и начал жестоко мять бедному Меллишу уши, как поступают полицейские с валяющимися на улицах пьяницами.

— Так его,— одобрили окружающие. И действительно, Меллиш очнулся и встал на ноги.

— А теперь в путь,— решил человек с разбитым носом. Он подхватил Меллиша под одну руку, Кэшель под другую, и они потащили его не обращая внимания на его пьяные слезы, на его причитания и жалобы, что он стар, что больно расшибся, что Кэшель не любит его.

Лорд Вортингтон воспользовался этим приключением, чтобы скрыться от своих странных приятелей, и поспешил вернуться домой. Он все еще был возбужден боксом, на котором присутствовал, и своим выигрышем. Когда его старый слуга открыл ему дверь и подал письмо, пришедшее за время его отсутствия, он четыре раза спрашивал, не заходил ли кто к нему, и четыре раза не дослушивал ответа, перебивая его бессвязным рассказом о впечатлениях этого дня.

— Я поставил пятьсот фунтов закладу, что Байрон побьет датчанина в пятнадцать минут. А Байрону я обещал двести пятьдесят в случае выигрыша. Ловко, Бедфорд, а? Кэшель не такой человек, чтобы упустить куш в двести пятьдесят фунтов. Клянусь Св. Георгием, он не дурак. На четырнадцатой минуте я был уверен, что мои пять сотен погибли. Датчанин стоял себе как ни в чем не бывало, а Кэшель, казалось, уже совсем ослабел и пытался даже как будто выйти из игры. Посмотрели бы вы, с каким торжеством датчанин бросился на него! Он воображал, конечно, что победа за ним.

— Господи, милорд! Да чем же кончилось?

— А вот сейчас узнаете чем. Я говорил, что Кэшель не дурак! Это был только ловкий маневр, чтобы обмануть простака датчанина. Стоило посмотреть, как великолепно накинулся на него Байрон! Впрочем, все произошло так быстро, что ничего и разглядеть было невозможно. Не успел датчанин сообразить, в чем дело, как уже без памяти лежал на земле. За Байрона ставили только пятнадцать фунтов против ста. Его сторонники дьявольски много выиграли. Клянусь всеми святыми, Бедфорд, Кэшель — настоящее чудо. Я смело поставлю на него свой последний шиллинг. Когда видишь, как он боксирует, чувствуешь себя гордым, что родился англичанином!

Бедфорд с почтительным удивлением смотрел, как его господин, вне себя от восторга, ходил во время рассказа по комнате, потрясая кулаками, как будто желая вступить в бой с воображаемым датчанином. Старый слуга наконец решился напомнить о забытом письме.

— Черт с ним! — сказал лорд Вортингтон. — Это почерк госпожи Хоскин. Верно, какое-нибудь приглашение или пустяк в этом роде. Впрочем, посмотрим.

Он вскрыл письмо:

«Суббота.

Дорогой лорд Вортингтон.

Я не забыла своего обещания дать Вам случай поближе познакомиться со знаменитой госпожой Герберт-Шимплицкой — мадам *Simplicita*, как Вы называете ее. Она будет у нас завтра вечером, и мы будем очень рады видеть вас у себя, если Вы сможете прийти. В девять часов г-н Абендгассе, знаменитый немецкий художественный критик и большой мой друг, прочтет свою статью

«Правда в искусстве», но я не стану кривить душой и уверять себя и Вас, будто это может интересовать Вас. Поэтому можете прийти к половине одиннадцатого, когда все серьезные разговоры будут окончены...»

— Прекрасно,— пробормотал лорд Вортингтон, усаживаясь в свое любимое кресло.— Эта женщина полагает, что, если я разумно пользуюсь жизнью, то я уже не могу отличить передней стороны картины от задней и переплета книги от ее содержания. Я поеду к ней ровно в девять. Посмотрим, что она пишет дальше.

«...Я подозреваю, что никто из ваших знакомых не питает особой склонности к искусству. Тем не менее привезите с собой одну или две знаменитости. Мне хочется окружить почтенного герра Абендгассе самым избранным обществом. Я и так уже созвала для него всех, кого могла найти среди лондонских сливок. Он не сможет жаловаться на свою аудиторию. Но если Вы можете дополнить мой список двумя-тремя громкими именами, непременно сделайте это...»

— Слушаюсь, госпожа Хоскин,— проговорил лорд, хитро подмигивая удивленному слуге,— я вам доставлю на завтра знаменитость, настоящую знаменитость, не то, что ваши мягкотелые немцы, если только мне удастся уговорить его. Если он кому-нибудь из ваших гостей не понравится, пусть только посмеют заявить ему это! Ха-ха-ха! Как вы думаете, Бедфорд?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На следующий вечер, около десяти часов, Лидия и Алиса подъезжали к дому госпожи Хоскин. В саду, который был перед домом, они встретили лорда Вортингтона, с сигарой во рту, беседующего с мистером Хоскином. Он вошел в дом вместе с вновь прибывшими гостями, от которых не укрылось, что лорд подкрепил себя вином. Они расстались с ним у двери какого-то будуара, куда зашли, чтобы снять шляпы и поправить прически. Вортингтон остался поджидать их. Вдруг они услышали, что кто-то быстро подошел к нему и уже издали взволнованно говорил:

— Вортингтон, Вортингтон! Он начал держать речь в зале, воспользовавшись минутою, когда Абендгассе замолчал. Зачем вы напоили его шампанским за обедом!

— Молчите, не говорите, что он немного пьян. Нас могут услышать. Пойдемте и постараемся утихомирить его.

— Слышали? — спросила Алиса.— Кажется, что-то случилось.

— И слава Богу,— ответила Лидия.— Обыкновенный недостаток таких званых вечеров именно в том, что на них ничего не случается. Пожалуйста, не докладывайте о нас,— попросила она вышедшего к ним навстречу слугу.— Мы опоздали и хотели бы войти как можно тише, чтобы как-нибудь не обиделся г-н Абендгассе.

Им без труда удалось проскользнуть в гостиную незамеченными. Госпожа Хоскин любила поэтический сумрак, и ее приемные комнаты скудно освещались небольшими фонариками с цветными стеклами. Посреди большой залы, в которой собрались гости, стоял маленький круглый стол, покрытый тяжелой бархатной скатертью. На нем между двух канделябров находился пюпитр для лектора. Свет канделябров разбросал по всему залу странные двойные тени человеческих фигур. Вокруг столика стояли ряды кресел, на которых сидели почти исключительно только дамы. На свободном от кресел пространстве, в глубине залы, собралась группа мужчин, среди которых был и Люциан Уэббер. Они окружили Кэшеля Байрона, который держал громким голосом речь, обращаясь к почтенному бородатому джентльмену. Лидия, еще ни разу не видевшая Кэшеля в парадном костюме и в такой роли, была поражена его видом. Глаза его сверкали; самообладание, с каким он держался, явно импонировало гостям; его грубоватый голос резко звучал в наступившей тишине. Он, по-видимому, нисколько не чувствовал себя смущенным и отмечал концы своих предложений широкими взмахами левой руки.

— ...исполнительная власть,— услышала Лидия его слова,— это прекрасная вещь, милостивые государи, и я хочу изложить вам, как я ее понимаю. Нам только что говорили, что если мы хотим передать приобретения цивилизации своим ближним, то мы можем делать это будто бы только примером собственной жизни, то есть, если каждый из нас станет живой иллюстрацией той высокой

культуры, какой мы достигли. Но я спрашиваю вас, джентльмены, как станет дикарю известным, что вы являетесь собой пример культурности? Не можете же вы отправиться к жителям Сандвичевых островов с котомкой за плечами, чтобы изложить ваши утонченные идеи? А по одному вашему виду и вашим словам никто не согласится признать, что вы лучше его. Вы желаете иметь исполнительную власть, иначе говоря, действительное влияние на жизнь, не правда ли? Предположим теперь, что вы прогуливаетесь по Лондону и видите, что какой-нибудь мужчина колотит несчастную женщину, подавая тем дурной пример подонкам общества. Вы чувствуете себя обязанным противопоставить ему добрый пример — и, если вы мужчина, вам хочется, конечно, спасти бедную женщину. Но вы не можете достигнуть этого только тем, что будете жить по всем правилам культуры и пройдете мимо, как живая иллюстрация добродетели. Этим вы окажете только дурной пример равнодушия, так как негодяй будет продолжать колотить свою жертву. Что же нужно для того, чтобы в подобном случае действительно выказать свои культурные идеи? Вы должны уметь одолеть негодяя, то есть знать, как, куда и когда лучше всего ударить его. Это будет настоящим проявлением исполнительной власти. Такая власть действительно сильнее той, к достижению которой зовет нас этот джентльмен путем сидения в своей комнате и размышления над тем, как мы культурны и добродетельны. Ведь к этому, в конце концов, сводятся его слова. Вы хотите иметь исполнительную власть, то есть действительно влияние, чтобы оказывать на других воздействие своим примером. Однако если вы предоставите всю сферу действия малокультурным классам, а сами будете жить в созерцании своих культурных качеств, то их пример восторжествует, а не ваш. Взгляните, господа, на комическую сторону этого вопроса. В одно из недавних воскресений я слышал в парке, как какой-то человек утверждал, что мы в этой стране связаны по рукам и ногам и бессильны что-либо сделать; ибо, говорил он, если лорды, лендлорды и прочие сильные мира задумают загнать нас в море, сможем ли мы не подчиниться? Я вижу, что один из джентльменов смеется над моими словами; но я спрашиваю его, как он поступает, если полиция или солдаты придут к нему сегодня ночью и прикажут выселиться из своего дома и кинуться

в Темзу? Может быть, он заявит им, что на следующих выборах не будет голосовать за правительство? Или, — если это не остановит их, — что он уговорит своих друзей поступить так же? Неужели в этом вы видите исполнительную власть, присущую каждому англичанину, джентльмены? Много же вы с этой властью сделаете! Нет, джентльмены, не давайте водить себя за нос людям, которые хотят поработить вас. Первая обязанность всякого англичанина — уметь бороться, а уметь бороться, значит, прежде всего уметь драться. Незачем приобретать книги и картины, если вы не способны защитить голову, которая ими наслаждается. Если бы джентльмен, смеявшийся над моими словами, умел драться, ему нечего было бы бояться ни полиции, ни солдат, ни русских, ни пруссаков, ни любого из тех миллионов людей, которые могут в любой момент напасть на него, так как он был бы в состоянии сам постоять за себя. Вы станете указывать мне на разделение труда. Нам не нужно самим драться за себя, скажете вы, мы можем нанять за плату других людей для этого. Но, господа, это пример того, как можно здравую идею довести до бессмысленного абсурда! Умение драться есть способность самосохранения: другой не может заменить вас в этом. Почему же в таком случае, если быть последовательным, не произвести разделения труда в потреблении пищи; наймите одного, чтобы он съедал ваш ростбиф, другого, чтобы выпивал ваше пиво, третьего, чтобы вместо вас поглотил ваш картофель! Это так же бессмысленно, как идея нанимать других, чтобы они дрались вместо вас. Представьте, что кто-нибудь предложит им большую плату, чем вы; тогда они неминуемо оставят вас беззащитными или даже станут драться против вас. Опасно передавать исполнительную власть деньгам. Поэтому я и утверждаю, что первейший долг человека — это научиться драться. Если он не умеет этого, он не сможет воплотить в жизнь пример того, что считает хорошим, не сможет постоять за свои права или за права ближнего. Если при нем сильный станет обижать слабого, единственное, что он в состоянии будет сделать, — это побежать за помощью к ближайшему полицейскому, который может спокойно повернуться к нему спиной. И если после подобного происшествия он войдет вот в такую гостиную, в общество женщин и девушек, то почувствует ли он себя на

самом деле мужчиной? Поймите мою мысль, джентльмены: не принимайте моих слов слишком буквально. Если на ваших глазах мужчина колотит женщину, вы, конечно, заступитесь за нее и наградите его парой здоровых тумаков. Но вы не станете вмешиваться в уличную свалку, потому что это недостойно вас, и притом такие столкновения кончаются всегда печально для обеих сторон. Разумеется, это только маленькие практические советы с моей стороны. Основное положение остается в силе: вы должны добиться действительной исполнительной власти, как я разумею ее. Тогда вы будете обладать истинным мужеством и, — что важнее всего, — это мужество будет полезно для вас. Ведь, хотя бы вы и были мужественны от природы, но если вы не обладаете умением применить его, то есть исполнительной властью, о которой я говорю, то ваше мужество приведет лишь к тому, что вы будете побиты человеком, у которого есть и мужество, и исполнительная власть.

Теперь я хочу перейти к вопросу, близкому к тому, что я только что говорил. О нем упоминал профессор в своем докладе. Я не музыкант, милостивые государи; но я именно хочу показать вам, что человек, знающий одно искусство, знает тем самым все искусства. Начну с сообщения, сделанного профессором, что в музыке стал знаменитым человек по имени Вагнер и что его музыкальные сочинения следует признать первоклассными; что, так сказать, он выходит победителем из борьбы. Но вместе с тем нас старались уверить, будто бы он побеждает не по правилам и что, следовательно, у него нет настоящего умения и действительных знаний. Я, джентльмены, не могу с этим согласиться. Только что я доказал вам, что все его старания были бы напрасны и не привели бы к успеху, если бы у него не было умения и знания. Он мог бы одолеть какого-нибудь второклассного соперника, если он молод; но выдвинуться так, как нам о том рассказывали, он не был бы в состоянии без ума и знаний, без учености, одним словом. Наверное, его способ отпугивает и сердит людей; они думают, что человек добывает способы своей деятельности откуда-то извне, а не выращивает их сам из себя, как растение выращивает зерно. Нелепо думать, что пригодное одному пригодно и для другого, и что есть один правильный способ, а все другие неправильны. По-моему, те, которые осуждают

господина Вагнера или завидуют ему, не более, чем старые развалины, которым он пришелся не по вкусу, потому что все новое для них плохо. Подождите немного и тогда вспомните мои слова; скоро они запоют другое и найдут, что он не сделал ничего нового, что все это заимствовано от какого-нибудь музыканта, который жил, когда им самим было по десять лет. История показывает нам, что это постоянно так бывает: об этом упоминал и профессор, приведя в пример Бетховена. Но этот пример может быть не очень убедителен для вас, джентльмены, потому что из тысячи людей вряд ли один слышал о Бетховене. Поэтому возьмите имя, хорошо известное каждому из нас, возьмите примером знаменитого боксера Джека Рэндола. Ведь то же самое говорилось и о нем! Нам незачем, как видите, ходить за примерами к музыкантам. Все дело в том, что есть на свете люди, до такой степени завистливые и недоброжелательные, что им невыносимо слышать восхваления чужих достоинств и заслуг; и если им докажут, что такой-то человек может сделать то-то, они непременно постараются откопать что-нибудь такое, чего этот человек не может сделать. За примерами опять-таки ходить недалеко. Немецкий джентльмен, который так хорошо осведомлен в музыке, сообщал нам, что многие утверждают, будто бы у этого Вагнера есть талант, но нет учености. Прекрасно. А я, хотя ничего и не понимаю в музыке, я держу пари на двадцать пять фунтов, что есть немало и таких людей, которые утверждают, что у него много учености, но во все нет таланта, и что все, что он делает, идет из головы, а не от сердца. Ставлю двадцать пять фунтов! Пусть хозяин дома и джентльмен из Германии будут нашими судьями. Кто согласен?

Я вижу, что никто не решается принять мое пари, поэтому перехожу еще дальше, к одному небольшому пункту доклада. Профессор призывал учиться, и тем делаться день ото дня лучше и умнее. Но он не сказал вам, почему же люди не делают этого, несмотря на вечные советы подобного рода. Я думаю, что он в качестве иностранца боялся задеть наши чувства слишком откровенным выражением своего мнения. Но я надеюсь, что вы не будете слишком щепетильны и не сочтете за обиду то, что я собираюсь вам сказать. Я откровенно говорю вам: вы не потому не хотите учиться и стараться сделать себя луч-

шими, что вы не желаете быть умными и добродетельными, а потому, что вы считаете, будто уже в достаточной степени умны и хороши; потому что уверены, будто уже все знаете. Вы не хотите учиться, потому что боитесь, как бы не подумали о вас, что вы неучи. Вы надеетесь, что достаточно придерживать язык за зубами и гордо оглядываться вокруг, чтобы никто не заметил, что вы многого не знаете. Но достойно ли это джентльмена? Какое вам дело до двух или трех дураков, которые станут смеяться над вашими хорошими начинаниями? Стоит ли постоянно думать о том, каким вы кажетесь другим, когда эти другие сами заняты только тем, как выглядят они? Дело, о котором я говорю, представляется вначале неприятным, но стоит лишь начать, и тогда оно покажется легким и приятным. Я говорю это вам потому, что вы — лондонцы, а в лондонцах самомнения больше, чем у любого хвастуна из всякого другого города. Вы видите, что я до сих пор поддерживал мнение джентльмена, прочитавшего нам свой доклад, но я далеко не во всем согласен с ним. Я считаю все эти стремления усовершенствовать людей большой ошибкой. Не потому, чтобы это дело было вообще плохим, но потому, что усилия и борьба, которыми хотят добиться успеха, вообще худший способ достигнуть чего бы то ни было. Они только портят человека и ослабляют его, разрушая его веру в себя. Когда я слушал речи господина профессора, убеждавшего нас делать то-то и то-то, я подумал про себя: он, пожалуй, старается убедить не только нас, но и себя. Это плохой способ делать дело. Ведь...

— Послушайте, сэр,— перебил его Люциан Уэббер, уже давно с негодованием пожимавший плечами,— я полагаю, что вы достаточно долго занимали внимание слушателей. Вероятно, найдутся еще желающие высказать свои мнения, которые, может быть, будут занимательнее для присутствующих, чем то, что вы рассказываете.

Его слова были прерваны криками:

- Продолжайте!
- Нет, нет!
- Довольно!
- Пусть говорит!

Они не были так громки и настойчивы, как крики толпы на публичных митингах, но произносились с большим оживлением и страстностью, чем это принято в

светских гостиных. Кэшель, на минуту смутившийся этим инцидентом, обернулся к Люциану и наставительно ответил ему:

— Не прерывайте других, сэръ. Настанет и ваш черед. Может быть, я скажу вам еще такое, чего вы и не знали до сих пор. Повремените.— После этого он опять стал продолжать свою странную речь:

— Я говорил об усилиях, когда этот джентльмен перебил меня. По-моему, ничего нельзя сделать в совершенстве, артистически, если делать это с усилием. Если какое-нибудь дело не может быть сделано легко и без напряжения, лучше совсем не приниматься за него. Это кажется вам странным? Но я скажу вам вещь еще более странную! Чем больше вы приложите усилий, тем меньших результатов вы достигнете. Я убедился в этом на своей собственной профессии. Но и в каждой профессии всякое дело, несущее на себе следы труда, усилия и напряжения, всякого рода стараний,— которые нам так усердно рекомендовал немецкий джентльмен,— всякое такое дело находится тем самым выше сил принявшегося за него человека и потому не может быть хорошо исполнено. Возможно, что оно превышает его природные силы; но чаще всего это случается потому, что его плохо учили. Многие учителя заставляют учеников сразу делать такие напряженные усилия, что те через несколько месяцев оказываются уже разбитыми телом и душой. Это бывает во всяком искусстве. Я раз учил одного скрипача, который зарабатывал сразу сто гиней*, сыграв одну или две пьесы,— и он сказал мне, то же самое бывает и со скрипкой: если вы станете с усилием налагать смычок или вообще напрягать при игре свои мускулы, то вы играете не лучше тех молодцов, которые потешают публику в трактирах за пару шиллингов в вечер.

— Долго ли нам придется слушать эту нелепицу? — сказал довольно громко Люциан, когда Кэшель замолк на минуту, чтобы перевести дух. Кэшель гневно посмотрел на него.

— По мне,— шепнул лорд Вортингтон на ухо своему соседу,— этот малый лучше бы поберегся и попридержал свой язык.

— Вы считаете мои слова нелепицей? Ну так посмотрите на эту картину,— не унимался Кэшель. Он схватил со стола карандаш и поднес его к картине, висевшей на одной из стен.

— Видите юношу в рыцарском вооружении? Это, вероятно, Св. Георгий*. Вон внизу и дракон, на борьбу с которым он вышел. Он уже сошел, как видите, с лошади, чтобы вступить в рукопашный бой. Там, наверху, на башенке стоит девушка почти без чувств от тревоги за Св. Георгия. И ей есть за что тревожиться, уверяю вас! Разве его вид внушает уверенность в том, что он выйдет победителем? Посмотрите: он не умеет держать тяжесть и своего собственного тела на своих двух ногах. Ребенок одним пальцем повалил бы его. Взгляните на его напряженно вытянутую шею и на круглое, как луна, лицо, которым он повернулся к врагу, как будто предлагая ему одним здоровенным тумаком уложить себя на месте. Всякий из вас, конечно, ясно видит, что он слаб и нервен как кошка. А почему производит он такое впечатление? Да потому, что он весь — напряжение и усилие; потому что нет свободы ни в одном из его членов; потому что он с таким же уменьем и с тою же легкостью держит свое тело, с какими любая из присутствующих здесь дам держала бы на плечах вязанку дров. Если бы художник, нарисовавший эту картину, знал лучше свое дело, он не решился бы отправить этого человека на бой в таком состоянии, не поставил бы его в такое нелепое положение. Но он не знал не только специальных правил борьбы, но общего правила, о котором я говорил вам: что легкость и сила, напряжение и слабость всегда неразрывно связаны. Что же,— обратился Кэшель к Люциану,— вы все еще убеждены в нелепости моих слов?

И он с удовлетворенным видом замолчал. Его разбор картины произвел заметное впечатление на слушателей. Бедный Кэшель не знал, что среди гостей присутствует сам творец ее, художник Адриан Герберт.

Люциан не счел возможным оставить поведение Кэшеля без достойного ответа.

— Так как вы первый подали пример нарушения требований деликатности, сэр,— сухо сказал он ему,— то я позволю себе заметить, что ваша теория, если только можно назвать ее этим словом, полна самых грубых противоречий.

Кэшель нисколько не обиделся, а спокойно поставил канделябр на стол и вплотную подошел к Люциану, который окинул его высокомерным взглядом и не тронулся с места.

— Я вижу, что вы плохой знаток живописи, — добродушно начал Кэшель. — В таком случае попытаемся рассуждать проще. Предположим, что вы хотите дать мне как можно более чувствительный удар. Что вы для этого сделаете? По своей теории вы должны собрать все свои силы и ударить меня. Но со мной вы этим ведь не закончите. Вы только разозлите меня, тогда как сами уже потратили сразу все свои силы. Я же возьмусь за это дело без всякого напряжения, вот так... — Тут он осторожно приложил свою ладонь к груди мистера Уэббера и сделал ею легкое движение, от которого тот отскочил, как мяч, пролетел несколько шагов и упал в стоявшее там кресло.

— Вот видите, — как ни в чем не бывало произнес Кэшель, стараясь подавить улыбку удовлетворения от такого наглядного торжества своей победы. — Это не труднее, чем толкнуть бильярдный шар.

Гул удивления, смеха и острот поднялся в зале. Все окружили кресло, в которое упал Люциан, бледный от злости и потерявший всякое самообладание. К счастью для хозяйки дома, на него напал какой-то столбняк; он не сделал ни одного движения по направлению к Кэшелю, не произнес ни одного слова. Только бледность лица и злобное сверканье глаз выдавали его иступленный гнев. Вдруг он почувствовал прикосновение чьей-то руки и услышал голос Лидии, произнесшей его имя. Это сразу успокоило его. Он повернулся к ней и постарался разглядеть ее лицо, но все двоилось в его глазах, огни странно прыгали и дрожали, в голове шумело. До него донеслись слова лорда Вортингтона к Кэшелю: «Вы злоупотребляете наглядными доказательствами, мой друг», — но ему показалось, что они исходили из какого-то дальнего угла комнаты. Он нерешительно сделал шаг, чтобы разыскать Лидию, когда удар по плечу привел его в себя.

— Убедил ли я вас теперь? — дружественно проговорил Кэшель. — Не смотрите так сердито: вы же не поломали себе костей. Мы старались доказать друг другу свою мысль каждый по-своему, вот и все...

Кэшель вдруг смущенно умолк. В первый раз за весь вечер он смутился и потерял уверенность в себе. Люциан не говоря ни слова отвернулся от него и вышел за Лидией в соседнюю комнату, оставив его, сконфуженного и огорченного, одного посреди огромной залы. Он расте-

рянно и с разочарованием посмотрел вслед мелькнувшей перед ним Лидии.

В это время миссис Хоскин разыскала лорда Вортингтона, который старался не попасться ей на глаза, и спросила его:

— Кто этот джентльмен, которого вы ввели сегодня ко мне? Я забыла его имя.

— О, я глубоко сожалею о происшедшем, поверьте, миссис Хоскин. Это было нехорошо со стороны Байрона. Но ведь и Узббер вел себя очень дерзко и вызывающе.

Хозяйке дома были неприятны эти извинения, которых она вовсе не хотела вызвать и которые ставили ее в глупое положение, только подчеркивая, что в ее доме произошло что-то не совсем приличное. Поэтому она холодно ответила:

— Его зовут мистер Байрон? Благодарю вас. Я забыла,— и собиралась уже отойти от лорда, когда к ней подошла Лидия, желавшая представить Алису и объяснить, почему она вошла без доклада. Лорд Вортингтон воспользовался этим, чтобы поднять престиж Кэшеля, обнаружив перед хозяйкой его знакомство с Лидией.

— Слышали ли вы речь нашего общего знакомого, мисс Кэру? Очень типично для него, не правда ли?

— Очень,— сказала Лидия.— Надеюсь, что гости госпожи Хоскин ничего не имеют против его стиля. Он слишком оригинален и легко мог задеть чей-нибудь не в меру щепетильный слух.

— Да,— подхватила миссис Хоскин, начинавшая подозревать, что Кэшель какая-нибудь эксцентрическая знаменитость.— Он очень оригинален. Однако надеюсь, что мистер Узббер не обижен?

— Если бы Люциан вел себя так же тактично, как мистер Байрон, то с ним бы не случилось этой неприятности,— ответила Лидия.— Действительно, мистер Байрон поступил необыкновенно умно и ловко. Ему удалось сбить с ног моего двоюродного брата в гостиной на званом вечере, не произведя тем никакого скандала и не вызвав в нем возмущения своей выходкой. Для этого надо иметь незаурядный такт и ум.

— Видите, миссис Хоскин, общее мнение оправдывает моего друга,— поспешил заявить лорд Вортингтон, чтобы замять колкость слов Лидии.

— Нет, я ставлю им в вину, что они проявили своим поведением непозволительное неуважение к спокойст-

вию хозяйки дома, в котором они затеяли свой спор,— ответила Лидия.— Впрочем, мужчины так редко приносят в жертву свою природную грубость требованиям общезнания, что, право, нельзя особенно винить их обоих. Ведь вы, кажется, не сторонница условностей, миссис Хоскин?

— Я не защищаю условности, но все же я сторонница хорошего тона.

— Вы думаете, что тут есть какая-нибудь разница?

— Я чувствую, что тут есть разница,— с достоинством ответила миссис Хоскин.

— И я также,— сказала Лидия.— Но вряд ли можно требовать от других, чтобы они считались с нашими субъективными мнениями и чувствами. Не правда ли?

С этими словами она отошла в другую часть комнаты, не дожидаясь ответа миссис Хоскин. Все это время Кэшель одиноко стоял все на том же месте, посреди залы. Много глаз с навязчивым любопытством разглядывали его, но никто с ним не заговаривал. Женщины смотрели на него с напускной холодностью, чтобы их не заподозрили, будто они восхищаются его смелостью, а мужчины — с недоброжелательством. С тех пор как Байрон увидел в толпе гостей Лидию, чувство самоуверенности и довольство собой сменилось в нем тягостным ощущением, что он наделал глупостей и скомпрометировал себя в ее глазах. Он чувствовал себя теперь униженным и жалким. Как у большинства людей его профессии, расстроенные чувства легко вызывали в нем слезы. Они уже обжигали его горло, и ему неудержимо хотелось забиться куда-нибудь в темный угол, чтобы облегчить свое неожиданное горе, когда к нему подошел лорд Вортингтон.

— Я и не знал, что вы такой записной оратор, Байрон. Как только вам надоеет ваша профессия, смело поступайте в пресвитеры.

— Я не хочу вовсе менять своего призвания,— упрямо ответил Кэшель,— и я так хорошо знаю тон, каким следует говорить с дамами и джентльменами, как и свое собственное ремесло. Не беспокойтесь обо мне, милорд. Я умею вести себя.

— Конечно, конечно, мой друг,— покровительственно произнес Вортингтон.— Всякий видит по вашим манерам и словам, что вы джентльмен: это видно даже на арене. Иначе я не посмел бы привести вас сюда.

Кэшель недоверчиво покачал головой, но, в сущности, был доволен. Он думал, что ненавидит лесть. И в самом деле, скажи ему лорд Вортингтон, что он первый боксер Англии — каким он, вероятно, и был,— он бы сурово оборвал его. Но ему сейчас слишком хотелось верить в лживые комплименты его манерам, поэтому он не усомнился в искренности слов лорда. Тот заметил это и, довольный произведенным маневром и своим собственным тактом, пошел на поиски миссис Хоскин, чтобы напомнить ее обещание представить его знаменитой пианистке.

Кэшель решил, что ему лучше всего уйти отсюда незамеченным. Лидия была окружена группой мужчин, с которыми она разговаривала по-немецки. Кэшель же чувствовал себя неспособным говорить об ученых вещах даже по-английски; к тому же он был уверен, что она сердится на него за обиду, причиненную ее двоюродному брату, который в это время о чем-то серьезно беседовал с мисс Гофф. Кэшель собирался уже скрыться, как вдруг странные звуки вызвали в зале гул удивления, после которого наступило общее молчание. Мистер Джек, известный композитор, открыл рояль и на примере объяснял какой-то теоретический вопрос композиции, брал голосом различные ноты и аккомпанировал себе на рояле. Кэшель, протиснувшийся через толпу гостей к двери, не удержался от громкого смеха как раз в тот момент, когда он очутился около Лидии. Она беседовала с каким-то господином средних лет, которого по виду нельзя было принять ни за профессора, ни за художественную натуру.

— Абендгассе очень умный и ученый человек,— говорил этот джентльмен.— Я очень жалею, что не слышал его доклада. Но я предоставляю все это Мэри. Она тут, наверху, принимает людей, любящих искусство. А я с гостями, не переносящими высоких материй, ухожу вниз, в сад или в курительную комнату, в зависимости от погоды.

— А что же вы предоставляете делать своим гостям? — пошутила Лидия.

— Ну, они приезжают поздно и не успевают соскучиться,— ответил мистер Хоскин и громко засмеялся своему ответу, приветствуя в то же время рукопожатием проходившего мимо Кэшеля и справляясь о его здоровье. Заметив, что Лидия и Кэшель знакомы между собой, он поспешил освободить себя от обязанностей гостеприимства и предоставил им занимать друг друга.

— Странно, откуда он может знать меня? — спросил Кэшель, беспокойно поглядывая на Лидию. — Я никогда не видел его.

— Он вас не знает, — с заметной холодностью ответила Лидия. — Но он хозяин дома и потому считает своей обязанностью знать вас.

— А, вот в чем дело, — произнес Кэшель и замолчал, так как не мог от смущения найти предмета для разговора.

Она не хотела, по-видимому, выручить его. Тогда он осмелился шепотом сказать:

— Я давно не видел вас, мисс Кэру.

— А я очень недавно видела вас, мистер Кэшель Байрон. Я встретила вас вчера в Лондоне.

— Не может быть, — заволновался Кэшель. — Вы шутите.

— У меня нет обыкновения шутить, мистер Байрон.

Кэшель окончательно растерялся.

— Вы же не могли меня видеть в... в... Когда и где вы меня встретили, мисс Кэру? Не скрывайте этого от меня, пожалуйста.

— Охотно скажу вам, это было на станции Кленгем, около четверти седьмого.

— Был ли кто-нибудь со мной?

— С вами был ваш друг Меллиш, лорд Вортингтон и еще другие.

— Да, лорд Вортингтон был с нами. Но где же вы были, что я вас не видел?

— Я была у окна, внутри вокзала, совсем близко от вас.

— Как же это я не заметил вас, — пробормотал Кэшель, густо покраснев. — Меллиш своим поведением испортил всю нашу прогулку, и нам пришлось возвращаться назад. Мы, верно, представляли не особенно приятное зрелище. Не показалось ли вам, что я был в дурном обществе?

— Не мое дело судить об этом, мистер Байрон.

— Да, — с внезапной горечью произнес Кэшель. — Какое вам дело до того, в каком обществе я вращаюсь! Я поступил с вашим двоюродным братом, как последний грубиян, и вы вправе на меня сердиться. Это, конечно, вас ближе касается.

Лидия, понизив голос, чтобы обратить его внимание на то, что они не одни в комнате, с большей приветливостью ответила ему:

— Дело вовсе не в этом. Вы рассуждаете не как мужчина, а как большое дитя. Я вовсе не сержусь за ваш поступок по отношению к Люциану, хотя должна вам признаться, что он очень обижен. Обижена и миссис Хоскин, к дому которой вы не выказали должного уважения.

— Я чувствовал, что вы будете недовольны мной. Если бы я знал, что вы здесь, я не произнес бы ни одного слова. Вы считаете, что я создан для того, чтобы позволять другим топтать меня каблуками. Другой на моем месте раздробил бы ему голову.

— Вы, может быть, не знаете, что джентльмены никогда не дробят друг другу головы в обществе, как бы ни была велика нанесенная обида?

— Я ничего не знаю.— С жалобным самоуничижением проговорил Кэшель.— Все, что я ни сделаю, все плохо. Пусть это удовлетворит вас.

— Мне не доставляет никакого удовольствия отыскивать ваши недостатки, мистер Байрон. Вы очень низкого мнения обо мне, если так думаете.

— Совсем нет,— живо сказал Кэшель.— Это вовсе не значит, что я худого мнения о вас.

— Вы, может быть, не сознаете, что это нехорошее мнение. Но оно от этого не становится хорошим.

— Пусть будет так. Вы правы. Я опять говорю глупости.

— Но это меня вовсе не радует. Мне хотелось бы, чтобы мы оба были правы и согласны друг с другом. Понятно ли вам мое желание?

— Не совсем, но я с ним все же согласен. Остальное ведь неважно.

— Нет, мне хочется, чтобы вы поняли меня. Я постараюсь объяснить вам. Вам кажется, будто я хочу быть умнее других людей. В этом вы ошибаетесь. Я хочу, напротив, чтобы все знали то, что я знаю.

Кэшель недоверчиво засмеялся и покачал головой.

— Вы сами ошибаетесь в себе. Вы вовсе не хотите, чтобы кто-нибудь был так же умен, как вы: это противоречит человеческой природе. Вам хочется, чтобы люди были лишь настолько умны, чтобы понимать, что вы умнее их и что вы можете одержать над ними верх. Но вам было бы очень неприятно, если бы они могли побить вас умом.

Лидия не пыталась больше убеждать его; она задумчиво посмотрела на него и тихо проговорила:

— Эти метафоры из области борьбы стали у вас какой-то навязчивой идеей. Вы слишком увлеклись современными учениями о борьбе за существование и смотрите на жизнь как на вечную войну.

— Конечно. Что такое жизнь, как не война? Кто не побеждает, тот должен погибнуть. Ловкачи и умники выигрывают все ставки и забирают себе львиную долю всех прибылей, делясь только с продажными негодяями, которые оказывают им подлые услуги. Черт на земле всегда помогает дурным и сильным, а слабые навеки обречены на гибель. В книжках жизнь не так описывают. Но она именно такова. Уж это я знаю, поверьте мне.

— Вы говорите несколько резко, но, пожалуй, верно. Однако эти слова как-то не подходят к простаку, которого вы хотели изобразить из себя несколько минут тому назад. Поздравляю вас с прекрасными актерскими способностями.

— Убей меня Бог, если я что-нибудь понимаю из того, что вы говорите! Я больше похож на лошадь, чем на актера. Этой насмешкой вы хотите, верно, отомстить мне за вашего двоюродного брата.

Лидия серьезно и с сомнением посмотрела на него. Он инстинктивно выпрямился, как будто почувствовал какую-то опасность.

— Значит, вы не поняли? — в раздумье сказала Лидия. — Тогда я испытаю подлинность вашей глупости через ваше послушание. Хотите?

— Глупость? Ну, ладно.

— Послушаетесь ли вы меня, если я прикажу вам что-то сделать? — дерзко спросила она.

— Я готов для вас в огонь и воду! — с жаром сказал Кэшель.

Лидия на минуту замолчала, удивленная странной искренностью его восклицания. Уже с меньшей решительностью она продолжала:

— Вам лучше не просить извинения у мистера Уэббера: отчасти потому, что вы этим только подчеркнете, что обидели его, а главным образом потому, что он, пожалуй, все равно не простит вас. Но прежде чем уходить отсюда, подойдите к миссис Хоскин и скажите: «Я очень сожалею, что не умел сдержаться себя...»

— Совсем как по Шекспиру, не правда ли?

— Вот видите: мое испытание удалось. Теперь я вижу, что вы только представляетесь. Однако это не меняет

моего мнения, что вы должны извиниться перед хозяйкой дома.

— Хорошо. Я не знаю, что вы называете испытанием и почему считаете, что я представляюсь. Но я хочу быть с вами согласным. Я попрошу извинения у хозяйки и даже у вашего двоюродного брата, если хотите.

— Нет, я вовсе не хочу этого. Впрочем, это вас не касается. Вы должны поступить, как вы считаете нужным, а не как мне хочется.

— Я считаю нужным сделать только то, что вы хотите. Я даже не спрашиваю, есть ли что-нибудь между вами и вашим двоюродным братом.

— А вы хотели бы знать о наших отношениях? — удивленно спросила Лидия, не понимая его неожиданно-го замечания.

— Неужели вы скажете мне? — воскликнул Кэшель. — Я поклянусь, что у вас золотое сердце, если вы сделаете это!

— Конечно, скажу. Между нами существует старая, чисто родственная дружба. Больше ничем мы не связаны. Я говорю вам это, потому что мое молчание на этот счет вы могли бы понять совершенно неверно.

— Я очень рад этому, — весь просияв, сказал Кэшель. — Он недостоин вас. Но он вам ровня, черт его поberi.

— Он мой двоюродный брат и преданный друг. Поэтому не посылайте его, пожалуйста, к черту.

— Я сознаю, что мне не следовало говорить этого. Мне следовало бы лучше послать к черту собственное поведение.

— Однако это нисколько не исправило бы его, по моему.

— Вы правы. Вы могли бы даже не делать мне этого намека.

— Вы положительно невозможны, мистер Байрон. Никаких намеков я не делала. Вы для меня до сих пор странная загадка. Однако не лучше ли вам послушать игру г-жи Шимплицкой?

— Мне кажется, что меня очень легко разгадать, — огорченно сказал Кэшель. — Из всех женщин в мире я взял бы только вас в жены; но вы слишком богаты и знатны для меня. Хотя мне не суждено иметь счастья жениться на вас, я все же имею право сказать вам, что другой жены я не хотел бы.

— Странный подход к вопросу,— постаралась пошутить Лидия, хотя краска залила ее щеки.— Позвольте запретить вам безусловно и навсегда говорить со мной об этом. Я хочу быть откровенной с вами, мистер Байрон. Я не знаю ни кто вы, ни что вы за человек. И мне кажется, что вы до сих пор старались скрыть от меня то и другое.

— И вы, надеюсь, никогда не найдете ответа на эти вопросы,— нахмурился Кэшель.— Таким образом, как видите, мы с вами не на том пути, где можно прийти к какому-нибудь соглашению.

— Да,— подтвердила Лидия.— Сама я ни из чего не делаю секретов и не разгадываю чужих секретов. Я не люблю их и даже не уважаю. И ваши шутки мне совсем не нравятся.

— Вы называете это шутками! Может быть, вы подозреваете, что я переодетый принц? Вы могли бы отнестись серьезнее к моим словам. Если бы у вас был какой-нибудь секрет, мисс Кэру, и его обнаружение вызвало бы ваше изгнание из общества, в котором вы вращаетесь, вы бы, уверяю вас, старательно бы скрывали его. Даже если бы на вас не было никакой вины. Приходится считаться с предрассудками и недоброжелательством людей, мисс Кэру.

— Я не разделяю всех предрассудков нашего общества,— сказала Лидия после некоторого размышления.— Если я когда-нибудь узнаю ваш секрет, не делайте слишком поспешного заключения, что вы упали в моем мнении.

— Вы как раз единственный человек на земле, для которого мой секрет должен бы остаться навсегда тайной. Но вы все-таки скоро откроете его. Эх,— горько усмехнулся Кэшель,— я так же хорошо всем известен, как Трафальгар-сквер. Но я не в силах признаться вам ни в чем, хотя я так же сильно ненавижу секреты, как и вы. Давайте не говорить об этом. Перейдем лучше на другой предмет.

— Я думаю, что мы достаточно долго разговаривали. Музыка уже кончилась. Сейчас сюда придут гости и станут, вероятно, расспрашивать меня про моего знакомого, который произнес такую странную речь.

— Действительно, это очень возможно,— заволновался Кэшель.— Обещайте, что вы ничего не скажете им.

— Нет, я не могу дать вам такого обещания.

— Господи! Ну я очень прошу вас.

— Я уже говорила вам, что не люблю и не уважаю секретов. Сейчас я не намерена просить у вас никаких разъяснений. Но, может быть, я изменю свое мнение на этот счет. До тех же пор у нас не должно быть с вами более продолжительных бесед. Может быть, даже мы с вами больше никогда не встретимся. Знайте, что я слишком богата и знатна, как вы говорили, только для одного — для обмана. Прощайте.

Прежде чем он успел ответить ей что-нибудь, Лидия уже была в другом конце комнаты, посреди оживленно беседующей группы гостей. Кэшель был совсем подавлен последними словами Лидии. Но он быстро овладел собой, подошел к проходившей около него хозяйке и стал прощаться.

— Я уйду, миссис Хоскин. Благодарю вас за приятный вечер. Очень сожалею, что не умел вовремя сдержаться. До свидания.

Всегда быстрая на ответ и знавшая на память весь лексикон светских любезностей, миссис Хоскин на этот раз не нашлась, что сказать странному гостю в ответ на его извинение. Она только подала ему руку, которую тот осторожно пожал, как будто бы это была рука новорожденного. Затем он повернулся к двери, перед которой как раз стоял, загораживая проход, художник Адриан Герберт.

— Простите, сэр,— сказал Кэшель, взяв художника под руку и отстранив его с такой легкостью, будто это был не живой человек, а манекен из витрины портняжной мастерской. Мистер Герберт обернулся с негодованием, но Кэшель уже спускался с лестницы.

На одной из лестничных площадок он сошелся с Люцианом и Алисой.

— До свидания, мисс Гофф. Как приятно видеть на ваших щеках цвет деревенских роз.— Затем, понизив голос, он обратился к Люциану: — Забудьте маленькую неприятность, которую я вам доставил. Если ваши друзья станут вас спрашивать об этом, скажите, что вы имели дело с Кэшелем Байроном, и спросите их, могли бы они как-нибудь лучше защитить себя. До свидания, мистер Узббер.

Люциан вежливо простился с ним, хотя охотно бы сбросил своего обидчика через перила лестницы. Алиса

же чувствовала какой-то почти суеверный страх перед Кэшелем с тех пор, когда Лидия так резко отозвалась о нем во время их разговора в вагоне. Оба они почувствовали облегчение, когда выходные двери закрылись за Кэшелем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В тот сезон, который Алиса впервые проводила в столице, лондонское общество было сильно занято делами Южной Африки, где ставились на карту судьбы английского владычества. В Лондон прибыл экзотический африканский король, с которым английское министерство хотело жить в дружбе, т. е. фактически подчинить его себе, так как формальное завоевание его владений было бы хлопотливо, дорого и не обещало пока никаких особенных выгод. Руководители английской политики хотели поразить коронованного гостя картиной величия и мощи столицы империи. Но его, свободного от европейских предрассудков, трудно было не только удивить или поразить, но даже просто позабавить в столице. Чуждый идеи, будто горсточка частных людей вправе владеть богатствами всей страны и заставлять других отдавать им большую часть доходов от своих трудов только за получение возможности жить и работать в этой стране, он не был в состоянии понять, почему такой богатый и могущественный народ состоит главным образом из бедняков, которые в то же время создают своими руками несметные богатства, и почему та горсточка, которая накапливает и растрчивает эти богатства, не кажется много счастливее бедняков. Короля с самого приезда охватил непонятный для всех страх: дымный и туманный воздух Лондона казался насыщенным ядовитыми испарениями злодейств и преступлений кишашего в нем народа; боялся он и за свою жизнь, так как слышал, что в Европе в королей стреляют на улицах, и что даже английская королева, которая из всех монархов считалось в наибольшей безопасности от покушений, была постоянно окружена полудюжиной сыщиков. Поэтому африканский король очень неохотно покидал отведенный ему дворец. Пока удалось только уговорить его посетить Вульвиджский Арсенал, обозрение которого должно было, по мне-

нию английских политиков, предостеречь короля от слишком буквального понимания религии милосердия, исповедуемой англичанами. Таким образом, министерство колоний, которому было поручено попечение о короле, оказалось в сильном затруднении, и лучшие умы министерства были заняты отысканием развлечений, которые могли бы скрасить оставшиеся дни пребывания экзотического гостя в Лондоне.

Через три дня после вечера у миссис Хоскин Люциан Уэббер навестил свою двоюродную сестру в ее доме около Риджент-парка и среди разговора о разных предметах сообщил ей:

— В министерстве колоний родилась блестящая мысль. Король, оказывается, большой любитель спорта и сам недурной борец. Ему, верно, будет интересно узнать, как обстоит это дело в Лондоне. Поэтому в его честь устраивается большой военно-спортивный праздник.

— Что это такое? — спросила Лидия. — Я никогда не бывала на таких праздниках: название его вызывает в воображении только скучный ряд штыков и солдат в мундирах.

— О нет, это будут разнообразные фехтовальные, военные и гимнастические упражнения, спортивные состязания и так далее.

— Я хочу видеть это! Поедете ли вы со мной, Алиса?

— Не знаю, прилично ли дамам присутствовать на таком празднике? — с опаской спросила Алиса.

— Все дамы из общества будут там, чтобы видеть короля, — сказал Люциан. — Олимпийское гимнастическое общество взяло на себя организацию невоенной части программы, и оно ожидает, что будет все лучшее общество.

— А вы будете, Люциан?

— Если мне удастся выкроить время. Если же нет, я попрошу Вортингтона сопровождать вас. Он в этих делах понимает больше меня. С ним вам будет интереснее.

— Непременно раздобудьте нам его, — попросила Лидия.

— Не понимаю, почему вы так любите лорда Вортингтона, — заметила Алиса. — У него, правда, хорошие манеры, но кроме этого у него нет никаких достоинств. К тому же он страшно молод. Я не выношу его разговоров. Он умеет говорить только о лошадях и конюшнях.

— Надеюсь, что он скоро вырастет из своего мальчишеского увлечения спортом,— покровительственно сказал Люциан.

— Вероятно,— ответила Лидия.— Но чем он тогда станет?

— Должно быть, более рассудительным человеком,— невозмутимо заметил Люциан.

— Будем надеяться.— Лидия впала в обычный свой тон легкой насмешки над двоюродным братом.— Однако мне больше нравится человек, увлекающийся спортом, чем джентльмен, который ничем не увлекается.

— Я с вами согласен, хотя об этом можно было бы поспорить. Что касается меня, я не вижу необходимости, чтобы лорд Вортингтон тратил свои силы исключительно на лошадиные скачки. Мне кажется, что и вы не сочтете недостойной внимания его политическую деятельность, для которой он предназначен своим общественным положением.

— Конечно, тактика партий может быть занимательна, даже увлекательна, если хотите. Но чем это лучше скачек? Жокеи и тренеры лошадей, по крайней мере, знают свое дело. Этого нельзя сказать про членов парламента. Разве так уж приятно сидеть на скамье палаты общин или лордов и слушать любительские рассуждения о предметах, которые надоели уже сто лет назад всякому, кто серьезно изучал политические вопросы?

— Вы не понимаете общественной жизни, Лидия. Всякий раз, как вы высказываетесь по политическим вопросам, вы только подтверждаете мое убеждение, что женщины органически не способны понимать их.

— Вполне естественно, что вы так думаете, Люциан. Для вас палата общин — это центр мироздания. Для меня же это только собрание малообразованных джентльменов, которые портят всякое дело, за которое берутся, и еще смеют утверждать, что я недостаточно умна, чтобы восседать рядом с ними.

— Лидия,— с досадой произнес Люциан,— вы знаете, что я высоко ценю женщин в уделенной им области...

— Тогда предоставьте им другую область, и, может быть, они заставят вас уважать себя и в ней. К огорчению своему, должна сказать, что мужчины в их области не вызывают во мне уважения. Однако довольно об этом. Мне нужно еще кое-что сделать, прежде чем выйти из

дома. Это важнее, чем салонный спор консерватора и суфражистки. Простите меня. Я оставлю вас на пять минут.

Она вышла из комнаты. Тогда Люциан обратил свое внимание на Алису. Она еще не совсем освободилась от своей прежней неуверенности и боязни перед светскими людьми и особенно теперь, оставшись одна в комнате с молодым человеком, сухо выпрямилась на своем кресле и старалась вести себя как можно сдержаннее.

— Надеюсь, что моя двоюродная сестра не успела еще привить вам свои странные взгляды, мисс Гофф? — сказал Люциан.

— Нет, — ответила Алиса. — Она такая странная, у нее такая сложная натура. Вообще я не думаю, чтобы у женщин могли быть какие-нибудь взгляды. Конечно, есть убеждения, которые свойственны всякой женщине: например, мы все знаем, что католицизм хуже нашей религии. Но это вряд ли можно назвать взглядом: это было бы унижением такой высокой истины. Я думаю, что женщины не должны вмешиваться в политику.

— Я понимаю вас и совершенно с вами согласен. Лидию действительно нельзя сравнивать с другими женщинами. Она много жила за границей; ее отец, под влиянием которого она росла, был очень странный человек. А даже самые ясные головы, если они развиваются вне прямого влияния английской жизни, впадают в самые необычайные предрассудки. Очень жалко, что такая сила ума и широкая образованность уклонились в Лидии в столь пагубную сторону. Преимущества, которыми наградила Лидию природа, налагают известные обязанности на женщину ее положения. А она относится к этим обязанностям даже не просто равнодушно, а с какой-то непонятной враждебностью.

— Я никогда не говорю с нею об этом. Я слишком малообразованна, чтобы понимать их. Но доброта мисс Кэру ко мне безгранична. При этом она, кажется, и не сознает, как она великодушна. Я никогда не смогу отплатить ей за ее внимание ко мне.

Лидия вернулась одетая в длинное серое платье и большую фетровую шляпу со свертком бумаг в руке.

— Я иду в Британский музей, — объявила она.

— На прогулку? Одна? — удивленно сказал Люциан, осматривая ее костюм.

— Да. Лишите меня прогулок — и вы лишите меня здоровья. Отнимите у меня возможность уходить одной,

куда я хочу и когда я хочу, — и вы отнимете у меня всю мою свободу. Вот пункты моей хартии вольностей. Но я сейчас не настаиваю на том, чтобы гулять непременно одной. Если вам по дороге, можете проводить меня через Риджент-парк. Я буду рада вашему обществу.

Люциан посмотрел на часы, как будто размышляя, принять ли ему приглашение. Затем объявил, что охотно пойдет с нею.

Был тихий летний послеполуденный час. В парке было много гуляющих. Люциану не нравилось всеобщее внимание, которое привлекала к себе его двоюродная сестра. Женщины с неприязненным любопытством оглядывали ее и, не стесняясь, оборачивались, чтобы подивиться ее костюму. Мужчины прибежали ко всевозможным хитростям, чтобы заглянуть ей в лицо, не показавшись слишком дерзкими. Иные останавливались в нескрываемом восхищении при виде красивой, со вкусом одетой девушки, иные подчеркнуто улыбались. Это сердило Люциана до того, что он готов был побить всякого встречного. Наконец он решился предложить Лидии сойти с аллеи и перерезать парк без дороги по лужайке. Когда они вышли из-под деревьев аллеи на первую открытую поляну, Люциан смутно почувствовал красоту летнего неба, прелесть зеленого парка, романтизм такой уединенной прогулки в шумном городе и понял, что ему не найти лучшего времени для произнесения тех слов, которыми он уже давно мечтал сделать свои отношения с Лидией более близкими и более прочными. Но вместо этого он сразу заговорил о дороговизне содержания городских парков, к чему он имел касание по своему официальному положению. Лидия, мало интересовавшаяся подобными вопросами, все же сочла, что это недурной предмет для беседы во время прогулки, и поддерживала разговор. Но скоро они вышли из парка и попали на шумную улицу. Грохот городского движения заставил их замолчать на минуту, пока они не завернули в один из тихих маленьких переулков. Там Люциан вдруг, почти неожиданно для себя, произнес:

— Есть очень дурная сторона в том, когда в руках у независимой девушки находятся большие богатства. Она никогда не может быть уверенной, что... — Но тут его мысли как-то странно спутались; он невольно умолк, притворившись, будто закончил свою мысль и вполне ею доволен.

— Вы имеете в виду, что у нее не может быть уверенности в нравственном праве на свое богатство? Эта мысль раньше очень смущала меня; но это уже давно прошло.

— Что за странная мысль! — почти возмущился Люциан.— Я говорил совсем не об этом. Я хотел сказать, что она не может быть уверенной в бескорыстии своих друзей.

— Это меня беспокоит еще менее. Я вовсе не ищу совершенно бескорыстных друзей, потому что их можно найти только среди идиотов и помешанных. Таких людей, основой дружбы которых бывает корысть, я не боюсь, потому что им не удалось бы скрыть это от меня. А что касается моих друзей вообще, то я не настолько безрассудна, чтобы требовать и ждать, что они совсем забудут о моем богатстве.

— Так вы не верите, что может найтись человек, которому вы были бы дороги совершенно так же, как если бы вы были бедны?

— Может быть, такие люди и есть. Но я не хочу сближаться с ними. Они бы постоянно желали, чтобы я обеднела и стала им ровней, за что я вовсе не была бы им благодарна. Я очень ценю уважение, какое возбуждает в других мое богатство. Это единственное мое оружие против зависти, которую оно вызывает в очень многих.

— Значит, вы отказались бы поверить в бескорыстие человека, который... который бы...

— Который бы захотел жениться на мне? Наоборот, я бы последняя согласилась поверить, что мужчина может предпочесть мои деньги мне самой. Если он независим по своему состоянию и может создать себе положение в обществе без моей помощи, я бы стала презирать его, видя, что он не решался жениться на мне из опасения глупых толков. Я не могу признать мужчину вполне джентльменом, если он не стоит выше таких опасений. Но если у него нет денег, нет положения, если он не может без помощи моего богатства пробиться в жизни, я сочту его за простого авантюриста и соответственно с этим поступаю по отношению к нему,— если только не полюблю его.

— Если не полюбите его?

— Да. Если бы это случилось, это изменило бы мои чувства, мое внутреннее отношение к нему, но не по-

влияло бы на мои поступки. Я ни при каких обстоятельствах не выйду замуж за авантюриста. Легче освободиться от недостойной любви, чем от недостойного мужа.

Люциан ничего не ответил. Он шел большими, неровными шагами, почему-то внимательно рассматривая каменную настилку тротуара и постукивая по ней палкой. Через некоторое время он неуверенно поднял глаза на Лидию и тихо проговорил:

— Не пройдется ли вы со мной по Бедфорд-сквер. Я должен вам сказать кое-что.

Лидия молча пошла за ним. Они прошли уже большую часть сквера, когда Люциан наконец заговорил:

— Мне начинает казаться, что здесь не место для серьезного разговора. Простите, что я напрасно заставил вас сделать обход.

— Мне это очень не нравится, Люциан. Если вы затеяли вести со мной беседу о чувствах, то лучше места вам не найти. Если о другом — то лучше будет, если вы вовсе никогда не скажете мне этого, чем откладывать. Отсрочка — всегда ошибка, даже в вашей политике. А в делах со мной — это вдвойне ошибка, потому что я органически не терплю никаких отлагательств.

— Хорошо, — совсем растерянно пробормотал Люциан. — Поговорим сейчас. Только пусть сначала пройдет этот господин.

Господин прошел.

— Дело в том, Лидия, что... Нет, право, мне очень трудно говорить здесь.

— Да говорите же наконец, — нетерпеливо сказала Лидия, напрасно прождав несколько минут. — Вы уже два раза начинали и все не можете дойти до сути вашего дела.

Опять наступило молчание. Лидия с сомнением посмотрела на него.

— Уж не собираетесь ли вы жениться? Не это ли признание связывает ваш язык?

— Да, но я хочу, чтобы вы приняли близкое участие в этом событии.

— Очень мило с вашей стороны. То-то вы в таком странном состоянии. Однако договаривайте до конца, Люциан. Вы начинаете быть смешным.

— Вы несколько не хотите облегчить моего затруднения. Это нехорошо, Лидия. Может быть, у вас есть жен-

ское предчувствие моих мыслей и вы нарочно смущаете меня?

— Ничего не понимаю. У меня нет никаких предчувствий — ни женских, ни каких-либо других. Даю вам слово, если вы сейчас же не объясните в чем дело, я поворачиваюсь и иду в музей!

— Я не нахожу подходящих слов,— в страшном затруднении и смущении сказал Люциан.— Я верю, что вы не припишете дурных мотивов моему... моему... предложению... Хотя я сознаю, что, с точки зрения общепринятых взглядов, довольно странным может показаться мое предложение соединить вашу жизнь с моей, но...

Внезапная перемена, происшедшая в Лидии, убедила его, что он уже достаточно высказался.

— Я никогда не думала об этом,— после долгого молчания произнесла Лидия.— Сколь многого не замечаешь в жизни, до тех пор пока не ушибешься, столкнувшись с тем, о существовании чего и не подозреваешь. Вы должны серьезнее подумать о том, что вы предлагаете мне, Люциан. Отношения, существующие теперь между нами — лучшие из всех, которые возможны при глубокой противоположности наших характеров. Зачем же вы хотите изменить их?

— Я хочу сделать их только более близкими и прочными, а не изменять их.

— То, что вы предлагаете, пожалуй, только разрушило бы их,— задумчиво сказала Лидия.— Мы не можем работать рядом друг с другом. Различие наших мнений коренится в слишком большом различии самого существа наших личностей.

— Вы говорите не серьезно, надеюсь. Ваши убеждения не разделяются ни одной из существующих в Англии политических партий; поэтому они в практическом отношении не имеют силы и не могут столкнуться с моими. А такое расхождение во взглядах не может отразиться на течении совместной нашей жизни.

— Но после нашей женитьбы может создаться такая партия, даже, наверно, будет создана много раньше нашей смерти. Тогда, я думаю, противоположность наших убеждений очень скверно отразится на нашей личной жизни.

Он нервно прибавил шагу и сказал:

— Безрассудно выставлять то, что вы называете своими убеждениями, как преграду между нами. У вас нет

вовсе убеждений. Те ни с чем не сообразные парадоксы, которыми вы увлекаетесь, не признаются в Англии за серьезные политические взгляды.

Лидия не возражала. После минутной задумчивости она только участливо спросила:

— Почему бы вам не жениться на Алисе Гофф?

— Очень нужна мне ваша Алиса!

Лидия засмеялась над его внезапным гневом и обидой.

— Я говорю это совершенно серьезно, Люциан. Алиса энергична, честолюбива и, с вашей точки зрения, вполне правомерна в своих взглядах. Я уверена, что она будет деятельной и верной помощницей в создании вашей карьеры. Кроме того, у нее немало ценных внешних качеств. Ее очень хорошо приняли в лондонском обществе.

— Очень вам благодарен за совет. Но я не женюсь на мисс Гофф.

— Однако я предлагаю вам еще подумать об этом. Со времени моего отказа вы не могли еще успеть создать себе новые планы.

— Отказа! Так вы решительно отказываете мне без всякого раздумья, в пять минут?

— Да, Люциан. Разве внутренний голос не подсказывает вам, что наш брак был бы страшной ошибкой?

— Нисколько.

— Так поверьте моему инстинкту. Он не оставляет возможности двух мнений на этот счет, как любят выражаться ваши газеты.

— Это дело чувств, Лидия. Чувство каждого подсказывает соответственные проявления,— произнес он сдавленным голосом.

— Вы думаете? — с интересом спросила Лидия.— Знаете, Люциан, вы возбуждаете мое любопытство. Мне никогда еще не приходилось видеть влюбленного в таком состоянии.

— Вы также очень горько удивили меня. Я никогда не имел слишком большой надежды. Но, по крайней мере, был всегда уверен, что вы произнесете свой отказ с серьезностью и уважением ко мне.

— Разве я была слишком резка?

— Я не жалею.

— Я только откровенна, Люциан. Все хитрости, которыми друзья обыкновенно стараются щадить чувства друг друга, по-моему, недостойны дружбы. Я считала, что

должна говорить вполне открыто с вами. Разве вы предпочли бы, чтобы я поступила иначе?

— Разумеется, нет. Я не имею оснований быть обиженным.

— Совершенно никаких, вы правы. Только убедите меня, что вы на самом деле не обижены.

— Даю вам слово,— с грустной покорностью проговорил Люциан.

В это время они выходили из парка. Лидия повернула в сторону музея и заговорила о безразличных вещах. На ближайшем перекрестке Люциан простился и сел в кэб, не обратив внимание на приветливую улыбку и прощальные кивки головой, которыми Лидия пыталась утешить его. Она пошла в библиотеку музея, где за книгами скоро забыла о Люциане. Ее сильно взволновало и огорчило предложение, сделанное ей двоюродным братом, но теперь, за усердной работой, все это далеко отошло от нее. Она прозанималась до самого закрытия библиотеки. Так как она просидела неподвижно несколько часов кряду, ей не захотелось брать кэб. Было еще светло и, выйдя из музея, она решила пройтись немного и заглянуть в книжный магазин, где она раньше высмотрела одну старинную редкую книгу, которую хотела теперь купить. Она пошла на поиски этого магазина, так как плохо помнила, на какой именно улице он находится. Она знала только, что это было где-то вблизи музея. Каждый большой город западной Европы был знаком ей несравненно больше, чем Лондон. Она скоро запуталась в лабиринте улиц с красивыми жилыми домами, то выходя на какие-то площади, то попадая в незнакомые ей широкие проезды с вывесками больших магазинов и мелких лавок. Эта часть города не кипела обычной шумливой жизнью Лондона. Магазины, казалось, торговали не слишком бойко. Большие торговые дома не выносили своей кипучей деятельности за порог контор и не оживляли уличного движения. Немногочисленные прохожие не спешили по делам с занятым видом, а, казалось, только прогуливались на досуге. Улицы кишели только ребятишками, которые прыгали, кричали и ссорились, как воробьи, не смущаясь строгим деловым видом вывесок и суровыми лицами приказчиков и купцов, по временам появлявшихся у окон или на улице.

Лидия заметила одного мальчика, созерцательно остановившегося у витрины какой-то бедной кондитерской и,

по-видимому, размечтавшегося о том, что бы он сделал, если бы у него были сейчас несколько пенни. Она подошла к нему и попросила указать дорогу на Брод-стрит, где бы она смогла ориентироваться в окружающей ее местности. Малыш охотно согласился проводить ее. Расставаясь с ним, Лидия дала ему в награду шиллинг. Мальчик в восторге от такого неожиданного богатства испустил радостный визг и побежал показывать свой подарок товарищам, следившим за ним с противоположной стороны улицы. Но в эту же минуту какой-то человек подозрительного вида вынырнул из ближайших ворот и погнался за ним. Малыш заплакал от страха и поспешил вернуться под защиту Лидии. Она погладила его по голове; ребенок успокоился и стал утирать глаза грязными кулачками. Тогда к ним подошел его обидчик и стал с развязностью уличного хулигана навязывать Лидии свои услуги. Лидия поспешила отойти в сторону, но он перерезал ей дорогу и с еще большей дерзостью продолжал свои приставания. Вдруг удар кулаком в живот отбросил его на несколько шагов назад и заставил прислониться к стене дома, чтобы удержаться на ногах. Оправившись немного от неожиданного нападения, хулиган увидел перед собой разгневанного молодого человека, который говорил ему:

— Как вы смеете так разговаривать с дамой? Я еще не так проучу вас.

— А вы кто такой? Не суйтесь не в свое дело, иначе и вам не поздоровится,— вызывающе ответил тот.

— Проходите, проходите,— повелительно сказал Кэшель Байрон.— Я бы вам советовал не открывать больше рта, если хотите, чтобы в нем все зубы остались целы. Я вижу, что вы не знаете, с кем имеете дело.

Лидия, предвидевшая более серьезное столкновение и испуганная угрожающим видом хулигана, хотела пойти за полицейским и позвать его на помощь Кэшелю. Но, повернувшись, она заметила, что они уже окружены уличной толпой и она очутилась в положении зрителя закипавшей уличной драки. Незнакомец первый размахнулся, чтобы ударить Кэшеля; но тот, по-видимому, не хотел вступать в драку. Он быстро отступил назад и схватил нападающего за руки.

— Оставьте меня в покое. Я не желаю иметь с вами дела. Проходите своей дорогой.

— Вы не хотите иметь со мной дела? Вы думаете, что можно безнаказанно ткнуть человека кулаком в живот? Вы просто трусите как заяц.

— Прекрасно,— хладнокровно ответил Кэшель,— допустим, что я трушу. Вы удовлетворены?

Но хулиган уже разошелся. Он заявил, что прочит нахала вместе с его красоткой, намекая этим на Лидию. Толпа подбодряла его. Тогда Кэшель, все еще с прежним спокойствием, сказал:

— Хорошо. Только помните, что не я вызвал нашу ссору. А теперь,— вдруг произнес он громовым от бешенства голосом, заставившим вздрогнуть Лидию,— вам придется пожалеть, что не сдержали язык за зубами, когда я вам это советовал. Берегите свою голову.

— Не беспокойтесь за меня,— презрительно ответил хулиган.— Думайте лучше о себе.

Толпа заволновалась, предчувствуя начало любимого зрелища. Стоявшие сзади и плохо видевшие напирали на передние ряды, а те усердно давили задних, чтобы очистить место для драки. Лидия, находившаяся все время около Кэшеля, почувствовала себя дурно и хотела выбраться из толпы. Но какой-то мясник, очутившийся около нее, начал успокаивать ее, говоря, что ей нечего бояться и что ей по праву принадлежит почетное место в первом ряду зрителей. Лидии стало совсем дурно. Лица людей из толпы, стоявшей напротив нее, подернулись красным туманом, голова закружилась, и, чтобы не упасть, она ухватилась за руку любезного мясника. Тот был очень польщен этим, взял Лидию под свое покровительство и не выпускал ее руки до самой развязки этой сцены. Лидия не сопротивлялась, потому что она с трудом стояла на ногах.

В это время Кэшель спокойно наблюдал движения своего противника. Тот с победоносным видом снимал свой потертый пиджак под одобрительные крики зрителей: «Валяй, Тэдди! Дай ему пару раз, Тэд!» Тэдди героически оглянулся и стал наступать на Кэшеля. Но, по видимому, смелость его была не велика, так как первый удар он нанес еще издали, и рука его даже не задела Кэшеля, который это предвидел и не двинулся с места. В толпе раздались взрыв смеха и ропот нетерпения.

— Чего вы возитесь? Хотите, чтобы подошел полисмен и разогнал вас? — крикнул мясник.

Напоминание, что полицейский может отнять у него жертву, вывело Кэшеля из пассивного состояния. Он сделал шаг вперед. Возбуждение толпы росло. Какой-то маленький человечек около Лидии восторженно крикнул: «Валяй, Кэшель Байрон!»

Эти слова, как громом, поразили храброго Тэдди.

Его руки опустились, лицо страшно побледнело.

— Я не знал,— пробормотал он, отступив как мог дальше от Кэшеля,— я отказываюсь. Отпустите меня, сэр. Я слишком слаб для вас.

Но жестокая толпа продолжала натравливать на него Кэшеля, который с грозными приемами боксера приближался к противнику. Тогда Тэдди упал на колени и плачущим голосом взмолился:

— Что же мне делать? Я уже говорил вам, что прошу прощения. Будьте настоящим англичанином, сэр, не бейте лежачего.

— Лежачего! — прокричал вне себя от злости Кэшель.— Долго ли вы будете лежать, когда я хочу, чтобы вы встали! — И он, схватив Тэдди левой рукой, поставил его на ноги. Кулак Кэшеля, как молот, опустился на его голову.— Теперь вы не лежите, и я расправлюсь с вами по-своему, негодяй!

— Отпустите меня,— молил Тэдди.— Я не хотел обижать вас. Почему я мог знать, что эта дама ваша невеста? — Тут сильный удар в лицо заставил его замолчать на время.

— Сжальтесь надо мной, сэр! — по-настоящему заплакал Тэдди.— Вы убьете меня!

— Пожалуйста, оставьте его! — вскрикнула Лидия, бросившись к Кэшелю.

Кэшель сейчас же выпустил свою жертву, и Тэдди покатился на землю. Кэшель молча предложил Лидии свою руку и вывел ее из толпы зрителей. Тогда маленький человек, произнесший уже раз имя Кэшеля, замахал шляпой и прокричал:

— Да здравствует Британский Лев! Да здравствует Кэшель Байрон.

Кэшель быстро обернулся и гневно произнес:

— Не советую вам так легко обращаться с чужими именами, как бы вам не пришлось пожалеть, что вы знаете, как меня зовут!

Маленький человек скрылся за спинами зрителей. Кэшель поспешил увести Лидию от любопытных взоров

все увеличивавшейся толпы, которая уже начала обмениваться замечаниями о знаменитом боксере и его элегантной даме. Но куча уличных мальчишек побежала за удалявшимся победителем. Они не смели, конечно, учинить никакой выходки против человека, выказавшего себя таким храбрым и сильным. Но подобная свита раздражала Кэшеля, так как обращала на него и на Лидию внимание всех прохожих. Он вдруг остановился и обернулся к ним. Мальчишки тоже остановились на порядочном расстоянии от него, перешептываясь о чем-то между собой. Кэшель вынул из кармана горсть медяков, потряс их в руке и обратился к ним с речью, при первых словах которой мальчишки насторожились и замолкли. А те, кто был потрусливее, собрались уже спастись бегством.

— Знаете ли вы, откуда у меня такая сила? — самым серьезным голосом начал он. — Я каждый вечер на ужин съедаю по мальчику, перед тем как ложиться спать. Я еще не решил, который из вас придется мне больше по вкусу. Но смотрите, первый, кто сделает еще один шаг следом за мной, попадется мне сегодня на ужин. Берегитесь же. А теперь вот вам. — И он бросил на самую середину улицы горсть монет. Поднялись крики и толкотня, которые помогли Кэшелю с Лидией продолжать свой путь без помех.

Лидия уже несколько пришла в себя от неожиданностей, выпавших ей в этот вечер. Она отстранила руку Кэшеля и впервые с того времени, как заступилась за Тэдди, заговорила с ним.

— Мне очень неприятно, что из-за меня у вас было столько хлопот, мистер Кэшель Байрон. Спасибо за ваше заступничество. Но мне, право, не грозило никакой опасности. Я бы отделалась от его приставаний несколькими решительными словами.

— Я так и знал! — воскликнул Кэшель. — Воображаю, в какое вы пришли бы негодование, если бы я не помог вам. А теперь вам жалко этого негодя. Я так и знал! Все женщины таковы.

— Полноте, мистер Байрон. Я не говорила и не думала ничего подобного.

— Тогда я отказываюсь вас понимать. Поверьте, что мне не доставляет особого удовольствия драться с людьми на улицах, и я не этим зарабатываю свой хлеб. А теперь, когда я из-за вас затеял драку, вы браните меня и находите, что мне нечего было вмешиваться.

— Простите. Может быть, я и не права. Я мало поняла из того, что произошло. Мне показалось, что вы свалились с неба.

— Вот видите, вы все-таки обрадовались, что я очутился около вас, хотя и браните меня. Скажите: вы рады, что мы с вами опять встретились?

— Признаюсь вам, так и быть, что на этот раз очень рада. Но каким чудом вы так внезапно появились здесь? И стоило ли, в самом деле, связываться с ним?

— Для меня это было удовольствие, а для него наука.

— Ну, удовольствие, наверное, не из больших! Заметили ли вы, что некоторые люди в толпе произнесли ваше имя и что оно страшно поразило вашего противника?

— Да. Странно, не правда ли? Впрочем, это неважно. Вы спрашиваете, откуда я свалился? Признаюсь вам, что уже пять минут, как я следил за вами. Лучше расскажите, если такой вопрос не дерзость с моей стороны, как вы попали сюда в такой час одна с каким-то мальчишкой?

Лидия рассказала ему, как это случилось. Стало уже совсем темно. Они вышли на большую улицу, где Лидия заметила, что ее спутник привлекает к себе внимание прохожих, в особенности же извозчиков и омнибусных кучеров.

— Алиса, верно, думает, что я погибла, — сказала она, знаком подзывая к себе извозчика. — До свидания. Еще раз спасибо. Я всегда дома по пятницам и буду рада видеть вас у себя.

С этими словами она дала ему визитную карточку. Он взял ее, прочел, посмотрел, не написано ли что-нибудь на оборотной стороне, и застенчиво спросил:

— Верно, у вас по пятницам бывает много народа?

— Да, это неизбежно.

Кэшель немного замялся.

— Я боюсь, как бы с вами опять не случилось какой-нибудь неприятности. Позвольте мне проводить вас до вашей двери.

Лидия засмеялась.

— Вы очень любезны. Но, право, не стоит этого делать. Что же может еще со мной случиться?

— Извозчик может завести вас куда-нибудь, — настаивал Кэшель. — Мне сейчас по дороге с вами. Даю вам слово, — добавил он, думая, что она не верит ему. —

Каждый вторник я бываю в Сент-Джонс-Вуд-Цестоусском клубе.

— Вот что, мистер Байрон, я страшно голодна и устала. Еще немного, и я упаду в обморок. Поедем вместе, если хотите, только не задерживайте меня.

Она села в экипаж, и Кэшель последовал за ней, говоря, что все равно слишком темно, чтобы можно было узнать их. Они говорили мало и быстро доехали. Башвиль стоял перед открытой дверью, когда они подъехали. Когда Кэшель вышел из экипажа, слуга посмотрел на него с некоторым удивлением. Но, заметив Лидию, он совсем остолбенел и застыл с открытым от изумления ртом, хотя издавна привык казаться равнодушным ко всему, кроме своих прямых обязанностей, и исполнять их как можно более бесстрастно. Кэшель пожелал Лидии доброго вечера и обменялся с ней рукопожатием.

Войдя в дом, Лидия спросила Башвиля, дома ли мисс Гофф. К ее удивлению, тот как бы не расслышал ее вопроса и все стоял на том же месте, глядя вслед удалявшемуся кэбу. Ей пришлось повторить вопрос.

— Сударыня,— спохватившись ответил все еще не пришедший в себя слуга,— она уже четыре раза спрашивала о вас.

Лидия решила, что Башвиль нетрезв, и, отпустив его, быстро поднялась наверх.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Однажды утром в дом, где жил Люциан Уэббер, пришел элегантно одетый человек средних лет и попросил доложить о себе. Он отказался дать свою визитную карточку и просил передать мистеру Уэбберу, что его хочет видеть «просто Башвиль». Люциан немедленно принял его, и когда тот вошел в кабинет, предложил ему сесть.

— Благодарю вас, сэр,— произнес Башвиль, усаживаясь с достоинством. По его виду Люциан понял, что он пришел по каким-то личным делам, а не с поручением от Лидии.

— Я пришел, сэр, по собственному почину. Прошу извинить мне эту смелость,— с достоинством начал он.

— Конечно, Башвиль. Если я могу что-нибудь сделать для вас, то непременно это исполню. Говорите смело. Но как можно короче. Я так занят, что каждую минуту, ко-

торую я отдаю вам, я отнимаю от своего ночного отдыха. Достаточно ли вам десяти минут?

— Больше чем достаточно, сэра, благодарю вас. Я хотел только предложить вам один вопрос. Я сознаю, что беру на себя слишком большую смелость, но это не смущает меня. Я хочу спросить вас, сэра, знает ли мисс Кэру, кто такой мистер Кэшель Байрон, которого она принимает у себя каждую пятницу вместе с другими гостями?

— Без сомнения знает, — сразу изменив свое обращение, очень сурово ответил Люциан, — однако, какое вам до этого дело?

— А знаете ли вы, сэра, кто он такой? — спросил Башвиль, выдержав строгий взгляд Люциана.

— Я очень мало знаком с ним. Но он мне известен как друг лорда Вортингтона.

— Нет, сэра, — с внезапной решительностью сказал Башвиль, — он для лорда Вортингтона такой же друг, как и конюх его сиятельства. В таком случае и меня можно назвать другом его сиятельства, так как и мне приходится разговаривать с ним. Байрон выступает в цирке, да будет вам известно, сэра. Он простой профессиональный боксер.

Люциан, вспомнив сцену, происшедшую на вечере у миссис Хоскин, сразу поверил этому неожиданному сообщению. Но из приличия он счел нужным спросить:

— Вы уверены в этом, Башвиль? Знаете ли вы, что ваше известие чрезвычайно важно?

— Не может быть никаких сомнений, сэра. Зайдите в любой спортивный клуб и спросите, кто теперь самый известный боксер. Вам всякий назовет Кэшеля Байрона. Я все знаю про него. Может быть, вам приходилось слышать имя Неда Скина, который был чемпионом Англии, когда вы были еще в школе?

— Как будто помню.

— Так этот самый Нед Скин подобрал Байрона на улице в Мельбурне, где он бродил без приюта и куда приехал корабельным юнгой. Скин обучил его боксу и выпустил в свет. Об этом можете прочитать в газетах, сэра. Спортивные журналы только и пишут, что о Кэшеле Байроне. Месяц тому назад о нем говорили даже в «Таймс».

— Я никогда не читаю статей о таких вопросах. Я едва успеваю прочесть те известия, которые ближе меня касаются.

— Так-то все и случилось, сэр. Мисс Кэру тоже никогда не читает спортивных отделов в газетах. Таким образом ему удалось выдать себя за человека из общества. Даже в газетах говорят, что он любит изображать из себя джентльмена. Уверяю вас, сэр.

— Я заметил, что у него очень странные манеры. Вы правы, Башвиль.

— Странные, сэр? Да ведь ребенок по его манерам может угадать, кто он такой! Он не умеет даже скрыть как следует своей тайны. Прошлую пятницу все были в библиотечном зале. Он просматривал новый биографический словарь, который недавно купила мисс Кэру. И что, по-вашему, он сказал, сэр? Как вы думаете? «Это никуда не годная книжка,— заявил он.— Тут десять страниц о Наполеоне и ни одной о Джеке Рэндалле, как будто эти бойцы не стоят один другого!» Вот что он сказал, сэр. Я не мог придумать, как дать понять мисс Кэру, кого она принимает в своем доме. Потому-то я и решил рассказать обо всем вам, сэр. Я надеюсь, что вы не подумаете, будто я строю козни за спиною Байрона из какой-нибудь вражды к нему. Я хочу только исполнить то, что считаю своим долгом. Если бы я старался разыграть из себя перед мисс Кэру джентльмена, то со мной следовало бы поступить как с обыкновенным мошенником. Поэтому, когда он пытается сделать это, я в праве вывести его на чистую воду.

— Вы совершенно правы,— сказал Люциан, которому было очень мало дела до побуждений, которые привели к нему Башвилю.— Я думаю, что этот Байрон прямо-таки опасный человек. Он производит пренебрежительное впечатление.

— Однако он знает свое дело, сэр. Я больше понимаю в боксе, чем добрая половина лондонских профессионалов, но я никогда не видел еще такого боксера! Нет человека, который мог бы победить его. Это прямо-таки гений в своем деле, и он побил уже многих людей всякого роста, веса и цвета кожи. На днях приехал какой-то негр, по имени Парадиз, который берется одолеть его. Но это ему не удастся, сэр, будьте покойны.

— Хорошо, хорошо,— засмеялся Люциан.— Я очень благодарен вам, Башвиль, за ваше сообщение. Я непременно расскажу мисс Кэру, что вы...

— Простите, сэр. Но я осмелюсь просить вас не делать этого. Мне не хочется выдвигаться за счет другого

человека. К тому же мисс Кэру может рассердиться на меня за это.

Люциан быстро посмотрел на него, будто собираясь что-то сказать, но промолчал. Башвиль продолжал:

— Если он будет отрицать правду моих слов, можете позвать меня в свидетели. Я в лицо скажу ему, что он лжет, и сделал бы это, если бы он был даже вдвое сильнее, сэр. Но, несмотря на это, я попрошу вас, сэр, ничего не говорить мисс Кэру.

— Как хотите, Башвиль,— сказал Люциан, вынимая кошелек.— Вероятно то, что вы рассказали мне, правда. Во всяком случае вы не напрасно беспокоились.— С этими словами он протянул ему крупную золотую монету.

— Извините меня, сэр,— ответил Башвиль, отступая назад,— вы понимаете, что такие услуги оказываются не ради денег. Это личное дело между мной и Байроном, сэр.

Люциан недовольно поморщился тому, что у слуги могут быть какие-то личные чувства и притом такие, которые имеют отношение к его госпоже. Он сердито спрятал свой кошелек и спросил:

— Не знаете, будет ли мисс Кэру дома сегодня днем между тремя и четырьмя?

— Я не слышал, чтобы мисс Кэру собиралась выйти в это время. Я протелефонирую вам об этом, если вам угодно, сэр.

— Не нужно. Благодарю вас. Прощайте.

— Доброго утра, сэр,— с почтительностью слуги ответил Башвиль. Но за порогом дома его манеры резко изменились. Он надел лайковые перчатки и, полный сознания своего достоинства, пошел домой, помахивая тростью с серебряным набалдашником, которую оставил в передней. Группа провинциалов, попавшаяся ему на пути, с тайным уважением провожала его глазами, принимая его за молодого пэра, направляющегося на заседание палаты лордов.

Башвиль напрасно прождал в тот день появления Люциана в доме. На этот раз не было никаких посетителей. Чтобы с пользой провести свой досуг, он пошел в библиотеку, которой мисс Кэру разрешила пользоваться и слугам, и прочел там в энциклопедии статью о Спинозе. Через час, вполне удовлетворенный тем, что постиг учение этого философа, он стал натирать до безукоризнен-

ного блеска полы в комнатах Лидии, чтобы скрасить этим занятием скучную монотонность летнего дня.

В это время Люциан обдумывал, в какой бы форме лучше всего сообщить Лидии правду о ее друге. Ему хотелось, чтобы она не только порвала всякое знакомство с Кэшелем, но и устыдилась, что допустила такого человека в свой интимный круг, и почувствовала, что теперь вера в ее непогрешимость сильно поколеблена. Его опыт в качестве секретаря при министерстве научил его подкреплять свое мнение несколькими ловко подобранными фактами, чтобы тем вернее навязать его другим, создав ему призрак убедительности. Но он был очень мало осведомлен о жизни спортивных кругов, не имел ясного представления о действительном положении в обществе профессионалов арены, и хотя он с малых лет был убежден, что бокс — грубое и предосудительное занятие, порочащее человека, однако он очень хорошо знал, как любит Лидия считать общее мнение пустым предрассудком, и поэтому не хотел являться к ней без солидных данных против Кэшеля Байрона. К изумлению лорда Вортингтона, Люциан не только пригласил его вечером к обеду, но даже с удовольствием и напряженным вниманием вел с ним беседу на его любимую тему о боксе.

К концу дня Башвиль стал нервничать. Ему приходило в голову, будто Лидия уже повидалась где-нибудь с мистером Узббером и тот рассказал ей об утреннем посещении Башвиля. Ему стало казаться, что отношение Лидии к нему изменилось; он даже чуть было не спросил самую симпатичную из горничных, не заметила ли и она этого. Но на следующий день беспокойство Башвиля кончилось. Люциан пришел и имел с Лидией долгий разговор в библиотеке. Башвиль слишком высоко ценил свое достоинство, чтобы подслушивать у двери, но он надеялся, что симпатичная горничная не будет так щепетильна. Но Лидия воспитала в своих слугах чувство самоуважения, и поэтому ее разговор с двоюродным братом остался тайной для Башвиля.

Когда Люциан вошел в библиотеку, у него был такой мрачный вид, что Лидия спросила, нет ли у него сегодня мигрени, от которой он часто страдал. Он почти обиженно ответил, что совсем здоров и что должен поговорить с ней об очень серьезном вопросе.

— Как? Опять?

— Да, опять,— ответил он с горькой усмешкой.— Но на этот раз дело будет идти не обо мне. Могу ли я сказать вам кое-какую правду об одном из ваших постоянных гостей, не рискуя рассердить вас непрошеным вмешательством в вашу жизнь?

— Конечно, дорогой Люциан. Вы имеете в виду Чевского? Если я угадала, то не беспокойтесь за меня. Я прекрасно знаю, что он записной нигилист.

— Меня мало занимает господин Чевский. Вы знаете, надеюсь, что я далеко не сочувствую вашему увлечению всякими анархистами, нигилистами и прочими достаточно подозрительными людьми. Тем не менее я не возражаю против них. Но я смею предполагать, что даже вы должны закрыть свои двери для профессионального боксера.

Лидия мгновенно побледнела и почти неслышно произнесла:

— Вы говорите о Кэшеле Байроне?

— Так вы знали! — в негодовании воскликнул Люциан.

Лидия промолчала мгновение, чтобы овладеть собой. Затем она уселась и хладнокровно ответила:

— Я знаю лишь то, что вы сказали мне — ничего больше. А теперь извольте подробно объяснить мне, что такое профессиональный боксер.

— Это человек, который дерется за плату.

— Но то же самое делают все военные — офицеры и генералы. А тем не менее, насколько я знаю, общественное мнение не ставит их на одну доску.

— Еще бы! — возмутился Люциан.— Между этими двумя родами занятий нет ничего общего. Позвольте мне, Лидия, открыть вам глаза, если только я сумею сделать это в спокойном тоне, хоть, правду говоря, мне это очень худо удастся по отношению к вам. Профессиональный кулачный боец — это обыкновенно человек необузданного и дикого нрава, который начинает с того, что создает себе среди товарищей репутацию забияки. Далее, путем частых ссор, он приобретает известный опыт в деле кулачной расправы. Тогда благодаря своей уже установившейся репутации он находит какого-нибудь игрока, который соглашается поставить на него деньги, чтобы дать ему возможность вызвать на единоборство какого-нибудь профессионала с громким именем и тем начать свою карьеру. Между сторонниками того и друго-

го из бойцов заключается пари; противников начинают тренировать, как тренируют беговых лошадей, боевых петухов и тому подобных животных. Наконец они сходятся на арене, где начинают бить друг друга без всякой пощады, пока один из них не потеряет способности драться. Все это происходит в присутствии толпы любителей такого рода зрелищ: обыкновенно она состоит из подонков и отбросов нации, скопляющихся в больших городах. Так как призы, собранные по подписке, достигают нередко тысячи фунтов, то вы понимаете, что при удаче кулачные бойцы составляют себе крупные состояния. А если такой боец еще сумеет перенять кое-какие манеры у джентльменов, которых он обучает боксу, то ему будет не особенно трудно скрыть свое настоящее общественное положение от легковверных людей, в особенности от таких, которые любят всякие эксцентричности.

— А каково их настоящее общественное положение? Я спрашиваю о том, из какого класса выходят боксеры?

— Обыкновенно из низших слоев простонародья: из чернорабочих, поденщиков, мясников, иногда из сапожников, портных или булочников. Нередко из отставных солдат, матросов или лакеев. Но чаще всего они выходят из чернорабочих. Регулярный труд не по вкусу этим молодцам.

— А кулачные бойцы никогда не происходят из лучших слоев общества?

— Никогда. Они не выходят даже из лучших слоев простонародья. Прогоревшие и опустившиеся джентльмены вряд ли охотно возьмутся за дело, которое требует большой физической силы, лошадиной выдержки и кровожадности мясника.

— Но чем они становятся под старость? Ведь не могут же они заниматься своей профессией до конца жизни.

— Конечно нет. Когда наступает для боксера старость и всякий уже может легко побить его, никто не станет делать на него ставки и подписываться на призы для него. Тогда, если он отложил немного денег, он открывает боксерскую антрепризу и вскоре беспросыпно заливает — до смерти или до разорения. Если же он был не предусмотрителен или вообще почему-либо не накопил денег, он занимается попрошайничеством у своих прежних покровителей и дает уроки бокса. В конце концов, когда он

уже окончательно надоеет своим покровителям и не может найти больше уроков, он попадает к подонкам большого города и перебивается со дня на день разными темными делами.

Лидия долго молчала. Люциан уже стал обижаться, так как ему показалось, что она забыла о его присутствии. Он хотел было уже высказать свою обиду, когда Лидия пытливо посмотрела на него и спросила:

— Почему же лорд Вортингтон познакомил меня с таким человеком?

— Потому что вы сами просили его об этом. Он, вероятно, решил, что, если вы сами напрашиваетесь на знакомство, не справившись предварительно с кем имее дело, то вы не можете иметь что-нибудь против него только за то, что он исполнил ваше желание. Притом вспомните, что дело было на Уилстокенской станции в присутствии самого Байрона, который мог бы учинить открытый скандал, если бы лорд отказался вам его представить. Ведь он слышал все, что мы говорили.

— Люциан,— строго проговорила Лидия,— я считала, что завожу знакомство с нанимателем виллы в моем имении, за которого вы сами поручились.

Люциан покраснел и смутился.

— А как объясняет лорд Вортингтон появление мистера Байрона на вечере у миссис Хоскин?

— Это была глупая шутка с его стороны. Миссис Хоскин просила лорда привести к ней какую-нибудь знаменитость из числа его знакомых. Он и привел своего protégé. Я не защищаю Вортингтона, но от него нельзя ждать особой деликатности.

— Он достаточно деликатен, чтобы понять всю неуместность подобных поступков. Но дело не в этом. Я думала сейчас о жизни этого странного разряда людей. До сих пор я ничего не знала о них. Знаете ли, Люциан, мне не раз приходилось встречаться с книгами, где очень серьезные и уважаемые люди утверждали каждый что-либо свое, но все вместе выходило, будто евреи, язычники, христиане, атеисты, адвокаты, врачи, общественные деятели, актеры, художники, вегетарианцы, пьяницы, одним словом, все люди на земле — негодные, мерзкие, ненормальные и развращенные люди. Такие утверждения нетрудно доказать, когда берут из каждого стада по паршивой овце и возводят ее в значение общего типа. Можно ли судить о нравственности человека по его профессии?

Можно ли верить утверждениям, построенным на такой основе? Война — жестокое и кровавое дело, а солдаты вовсе не кровожаднее и бесчеловечнее других людей. Я не могу согласиться с тем, будто кулачный боец — грубый и опасный человек уже потому, что он занимается грубой и опасной профессией.

Люциан хотел ответить ей, но она сейчас же перебила его:

— Впрочем, это сейчас не интересует меня. Скажите, есть ли у вас какие-нибудь сведения о личности мистера Байрона? Считаете ли вы его обыкновенным представителем своей профессии?

— Нет. Я думаю, что он очень странный представитель. Мне удалось проследить историю его жизни вплоть до тех времен, когда шестнадцатилетним юношей он служил юнгой на каком-то океанском пароходе. Его за что-то прогнали с парохода во время стоянки в Мельбурне. Тогда он поступил слугой в гимнастическую школу какого-то отставного чемпиона. Здесь он понял, в чем лежит его призвание, и стал готовиться к деятельности профессионального кулачного бойца. Первый раз он выступал на арене против какого-то несчастного датчанина, которому сломал скулу. Это положило начало его славе. Ему везло, и он из всех дальнейших состязаний неизменно выходил победителем. Наконец ему однажды удалось каким-то особенным ударом убить на месте противника-англичанина, который стойко держался против него целых два часа. Я узнал, что этот особенный удар с тех пор зовется в спортивных кругах «ударом Кэшея». Он пытался применять этот подлый прием в своих последующих схватках, но, по-видимому, менее удачно, так как никого не убил. Вероятно, этот неуспех разочаровал его, так как он вскоре покинул Австралию и появился в Америке, где прославился тем, что поборол какого-то негра-великана и изувечил его на всю жизнь. Затем...

— Благодарю вас, Люциан, — прервала его Лидия. — Этих сведений вполне достаточно. Скажите, вы вполне уверены, что все в вашем рассказе правда?

— Я узнал все то, что сообщил вам, из таких авторитетных источников, как лорд Вортингтон и специальные спортивные журналы. Вероятно, сам Байрон с гордостью подтвердит эти сведения о его подвигах. Справедливости ради я должен прибавить, что его среди профессионалов считают образцом хорошего поведения и кротости.

— Помните ли вы мои слова, в которых я несколько дней назад по другому поводу заметила вам, как скудны результаты наших наблюдений над каким-нибудь предметом, до тех пор пока мы больно не ушибемся о него, после чего наши глаза проясняются и приобретают способность видеть правду.

— Я помню все ваши слова,— ответил Люциан, немного расстроенный неприятным воспоминанием.

— Мое знакомство с этим человеком может служить прекрасной иллюстрацией для этой мысли. Он выдавал свою ужасную профессию каждым движением, каждым словом,— все время, пока мы были знакомы. Мне пришлось даже видеть его кулачную расправу с каким-то уличным проходимцем. И тем не менее, имея все данные, я ничего не заметила, во мне не появилось даже малейшего подозрения, сколько-нибудь напоминающего то, что я узнала сегодня.

Лидия рассказала о своем недавнем уличном приключении и с терпеливым равнодушием выслушала от Люциана выговор за свою вечную неосторожность и легкомыслие.

— Можно ли спросить,— закончил свои наставления Люциан,— как вы думаете теперь поступить?

— А что вы посоветуете мне?

— Порвите немедленно знакомство с ним и решительно запретите появляться в вашем доме.

— Приятная задача,— иронически усмехнулась в ответ Лидия.— Но я сделаю это, пожалуй, не столько из-за того, что он обманщик. Пожалуйста, Люциан, сядьте к письменному столу и напишите начерно письмо к нему.

Люциан поморщился.

— Я думаю, что вы это сделаете лучше меня. Нужно много такта для такого письма.

— Да. Это не так легко, как вам представлялось минуту назад. Иначе я не просила бы вас помочь мне. Пожалуйста.— И она подвела его к столу.

Люциан с неудовольствием уселся и, подумав некоторое время, написал:

«Мисс Кэру высказывает мистеру Байрону полное свое уважение и считает долгом сообщить, что на днях покидает Лондон и потому будет лишена удовольствия принимать его по пятницам у себя».

— Я думаю, что этого достаточно,— сказал Люциан, передавая Лидии записку.

— Пожалуй,— улыбнувшись сказала она, когда прочла написанное.— Но что делать, если он рассердившись, ворвется сюда, вышибет двери и побьет Башвиля? Это легко может случиться.

— Он не осмелится. Однако я могу предупредить полицию, если вы боитесь.

— Ни за что. Нам следует показать, что у нас мужества не меньше, чем у него. Это, верно, единственная его добродетель.

— Если вы сейчас перепишете набело письмо, я опущу его в ящик, когда выйду от вас.

— Спасибо, не стоит. Я отправлю его вместе с остальными письмами.

Люциан охотно бы подождал, но он отлично знал, что Лидия не станет писать в его присутствии. Поэтому он, вполне удовлетворенный достигнутыми результатами, простился с ней. Когда он вышел, Лидия изорвала на мелкие клочки его записку и бросила их в корзину. Затем она написала:

«Дорогой мистер Кэшель Байрон.

Я только что узнала ваш секрет. Я очень огорчена, но должна предупредить Вас, что Вам не следует больше приходить ко мне. Прощайте.

Преданная Вам *Лидия Кэру*».

Лидия продержала это письмо у себя до следующего утра. Одевшись, она еще раз внимательно прочла его. Затем запечатала его и послала Башвиля опустить конверт в почтовый ящик.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ученики Кэшеля, обучавшиеся у него боксу, обыкновенно просили его обращаться с ними, как с серьезными противниками, а не играть в невинную игру. Но Кэшель редко исполнял их желание, хотя он прекрасно знал, что подбитый глаз или вышибленный зуб станет гордостью ученика и поводом для хвастовства, что эти знаки отличия получены от знаменитого кулачного бойца. Кэшелю

было неприятно видеть свои трофеи на лицах учеников и, кроме того, он не желал прослыть грубым и неловким учителем. Тем не менее в тот день, когда пришло письмо Лидии, Кэшель изменил своему обыкновению. Это почувствовал джентльмен, пришедший на урок вскоре после получения письма. Он удивился странной рассеянности Кэшеля, вяло принявшегося за преподавание своего любимого дела, и попросил, конечно, не щадить его. Ответом на эту просьбу был сильный удар в живот, который отбросил смелого джентльмена в противоположный угол комнаты. Джентльмен, без кровинки в лице, с трудом встал на ноги, но притворился очень довольным таким обхождением, и сдавленным голосом выразил свое удовольствие, что учитель считается с ним, как с настоящим противником, хотя тут же отказался от продолжения урока, ссылаясь на недосуг.

Когда он ушел, Кэшель стал рассеянно ходить по комнате, то вынимая письмо из кармана и в который раз перечитывая его, то погружаясь в свои невеселые думы. Его возбуждение все росло. Он не принял уже следующего ученика, быстро переоделся и выбежал на улицу. Там он впрыгнул в первый попавшийся кэб, назвал адрес Лидии и велел ехать во всю прыть. Кучер хлестал лошадь бичом что было силы, но, привычный ко всякого рода случаям, нисколько не удивился, когда уже у самого указанного дома ему было приказано не останавливаться и проехать мимо. Затем ему велено было повернуть назад и опять проехать мимо того же дома. В это время какая-то дама появилась у окна. В тот же миг его седок с криком ярости выскочил из кэба, взбежал по ступенькам подъезда и стал звонить. Дверь открыл Башвиль, как всегда безукоризненно одетый и с бесстрастным видом. На запинаящийся вопрос Кэшеля он ответил:

— Мисс Кэру нет дома.

— Вы лжете! — закричал Кэшель; глаза его бешено сверкнули. — Я видел ее в окне!

Башвиль не смутился и решительно ответил:

— Мисс Кэру не может принять вас сегодня.

— Я приказываю вам доложить ей обо мне, — угрожающе сказал Кэшель, наступая на него.

Башвиль хотел захлопнуть дверь перед дерзким гостем, но Кэшель не дал ему времени сделать это, вошел в прихожую и стал запирать за собою дверь. Пока он сто-

ял спиной к Башвилю, тот с дерзостью отчаяния, удесятерившей его силы, схватил Кэшеля сзади и мгновенно повалил его на устланный каменными плитами пол прихожей. Но в следующее мгновение Кэшель, вне себя от бешенства, уже был на ногах. Башвиль инстинктивно закрыл лицо и голову руками, чтобы защититься от ударов знаменитого боксера. Однако, опомнившись, он заметил, что Кэшель не собирается вовсе на него набрасываться, а в какой-то странной задумчивости стоит в углу, отвернувшись от него. Башвиль побежал предупредить свою госпожу.

Лидия была вместе с Алисой в своем будуаре, когда Башвиль постучался и заглянул в комнату. Алиса, поняв все по лицу Башвиля, в котором отразилось все его смятение, вскрикнула и вскочила со стула. Лидия, тоже сообразившая, что случилось, спокойно встала и попросила Башвиля точно рассказать ей о происшедшем. Тот оказался не в состоянии выговорить ни одного слова; он молча кинулся к окну, выходящему на улицу, и стал раскрывать его. Лидия поняла, что он собирается звать на помощь прохожих.

— Башвиль,— повелительно сказала Лидия.— Я приказываю вам молчать и закрыть окно. Я сойду вниз сама.

Башвиль хотел помешать ей, но она не обратила на него внимания, и он не решился удержать ее силой. В это время он уже несколько оправился от своего смятения и постарался как можно более спокойным голосом сказать:

— Сударыня, не делайте этого. Байрон хочет во что бы то ни стало видеть вас. Это опасный человек, сударыня, и мне не справиться с ним. Я сделал все, что мог. Уверяю вас, но он страшно силен. Он может каждую минуту ворваться сюда. Позвольте мне позвать полицию... Нет позвольте, сударыня,— добавил он, когда Лидия взялась за ручку двери,— если кому-нибудь нужно сойти к нему, то уж лучше пусть это буду я.

— Я приму его,— объявила Лидия, после минутного раздумья.— Сойдите вниз, если это не грозит вам никакой опасностью, и попросите его подождать меня в библиотеке.

— Позовите лучше полицию, пожалуйста,— взмолилась Алиса.— Нельзя знать, что может выкинуть этот ужасный человек.

— Пустяки. Стыдно трусить даже тогда, когда имеешь дело с кулачным бойцом,— шуточно ответила Лидия.

Башвиль, бледный как полотно и с дрожью в коленях, не задумавшись ни на минуту и изобразив на своем лице полное достоинства спокойствие, покорно сошел вниз к Кэшелю, у которого был в это время вид наказанного и раскаивающегося в своих проступках ребенка. Башвиль остановился на нижней площадке лестницы и оттуда объявил:

— Мисс Кэру просит вас в библиотеку. Пожалуйста.

Губы Кэшеля задвигались, но не издали никакого звука. Он молча последовал за слугой. Когда они вошли в библиотеку, Лидия была уже там. Башвиль сейчас же удалился. Тогда Кэшель в изнеможении опустился на кресло и совершенно неожиданно для Лидии, закрыв лицо руками, зарыдал как дитя.

— Не надо, не плачьте,— с нежностью сказала Лидия.— Мне передали, что вы хотите говорить со мной.

Он поднял к ней свое бледное, ставшее кротким лицо.

— Мне не о чем говорить больше с вами. Вы приказали своему слуге спустить меня с лестницы. О чем же говорить еще?

Лидия заметила его желание встать и уйти. Поэтому она быстро твердым голосом сказала:

— Если мой слуга позволил себе малейшую непочтительность к вам, мистер Байрон, он поступил вопреки моим приказаниям.

— Это неважно. Впрочем, пусть он благодарит судьбу, что у него осталась цела голова на плечах. Но не в нем дело. Подождите... мне трудно говорить... Я сейчас успокоюсь... тогда...— Кэшель поднял с какой-то комичной деловитостью голову, откинулся на спинку кресла и оставался в таком положении до тех пор, пока не овладел собой вполне. Лидия участливо смотрела на него. Наконец он нашел силы спросить:

— Почему вы решили не принимать меня больше?

Лидия ответила не сразу.

— Помните ли вы наш разговор на вечере у миссис Хоскин? — спросила она после некоторого молчания.

— Да.

— Вы сами говорили тогда, что, если я узнаю вашу тайну, наше знакомство оборвется.

— Это был лишь удобный для меня предлог не говорить вам о своей профессии. Но я никогда не допускал

возможности, что это так будет на самом деле. Кто сказал вам, что я боксер?

— Я не считаю себя в праве открыть вам это.

— Ага! — торжествующе вскричал Кэшель. — Кто теперь скрывает свои секреты?

— Я принуждена скрывать от вас это потому, что не хочу подвергать опасности своего друга.

— Чего же вы боитесь? Он, вероятно, мужчина, следовательно, вам нечего опасаться за него. Вы полагаете, может быть, что я убью его? Должно быть, вам сказали, что этого можно ждать от такого человека, как я? Но это простая низость. Люди бранят профессию, которой я занимаюсь не потому, что она дурна сама по себе или потому, что среди нас есть два или три негодяя — бывают негодяи и среди епископов, — а потому, что они боятся нас. Не беспокойтесь о своем друге. Я привык получать хорошую плату за удары, которые наношу другим. И ваш здравый смысл легко подскажет вам, что тот, кто привык получать плату за известный труд, меньше всех расположен производить его даром.

— Я всегда думала, что первоклассные артисты охотно проявляют свои таланты и без всякой платы.

— Благодарю вас, — саркастически произнес Кэшель. — Мне бы следовало встать и отвесить вам поклон за этот любезный комплимент.

— Должна вам признаться, — серьезно продолжала Лидия, — я считаю ваше занятие очень антиобщественным, потому что оно пагубно влияет на нравы и культуру нашего общества. Боюсь, что это наше свидание, которого вы добились почти силой, ни к чему не приведет и ничему не поможет.

— Я не знаю этого, общественно ли оно или нет. Но я думаю, что вряд ли особенно справедливо выкидывать меня из общества, когда молодцы, занимающиеся делами гораздо более предосудительными, чем я, считаются в нем уважаемыми членами. Возьмите хотя бы тех, кто собирается у вас по пятницам, хотя бы того почтенного француза в золотых очках. Он сам рассказывал, что занимался распарыванием животов у собак и наблюдением, как долго они могут жить в таком виде. Попробовал бы он сделать это с моей собакой! Он говорил еще, что вырезает какие-то внутренности из живых крыс! Вы думаете, я подал бы ему руку, если бы только он не был

вашим гостем? А его вы принимаете и будете принимать, тогда как меня выкидываете вон из своего дома! У вас был в прошлый раз какой-то генерал. А разве он не такой же наемный боец, как и я? Разница между нами лишь в том, что он не на свой риск и страх дерется, а подучивает других людей, как следует убивать ближних и посылать их во время войны на смерть, тогда как сам остается в безопасном месте. В прошлом году он с головой купался в крови несчастных негров, которые для него и его солдат были не страшнее, чем воробей для меня. Многие из ваших друзей ездят по субботам в Герлингхэм, чтобы показать свое умение стрелять, убивая ручных голубей. Это вы считаете достойным и человечным времяпрепровождением? Лорд Вортингтон, для которого двери вашего дома всегда открыты, правда, слишком хороший человек, чтобы убивать голубей, но он каждую осень устраивает охоту на лисиц. Думаете ли вы, что лисицам это доставляет большое удовольствие? Не кажется ли вам, что у людей, охотящихся на голубей и лисиц, такие утонченные чувства, что они не могут выносить в своей среде кулачного бойца? вспомните, скольким десяткам людей ежегодно приходится платить жизнью и увечьями за увлечение охотой, верховой ездой, футболом и всякими модными видами спорта. вспомните тысячи людей, убиваемых на войне. А между тем за целые сто лет, с тех самых пор как существуют кулачные бои в Англии, не было и десяти трагических исходов, если только он велся правильно и честно. Наше дело безопаснее, чем танцы: нередко женщины ломают себе ноги на паркете; а бывали ведь такие случаи, когда во время танцев дамский шлейф попадал в камин, и в результате женщина умирала от ожогов! Мне однажды пришлось биться с человеком, который истощил свое здоровье неправильной и разгульной жизнью. Он не выдержал двухчасовой схватки, и мой довольно невинный и вполне дозволенный правилами нашего дела удар уложил его на месте. Вы, может быть, слышали всякие небывлицы про этот случай. Но клянусь вам, что я не лгу. Здоровому человеку хороший удар приносит больше пользы, чем вреда. Я прекрасно знаю это по себе... Скажите сами: справедливо ли, что вы охотно пускаете к себе и дружите со всеми этими презренными истязателями собак, военными, охотниками на голубей и лисиц, а меня гоните вон, как бешеного зверя? Чем же я хуже их?

— Право, не знаю,— в большом замешательстве ответила Лидия на его длинную филиппику.— Вероятно, тем, что люди нашего круга не вступают в ряды вашей профессии.

— Вы правы. Среди боксеров мало джентльменов. Однако еще не так давно их не было также в среде поэтов и художников. Это занятие тоже считалось порочащим джентльмена. Но мне хотелось бы знать вот что: представьте себе боксера, манеры которого были бы так же безукоризненны, как манеры ваших друзей, и который по рождению вышел бы из того же круга. Почему бы он не имел права вращаться с ними в одном обществе и считать себя ровней им?

— Да, вполне разумных оснований для этого нет... Охотно признаю это. Но правильным решением этой несправедливости было бы исключение из нашего общества людей, занимающихся вивисекцией, охотой и военным делом, а не допущение к ним в среду кулачных бойцов. Однако, мистер Байрон,— изменив тон, добавила Лидия,— было бы бесполезно спорить с вами на эту тему. Общество, к которому я принадлежу, имеет известные предрассудки. Я разделяю их и не могу их преодолеть. Разве вы не могли найти в жизни более благородного и достойного вас занятия?

— Все дело именно в том, что не мог,— почти с отчаянием произнес Кэшель.— В этом все несчастье моей жизни.

Лидия недоумевающе подняла на него глаза, но ничего не сказала.

— Вы не можете понять этого? Так я вам расскажу, как сложилась моя жизнь. Можно мне сесть?

Он давно уже встал от возбуждения во время разговора и бегал по комнате. Лидия указала ему на стул около себя.

— Я не думаю, чтобы ребенок мог быть более несчастным, чем я был в своем детстве,— начал он.— Моя мать была — продолжает быть и сейчас — актрисой. Вот одно из первых моих детских воспоминаний: я сижу на полу в большой комнате, где перед огромным зеркалом она, жестикулируя и произнося какие-то пугающие меня слова, разучивает свою роль. Я боялся ее, потому что она часто и больно меня наказывала. Я до сих пор ничего не знаю о своем отце или о других моих родственниках.

Однажды, когда мне было уже лет восемь, я спросил ее, где мой отец. Она жестоко побила меня тогда, и я остерегался уже вторично спрашивать ее об этом. Она была еще совсем молода, когда я был ребенком. Сперва я считал ее небесным ангелом, несмотря на свой страх перед ней. Я бы навсегда сохранил любовь к ней, если бы она занималась мной и была нежна ко мне. Но ничего этого не было. Когда я немножко подрос и стал понимать, что она не любит меня, я перенес свою привязанность на наших служанок. Но они менялись у нас каждые два месяца из-за невозможного характера моей матери. Только одна старушка, бывшая моей кормилицей и няней, пробыла у нас почти все время, пока я жил дома. Вы понимаете, что воспитание, которое могли мне дать эти служанки, не отличалось изысканностью. Они привили мне дурные манеры и низкие вкусы. Моя мать, хотя и не занималась серьезно моим воспитанием, всегда наказывала меня за это, и мы с ней ссорились все время, пока прожили вместе. Мы стояли, вероятно, друг друга: я был дерзок и упрям, она — вспыльчива и капризна. Вы представляете себе, какие сцены происходили у нас. Нередко обед наш начинался с того, что она била меня большой суповой ложкой по голове, гоняясь за мной по всем комнатам, а кончался тем, что она сажала меня на колени, ласкала, называла своим дорогим сыночком, обещала мне всяких игрушек. Впрочем, нежности бывали между нами реже, чем ссоры и драки. Скоро я научился льстить ей и подлаживаться под ее капризы, чтобы избежать колотушек, и стал, как вы легко поймете, негодным и несносным мальчишкой. Моей единственной мыслью и старанием всегда было только выманить у нее сколько можно денег, лакомств и игрушек, когда она бывала в хорошем настроении, и не раздражать ее, когда она была зла. Как-то раз мальчишка на улице бросил в меня грязью. Я с плачем побежал к ней и стал ей жаловаться. Она прогнала меня и обозвала притворщиком. Я до сегодняшнего дня не забыл этого, вероятно, потому что это была единственная справедливая вещь, которую она когда-либо говорила мне. Я постоянно хитрил и лгал перед нею и не могу понять, как я не изолгался тогда на всю жизнь. Я научился, не двигаясь и не морщась, выносить ее колотушки, но так злобно и с такой ненавистью смотрел на нее в подобных случаях, что она стала бояться меня. На-

конец она отдала меня в пансион, сказав мне, что я бессердечный мальчик, и заявив учителю, что она отчаялась во мне и что из меня, верно, выйдет преступник. Все же при расставании я плакал, как безумный, а она, несмотря на то, что за минуту перед этим так худо отозвалась обо мне и что не задумалась оставить меня у чужих и неизвестных людей, зарыдала так же громко, как я, и была без чувств, когда ее усаживали в экипаж.

Вы легко можете себе представить, как я был подготовлен к школе и ее дисциплине. Я был бойким малым, но в то время еще едва умел читать по слогам и не мог вывести пером ни одной буквы. Пожалуй, и сегодня я знаю это дело не лучше старого Неда Скина. Но хуже всего было, что я дичился всех и ни с кем не умел сблизиться. Я думал, что все ненавидят меня, и боялся всех. Я ждал, что старшие ученики, а также воспитатели, будут истязать меня, старался защитить себя притворством, но вместе с тем каждую минуту трепетал, что мое притворство будет обнаружено. Вы вряд ли поверите этому, но я не извратился тогда до конца только потому, что открыл в себе большую силу и незаурядные способности к драке. Даю вам слово, что именно это спасло меня. Ученики старшего возраста нашей школы любили, подобно взрослым людям, смотреть, как дерутся другие. Они натравляли нас, младших, друг на друга и каждую субботу после обеда, когда занятия у нас прекращались, заставляли нас драться между собой, не обращая внимания на то, хотим ли мы этого или нет. Первое время, когда они заставляли меня драться, я закрывал глаза и ревел благим матом, усердно тыча кулаками в сторону противника, которого они на меня напускали. Вскоре любимым их удовольствием стало заставлять меня драться, потому что их забавлял мой рев и мои нелепые движения. Но через некоторое время я научился уже драться с открытыми глазами и без страха давать отпор нападавшим на меня. Я перестал бояться, и всякий раз инстинктивно знал, когда кто-нибудь из мальчиков собирался ударить меня. В таких случаях я всегда нападал первым. Теперь на арене со мной бывает то же самое: я знаю наперед, что сделает мой противник, когда он сам еще толком не знает этого. Положение, которое мне создала в школе среди мальчиков эта моя способность, имело на меня хорошее воспитательное влияние. Я стал первым бойцом школы и с та-

кой репутацией уже не мог унизиться до притворства, лживости и мальчишества. Я уверен, что лучшим воспитательным средством для мальчиков была бы драка, если бы только всякий из них мог стать первым бойцом, — но не всякому это дается; и потому драка приносит больше вреда, чем пользы.

Я бы все-таки вынес кое-что из школы, если бы сидел за книгами. Но я не хотел учиться. Все учителя бранили меня за лень, хотя, по всей вероятности, я не был бы лентяем, если бы они умели учить. Каникулы были для меня худшей порой моей школьной жизни. Мать меня поместила в школу, потому что будто бы у меня был слишком скверный характер, чтобы держать меня дома; а когда на праздники я возвращался домой, мать только и делала, что негодовала на мои школьные привычки и манеры. Я уже стал чересчур большим для того, чтобы она могла теперь приласкать меня, как своего дорогого сынишку, что она изредка делала в прежнее время. Ее обращение со мной осталось прежним, только в нем никогда не попадались уже минуты нежности. Вы понимаете, что мне, окруженному в школе славой первого бойца, вовсе не было приятно, что дома я попадал в унижительное для меня положение бездельника и дармоеда, только о том и думающего, чтобы отравить жизнь матери. Когда она убедилась, что я не делаю никаких успехов в учении, она перевела меня в другую школу, находившуюся в деревенской местности Панлей, на севере Англии. Я пробыл там до семнадцати лет. Но однажды она приехала ко мне, и по обыкновению между нами произошла грубая ссора. Она заявила, что не даст мне уйти из школы прежде, чем мне исполнится девятнадцать лет. Тогда я решил бежать и в ту же ночь скрылся из школы. Я добрался до Ливерпуля, разыскал пароход, уходящий в Австралию, и спрятался в его трюме. Когда, уже далеко в море, я вылез из своего убежища, со мною обошлись на корабле лучше, чем я ожидал. Я стал помогать экипажу и работал достаточно усердно, чтобы оплатить стоимость проезда и пищи, которую мне давали. Однако в Мельбурне меня высадили. Я совсем не знал, что делать: у меня не было ни одной знакомой души здесь, я ничего не умел делать, у меня не было ни гроша денег. Всякое дело, которым я мог бы прокормиться, делалось уже другими, и я ничего не находил, бродя по городу. Я придумал было

заходить подряд во все магазины и спрашивать, не нужен ли мальчик на побегушках или для черной работы. Но у меня не хватило на это решимости. Много раз я подходил к дверям магазинов и всякий раз уходил прочь, видя суровые лица приказчиков. Я утешал себя мыслью, что можно зайти в следующую дверь, что весь город в моем распоряжении. Уже поздно вечером я дошел до окраины. Здесь я заметил на одном из домов вывеску гимнастической школы. У двери была прибита какая-то записка. Пока я читал ее, со мной заговорил старый Нед Скин, владелец школы, куривший на пороге. Я ему понравился, и он предложил мне поступить к нему, чтобы помогать по хозяйству. Я, конечно, с радостью согласился. У него я научился боксу и через некоторое время сделал такие успехи, что Нед Скин устроил для меня кулачное состязание с легковесным бойцом по имени Дюкет и поставил за меня залог в качестве приза для победителя. Вы понимаете, что я ни за что не хотел, чтобы деньги мистера Скина пропали,— он так много сделал для меня, что я чувствовал себя почти его сыном. Что же мне оставалось, как не постараться всеми силами побить своего противника? Да что же вообще оставалось мне еще делать в жизни? Долг всякого человека состоит не в том, чтобы он делал то, что хочет, а в том, чтобы он хорошо выполнял то, что может. А единственное, что я умел порядочно делать — это драться. Я знал, что многие кулачные бойцы приобретают славу, почесть и деньги. Поэтому я выступил против Дюкета и побил его меньше, чем за десять минут. Я чуть было не убил его, потому что не знал еще тогда своей силы. С тех пор это стало моей профессией, потому что жизнь не открывала мне других возможностей. Когда я был в Уилстокене, я тренировался с помощью старого дурака Меллиша, готовясь к серьезному состязанию. Схватка произошла в тот самый день, когда вы встретили меня в Кленгаме с подбитым глазом. А потом... Видите ли, мисс Кэру, хотя я и профессиональный борец, во мне сердце ребенка. С тех пор, как я понял, что мать моя не ангел небесный, я никогда не переставал надеяться и ждать, что такой ангел появится в моей жизни. Я никогда не думал много о женщинах и мало знаю их. Как ни была моя мать недобра ко мне, в ней все же было что-то, что я запомнил до сегодняшнего дня и что дало мне представление о том, что настоящая

хорошая женщина лучше и выше всех других вещей на свете. Женщины и девушки, которых я знал во время моих скитаний по Австралии и Америке, казались мне очень малопривлекательными в сравнении с тем образом, какой остался от нее на дне моей души. К тому же все они были из низшего общества. Я любил миссис Скин, потому что она была добра ко мне; я старался ради нее быть любезным с женщинами, которые приходили к ней; но на самом деле я едва выносил их. Миссис Скин говорила, что все они охотно виснут мне на шею, потому что женщины любят молодых атлетов; но чем сильнее выказывали они мне это, тем менее они нравились мне. Я мог дружить со всякими мужчинами, как бы ни были они невоспитанны и грубы, но относительно женщины у меня были требования, в которых, вероятно, сказалось мое джентльменское происхождение. Когда я увидел вас впервые в Уилстокене одну среди деревьев, неожиданно появившуюся, молча и спокойно поглядевшую на меня и так же неожиданно удалившуюся,— клянусь, я подумал, что вот наконец пришел долгожданный ангел. Затем я встретил вас на железнодорожной станции и шел с вами домой. Тогда я понял, что вы не ангел. Ведь ангел — это только тень, детская мечта,— я не верю в сказки, которые рассказываются о небесных жителях,— но вы еще больше, чем мама, дали мне представление о том, чем должна быть женщина. С того дня я полюбил вас, и если вы станете моей, мне безразлично, как сложится дальше моя жизнь. Я вполне сознаю, что я скверный человек, и, пожалуй, знаю, что лучшим и не стану. Но когда я заметил, что вы возвращаетесь в обществе таких же скверных людей, как я, и не чувствуете к ним отвращения, я решил, что мне нечего отступаться и приходиться в отчаянье. Я во всяком случае не хуже вашего распарывателя собачьих животов. Впрочем, не буду меряться с ним. Только знайте, мисс Лидия, что в кулачном бою, как и во всяком деле, есть чистые и грязные пути. Я всегда старался идти чистым путем и ни разу в жизни не унился до подлого или коварного удара. Тем не менее я ни разу не был побежден. Хотя я только среднего веса, я с честью боролся против лучших тяжеловесов колоний, Соединенных Штатов и Англии.

Кэшель замолчал и доверчиво, с какой-то робкой надеждой посмотрел на Лидию, которая, не проронив ни

одного слова, внимательно слушала его. После довольно долгого молчания, которое, впрочем, не показалось никому из них тягостным, Лидия сдавленным голосом произнесла:

— Оказывается, что у меня гораздо больше предрассудков, чем я думала. Как вы отнесетесь ко мне, если признаюсь вам, что теперь, когда я знаю, что вы сын артистки, ваша профессия не кажется мне и наполовину такой отвратительной как прежде, когда я думала, что вы сын кухарки, прачки или поденщицы, как мне сказал Люциан.

— Как! — вскочил Кэшель. — Этот долговязый дурак сказал вам, что я сын кухарки?

— Вот я и выдала его; я говорила вам уже, что не умею сохранять секретов. Но мистер Уэббер — мой родственник и друг и сделал мне много хорошего. Могу ли я быть уверенной, что ему нечего бояться вас?

— Он не имеет право клеветать на меня. Я знаю, что он примазывается к вам: я заметил это еще в Уилстокине. Я показал бы ему теперь, кухаркин я сын или нет!

— Он вовсе не говорил этого. Он говорил мне лишь то, что вы сами подтвердили. Я спросила его, из каких слоев общества выходят люди, занимающиеся вашей профессией. Он ответил, что они обыкновенно выходят из семей рабочего класса, что вы сами подтвердили. Удовлетворены вы теперь?

— Я вижу, что вы очень хотели бы, чтобы я удовлетворился этим. Но я хочу знать, что он еще говорил обо мне... Впрочем, он прав. В нашей среде немало подонков общества и негодяев, нечего скрывать это. Но не они опозорили нашу профессию, а те люди из общества вашего мистера Уэббера, которые держат пари на нас, как на лошадей. Вашему двоюродному брату лучше бы попридержать свой язык.

— Ему бы не пришлось обвинять вас передо мною, если бы вы сами вовремя сказали мне правду. Я очень сожалею, что вы не имели прямоты и мужества сделать это.

— Я тоже жалею теперь об этом. Но что пользы в сожалениях? И разве я был не прав, что боялся потерять вас разоблачением моей профессии?

— Все равно, это не оправдывает вашего обмана.

— Но вы были всегда так дружески ко мне расположены, — вдруг жалобно проговорил Кэшель.

— Да, гораздо больше, чем вы ко мне. Иначе вы бы не стали меня обманывать. А теперь, по-моему, нам лучше всего расстаться. Я рада, что знаю историю вашей жизни; я согласна, что вы все же выбрали лучший путь из тех, какие вам предоставляла жизнь, и не осуждаю вас.

— Но тем не менее вы прогоняете меня. Не так ли?

— А чего же вы хотели бы, мистер Кэшель Байрон? Посещать меня в промежутках между своими победами над мясниками и чернорабочими?

— Нет,— ответил Кэшель, не обращая внимания на горькую резкость ее тона.— Я не долго пробуду еще на арене, мне слишком везет, пора уходить. Да и все равно надо уходить, потому что никто больше не хочет выступить против меня. Вот только Билл Парадиз похвалится, что победит меня. Если он не струсит, я вызову его на борьбу в сентябре. А после этого — конец. У меня тогда будет десять тысяч фунтов. Мне говорили, что это все равно, что пятьсот фунтов дохода в год. Я думаю, судя по тому как вы живете, что у вас, пожалуй, не меньше. Тогда, если вы согласитесь выйти за меня замуж, у нас вместе будет тысяча фунтов в год. Я не много понимаю в деньгах, но мне кажется, что на это можно прожить. Разве не дело я говорю?

— А что, если я откажусь? — без всякой улыбки серьезно спросила Лидия.

— Тогда ни на что не будут нужны мои десять тысяч,— резко ответил Кэшель.— Они пропадут даром вместе со мной. Можете, если угодно, распорядиться ими, как хотите. Мне они больше не будут нужны. Но зачем спрашивать, что будет, если вы откажетесь? Я знаю — я плохо выражаюсь, я не умею говорить о чувствах. Но, если бы я и был одним из тех благовоспитанных и образованных молодчиков, которые бывают и будут после меня бывать у вас по пятницам, я ведь не любил бы вас сильнее и вы не были бы мне дороже, чем теперь.

— Но я должна вас предупредить, что вы ошибаетесь относительно моих средств.

— Есть о чем говорить! Если у вас больше, чем я думаю, тем лучше. Если меньше или если почему-либо вы лишитесь своих денег, когда выйдете замуж, я живо заработаю еще вторые десять тысяч. Скажите мне только одно ласковое слово, и, клянусь Св. Георгием, я поборю всех семерых чемпионов мира в один вечер, по пяти тысяч фунтов за штуку. Бог с ними, с деньгами!

— Я богаче, чем вы предполагаете,— со своим методическим спокойствием проговорила Лидия.— Я не могу в точности сказать вам, как велико мое состояние, но мой ежегодный доход составляет около сорока тысяч фунтов.

— Сорок тысяч фунтов! — повторил Кэшель.— Боже мой, я думал, что и у английской королевы нет такого богатства.

В первый момент он испытывал только изумление перед огромностью этой цифры. Но сейчас же вслед за этим, поняв, какая социальная пропасть разделяет его от Лидии, густо покраснел и встал со своего стула. Сдавленным голосом, он глухо произнес:

— Вижу, что разыгрывал из себя последнего дурака! — С этими словами он взял шляпу и повернулся к двери.

— Из всего этого еще не следует, что вам нужно уйти от меня, не сказав на прощанье ни одного слова,— оставила его Лидия впервые за весь разговор дрогнувшим от волнения голосом.

— Что же еще сказать? Я глуп только до тех пор, пока мои глаза закрыты. Но, как только они открываются, я умнею. Мне нечего больше делать у вас. Зачем только я не остался в Австралии!

— Да, может быть, это было бы и лучше,— с нарастающим волнением сказала Лидия.— Но теперь уже бесполезно жалеть о нашей встрече и... Я хочу напомнить вам ваши слова. Вы несколько раз указали мне, что люди, с которыми я дружу и дружбу с которыми не собираюсь порывать, занимаются делами в нравственном отношении худшими, чем ваша профессия. Я не совсем согласна с этим. Но в одном отношении они ничем не превосходят вас. Знаете ли вы, что все они несравненно беднее меня? Большинство из них, пожалуй, даже беднее, гораздо беднее вас.

Кэшель быстро, с вновь зародившейся надеждой, посмотрел на нее. Но это продолжалось всего секунду. Он безутешно покачал головой.

— И не могу выразить вам,— продолжала Лидия,— как я признательна и благодарна вам за то, что вы приблизились ко мне ради меня самой, ничего не подозревая о моем богатстве.

— Чего тут благодарить? — глухо сказал Кэшель.— Ваше богатство, может быть, и лакомый кусок для кого-

нибудь из ваших друзей; а я рад, что вы так богаты, но рад только за вас и очень несчастлив за себя. Однако об этом не стоит говорить. Прощайте.

— Прощайте,— вся побледнев, ответила Лидия.— Прощайте, если вам так этого хочется.

— Не мне, а черту этого хочется! — с отчаянием в голосе почти закричал Кэшель.— Ничего другого мне не остается. Против судьбы не пойдешь. Прошу извинить меня, мисс Кэру, за грубость моих выражений. Во всем виновата моя проклятая невоспитанность. Меня не научили лучше вести себя.

— Мне нечего прощать вам, кроме того, что вы скрывали от меня правду. Но и это я прощаю вам, поскольку дело касается только меня. Что же до признания в вашей... привязанности ко мне, то сознаюсь вам, что мне пришлось выслушать уже много таких признаний, из которых ни одно не было мне так приятно. Но между нами, вы знаете, непреодолимые преграды. Вы ведь не станете добиваться руки женщины в сто раз более богатой, чем вы. А я не хочу иметь на содержании кулачного бойца. Мое богатство отпугивает всякого уважающего себя мужчину, а ваша профессия отпугивает всякую уважающую себя женщину.

— Значит... Скажите мне правду,— с горечью спросил Кэшель.— Предположите, что я достаточно богат и не...

— Нет,— резко перебила его Лидия.— Я не хочу делать никаких невозможных предположений.

— Если бы вы только не были до сих пор приветливы ко мне,— с грустной мягкостью сказал Кэшель.— Я думаю, что полюбил вас за то, что вы были единственным человеком, который не боялся меня и не отворачивался от меня. Все остальные вежливы со мной, потому что боятся рассердить первого бойца Англии. Тяжело быть чемпионом, мисс Лидия. Вы даже не подозреваете, как тяжело.

— Тяжело быть также богатой девушкой. Людей пугает мое богатство и то, что они называют моей образованностью. Наше положение во многом сходно. Однако сделайте мне большое одолжение и уходите. Нам не о чем больше говорить.

— Сию минуту уйду. Но я не очень верю, что вам тяжело. Это один вымысел.

— Возможно. Многие из чувств — только вымысел.

Наступило тяжелое молчание. Вдруг Кэшель прервал его:

— Мне почему-то не так уж грустно, как было минуту назад. Скажите, вы не сердитесь на меня?

— Даю слово, что нет. Но умоляю вас — уйдите.

— И я никогда больше не увижу вас? Неужели никогда? Это бесповоротно?

— Никогда, если всегда будете знаменитым борцом. Но если настанет день, когда мистер Кэшель Байрон найдет более достойное для себя занятие, — я встречу с ним, как с другом. Утешает ли это вас?

Кэшель просиял.

— Еще одно слово. Если мы случайно встретимся на улице, взглянете ли вы на меня? Я не прошу настоящего поклона, а только короткого приветливого взгляда?

— Я не намерена обижать вас при встрече, — ответила она. — Но не попадайтесь мне нарочно на каждом шагу.

— Клянусь вам, что я вовсе не думал об этом. Я буду довольствоваться тем, что стану ходить в тот переулок, где защищал вас однажды от приставаний хулигана. Ну, прощайте... Пойдите, — вдруг нахмурился он. — А что, если тогда, когда настанет день, о котором вы говорили, вы будете уже замужем?

— Возможно. Но я не очень стремлюсь к замужеству. Однако долго ли вы будете задавать мне вопросы, на которые не имеете права?

— Больше не буду, — ответил Кэшель с хохотом, разнесшимся по всему дому. — Я никогда еще не был счастливее, чем сейчас, хотя я, кажется, все время готов плакать. У меня теперь есть надежда. Прощайте... О нет! — добавил он, не принимая ее протянутой руки. — Пока еще я недостойн коснуться ее.

В соседней комнате ему попался Башвиль, стоявший здесь, по-видимому, давно, бледный, с решительным видом, говорившем о готовности при первом зове броситься на помощь своей госпоже. В руках его было зажато увесистое пресс-папье. Услышав раскатистый смех и увидев Кэшеля, выбегающего с почти восторженным видом из библиотечной комнаты, он остолбенел и не знал что и думать.

— Вот хорошо! — почти прокричал Кэшель, хлопая его по плечу. — Я рад, что встретился с вами. Есть кто-нибудь в столовой?

— Никого нет,— изумленно ответил Башвиль.

— Так зайдём на минутку,— продолжал Кэшель, вталкивая Башвилю в дверь столовой.— Да идите же. Покажите-ка, как это вы меня повалили? Не бойтесь, я ничего вам не сделаю плохого. Ну, валите меня. Только смотрите, не хлопните меня головой о решётку камина.

— Но...

— Не ломайтесь. Смогли же вы повалить меня полчасу тому назад!

Башвиль, ещё поколебавшись некоторое время, вдруг набросился сзади на насторожившегося Кэшеля и прежним приемом повалил его на пол. Кэшель не сразу поднялся, по-видимому что-то соображая. Затем хлопнул себя по лбу, вскочил и с хитрой улыбкой обратился к слуге:

— Так, понимаю. Ну-ка ещё раз!

— Нельзя,— запротестовал Башвиль.— Это производит слишком много шума.

— Ещё только разок. На этот раз будет тише.

— Ну так и быть,— согласился Башвиль.— У всякого свои вкусы.

Но на этот раз, вместо того чтобы повалить Кэшеля, он сам угодил каким-то образом головой в ошейник, образовавшийся загнутой назад рукой Кэшеля. Башвиль испугался не на шутку, так как малейшее движение руки его врага могло задушить его. Но Кэшель сейчас же со смехом выпустил его.

— Другое дело, не правда ли? — насмешливо произнес он.— Старую лису не поймать дважды в один капкан. Знаете ли вы ещё какие-нибудь штучки?

— Знаю,— обиженно ответил Башвиль.— Но здесь не место показывать их вам. Мы своей возней можем обеспокоить мисс Кэру.

— Приходите ко мне, когда у вас будет свободное время,— сказал Кэшель и протянул ему визитную карточку.— Вот по этому адресу. Вы покажете мне, что умеете, а я посмотрю, что можно сделать из вас. Пожалуйста, из вас можно сделать настоящего человека.

— Вы очень любезны,— по-джентльменски ответил Башвиль, пряча карточку в боковой карман.

— А теперь я дам вам совет, который может вам пригодиться,— с важностью сказал Кэшель.— Вы совершили сегодня непростительную глупость. Вы сбили с ног человека — и не просто человека, а профессионального бок-

сера — и затем, как безумец, продолжали спокойно стоять над ним, дожидаясь, чтобы он вскочил и убил вас. Если вам придется еще раз быть в таком же положении, бросайтесь сразу на противника, в ту самую секунду, как он встанет на ноги, и постарайтесь, чтобы ваши кулаки попали ему в нужное место. Если ему удастся захватить вас сзади, действуйте затылком и локтями. Если он слишком силен для вас, пырните его хорошенько, как будто нечаянно, коленом в живот. Но ни в коем случае не стойте в бездействии. Это значит плевать в лицо провидению.

Кэшель подкреплял каждый из своих советов дружественным щелчком в пуговицы сюртука своего недавнего врага. Кончив наставление, он кивнул головой, спустился с лестницы и вышел на улицу в приподнятом и бодром настроении.

Лидия стояла у окна своей библиотеки и провожала его глазами. Она задумчиво следила за его легкой, стройной походкой, выделявшей его из пестрой толпы снующих по улице людей. Переплет оконной рамы, отделявшей Кэшеля, заставил вспомнить о вольных детях лесов и пустынь, томящихся в клетках в парке, расстилавшемся перед окнами. Она с тайным удивлением и радостью убедилась, что, как ни опасен этот ставший ей дорогим человек, она не боится его и может покорить его суровую дикость одним взглядом, одним властным или ласковым словом. Когда Кэшель отыскал своего извозчика и уехал, она отошла от окна, подошла к своему письменному столу, открыла ящик, в котором хранила дорогие для нее реликвии, и вынула последнее письмо отца к ней. С письмом в руках она опустилась в глубокое кресло и, не читая, долго, задумчиво глядела на него.

— Странно будет, не правда ли, отец, — вслух произнесла она, как будто думая, что покойник услышит ее, — если твоя дочь станет женой борца. Мной овладело настоящее отчаяние, когда он таким непередаваемым «прощайте» ответил на известие о моем богатстве. Но теперь ведь он почти жених мой.

Она спрятала письмо обратно в ящик и позвонила. С несколько смущенным видом появился Башвиль.

— Пожалуйста, Башвиль, никогда не мешайте мистеру Байрону видаться со мной, если он придет, когда я дома.

— Слушаюсь, сударыня.

— Можете идти.

— Осмелюсь спросить, не было ли на меня каких-нибудь жалоб?

— Нет.— Башвиль, однако, вздрогнул, когда она прибавила: — Мистер Байрон говорил мне, что вы силой хотели не впустить его. Вы подвергали себя этим ненужной опасности. Вообще, Башвиль, в будущем всегда выпускайте ко мне людей, которые не хотят добровольно уйти, когда их просят. Это все же лучше, чем затевать драку в моем доме. Впрочем, я не обвиняю вас, наоборот, я ценю вашу преданность.

— Он силой ворвался в дверь, сударыня, и я, может быть, поступил необдуманно, но я был очень возмущен. Прошу извинить меня, что я позволил себе без разрешения зайти к вам в будуар. Я был очень тогда взволнован. Он сильнее и выше меня, к тому же он профессионал. Иначе я не уступил бы ему.

— Я вполне довольна вами,— суше обыкновенного сказала Лидия и вышла из комнаты.

— Как долго вы пропадали! — почти истерично закричала Алиса входившей к ней Лидии.— Он уже ушел? Как он ужасно кричал! Расскажите же, в чем дело.

— Боюсь, дорогая моя, что все дело в вашем утомлении от танцев и бессонных ночей на балах. Смотрите, на вас лица нет.

— Это вовсе не от танцев, а от этого ужасного человека,— едва сдерживая истерическое рыдание, ответила Алиса.

— Не думаю. Я говорила с глазу на глаз с этим «ужасным» человеком целые полчаса, а Башвиль даже вступил с ним в драку, и тем не менее мы не в истерике.

— И я не в истерике,— негодуяще воскликнула Алиса, но тут же разрыдалась.

Лидия ласково положила руку на голову подруги и стала ее успокаивать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Имя миссис Байрон — по сцене Аделаиды Джисборн — теперь, во второй раз за время ее сценической карьеры, было на устах у всего Лондона, который уже успел, было, совсем забыть ее. Столичные театральные антрепре-

неры в свое время убедились, что ее успех у публики все падал. Она изводила режиссеров своими капризами, на малейшее замечание отвечая, что она ненавидит театр и сейчас же уйдет со сцены. Поэтому антрепренеры решили обходиться без нее. Ей пришлось надолго покинуть Лондон, так что молодое поколение столичных театров знало о ней только понаслышке, как о вышедшей из моды актрисе, гастролирующей в провинции и выдающей себя невежественным провинциалам за великую артистку, удивляя их все одними и теми же заигранными ролями из шекспировского репертуара. Действительно, миссис Байрон стала разъезжать со своей небольшой труппой из города в город, останавливаясь в каждом на неделю или на две и повторяя везде все ту же полудюжину эффектных ролей, которые стали ей так знакомы и привычны, что она уже давно перестала возвращаться мыслью к их внутреннему смыслу и к содержанию изображаемых ею характеров. Однако провинциальная публика принимала ее восторженно. И она сама больше полюбила провинцию, так как здесь ей больше аплодировали, здесь она чувствовала себя более заметной, здесь расходы ее были меньше, а заработок больше, чем в Лондоне, о котором она сохранила столь же мало добрых воспоминаний, как Лондон о ней. С годами она больше зарабатывала и меньше тратила. Когда она попрекала Кэшеля расходами на его воспитание, она была уже достаточно богата. С того времени, как он избавил ее от этих расходов, она совершила гастрольные поездки по Америке, Египту, Индии и английским колониям, и всякое турне обогащало ее. После долгого отсутствия она вернулась в Англию как раз в тот самый день, когда Кэшель присоединил к своим лаврам победу над датским чемпионом. Ближайшие воскресные номера газет посвятили свои спортивные столбцы восхвалению мужества и силы Кэшеля Байрона, а театральные отделы — превознесению талантов Аделаиды Джисборн. Кэшель еще следил кое-когда за театральными известиями, мать же его никогда не заглядывала в спортивный отдел газет.

Все антрепренеры, у которых когда-то служила миссис Байрон, к этому времени либо умерли, либо разорились, либо занялись другим, более спокойным и менее рискованным делом. Но один из новых сценических деятелей задался целью поднять в публике упавший интерес

к Шекспиру. Задумав поставить хронику «Король Джон», он пригласил на роль Констанции вернувшуюся из далеких краев и прогремевшую в колониях Аделаиду Джисборн, подговорив в то же время своих приятелей журналистов поднять в газетах вопль об упадке великих преданий по сцене и о необходимости учиться им у артистов старой школы.

В последние годы миссис Байрон уже не жаловалась, что ненавидит сцену. Она действительно ненавидела ее когда-то. Но именно к тому времени, когда она стала достаточно богатой, чтобы бросить театр, она полюбила его, и сценические подмостки стали для нее уже привычной и необходимой потребностью. Кроме того, ей нравилось этим легким для нее заработком увеличивать свое состояние. Она успела скопить довольно серьезную сумму и начинала по временам уже мечтать о том, чтобы уйти на покой или поехать на гастроли в Париж, открыть свой театр в Лондоне и о прочих приятных вещах. Высшим моментом ее славы в молодости был неожиданный и очень шумный успех в Лондоне, когда она впервые выступила в одной удавшейся роли. Теперь ей очень улыбалась мысль воскресить эти дни молодости и завершить триумфом свою карьеру там, где она начинала. Поэтому она охотно приняла сделанное ей предложение и даже, преодолев лень и скуку, принялась читать «Короля Джона» без пропусков от начала и до конца.

Режиссер, которому было поручено руководство новой постановкой Шекспира, узнал, что у одного из частных коллекционеров Лондона имеется очень ценный для характеристики эпохи, к которой относится первая шекспировская хроника, документ — пергаментный свиток, заключающий отрывок летописи о короле Артуре, украшенный миниатюрным портретом его матери. Он стал деятельно разыскивать собственника этой драгоценности и открыл, что эта редкостная рукопись была когда-то по случаю куплена покойным мистером Кэру, перешла к его дочери и находится теперь у нее. Энергичный режиссер посетил Лидию в ее доме в Риджент-парке, про который он потом рассказывал, что это настоящая сокровищница редких и ценных вещей. Он пришел в восхищение от портрета матери короля Артура и выразил Лидии сожаление, что не может показать его миссис Джисборн, которой бы он сослужил большую службу для внешней от-

делки ее роли. Лидия ответила, что если миссис Джисборн захочет взглянуть на этот портрет, то она будет желанной гостьей в доме. Дня через два в полдень приехала миссис Байрон и застала Лидию одну, Алиса ушла на это время из дому, объявив, что не хочет знакомиться с актрисой, — никогда нельзя знать, чем они были прежде.

Годы, протекшие со времени, когда миссис Байрон в последний раз посетила школу доктора Монкрифа, не оставили заметных следов на ее лице и фигуре; пожалуй, она выглядела теперь даже моложавее, так как она не жалела забот и искусственных средств для поддержания своей стареющей внешности. Непринужденное изящество и мягкость ее манер так мало походили на актерскую напыщенность и деланную галантность, что Лидии с трудом верилось, что эти люди одного круга и одной профессии. Голос ее придавал тонкую грацию самым банальным ее замечаниям и так резко отличался от грубых нот, на которых говорил всегда Кэшель. Однако Лидия с первого взгляда поняла, что перед нею — его мать. Между ними было какое-то неуловимое, но разительное сходство.

Миссис Байрон с первых же слов попросила показать ей портрет. Лидия повела ее в библиотеку, где уже были вынуты из шкафов редкие старинные фолианты. Драгоценный пергаментный свиток лежал в особом футляре.

— Да, это необыкновенно интересно, — сказала миссис Байрон, едва скользнув по нему взором и принимаясь за рассмотрение книг более позднего происхождения. Лидия молча с любопытством следила за ней. — Ах! — вдруг воскликнула актриса, разглядывая какой-то рисунок. — Вот это как раз то, что мне нужно.

— Как? Для роли Констанции из «Короля Джона»?

— Да.

— Но ведь шелк стал известен в Западной Европе только три века спустя после смерти Констанции. Это гравюра с портрета Марии Медичи, работы Рубенса.

— Что же из того? — беззаботно ответила миссис Байрон. — Разве уж такая беда, что фасон платья будет на триста лет моложе, чем та, которую оно будет украшать, если сама женщина эта умерла семьсот лет назад? Я — артистка, и мое дело вдохнуть жизнь в характер, созданный вымыслом, а не с рабской верностью иллюстрировать какую-нибудь страницу из учебника англий-

ской истории. Я держусь такого мнения. Притом я не могу играть, когда чувствую себя в нелепом костюме.

— Но что скажет ваш режиссер?

— Что он мне скажет? Ничего, уверяю вас! — ответила миссис Байрон с таким видом, что Лидия внутренне согласилась, что режиссеру, пожалуй, действительно лучше не противоречить ей. — Уж не думаете ли вы, что он такой ученый человек? Если он накупил для шекспировской хроники оружия последней бирмингемской выделки, то... — И миссис Байрон пожала плечами, давая понять Лидии, что она не настолько считается с мнением режиссера, чтобы закончить свою фразу.

— Вы любите роль Констанции?

— Не особенно, — рассеянно ответила миссис Байрон. — Она старит актрису и дает мало благодатных мест.

— В этом вы правы, — сказала Лидия, пытливо изучая свою собеседницу. — Но я спрашивала о вашем личном отношении к характеру, вернее, к душевным свойствам Констанции. Любите ли вы, например, изображать на сцене материнское чувство?

— Материнское чувство, — торжественно произнесла миссис Байрон, — слишком святая вещь, чтобы его можно было разыгрывать на сцене. Есть ли у вас дети, моя дорогая?

— Нет, — улыбнулась Лидия. — Я не замужем.

— Постарайтесь непременно как можно скорее иметь ребенка. Это возродит вас физически и нравственно. Только материнство дает женщине счастье и воспитывает в ней лучшие стороны ее души.

— Вы думаете, что оно так благотворно для каждой женщины?

— Вне всякого сомнения и без всяких исключений. Подумайте только, милая мисс Кэру, о бесконечном терпении, какое требует от матери ребенок, — о необходимости уметь видеть мир его маленькими глазами и вместе с тем глазами мудрости собственного, глубокого жизненного опыта, — о способности безропотно выносить все огорчения, которые он не по своей вине доставляет матери, и прощать все проявления его детского эгоизма, наконец о всей этой жизни, полной непрерывных волнений и забот, полной боязни как бы не задеть чем-нибудь нежной чувствительности и восприимчивости вашего ребенка, как бы не возбудить в нем горького

сознания несправедливости, царящей в жизни, не дать очерстветь его нежному сердцу. Подумайте, как должна мать следить за собой, сдерживать себя, упражнять и развивать в себе все, что только может привлечь к ней и удержать за ней любовь ребенка,— самую хрупкую любовь в мире и возбуждающую самую мучительную, самую сильную ревность! Поверьте мне: быть матерью — трудно достающееся, но зато неоценимое блаженство. К тому же это лучшая школа нравственного христианского воспитания. Это царственная награда за то, что мы родились женщинами.

— Все же я предпочла бы родиться мужчиной,— ответила Лидия.— Я вижу, что вы много размышляли об этом, поэтому мне хочется задать вам один вопрос. Скажите, не думаете ли вы, что занятие искусством, требующее многих лет работы и волевого напряжения — хотя бы взять вот ваше сценическое искусство — имеет также большое воспитательное значение? Мне кажется, что искусство требует почти такой же нравственной дисциплины и самоотверженности, как и материнство. Согласны ли вы со мной?

— Нисколько,— решительно ответила миссис Байрон.— Люди являются на свет с готовыми талантами. Я вступила на сцену восемнадцати лет и сразу имела успех. Если бы тогда я понимала что-нибудь в укладе человеческой жизни или была бы постарше, я была бы слаба, робка, боязлива, одним словом, была бы никуда не годной актрисой; мне пришлось бы биться десять лет, чтобы приспособиться к сцене. Но я была молода, страстна, красива и с трагедией в душе, так как за два года до этого я убежала из дома и была жестоко обманута людьми. Поэтому я с такой же легкостью научилась своему искусству, с какой ребенок выучивает первую молитву; остальное пришло само собой. Мне довелось видеть, как другие актрисы целыми годами стараются отделаться от некрасивого голоса, неграциозной фигуры, неловких движений или от дюжины недостатков, существующих только в их воображении. Их старательные усилия, может быть, и имеют для них воспитательное значение, но, если бы у них был природный талант, им не нужно было бы ни усилий, ни воспитания. Может быть, оттого-то талантливые люди так легкомысленны и непостоянны, а посредственности — трудолюбивы и солидны. Призна-

юсь вам, что вначале мои способности были очень ограничены: я совершенно не годилась для комедии. Но я не особенно горевала об этом, и вот мало-помалу, когда я стала немного постарше, способность играть комические роли сама незаметно пришла ко мне, как прежде независимо от меня дан был мне трагический талант. Я думаю, что все произошло бы точно таким же образом, если бы я и работала над тем, чтобы приобрести комический талант, только тогда я приписала бы этот успех своему трудолюбию. Большинство трудолюбивых людей думают, что они сами сделали из себя то, чем они стали. Но это все равно, как если бы ребенок думал, что он сам производит рост своего организма.

— Меня очень занимает ваше мнение, миссис Джисборн. Знаете, вы единственная из великих людей, занимающихся искусством, с которыми мне когда-либо приходилось говорить, не клянете искусство за то, что оно требует более напряженного труда, чем все остальные занятия. Все обыкновенно отрицают значение таланта и все приписывают сознательной работе.

— Само собой разумеется, что немало пользы приносит накопленный опыт. На сцене приходится, конечно, много работать. Но только талант побуждает меня делать эту работу, вместо того чтобы сидеть на кухне или штопать чулки.

— Вы, вероятно, очень любите свое искусство.

— Теперь — пожалуй. Но не природная склонность толкнула меня на этот путь. Я вступила на него тогда, потому что другого выбора у меня не было. А теперь я продолжаю идти по нему: иначе что же мне, старой женщине, еще делать? Боже, как я ненавидела театр в первые месяцы! А теперь вскоре мне придется покинуть его. Старость дает себя чувствовать, моя милая.

— Позвольте мне усомниться в этом. Я принуждена поверить, что вы немолоды, если вы так говорите. Но без всякой лести должна уверить вас, что вы производите впечатление женщины, еще не вышедшей из своей первой молодости.

— Однако я могла бы быть вашей матерью, дорогая мисс Кэру. Я могла бы по летам быть теперь бабушкой. Может быть, даже это так и есть.

В ее голосе прозвучали жалобные нотки, и Лидия решила воспользоваться случаем.

— Скажите, миссис Джисборн, вы так горячо говорили о материнстве. Испытали ли вы его в своей жизни?

— Да. У меня есть сын. Он родился, когда мне шел всего только восемнадцатый год.

— Верно, он унаследовал от своей матери талант и привлекательность.

— Не знаю,— задумчиво и с искренней печалью ответила актриса.— В детстве это был настоящий дьяволенок. Боюсь, мисс Кэру, что слова мои вам покажутся бахвальством, но с чистой совестью говорю, что я сделала для него все, что могла сделать самая преданная мать. Но он, когда вырос, убежал от меня, не попрощавшись, не дав о себе с тех пор ни единой весточки. Негодный мальчишка!

— Мальчишки из любви к приключениям иногда совершают, сами не зная того, жестокие поступки,— сказала Лидия, внимательно вглядываясь в лицо своей гостьи.

— Нет, у него было не это. У него с раннего детства был несносный, необузданный характер. Он был упрям и мстителен. Если бы вы знали, как трудно любить упрямое дитя! Пока он был совсем маленьким, он жил со мной. Когда он вырос, я отдала его в школу и потратила на его воспитание уйму денег. Все было напрасно. Он не проявил ни разу даже тени доброго чувства ко мне. Я ничего не видела от него, ничего, кроме злобы, которую не могла победить никакая доброта, никакая ласка. Поверьте мне, что нельзя представить себе худшего сына.

Лидия молча и серьезно слушала ее. Вдруг миссис Байрон, совсем неожиданно, закончила:

— Бедный мой Кэшель (Лидия едва удержалась от восклицания), дорогой мой мальчик! Как горько, что я принуждена так худо говорить о тебе... Видите, я еще люблю его, несмотря на горе, которое он принес мне.

Миссис Байрон вынула из элегантной сумочки носовой платок, и Лидия поморщилась в ожидании слез. Но гостья только с большим изяществом поднесла платок к губам и встала, собираясь проститься. Однако Лидии, которой, кроме понятного интереса, какой возбуждала в ней мать Кэшеля, эта женщина показалась интересной сама по себе, и она уговорила ее позавтракать. Из двухчасовой беседы с ней она заключила, что Аделаида Джисборн начиталась в молодости сентиментальных романов в духе Вертера и продолжает отдавать свой досуг чтению любой книжки, какая попадется ей под руку. Ее

суждения были так необычны, характер так странен, мысли так по-женски непоследовательны, что Лидии, по мужскому складу ее ума и характера, бесконечно чуждой всего этого, но склонной увлекаться всякой экстравагантностью других, показалось, что она имеет дело с замечательной, почти гениальной женщиной. Лидия признавала ограниченность своих дарований и скромно считала себя только трудолюбивой, терпеливой и хорошо образованной кропательницей ученых книг; она невольно сравнивала себя со своей гостьей, и это возвышало мать Кэшеля в ее глазах. Миссис Байрон понравился дом ее новой знакомой, завтрак, приветливое и внимательное молчание, с которым хозяйка выслушивала ее болтовню. И хорошее расположение духа так увеличило природную ее привлекательность, что Лидия была окончательно очарована ею и невольно стала думать о том, какую любовь к себе рождала, верно, эта женщина в сердцах мужчин в годы своей молодости. Она поймала даже себя на мысли, сможет ли она когда-нибудь заставить Кэшеля полюбить себя так, как должен был хотя бы в первое время любить его отец эту женщину.

Когда гостья ушла, Лидия стала раздумывать над тем, как примирить мать с сыном. Ей было очевидно, что в данное время миссис Байрон устыдилась бы профессии своего сына и что до поры до времени им лучше не встречаться. Но она решила, что, если Кэшель сдержит обещание и действительно согласится отказаться от своей отвратительной профессии, она непременно помирит его с матерью. Ей казалось, что мать окажет на него облагораживающее влияние и к тому же своим состоянием сделает его материально независимым от его боксерской карьеры. Эти мысли заставили Лидию задуматься над тем, какое занятие можно было бы придумать Кэшелю вместо кулачного боя и есть ли надежда на примирение его с матерью. Она не нашла удовлетворительного ответа на эти вопросы. Затем ее мысли обратились к данному Кэшелем обещанию изменить свою жизнь ради нее. Возбуждение унесло ее так далеко в страну мечтаний, что она вдруг поняла, как все, о чем мечталось ей, не похоже на разумную и трезвую действительность и печально покачала головой в ответ на свои радостные мысли. Ее думы прервал приход Башвиля, доложившего, что приехал лорд Вортингтон. Вслед за тем в комнату вошел и сам

лорд вместе с Алисой. Он не встречался еще с Лидией с тех пор, как открылась правда об общественном положении молодого человека, которого он решил познакомиться с нею; он был поэтому заметно смущен. Чтобы скрыть свое смущение, он стал быстро болтать о каких-то ничего не значащих пустяках. Но через некоторое время он стал выказывать непонятное для Лидии нетерпение. Наконец он вынул часы и сказал:

— Мне не хотелось бы слишком торопить вас, сударыни, но ведь начало-то в три часа.

— Какое начало? — спросила Лидия с недоумением.

— Да спортивный праздник в честь африканского короля — Узббер передал мне, что вы просили заехать за вами.

— Верно, верно! Я и забыла об этом. Я ведь обещала пойти на этот праздник?

— Узббер так говорил мне. Он хотел было сам ехать с вами, но он, на мое счастье, занят теперь и поручил мне заменить его. Он уверил меня, что вам очень хочется видеть короля. Ему не пройдет даром, если это было только шуткой с его стороны.

Лидия быстро встала и велела подать лошадей.

— Мы еще поспеем,— сказала она.— До Сент-Джеймс-холла мы свободно доедем в двадцать минут.

— Нет, праздник назначен в помещении Сельскохозяйственной выставки в Ислингтоне. Предполагаются кавалерийские атаки и прочие увеселения. Помещение выставки удобно для этого.

— Боже мой,— сказала Лидия,— уж не будет ли там бокса?

— Как же! — покраснев, ответил Вортингтон.— Но это не беда. Выступят главным образом джентльмены. Только в одной схватке примут участие профессионалы, чтобы показать королю, как умеют драться англичане.

— Все равно, едем. Я пойду надену шляпу.— И Лидия вышла из комнаты.

Алиса уже раньше скрылась, чтобы совершенно переменить свой туалет, так как знала, что такие праздники служат для дам случаем похвастаться своими нарядами.

— Вы так нарядились, мисс Гофф,— заметил лорд Вортингтон, усаживаясь вслед за дамами в экипаж.

Алиса не соблаговолила ответить и только горделиво подняла голову, наблюдая, кто из них больше привлекает

восхищенные взоры прохожих,— она или Лидия. Лорд Вортингтон решил про себя, что обе они не оставляют желать ничего лучшего, на минуту задумался о том, как различно одеваются женщины несхожих характеров и как плохо бы пошло одной то, что к лицу другой. Затем он внутренне улыбнулся своим мыслям, насмешливо подумав, что присутствие Лидии настраивает его на философический лад.

Здание, вроде манежа, в которое ввел своих дам лорд Вортингтон, поразило Лидию своей невзрачностью. Это была огромная, на скорую руку, как все выставочные здания, сколоченная из бревен и досок постройка почти круглой формы. Внутри двумя ярусами были устроены места для зрителей, безвкусно драпированные дешевой красной материей и национальными флагами. Верхние места были предназначены для более аристократической публики. Вортингтон заранее запасся тремя креслами в первом ряду. Ниже располагались загородки, похожие на стойла, в которых теснилась шиллинговая публика. Алиса заметила, что распорядительности устроителей праздника не делает чести то, что простой народ помещен близко от чистой публики и до нее долетают обрывки сомнительных разговоров, однако Лидия не посочувствовала ей и Алиса покорно смирилась, сосредоточив свое внимание на элегантной части зрителей. На противоположной части арены верхний ярус пестрел, как клумба, многоцветными нарядами дам, между которыми черными пятнами выделялись шляпы и сюртуки мужчин. Посреди этого цветника в отдельной ложе, окруженный почтительными фигурами во фраках, сидел темнокожий, крепко сложенный, уже немолодой мужчина. Его величественное спокойствие странно выделяло его среди общей суетливости собравшихся зрителей, теснившихся под его ложей, чтобы лучше рассмотреть знатного гостя.

— Как досадно, что мы сидим так далеко от короля! — проговорила Алиса. — Я с трудом различаю черты лица этого милого старичка.

— Велика важность. Зато с этих мест вы лучше всего увидите происходящее на арене. Ручаюсь вам, что останетесь довольны, — ответил лорд Вортингтон.

Вслед за его словами послышался конский топот, и на арену рысью выехал отряд кавалерии. Лидии нравилось смотреть на лошадей и людей и сравнивать членов

Олимпийского клуба, появившихся на арене после солдат, с мраморными богами греческой скульптуры или с Вакхом и Давидом Микеланджело. Они мало напоминали своими движениями при выполнении разных гимнастических упражнений величественное и благородное спокойствие греческих статуй или героическую осанку созданий великого итальянца. Лорду Вортингтону скоро надоело это зрелище, и он шепнул своим дамам в утешение, что скоро кончатся все эти детские забавы, выйдет малый, который одним ударом сабли разрубит пополам барана, а затем будет бокс.

— Как,— возмущенно сказала Лидия,— на наших глазах будут убивать живого барана?

Лорд Вортингтон засмеялся, но уверил ее, что так и будет. Однако оказалось, что вышел огромного роста фельдфебель, перед которым поставили сделанное из соломы и покрытое шерстью чучело. Фельдфебель с деловым видом разрубил пополам это чучело, за что был награжден очень жидкими аплодисментами зрителей, которые привыкли видеть и более ловкие удары в мясных лавках.

После этого на арене появились два джентльмена из Олимпийского клуба. Пожав друг другу руки, насколько позволяли им это неуклюжие перчатки, они разошлись и, странным образом закрыв правыми руками свои животы, как будто опасаясь, что они могут вывалиться, стали плясать друг возле друга на боксерский манер, производя в то же время свободной рукой нелепые движения. Из программки Лидия узнала, что они были чемпионами-любителями этого дела. Их пляска и бессмысленные движения показались ей безобразными; она не могла понять, чем восторгается лорд Вортингтон, то и дело обращавший ее внимание на какой-нибудь выпад, ответный удар, парад или неуклюжий скачок в сторону, которые вызывали запальчивые крики и страстные аплодисменты у простой публики. Когда по истечении трех минут оба джентльмена уселись в кресла, приготовленные для них на противоположных концах арены, Лидия расхохоталась бы над ними, если бы к этому не примешивалась досадная мысль, что тем же делом занимается Кэшель. Через минуту распорядитель громким голосом прокричал что-то, и джентльмены возобновили с серьезной миной свой танец. Поскакав друг возле друга еще три минуты, они опять пожали друг другу руки и разошлись.

— Это все? — спросила Лидия.

— Все, — ответил лорд Вортингтон. — Как видите, это самая невинная и по-моему самая красивая вещь на свете!

— Я что-то не уловила ее красоты. Но это действительно невинная забава, если только глупость может быть невинной. — Ей подумалось, что она несправедливо упрекала Кэшеля в жестокости и дикости только потому, что он занимается этой забавой.

Тем временем зрелище развивалось своим чередом. Боксеров сменили фехтовальщики, фехтовальщиков — стрелки из лука, затем — метатели копий, дисков, дротиков. Еще раз показали бокс, за ним французскую и швейцарскую борьбу. Лидия вскоре перестала смотреть на арену. Ее внимание привлек небольшого роста человек, стоявший внизу среди зрителей попроще, лицо которого показалось ей знакомым. Он беседовал с каким-то гигантом в коричневом пиджаке и зеленом галстуке. Они говорили довольно громко, так что слова их долетали до Лидии.

— Вы восхищаетесь телосложением этого человека? — спросил Лидию лорд Вортингтон, проследивший направление ее взгляда.

— Нет. Разве в нем есть что-нибудь замечательное?

— Он когда-то, в давние времена, был знаменитостью. Он был чемпионом Англии. Для вас, может, будет небезынтересно узнать, что это учитель одного нашего общего знакомого.

— Скажите, как его имя? — спросила Лидия, желая, чтобы лорд назвал имя этого общего знакомого.

— Нед Скин, — ответил лорд, поняв, что она спрашивает о стоявшем внизу человеке. — Он долго жил в Австралии и недавно вернулся в Англию. Спортсмены устроили ему торжественную встречу. На днях его чествовали на обеде, за которым в нетрезвом виде он побил нашего общего знакомого. Тот хорошо сделал, что позволил безнаказанно побить себя, иначе бы он мог убить старого Скина, если бы принялся за дело всерьез.

— Так это Скин? — внимательно посмотрела Лидия на гиганта, чем приятно поразила лорда Вортингтона. — А, теперь я узнаю того маленького человека, с которым он говорит. Это один из тех, кто снимал домик в моем парке этой весной, кажется, вы даже порекомендовали их...

— Да,— смутившись ответил лорд Вортингтон.— Вы правы. Это тренер Меллиш. Посмотрите, какая смешная лошадь вон у того гусара,— второго в заднем ряду.

Но Лидия не обратила внимания на смешную лошадь. Она вслушивалась в разговор друзей Кэшеля.

— Парадиз! — услышала она восклицание Скина, презрительно оттопырившего губы при этом имени.— Будет вам говорить глупости.

— Случались и более невероятные вещи,— возразил Меллиш.— Я не говорю, что Кэшель Байрон плохой боец. Но что-то слишком уж везет ему. А это всегда худо кончается. К тому же, разве вы не заметили, какой он грустный последнее время?

— К черту грусть! — закричал рассерженный Скин.— При чем тут ваша грусть?

— Не говорите. Это дело опасное.

— Я вижу, вы на что-то намекаете. Уж не на ту ли миллионершу, про которую он постоянно говорит моей старухе?

— Да, я говорю о той молодой особе, от которой ему пришлось отказаться. Одно из крупнейших состояний в Англии. Это не шутка. Притом смазливая девчонка. Он познакомился с ней в Уилстокене, где я тренировал его к состязанию с датчанином. Он забросил тренировку после того, как повстречался с ней. Не хотел ничего делать, несмотря на все мои убеждения. Он так запустил свое дело, что я из злости поставил свои деньги против него. А он все-таки победил. Черт бы побрал эту женщину! Я потерял из-за нее сто фунтов.

— Это вам наука за ваши глупости. Тогда вы ошиблись и теперь ошибаетесь с вашим хваленым Парадизом.

— Парадиз еще ни разу не был побит.

— А Кэшель?

— Ладно, посмотрим.

— Посмотрим. Но говорю вам, что я знаю Билли Парадиза. Я видел его в деле. Он не имеет понятия о боксе. Простой неуч. Моя старуха понимает больше его.

— Может и так,— возразил Меллиш.— А только что толку в вашей науке? Вспомните Ченстона. Как он ни учен, а Билли таки уложил его. И то он продержался так долго только лишь потому, что Билли вышел из себя. Это слабая его сторона. Он не умеет сдерживать свои чувства. Но вздыхателю по женским сердечкам не устоять против него.

— Хотите пари, что устоит? Если он не устоит, я сам сойду на арену и оторву ему голову.— И Нед Скин разразился потоком нелестных эпитетов по адресу Билли Парадиза. Меллиш еще раз указал ему, как плохо выглядел Кэшель в последние дни.

— Да, он недостаточно бережет себя,— покачал головой Скин.— Он все бегал показывать Лондон моей старухе и Фанни: вон они сидят на трехшиллинговых местах. Каждый вечер театры; каждый день какая-нибудь прогулка в парк, чтобы посмотреть на королеву, и прочее в этом духе. Моя Фанни, по правде сказать, любит, чтобы он сопровождал ее всюду; ей, конечно, лестно показаться на людях с таким красавчиком. Ее собственный отец недостаточно хорош для прогулок по Лондону. Старуха тоже чуть не молится на него. Она утверждает, что та девушка, о которой вы говорите, не стоит его. И чего он им дался! В Мельбурне за обедом никогда не подавали того, что я ел, и все делали по вкусу Кэшеля. Поверите ли, мне приходилось подговаривать его, чтобы он для себя спрашивал то, чего мне хотелось. Иначе и не добьешься, бывало... А все-таки,— вдруг оживился старый Скин,— Биллу Парадизу не устоять против моего мальчика. Куда ему!

Сейчас же после ухода миссис Байрон, под свежим впечатлением ее очаровательности, Лидия задумалась над тем, что за женщина была эта миссис Скин, о которой с такой любовью говорил Кэшель и которая сумела возбудить к себе сыновние чувства Кэшеля в большей степени, чем родная мать. И вот оказывается, что это просто старая жена отставного кулачного бойца! Очевидно, что влияние этой женщины не могло отвратить Кэшеля от боксерской карьеры. Мысли о Кэшеле и его судьбе вновь поглотили Лидию. Она сидела с обычным своим сосредоточенно-сдержанным видом и, казалось, внимательно смотрела на арену. Но она не видела ни солдат, ни фехтовальщиков, ни атлетов. Ее мысли были далеко отсюда, в загадочном будущем.

Вдруг появление человека страшного вида перебило ее мысли. Его лицо по цвету и виду казалось высеченным из черного гранита. Его выступающая челюсть и убегающий назад лоб напоминали орангутанга. Лидия, вздрогнув, очнулась от своих мечтаний и услышала бурю рукоплесканий, пронесшуюся по рядам зрителей. Черный атлет свирепо улыбнулся и перепрыгнул через барьер

ер арены. Лидии пришлось сознаться, что, несмотря на отвратительную голову и слишком большие руки и ноги, это был красиво сложенный человек. Сильная спина и мускулистые отливавшие черным блеском плечи выказывали большую силу и ловкость.

— Ну, разве не картинка этот Билли! — услышала Лидия восторженное восклицание Меллиша. — Что скажете, Нед Скин?

— Будет вам, — презрительно ответил Скин. — Посмотрите лучше на моего мальчика. Чем не джентльмен? Посмотри на него, как он идет по улице, так, пожалуй, примешь его за самого принца Уэльского.

Лидия посмотрела туда, куда он указывал, и заметила Кэшеля — совсем такого, каким она в первый раз увидела его в Уилстокене на вязовой аллее. Он подходил к арене с тем равнодушным видом, с каким люди выполняют ненужную и скучную формальность.

— Посмотрите, мисс Кэру, — шепнул ей лорд Вортингтон. — Разве перед вами не Аполлон и сатир? Вы должны признать, что наш знакомый — настоящий красавец. Если бы он мог в таком костюме появиться в обществе, то все женщины...

— Замолчите, — резко оборвала его Лидия. Ей вдруг стали невыносимы его слова.

Кэшель не перескочил через барьер, как его противник. Он спокойно перешагнул и, отказавшись от предложенной друзьями помощи, простым и размеренным движением взял свои боевые перчатки, как будто готовясь выйти на прогулку. Управившись с левой рукой и тем лишив себя способности свободно действовать ею, он ловко засунул в перчатку другую руку, схватил торчавший ремешок в зубы и движением, с каким тигр разрывает добычу, затянул его. Лидия вздрогнула.

— Боб Меллиш, — воскликнул Скин. — Ставлю двадцать против одного, что вашему Парадизу придется худо. Двадцать против одного! Идет?

Меллиш покачал головой. Затем распорядитель, указывая поочередно на противников, прокричал:

— Парадиз — профессор. Кэшель Байрон — профессор. Начинайте!

Кэшель теперь только впервые взглянул на Парадиза, присутствие которого он, казалось, до тех пор не замечал. Противники сошлись на середине арены, едва коснулись протянутой руки друг друга, тотчас же отскочили

и стали медленно ходить слева направо по кругу, как пантеры, не спуская глаз один с другого.

— Я думаю, что они могли бы обменяться более сердечным рукопожатием,— сказала Лидия, стараясь скрыть свое волнение.

— Это обычная манера профессионалов,— заметил лорд Вортингтон.— Они поступают так, чтобы не дать противнику ухватиться за протянутую руку и нанести неожиданный удар прежде, чем можно успеть ее высвободить.

— Какое низкое коварство! — возмутилась Лидия.

— Впрочем, этого никогда не случается. Никто так не поступит, потому что в таком положении нельзя свободно владеть левой рукой,— успокоил ее Вортингтон.

Лидия отвернулась от него и сосредоточила все свое внимание на том, что происходило на арене. Ей показалось, что Парадиз более уверен в себе, чем Кэшель. Хотя он и нервничал, сознавая силу своего противника, но вместе с тем на лице его выразилось какое-то добродушие; он как будто обещал потешить и удивить зрителей какой-нибудь неожиданной выходкой. Кэшель же был настороже, ловил каждое движение своего противника и следил за ним взглядом, в котором Лидии почудилось что-то дьявольское. Сердце ее забилося еще сильнее.

Вдруг глаза Парадиза зловеще сверкнули. Он нагнул вперед голову, сделал прыжок, как-то весь сжался и ринулся на Кэшеля. Раздался звук, как бы от вылетевшей из бутылки шампанского пробки, после чего Кэшель оказался на прежнем своем месте посредине арены, а Парадиз — у самого барьера утирал перчаткой кровь, обильно струившуюся по нижней части его лица.

— Молодец! — взволнованно закричал Скин.— Молодчина Кэшель! На свете и есть-то всего два бойца — я и мой мальчик,— которые могут ответить таким ударом.

— Уйдемте,— попросила Алиса.

— Это совсем не похоже на то, чем занимались джентльмены из Олимпийского клуба,— обратилась Лидия к лорду Вортингтону, не ответив Алисе.— Однако этот человек теряет массу крови.

— Не беда,— ответил лорд Вортингтон.— Кровь идет только из носа. Нос для того и создан.

— Посмотрите-ка! — продолжал восклицать Нед Скин.— Мой Кэшель отбросил его до самого барьера. Он теперь поджидает его, хочет поймать в удобном месте. Нет, брат, не на таковского напал!

Меллиш недоверчиво покачал головой. Оставшиеся минуты первого раунда протекли неудачно для Парадиза. Он изловчился забежать сзади к Кэшелю. Тот подпустил его совсем близко, но вдруг с необычайной быстротой повернулся и нанес Парадизу страшный удар в лицо. Тот не мог отскочить, так как был слишком близко к барьеру и не успел парировать удар. Но полученный удар не ошеломил его. Он стал лишь отступать под натиском противника. В Кэшеле не было теперь ни рыцарского благородства, ни желания пощадить окровавленного врага. Однако Лидию поражала в каждом его движении та же степень грации, которая очаровала ее в его матери... Более культурная часть публики начинала уже с отвращением отворачиваться от страшного зрелища: оба бойца были вымазаны кровью, так как кровь Парадиза замарала перчатки обоих противников. Устроители стали было совещаться, не прекратить ли состязание, но решили для удовольствия африканского короля продолжить схватку. Король, с выражением скуки смотревший до сих пор на все номера программы, теперь вдруг оживился, по-детски хлопал в ладоши и был в восторге...

После минутного перерыва для отдыха противники стали вновь драться. Не успели они сделать двух шагов по направлению друг к другу, как Кэшель издали кошачьим прыжком очутился около Парадиза, нанес ему ужасный удар в голову и со смехом отскочил назад. Однако Парадиз только встряхнулся и ринулся на Кэшеля, не помня себя от бешенства. Кэшель устранился от его первого натиска и побежал по кругу арены, насмешливо косясь через плечо на врага с таким видом, будто тут происходит простая детская игра. В Парадизе не осталось уже никакого следа добродушия. С дикой яростью кинулся он на Кэшеля, не почувствовав даже страшного удара, полученного в середину груди: казалось, он сейчас растерзает Кэшеля. На мгновение их руки переплелись. Но уже через секунду Кэшель, спокойный и невредимый, отскочил в сторону, тогда как сопернику опять пришлось утирать кровь с лица. Парадиз, оправившись, хотел повторить свой маневр, но встретил такой удар, что упал на одно колено. Едва он успел подняться на ноги, как Кэшель опять подскочил к нему и еще раз сбил ловко рассчитанным ударом. Затем, с кокетством хищного зверя, отбежал от своей добычи, издали следя за ним. Парадиз вскочил на ноги, весь бледный, в диком испуге и

сорвал с рук перчатки. Гул негодования и протеста поднялся среди зрителей. Кэшель, заметив маневр противника, хотел последовать его примеру. Но прежде чем он успел освободить руки из перчаток, Парадиз уже был около него, и оба бойца сцепились в тесной схватке среди всеобщего волнения и криков. Лорд Вортингтон и другие зрители возбужденно вскочили со своих мест и неистово кричали: «Это против правил! Разнять их!» В это время зрители заметили, что Парадиз впился зубами в плечо Кэшеля. Буря негодования усилилась. Лидия дико вскрикнула в первый раз в своей жизни и сама не узнала своего голоса. Затем она, как сквозь туман, видела, что Кэшель, с перекошенным лицом, обвил рукой шею своего врага, сильным движением закинул его могучее тело за плечо и, как мешок, перебросил через себя на песок арены. Тут их успела разнять толпа атлетов и полицейских, сбежавшихся, как только Парадиз скинул перчатки. Поднялась невообразимая сумятица. Нед Скин перескочил через барьер и выкрикивал ругательства по адресу Парадиза, которого уводили два приятеля, причём он едва держался на ногах. Другие старались успокоить разошедшегося экс-чемпиона, подбодрить ошеломленного Парадиза или указать ему на неправильность поступка, только увеличивая тем общий беспорядок. Кэшель на другом конце арены бранил оторвавших его от врага атлетов, упрекавших его в забвении правил.

— К черту правила! — кричал Кэшель. — Он укусил меня! Надо же мне было проучить его. Если бы вы не разняли нас... — Шум толпы заглушил его слова, и Лидия видела только, какой угрожающий жест был сделан по направлению Парадиза. Он потерял всякое самообладание. Лорд Вортингтон спустился вниз, чтобы успокоить его. Но он оттолкнул и его, и еще нескольких человек; казалось, что Кэшель готов был броситься на всякого, кто подойдет. Даже Скин крикнул ему, чтобы он образумился, так как уже довольно набедокурил сегодня. Тогда лорд Вортингтон шепнул что-то на ухо Кэшелю. Тот вдруг побледнел и, пристыженный, отвернувшись от всех, опустил на стоявший поблизости стул. Через некоторое время он подошел к вернувшемуся на арену Парадизу и протянул ему руку. Под аплодисменты зрителей они обменялись рукопожатием. Кэшель был более смущен, чем его побитый противник: он не смел поднять глаз. Он хотел поскорее скрыться подальше от направ-

ленных на него со всех сторон взглядов, когда к нему подошел офицер в парадном мундире и объявил, что король хочет говорить с ним. Невозможно было отказаться.

Король через переводчика сказал Кэшелю, что остался очень доволен увиденным и выразил свое изумление тем, что Кэшель не генерал или член парламента. Он предложил Кэшелю перейти на его службу, обещав подарить, если он приедет в Африку, трех самых красивых своих жен. Кэшель не знал как ответить. Но его выручил переводчик, привычный к такого рода положениям и вполне удовлетворивший короля каким-то витиеватым ответом.

Лорд Вортингтон вернулся к своим дамам.

— Теперь Байрон успокоился,— сказал он Лидии.— Он сразу смирился, когда я сказал, что на него смотрят его аристократические приятельницы. А беднягу Парадиза он тем не менее так отделал, что тот сидит и плачет. Он извинился перед Байроном, однако все еще продолжает утверждать, что побьет его, если бой будет без перчаток. Его сторонники обещают ему победу. Ведь им предстоит еще встретиться осенью. Приз назначен по тысяче фунтов за каждую трехминутную схватку.

— Как? Разве Кэшель Байрон не собирается отказаться от своей профессии?

— Отказаться? — удивленно переспросил лорд.— Ради чего? Ведь он может быть уверен, что эти деньги будут у него в кармане. Вы видели, что это за молодец.

— Да, я довольно насмотрелась. Алиса, вы, кажется, хотели домой. Пойдемте.

На следующий день мисс Кэру уехала в Уилстокен. Мисс Гофф осталась в Лондоне, чтобы дожидаться конца сезона. Лидия поручила ее попечению одной пожилой своей знакомой, которая, выдав недавно замуж последнюю дочь, решила заняться подысканием женихов для Алисы, чтобы не остаться без дела.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

К концу сезона Алиса почувствовала себя более свободно. Хотя она и гордилась своими отношениями с Лидией, ей не могло нравиться то, что приходилось всегда оставаться в тени. Теперь же, когда Лидия уехала, гордость дружбы с нею осталась, а уколы от сознания низкого положения компаньонки были забыты. Чувство сво-

боды делало ее более смелой и самостоятельной. Она даже начала считать свои собственные суждения более надежным руководством в каждодневных делах, чем пример своей патронессы. Разве она не была права, заявив, что Кэшель Байрон — невежественный и заурядный человек, тогда как Лидия, не обращая внимания на ее предупреждение, пригласила его в гости. А теперь все газеты подтверждали мнение, которое она пыталась внушить Лидии месяцы тому назад. В тот день, когда произошла схватка Кэшеля с Парадизом, разносчики вечерних газет кричали на улицах: «Постыдная сцена между двумя кулачными бойцами в Ислингтоне!» На следующее утро в крупных газетах появились рассуждения о современных попытках воскресить прежние грубые традиции борьбы на призы; власти обвинялись в потворстве этим попыткам и к ним обращались с призывом положить этому конец твердой рукой. «Если эта язва не будет вырвана, — говорил один орган нонконформистов, — то нашим миссионерам уже нельзя будет утверждать, что Англия представляет собой источник Евангелия». Алиса собрала все эти газеты и отправила их в Уилстокен.

Был в Уилстокене один человек, который разделял ее воззрения относительно этого предмета. Где бы она ни встречалась с Люцианом Узббером, они начинали разговор о Кэшеле и неизменно приходили к заключению, что, хотя его странное поведение и удовлетворяло злощастному вкусу Лидии к эксцентричности, она никогда серьезно им не интересовалась и теперь ни при каких обстоятельствах не возобновит знакомства с ним. Люциан выносил немного приятного для себя из этих бесед и обыкновенно ощущал после них какой-то неопределенный привкус пошлости. Однако при всякой встрече с Алисой он снова начинал разговор о Кэшеле; при этом он всегда вознаграждал Алису за образцовую благопристойность ее взглядов тем, что танцевал с ней по крайней мере три раза, если в этот вечер бывали танцы. Умение танцевать было еще менее свойственно ему, чем умение разговаривать. Он танцевал неловко и натянуто. Алиса же, прирожденная энергия которой и мускульная сила превосходили все, что могло быть искусственно создано тренировкой самого мистера Меллиша, жаждала сильных и быстрых движений. Вальсировать с Люцианом для нее было равносильно тому, как если бы она стано-

вилась на время палкой в руках клоуна, когда тот собирается насмешить публику преднамеренной неуклюжестью своих прыжков. И хотя Люциан производил на нее впечатление человека необычайно строгой нравственности, обладавшего большим влиянием в политических сферах и игравшего видную роль в частной жизни, ей было тяжело проводить с ним те минуты, которых добивались лучшие танцоры по ее выбору. В конце концов ее начали тяготить нескончаемые разговоры о Кэшеле и Лидии; утомляла и чопорность Люциана. Начала тяготить ее и та бдительность, с которой приходилось постоянно следить здесь за своими манерами и словами. Эта бдительность к тому же далеко не всегда приводила к желанным результатам: так однажды, например, она услышала, как одна высокопоставленная дама (которая знала, что Алиса услышит ее слова) отозвалась о ней, как о плохо воспитанной деревенской девке. В продолжение целой недели после этого Алиса не произнесла ни слова, не сделала ни одного движения, не подумав предварительно, как будут они приняты каким-либо недоброжелательным наблюдателем. Но чем ревностнее она старалась достигнуть полного совершенства в манерах, тем более отвратительной казалась она самой себе и приходила к заключению, что такой же кажется она и другим. Она дорого дала бы за обладание секретом Лидии всегда делать именно то, что подходило в данную минуту. Ее часто бесило тупоумие тех людей, с которыми приходилось встречаться. Ей казалось невыслышимым найти с ними искренне-доброжелательный тон. Но те лица, приобрести манеры которых она так страстно добивалась, чувствовали себя как нельзя лучше в обществе тупых и скучных людей. Наконец, она стала бояться, что по своей природе, благодаря своему сравнительно низкому происхождению не способна приобрести привычки людей высшего круга, которым она так мучительно завидовала. Но в один прекрасный день она почувствовала сомнение, действительно ли является Люциан таким авторитетом и примером в деле умения вести себя, как она это думала до сих пор. Он не умел танцевать, его манера разговаривать была напыщенной и угловатой, во время разговора с ним нельзя было чувствовать себя легко и свободно. Следовало ли после этого опасаться его мнения? Следовало ли бояться вообще чьего бы то ни было мнения?

Алиса гордо сжала губы, ощутив в себе зарождающийся протест.

У нее мелькнуло в голове воспоминание о событии, всегда вызывавшем прежде негодование. Теперь же оно заставило ее рассмеяться. Она припомнила скандальную сцену, когда чопорный Люциан вдвое согнулся на золоченом кресле миссис Хоскин, иллюстрируя момент бокса, называемый отказом от сопротивления. В конце концов, что значил этот легкий толчок Кэшеля по сравнению с тем градом ударов, которым он осыпал бока Парадиза? И не прав ли был Кэшель, говоря, что способности к напряжению и отпору могут от бездействия атрофироваться? Неучтивый поступок Кэшеля бросил луч истины на ее собственную жизнь, когда она задала себе этот вопрос.

Она много думала об этом и однажды, во время послеобеденного отдыха, последовательно стала разбираться в этом вопросе и взглянула на круг своих аристократических знакомых со своей новой точки зрения, сравнивая поведение обыкновенных людей с поведением людей, обладавших изысканными манерами, и затем сравнивая тех и других с собой, какой она была в недавнее время. Результат этого сравнения убедил ее, что во время своего первого сезона в Лондоне она только и занималась тем, что разыгрывала со страшными усилиями роль человека с незрелым самосознанием или, говоря по совести, все время делала из себя идиотку.

Затем она получила несколько приглашений из Южного Кенсингтона и Бейсуотера. Там она увидела общество крупных коммерсантов, докторов, адвокатов и духовенства. Все увиденное там поразило ее как яркая карикатура на то, чем была она сама все это время. Это было общество людей, больше всего стыдящихся и боящихся быть самими собою, презирающих других при малейшем подозрении, что те являются такими, каковы они и есть на самом деле. Общество до такой степени застывшее и закореневшее в одних и тех же формах, что отдельные личности, обладавшие достаточным мужеством, чтобы играть на фортепьяно по воскресеньям, автоматически вытеснялись из его среды, выбрасывались в ряды богемы, где они уже беспрепятственно забавлялись изящными искусствами. Алиса увидела в этом обществе знакомые черты того класса, к которому она сама принадле-

жала, но это не помешало ей отметить его смешные стороны, которые заключались в безвкусной манере танцевать, в явно заученных манерах, в тщеславии, в голосе и акценте, искаженных беспрестанным старанием изобразить что-то утонченное, в обычном грубом обращении с прислугой, в идолопоклонстве перед знатью, в узком сектантстве и в десятке других проявлений, которые Алиса, не чувствующая никакого желания проникать в корень вещей, относилась целиком к врожденной вульгарности.

Вскоре после этого дня размышлений она встретила Люциана во время танцев. Он пришел на вечер по обыкновению поздно и с достоинством спросил ее, может ли он иметь удовольствие танцевать с ней сегодня. Этой формы обращения он никогда не менял. К его удивлению, она предложила ему «второй добавочный танец». Он поклонился. Сейчас же к Алисе подошел молодой человек и, заявив, что теперь, кажется, его очередь, увел ее с собой. Люциан снисходительно улыбнулся, подумав, что хотя манеры Алисы были удивительно хороши, принимая во внимание ее прежнюю жизнь, однако иногда в них проскальзывает более низкий тон, чем тот, который, по его мнению, ему удавалось сохранить в своем собственном поведении.

Когда наступила его очередь, они сделали два тура по комнате под звуки вальса, разыгрываемого тапером, и затем остановились. Алиса предпочитала ограничиваться этими двумя турами, когда вальсировала с Люцианом. Он спросил ее, слышала ли она что-нибудь о Лидии.

— Вы всегда задаете мне этот вопрос,— возразила Алиса.— Лидия пишет только тогда, когда ей необходимо сообщить что-нибудь деловое; да и то она присылает лишь несколько строк.

— Вы правы. Но с тех пор, как мы с ней расстались, у нее могло найтись что-нибудь деловое.

— У нее не нашлось ничего делового,— ответила Алиса, раздраженная его лукавой усмешкой.

— Ей было бы приятно услышать, что мне удалось наконец освободить виллу на вязовой аллее от арендаторов.

— Я думала, что они давно уже уехали,— равнодушно произнесла Алиса.

— Прошел месяц с лишним, как их уже нет там. Вся трудность заключалась в том, чтобы заставить их забрать

свое имущество. Как бы то ни было, мы теперь освободились. Единственной вещью, напоминающей об их пребывании, является Библия, половина листов которой вырваны, а остальные исчерчены условиями различных пари, рецептами потогонных средств и других медикаментов, а также целой массой непонятных заметок. Одна из находящихся в книге надписей, выцветшая от времени, гласит: «Роберту Меллишу от его любящей матери, с глубокой надеждой, что он пойдет по путям, указанным в этой Книге». Я боюсь, что надежда не вполне оправдалась.

— Как гадко было с его стороны разорвать Библию, — торжественно произнесла Алиса. Но сейчас же, вслед за этим, рассмеялась и сказала: — Я знаю, мне не следовало бы смеяться, но я ничего не могу поделать с собой.

— Этот случай производит на меня скорее трогательное впечатление, — произнес Люциан, который любил показать, что он не лишен чувствительности. — Можно живо вообразить себе веру этой бедной женщины в будущее своего сына. Если бы только она смогла предвидеть, как мало оправдываются ее надежды!

— Надписи на книгах подобны надписям надгробных памятников, — презрительно заметила Алиса. — В сущности, они не имеют никакого значения.

— Я очень рад, что у этих людей нет больше предлога ходить в Уилстокен. Большим несчастьем было, что Лидия познакомилась с одним из них.

— Вы уже говорили об этом много раз, — вызывающе произнесла Алиса. — Можно подумать, что вы завидуете бедному боксеру.

Люциан покраснел до корней волос. Алиса затрепетала от своей смелости, но не опустила глаз.

— Поистине, это слишком нелепое предположение, — сказал он, скрывая смущение под беззаботным видом, совершенно чуждым его обычным манерам. — В чем я могу завидовать ему, мисс Гофф?

— Это лучше всего известно вам самим.

Люциан понял, что в Алисе произошла какая-то перемена и что в разговорах с ней он потерял под ногами почву. Его оскорбленное самолюбие в этот миг вытравило, подобно едкой кислоте, прежнее впечатление о ней, как о хорошо воспитанной и достойной уважения молодой женщине. Перед ним была избалованная красавица.

И так как ему вообще нравились не те женщины, поведение которых соответствовало его мнению о благопристойности, эта перемена была далеко не к худшему для Алисы. Он не мог простить ей только последнего замечания, хотя постарался не дать ей заметить, как больно оно укололо его.

— Я боюсь, что буду представлять собой очень жалкую фигуру при встрече со своим соперником,— сказал он улыбаясь.

— Вызовите его на дуэль и застрелите его,— весело произнесла Алиса.— Весьма вероятно, что он не умеет обращаться с пистолетом.

Он опять улыбнулся; но если бы Алиса знала, насколько серьезно он обдумывал ее предложение, пока не отбросил его, как неподходящее. Пустить пулю в Кэшеля являлось для него скорее роскошью, которую он не мог позволить себе, чем преступлением. Алиса же была вполне удовлетворена тем, что с этим Уэббером, на которого она потратила так много незаслуженного уважения, можно обращаться столь же небрежно, как с поклонниками в Уилстокене.

— Странно,— произнесла она, подражая задумчивой манере Лидии,— что такой обыкновенный человек оказался привлекательным для Лидии. И это вовсе не оттого, что он изящен. Ее ни на минуту не интересует эта сторона. Я думаю, что она не посмотрела бы лишней раз даже на самого красивого человека в Лондоне, до такой степени ей важна в человеке только его духовная суть. И все-таки она находила удовольствие в разговорах с ним.

— О, это ошибка! Лидия заставляет думать, что она глубоко интересуется человеком, с которым ей случайно пришлось разговаривать; но это только манера. Под ней ровно ничего не кроется.

— Я хорошо знаю эту ее черту. Но здесь было совсем другое.

Люциан с упреком покачал головой.

— Я не могу шутить в таких серьезных делах,— сказал он, решив сделать попытку восстановить свое достоинство в глазах Алисы.— Я думаю, мисс Гофф, что вы едва ли понимаете, насколько нелепо подобное предположение. В Европе мало найдется знатных людей, с которыми моя кузина не была бы лично знакома. Очень молодая девушка, которая еще мало знает свет, могла

быть обманута внешностью такого человека, как Байрон. Женщина привыкшая к обществу, не может сделать такой ошибки. Нет сомнения, что вульгарность и неуклюжие любезности этого человека забавляли ее некоторое время, однако...

— Но почему же тогда она пригласила его посещать ее «пятницы»?

— Это не что иное, как простая любезность с ее стороны. Простая благодарность за то, что он помог ей выпутаться из затруднительного положения.

— В таком случае она могла бы равным образом пригласить и полисмена навещать ее. Я не могу поверить, чтобы это была только любезность.

Люциан в эту минуту ненавидел Алису.

— Мне очень жаль, что вы считаете подобную вещь возможной,— произнес он.— Не сделать ли нам еще один тур вальса?

Алисе трудно было вынести намек на то, что она еще недостаточно понимает светскую жизнь и не видит пропасти между Лидией и Кэшелем.

— Конечно, я понимаю, что это невозможно,— возразила она.— Но я подозревала здесь совсем другую причину.

Люциан, не смея вывести из ее слов, что именно имелось в виду, думал найти выход из неприятного разговора в вальсировании. Но во время вальса она посоветовала ему взять несколько уроков танцев у одной учительницы, искусной в обучении джентльменов тому, что называют изящной манерой танцевать. Эта выходка внесла в их беседу такой холод, что Алиса, боясь, чтобы ее новая теория поведения не завела слишком далеко, изменила тон и выразила удивление той массе разнообразной работы, которую Люциан выполнял на Даунинг-стрит. Он принял комплимент с полной серьезностью, оставив ее в убеждении, что примирение состоялось. Но это не было так на самом деле. Она ничего не смыслила в политике или общественной работе, и он понимал неискренность ее хорошо разыгранного удивления; к тому же он находил вполне естественным, что она с почтением относится к его способностям из-за глубокого невежества в делах. А то, что она считала его настолько мелочным, чтобы завидовать боксеру, и находила его манеру танцевать лишенной изящества — словно заноза вонзилась в душу.

После этого танца Алиса много думала о Люциане, а также о том способе, каким в обществе устраивались браки. Прежде чем мисс Кэру взяла ее в компаньонки, она часто с горечью задумывалась о своей судьбе. Все изящные молодые люди вращались в кругах, попасть в которые гувернантка не имела никаких шансов. Войти в более близкие отношения она могла только с коренными обитателями Уилстокена, на которых она смотрела, как на жалких провинциалов, и среди которых даже Уоллес Паркер казался джентльменом и выделялся как манерами, так и ученостью. Теперь же, когда она сделалась общепризнанной красавицей в том кружке, который едва ли принял бы в свою среду Уоллеса Паркера, она сделала открытие, что все изящные молодые люди были младшими сыновьями в своих семействах, все отличались бездельностью и расточительностью, и, хотя они далеко превосходили Люциана Уэббера в умении танцевать, однако на них нельзя было смотреть, как на людей, с которыми стоит устраивать общий домашний очаг.

Алиса достаточно испытала уже тягостей и забот, связанных с бедностью; с идеальными молодыми людьми она встречалась только в романах и никогда серьезно не считала, что они возможны в действительной жизни. Она не имела еще никакого представления о том, в чем заключается ужас совместной жизни с людьми низменного образа мыслей, но очень хорошо понимала всю тяжесть недостатка денег. Нельзя сказать, чтобы она равнодушно относилась к вопросу честности: ничто не могло бы заставить ее соединить свою судьбу с самым богатым из богачей, если бы она считала его безнравственным. Она стремилась выйти замуж за человека с деньгами, с общественным положением и с хорошим характером; но в то же время ей хотелось, чтобы такой человек был молод и имел красивую наружность. Но человека, удовлетворяющего всем этим требованиям, не явилось на ее горизонте. Все красивые, галантные, хорошо воспитанные молодые люди были по уши в долгах, так как жили выше своих доходов, еще меньших, чем те, которыми прельщал ее Уоллес Паркер. Богатые и титулованные наследники настолько же стояли ниже Паркера по наружности и умению держать себя, насколько они уступали ему и в учености. Кроме того, ни один человек, сколько-нибудь удовлетворяющий всем ее требованиям, еще не выказал ни малейшего желания влюбиться в нее.

В одно прекрасное июльское утро Алиса в сопровождении грума отправилась в парк верхом на лошади. Утро дышало свежестью, и всадники и лошади наслаждались душистой, бодрящей прохладой. В парке не было видно ни одного скучающего джентльмена, лениво болтающего, развалившись в карете, не было также раздраженных зрителей, которые, сидя на стульях, завидовали бы ему. Алиса, прекрасная наездница — чего нельзя было ожидать от нее, поскольку верховой ездой она занялась недавно, — чувствовала себя в седле превосходно. Она уже проскакала легким галопом от Корнера до Серпентайна, как вдруг увидела Уоллеса Паркера, приближающегося к ней верхом на большой белой лошади.

— Как поживаете, Алиса? — воскликнул он, искусно заставляя свою лошадь гарцевать и снимая в то же время шляпу со всей галантностью, какую он предполагал в этом случае у аристократа.

— Боже мой! — воскликнула Алиса, забыв в порыве удивления о приличиях. — Как вы попали сюда? И где, ради всего святого, достали вы эту лошадь?

— Я думаю, Алиса, — произнес Паркер, довольный произведенным впечатлением, — что явился сюда за тем же, за чем и вы — чтобы наслаждаться прекрасным утром. Что касается этого Росинанта, то я нанял его. А эта рыжая лошадь — ваша? Простите за нескромность вопроса.

— Нет, — ответила Алиса, слегка покраснев. — Я никак не ожидала, что встречу вас здесь.

— О, во время сезона я всегда бываю здесь на прогулках. Но вы правы, год тому назад встретиться здесь было бы для нас совершенно невероятно.

Алиса поняла, что чем дальше, тем неприятнее будет для нее разговор. Поэтому она переменяла тему.

— Вы были в Уилстокене с тех пор, как я последний раз видела вас?

— Да. Я бываю там по крайней мере раз в неделю.

— Раз в неделю! Дженет ничего не говорила мне об этом.

Луковое выражение Паркера давало понять, что он не хочет сразу открывать причину этого. Алиса чувствовала себя задетой, но не снизошла до расспросов. Паркер продолжал:

— Как поживает мисс Синий чулок?

— Я не знаю никого, кто бы носил подобное имя.

— Вы хорошо знаете, о ком я говорю. Я говорю о вашей покровительнице — мисс Кэру.

Алиса вспыхнула.

— Вы невыносимо дерзки, Уоллес,— произнесла она, хватаясь за свой хлыст.— Как вы смеете называть мисс Кэру моей покровительницей?

Уоллес внезапно принял торжественно-печальный вид.

— Я не знал, что вам неприятно напоминание о всем том, чем вы обязаны ей,— сказал он.— Дженет никогда не отзывается о ней неприязненно, хотя мисс Кэру ничего для нее не сделала.

— Я не отзываюсь о ней неприязненно,— протестующе воскликнула Алиса, сдерживая слезы.— Но вот в чем я уверена: вы не перестаете дурно отзываться обо мне там, дома.

— Это только доказывает, что вы плохо понимаете мой характер. Я всегда стараюсь отыскивать для вас оправдание.

— Оправдание — но в чем же? Что такого я сделала? Что вы хотите этим сказать?

— О, ровно ничего, если и вы ни на что не намекаете. Из ваших оправданий я заключил, что вы чувствуете себя неправой.

— Я вовсе не оправдывалась. Не смейте больше говорить мне подобные вещи, Уоллес!

— Я всегда ваш покорный слуга,— возразил он с вежливой иронией.

Она притворилась, что не слышит его, и хлыстом заставила свою лошадь пуститься рысью. Так как белая лошадь не была рысаком, Паркер последовал за Алисой тяжелым галопом. От страха, что он делает ее смешной, Алиса замедлила ход, и белый конь также перешел на тихий бег, отмечая каждый свой шаг покачиванием длинного хвоста и гривы.

— Мне надо что-то сказать вам,— произнес наконец Паркер.

Алиса не удостоила его ответом.

— Я думаю, что лучше сразу сказать вам обо всем,— продолжал он.— Дело в том, что я хочу жениться на Дженет.

— Дженет не хочет этого,— быстро возразила Алиса... Паркер самодовольно улыбнулся и произнес:

— Я не думаю, чтобы у нее нашлось серьезное возражение против этого, если вы дадите ей понять, что между нами все кончено.

— Что именно кончено между нами?

— Ну, если вы предпочитаете иначе осветить дело и хотите этим сказать, что между нами никогда ничего не было,— пусть будет так. Но Дженет уверена, что мы были обручены. Так думали и многие другие люди, пока вы не пустились в свет.

— Я не в силах запретить другим людям думать все, что им угодно.

— И все они знают, что, по крайней мере, я был готов честно выполнить свою роль в принятом на себя обязательстве.

— Уоллес,— произнесла Алиса, внезапно изменив тон,— я думаю, что нам лучше будет сейчас расстаться. Мне неловко ехать с вами по парку, когда со мной нет никого, кроме грума.

— Как вам будет угодно,— холодно произнес он останавливаясь.— Могу я сообщить Дженет, что вы желаете ее брака со мной?

— Ни в коем случае. Я вовсе не желаю, чтобы кто бы то ни было выходил за вас замуж, а тем более моя родная сестра. Дженет заслуживает лучшего жениха.

— Я совершенно согласен с вами, хотя не понимаю, к чему вы клоните. Насколько я понимаю вас, вы не хотите ни сами выходить за меня замуж — заметьте, я все еще согласен выполнить свое обязательство,— ни позволить другой девушке быть моей. Не так ли?

— Вы можете сказать Дженет,— горячо произнесла Алиса с пылающим лицом,— что если бы мы — вы и я — были осуждены вечно жить вместе на пустынном острове... Нет, я напишу ей. Это будет самое лучшее. До свидания!

Паркер, до той минуты сохранявший полную невозмутимость, проявил беспокойство.

— Я прошу вас, Алиса,— тревожно сказал он,— не говорить ей про меня ничего дурного. Ведь вы не можете, не отступая от истины, сказать про меня что-либо дурное.

— Вы действительно любите Дженет? — спросила Алиса тоном сомнения.

— Кто дал вам право сомневаться в этом? — негодуя произнес он.— Дженет во всех отношениях превосходная девушка!

— Я всегда говорила то же самое,— заметила Алиса, слегка рассерженная, что другой человек предупредил ее в этой похвале.— Я напишу ей всю правду, что между мною и вами никогда ничего не было, кроме того, что обыкновенно бывает между кузенами и кузинами, и что с моей стороны ничего больше и не могло быть. Теперь я должна уехать. Воображаю, что думает о нас мой грум.

— Мне будет очень жаль, если это унизит вас в его мнении,— злорадно произнес Паркер.— До свидания, Алиса.

Произнеся эти слова небрежным тоном, он дернул свою лошадь, взмахнул шляпой и поскакал прочь.

Он сказал неправду, что у него была привычка кататься в этом парке каждое лето. Только вчера он узнал от Дженет, что Алиса ездит прогуливаться здесь верхом каждое утро, после чего он решил встретиться с Алисой в одинаковых условиях; по его мнению, джентльмен, едущий верхом на белой лошади по дороге около Серпентайна, не представлял слишком большого контраста с возможными спутниками Алисы, как бы высоко ни было их общественное положение.

Что касается Алисы, то напоминание Паркера о том, что мисс Кэру была ее патронессой, огнем горело в груди. Поскорее обеспечить себе независимое положение было крайне необходимо. А так как единственным способом достигнуть независимости для нее был брак, она решила выйти замуж за первого встречного человека, каков бы ни был его возраст, наружность и характер, если только он будет в состоянии доставить ей такое же положение, как у мисс Кэру, в том маленьком мире, привычки и обычаи которого Алиса недавно усвоила.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В начале осени Алиса отправилась в Шотландию, где начался охотничий сезон, а Лидия в это время жила в Уилстокене, готовя к печати письма и мемуары своего отца. Сначала ей было неуютно в замке, где все комнаты были безвкусно экзотичны: то со сводчатыми портиками, то в виде раззолоченных галерей, то с тремя, то с шестью стенами, и не было среди них ни одного уютного рабочего кабинета с четырьмя углами. Все они

напоминали сказочно-нелепые залы из «Тысячи и одной ночи». У них был жуткий вид.

В поисках удобного для работы помещения она не раз останавливалась на мысли построить павильон с видом на вязовую аллею. Но рабочие, постоянно сновавшие по этому месту, стали бы мешать ее занятиям, поэтому она ограничилась тем, что приказала превратить одну из комнат виллы в библиотеку, откуда, сидя за своим письменным столом посреди комнаты, она могла видеть в одно из окон вязовую аллею, а в другое — луга, лес, большую дорогу и канал, за которым ландшафт замыкался отдаленным зеленым холмом, где обыкновенно паслись овцы. Другие комнаты были заняты двумя служанками, на обязанностях которых лежало подметать и вытирать пыль в помещении, готовить завтрак для мисс Кэру и ходить с поручениями в замок. В свободные от занятий часы они сидели на открытом воздухе и читали романы.

После того как Лидия проработала в этом укромном уголке месяца два, ее жизнь до такой степени наполнилась воспоминаниями об отце, что только минуты разговоров с прислугой возвращали ее к действительности. Двенадцатого августа одна из служанок, Феба, вошла к ней и сказала:

— Башвиль пришел узнать, не может ли он переговорить с вами, мисс. Разрешите ему войти?

Позволение было дано, и лакей вошел. После схватки с Кэшелем он не мог уже вернуть свое прежнее самообладание. Правда, его манеры и речь были так же округлены и почтительны, как и прежде, но лицо не сохраняло больше своего непоколебимого твердого выражения. Теперь он пришел просить позволения отлучиться на послеобеденное время. Он редко просил отпуск, и ему никогда не отказывали.

— Сегодня по дороге больше движения, чем обыкновенно, — заметила Лидия. — Вы не знаете, отчего это?

— Нет, сударыня, — ответил Башвиль, покраснев.

— Обыкновенно с 12-го августа начинается охота, — сказала она, — но я думаю, что едва ли в этом причина скопления народа. Нет ли по соседству бегов, ярмарки или чего-нибудь в этом роде?

— Насколько мне известно, нет, сударыня.

Лидия снова погрузилась в свою работу и вскоре зашла о привлечшем ее внимание необыкновенном оживлении на дороге.

Башвиль вернулся в замок и, прежде чем отправиться, нарядился так, как, по его мнению, должен был нарядиться джентльмен, отдыхающий летом в деревне.

Дообеденное время протекло совершенно спокойно. Не раздавалось ни звука, за исключением скрипа пера Лидии, тиканья ее любимых часов, имевших форму человеческого черепа, приглушенного стука посуды на кухне да голосов птиц и служанок, доносившихся снаружи. Когда наступило время завтрака, Лидия прервала работу, чтобы взглянуть на часы, и кончиком пера смахнула пылинку с тетради мемуаров. Затем она бросила рассеянный взгляд в окно на вершины вязов, среди которых она когда-то узрела лесного бога. На этот раз она увидела там полисмена. Не веря глазам, она взглянула еще раз: действительно, там стоял, осторожно оглядываясь, чернобородый человек в каске, выделявшийся темным пятном на фоне осенней зелени; Лидия призвала Фебу и приказала ей спросить у полицейского, что ему надо. Девушка быстро вернулась, едва переводя дыхание, и сообщила, что более дюжины констеблей скрываются за деревьями и что один из них, к которому она обратилась с вопросом, ничего ей на это не ответил, но стал расспрашивать ее, сколько ворот в парке, всегда ли они закрыты и много ли она видела в окрестности людей. Она была уверена, что поблизости совершено преступление. Лидия пожала плечами и приказала подавать завтрак, во время которого Феба то и дело выглядывала в окна, заставляя свою госпожу напоминать ей о следующих блюдах.

— Феба,— сказала Лидия, когда тарелки были убраны,— вы можете пойти к сторожке у ворот парка и спросить, зачем явились к нам полисмены. Но дальше сторожки не ходите. Пойдите. Елена, кажется, пошла в замок?

Феба с явной неохотой ответила утвердительно.

— Ну хорошо, вы можете не дожидаться ее прихода; но возвращайтесь поскорее, мне может что-нибудь понадобиться.

— Через минутку я буду здесь, мисс,— ответила Феба убегающая.

Оставшись одна, Лидия не спеша возобновила свою работу, изредка отрываясь, чтобы бросить взгляд на сиенный вдаль лес, на стадо овец, разгуливающих по

склону холма, или на стаю птиц, пролетающих над вершинами вязов. Неожиданно рассеянный взгляд ее упал на какого-то человека, полуобнаженного, с темным свертком под мышкой, быстро промчавшегося по дальней просеке. Лидия подумала, что, вероятно, он был потревожен во время купания в канале и обратился в бегство со своим гардеробом под мышкой. Это предположение заставило ее рассмеяться; потом она опять вернулась к своим рукописям. Вдруг снаружи послышался шум и раздались быстрые шаги. Затем кто-то с силой рванул задвижку двери — и Кэшель Байрон остановился у порога комнаты, пораженный присутствием Лидии и переменной в обстановке его бывшего жилья.

С ним также произошла странная перемена. На нем была матросская куртка, которая, очевидно, принадлежала не ему, потому что едва доходила до пояса, а рукава ее были так коротки, что обнажали руки почти до локтей, обнаруживая отсутствие белья. Он был в белых коротких брюках, испачканных глиной и зелеными травяными пятнами. Вокруг его талии был обернут широкий пояс из красной материи. От колен и до носков, края которых свешивались на ботинки, были видны обнаженные мускулистые ноги. Лицо его представляло собой маску из пота и пыли, крови и черно-синих пятен от ушибов. Под левым глазом вздувалась багровая шишка величиной с грецкий орех; скула под этой шишкой и другая щека сильно распухли; губа была надорвана с одной стороны. Шляпы на нем не было, коротко остриженные волосы торчали в стороны, а уши имели такой вид, словно их только что натерли бумагой для чистки медной посуды.

В продолжение нескольких секунд они молча смотрели друг на друга. Затем Лидия попыталась что-то сказать, но голос изменил ей, и она опустилась в кресло.

— Я не знал, что вы здесь,— произнес он хриплым, задыхающимся шепотом.— За мной гналась полиция. Я боролся в продолжение часа, а затем пробежал больше мили; я совсем изнемогаю и не могу дальше бежать. Позвольте мне спрятаться в задней комнате, а им скажите, что вы никого не видели. Согласны ли вы на это?

— Что такое вы сделали? — спросила она, с усилием подавив слабость и вставая с кресла.

— Ничего,— ответил он, переводя дух, причем у него вырвался стон.— Причина — мое ремесло. Вот и все.

— Почему полиция преследует вас? Почему вы в таком ужасном виде?

При этих словах Кэшель занервничал. В крышку стоявшего на столе ящика с письменными принадлежностями было вделано зеркало. Он наклонился и с тревогой взглянул на себя, но, увидев отражение своего лица, тотчас успокоился.

— У меня все в порядке,— произнес он.— Никакого знака не останется. Эта мышь,— он весело указал на опухоль под глазом,— завтра же исчезнет. Собственно говоря, я в довольно приличном виде. Уф! Только мое сердце вздулось, как у быка, после этого бега.

— Вы просите меня скрыть вас,— сурово произнесла Лидия,— но что вы сделали? Вы убили кого-нибудь?

— Нет! — воскликнул Кэшель, пытаясь от удивления широко раскрыть глаза, причем смог раскрыть только один глаз, так как другой совершенно ему не повиновался.— Я сказал уже вам, что вступил при публике в кулачный бой с одним негодяем, а это преследуется законом. Спрячьте меня, если не хотите увидеть меня в тюрьме! Черт бы его побрал! — с внезапным гневом воскликнул он, возвращаясь к ее вопросу.— Убил!.. Его не убьешь и паровым молотом. С равным успехом можно колотить по мешку с гвоздями. И все мои деньги, время, тренировка, работа целого дня — все пропало даром!

— Идите,— произнесла Лидия с невольным отвращением.— Идите, я не хочу знать, какой дорогой вы пойдете. Как осмелились вы прийти ко мне?

Черно-синие пятна на лице Кэшеля побелели, и он опять начал тяжело дышать.

— Хорошо,— произнес он,— я уйду. Только на вашей конюшне не найдется ни одного конюха, который поступил бы со мной так, как вы.

Произнося эти слова, он открыл было дверь, но сейчас же невольно притворил ее опять. Лидия взглянула в окно и увидела толпу полисменов и других лиц, спешивших сюда по вязовой аллее. Кэшель бросил вокруг себя растерянный, полный отчаяния взгляд загнанного зверя. Лидия не смогла вынести этого взгляда.

— Скорее! — воскликнула она, открывая одну из внутренних дверей.— Идите туда и сидите спокойно.

Кэшель с мрачным видом колебался. Лидия гневно топнула ногой. Тогда он проскользнул в соседнюю ком-

нату; она же, затворив дверь, заняла свое место за письменным столом; ее сердце трепетало от возбуждения, похожего на то, какое она испытывала в раннем детстве, когда случалось скрывать свои маленькие преступные тайны от зоркой няньки.

Топот и звук голосов за окнами меж тем усилился. Затем раздались два решительных удара в дверь.

— Войдите,— произнесла Лидия таким спокойным голосом, какого она у себя в подобных обстоятельствах не предполагала.

Полисмен отворил дверь и быстрым взглядом окинул комнату. То, что он увидел, заставило его попятиться назад и, из уважения к Лидии, прикоснуться к своей каске. Пока он раскрывал рот, собираясь произнести первое слово, Феба, вся раскрасневшаяся от быстрого бега, проскользнула сзади него и оскорбленно спросила, что ему здесь надо.

— Отойдите от двери, Феба,— сказала Лидия.— Оставайтесь здесь со мною, пока я не отпущу вас,— прибавила она, видя, что девушка направилась к внутренней двери.— Теперь,— произнесла она, вежливо поворачиваясь к полисмену,— расскажите, в чем дело.

— Прошу вас извинить меня, сударыня,— учтиво произнес констебль.— Не видели вы случайно, чтобы здесь кто-нибудь пробежал перед вашими окнами?

— Вы подразумеваете человека, одетого только наполовину, с черным сюртуком под мышкой? — спросила Лидия.

— Это он самый, мисс,— ответил полисмен, очень заинтересованный.— По какой дороге он пошел?

— Я покажу вам, где он пробегал,— сказала Лидия, вставая и подходя к наружной двери, за которой она увидела толпу крестьян, окруживших полисменов, и захваченных последними двух мужчин. Один из этих пленников был Меллиш (без сюртука), а другой — человек с крючковатым носом, такой, каких она часто видела на скачках. Она указала на просеку, где действительно видела бежавшего Кэшеля, и почувствовала, что этот обман словно что-то перевернул в сердце. Но тон, каким она говорила, не внушил полисменам ни малейшего подозрения.

В это время несколько крестьян выступили вперед. Каждый из них заявил, что он в точности знает, куда направился Кэшель, после того, как он пересек просеку.

В то время, как они спорили между собой, несколько человек, похожих по наружности на крючконосового пленника, проскользнули в толпу и устремили взоры на полицию с плохо скрытой враждебностью. Вскоре после этого появился другой отряд полиции с новым пленником. Вокруг них также собралась толпа, среди которой был и Башвиль.

— Вам лучше войти в дом, сударыня,— произнес один из полисменов, обращаясь к Лидии.— Нам придется держаться вместе, так как нас очень мало и мы не можем загородить от вас этого человека, видеть которого вам вряд ли будет приятно.

Но Лидия уже взглянула на него и догадалась, что новый пленник был Парадиз, хотя лицо его было изувечено до неузнаваемости. Его костюм был похож на костюм Кэшеля, за исключением того, что поясом ему служил синий платок с белыми крапинками, а на плечах у него была старая попона, сквозь складки которой виднелись обнаженные бока, окрашенные во все цвета, какие только могут быть причинены ушибами. Что же касается его лица, то небольшая щель и дыра в комке багрового мяса указывали на присутствие глаза и рта; остальных черт нельзя было различить. Очевидно, он еще мог немного видеть, потому что поднял свою распухшую руку, чтобы поправить попону, а затем спросил хриплым голосом, с сильно затрудненным дыханием, не даст ли леди напиток бедному борцу, который сделал все, что мог, чтобы оправдать доверие державших за него пари. Кто-то из присутствовавших подал ему фляжку, а Меллиш вызвался, под условием, чтобы его на минуту освободили, влить ее содержимое в глотку Парадиза. Как только водка прошла сквозь раздувшиеся губы, Парадиз собрался с силами и закричал во весь голос:

— Он послал за полицией, потому что не мог больше держаться! Я готов продолжать бокс!

Полисмены приказали ему замолчать и столпились вокруг, закрывая его от Лидии, которая, не выказывая ни чувства жалости, ни отвращения, предложила полисменам отвести изувеченного в замок и там оказать первую помощь. Она прибавила, что там может подкрепиться и весь отряд полиции. Полицейский сержант, который очень устал и чувствовал сильную жажду, поколебался. Лидия, заметив это, стала распорядиться так, как будто это было уже делом решенным.

— Башвиль,— сказала она,— будьте добры показать им, куда они должны пройти, и позаботьтесь, чтобы им дали все необходимое.

— Какой-то вор украл мой сюртук,— мрачно сказал Меллиш, обращаясь к Башвилю.— Если вы одолжите мне свой, а эти почтенные полисмены не стащат его с моей спины, я вам верну его через день или два. Я честный человек и был здесь жильцом у милостивейшей леди.

— Вашему товарищу сюртук еще нужнее, чем вам,— строго произнес сержант.— Быть может, найдется старый кучерский плащ или что-нибудь в этом роде. Я сам позаботился бы о том, чтобы он был возвращен в целости. Мне очень не хотелось бы вести этого господина по деревне в одеяле, словно дикого индейца.

— У меня есть такой плащ,— сказал Башвиль.— Я сейчас принесу его вам.

И прежде чем Лидия могла придумать какой-нибудь предлог, чтобы остановить его, он исчез, и она слышала, как он вошел в дом через заднюю дверь. Ей показалось, что все вокруг нее умолкли, словно обман уже обнаружился. Меллиш, который выжидал удобного случая, чтобы протестовать против последнего замечания полисмена, сердито произнес:

— Кого вы называете моим товарищем? Пусть меня гром поразит на месте, если я когда-либо видел его прежде.

Лидия посмотрела на него, как смотрит каторжник на того несчастного, которого сковывают общей с ним цепью. Он делал то же, что делала перед этим и она — лгал. Башвиль, пройдя все комнаты, вошел в библиотеку через внутреннюю дверь, держа в руке старый ливрейный плащ.

— Набросьте это,— произнес он,— и пойдете в замок со мною. Вы можете осмотреть все дороги на пять миль в окружности с южной башни и разглядеть на них каждого человека в подзорную трубу. С вашего позволения, сударыня, мне кажется, что Фебе следует пойти с нами, чтобы помочь.

— Конечно,— сказала Лидия, спокойно глядя на него.

— Я достану в замке платье для этого человека, который так нуждается в нем. Ну, а теперь, молодцы, в дорогу.

— Благодарю вас, леди,— произнес сержант.— Нам пришлось целое утро порядком поработать, а теперь мы

не можем сделать ничего лучше, как выпить за ваше здоровье.

Он опять прикоснулся к своей каске. Лидия слегка поклонилась ему.

— Держитесь ближе друг к другу, ребята,— сказал он, когда толпа двинулась за Башвилем.

— О! — с насмешливой улыбкой произнес Меллиш.— Держитесь ближе друг к другу, как гуси. Да, хороший оборот приняли дела, если англичанина преследуют за то, что он остановился, увидев толпу.

— Ну ладно,— сказал сержант.— Принимая во внимание, что вы хорошо вели себя и не сопротивлялись, я очень сожалею, что вы не заметили, где спрятаны колы и веревки. Я мог бы замолвить словечко, во время разбора этого дела, за того, кто указал бы мне, где их найти,

— Колы и веревки! Силы небесные! Да там вовсе не было ни колов, ни веревок. Ведь это была только простая драка, если там вообще-то что-нибудь было. Я по крайней мере ничего не видел, но вы, очевидно, видели. И это только доказывает, что вы хитрее меня. Вот и все.

Тем временем последние люди полицейского отряда удалялись. Лидия следила за ними, стоя у дверей. Когда она повернулась, чтобы войти в дом, она увидела Кэше-ля, осторожно выходящего из комнаты, в которой он прятался. Его возбуждение прошло. У него был деловой, серьезный и озабоченный вид.

— Они все ушли? — спросил он.— А этот ваш слуга — славный малый. Он обещал мне принести кое-какую одежду. Что же касается вас, то вы лучше, чем... Что вы делаете? Куда вы хотите идти?

Лидия надела шляпу и закуталась в шаль. Красные пятна то появлялись, то исчезали на ее щеках, глаза и ноздри были сильно расширены.

— Вы не хотите разговаривать со мной? — нерешительно произнес он.

— Да, не хочу! — страстно воскликнула она.— Не смейте никогда больше показываться мне на глаза. Из-за вас я пошла на обман. Я заставила моего слугу — честно-го человека — быть соучастником во лжи. Мы хуже вас, потому что даже ваше дикое ремесло не так дурно, как внесение в мир лжи. Вот что мне принесло знакомство с вами! Я позволила вам войти в этот дом, как в убежище. Я никогда больше не переступлю его порога.

Кэшель, смущенный, весь сжался, как ребенок, который, стараясь украдкой достать лакомое блюдо с высокой полки, опрокидывает на себя весь шкаф. Он не произнес ни одного слова и не сделал ни одного движения, пока она уходила прочь.

В замке Лидия прошла в свой будуар, где ждала ее служанка-француженка. Из ее негодующего рассказа Лидия узнала, что полисмены принялись за истребление сыра, мяса и пива и что помощь доктора не понадобилась, так как раны Парадиза были искусно перевязаны Меллишем. Лидия приказала ей послать Башвиля к вязовой аллее, чтобы узнать, не бродит ли там еще кто-нибудь из посторонних. Кроме того она распорядилась, чтобы никто из женской прислуги не смел ходить туда, пока он не вернется. Затем она села и попыталась не думать больше об этом. Но так как она не могла помешать мыслям произвольно хозяйничать в голове, ей пришлось уступить их натиску и обдумать все происшедшее в это утро. Мысль о том, что она нарушила законный ход вещей, внушив людям уверенность в том, чего на самом деле не было, наполняла ее негодованием. Из книг, по которым Лидия училась жить, она вынесла твердое убеждение, что сокрытие правды и, как результат этого, появление в душах людей лжи должны посеять зло, хотя бы начало и конец этого зла были недоступны для наблюдения. Она не делала при этом никакого различия между самым тонким философским софизмом и самой вульгарной ложью. Несчастье, которое выпало бы на долю Кэшеля, если бы его поймали, можно было еще умерить, зло же, вызываемое какой бы то ни было ложью, было недоступно измерению. И хотя она не могла вообразить себе ни одного дурного последствия своего обмана, все же она была уверена, что в результате должно непременно появиться зло. Предчувствие тяжелым грузом ложилось на душу, так как отец, закоренелый скептик, лишил ее утешений, за которыми в подобных случаях прибегают люди верующие. Для нее было ясно, что следует послать за полисменами и открыть обман. Но сделать это она была не в силах. Ее воля, не обращая внимания на рассудок, действовала в противоположном направлении. И в этом параличе своей моральной силы она видела первое зло, зародившееся от допущенной лжи. Она сама вызвала ее на свет, и природа не позволит ей бороться против этого чудовища.

Возвратилась служанка и сообщила, что застолье окончилось и полисмены ушли. Оставшись наедине с собой, Лидия встала с кресла и принялась медленно ходить взад и вперед по комнате, забывая о времени в беспокойной душевной работе. На этот раз мысли ее были прерваны Башвилем.

— Что нужно вам? — сурово спросила она.

Он был поражен тоном Лидии, никогда прежде она не разговаривала так высокомерно с прислугой. Он не понял, что положение его теперь изменилось и что отныне он был в ее глазах сообщником преступления.

— Он отдал себя в руки полиции.

— Про кого вы говорите? — спросила Лидия, внезапно ощутив страх

— Про Байрона, сударыня. Я понес ему в дом кое-какое платье, но, когда пришел, его уже там не было. В поисках я направился к воротам и увидел его в окружении полицейских. Полисмен сказал мне, что он сам пришел к ним. Он ничего не захотел говорить о себе, вид у него был очень нехороший.

— Что они сделают с ним? — спросила Лидия, побледнев.

— За подобное нарушение один человек был приговорен в прошлом месяце к шести неделям принудительных работ. Весьма вероятно, что и Байрон будет приговорен к такому же наказанию. И это очень немного по сравнению с тем, что он наделал; вы сами сказали бы это, если бы увидели его работу.

— Так, значит,— строго произнесла Лидия,— вы просили у меня разрешения отлучиться, чтобы отправиться смотреть на эту,— Лидия содрогнулась, произнося это слово,— на эту борьбу?

— Да, сударыня, для этого,— ответил Башвиль с некоторым раздражением.— Там был лорд Вортингтон и много других знатных джентльменов.

Лидия была готова сделать резкое замечание, однако сдержалась и в своей обычной спокойной манере произнесла:

— Это еще не причина, чтобы и вам непременно там присутствовать.

Лицо Башвиля побледнело, потом покраснело, и его голос задрожал, когда он проговорил:

— Один-то раз можно позволить себе посмотреть на такую борьбу. Но одного раза совершенно достаточно,

по крайней мере для меня. Вы извините меня, сударыня, что я говорю об этом, но что можно сказать о лорде Вортингтоне и других сторонниках Байрона, которые выкрикивали проклятия и оскорбляли другого борца, а их противники так же честили Байрона? Правда, я не могу считать себя джентльменом, но думаю, что сумел бы держать себя как подобает воспитанному человеку даже тогда, когда проигрывал бы деньги.

— Во всяком случае вы не должны больше ходить на подобные зрелища, Башвиль. Я, конечно, не могу распоряжаться вашими развлечениями, но не думаю, чтобы вы что-либо выиграли, подражая вкусам лорда Вортингтона.

— Я не подражаю ничьим вкусам,— ответил Башвиль покраснев.— Вы сами, мисс Кэру, спрятали человека, который участвовал в этой схватке. Почему же вы с таким пренебрежением относитесь ко мне, ведь я только присутствовал там?

Лидия вспыхнула. Первым ее побуждением было обойтись с дерзким слугой как с мятежником против ее господской воли и выгнать его из дому. Но чувство справедливости удержало ее.

— Это был беглец, который искал убежища в нашем доме, Башвиль. Ведь и вы сами не выдали его,— смиренно сказала она.

— Не выдал,— ответил Башвиль с оттенком грустной гордости в голосе.— Если мою ставку выигрывает человек, который лучше меня, я имею достаточно мужества, чтобы уйти с его дороги, и не пользуюсь низкими средствами для борьбы с ним.

Лидия, ничего не понимая, вопросительно смотрела на него. Он сделал жест, словно что-то отбрасывая от себя, и смело продолжал:

— Но в одном отношении я равен ему и даже выше его. Должность ливрейного лакея более заслуживает уважения, чем профессия борца. Он говорил вам, что любит вас, а я вам скажу, что лента на вашем платье для меня дороже, чем ваше тело и душа для ему подобных. Когда он пользовался нечестным преимуществом надо мной, разыгрывая из себя джентльмена, я рассказал обо всем мистеру Люциану, указав, кто такой Байрон. Когда же я увидел его сегодня в чулане вашего дома, то не воспользовался положением, хотя и знал, что если бы он был для вас тем же, чем остальные люди его сорта, вы ни за что не стали бы укрывать его. Вы сами хорошо пони-

маете, почему он отдался в руки полиции после того, как вы увидели избитого им человека. Но пусть будет счастлив. Он лучше меня. Так и должно быть, чтобы лучшие одерживали верх. Мне будет очень жаль,— прибавил Башвиль, с усилием принимая свою прежнюю почтительную манеру,— если я потревожу вас своей просьбой, но я счел бы за особую милость, если бы вы позволили мне уйти от вас насовсем,

— Да, вам будет лучше поступить так,— произнесла Лидия, совершенно спокойно поднимаясь со своего места и с решимостью отгоняя от себя странное чувство, созданное из удивления и оскорбления перед этим неожиданным признанием в любви.— Я думаю, вам неудобно будет оставаться здесь после того...

— Я знал это, когда затеял разговор,— поспешно и угрюмо прервал ее Башвиль.

— Уходя, вы поступаете достойно. Я не оскорблена вашим заявлением. Вы имели право сделать его. Если понадобится моя рекомендация для вашей будущей службы, то я всегда готова с удовольствием подтвердить вашу честность.

Башвиль поклонился и тихим голосом, сильно волнуясь, произнес, что он не имеет намерения поступать к кому-либо на службу, но что он всегда будет гордиться ее хорошим о нем мнением.

— Вы способны на большее, чем должность лакея,— сказала она.— Если задумаете какое-нибудь дело, требующее больших средств, чем те, которыми вы обладаете, я буду вашей поручительницей. Благодарю вас за вашу неизменную учтивость ко мне во время исполнения ваших обязанностей. Прощайте!

Она поклонилась ему и оставила комнату.

Исполненный благоговения, он ответил на ее поклон как можно почтительнее и долгое время стоял, не двигаясь с места, после того как она исчезла. Его рассудок только постепенно начинал постигать происшедшее. Главным ощущением было успокоение. Он уже больше не осмеливался мечтать о любви этой женщины. Ее внезапное отношение к нему как к поклоннику поразило его и вызвало в нем сознание своей непригодности к этой роли. Он увидел, что представляет из себя очень юного, очень незначительного и очень несведущего человека, голова которого закружилась от хорошего места и доброй госпожи. Он пробрался к себе, чтобы уложить сун-

дук и обсудить, какой лучше всего выдумать предлог, чтобы объявить сослуживцам причину своего внезапного отъезда.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Однажды Лидия, возвращаясь со своей обычной послеобеденной прогулки, увидела на террасе замка какую-то странного вида женщину, разговаривающую с дворецким. Хотя на дворе стояла теплая осенняя погода, на женщине была черная шелковая мантилья, отороченная мехом и вся разукрашенная множеством поддельных янтарных бус. Так как обитательницы Уилстокена всегда приходили к мисс Кэру в своих лучших одеждах, не обращая внимания на то, соответствовали ли они времени года или нет, Лидия предположила, что эта особа явилась за пожертвованием в пользу школ, или на праздник, устраиваемый обществом трезвости, или, может быть, даже с просьбой о рекомендации для какого-либо из местных священников.

Подойдя поближе она заметила, что незнакомка — пожилая леди, а может быть и простая женщина, с завитыми волосами и с висящими по сторонам буклями, как это было в моде много лет тому назад.

— Вот мисс Кэру, — отрывисто произнес слуга, словно эта старая леди успела ему порядком надоесть. — Вам будет лучше поговорить с ней.

Услышав это, дама видимо разволновалась и сделала Лидии торжественный реверанс. Этот реверанс и букли заставили Лидию подумать, что посетительница содержит танцевальную школу. В то же время в ее наружности и манерах проскальзывала грубость, свойственная, скорее, ремеслу содержательницы таверны. Как бы то ни было, у женщины было доброе озабоченное лицо и она обращалась к владелице замка с таким скромным и почтительным видом, что Лидия ласково ответила на ее поклон и стала ждать, что та ей скажет.

— Боюсь, что вы сочтете мое посещение дерзостью, — произнесла дама дрожащим голосом. — Я миссис Скин.

При этих словах лицо Лидии сделалось суровым, что заставило миссис Скин покраснеть. Затем она продолжала, словно повторяя старательно приготовленные и выученные наизусть слова:

— Я приняла бы это за величайшую милость, если бы вы позволили мне сказать несколько слов наедине.

Лидия сохранила свой строгий вид, но не в ее правилах было отталкивать человека без достаточных оснований. Она пригласила гостью в круглую гостиную, странное убранство которой вполне согласовалось с представлениями миссис Скин об аристократической роскоши.

Жена экс-чемпиона сильно волновалась, находясь перед Лидией, однако вошла в комнату и уселась, не сделав ни одного промаха. Хотя умение входить является для многих людей самым простым делом, для миссис Скин оно было действием, контролируемым строгими законами искусства, которое она преподавала,— действием настолько сложным, что лишь немногие из ее питомцев выполняли его удовлетворительно ранее, чем после шести уроков. Но миссис Скин недолго помнила об этикете. Она была слишком стара, чтобы останавливаться на таких пустяках, когда ее тяготили истинные заботы.

— О мисс! — умоляющим голосом произнесла она.— Мальчику совсем плохо.

Лидия сразу догадалась, про кого она говорит. Однако она повторила, словно недоумевая:

— «Мальчику»? — И тотчас же обвинила себя в неискренности.

— Нашему мальчику, сударыня, Кэшелю.

— Миссис Скин! — с упреком произнесла Лидия.

Миссис Скин поняла все, что Лидия хотела выразить своим тоном.

— Я знаю, сударыня,— возразила она,— я хорошо знаю это. Но куда мне было идти, как не к вам? То, что вы сказали, пронзило его сердце, и теперь он умирает.

— Извините меня,— быстро прервала ее Лидия.— Люди от этого не умирают: мистер Кэшель Байрон вовсе не настолько слаб телом и мягок сердцем, чтобы составлять исключение из этого правила.

— Да, мисс,— печально произнесла миссис Скин.— Говоря так, вы имеете в виду его профессию. Из-за того, что он кулачный боец, вы не верите, что у него могут быть человеческие чувства. Ах, мисс, если бы вы только его знали, как я знаю этого мальчика! Вы не найдете на земле более мягкосердечного человека, чем он. Кэшель все равно что маленький ребенок, его чувства легко приходят в возбуждение; я же знала более крепких людей, чем он, которые умирали от разбитого сердца, потому

только, что они не встретили ответа на свое чувство. Подумайте же, что должен был испытать молодой человек с возвышенными чувствами, когда леди назвала его диким зверем. О, это было жестокое слово, мисс, это было жестокое слово!

Лидия была так ошеломлена этой атакой, что, прежде чем отвечать, она должна была привести свои мысли в порядок.

— Известно ли вам, миссис Скин,— сказала она наконец,— что я очень мало знаю мистера Байрона, что я не видела его и десяти раз в своей жизни? Может быть, вам неизвестны обстоятельства, при которых мы встретились с ним в последний раз? Я была сильно потрясена увечьями, которые он причинил другому человеку, и, кажется, назвала его профессию дикой. Входя в ваше положение, я сожалею, что произнесла эти слова, так как он говорил мне, что смотрит на вас как на родную мать, однако...

— О нет! Это совсем не так, мисс. Я тысячу раз прошу извинения, что перебиваю вас, но только я и Нед значим для него не больше, чем ваша экономка или гувернантка для вас. Я боюсь, что вы недостаточно ясно это представляете себе, мисс. Он вовсе нам не родственник. Смею вас уверить, что он джентльмен по своему происхождению. Когда мы на следующее Рождество уедем обратно в Мельбурн, то он забудет нас, как если бы никогда с нами и не встречался.

— Надеюсь, что он не окажется настолько неблагодарным, чтобы забыть вас. Он рассказывал мне историю своей жизни.

— Со мною он никогда не говорил ни о чем подобном; вы можете судить из этого, как много вы для него значите.

После этих слов наступила пауза. Миссис Скин почувствовала, что первое затруднение преодолено и что она удержалась на своей позиции и даже несколько продвинулась к цели. Лидия продолжила.

— Миссис Скин,— произнесла она, проницательно глядя ей в глаза,— когда вы пришли ко мне, какое намерение было у вас в голове? Чего вы хотели от меня?

— Извольте, сударыня, я вам скажу,— смущенно ответила та.— Бедный мальчик последнее время настрадался. Сперва его долгое время мучила размолвка с вами, потом подоспела эта публичная борьба, где Парадиз вел себя так постыдно. Кэшель слышал, что вы присутство-

вали на этом выступлении, а потом он прочитал в газетах презрительные отзывы о себе. Вот он и подумал, что вы поверите всему этому. Я никак не могла переубедить его. Я говорила ему не раз и не два...

— Извините меня,— прервала ее Лидия.— Мне кажется, что нам следует быть откровенными друг с другом. Бесполезно будет утверждать, что он не понял моего отношения к этому делу. Я была возмущена жестокостью, с которой он обошелся с противником.

— Но, Боже мой, ведь это же его профессия! — воскликнула миссис Скин, широко раскрыв глаза.— Скажите, мисс,— продолжала она, выражая тоном своего голоса как бы мягкий упрек Лидии за недостаток логики с ее стороны,— скажите, должен ли честный человек выполнять принятую на себя обязанность? Уверю вас, что плата, за которую солидный профессиональный боец согласится выступить в подобном состязании, должна быть не меньше, чем полгинеи. Действительно, Парадиз только и взял, что эти полгинеи. Кэшель же ссылался на свою репутацию и не хотел брать меньше десяти гиней, и он получил их. Многие на его месте не стали бы бороться по-настоящему, а только тянули бы время, делая вид, что они боксируют, и оставляя в дураках тех, кто заплатил ему. Но Кэшель честен и благороден, как король. Вы сами видели, с каким старанием он относился к делу. Он не мог бы меньше щадить себя, если бы боролся за тысячу гиней с каждой стороны, а не за какие-то жалкие десять гиней. Ведь не можете же вы думать о нем хуже, мисс, из-за того, что он оказался честным?

— Признаюсь,— сказала Лидия, улыбаясь против воли,— что такой взгляд на происшествие не приходил мне в голову.

— Без сомнения не приходил, мисс, как не приходил он в голову никому, за исключением тех, кто знаком с прямой и обратной сторонами этой профессии. Итак, я уже вам говорила, мисс, это было для него тяжелым потрясением. И оно мучило его более, чем вы думаете. А сколько потом хлопот принес ему поединок с Парадизом! Сначала Парадиз мог поставить только пятьсот фунтов стерлингов, а наш мальчик не соглашался боксировать с ним меньше, чем за тысячу фунтов. Я думаю, что именно благодаря вам он стал в последнее время обращать внимание на деньги; прежде он никогда не был жаден до них. Затем Меллиш должен был согласиться, чтобы

схватка произошла здесь; однако бедный Кэшель боялся, что это дойдет до вашего слуха, и не хотел давать согласия, пока его не убедили, что в августе вы будете за границей. Как я была рада, что в конце концов все пункты этого матча были согласованы прежде, чем тоска вогнала его в гроб. Все время, пока Кэшель тренировался, он страстно желал хоть раз взглянуть на вас; тем не менее он исполнял свое дело так твердо и добросовестно, как подобает истинному мужчине. И эта тренировка дала блестящие результаты. Я видела его утром в день состязания: он похож был на светлого ангела, и сердце каждой леди забилося бы при виде его. Нед совсем с ума сошел и держал за него пари двадцать против одного. Если бы Кэшель потерпел поражение, мы были бы окончательно разорены. И подумать только, полиция явилась как раз в тот момент, когда он доканчивал Парадиза! Я плакала как ребенок, когда услышала об этом; большую жестокость со стороны судьбы трудно себе вообразить. Кэшель покончил бы с ним на четверть часа раньше, если бы сам нарочно не затягивал борьбу, чтобы дать возможность Неду устроить как можно больше пари.

Здесь миссис Скин сделала паузу, сильно взволнованная воспоминанием, и, прежде чем приступить к продолжению рассказа, громко высморкалась.

— Затем, в довершение всего, произошла ваша встреча и объяснение с ним, что заставило его отдаться в руки полиции. Лорд Вортингтон внес за него залог; но Кэшель теперь совсем подавлен своим позором, неудачей, потерей денег и времени, но больше всего теми словами, которые вы сказали ему. И теперь он все время тоскует и сердится. Ни я, ни Нед, ни Фэн ничего не можем поделать с ним. Мне говорили, что его не посадят в тюрьму; но если его посадят, — здесь голос миссис Скин прервался и она заплакала, — это будет для него гибелью, да простит Господь тех, кто будет повинен в этом.

Отчаяние всегда действовало на Лидию смягчающим образом; слезы же действовали на нее охлаждающе: она совершенно не переносила их.

— А тот, другой? — спросила она. — Вы ничего не слышали о нем? Я думаю, что он находится в больнице.

— В больнице? — воскликнула встревоженная миссис Скин, прекратив свои слезы. — Кто в больнице?

— Парадиз, — ответила Лидия, с отвращением произнося это имя.

— Он в больнице? Ну нет, мисс. Я вчера видела его, и он имел такой здоровый вид, какой только может иметь столь отвратительное животное, как он; на лице его не осталось ни одного знака, и он хвастался, что сумел бы справиться с Кэшелем, если бы не подросла полиция. Низкий отвратительный негодяй — вот кто он такой. И мне очень жаль, что наш мальчик унизился до борьбы с ним. Я слышала, что Кэшель отделал его как следует и Парадиз попался вам на глаза в таком виде. Я думаю, вы очень были испуганы, сударыня, и это вполне естественно, так как вы не привыкли к таким зрелищам. Раз моего Неда принесли домой в таком состоянии, что я влила водку ему в глаз, думая, что это рот; и даже Кэшель, несмотря на всю свою осторожность, однажды почти ослеп дня на три. Нельзя сказать, чтобы деньги боксерам доставались даром. И вот что я хотела еще сказать вам: если вы выйдете замуж — о, я только предполагаю это, — добавила она, заметив, что Лидия поморщилась от ее слов, — если бы вы вышли замуж за какого-нибудь знаменитого хирурга, что вы могли бы сделать, учитывая ваше положение, то вы, наверное, упали бы в обморок, увидев, как он отрезает руку или ногу, а он делал бы это каждый день. Однако вы, наверное, гордились бы той ловкостью, с которой он делает операции. Вот такие же чувства я питаю к Неду. Говоря откровенно, сударыня, мне так же не нравится видеть мужа на арене, как не нравится жене гвардейского офицера знать, что ее муж находится на поле сражения и рубит бедных дикарей или французов. Но так как это его профессия и люди высоко ценят его искусство, я примирилась с ремеслом мужа и теперь даже интересуюсь выступлениями, особенно если никто при этом не бывает покалечен. Я вовсе не хочу сказать, что Неду или Кэшелю приходилось когда-нибудь отрывать у человека руку или ногу, Боже упаси! Ничего подобного ни с тем, ни с другим не случилось. О сударыня, я очень вам благодарна, не стоило беспокоиться.

Последние слова были вызваны появлением служанки с подносом в руках, на котором стояли чашки с чаем.

— Все-таки, — произнесла Лидия, возобновляя разговор, — я не совсем понимаю, почему вы пришли ко мне. Лично мне вас было приятно увидеть, но каким образом визит ко мне может послужить облегчением мистеру Байрону? Он просил вас прийти ко мне?

— Он скорее бы умер, чем сделал бы это. Я пришла сюда по своему собственному почину, зная, что с ним происходит.

— А что же с ним происходит?

Миссис Скин огляделась по сторонам, желая удостовериться, что они одни. Затем наклонилась к Лидии и выразительным шепотом произнесла:

— Почему бы вам не выйти за него замуж, мисс?

— Потому что я не собираюсь выходить замуж, миссис Скин,— добродушно ответила Лидия,

— Но подумайте только, мисс, когда вам еще представится такой удобный случай? Только вообразите себе, что это за человек: чемпион и в то же время настоящий джентльмен. Два этих качества никогда не соединялись в одном человеке, да больше никогда такого и не будет. Я знала многих чемпионов, но все они не годились для общества подобных вам людей. Нед был чемпионом, когда я вышла за него замуж, однако моя семья считала, что, сделав подобный выбор, я унизила себя, так как я была танцовщицей в театре. Мужчины, занимающиеся боксом, по большей части — простые люди, а поэтому молодые девушки вашего круга лишены их общества. Но вам посчастливилось привлечь внимание борца, который в то же время и джентльмен. Чего еще может желать самая знатная леди? Где вы найдете равного ему по силе, здоровью, бодрому виду и хорошим манерам? Что же касается его характера, то я могу вам рассказать. В Мельбурне все женщины, как вы легко можете догадаться, были в него влюблены. Ко мне каждый вечер приходили просто, чтобы посмотреть на него, а он, бедный невинный мальчик, обращал на них столько же внимания, как если бы это были кочаны капусты. Обыкновенно, чтобы отделаться, он старался уйти в салон боксировать, а они глядели на него сквозь щелку двери и еще больше сходили с ума. Но им никогда не удавалось добиться от него даже ласкового кивка головой. Вы были первая, мисс Кэру, и, поверьте мне, вы будете последней. Если бы ему нравилась какая-нибудь другая женщина, то он не сумел бы скрыть этого от меня, поскольку характер у него открытый как у ребенка. А честность его превосходит все, что только можно вообразить себе. Я знаю, что ему раз предлагали восемьсот фунтов за то, чтобы он дал побороть себя, тогда как, оставшись победителем, он мог получить только двести фунтов, не говоря уже о возможно-

сти не получить ничего, если он останется побежденным. Я вижу, сударыня, что вы знаете людей, а потому можете представить, как мало найдется среди них таких, которые устояли бы против подобного искушения. Есть люди, занимающие высокое положение в своей профессии — настолько высокое, что скорее можно заподозрить короля в измене своей стране, чем их в обмане, — которые поступают втихомолку не так, как следует, если находят это для себя выгодным. Мой Нед, как всем известно, далеко не нечестный борец, но и он однажды дал себя побить маленькому Килларнею Примрозу, а потом, на другой день, пошел и купил себе лошадь и повозку, — это очень неприятное для меня воспоминание. Я говорю вам это, мисс, про своего собственного мужа. Про Кэшеля я могу сказать, что он ни разу не был побежден, хотя уже сколько раз для него было выгоднее проиграть, чем выиграть. Это предлагали ему люди, держащие пари. И нужно еще сказать, что я никогда не слышала от него ни одного грубого слова и ни разу не видела его пьяным, за исключением разве случая в день рождения Неда. Да и тогда он не говорил ничего дурного, все только шутил. А ведь в подобном состоянии обнаруживается истинная натура людей. О, подумайте, мисс, как вы могли бы быть счастливы, если бы только сумели взглянуть на это, как следует. Ведь он — чемпион, честный, трезвый, невинный как младенец, прирожденный джентльмен, достойный стать рядом с вами, и вдобавок влюбленный в вас до безумия! Он считает вас ангелом, посланным с небес, и я уверена, мисс, что у вас действительно сердце ангела. Смею вас уверить, что моя Фэн чувствует себя совершенно уничтоженной, так как думает, что Кэшель сравнивает ее с вами, а это сравнение не в ее пользу. Я не думаю, мисс, чтобы вы были настолько жестоки, чтобы отказать ему.

Лидия откинулась назад в своем кресле и смотрела на нее с выражением любопытства, которое скоро сменилось веселой улыбкой. Миссис Скин из вежливости также слегка улыбнулась, но своим серьезным видом давала понять, что в словах ее нет ничего смешного.

— Мне нужно время, чтобы обдумать все, что вы так красноречиво рассказали мне, — произнесла Лидия. — Я не шучу, миссис Скин, вы произвели на меня большое впечатление. Ну а теперь поговорим о чем-нибудь другом. Ваша дочь, надеюсь, совершенно здорова?

— Благодарю вас, сударыня, она здорова.

— А вы?

— И я здорова, конечно настолько, насколько этого можно ожидать в мои годы,— ответила миссис Скин, слишком любившая сочувствие, чтобы признать себя вполне здоровой в тех случаях, когда ее спрашивали о здоровье.

— Вы должны чувствовать себя в полнейшей безопасности,— произнесла Лидия, пристально глядя на нее,— так как вам посчастливилось выйти замуж за такого известного мастера бокса, как мистер Скин. Ведь, должно быть, очень приятно иметь такого могущественного защитника?

— Ах, мисс, как вы мало знаете нашу жизнь! — воскликнула миссис Скин, завлеченная в ловушку воспоминаниями о своих собственных обидах и огорчениях и совершенно забыв при этом об интересах Кэшеля.— Боязнь, что он впутается в какую-нибудь историю, никогда не выходила у меня из головы. Нед миролюбив до крайности, пока не попала в него хотя бы капля водки. Но уж если это случилось, он становится таким же, как и все они,— готов драться с каждым человеком, задевшим его. А если бы во время этой драки он попал в руки полиции — все пропало. Для боксера нет на свете справедливости. Достаточно человеку упомянуть, что он профессиональный боксер, как судья тотчас отправит его в тюрьму. А тогда прощай ученики и все уважение, которым он пользуется. И я постоянно живу под страхом этого. Что же касается защиты с его стороны, то я скорее позволила бы пять раз ограбить себя, чем сказать Неду хоть одно слово об этом из опасения вызвать ссору. Сколько раз, возвращаясь ночью домой, я потихоньку давала извозчику больше, чем следовало, боясь, что иначе он начнет ворчать и задевать Неда. И причина всему этому — водка. Джентльмены любят, чтобы их видели разговаривающими с ним, потому они подходят к Неду один за другим в буфет, расспрашивают его о том о сем и угощают его. Все кончается тем, что он лежит в сапогах на постели, раскинув руки, нередко и с фонарем под глазом, и старается припомнить, что он делал в предыдущую ночь. Сколько я испытала в первые три года нашего брака — только я одна знаю. Наконец он дал зарок не пить, и с этих пор все пошло хорошо. С той поры он напивается вдрызг не более трех раз в год. Очевидно,

сам Бог натолкнул его на мысль дать этот зарок, а кроме того ему стало стыдно: однажды, когда он был пьян, его поколотил молочник в Вестминстере. Я удалила его от всех прежних друзей. С тех пор на него снизошло Божие благословение и мы стали жить счастливо.

— А у Кэшеля придирчивый характер?

Тон вопроса заставил миссис Скин очнуться и понять всю несвоевременность ее жалоб.

— Нет, нет,— горячо запротестовала она.— Он никогда не пьет водки; что же касается до драки, то поверите ли вы мне, мисс, или нет, а у него не было даже трех случайных схваток за всю его жизнь. Во всяком случае, их было не больше трех. А если ему повезет и он женится, можно поручиться за его благоразумие до конца дней. Зато если сейчас оставить его на произвол судьбы, то знает лишь Господь, что может выйти. Сперва он начнет тосковать — он уже сейчас тоскует; затем начнет пить, потеряет своих учеников, лишится положения, потерпит от кого-либо поражение и... Достаточно будет вам сказать только слово, мисс, и он спасен. Если бы я могла сейчас передать ему...

— Прошу вас не передавать ему ничего,— твердо произнесла Лидия,— решительно ничего. Единственное, в чем я могу вас уверить,— это в том, что вы смягчили мое мнение о некоторых его поступках. Но что касается предположения выйти замуж за мистера Байрона, это самая невероятная вещь на свете. Оставив в стороне вопрос о личной склонности, достаточно одной нелепости подобного брака, чтобы испугать женщину.

Миссис Скин недостаточно ясно понимала это. Но и то, что она поняла, было вполне достаточным. Она встала, уныло покачивая головой, и сказала:

— Я вижу в чем дело, сударыня. Вы не считаете его ровней себе. Этот брак не понравится вашим родным.

— Нет никакого сомнения, что мои родные были бы страшно возмущены подобным браком, и я обязана принимать это в расчет.

— Мы больше не будем беспокоить вас,— медленно произнесла миссис Скин.— Через месяц или два уже никого из нас не будет в Лондоне.

— Для меня это совершенно безразлично, но мне будет жаль потерять возможность время от времени беседовать с вами.

Эти слова не были правдивыми, но Лидии уже стало казаться, что она находит особое удовольствие во лжи.

Но миссис Скин нельзя было утешить комплиментом. Она покачала головой.

— С вашей стороны очень милостиво, мисс, что вы говорите мне любезности,— сказала она.— Но, если бы я могла передать хоть одно доброе слово от вас моему мальчику, я бы согласилась выслушать от вас все, что угодно.

Прежде чем ответить ей, Лидия задумалась. Наконец она произнесла:

— Мне жаль, что я так сурово обошлась с ним. Действительно, я вижу теперь, что ему трудно было поступать иначе. Кроме того я не приняла во внимание денежную сторону его профессии. Короче говоря, я не привыкла к кулачному бою, и то, что я видела, поразило меня до такой степени, что я потеряла в тот момент способность логически рассуждать. Но,— продолжала Лидия, предостерегающе поднимая палец, чтобы заглушить появившуюся было у миссис Скин надежду,— если вы передадите ему наш разговор, прошу вас дать ему понять, что мои слова вызваны чувством справедливости, а вовсе не моей благосклонностью к нему.

— Ему достаточно будет, мисс, одного слова утешения от вас. Я ему только скажу, что была у вас и что своими словами вы вовсе не хотели...

— Миссис Скин,— произнесла Лидия, мягко прерывая ее,— самое лучшее пока не говорить ему об этом ничего. Но если он ничего не услышит обо мне в течение двух недель, вы можете сказать ему все, что вам будет угодно. Вы можете подождать до тех пор?

— Конечно. Как вам будет угодно, мисс. Только вот завтра будет бенефис Меллиша, и он...

— Какое отношение имеет ко мне Меллиш или его бенефис?

Смущенная миссис Скин прошептала, что ей хотелось бы, чтобы мальчик восстановил свою репутацию.

— Если он думает, что может доставить удовольствие Меллишу, поколотив кого-либо, что ему мешает сделать это? Только помните: вы не должны упоминать обо мне ни единым словом в течение двух недель. Вы согласны?

— Как вам будет угодно, мисс,— разочарованно повторила миссис Скин.

Лидия не выказывала больше охоты разговаривать, поэтому миссис Скин начала прощаться и выразила надежду, что, в конце концов, все обойдется, все останутся довольны. По настоянию Лидии она перекусила, после чего коляска, запряженная парой пони, отвезла ее на железнодорожную станцию. Прежде чем расстаться, Лидия внезапно спросила:

— Имеет ли мистер Байрон привычку о чем-либо думать?

— Думать? — воскликнула миссис Скин. — Нет, никогда. На свете едва ли можно найти более веселого человека, чем он, мисс.

По дороге в Лондон миссис Скин все время обсуждала наедине с собой, вполне ли прилично для молодой леди жить в великолепном замке, не имея возле себя пожилой женщины, и так приветливо, как с равными, разговаривать с людьми ниже ее по положению. Возвратясь домой, она ни слова не сказала о своей поездке Скину, который совсем не умел держать секретов, за исключением тех случаев, когда вопрос касался места проведения очередного поединка. Она долго шепталась со своей дочерью, мучая ее подробным описанием роскоши замка и утешая тем, что мисс Кэру — хрупкое, слабое создание с рыжими волосами и без всякой представительности. (Волосы Фанни были черны как смоль, руки у нее были необыкновенно сильные, и она была одной из самых лучших учениц Кэшеля.)

— Как бы то ни было, Фэн, — сказала миссис Скин в два часа ночи, вставая со своего места и взяв подсвечник в руки, — если это все и уладится, Кэшель никогда не будет хозяином в том доме.

— Для меня это совершенно ясно, — ответила Фанни. — Но если он считает, что наш круг — круг почтенных профессиональных боксеров — для него недостаточно хорош, то пусть благодарит самого себя: эти пустоголовые щеголи будут смотреть на него сверху вниз.

Тем временем Лидия, возвратясь в замок после долгой прогулки в экипаже, попыталась преодолеть назревающее чувство тревоги, занявшись обработкой биографии своего отца. Ей нужен был отрывок, который указывал бы на его литературный вкус и для этого она просматривала его любимые книги, отыскивая отчеркнутые отцом места. Теперь она возобновила поиски и, взобравшись на библиотечную лестницу, начала перебирать один том за

другим, просматривая их содержание. За работой время бежало так же незаметно, как незаметно удлиняются тени. Последняя книга, которая подверглась просмотру, заключала в себе поэмы. В ней не было никаких пометок, но она сама открылась на странице, на которой, очевидно, ее часто открывали. Строчки, которые увидела Лидия, были следующие:

Чего бы я не дал, чтобы в груди моей
Почувствовать могучее горенье
Живого сердца, полного страстей,
Взамен бессильного холодного биенья
Того кусочка льда, чье злое назначенье —
Быть всех сердец ничтожней и пустей.

Лидия поспешно сошла с лестницы, добралась до кресла; она читала и перечитывала эти строчки. Догорающая свеча привлекла наконец ее внимание. Она положила книгу на полку и, направляясь к письменному столу, произнесла:

— Сомнения, которые овладевали моим отцом, овладеют и мной, если я не найду работу для моего сердца. Если моим будущим детям суждено избежать этого проклятия, то они получают освобождение от своего отца, — от человека непосредственных побуждений, от человека, который никогда не думает, а не от меня, не от женщины, которая не может не думать и живет только размышлениями. Да будет так.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Несколько дней спустя, когда Кэшель сидел за чаем в столовой семейства Скинов, ему подали письмо. Когда он взглянул на почерк, густая краска залила его лицо.

— От кого это письмо? — воскликнула мисс Скин, сидевшая с ним рядом. — Дайте мне прочесть.

— Убирайся к черту! — ответил Кэшель, поспешно отстраняя ее, когда она хотела схватить конверт.

— Не надоедай ему, Фэн, — мягко произнесла миссис Скин.

— Не буду, не буду, мой милый, — сказала мисс Скин, нежно кладя свою руку ему на плечо. — Дай мне только взглянуть на подпись — я хочу знать, от кого оно. Дай же, мой дорогой.

— Это не твое дело,— возразил Кэшель.— Убирайся! Если ты не оставишь меня в покое, то в следующий раз, когда ты придешь ко мне на урок, я задам тебе хорошую встряску.

— Воображаю,— презрительно ответила Фанни.— Кто же из нас двоих получил сегодня хорошую встряску, хотелось бы мне знать?

— Дай-ка ему хорошенько,— хрипло рассмеявшись, произнес Скин.

Кэшель отодвинулся подальше от Фанни и стал читать письмо, которое заключало в себе следующие строки:

«Риджент-парк.

Дорогой мистер Кэшель Байрон!

Мне хотелось бы, чтобы Вы увиделись с одной из моих хороших знакомых. Она будет здесь завтра в три часа дня. Я была бы Вам очень обязана, если бы Вы зашли ко мне в это время.

Уважающая Вас *Лидия Кэру*».

Наступила долгая пауза, во время которой в комнате не было слышно ни одного звука, за исключением тика-ня часов и чавканья экс-чемпиона, разгрызавшего скорлупу раков.

— Надеюсь, Кэшель, все обстоит благополучно,— произнесла наконец миссис Скин дрожащим голосом.

— Черт меня побери, если я хоть что-нибудь понимаю,— ответил Кэшель.— Может быть, вы здесь что-нибудь разберете?

С этими словами он передал письмо своей приемной матери. Скин перестал жевать, чтобы проследить за тем, как будет его жена читать письмо: это казалось ему одним из самых чудесных подвигов.

— Я думаю, что леди, о которой она упоминает,— это она сама,— сказала миссис Скин после некоторого размышления.

— Нет,— произнес Кэшель, отрицательно покачав головой.— Она всегда говорит то, что думает.

— Но, может быть,— заметил Скин,— она не умеет написать того, что она думает. Тем и плохо писанье: никто никогда не умеет точно высказать того, что думает. Я еще ни разу не подписал условия, чтобы при этом не произошло каких-либо недоразумений; а ведь условия —

это еще самые лучшие из всех текстов, какие только существуют на свете.

— Вам лучше всего будет пойти туда и посмотреть, что она хотела сказать,— осторожно произнесла миссис Скин.

— Верно,— подтвердил Скин.— Иди туда, мой мальчик, и враз кончай с ней дело.

— Что-то письмо уж слишком коротко, да и не очень нежно,— заметила Фанни.— У нее не хватило даже вежливости поставить свой герб.

— Воображаю, чего бы только ты ни дала, чтобы быть на ее месте,— насмешливо заметил Кэшель, ловя письмо, которое Фанни с презрением швырнула ему.

— Если бы я была на ее месте, я бы больше уважала себя и не стала бы бросаться тебе на шею.

— Тише, Фанни,— сказала миссис Скин,— ты слишком резка. Нед, тебе не следовало бы раззадоривать ее.

На следующий день Кэшель позавтракал с аппетитом, проделал несколько упражнений, принял ванну, некоторое время позанимался массажем, а затем ровно в три часа явился в Риджент-парк. Он ожидал встретить там Башвиля и был очень удивлен, когда двери отворила ему служанка.

— Мисс Кэру дома?

— Да, сударь,— отвечала девушка.— Вы мистер Байрон, сударь?

— Да, это я,— произнес Кэшель.— Скажите, есть ли кто-нибудь у нее?

— Там какая-то леди, сударь, но больше нет никого.

— А, черт возьми! Ну, видно, ничего не поделаешь.

Девушка подвела его к двери и, когда он вошел, тихо закрыла ее и ушла, не докладывая о нем. Комната была картинной галереей, освещенной сверху. В конце галереи, спиной к нему, сидели Лидия и еще какая-то женщина, благородная осанка которой и изящные манеры, наверное, навели бы на размышление о ее красоте всякого человека, менее предубежденного, чем Кэшель. Пройдя несколько шагов, он вдруг изменился в лице, приостановился и уже был готов обратиться в бегство, когда обе женщины, услышав легкие шаги, обернулись и заставили его прирасти к месту. В то время, как Лидия протягивала ему руку, ее собеседница взглянула сначала равнодушно, потом на лице появилось выражение недоверчивого изумления и наконец она воскликнула, в по-

рыве радостного волнения, подобно ребенку, нашедшему свою давно потерянную игрушку:

— Мой дорогой мальчик!

И, подойдя к Кэшелю, она заключила его в объятия. Он спрятал сконфуженное лицо на ее плече, состроил гримасу и произнес, обращаясь к Лидии:

— Вот то, что называется голосом природы.

— Какое ты очаровательное создание, — произнесла миссис Байрон, отстраняя его от себя, чтобы полюбоваться им. — Как ты стал красив!

— Как вы поживаете, мисс Кэру? — спросил Кэшель, освобождаясь от объятий и поворачиваясь к Лидии. — Не обращайтесь на нее внимания, это ведь моя мать. Или, иначе сказать, — добавил он, словно поправляя самого себя, — это моя мама.

— Откуда же ты явился? Где ты был все это время? Куда ты исчез, негодный мальчик, на целых семь лет? Подумайте только, мисс Кэру, ведь это мой сын! Поцелуемся еще раз, мой ненаглядный, — продолжала она, нежно дотрагиваясь до его руки. — Какие у тебя мускулистые руки!

— Целуй, пожалуйста, сколько тебе будет угодно, — произнес Кэшель со своим прежним школьным упрямством. — Надеюсь, ты здорова? Ты выглядишь довольно хорошо.

— Да, — ответила она насмешливо, начиная сердиться на него за неспособность попадать ей в тон при столь трогательной сцене. — Я выгляжу довольно хорошо. Твоя манера разговаривать осталась такой же утонченной, как и прежде. А почему у тебя такие короткие волосы? Ты должен отрастить их и...

— Послушай, — сказал Кэшель, ловко отстранив ее руку, которую она подняла, чтобы пригладить его волосы. — Оставь это, или я уйду сейчас же и ты не увидишь меня еще в течение семи лет. Ты должна или мириться с моим видом, или оставить меня в покое. А если хочешь знать причину, почему я ношу короткие волосы, то ты найдешь ее в рассказах об Авессаломе и Доне Мендозе. Достаточно этого для тебя?

Миссис Байрон поджала губы.

— Вот как! — произнесла она. — Ты все тот же, Кэшель!

— Тот самый, точно так же, как и ты, — возразил он. — Прежде чем ты произнесла десяток слов, я почувствовал себя так, словно мы только вчера расстались.

— Я немного удивлена результатом моего опыта,— вмешалась Лидия.— Я пригласила вас исключительно для того, чтобы вы встретились друг с другом. Сходство между вами заставило меня подозревать истину, и кроме того мои предположения были подкреплены рассказом мистера Байрона о его приключениях.

Тщеславие миссис Байрон было удовлетворено этими словами.

— Разве он похож на меня? — произнесла она, пристально вглядываясь в его черты.

Кэшель, не обращая на нее внимания, произнес, глядя на Лидию с нескрываемым огорчением:

— И вы только для этого послали за мной?

— Разве вас не радует это? — спросила Лидия.

— Он не чувствует ни малейшей радости,— жалобно произнесла миссис Байрон.— У него нет сердца.

— Ну, завела на целый час! — воскликнул Кэшель, глядя на Лидию, очевидно потому, что ему было приятнее смотреть на нее, чем на свою мать.— Впрочем, это ничего не значит. Если это вас не беспокоит, то и меня подавно. Итак, мама, начинай!

— И вы думаете, что мы похожи друг на друга? — спросила миссис Байрон, не обращая внимания на его слова.— Да, я сама думаю, что сходство есть. Только я вижу...

Она внезапно остановилась и спросила:

— Ты женат, Кэшель?

— Нет еще,— расхохотался он.— Но думаю, что на днях женюсь.

При этих словах он взглянул на Лидию, которая, однако, смотрела на миссис Байрон.

— Расскажи мне про себя. Кем ты стал? Я надеюсь, Кэшель, что ты не поступил на сцену?

— На сцену? — презрительно воскликнул Кэшель.— Разве я имею вид актера?

— Правда, ты не похож на актера,— капризно заметила миссис Байрон,— а все-таки у тебя какой-то особенный вид, свойственный людям свободных профессий. Что ты делал после того, как убежал из школы? Чем ты зарабатываешь? Да и сам ли ты добываешь себе средства?

— Думаю, что добываю. Ты видишь, что я не умер. Что касается того, чем именно... Как ты думаешь, к чему я был способен, получив такое воспитание? Разве толь-

ко подметать улицы. Убежав из Панлея, я отправился в море...

— Значит, сделался моряком! Но у тебя вовсе не вид моряка. Ну, а какое положение завоевал ты в своей профессии?

— Самое видное. Взобрался на самую верхушку,— ответил Кэшель.

— Мистер Байрон в настоящее время вовсе не моряк,— сказала Лидия.

Кэшель бросил на нее отчасти умоляющий, отчасти укоризненный взгляд.

— Профессия его совершенно иная,— настойчиво и спокойно продолжала Лидия.— И до некоторой степени она даже может показаться странной.

— Замолчите ли вы! — воскликнул Кэшель.— Я ожидал от вас больше благоразумия. Какая польза в том, что она поднимет шум и приведет меня в бешенство? Я сейчас уйду, если вы не перестанете.

— В чем дело? — спросила миссис Байрон.— Разве ты занимаешься чем-нибудь постыдным, Кэшель?

— Ну вот, она начинает; ведь я говорил вам. Я держу школу: вот и все. Надеюсь, в этом нет ничего постыдного?

— «Школу»! — повторила миссис Байрон с высокомерным отвращением.— Что за глупости! Ты должен оставить подобное занятие, Кэшель. Заниматься подобными вещами — очень глупо и унижительно. Ты был до смешного горд, когда не захотел обратиться ко мне за деньгами, необходимыми для создания себе подобающего положения. Я думаю, что мне потребуется давать тебе...

— Если я когда-нибудь возьму от тебя хоть пенни, то пусть я...

Кэшель уловил брошенный на него Лидией тревожный взгляд и замолчал, подавив свое возбуждение. Затем он сделал легкий шаг назад и хитро улыбнулся.

— Нет,— произнес он,— выходить из себя — значит играть вам на руку. Сердите меня теперь, сколько хотите.

— Нет ни малейшей причины выходить из себя,— заметила миссис Байрон, начиная сама сердиться.— Ты, кажется, совсем перестал владеть собой, или, правильнее сказать, остался таким, каким был и прежде: твой характер никогда не отличался мягкостью.

— Да? — возразил Кэшель с добродушной насмешкой в голосе.— Так, значит, у меня нет ни малейшей причины выходить из себя? Даже тогда, когда мою профессию

называют глупой и унижительной? Ну, мама, ты, кажется, все еще думаешь, что перед тобой стоит малютка Кэшель, милое дитя, которое ты так сильно любила. А того Кэшеля уже нет. Перед тобой — послушайте, мисс Кэру, что сейчас поднимется — перед тобой чемпион Австралии, Англии и Соединенных Штатов, обладатель трех серебряных поясов и одного золотого, профессор бокса для крупного и мелкого дворянства в Сен-Джеймсе и, наконец, сам боксер, готовый вступить в состязание с любым обитателем земного шара, не обращая внимания на вес и цвет кожи, на заклад не менее 500 фунтов стерлингов с каждой стороны. Вот что представляет из себя Кэшель Байрон!

Ошеломленная миссис Байрон попятилась. После небольшой паузы она воскликнула:

— О, Кэшель, как ты мог дойти до этого? — Затем, приблизившись к нему, она снова спросила: — Значит, ты хочешь сказать, что выходил и боксировал с грубыми громадными дикарями?

— Да, я хочу именно это сказать.

— И ты одерживал над ними верх?

— Да. Спроси мисс Кэру, какой был вид у Билли Парадиза после того, как он постоял передо мною в течение часа.

— Какой ты странный мальчик! Что за профессию выбрал ты себе! И ты выступал под своим собственным именем?

— Конечно, под своим. Я вовсе не стыжусь его. Неужели тебе не подалось мое имя в газетах?

— Я никогда не читаю газет. Но ты, должно быть, слышал о моем возвращении в Англию. Почему ты не пришел ко мне?

— Я не был уверен, что тебе это будет приятно, — с неохотою произнес Кэшель, избегая ее глаз. Затем, желая освежить себя взглядом на Лидию, обернулся и вдруг воскликнул: — Эге! Она ускользнула.

— Она хорошо сделала, что оставила нас наедине. А теперь скажи мне, почему мой дорогой мальчик сомневался, что его мама будет рада видеть его?

— Не знаю, почему он сомневался, — произнес Кэшель, подчиняясь ее ласкам. — Но он сомневался.

— Какой ты бесчувственный! Разве ты не знал, что всегда был моим бесценным сокровищем — моим единственным сыном?

Кэшель, сидевший теперь около нее на оттоманке, вздохнул и беспокойно задвигался, но не произнес ни слова.

— Ты рад видеть меня?

— Да,— мрачно произнес он,— я думаю, что рад. Я...— Вдруг внезапное одушевление овладело им.— Клянусь Богом! — вскричал он.— Как это мне раньше не приходило в голову! Вот что, мама: я сейчас нахожусь в большом затруднении и думаю, что ты можешь помочь мне, если захочешь.

Миссис Байрон насмешливо посмотрела на него, однако произнесла успокаивающим голосом:

— Конечно, я захочу помочь тебе, мой дорогой, насколько это будет в моих силах. Все, что я имею, принадлежит тебе.

Кэшель нетерпеливо вскочил с оттоманки. После некоторой паузы, во время которой он, казалось, пытался подавить в себе какой-то протест, он произнес:

— Ты должна раз и навсегда оставить вопрос о деньгах. Мне ничего подобного не нужно.

— Я рада, что ты стал таким самостоятельным, Кэшель.

— Да, я стал таким самостоятельным.

— Будь, пожалуйста, любезнее.

— Я достаточно любезен,— с отчаянием вскричал он,— только ты не хочешь меня выслушать!

— Дорогой мой,— с упреком произнесла миссис Байрон.— Что же ты хотел сказать мне?

— Вот что,— ответил Кэшель, несколько смягченный,— я хочу жениться на мисс Кэру — только всего.

— Ты хочешь жениться на мисс Кэру?

Нежность миссис Байрон сразу исчезла, и тон ее голоса сделался суровым, когда она произнесла:

— Да знаешь ли ты, глупый мальчик...

— Я все знаю,— решительно ответил Кэшель.— Знаю, что такое она и что такое я, и так далее, так далее. И все-таки рассчитываю жениться на ней и, что еще важнее, я хочу жениться на ней, если бы даже мне пришлось для этого переломать шею всем щеголям Лондона. Захочешь ли ты помочь мне — это твое дело, но если ты не захочешь, то не смей никогда больше называть меня своим дорогим мальчиком. Вот и все.

В течение некоторого времени миссис Байрон сидела молча, придав своему лицу ласковое выражение, а затем произнесла:

— В конце концов, я не вижу, почему бы тебе и не жениться на ней. Это будет для тебя самая подходящая партия.

— Да, но чертовски неподходящая для нее.

— Откровенно говоря, я так не думаю, Кэшель. Когда твой дядя умрет, то ты, наверное, вступишь во владение поместьем в Дорсетшире.

— Я буду наследником поместья? Ты это серьезно говоришь?

— Ну конечно. Старый Бингли Байрон, при всех отталкивающих чертах своего характера, не может жить вечно.

— Что это еще за Бингли Байрон? И какое он имеет отношение ко мне?

— Он твой дядя. Право, Кэшель, следовало бы хорошенько подумать об этом. Тебе никогда не приходило в голову, что у тебя должны быть родственники, как и у других людей?

— Ты мне никогда не говорила о них. Как это все неожиданно! Но... но... Скажи мне... Допустим, что он мне дядя,— являюсь я его законным наследником?

— Да. Уолфорд Байрон, единственный его брат, не считая твоего отца, умер много лет тому назад, когда ты еще был в заведении Монкрифа. У него не было сыночек. Сам же Бингли Байрон холостяк.

— Но,— осторожно произнес Кэшель,— не будет ли сомнений относительно моего, как бы это выразиться...

— Мое дорогое дитя, что же тебя тревожит? Ничего не может быть яснее твоего права на титул.

— Вот что,— произнес Кэшель, покраснев.— Некоторые люди болтали, что вы не были женаты...

— Что? — негодуяюще воскликнула миссис Байрон.— Как они смели! Ведь это вопиющая ложь! Почему ты ничего не говорил мне раньше?

— Я не думал тогда об этом,— поспешно произнес Кэшель извиняющимся голосом.— Я был еще слишком мал, чтобы обращать на эти разговоры внимание. Мой отец умер, не правда ли?

— Он умер, когда ты был еще в колыбели. Ты часто сердил меня, мой бедный малютка, напоминая мне его. Не спрашивай больше о нем.

— Не буду, если это тебе неприятно. Только еще одну вещь, мама. Он был джентльмен?

— Конечно. Что за вопрос?

— Так, значит, я такого же происхождения, как все эти щеголи, которые считают себя равными ей? У нее есть двоюродный брат, который служит в министерстве внутренних дел кем-то вроде секретаря. Но главное его занятие, наверное, сидеть там в каком-нибудь зале в большом кресле и пускать пыль в глаза публике. Могу я считаться ему равным?

— У тебя хорошие связи с материнской стороны, Кэшель. Байроны же хотя и не отличаются знатностью, однако принадлежат к одной из древнейших провинциальных дворянских фамилий в Англии.

Кэшель начал проявлять признаки волнения.

— Сколько они получают в год? — спросил он.

— Я не знаю, сколько они теперь получают. Твой отец был всегда в стесненных денежных обстоятельствах, точно так же, как и его отец. Но я думаю, что доход Байрона все-таки равняется тысячам пяти в год.

— О, это полная независимость! Этого совершенно достаточно. Лидия говорила мне, что она не может ожидать, чтобы ее муж был так же богат, как и она.

— Да? Так значит, вы уже обсуждали с ней этот вопрос?

Кэшель готов был ответить, когда в комнату вошла служанка и сказала, что мисс Кэру в библиотеке и просит их прийти туда, как только они закончат свои дела. Когда девушка удалилась, Кэшель с нетерпением произнес:

— Мне хочется, чтобы ты отправилась домой, мама, и дала мне возможность поговорить с ней наедине. Скажи мне, где ты живешь. Вечером я приду и расскажу все, что произойдет между нами. А теперь уходи, если ты ничего не имеешь против этого.

— Что же я могу иметь против, мой дорогой? Только уверен ли ты, что не погубишь всего дела такой поспешностью? У нее нет необходимости торопиться замуж, Кэшель, и она знает это.

— Я твердо уверен, что или сейчас добьюсь своего, или никогда. Я всегда знаю чутьем, когда мне надо идти. Вот твоя накидка.

— Ты так спешишь отделаться от своей бедной старой матери, Кэшель?

— А, черт возьми! Ты вовсе не старая. Надеюсь, что ты не будешь сердиться за то, что я прошу тебя уйти.

Она ласково улыбнулась ему, накинула мантилью и подставила сыну щеку для поцелуя. Это непривычное движение смутило Кэшеля, он сделал шаг назад и невольно принял положение самозащиты, словно перед ним находился противник. Однако он быстро поцеловал мать и проводил ее до наружной двери, которую тихо затворил, предоставив ей самостоятельно разыскивать карету. Затем он тихонько прошел наверх в библиотеку, где застал Лидию за чтением.

— Она ушла,— произнес Кэшель.

Лидия положила книгу и взглянула на него. Она сразу почувствовала то, что должно произойти между ними, и отвела взгляд, чтобы скрыть приступ страха. Наконец произнесла с суровостью, которая стоила ей большого усилия:

— Надеюсь, вы не поссорились?

— Боже сохрани, ничуть не бывало. Мы поцеловали друг друга, словно голубки. Порой она заставляет меня ощущать нечто вроде любви к ней помимо моей воли. Она ушла потому, что я просил ее об этом.

— По какой же причине вы позволяете себе выпроваживать моих гостей?

— Мне надо было остаться с вами наедине. Не смотрите на меня так, как будто вы меня не понимаете. Она наговорила мне целую кучу вещей, которые совершенно меняют положение дела. Я благородного происхождения и являюсь наследником дворянского рода, который пришел сюда еще с Вильгельмом Завоевателем. Со временем я буду получать приличный доход. Теперь я спокойно могу предоставить старине Уэбберу пользоваться всем его весом в обществе.

— Ну и что же? — сурово произнесла Лидия.

— А то,— сказал Кэшель, нисколько не смутившись,— что я могу извлечь из всего этого только одну пользу: теперь я получил возможность жениться, если пожелаю. Мне уже не надо будет держать школу и продолжать карьеру борца.

— А когда вы женитесь, вы так же будете нежны со своей женой, как теперь с матерью?

Кэшель сразу потерял всю самоуверенность.

— Я так и знал, что вы подумаете это,— произнес он.— Я с ней всегда так обращаюсь и ничего не могу поделать. Я не в силах чувствовать любовь к женщине только потому, что она случайно оказалась моей мате-

рю; я не могу притворяться, что люблю ее в угоду кому бы то ни было. Она всегда заставляет меня разыгрывать дурака или грубить ей. Обращался ли я когда-нибудь с вами так, как с ней?

— Да,— произнесла Лидия,— за исключением разве того, что вы ни разу не высказывали положительного отвращения ко мне.

— Ага! За исключением! Это совсем не маленькое исключение. Но я вовсе не чувствую к ней отвращения: все-таки кровь что-нибудь да значит. Я испытываю к ней некоторую нежность, только не могу переносить ее глупостей. Но вы — совсем другое дело. Я затрудняюсь объяснить, почему это так; я не мастер разбираться в чувствах. Не хочу сказать, чтобы здесь было какое-либо особенное чувство, но... нравлюсь ли я вам хоть немного?

— Да, немного нравитесь.

— Ну хорошо,— с трудом произнес он,— согласны ли вы пойти за меня замуж? Я вовсе не так глуп, как обо мне можно подумать.

Лицо Лидии сделалось бледным.

— Приняли ли вы в соображение, что отныне будете праздным человеком, а я всегда буду занятой женщиной, причем моя работа может казаться вам очень скучной.

— Я не буду праздным. Есть масса вещей, которыми я могу заниматься, помимо бокса. Мы не будем мешать друг другу, не бойтесь. Для людей, которые любят друг друга, не страшно никакое затруднение; а вот люди, которые ненавидят один другого,— те всегда будут себя скверно чувствовать. Я постараюсь сделать вас счастливой. Не нужно бояться, что я буду мешать вашей латыни и греческому,— я вовсе не ожидаю, чтобы вы посвящали мне всю жизнь. Странно было бы, если бы я этого ожидал. Каждый может заниматься тем, что ему нравится. Раз вы будете принадлежать мне и никому другому,— я буду вполне доволен. И я буду принадлежать вам и никому другому. Какая польза перебирать разные возможности, когда они могут никогда и не сбыться? Нам представляется случай быть счастливыми,— давайте воспользуемся им. Что же касается вас, то у вас от природы слишком много хорошего, чтобы вы могли когда-либо сделать нехороший поступок.

— Это будет для вас невыгодная сделка,— нерешительно произнесла Лидия.— Вам придется отказаться от

своей профессии, я же ни от чего не отказываюсь, разве только от своей бесполезной свободы.

— Я дам клятву больше никогда не выступать на ринге. Вам же не надо будет давать никакой клятвы. Если это невыгодная сделка, то я не знаю, какую можно тогда называть выгодной.

— Выгодной для меня — да. А для вас?

— Не обращайтесь на меня внимания. Вы будете делать все что угодно; я же буду делать то, что будет для вас приятно. У вас очень чуткая совесть, и я знаю, что все, что бы вы ни сделали, будет очень хорошо. У меня больше знания жизни, чем у вас, но у вас большая способность чувствовать, чем у меня. Согласитесь выйти за меня замуж.

Лидия бросила вокруг себя взгляд, словно пытаясь найти выход. Кэшель с тревогой ожидал ответа. Настала пауза.

— Я не хочу верить, — с чувством произнес он, — чтобы вы боялись меня из-за моей прежней профессии.

— Бояться вас? Нет, я боюсь самой себя, боюсь будущего, боюсь, наконец, за вас. Но я уже приняла решение. Когда я устраивала встречу с вашей матерью, то решила выйти за вас замуж, если вы еще раз сделаете предложение.

Она спокойно стояла перед ним и ждала. Но грубая смелость, свойственная людям, подвизающимся на арене, внезапно покинула Кэшеля, краска залила его лицо, и он не знал, что следует сделать. Не знала этого и она, однако помимо своей воли, сделала шаг ему навстречу и повернула лицо. Почти ничего не видя от смущения, он обнял ее и поцеловал. Вдруг она вырвалась из объятий и, крепко держась за полы его сюртука, откинулась назад, повиснув на них.

— Кэшель, — произнесла она, — мы, кажется, самые глупые из всех влюбленных в мире: мы ничего не понимаем в любви. Действительно ли вы любите меня?

Он ответил ей смущенным «да» и продолжал робко и беспомощно смотреть на нее. Его неопытность была поразительна, но у нее хватило здравого смысла, чтобы обрадоваться при виде такого непровержимого доказательства, что в деле любви он так же неопытен, как и она сама. Кэшель продолжал робко смотреть на нее, и до такой степени было очевидно, что ему хочется поскорее уйти отсюда, что Лидия попросила оставить ее одну. Од-

нако, когда он согласился, она с удивлением заметила, что испытывает разочарование.

Оставив дом Лидии, Кэшель поспешил отправиться по адресу, который оставила ему мать. Это было громадное здание в Вестминстере, разделенное на множество жилых помещений. Ему надо было на седьмой этаж, куда он поднялся в лифте. Выходя из кабины, он увидел Люциана Узббера, идущего по коридору в сторону, противоположную лифту. Повинуясь внезапному желанию, он последовал за ним и догнал его как раз в момент, когда тот входил в комнату. Люциан увидел Кэшеля, и лицо его сделалось бледным. Он поспешно пошел в комнату, бросился к письменному столу и выхватил из ящика револьвер. Кэшель, испуганный и удивленный, отступил назад, подняв перед собой правую руку, словно защищаясь от удара.

— Эй! — закричал он. — Оставьте эту проклятую штуку, слышите! Если вы не бросите ее, я позову на помощь.

— Если вы подойдете ко мне, я выстрелю, — возбужденно сказал Люциан. — Я докажу, что все ваши устаревшие приемы ничто по сравнению с оружием, которое наука дала цивилизованному человеку. Оставьте мою квартиру. Я не боюсь вас, но вовсе не желаю, чтобы вы беспокоили меня своим присутствием.

— Черт бы вас побрал! — с негодованием воскликнул Кэшель. — Так-то вы встречаете человека, который пришел с дружеским визитом.

— Дружеский, без сомнения, теперь, когда вы видите, что я хорошо вооружен.

Кэшель протяжно свистнул.

— А! Так вы, значит, думали, что я пришел сюда бить вас? Ха, ха! И вы называете это наукой — направлять пистолет на человека! Но вы все равно не осмелились бы выстрелить, и вы прекрасно знаете это. Все-таки лучше отложить его в сторону, а то он может выстрелить помимо вашего желания; я всегда чувствую себя неловко, когда вижу в руках у глупцов огнестрельное оружие. Я пришел сюда сказать вам, что я женюсь на вашей двоюродной сестре. Вы рады этому?

Люциан изменился в лице. Он сразу поверил этим словам, но тем не менее упрямо произнес:

— Я не верю. Это ложь.

Слова взорвали Кэшеля.

— Повторяю вам,— угрожающим голосом произнес он,— что ваша двоюродная сестра дала свое согласие выйти за меня замуж. Попробуйте теперь назвать меня лжецом.

Затем, вынимая из кармана кожаный кошелек и доставая из него кредитный билет, он прибавил:

— Смотрите сюда. Я ставлю в качестве залога этот двадцатифунтовый билет: вы не отважитесь ударить меня.

С этими словами он заложил руки назад и стал перед Люцианом, который, вне себя от бешенства, но парализованный чувством страха, принуждал себя не терять присутствия духа. Кэшель с готовностью подставил ему свою щеку и произнес, зло усмехаясь:

— Ну что же, господин директор, бейте. Вспомните только — двадцать фунтов.

В это мгновение Люциан отдал бы что угодно за то только, чтобы иметь силу и ловкость своего противника. Он видел лишь один способ избежать насмешек со стороны Кэшеля, а также упреков в трусости от самого себя, так как его понятие о чести, приобретенное в английской школе, было совершенно такое же, как у кулачного бойца. Он с отчаянием сжал свой кулак и ударил Кэшеля; однако удар пришелся по пустому месту. Зашатавшись, Люциан очутился возле Кэшеля, который громко расхохотался и произнес, похлопывая его по спине:

— Славно сделано. Я уже думал, что вы окажетесь трусом, но вы, оказывается, храбрый человек, и вас примут на арене с распростертыми объятиями. Я передам Лидии, что вы состязались со мной на заклад в двадцать фунтов стерлингов и с достоинством одержали победу. Разве вы не ощущаете гордости?

— Сэр...— начал было Люциан, но больше не смог ничего произнести.

— Посидите теперь с четверть часа и, смотрите, не пейте ничего спиртного; тогда вы совершенно успокоитесь. Когда вы очухаетесь, сами будете рады, что проявили мужество. Итак, до свидания. Я понимаю ваше ощущение, а потому ухожу. Смотрите же, не пытайтесь успокоить себя вином: будет только хуже. До свидания.

Когда он удалился, Люциан плюхнулся в кресло, потрясенный наплывом тех страстей, той зависти, на которые он уже считал себя неспособным, как не годилась уже для него школьная куртка, в которой он впервые испытал это чувство. Люциан сотни раз представлял себе

в уме сходную сцену, но не так, как она действительно произошла, хотя оставшаяся после нее горечь не давала ему покоя. Он напрасно пытался утешить себя, по крайней мере, тем мужеством, которое он проявил, не побоявшись ударить Кэшеля. Ему некуда было деться от сознания, что страх и ненависть вызвали в нем припадок гнева по отношению к человеку, которому следовало бы показать пример благородного самообладания. Появившийся в его мыслях сумбур, вызванный нервным потрясением, угнетающе подействовал на него. Он ощущал необходимость в чьей-либо симпатии и страстно желал, чтобы представился удобный случай реабилитировать себя. Не прошло и часа, как он был уже по дороге в Риджент-парк.

Лидия сидела в будуаре и читала книгу, когда он вошел. Он не был тонким наблюдателем и не заметил никаких перемен. Она была спокойна, как всегда; глаза ее были полуоткрыты, а прикосновение ее руки внушило ему ту покорность, которую он всегда испытывал в подобных случаях. Хотя Люциан и не питал надежды обладать ею, с тех пор как она отказала ему в Редфордском сквере, но его внезапно охватило чувство потери, когда он в первый раз взглянул на нее, как на невесту другого человека, да еще вдобавок — какого человека!

— Лидия,— произнес он, пытаясь говорить резко, но будучи не в состоянии освободиться от той вежливости, из которой он сделал себе вторую натуру.— Я услышал новость, опечалившую меня. Это правда?

— Быстро же разлетелась эта новость,— ответила она.— Да, это правда.

Она говорила спокойно и так приветливо, что, отвечая ей, он запнулся.

— В таком случае, Лидия, вы играете главную роль в величайшей трагедии, какую я когда-либо видел.

— Эта роль вам кажется очень странной, не правда ли? — ответила Лидия, улыбаясь его попытке говорить прочувствованным голосом.

— Странная? Не странная, а поистине трагическая. Мне кажется, я имею право употребить это выражение. А вы сидите здесь и спокойно читаете, как будто ничего особенного не случилось.

Она безмолвно протянула ему книгу.

— «Айвенго»! — воскликнул он.— Роман!

— Да. Помните, как-то раз вы говорили, что считаете романы Вальтера Скотта единственными книгами, которые может держать в руках леди!

— Да, я говорил это. Но я не могу вести беседу о литературе теперь, когда...

— Я вовсе не хочу отвлечь ваше внимание от предмета, о котором вы желаете говорить. Я хотела вам только сказать, что случайно отыскала этот роман полчаса тому назад, когда рылась в книгах, чтобы найти, должна откровенно признаться, какую-нибудь романтическую историю. Айвенго был борец на арене; вся первая половина романа занята описанием турнира. Мне пришла в голову мысль, не остановится ли какой-нибудь романист XXIV столетия на подвигах моего мужа и не расскажет ли о них миру, как о подвигах английского Сида XIX столетия, когда все достижения Байрона будут уже покрыты глянцем древности.

Люциан сделал нетерпеливый жест.

— Я никогда не мог понять, — произнес он, — как одаренная женщина может увлекаться такими извращенными и абсурдными идеями. О Лидия, неужели все ваши таланты и приобретенные знания привели вас к подобному решению? Простите, но этот брак кажется мне до такой степени неестественным, что я должен высказаться. Ваш отец умер, оставив вас одной из самых богатых женщин в Европе. Как вы думаете, одобрил бы он то, что вы собираетесь теперь сделать?

— Мне кажется, он воспитал меня так, чтобы я пришла к подобному концу. За кого же вы посоветовали бы мне выйти замуж?

— Без сомнения, очень мало найдется людей, достойных вас, Лидия. Но этот человек менее всех достоин. Разве вы не могли выйти замуж за джентльмена? Если бы он был артистом, поэтом, талантливым человеком, я понял бы, поскольку в вопросе о браке я не руководствуюсь предрассудками. Но выйти замуж за человека низкого происхождения, занимающегося делом, которое презирается даже людьми его класса, за человека необразованного, грубого, ожидающего постыдного приговора со стороны закона... Возможно ли, чтобы вы, хорошо обдумав все эти обстоятельства, все-таки решились стать его женой?

— Не могу сказать, чтобы я много над этим думала, так как обстоятельства эти не такого рода, чтобы очень

беспокоить меня. Что касается одного из перечисленных пунктов, могу успокоить вас. Я всегда считала Кэшеля джентльменом в том смысле, какое вы придаете этому слову. Оказывается, он принадлежит к провинциальному дворянскому роду. Что касается его судебного процесса, то я говорила с лордом Вортингтоном и с адвокатами, которые ведут это дело, и все они определенно утверждают, что у полиции нет явных улик и можно составить такую защитную речь, которая спасет его от тюрьмы.

— Нельзя составить такой речи,— с раздражением произнес Люциан.

— Может быть, и нельзя. По-моему, она еще больше увеличила бы тяжесть преступления. Но, если его даже и посадят в тюрьму, для меня это будет все равно. Он может утешать себя уверенностью, что я выйду за него замуж, как только он освободится.

Лицо Люциана вытянулось. У него не осталось ни одного аргумента. Он произнес:

— Я не допускаю мысли, чтобы вы позволили обмануть себя. Если он джентльмен, то, конечно, это меняет дело.

— Люциан,— серьезно ответила Лидия,— действительно ли вы думаете, что это существенно меняет для меня дело? Я знаю, существует такая ступень духовного развития, на которой все его прежние поступки должны показаться нехорошими; но ведь ни вы, ни я не достигли этой ступени. Открытие его благородного происхождения не может уменьшить жестокости ни одного удара, которые он когда-то наносил, и, однако, вы допустили сейчас, что это совершенно меняет дело. Вас отталкивала не профессия боксера, нет, это был для вас только предлог. На самом деле вас отталкивал класс, к которому принадлежат боксеры. Итак, мой кузен, я заставляю умолкнуть все ваши возражения: я вовсе не намерена породнить вас с мясником, каменщиком или каким-либо еще мастеровым из той среды, из которой, как вы предупреждали меня, вербуются люди профессии Кэшеля. Подождите минутку. Я хочу быть по отношению к вам справедливой. Вы хотели сказать, что мой друг Люциан гораздо глубже опечален тем, что светоч современной культуры будет принадлежать человеку недостойному.

— Да, я действительно хотел высказать именно это, но только не в столь скромных выражениях. Здесь идет речь о светоче не только современной культуры, но так-

же и природных дарований, соединенных, по счастливой случайности, с высшей степенью цивилизации. И этот светоч выбирает себе спутником жизни человека, совершенно не способного, благодаря своим вкусам и наклонностям, понять ее или войти в круг ее интересов.

— Выслушайте меня, Люциан. Я попытаюсь объяснить эту загадку, предоставив остальным истолковывать мой поступок, как им будет угодно. Прежде всего, вы должны согласиться, что даже и светоч должен в конце концов выйти за кого-нибудь замуж, чтобы передать детям свои знания. Самым естественным было бы, конечно, выйти замуж за равного. Но так как она, бедняжка, не умеет достаточно ценить и своих собственных достоинств, то предпочитает остановить внимание на простом смертном. Но кто же будет этот смертный? Не ее двоюродный брат, потому что делающие себе карьеру молодые политики должны иметь таких жен, которые помогали бы им женской тактикой, умением делать визиты и вести разговоры. Также и не литератор, как вы только что предположили. Бедняжке и так уже пришлось поработать в качестве помощника литератора, и она вовсе не желает повторять этот опыт. Затем, она до безумия устала от скучного самоанализа и вечного болезненного самоуглубления поэтов, романистов и им подобных. Что касается артистов, то истинные артисты случайно оказались женатыми, тогда как остальные, начитавшись в рецензиях, что они самые одаренные из всех людей на свете, и поверив этому, сделались почти такими же несносными, как и их газетные льстецы. Нет, Люциан, светоч заплатил свой долг искусству и литературе тяжелой работой. В будущем светоч будет наслаждаться как тем, так и другим, но никогда уже больше не будет трудиться в рабочих кабинетах. Вы скажете, что она могла бы, по крайней мере, выйти замуж за человека с привычками джентльмена. Но все известные джентльмены являются или дилетантами в искусстве, обладающими всем эгоизмом профессиональных артистов, не имея в то же время их таланта, или же людьми наслаждения — то есть все они или танцоры, или игроки в теннис, или картежники. Я уже не буду говорить о целом ряде совершенно ничтожных личностей. В глазах светоча даже арена представляет собой лучшую школу для выработки характера, чем гостиная, и кулачный боец является героем по сравнению с тем жалким человеком, который выпускает на

зайца свору борзых собак. Вообразите теперь, что этот бедный светоч встречается с человеком, который никогда в течение всей своей жизни не был повинен в самоанализе, который, подобно ребенку, жалуется, когда ему скучно, и радуется, когда ему весело, чего никогда не делает современный человек. И при этом он отличается честностью, храбростью, силой и красотой. Вы удивлены, Люциан, но это так. Вы не отдаете должного наружности Кэшеля. Ему двадцать пять лет, однако ни одной морщины нет еще на его лице. У него нет ни задумчивости, ни поэтического выражения, ни сомнения, ни усталости; годы и самоуглубление не наложили своих отпечатков, как на лица всех других людей. Это лицо языческого бога, убежденного в своей вечной юности. Раз мне нужно, в конце концов, выйти замуж, то я была бы безумной, если бы пропустила подобного человека.

— Вы безумны, высказывая подобные мысли! — с испугом и в то же время запальчиво вскричал Люциан, вставая со своего места. — Это какое-то ослепление. Вы настолько же не видите его истинной натуры, которая ясна для меня, насколько...

— Насколько вы, Люциан, не можете видеть меня в том виде, в каком я представляюсь людям, ненавидящим меня. Как вы можете быть уверенным, что то, что вы в нем видите, есть его истинная природа?

— Я вижу его таким, каким видит его каждый, кроме вас. Это доказывает, что вы находитесь в ослеплении. Вы знаете — вы должны знать, — что нельзя доверять чувствам в подобном деле.

— Я представила вам доводы, Люциан. Я готова выслушать возражения.

— Возражения! Доводы! Думаете ли вы, что ваше безумие будет меньшим безумием только потому, что вы имеете основание? Безумие, покоящееся на логических выводах, есть самое худшее из всех безумий, потому что здесь не властен рассудок.

Лидия широко раскрыла глаза.

— Люциан, — радостно произнесла она, — вы только теперь начинаете обнаруживать себя. Мне кажется, что это самая остроумная вещь, которую я когда-либо слышала от вас. И это правда — поразительная правда.

Он в отчаянии сел.

— Вы не допустили бы этого с такой готовностью, — произнес он, — если бы мои слова произвели на вас хоть

малейшее впечатление. Допустим даже, что все ваши доводы хороши, что же, в конце концов, они доказывают? Если вы действительно презираете занятия джентльменов, то достаточная ли это причина, чтобы относиться с уважением к боксерам? Лучше ли становится арена от того, что гостиная хуже ее? Между прочим, я не поверю, чтобы вы действительно придерживались такого чудовищного мнения. С каким бы презрением отнеслись вы к этому софизму, если бы его употребил я, желая убедить вас.

— Мы отклоняемся, Люциан, в область совершенно отвлеченных рассуждений. Это, однако, моя вина. Я начала с объяснений и чисто по-женски перешла к восхвалению своего возлюбленного. Не думайте, что я стараюсь представить свой выбор как-нибудь иначе, чем выбор меньшего из двух зол. Я твердо убеждена, что культурное общество сделало бы из Кэшеля что-нибудь лучшее, но у него, бедняги, не было никакого выбора. Я как-то раз назвала его дикарем и не беру назад этого слова; но я думаю, что вы простите его дикие наклонности, как прощаются солдату совершаемые им убийства и как извиняются адвокату его лживые увертки. Когда вы будете осуждать всех этих людей — и я от всего сердца желала бы, чтобы это случилось как можно скорее, — осуждайте тогда и его, но не раньше. А кроме того, мой дорогой Люциан, с его профессией уже все покончено: он не намеревается продолжать свое ремесло. Что касается того, подходим ли мы друг другу, то я должна сказать вам, что верю в учение о наследственности. Так как мое тело слабо, мозг же весьма деятелен, я считаю полезным влечение к человеку, сильному телом, которого не тревожат никакие мысли. Вы должны понять, так как это одно из простейших утверждений в учении о наследственности.

— Я знаю только то, что вы хотите во что бы то ни стало привести в исполнение принятое решение, — безнадёжно произнес Люциан.

— И вы отнесетесь к нему сочувственно, не правда ли?

— Сочувственно или нет — для вас это решительно все равно. Я могу только принять его как свершившийся факт.

— Вовсе нет. Вы можете отнестись к моему поступку несочувственно — обращаясь с Кэшелем холодно, и сочувственно — относясь к нему по-дружески.

— Я должен рассказать вам кое-что,— произнес он.— Ведь я виделся с ним после... после того, как...

Лидия кивнула ему головой.

— Я неправильно истолковал его намерение, когда он явился в мой кабинет. Он почти ворвался ко мне. Между нами произошла небольшая ссора. В конце концов, он стал насмехаться надо мной и предложил мне — очень характерно для него, не правда ли,— двадцать фунтов стерлингов, если я осмелюсь ударить его. И мне очень неприятно признаться, что я сделал это.

— Вы сделали это! — воскликнула Лидия, вся побледнев.— Что же произошло потом?

— Мне следовало бы сказать, что я только пытался ударить его, так как он уклонился от удара, а может быть, и я промахнулся. Он отдал мне деньги и ушел, очевидно, составив обо мне сравнительно высокое мнение. Но должен сказать, что я остался очень невысокого мнения о самом себе.

— Как! Он не стал мстить? — воскликнула Лидия, и краска снова появилась на ее лице.— О, он нанес вам поражение вашим же собственным оружием, Люциан. В глубине своей души вы такой же кулачный боец, как и он, и вы завидуете его превосходству в том искусстве, увлечение которым ставите ему в вину.

— Я был не прав, Лидия, но завидовал ему только в том, что он будет обладать вами. Я знаю, что поступил необдуманно, и потому извинюсь перед ним. Я очень хотел бы, чтобы все произошло не так, как это случилось.

— Иначе это и не могло произойти. Я думаю, что вы и сами осознаете благодатность исхода. Но довольно об этом. Лучше прочту вам письмо, которое получила от Алисы Гофф и которое по-новому высвечивает ее характер. Я не видела ее с июня, а она, кажется, так развилась за это время, словно протекли целых три года. Послушайте, например, вот это место...

Таким образом разговор перешел на Алису. Когда Люциан возвратился к себе домой, он написал следующее письмо Кэшелю Байрону, прежде чем лег спать.

«Милостивый Государь.

Позволяю себе препроводить Вам кредитный билет, который Вы оставили у меня сегодня вечером. Я чувствую себя обязанным выразить Вам свое сожаление по поводу того, что произошло между нами, и смею уверить

Вас, что причиной всего недоразумения послужило то, что я неправильно понял намерение, с которым Вы зашли ко мне. Извинением моему поступку может служить то нервное расстройство, которому я подвергся вследствие сильного умственного напряжения и работы целые ночи напролет. Я надеюсь, что буду вскоре иметь удовольствие снова увидеть Вас и лично принести Вам свое поздравление по поводу предстоящей женитьбы.

Уважающий Вас Люциан Уэббер».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Месяц спустя Кэшель Байрон, Уильям Парадиз и Роберт Меллиш предстали перед судом за участие в неразрешенном боксерском состязании. Их преступление красноречиво описывалось в пространном обвинительном акте.

Защита доказывала, что происшествие, в котором приняли участие обвиняемые, было вовсе не публичным состязанием, устроенным без надлежащего разрешения, а простой дракой, вызванной естественной враждой Байрона и Парадиза, возгоревшейся между ними еще со времени состязания на Ислингтонской выставке, сопровождавшегося некорректными поступками противников.

Суд, выслушав свидетелей, согласился с доводами защиты. Меллиш был оправдан, а Байрон и Парадиз признаны виновными только в публичной драке. Суд приговорил их к двухдневному тюремному заключению и залогу в 150 фунтов в обеспечении благонравного поведения в течение ближайшего года. Ввиду того что срок заключения считался с начала судебного разбирательства, продолжавшегося два дня, преступники были выпущены на свободу сразу после внесения залога.

Мисс Кэру, не желавшая следовать светским обычаям, постаралась как можно скорее сыграть свадьбу. Счастье не изменило Кэшелю и после женитьбы. Три месяца спустя после брачной церемонии (которая была совершена очень скромно и только по гражданскому обряду) умер Бингли Байрон. Кэшель вступил во владение доставшегося ему наследства, несмотря на неоднократные пожелания, чтобы надоедавшие адвокаты провалились вместе с наследством и дали ему спокойно насладиться медовым месяцем. Впрочем, формальности продолжались

довольно долго. Унаследовав от матери непостоянство и нелюбовь к точному соблюдению необходимых форм и сроков, Кэшель так затянул дело, что был окончательно признан собственником доставшегося ему имения в Дорсетшире лишь ко времени рождения своего первого сына.

Брак обещал быть вполне счастливым. Чтобы найти себе дело, Кэшель занялся сельским хозяйством в своем поместье, но скоро потерял на этом шесть тысяч фунтов, после чего посвятил себя садоводству. Затем он вступил на коммерческое поприще в качестве директора одной из торговых компаний в Сити. Наконец он был избран в палату общин представителем одного из дорсетширских округов. Кэшеля выбрали огромным большинством голосов, но ввиду того, что он столь же часто голосовал вместе с крайними радикалами, как и с консерваторами, партия предложила ему отказаться от мандата. Он отклонил это предложение. На следующих выборах он вновь выставил свою кандидатуру в качестве беспартийного и был опять выбран благодаря своему громкому голосу, демократичности манер, популярности взглядов и широкой образованности жены, которая во всем помогала ему. Он смело выступил с речью на первом же заседании палаты. Кэшель действительно ничего не боялся, кроме грабителей, больших собак, врачей, дантистов и уличных перекрестков, где так легко могут задавить насмерть зазевавшегося человека. Всякий раз, когда газеты сообщали о несчастном случае, вызванном одной из этих причин, он с серьезным видом прочитывал это Лидии и повторял свою любимую мысль, что единственное безопасное место — это арена во время кулачного боя. Так как он отрицал почти все виды спорта, считая их либо небезопасными для здоровья, либо бесчеловечными, Лидия стала опасаться, как бы недостаток движения не отразился на его здоровье. Она убеждала его время от времени заниматься боксом. Но он решительно протестовал. Бокс был для него слишком серьезным делом, чтобы заниматься этим ради забавы. Кроме того он считал, что женатому человеку не подобает биться на кулаках. Кэшель убедил себя, что бокс больше не существует для него, с тех пор как он обзавелся семьей.

Его преклонение перед женой пережило пыл первой любви. Природная вдумчивость и чуткость Лидии помогли ей понять, что перемена, происшедшая в отношении мужа к ней, не означает уменьшения любви. Она почув-

ствовала, что любовь его только вступила в новый возраст. Воспитание детей, в которых она мечтала увидеть соединение духовных черт матери с физической крепостью и красотой отца, показало ей, что наследственность — вещь гораздо более таинственная, чем она предполагала. Все дети были достаточно крепкого здоровья. Они играли с отцом, как с ровесником, не чувствуя перед ним никакого страха, а к матери выказывали нежную любовь, всегда прибегая к ней в своих маленьких горестях. Разумеется, они ничего не знали о том, что такое наказание. При всех вспышках своего необузданного гнева Кэшель умел сдерживаться отчасти потому, что боксерская деятельность научила его владеть собой, отчасти из-за того, что помнил горечь собственного детства. Лидия с заботой и вниманием следила за развитием своих детей. Но когда она по вечерам наедине заговаривала об этом с мужем, он только и мог сказать, что, по его мнению, дети, хотя и любят его, но недостаточно почтительны и, пожалуй, даже думают, что они старше своего отца. Лидия соглашалась с этим, однако не считала детей в этом отношении неправыми.

Семейные заботы имели для нее и хорошую сторону. Они оставляли мало времени для раздумий о себе и своей жизни, когда прошли навеянные девичьей любовью иллюзии и грезы и когда она узнала своего мужа, каким он был на самом деле. Она стала видеть в нем одного из своих детей. Он был, может быть, самым глупым и неразвитым среди них, но в то же самое время самым нужным ей, больше всех ее любящим и больше всех ей принадлежащим.

Когда дети выросли, и наследственные черты полнее выразились в них, Лидия с некоторым огорчением заметила, что мальчики стали настоящими Кэру, без малейшей отцовской черточки, а девочки все пошли в отца. Особенно одна из них, к большому изумлению Кэшеля, так сильно напоминала его мать, что, когда на шестнадцатом году она заявила о своем желании поступить на сцену, Кэшель преклонился перед этим желанием, как перед голосом Провидения.

Алиса Гофф, лишь только узнала о предполагаемом замужестве Лидии, решила, что ей нужно вернуться в родительский дом и забыть о прелестях богатой и аристократической жизни. Она поблагодарила мисс Кэру за доброту и попросила как можно скорее отпустить ее домой. Лидия отпустила, но в то же время стала снова

убеждать своего двоюродного брата, носившегося с мыслью о самоубийстве, взять себе в жены Алису. Он дал уговорить себя. Сначала Алиса в сердцах отказала ему, так как после возвращения в Уилстокен сердилась на весь свет за будто бы учиненные ей обиды. Отказ заставил Люциана настойчивее добиваться ее руки. Немного спустя Алиса приняла его предложение, а Лидия быстро поженила их, принявшись за дело со свойственной ей энергией. Она устроила им дом и зажила в самых дружественных отношениях с семьей своего двоюродного брата.

Скины вернулись в Австралию, где вновь стали жить своей спокойной жизнью. Кэшель продолжал величать миссис Скин «матерью», а миссис Байрон, которая все еще не покинула сцены, называл «мамой».

Уильяму Парадизу не хватило ума или, может быть, счастья найти себе, как сделали Скин или Байрон, хорошую жену. Он скоро спился и дошел до самого жалкого состояния. Через несколько лет газеты принесли весть о его смерти, приписав ее «тем жестоким травмам, которые он получил во время своей знаменитой схватки с Кэшелем Байроном».

НОВЕЛЛЫ





СЕРЕНАДА

День своего сорокалетия я отпраздновал, устроив один из тех любительских спектаклей, которыми так славится мой дом в Бэкнеме. Пьесу, как обычно, я написал сам,— это была сказка в трех действиях и ее сюжет строился на том, что герой, молодой персидский принц, владел волшебным рогом. Мои произведения настолько хорошо известны, что вряд ли есть необходимость подробно рассказывать содержание сказки. Следует только напомнить читателю, что в центральной сцене второго акта праздник нарушается звуками рога, доносящимися из недр магнитной горы, куда принца заточила злая фея. Изобразить звуки рога должен был музыкант, игравший на корнет-а-пистоне* в оркестре моего полка; мы условились, что он будет находиться не на сцене, а внизу, в холле, чтобы создать необходимое впечатление, будто звуки доносятся очень издалека.

Вечер начался замечательно. Конечно, мои гости испытали вполне естественное разочарование, узнав, что я сам не играю в спектакле, но охотно простили меня, когда я извинился и в свое оправдание сослался на то, что мне приходится выполнять двойные обязанности — хозяина и режиссера. Лучшее место в зрительном зале занимала красавица Линда Фицнайтингейл. Соседним стулом, который я предназначал для себя, весьма бесцеремонно завладел Порчерлестер из двенадцатого пехотного полка, довольно милый молодой человек, наделенный некоторыми музыкальными способностями и сладеньким баритоном, который он имеет слабость выдавать за тенор.

Любовь Линды к музыке граничит с фанатизмом, поэтому благодаря своему единственному достоинству Порчерлестер имел в ее глазах преимущество перед более солидными и зрелыми мужчинами. Я твердо решил прервать их беседу, как только освобожусь. Но это случилось не так скоро, ибо в дни домашних спектаклей я взял себе за правило лично проверять, все ли необходимое находится под рукой и на своем месте. Наконец

мисс Ватерлоо, игравшая роль героини, пожаловалась, что моя беготня действует ей на нервы, и попросила меня пойти в зал отдохнуть. Я охотно подчинился и поспешил в зал к Линде. При моем появлении Порчерлестер встал и произнес:

— Я заглянул бы за кулисы, если, разумеется, туда пускают посторонних.

— О, конечно! — сказал я, радуясь, что избавлюсь от него. — Но, пожалуйста, ничего не трогайте. Малейшая перестановка...

— Хорошо-хорошо, — перебил он меня. — Я знаю вашу мнительность. Я буду все время держать руки в карманах.

— Вы напрасно позволяете ему так непочтительно разговаривать с собой, полковник Грин, — заметила Линда, когда он ушел. — И он непременно натворит там Бог знает что.

— Юношеская непосредственность, — сказал я. — Точно так же Порчерлестер ведет себя и с генералом Джонстоном, а тот уже далеко не молод. Ну, а как продвигаются ваши музыкальные занятия?

— Сейчас я брежу Шубертом. Ах, полковник Грин, вы знаете «Серенаду» Шуберта?

— О да, прелестная вещь! Ди-ди-ди-дам, ди-ди-ди-ди-дам, ди-дам, ди-дам, ди-ди-ди-ди-ди — кажется, что-то в этом роде?

— Да, пожалуй. А мистер Порчерлестер поет ее?

— Пытается. Но ему удаются только пошленькие романсы. А то, что требует серьезного отношения, глубины чувства, зрелого понимания, как, например...

— Да, да. Я знаю, вы считаете мистера Порчерлестера легкомысленным. Так вам нравится эта серенада?

— Гм!.. Собственно говоря... А вам она нравится?

— Я ее обожаю. Я очарована ею. Я только ею живу последние три дня.

— Должен признаться, я всегда находил ее необычайно красивой. Надеюсь, я буду иметь удовольствие услышать ее в вашем исполнении по окончании нашего маленького спектакля.

— В моем исполнении! О, я не осмелюсь! А вот и мистер Порчерлестер. Сейчас я возьму с него слово, что он споет ее нам.

— Грин, — посмеиваясь, сказал Порчерлестер, — мне не хотелось бы напрасно тревожить вас, но человек, который должен играть на волшебном роге, не явился.

— Боже мой! — воскликнул я.— Ведь я приказал ему быть ровно в половине восьмого. Если он не придет, пьеса погибла.

Поспешно извинившись перед Линдой, я торопливо спустился в холл. Корнет-а-пистон лежал там на столике. Значит, Порчерлестер прибег к бесчестному обману, чтобы избавиться от меня. Я уже хотел вернуться и потребовать объяснений, но тут мне в голову пришла мысль, что корнетист мог оставить здесь свой инструмент после утренней репетиции, а сейчас и в самом деле не пришел. Однако слуга, которого я позвал, доложил мне, что солдат с военной точностью явился ровно в половине восьмого. Согласно моему приказанию, его провели в смежный с холлом зал, где был накрыт ужин, и дали ему стакан вина и сандвич. Значит, Порчерлестер обманул меня. Слуга вернулся к своим обязанностям, оставив меня в холле наедине с моим гневом, и тут, сам не знаю почему, я принялся разглядывать блестящий медный инструмент, лежащий на столе. Среди неодушевленных предметов, которые окружали меня, корнет как-то особенно выделялся своей молчаливостью и неподвижностью, как будто, затаив грозный звук, он намеренно поджидал случая выпустить его на волю. Я подкрался к столу и осторожно дотронулся указательным пальцем до одного из клапанов. Потом осмелел и нажал на него. Клапан щелкнул. Из зала донесся какой-то шорох, и я с виноватым видом отскочил от корнета. Зазвенел колокольчик суфлера, означавший, что корнетист должен приготовиться. Я не без смущения ждал появления оркестранта, моля Бога, чтобы он не заметил, что я, как ребенок, трогал его инструмент. Но он не появлялся. Мое беспокойство усилилось, и я бросился в зал. Там во главе накрытого к ужину стола сидел солдат и спал непробудным сном. Рядом с ним стояли пять пустых графинов. Я схватил его за плечо и сильно встряхнул. Он что-то промычал, пьяно замахнулся на меня и вновь впал в бесчувственное состояние.

В гневе поклявшись расстрелять его за этот бунт, я поспешил назад в холл. Колокольчик зазвенел снова. Это был сигнал трубить. На сцене ждали. В этот роковой миг я видел только один путь спасти пьесу. Я схватил инструмент, взял тонкий конец в рот и изо всей силы дунул. Но тщетно — в ответ не раздалось ни звука. Мне стало дурно от напряжения; полированная медь выскальзывала из

моих вспотевших рук. Колокольчик вновь настойчиво нарушил губительную тишину. Тогда я сжал корнет, словно в тисках, набрал воздуха, прижал мундштук к губам так, что даже зубы занули, и с остервенением плюнул в него. Раздался оглушительный рев. У меня чуть не лопнули барабанные перепонки; на люстре зазвенели хрустальные подвески; с вешалки посыпались шляпы; я сжал ладонями раскалявавшиеся от боли виски, и тут солдат — такой бледный, словно трубный глас пробудил его в день Страшного суда,— пошатываясь, вышел из зала и предстал взорам изумленных гостей, высыпавших на лестницу.

В течение трех следующих месяцев я изучал искусство игры на корнет-а-пистоне под руководством специалиста. Он раздражал меня своими мещанскими манерами и утомительной привычкой повторять, что «трубка», как он называл корнет, больше, чем любой другой инструмент, напоминает человеческий голос, но музыкант он был знающий и добросовестный, и я упорно продолжал занятия, невзирая на возражения соседей. Наконец я осмелился спросить его, достаточно ли я преуспел, чтобы сыграть соло для одного своего друга.

— Видите ли, полковник,— ответил он,— по правде говоря, у вас нет природного таланта, во всяком случае, пока что он у вас еще не проявился. Да к тому же вы слишком сильно дуете. Поверьте, сэр, тут не нужно так напрягаться, от этого звук только хуже. А что вы хотите сыграть для своего друга?

— Одну вещь... «Серенаду» Шуберта.

Он изумленно уставился на меня и покачал головой.

— Она же написана не для этого инструмента, сэр,— сказал он.— Вы никогда ее не сыграете.

— Как только я исполню ее без ошибок, вы получите пять гиней* сверх обычной платы.

Это рассеяло его сомнения. Но даже после усердной практики я исполнял серенаду весьма неуверенно и с большим трудом. Наконец я все-таки добился успеха.

— На вашем месте, полковник,— сказал мой наставник, кладя в карман пять гиней,— я бы приберег этот мотив для себя, а друзьям сыграл бы что-нибудь попроще. Здесь, дома, вы играете довольно прилично, поупражнявшись перед этим полчаса, но, когда меня не будет рядом, дело пойдет не так гладко, вот увидите.

Я не принял всерьез этого совета, разумность которого теперь полностью признаю. Но в то время я был весь во власти давно задуманного плана сыграть Линде серенаду. Ее дом в северном конце Парк-Лейн расположен как нельзя более удобно для этой цели; я уже подкупил слугу, чтобы он впустил меня в палисадник перед домом. Как-то в конце июня я узнал, что Линда намерена провести вечер дома и отдохнуть от светской суеты. Это и был тот случай, которого я ждал. В девять часов я положил корнет в дорожный сак и поехал к Мраморной Арке, а дальше пошел пешком. Внезапно я услышал голос Порчерлестера.

— Здравствуйте, полковник! — окликнул он меня.

Не желая подвергаться расспросам, я предпочел опередить его и спросил, куда он направляется.

— Я иду к Линде, — ответил он. — Она вчера дала мне понять, что нынче будет одна весь вечер. Я не скрываю от вас этого, полковник, потому что вы человек чести и знаете, как она добродетельна. Я обожаю ее. Если бы только я мог быть уверен, что ей нравлюсь я сам, а не просто мой голос, я был бы счастливейшим человеком в Англии.

— Я убежден, что ваш голос тут ни при чем, — сказал я.

— Благодарю вас, — воскликнул он, крепко сжимая мне руку, — это очень любезно с вашей стороны, но я не смею тешить себя надеждой, что вы правы! Когда я смотрю на нее, у меня аж дух захватывает. Вы знаете, я так ни разу не набрался храбрости спеть ей «Серенаду» Шуберта после того, как она сказала, что это ее любимая вещь!

— Почему? Ей не нравится, как вы поете «Серенаду»?

— Да нет, я же говорю вам, что ни разу не осмелился спеть ее при Линде, хотя она меня всегда об этом просит. Я чуть ли не ревную ее к этой проклятой мелодии! Но я готов сделать что угодно, лишь бы доставить ей удовольствие, и завтра ее ждет сюрприз у миссис Локсли-Холл. Я даже брал уроки, я работал над «Серенадой» в поте лица, зато уж теперь, кажется, могу быть доволен. Только, если увидите Линду, помните: ни слова об этом. Пусть это будет сюрпризом.

— Вы, несомненно, поразите ее, — сказал я, торжествуя при мысли, что он опоздает на сутки. Я знал, что его голос не выдержит сравнения с меланхолической нежностью, угрожающей мрачностью, сдержанной силой, которые искусный исполнитель способен извлечь из инстру-

мента, лежащего в моем саке. Мы простились, и он вошел в дом Линды. Через несколько минут я был в палисаднике и, укрывшись в тени кустов, смотрел на них — они сидели возле открытого окна. Их разговор не доносился до меня; казалось, Порчерлестер никогда не уйдет. Вечер был довольно прохладный, а земля сырая. Пробыло десять часов, четверть одиннадцатого, половину одиннадцатого; я уже почти решил идти домой. Если бы Линда не сыграла на рояле несколько пьес, я бы просто не выдержал. Наконец они поднялись, и теперь я мог разобрать, что они говорили.

— Нет, нет,— сказала она,— вам пора идти. (Как горячо я согласился с ней!) Но вы могли бы спеть мне серенаду. Ведь я вам сыграла целых три пьесы.

— Я ужасно простужен,— сказал он.— Нет, я в самом деле не могу. Спокойной ночи.

— Какой вздор! Вы вовсе не простужены. Но не важно. Больше я никогда об этом не попрошу. Спокойной ночи, мистер Порчерлестер.

— Не сердитесь на меня,— сказал он.— Вы услышите, как я ее пою, и, может быть, раньше, чем думаете.

— О, как многозначительно вы это произнесли! Раньше, чем я думаю! Если вы приготовили мне сюрприз, я вас прощу. Надеюсь, мы увидимся завтра у миссис Локсли-Холл.

Он подтвердил это и поспешил уйти, видимо боясь выдать свой план. После его ухода она подошла к окну и залюбовалась звездами. Глядя на нее, я забыл о своем нетерпении; зубы мои перестали лязгать. Я вынул корнет из сака. Линда вздохнула, закрыла окно и опустила белую штору. Одного вида ее руки в этот миг было достаточно, чтобы я превзошел все свои прежние достижения. Линда села у окна, и я увидел на шторе ее тень. Она сидела ко мне боком. Мой час настал. Парк-Лейн почти затихла, а Оксфорд-стрит была слишком далеко, и шум движения не мешал мне.

Я начал. При первой же ноте Линда вздрогнула и прислушалась. Когда я закончил фразу и стало ясно, что именно я играю, она отложила книгу. Мундштук был холодный, как лед, губы у меня замерзли и не повиновались, поэтому, несмотря на величайшие старания, я никак не мог избежать тех хриплых, булькающих звуков, которые порой возникают даже у лучших корнетистов. Тем не менее, хотя я продрог и очень нервничал, спра-

вился я со своей задачей весьма прилично. Преисполняясь все большей уверенности в своих силах по мере того, как дело подвигалось к концу, я частично загладил несовершенство начала властной звучностью заключительных тактов, и даже добился неплохой трели на предпоследней ноте.

По возгласам одобрения, которые донеслись с улицы, когда я кончил, мне стало ясно, что там собралась толпа и что о немедленном бегстве не может быть и речи. Я положил корнет в сак и стал ждать, чтобы толпа рассеялась и можно было уйти. А пока я не отрывал глаз от тени в окне. Она писала. Неужели, подумал я, она пишет мне? Потом она поднялась; тень закрыла все окно, и я уже не мог различить ее движений. Я услышал звон колокольчика. Через минуту дверь дома отворилась. Я отступил за кадку с алоэ, но, узнав подкупленного мной слугу, тихо свистнул. Он подошел ко мне с письмом в руке. Сердце у меня забилося, когда я увидел его.

— Все в порядке, сэ, — сказал он. — Мисс Линда велела передать вам это письмо; но вы не должны распечатывать его, пока не придете домой.

— Значит, она знала, что это был я? — сказал я в восторге.

— Думаю, что да, сэ. Когда она позвонила, я постарался, чтобы никто другой меня не опередил. Она сказала мне: «Вы найдете в саду джентльмена. Отдайте ему эту записку и попросите его идти домой. Он не должен читать ее здесь».

— А на улице еще есть народ?

— Все разошлись, сэ. Благодарю вас, сэ. Спокойной ночи, сэ.

Я бежал до самой Гамильтон-Плейс, а там взял кэб. Десять минут спустя я был у себя в кабинете и дрожащими руками разворачивал письмо. Оно было без конверта, просто аккуратно сложено. Я развернул его и прочел:

«714, Парк-Лейн,
пятница.

Дорогой мистер Порчерлестер...»

Я остановился. Неужели она приписала ему мою серенаду? Но тут возникал куда более важный и неотложный вопрос: имею ли я право читать письмо, адресованное не мне? Однако любопытство и любовь взяли верх над щепетильностью. Дальше в письме говорилось:

«Весьма сожалею, что мое увлечение «Серенадой» Шуберта Вам представилось всего лишь поводом для насмешек. Я понимаю, это увлечение может показаться странным, но я бы не рассказала Вам о нем, если бы не была уверена, что Вы способны его понять. Если Вам доставит удовольствие узнать, что Вы совершенно излечили меня от него, то поверьте: отныне «Серенада» не будет вызывать у меня ничего, кроме смеха и горечи. Я даже не подозревала, что человеческое горло может издавать подобные звуки, и, конечно, не догадывалась, какое представление Вы собираетесь устроить, когда Вы пообещали, что я услышу Ваш голос раньше, чем ожидаю. Еще только одно слово: прощайте! Я не буду иметь удовольствия встретиться с Вами у миссис Локсли-Холл, так как очень занята и не смогу быть у нее. По той же причине, к сожалению, я вынуждена отказаться от удовольствия принимать Вас у себя в этом сезоне.

Искренне Ваша, дорогой мистер Порчерлестер,
Линда Фицнайтингейл».

Я почувствовал, что переслать это письмо Порчерлестеру значило бы причинить ему лишнюю боль. Я понял также, что мой наставник был прав и что я не рожден для игры на корнет-а-пистоне. И я решил оставить этот инструмент.

Линда стала моей женой. Иногда я спрашиваю ее, почему она упорно отказывается принимать Порчерлестера, который дал мне слово офицера и джентльмена, что не знает, чем и когда он мог оскорбить ее. Но она каждый раз уклоняется от ответа.



ДОН-ЖУАН ОБЪЯСНЯЕТ

Для того чтобы вы почувствовали весь аромат моей маленькой истории, я должна с самого начала упомянуть, что я очень хорошенькая женщина. Если, по-вашему, мне неприлично так говорить, то вам следует обратиться к рассказам тех, чьи представления о женской скромности совпадают с вашими. Моя красота доказывается тем, что мужчины бросают на ветер немало времени и денег, выставляя себя на посмешище ради меня. Вот почему, хотя я всего лишь провинциальная красавица, я разбираюсь в тонкостях ухаживания и флирта не хуже любой другой женщины моего возраста и могу заранее предсказать — если вы из тех мужчин, которых я привлекаю, — что вы станете мне говорить и как вы станете это говорить во время нашей первой беседы, или второй, или третьей и так далее. Я много раз была помолвлена и иногда расторгала помолвку сама, когда думала, что он этого хочет, а иногда заставляла его сделать это, давая понять, что я так хочу. В первом случае сожалела я, во втором — он; впрочем, несмотря на всю боль разрыва, возникавшее при этом чувство облегчения было совершенно одинаково у обеих сторон.

Я полагаю, теперь вы — кто бы вы ни были — вполне поняли мой характер или, по крайней мере, так вам кажется. Что же, тешьтесь этой мыслью сколько хотите. Но позвольте сказать вам, что флирт — это единственное развлечение, которого мне никогда не приходилось искать и которому я никогда не должна была учиться. Я люблю платья, танцы и теннис, о чем вы уже догадались. Кроме того я люблю хорошую музыку, хорошие книги, ботанику, люблю сельские работы и люблю учить детей, о чем вы не догадывались. И если в наших краях я больше известна как красавица и кокетка и гораздо меньше как ботаник и учительница, то лишь потому, что все твердо убеждены, будто мое назначение в жизни — поиски хорошей партии, и только. Мужчины, даже самые лучшие из них, ищут моего общества единственно для

того, чтобы пожирать меня глазами, а вовсе не для того, чтобы упражнять свой ум. Сначала мне нравилось ощущение власти, которая давала мне возможность мучить их; но потом я поняла, что эти мучения им нравятся, как детям нравится, когда их щекочут, и пользоваться этой властью — значит напрягать все силы, чтобы забавлять их. Если бы не глупые мальчики, которые не пожирали меня глазами, а были в самом деле влюблены — бедняжки! — и не два-три чопорных педанта, которые всегда готовы заниматься ботаникой и играть басовую партию в переложениях симфоний Гайдна для двух фортепьяно, я могла бы считать часы, проведенные в мужском обществе, самыми скучными и утомительными в моей жизни.

Как-то вечером в октябре я получила телеграмму из столицы нашего графства (двадцать пять миль по железной дороге) от одних знакомых, которые сообщали, что у них есть ложа в оперу и лишнее место для меня. (Если вы лондонец, то мне следует упомянуть, что оперные и другие труппы ездят в провинцию на гастроли и часто их принимают там гораздо лучше, чем в Лондоне.) Времени было в обрез. Я бросилась в спальню, навела красоту, наспех выпила чашку чаю и успела к поезду шесть пятьдесят. Я ехала одна: если бы я не могла ходить без провожатых, мне просто пришлось бы все время сидеть дома. Мои братья слишком заняты, чтобы быть моими лакеями; отец и мать — люди пожилые, большие домоседы, и нельзя требовать, чтобы они жертвовали своим покоем ради развлечений дочери и ложились спать за полночь, а что касается горничной, то мне достаточно хлопот с самой собой, и я не могу заботиться еще об одной взрослой женщине. Кроме того в наших местах в поезде чувствуешь себя как дома: каждый кондуктор на линии знает пассажиров так же хорошо, как свою собственную семью. Вот почему вы совершенно напрасно усматриваете здесь нарушение благопристойности — да, я часто езжу в город по железной дороге, подъезжаю к театру, нахожу ложу моих знакомых, еду обратно на станцию и в довершение всех моих грехов сажусь в одиннадцатичасовой поезд, то есть возвращаюсь домой ночью, и все это без компаньонки или провожатого.

Давали «Дон-Жуана», и, разумеется, спектакль был отвратительным обманом. Таково большинство оперных спектаклей — для тех, кто настолько хорошо разбирается

в музыке, что способен читать оперные партитуры, как другие читают Шекспира. Дон-Жуана пел самодовольный француз с невыразительным, глухим, гнусавым голосом и таким тремоло, что он ни одной ноты не держал достаточно долго, чтобы можно было понять, есть она в мелодии или нет. Лепорелло был толстый, вульгарный итальянский комик, который не пел, а кричал. Тенор, худой, как жердь, пропустил арию «Dall sua расе», не надеясь справиться с ней. Партии Мазетто и Командора исполнял один и тот же певец,— судя по всему, помощник режиссера. Что касается женщин, то донну Анну изображала пятидесятилетняя толстуха, у Эльвиры было пронзительное, задыхающееся «драматическое» сопрано, и каждый раз, когда она забиралась выше фа диез, я ждала, что она совсем сорвет голос; Церлина, начинающая певица, взятая в испытательную поездку, закончила «Batti, batti» и «Vedrai carino» каденциями из сцены сумасшествия Лючии* и по требованию публики бисировала и то и другое. Оркестр был усилен местными любителями, а медь заимствована у оркестра 10-го гусарского полка. Все были в восторге от оперы, а когда я сказала, что я его не разделяю, они ответили: «О! Вы так строги, на вас трудно угодить. Не кажется ли вам, что своей взыскательностью вы только лишаете себя многих удовольствий?» И музыку Моцарта играют для таких идиотов!

Когда помощник режиссера и француз под звуки труб 10-го гусарского полка и криканье толстяка провалились в яму, из которой вырывались языки красного пламени, я, возмущенная и разочарованная, пошла к выходу, удивляясь, почему люди не жалеют денег, чтобы послушать оперу, изуродованную и поставленную так плохо, как никто не позволил бы поставить современную комедию или фарс «Бокс и Кокс»*. Когда мы вышли, лил страшный дождь; мы прождали минут десять, прежде чем удалось найти для меня кэб. Эта задержка встревожила меня, потому что я боялась опоздать на последний поезд; все же я успела вскочить в вагон за три минуты до отправления и немного успокоилась, но, когда кондуктор запер меня одну в купе первого класса, настроение у меня все еще было не очень веселое.

Сначала я уселась в угол и попыталась заснуть. Но едва поезд отошел от станции, как ударил колокол, предупреждая о тумане, и мы остановились. Пока я, разбуженная и очень недовольная, ждала, когда мы снова тро-

немся, тоскливый стук дождя по стеклу заставил меня повернуться к окну, где в черной как смола ночи я не увидела ничего, кроме отражения купе, включая, конечно, и себя. Никогда в жизни не выглядела я прелестнее. Я была прекрасна в полном смысле этого слова. Сначала я испытала тщеславное удовольствие. Потом огорчилась, что мое очарование пропадает понапрасну, раз в вагоне нет никого, кто мог бы посмотреть на меня. Если вы, дорогой читатель, никогда не задумывались о таком предмете, как внешняя привлекательность, то позвольте объяснить вам, что даже самые красивые и интересные люди кажутся такими только время от времени. Бывают печальные дни, когда на вас, в общем, не стоит смотреть, и счастливые дни, когда вы неотразимы и сами испытываете волнение, видя в зеркале свое лицо и глаза. Но так выглядишь не каждый день: никаким количеством мыла, воды, краски, пудры, никаким вниманием к прическе и туалету нельзя этого добиться. Зато когда это случается, право же, стоит жить на свете, если только вы не лишаетесь всей славы (как это было со мной в тот раз, о котором я рассказываю) из-за того, что находитесь в какой-нибудь глуши, или одна, или в кругу близких, которым, естественно, нет никакого дела до вашей внешности. Во всяком случае, я была так счастлива, что даже не простудилась, хотя я всегда подхватываю насморк, когда возвращаюсь домой поздно и не в духе.

Наконец раздалось сильное лязганье цепей и стук буферов; это означало, что товарный поезд освободил нам путь. Мы дернулись и поехали; я села в своем углу лицом к окну и получше всмотрелась в свое отражение. Не забудьте: я больше не закрывала глаз ни на минуту; я бодрствовала так же, как и сейчас. Я думала о множестве разных вещей; опера продолжала звучать в моих ушах; помню, мне пришло в голову, что, если бы Дон-Жуан встретился мне, я смогла бы понять его лучше, чем другие женщины, и из нас получилась бы хорошая пара. Во всяком случае, я не сомневалась, что он не обманул бы меня так же легко, как обманывал их, в особенности если он был похож на француза с тремоло. Однако в жизни Дон-Жуан мог быть совершенно иным, ибо я знала по опыту, что люди, которыми много восхищаются, часто не способны устоять против лести или настойчивости, отчего то и дело оказываются втянутыми в любовную интри-

гу с теми, на кого они никогда не обратили бы внимания, если бы их к этому не вынудили.

Дойдя до этого в своих мыслях, я обернулась — не знаю почему, во всяком случае у меня не было ни малейшего подозрения, что я могу увидеть в купе кого-то или что-то неожиданное, — и оказалось, что прямо против меня сидит джентльмен, закутанный в плащ из прелестной тонкой ярко-красной с коричневым ткани; плащ этот очень изящно облегал его и к тому же, насколько я могла судить, был из тех, которым нет износа. На голове у джентльмена была великолепная шляпа из превосходного черного фетра, круглая, с большими полями. Сапоги, доходившие до колен, были сделаны из мягкой лайки цвета спелого терновника; я никогда не видела ничего подобного, если не считать туфель, которые я купила однажды в Париже за сорок франков и которые были мягкими, как кожа ребенка. И чтобы завершить его портрет, надо упомянуть шпагу с золотым эфесом без всяких украшений, но такой формы, что нельзя было спокойно смотреть на это сокровище.

Трудно сказать, почему я заметила все это, еще не задумавшись о том, как он попал сюда; но это было именно так. Возможно, конечно, что он возвращался с костюмированного бала и вошел в купе, когда поезд стал, отъехав от станции. Но вот я осмелилась искоса бросить взгляд на его лицо — разумеется, опытная молодая женщина не станет сразу же пристально смотреть прямо в глаза мужчине, оказавшись наедине с ним в купе, — и все мои глупые предположения улетучились в тот же миг. Это было твердое, спокойное, благородное лицо; глаза смотрели поверх моей головы в пространство. Я почувствовала себя маленькой и жалкой, хотя и вспомнила со смиренной благодарностью, что выгляжу на редкость одухотворенно. Затем я подумала, что обрадовалась напрасно: ведь он всего-навсего мужчина. Не успела я додумать до конца эту греховную мысль, как меня охватил внезапный ужас и я уже была готова броситься к сонетке, но тут он, слегка нахмурившись, словно я его потревожила, впервые показал, что замечает мое присутствие.

— Прошу вас, успокойтесь, — сказал он тихим приятным голосом, очень гармонизировавшим с его лицом, не обращая на мою привлекательность никакого внимания (это я заметила даже в тот момент), словно я была непо-

слушной девочкой лет десяти или одиннадцати.— Вы здесь одна. Я всего лишь то, что вы называете привидением, и у меня нет ни малейшего намерения докучать вам.

— Привидение,— пролепетала я, стараясь собраться с духом и делая вид, что не верю в привидения.

— Вы убедитесь в этом, коснувшись веером моей руки,— холодно сказал он, подставляя мне локоть и глядя на меня в упор.

Мой язык прилип к гортани. Мне пришло в голову, что, если я не преодолею охвативший меня ужас, мои волосы поседеют, а хуже этого не может быть ничего на свете. Я приложила сложенный веер к его рукаву. Веер прошел сквозь него так, как будто руки не было, и я вскрикнула, словно это был нож, пронзивший мое тело. Мой спутник брезгливо поморщился и сказал уничтожающе:

— Мое присутствие беспокоит вас, а потому мне лучше перейти в другой вагон.

И, вероятно, он тотчас исчез бы, но тут я пролепетала чуть не со слезами, пытаясь схватить его за край неосязаемого плаща:

— О нет, пожалуйста, не уходите! Теперь, после того как я увидела вас, я не отважусь остаться здесь одна.

Нельзя сказать, чтобы он улыбнулся, но его лицо смягчилось, и он поглядел на меня с жалостью и в то же время с интересом.

— Я останусь с вами, если это избавит вас от лишних волнений,— сказал он.— Но вы должны вести себя, как подобает благовоспитанной даме, а не поднимать крик.

Еще не изобретен микроскоп, в который можно разглядеть столь ничтожно малое существо, каким я почувствовала себя тогда.

— Извините меня, сэр,— сказала я смущенно.— Обычно я никогда не кричу.

Он пропустил мое извинение мимо ушей, и я добавила, чтобы переменить тему:

— Но так странно, что вам приходится пользоваться поездом.

— Почему?

— Разумеется, если подумать, то это не более странно, чем многое из того, что мы наблюдаем каждый день и воспринимаем как нечто само собой разумеющееся,— сказала я, стараясь как-то показать ему, что я действительно благовоспитанная дама.— Но разве вы не може-

те летать быстрее, то есть, я хочу сказать, с большей скоростью?

— «Летать»! — повторил он с недоумением. — Разве я птица?

— Нет, сэръ, но я думала, что привидение может... не совсем летать, но каким-нибудь образом проецировать себя в пространстве, если оно... он... вы соответствующим образом настроены на время и пространство. — Не успела я договорить, как почувствовала, что это звучит очень сухо и чопорно.

Но чопорность ему как будто не претила. Он ответил вполне любезно:

— Да, я настроен именно так. Я могу передвигаться с места на место — проецировать себя, как вы выразились. Но поезд избавляет меня от хлопот.

— Но ведь это так медленно.

— Мне некуда торопиться: в моем распоряжении вечность.

Я поняла, как глупо с моей стороны было не сообразить этого.

— Конечно, — сказала я. — Простите мою тупость.

Он снова нахмурился и слегка тряхнул плащом. Потом сказал строго:

— Я готов ответить на ваши вопросы и помочь вам, насколько хватит моих способностей и осведомленности. Но должен сказать вам, что мне скучны извинения, оправдания, раскаяния и ненужные объяснения. Будьте любезны запомнить, что вы ничем не можете обидеть, оскорбить или разочаровать меня. Если вы глупы или неискренни, мой разговор с вами будет бесполезен, только и всего.

Оправившись после этого выговора, я рискнула спросить:

— Должна ли я задавать вам вопросы? По традиции надо расспрашивать приви... людей с... леди и джентльменов с того света.

— «С того света»? — повторил он удивленно. — С какого «того света»?

Я почувствовала, что краснею, но не посмела оправдываться.

— Да, вы должны задавать привидениям вопросы по той причине, что они совершенно не испытывают желания разговаривать с людьми, — сказал он. — А кроме того у них с вами слишком мало общего, чтобы они могли сами догадаться, что вас интересуется. В то же время, по-

сколько правом на знание обладают все, ни одно привидение, если это не вор и не скряга по натуре, не откажет в ответе спрашивающему. Но не ждите, чтобы мы сами начали пустой разговор.

— Почему?

— Потому что у меня нет ни малейшего желания быть вам приятным.

— Простите,— сказала я,— но я никак не придумаю, о чем вас спросить. У меня было множество вопросов, если бы только я могла их вспомнить. Правда, те, которые приходят мне в голову, кажутся слишком личными и бестактными.

— Если они кажутся вам такими после того, как вы убедились в моей бесплотности, тогда вы, по всей вероятности, просто глупы,— ответил он тихо и мягко, как врач, беседующий с пациентом.

— Возможно,— сказала я, начиная сердиться.— Но если вы не хотите разговаривать вежливо, можете ваши знания оставить при себе.

— Указывайте мне, если что-либо в моих словах вас обижает, и я постараюсь впредь избегать этого,— ответил он, ничуть не раздражаясь.— Но, задавая свои вопросы, помните, что привидению, которому несколько столетий, и двадцатилетней девушке нет смысла спорить о хороших манерах.

Он был так восхитительно терпелив в своем презрении ко мне, что я сдалась. Кроме того я была на четыре года старше, чем он думал.

— Я хотела бы узнать, если можно,— сказала я,— кто вы такой, то есть кем вы были, и очень ли больно умирать. Конечно, если эта тема не будет для вас тягостна. Если же...

Он не стал ждать окончания моих нелепых извинений.

— Обстоятельства моей смерти были так своеобразны,— сказал он,— что, право, в этом вопросе я не компетентен. Я был испанским дворянином и значительно превосходил в духовном развитии большинство своих современников — мстительных, суеверных, жестоких, обжорливых, ревностно приверженных традициям своего сословия, грубых и глупых в любви, неискренних и трусливых. Они считали меня чудаком, легкомысленным человеком без твердых моральных устоев.

Я ахнула, пораженная его удивительным красноречием.

— Хотя я был последним в роде Тенорио и предки мои в течение многих поколений занимали высокие посты при дворе, я отказался терять время, служа титулованным лакеем, и, поскольку такой отказ был, по понятиям моего века и класса, чрезвычайно неприличным, считалось, что я покрыв себя позором. Но это меня очень мало беспокоило. У меня были деньги, здоровье и полная свобода. Больше всего я любил книги, путешествия и приключения. В юности и в первые годы зрелости благодаря своему равнодушию к общепринятым мнениям и насмешливой манере вести беседу я приобрел среди строгих блюстителей нравственности репутацию атеиста и распутника, хотя на самом деле я был просто начитанным и немного романтичным вольнодумцем. Изредка женщина поражала мое юное воображение, и я долго поклонялся ей на расстоянии, никогда не осмеливаясь искать знакомства с нею. Если случайно мы оказывались в одном обществе, я бывал слишком робок, слишком простодушен, слишком рыцарственно почтителен, чтобы воспользоваться тем, что, несомненно, было самым откровенным поощрением, и, в конце концов, награда доставалась более опытному поклоннику без единого слова протеста с моей стороны. Наконец одна знатная вдова, в доме которой я иногда появлялся и о чувствах которой ко мне не догадывался вовсе, доведенная до отчаяния моей тупостью, бросилась мне в объятия и призналась в своей страсти. Это было так неожиданно при моей неопытности и так польстило моему самолюбию, а сама она страдала столь очаровательно, что я был покорен. Я не мог решиться на такую грубость, как отказ; более того, около месяца я без утрызений совести наслаждался теми радостями, которые она дарила мне, и искал ее общества всякий раз, когда у меня в виду не было ничего другого. Это была моя первая любовная интрига; но хотя вдова почти два года не имела оснований подозревать меня в неверности, романтичность, которой она окружала нашу связь и без которой не могла жить, стала казаться мне скучной, бессмысленной, надуманной и фальшивой, за исключением тех редких моментов, когда сила любви делала ее прекрасной душой и телом. К несчастью, едва мои иллюзии, робость и мальчишеский интерес к женщинам исчезли, как я стал для них неотразим. Вначале это меня забавляло, но вскоре превратилось в источник неприятностей. Я сделался причиной неистовой ревно-

сти; несмотря на весь мой такт, у меня не осталось ни одного женатого друга, с которым я рано или поздно не оказывался на волосок от дуэли без всяких к тому оснований. Мой слуга развлекался, составляя список покоренных мною женщин и даже не подозревая, что я никогда не пользовался плодами таких побед и — более того — что предпочтение, которое я выказывал молодым и незамужним своим поклонницам и над которым он подшучивал, насколько осмеливался, было вызвано тем, что их невинность и застенчивость защищали меня от прямых атак, предпринимавшихся без малейшего стеснения многими матронами, как только они замечали мое полное к ним безразличие. Неоднократно, чтобы выпутаться из неприятного положения, мне приходилось покидать очередной город, что, впрочем, было легко, ибо я привык путешествовать, но что вместе с тем, боюсь, создало мне сомнительную репутацию бродяги. С течением времени обо мне начали распространяться слухи, источником которых были глупые выдумки моего слуги, и, наконец, я прославился как неисправимый распутник, после чего стал еще притягательней для женщины, которой я страшился больше всего. Такая репутация растет, как снежный ком. Светские сплетни были полны самых невероятных историй обо мне. Моя семья порвала со мной, и у меня оставалось достаточно испанской надменности, чтобы презреть все попытки к примирению. Вскоре после этого я оказался вне закона. С одним из моих друзей была обручена глубоко набожная девица, дочь командора Севильи. Находясь под впечатлением того, что обо мне рассказывали, она питала ко мне крайнее отвращение, но мой друг, щадя мои чувства, скрывал это от меня. К несчастью, однажды я подумал, что мне следовало бы познакомиться с его будущей женой. И вот, памятуя о том, что род командора находился в свойстве с моим родом, я отважился нанести ей визит. Был поздний вечер, и, когда меня провели к ней, она в полумраке гостиной приняла меня за моего друга и заключила в объятия. Мои протесты вывели ее из заблуждения, но вместо того, чтобы извиниться за свою ошибку, о которой я сам догадался только впоследствии, она подняла крик и, когда прибежал ее отец с обнаженной шпагой, заявила, что я нанес ей оскорбление. Командор, не ожидая моих объяснений, сделал решительный выпад, явно намереваясь заколоть меня, и ему, несомненно, удалось бы это, если

бы я, защищаясь, не проткнул его насквозь. Впоследствии он признал, что был не прав, и теперь мы с ним друзья, особенно потому, что я не посягнул на лавры более искусного фехтовальщика, чем он, но без спора согласился, что роковой удар нанес ему в темноте и случайно. Чтобы не забегать вперед, скажу, что он умер меньше чем через пять минут после того, как я поразил его, и нам — моему слуге и мне — пришлось спастись бегством, чтобы с нами не расправились его домочадцы.

К моему несчастью, дочь командора была слишком добродетельна и мстительна даже для испанки-католички. Когда совет города Севильи воздвиг прекрасную конную статую в память о ее отце, она несколькими умело преподнесенными подарками добилась постановления, чтобы на одной из плит пьедестала была высечена надпись, гласящая, что командор молит небо покарать своего убийцу. Она принялась гонять меня с места на место, вынуждая судебных чиновников то и дело обращаться ко мне с просьбами покинуть подведомственные им области, дабы общественное мнение ее стараниями не заставило их выполнить свой долг и арестовать меня, невзирая на мое высокое положение. Кроме того она оказалась выйти замуж за моего друга, пока я не отвечу за свое преступление, как она это называла. Бедный Оттавио, человек мягкий и рассудительный, отнюдь не был огорчен, избавившись от вспыльчивого и деспотичного тестя, и прекрасно знал, что в случившемся она виновата не меньше меня. Поэтому при ней он клялся всеми святыми не вкладывать шпагу в ножны, пока не обагрит ее кровью моего сердца, а сам тайно сообщал мне обо всех ее действиях и, хотя он ходил за ней по пятам как собака, ибо был по-настоящему влюблен, прилагал все усилия, чтобы мы с ним не встретились. Наконец моя нелепая репутация, мои поклонницы и мои севильские преследователи так мне надоели, что я решил сразу со всем этим покончить, став добропорядочным женатым человеком. Надеюсь, что в Старой Кастилии женщины не столь неприлично влюбчивы, как в Андалузии, я поехал в Бургос и там завязал знакомство с молодой особой, которая заканчивала свое образование в монастыре. Когда я убедился, что она вполне порядочная девушка, не влюбленная ни в меня и ни в кого другого, я женился на ней. Моей целью было не счастье, а спокойствие и возможность иметь досуг для занятий. Но едва она догадалась —

инстинктивно, я полагаю,— что я женился не по любви и что я не очень высокого мнения о ее умственных способностях, как стала безумно ревнивой. Только те, кого постоянно выслеживает ревнивая жена или муж, знают, как невыносим такой шпионаж. Я терпел это, не говоря ни слова, и ей, разумеется, ничего не удалось обнаружить. Тогда она начала терзать себя, наводя справки через друзей, имевших корреспондентов в Севилье; от их сообщений ее ревность возросла до совсем уж невероятной степени, и я был вынужден поверить, что я действительно ее убиваю, как она это постоянно твердила. Однажды, отбросив сдержанность, которую мое присутствие обычно накладывало на нее, она потребовала, чтобы я либо сознался в своей неверности, либо доказал ей свою любовь, иначе она умрет. Но мне не в чем было сознаваться, а что касается моей любви к ней, то лишь крайнее нежелание оскорблять кого бы то ни было давало мне силы скрывать, как она к этому времени мне надоела. Оставалось только бежать, иного выхода не было. За некоторое время до этого я отослал своего слугу, чтобы угодить Эльвире, так как ей казалось, будто он носит письма от меня к моим воображаемым любовницам; но он по-прежнему находился у меня на жалованье и был всегда готов продолжать наши странствия, особенно с тех пор, как сам чуть не женился в результате какой-то глупой интрижки. Получив мое письмо, он явился к нам в дом, внушил моей жене подозрение, что у меня после обеда назначено свидание в соборе, и, пока она подкарауливала меня там, уложил пистолеты и смену белья и еще засветло присоединился ко мне на дороге в Севилью. От Бургоса до Севильи по прямой сто испанских лиг, и, поскольку в те дни не было железных дорог, я полагал, что моя жена не последует за мной так далеко, даже если и угадает, куда я поехал.

Когда я повернул коня на юг, Бургос показался мне мрачным застенком, логовом ханжей, каким он и был в действительности, а Севилья — сказочной страной. Мы благополучно добрались до нее, но вскоре я заметил, что удача больше не сопутствует мне. Через несколько дней после нашего прибытия я увидел на улице даму, которая была чем-то расстроена. Я подошел к ней, чтобы предложить помощь, и узнал свою жену. Она потребовала объяснений, но я ничего не мог ответить, понимая, какой грубой и непостижимой должна показаться ей правда. В

отчаянии я пробормотал, что Лепорелло ей все расскажет, а сам ускользнул, едва он заговорил с ней. Как только я скрылся, этот мошенник, опасаясь, что в случае нашего примирения ему придется вернуться со мной в Бургос, показал ей составленный им когда-то список моих побед — там значились тысяча и три женщины в одной Испании и множество в других странах, где я никогда не бывал. Эльвира, которая считала ложью всякую правду обо мне, отнеслась к этой немыслимой цифре — тысяча и три — с полным доверием. Среди прочих в этом списке стояли имена шести женщин, которые были страстно влюблены в меня, и еще пятнадцати, которым я сделал два-три комплимента. Все остальное было выдумкой, причем многие имена слуга списал из конторских книг своего отца, владельца винной лавки.

Сделав все возможное, чтобы окончательно рассорить меня с моей женой, Лепорелло попросту удрал от нее. Я же удалился в свой загородный дом и попытался развлечься в обществе крестьян. Их простота сначала занимала меня, но вскоре стала действовать удручающе. К тому же невезение продолжало меня преследовать. Однажды, прогуливаясь по выгону, я столкнулся лицом к лицу с дочерью командора, все еще одетой в глубокий траур, который был ей совсем не к лицу, и с бедным Оттавио, шедшим за ней по пятам. К счастью, при дневном свете она меня не узнала, и я мог бы пройти мимо, сказав несколько вежливых фраз и незаметно обменявшись знаками с Оттавио, но тут неизвестно откуда появилась моя жена и в бешенстве принялась осыпать меня брашью. Если бы она хоть немного владела собой, она первым же словом выдала бы меня невесте Оттавио донне Анне. Но она совсем обезумела, о чем я заявил вслух; тогда она бросилась бежать, что-то громко выкрикивая, а я последовал за ней.

Скрывшись таким образом от Анны и понимая, что ничем не в силах помочь Эльвире, я поспешил домой. В тот вечер по случаю свадьбы двух моих арендаторов я пригласил к себе на танцы знакомых крестьян, которые от души веселились на моих коврах, пользуясь моей мебелью и моим винным погребом. Если бы не это обстоятельство, я бы тотчас уехал. Теперь же я решил уехать на другой день рано утром. А пока надо было переодеться и полюбезнее принять моих гостей. Когда их первое смущение улеглось, они повели себя довольно шумно и буй-

но, но скоро мое внимание было отвлечено появлением трех масок, в которых я сразу узнал мою жену, Анну и Оттавио. Разумеется, я притворился, что они мне незнакомы, приветствовал их и продолжал танцы. Спустя некоторое время Оттавио ухитрился передать мне записку, сообщающую, что Анна внезапно вспомнила мой голос, отыскала Эльвиру и рассказала ей о своих обидах. Они сразу же подружились и настояли на том, чтобы пойти ко мне в маскараде и обличить меня в присутствии гостей. Оттавио не удалось отговорить их, и он мог предложить только одно: если я попробую бежать, он преградит мне путь со шпагой в руке, но постарается подыграть мне в той мере, в какой сможет это сделать под бдительным оком Анны.

К этому времени мое терпение истощилось. Я приказал Лепорелло зарядить пистолеты и держать их наготове. Затем я присоединился к танцующим, пригласив невесту, хотя до сих пор предпочитал держаться от нее подальше, так как жених был склонен к ревности, а она явно поддавалась роковому очарованию, которое помимо воли исходило от меня. Я попробовал пройтись с ней в менуэте, но из этого ничего не получилось. Тогда мы попытались вальсировать. Но и это оказалось не по силам сельской красотке. Зато контрданс она плясала с таким увлечением, что мне скоро пришлось усадить ее в кресло в одной из соседних комнат. Я заметил, что две прекрасные маски с большим волнением следили за нашим уходом. Тогда я повернулся к девушке и, впервые заговорив с ней *en grand seigneur*¹, приказал ей беспрекословно выполнять все, чего от нее потребуют. Затем я подошел к двери, закрыл ее и стал ждать. Вскоре вбежал Лепорелло и принялся умолять меня ради всего святого подумать о том, что я делаю, — гости уже начали перешептываться. Я велел ему дать девушке денег в награду за ее послушание. Он повиновался, и я сказал ей повелительным тоном: «Теперь вопи, как сто чертей». Она медлила, но Лепорелло, видя, что я не шучу, ущипнул ее за руку, и она завопила не как сто, а как тысяча чертей. В следующую минуту дверь рухнула под напором жениха и его друзей, и мы все беспорядочной толпой устремились назад в зал. Если бы не Оттавио, который, взяв на себя руководство событиями, размахивал шпагой и читал мне нравоучения,

¹ Как знатный господин (фр.).

они могли бы набраться смелости и напасть на меня. Я сказал ему, что если девушку кто и обидел, так это Лепорелло. Тут разразилась такая буря угроз и обвинений, что я на миг растерялся. Потом, вне себя от гнева, я бросился на них и, конечно, наделал бы бед, если бы Оттавио не продолжал упрямо преграждать мне дорогу. Наконец Лепорелло вытащил пистолеты, мы кинулись к двери, и он пустился бежать сломя голову. После некоторого колебания я последовал за ним; мы взяли лошадей на ближайшей почтовой станции и благополучно прибыли в Севилью.

Некоторое время затем я жил спокойно. Однажды вечером моя жена увидела меня из окна, но я отделался от нее несколькими любезностями, а потом закутал Лепорелло в свой плащ и послал к ней вместо себя. Будучи, подобно большинству ревнивых женщин, слишком эгоистичной, чтобы заподозрить, что она мне просто неприятна, она распространила слух, что я отправил ее с Лепорелло, желая в ее отсутствие поухаживать за служанкой — утверждение, для которого не было никаких оснований, но которому почти все поверили.

Теперь я подхожу к странному происшествию, которое привело к моей смерти. В тот же самый вечер Лепорелло, убежав от Эльвиры, встретился со мной на площади возле статуи командора, о которой я уже говорил в связи с надписью и муниципальным советом. Во время нашей беседы я случайно засмеялся. К моему изумлению, командор, или, вернее, статуя командора, тотчас выразил недовольство столь неприличным нарушением спокойствия. Лепорелло, отчетливо слышавший слова статуи, пришел в такой ужас, что, возмущенный его трусостью, я наконец заставил его подойти к пьедесталу и прочесть надпись, — так я часто направлял пугливую лошадь к предмету, вызывавшему у нее страх. Но надпись не успокоила бедного малого, и, когда я, желая свести дело к шутке, потребовал, чтобы он пригласил статую домой поужинать с нами, он принялся убеждать меня, что истукан в самом деле кивнул в знак согласия. Во мне проснулось любопытство. Внимательно глядя на статую, я медленно и отчетливо спросил ее, придет ли она на ужин. Статуя ответила «да» странным, каменным голосом, но не поблагодарила за приглашение, что удивило меня еще больше, так как командор, человек старых традиций, всегда был щепетилен до мелочей в вопросах эти-

кета. Я решил было, что заболелаю или схожу с ума; но потом, поскольку Лепорелло тоже слышал голос — подумал, что сплю и все это мне снится. Я находил только два правдоподобных объяснения случившемуся. Мы ничего не ели с самого утра, и, возможно, от голода у нас начались галлюцинации, которыми мы заразили друг друга. А может быть, кто-то просто подшутил над нами. Чтобы проверить это, я решил вернуться сюда на следующий день и тщательно осмотреть место. Пока же мы поспешили домой и набросились на ужин. Вскоре, к большому моему огорчению, в столовую ворвалась моя жена и вместо обычных упреков стала бессвязно призывать меня изменить образ жизни. Сначала я отвечал ей ласково, затем начал посмеиваться над ее истерическими страхами, желая успокоить. В конце концов, вне себя от возмущения, она выбежала из комнаты, но сразу же с воплями кинулась обратно и исчезла в направлении кухни. Лепорелло пошел посмотреть, что ее так напугало, и тут же вернулся, охваченный паническим страхом. Он, задыхаясь, пробормотал что-то о статуе и попытался запереть дверь. Затем раздался громкий стук. Я подумал, что дом горит и сторож пришел предупредить нас,— право же, ни один смертный, кроме сторожа, не способен стучать с такой силой. Я открыл дверь и увидел на пороге статую. Нервы мои не выдержали, и я отшатнулся, не произнеся ни слова. Статуя вошла за мной в комнату. Ее походка от долгого сидения на спине лошади была довольно неуклюжей, а поступь так сотрясала дом, что казалось, вот-вот пол проломится и статуя рухнет в подвал,— впрочем, я несколько не был бы огорчен этим, несмотря на солидный счет за ремонт дома. Предлагать статуе сесть не имело смысла: ни один стул в доме не выдержал бы ее тяжести. Не теряя времени она заговорила, и от звука ее голоса меня бросило в дрожь. Я пригласил ее к ужину, сказала она, и вот она явилась. Разумеется, я мог только ответить, что я очень рад, и, извинившись за то, что мы сели, не подождав ее, я велел Лепорелло накрыть стол заново, не совсем понимая, как может есть истукан, высеченный из каменной глыбы. Статуя сказала, что не будет беспокоить нас, но сама приглашает меня на ужин, если у меня хватит смелости пойти с ней. Не будь я так испуган, я бы вежливо отказался. Но тут я вызывающе заявил, что готов сделать что угодно и пойти куда угодно. Лепорелло исчез, однако я слышал, как под столом стучат

его зубы. Тогда статуя попросила меня дать ей руку, что я исполнил, по-прежнему пытаюсь держаться как герой. Когда ее каменная рука схватила мою, у меня вдруг заломило в висках и в спине, голова закружилась и я почувствовал томительную слабость. Я покрылся испариной, потерял способность координировать свои движения; предметы стали двоиться у меня в глазах, и я пошатнулся, точно страдал локомоторной атаксией. Перед глазами плясали какие-то странные видения. Мне чудилось, что статуя бессмысленно кричит: «Да, да!» — и я столь же бессмысленно начал кричать изо всех сил: «Нет, нет!», вообразив в бреду, что мы находимся в английском парламенте, где я однажды побывал во время своих путешествий. Тут статуя ступила на подгнившую доску, и пол не выдержал. Я пролетел вниз около двадцати пяти футов, потом мое тело отделилось от меня и понеслось к центру вселенной. Я вскрикнул и обнаружил, что я мертв и нахожусь в аду.

Здесь он впервые сделал паузу. Волосы у меня уже пять минут стояли дыбом. Я бы дорого дала, чтобы осмелиться закричать или выпрыгнуть из вагона. Но я только спросила, заикаясь, что же представляет собой то место, которое он сейчас упомянул.

— Если я и употребляю слово «место», — сказал он, — то лишь для того, чтобы мой рассказ был понятен, точно так же, как я принял знакомое вам обличье джентльмена в шляпе и сапогах, хотя все это предметы материального мира, к которому я не принадлежу. Вы меня понимаете?

— О, вполне! — сказала я. — Я люблю читать метафизические сочинения.

— В таком случае я предоставляю вам самой ответить на ваш вопрос при помощи логической цепи абстрактных рассуждений, а впоследствии у вас будет случай на опыте проверить верность ваших выводов. Достаточно сказать, что я обнаружил там общество, состоящее главным образом из людей вульгарных, истеричных, грубых, слабых, никчемных и полных самых лучших намерений — они поддерживали славу этого места, причиняя и себе, и друг другу столько неприятностей, сколько было в их силах. Мне они были скучны и противны; я тоже им не слишком нравился. Князь Тьмы не джентльмен. Его осведомленность и проницательность поистине удивительны, но он ничем не превосходит тех, кто его окружает. Он делал вид, будто ему нравится мое общество и беседы

со мной; я со своей стороны был вежлив и старался, чтобы он не почувствовал моего превосходства. Тем не менее я понимал, что сердечность наших отношений ему тягостна так же, как и мне. И вот как-то раз один из его приближенных явился ко мне и, заверив меня в своем уважении, которое якобы не позволяет ему слушать, как за моей спиной меня оскорбляют, сообщил, что Князь публично назвал мое появление здесь ошибкой и пожелал мне отправиться ко всем святым и вкушать небесного блаженства. Это были очень сильные выражения, и я сразу же пошел к Князю и передал ему то, что слышал. Сначала он ответил весьма грубо — эта манера разговаривать меня всегда раздражала, — что мой осведомитель лжец; когда же я отверг это объяснение, он нехотя извинился и стал убеждать меня, что, во-первых, пожелал мне попасть на небеса только потому, что, по его искреннему убеждению, мне было бы там лучше, хотя сам он и не разделяет моих вкусов, а во-вторых, мое появление в его владениях действительно было ошибкой, ибо командор, которого он назвал старым каменным болваном, ввел их в заблуждение относительно моей персоны и все были обмануты в своих ожиданиях. Я спросил, по какому праву он в таком случае задерживает меня здесь. Он ответил, что вовсе меня не задерживает, и спросил, кто или что препятствует мне отправиться куда я хочу. Я был удивлен и поинтересовался, почему, если в аду действительно царит такая свобода, все черти не отправились на небо. Смысл его ответа заключался в следующем: черти не уходят на небо по той же причине, по какой ваши соотечественники, играющие на скачках, не слишком часто слушают популярные концерты по понедельникам, хотя они могут так же свободно посещать их, как и вы. Но тут дьявол любезно выразил надежду, что мне небеса придутся по вкусу. Он предупредил меня, что обитатели небес бесчувственны, спесивы и педантичны, а все их разговоры и развлечения невыносимо скучны. Во всяком случае я могу узнать их поближе и, если они мне не понравятся, вернуться обратно. Он всегда будет рад меня видеть, хотя я и не совсем тот человек, которого он представлял себе по описанию командора. Он добавил, что с самого начала был против истории со статуей, ибо люди уже выросли из такой чепухи и продолжать заниматься подобными вещами в наше время — значит просто сделать из ада посмешище. Я согласился с ним и от-

кланялся. Он обрадовался моему отбытию, но все же мое доброе мнение значило для него много, и он попросил меня не слишком строго судить их, пребывающих здесь, внизу. У них, разумеется, есть свои недостатки, сказал он, но что ни говори, а настоящую дружбу, чувства и привязанности, здоровый, честный, благотворный юмор и невинную любовь к развлечениям я могу найти только у них. Я откровенно сказал ему, что все-таки возвращаться не намерен и что он слишком умен, чтобы не признать моей правоты. Ему это польстило, и мы расстались вполне дружески. Его вульгарность меня страшно раздражала, но он и не скрывал ее, и его популярность нельзя считать совсем уж незаслуженной.

С тех пор я странствовал больше, чем принято среди тех, кто находится в моем положении. Когда кто-нибудь из нас оказывается в кругу родственных душ, у него возникает почти непреодолимое искушение остаться с ними навсегда. Однако некоторым все еще не удается отыскать такой круг. И кое-кто из них — например, я сам — не потерял поэтому интереса к земле и время от времени навещает ее. Из-за этого нас считают чужаками; на самом же деле привидения — это безумцы того света, как вы выражаетесь. Для меня это просто любимое занятие, которому, впрочем, я предаюсь не слишком часто. Теперь я ответил на ваши вопросы о том, кто я и больно ли мне было умирать. Вы удовлетворены?

— Вы были очень любезны, взяв на себя этот труд, — сказала я, вдруг поняв, что он рассказал мне все это из чувства долга, потому лишь, что я его попросила. — Еще я хотела бы узнать, что случилось с донной Анной и остальными.

— Когда Оттавио слегка захворал, она ухаживала за ним с таким безжалостным усердием, что он вскоре умер, о чем впоследствии несколько не сожалел. Она вновь надела траур и до сорока с лишним лет стойко оплакивала свои утраты, а потом вышла замуж за шотландца-пресвитерианина и покинула Испанию. Эльвира, обнаружив, что ее брак со мной закрыл перед ней двери приличного общества, вернулась на время в свой монастырь. Потом она изо всех сил старалась снова выйти замуж, но почему-то не сумела, не знаю почему, ведь она была красивой женщиной. В конце концов ей пришлось зарабатывать на жизнь уроками пения. Деревенская девушка,

имя которой я забыл, вскоре прославилась на всю округу как искусная прачка.

— Ее ведь звали Церлина?

— Вполне вероятно; но скажите, пожалуйста, откуда вы это знаете?

— По преданиям. Дон-Жуана ди Тенорио до сих пор хорошо помнят. О вас написана величайшая из пьес и величайшая из опер.

— Вы меня удивляете. Я хотел бы посмотреть, как это выглядит на сцене. Но скажите, дают ли они правильное представление о моей личности?

— В них говорится, что женщины всегда влюблялись в вас.

— Да, конечно. Но показано ли в них, что сам я никогда не влюблялся, что я всячески старался напомнить им об их долге и непреклонно противостоял всем их уловкам? Это объяснено?

— Нет, сэр, боюсь, что нет. Скорей наоборот, мне кажется.

— Странно! Как прочно клевета пристаёт к репутации человека! И я известен и внушаю отвращение как распутник, хотя заслуживаю этого меньше, чем кто-либо другой.

— О нет, вы не внушаете отвращения, уверяю вас. Вы очень популярны. Все были бы ужасно разочарованы, если бы узнали правду.

— Может быть, и так. Жены моих друзей, когда я отказывался бежать с ними и даже угрожал рассказать обо всем их мужьям, если они не перестанут преследовать меня, называли меня рыбой и бесчувственным чурбаном. Вероятно, вы с ними согласны?

— Нет,— ответила я. Затем... не знаю, что сделалось со мной, но с другой стороны это был все-таки не обыкновенный мужчина. Я протянула к нему руку и сказала: — Вы были правы: это не настоящие женщины. Если бы они уважали себя, они никогда не решились бы соблазнить мужчину, но я... я... я... люблю...— Я остановилась, парализованная удивлением, сверкнувшим в его глазах.

— Даже моя тень не избавлена от этого! — воскликнул он.— А знаете ли вы, сеньорита, что благовоспитанным английским девицам не полагается ночью в поезде объясняться в любви незнакомым джентльменам?

— Я знаю, но мне все равно. Конечно, я не сказала бы этого, если бы вы не были привидением. А так — я

просто не могла удержаться. Если бы вы жили в этом мире, я прошла бы двадцать миль ради того, чтобы только взглянуть на вас, и я заставила бы вас полюбить меня, несмотря на всю вашу холодность.

— Именно это они когда-то и говорили мне! Слово в слово, если не считать того, что они говорили по-испански! Постойте, вы хотите робко обвить руками мою шею, спросить, люблю ли я вас хоть немного, и тихо поплакать на моей груди. Бесполезно: моя шея и грудь давно уже стали прахом в земле Севильи. А если вы когда-нибудь решите проделать это с кем-нибудь из своих современников, то помните, что не каждый высокий мужчина, у которого вы повиснете на шее, в состоянии выдержать ваш вес, хотя он в этом и не признается.

— Благодарю вас, у меня нет такого намерения. Еще один вопрос, прежде чем поезд остановится. Когда вы были живы, вы так же не сомневались в своем обаянии, как и теперь?

— Был ли я тщеславен, как они это называли? Разумеется, нет: от рождения я был застенчив. Но бесконечные признания укрепили во мне благоприятное представление о моей наружности, которая, разрешите вам напомнить, только отравляла мое существование.

Поезд остановился; он поднялся и прошел сквозь дерево и стекло двери. Мне же пришлось ждать, пока проводник ее отопрет. Я опустила окно, чтобы в последний раз увидеть и услышать его.

— Прощайте, Дон-Жуан,— сказала я.

— Прощайте, пылкая молодая английская леди. Мы встретимся снова — в вечности.

Кто знает, встретимся ли мы когда-нибудь? Надеюсь, что да.



ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ СРЕДИ ХОЛМОВ СУРРЕЯ.

Поскольку я по происхождению не коренной лондонец, я не питаю иллюзий относительно деревни. Дороги в рытвинах и ухабах, специально чтобы ломать ноги; пропыленные живые изгороди, канавы с дохлыми собаками, колючий бурьян и тучи ядовитых мух, дети, терзающие какую-нибудь бессловесную тварь, понурый, измученный непосильным трудом и преждевременно состарившийся батрак, злобный бродяга, навозные кучи с их ужасным запахом, придорожные камни от гостиницы до гостиницы, от кладбища до кладбища,— тяжело шагая, я прохожу мимо всего этого, пока не обнаруживаю вдали телеграфный столб или семафор, указывающий на то, что благословенный, спасительный поезд уже близко. Путь от деревенской улицы к железнодорожной станции равносителен скачку через пять столетий — от жестокой тупой тирании Природы над Человеком к упорядоченной, продуманной и организованной власти Человека над Природой.

И все же на прошлой неделе я позволил своему другу Генри Солту и его жене уговорить себя «приехать и пожить до понедельника» среди холмов Суррея. Солт, во многих отношениях человек весьма умный, помешан на сельской жизни и владеет домом в дыре, носящей название Тилфорд, по Фарнемской дороге, куда он время от времени удаляется и где живет, питаясь местными грибами и сочиняя статьи, перевозносыящие такого рода питание, местную погоду и прелести данного времени года в противовес лондонской скучности. Он не сомневался, что день, проведенный в Тилфорде, превратит меня из ненавистника деревенской жизни в ее поклонника, и, поскольку с ним очень приятно гулять и беседовать (если бы он только, как разумный человек, ограничивал свои прогулки набережной Темзы),— я в конце концов пошел на эксперимент и даже согласился подняться на вершину *якобы живописного холма, именуемого Хайндхед, и полю-*

боваться оттуда склонами Южного побережья, Портсмутской дорогой (лично я предпочитаю тот ее конец, который ближе к Найтсбриджу) и главным образом тем местом, где были повешены три человека, убившие кого-то, кто уговорил их прогуляться с ним по холмам.

Когда я в воскресенье утром отправился на вокзал Ватерлоо, поднявшись — вопреки всякому обыкновению — в семь утра, Лондон был чист, свеж и сух. Я раскрыл книгу, старательно избегая смотреть в окно от остановки до остановки, и читал до тех пор, пока, миновав огромное кладбище, мы не прибыли в Фарнем. За городом, как всегда, лил дождь. Я спросил, как пройти в Тилфорд, и узнал, что надо идти той же дорогой еще мили четыре. Я боялся обидеть Солта, проявив недоверие к его деревенскому раю, а потому не взял с собой зонта, и рай, конечно, воспользовался этим упущением. Не знаю, что представляют собой склоны Южного побережья, но что касается суррейских дорог, то могу со всей ответственностью заявить, что на них склонов предостаточно, и самых крутых. Между Фарнемом и Тилфордом находится не меньше пяти холмов и ни одного виадукта. И я влезал на них на все по очереди, ступая на носки, и ковылял вниз, ступая на пятки, и каждый мой шаг создавал болотца, полные грязно-желтой жижи. По мере того как пейзаж становился все менее цивилизованным, дождь припускал все сильнее; моя книга превратилась в бумажную массу, а краска с ее переплета окрасила мою серую куртку в алый цвет. Какие-то птицы водонепроницаемой породы неудержимо хохотали надо мной, и я наконец-то понял, почему на птиц так рьяно охотятся. Затем дорога свернула в сосновый бор, украшенный роскошным ковром из мокрого мха и надписями, предупреждавшими, что это частное владение и посторонним вход в него строго запрещен под угрозой судебного преследования. Право же, стоит проехать тридцать миль ради того, чтобы какой-то самодур помещик заставил вас повернуть обратно. Рукава у меня уже насквозь промокли и липли к запястьям, как холодный компресс. Я растопырил руки, чтобы по возможности избежать неприятного ощущения, посмотрел вниз на свои негнущиеся колени, и с полей моей шляпы на них тотчас обрушилась целая пинта дождевой воды и черной краски. Я расхохотался так, как, должно быть, хохотали колесуемые преступники при втором повороте колеса. Еще одна-две мили утомительной ходьбы

по колено в грязи, и я подошел к окраине деревни, где стремительно несла свои воды небольшая речка, через которую был перекинут мост наподобие готической арки, так что лошади сначала напрягали все силы, чтобы втащить на него повозку, а потом на скользком крутом спуске — чтобы затормозить ее.

Это и был Тилфорд, селение, насколько я мог судить, совершенно необитаемое, если не считать одного человека, чей угрюмый взгляд яснее всяких слов спрашивал, какого черта мне здесь надо. Тут меня ждал подъем еще на один холм, между молитвенным домом и церковью, а затем — открытый участок дороги, где дождь и ветер могли напоследок исхлестать меня без всяких помех. Солт ошибается, полагая, что живет в Тилфорде, — на самом деле он живет значительно дальше, и я уже собирался повернуть назад, пока еще был в состоянии добраться до Лондона, но тут он приветствовал меня с порога своего дома восторженным возгласом: «А вот и он!» — и просиял такой счастливой улыбкой, словно мой вид не оставлял желать ничего лучшего, а Тилфорд оправдал все похвалы в свой адрес. Не успел я опомниться, как моя одежда уже наполняла кухню паром, а я сам, облачившись в какое-то одеяние, принадлежавшее шурину Солта, многообещающему поэту, чья фигура не очень похожа на мою, набивал желудок плодами последних изысканий хозяина дома в области местной грибологии.

Одежда моя высохла быстро. Вскоре я снова надел ее. Она стала на два дюйма короче и уже, но зато была теплой и даже пересушенной. Тем не менее я отчаянно рассчитался, и миссис Солт поспешила достать пузырек с камфарным спиртом. Не зная силы этого лекарства, я неосторожно принял полную ложку, отчего чуть не умер, но, придя в себя, почувствовал, по крайней мере, полную уверенность в том, что бактерии инфлюэнцы* выдержать его никак не могли. Затем, когда дождь перестал, мы пошли прогуляться по дороге, которая вилась среди холмов, походивших под пасмурным небом на кучки мокрого торфа. Наконец мы выбрались на возвышенность, где болото сменилось мягким зыбучим песком и кустиками вереска, уже высушенного пронизывающим ветром с Северного моря. С подветренной стороны от нас лежал Френшемский пруд, похожий на водохранилище, только без насосной станции; при каждом порыве ветра дрожь пробирала его сверху донизу, покрывая поверхность ря-

бью. Я посочувствовал ему и украдкой посмотрел на Солта: неужели его не обескуражила невыразимая унылость этого пейзажа? Но он привык к нему и по пути домой принялся строить планы завтрашней экскурсии на Хайндхед. Одно упоминание об этом вызвало у меня новый приступ чихания. Но я решительно отказался от второго приема камфары, и миссис Солт, далеко не исчерпавшая своих ресурсов, угостила меня черносмородиновым джемом с кипятком, что мне даже понравилось.

На следующее утро я встал в восемь, чтобы полюбоваться солнцем и послушать пение птиц. Но оказалось, что я поднялся раньше их; и я не видел солнца и не слышал ни единой птицы, пока не вернулся в Лондон. Солт ликовал, потому что дул северо-восточный ветер, исключавший всякую возможность дождя. После завтрака мы двинулись по холмам к Хайндхеду сквозь туман, превращавший коров в мамонтов, а гряды холмов — в горные цепи. Когда мы отошли достаточно далеко от какого-либо пристанища, начался дождь. Солт заявил, что это пустыки и никакой дождь долго не выдержит северо-восточного ветра. Но этот дождь выдержал. Когда, спотыкаясь и скользя по канавам, которые Солт именовал тропинками, хотя на самом деле это были русла горных потоков, стремительно наполнявшиеся мутной водой, мы наконец добрались до Хайндхеда (ничем не отличавшегося от всех остальных торфяных кучек), из-за тумана мы не могли различить не только Южного побережья, но даже друг друга. Я увидел место, где были повешены те трое, и, не стану отрицать, испытал известное мстительное удовлетворение при мысли о том, что некогда хоть один человек понес здесь справедливую кару.

Когда мы отправились обратно, Солт был в наилучшем расположении духа. Дождь при северо-восточном ветре привел его в такой восторг, который может сравниться лишь с восторгом астронома, открывшего новую комету. Миссис же Солт из всего этого сделала вывод, что я должен приехать еще раз. Дождь мешал ей не больше, чем если бы она была уткой; и я невольно начал прикидывать, не является ли в действительности ее костюм для прогулок хитроумным купальным костюмом. Она была в отличном настроении, хотя даже овцы жалобно блеяли, глядя на небо, а корова, которую я дружески похлопал по спине проходя мимо, была так пропитана дождевой влагой, что мне в рукав ударила струйка воды и брызги

долетели до самой подмышки. Миссис Солт во время нашей прогулки говорила главным образом о добродушии своего пса Неро, за которым Солт тем временем зорко следил, неукоснительно пресекая его попытки подойти к овцам. Пока мы добирались до дому, в моей одежде накопилось в три раза больше воды, чем накануне. Когда я снова надел ее, могло показаться, что я, ввиду крайней нужды, воспользовался гардеробом своего младшего брата.

Незачем описывать мой обратный путь в Фарнем после обеда. Всю дорогу шел дождь, но я, по крайней мере, приближался к Лондону. Я побывал в новых местах и отдохнул, и я уверен, что недели через две мне удастся избавиться от последствий того и другого. И если мой опыт предостережет какого-нибудь лондонца, соблазненного чрезмерно восторженными описаниями весенней прелести холмов Суррея, значит, мои мучения были не напрасны.



ПУШЕЧНОЕ МЯСО

Как-то в чудесный день недавно скончавшегося злочастливого и бесславного девятнадцатого века я оказался на озере Комо — тело мое нежилось в лучах итальянского солнца и в блеске итальянских красок, а мысли беспокойно обращались к оборотной — человеческой — стороне всей этой прелести.

Итальянская природа сияла той красотой, которая пробуждает ностальгию в людях всех наций, а не только в итальянцах. Она стоит миллионы, эти красота, но равно и бесплатно разворачивается для правых и неправых, для богатых и бедных. И притом она настолько себя не ценит, что итальянский труженик, готовящийся на пристани в Каденаббии поймать конец, брошенный с нашего парохода, не желает даже взглянуть на нее, ибо стоит все-таки дороже, хотя и ненамного: говоря точнее, его цена — пенни в час, из чего следует, что лондонский портовый рабочий при нынешней дешевизне на рынке труда стоит шестерых итальянцев.

На пристани ждет парохода хорошенькая дама в одном из тех волшебных туалетов, которыми женщины, по видимому, обзаводятся только для заграничных вояжей, когда самый почтенный турист всегда рискует в один прекрасный вечер увидеть, как его добродетельная супруга выходит к табльдоту в столь ослепительном виде, будто она только что прибыла из Вены, где потеряла свою репутацию. Но эта молодая дама выглядит так, словно с пеленок носит только такие платья, а потому мы заключаем, что она — американка, и начинаем гадать, сядет ли она на наш пароход.

Да, она поднимается по сходням, но я не стану вас обманывать: к моему рассказу она никакого отношения не имеет. Она почти не сохранилась в моей памяти, и я помню только, что сходни, над которыми прошуршало волшебное платье, придерживал труженик ценою пенни в час, и что друзья, напутствовавшие эту даму ураганом

поцелуев, колышавшихся носовых платков, поручений и приглашений, состояли в основном из мистера и миссис Генри Лебушер* и их знакомых. Лебушеры, кстати, имеют к этой истории не больше отношения, чем их приятельница в волшебном платье. Но мистер Лебушер усугубил смятение моих мыслей, ибо он символизировал здесь Республиканский Радикализм, а миссис Лебушер, урожденная Генриетта Ходсон*, очень изящно воплощала Драматическое Искусство, от чего опоре (пенни в час) пользы никакой не было.

Вскоре Каденаббия исчезает вдали у нас за кормой, причем мистер Лебушер скрывается из вида на пять минут раньше своей супруги, которая по-прежнему машет носовым платком столь художественно, что молодая дама в волшебном платье выглядит в сравнении с ней просто неуклюжей.

Я стою у перил какого-то подобия штормовой палубы, глядя вниз, на верхнюю палубу, где толпятся безденежные или скаредные пассажиры. Среди них и те, кто едет третьим классом, поскольку на этом пароходе четвертого класса нет. Я же еду первым классом, так как люкс тут тоже отсутствует. Рядом со мной, выискивая на озере художественные эффекты (так мне кажется, но, возможно, он думает обо мне то же самое), стоит Космо Монкхаус*, который вскоре будет почтен прочувствованными некрологами как чиновник по необходимости, а по зову сердца — страстный любитель изящных искусств и даже немного поэт. Мне Монкхаус очень нравится: он, если уж на то пошло, куда более приятный человек, чем я, — во всяком случае по виду. Космо достиг уже довольно пожилого возраста, — по крайней мере такого, что его образ жизни успел наложить на него свою печать. Я начинаю считать в уме и наконец вывожу следующие примерные цифры: он работает шесть часов в день и получает что-то около десяти шиллингов в час, учитывая праздники и вакации. Следовательно, он стоит ста двадцати итальянских рабочих. В нем воплощается высокоинтеллектуальная критика (каковой занимался в то время и я сам). Я изучаю его профиль, пока он вглядывается в горизонт, — туда, где облака особенно эффектны. И нахожу в его облике черты, которые я наблюдал у всех знакомых мне пожилых людей, всю жизнь страстно влюбленных в искусство; они горды и счастливы, что могут писать о творениях великих художников, и превращают шедевры Искусства в пробный камень жизни;

причем они и сами создают какое-нибудь небольшое произведение искусства (обычно это стихотворение или сказка), что им никогда не удалось бы, если бы они не знали работ своих любимых гениев. У всех у них — странно запавшие лица, словно верхний слой плоти толщиной в дюйм утратил жизнеспособность и полностью мумифицировался бы, если бы эманация, исходящая от скрытой и подавленной реальности, не поддерживала бы в нем легкую влажность. Но, обнаружив такое выражение у Монкхауса, я, кроме того, замечаю, что он курит сигару. Все другие мои знакомые дилетанты тоже курят, и теперь я задаюсь новым неотвязным вопросом: что именно — привычка ли к курению или же привычка питать свой ум Искусством, а не Жизнью — так странно умерщвляет людей снаружи. Я начинаю вспоминать начало моей собственной карьеры и решение, которое я принял тогда: ни в коем случае не превращаться в человека от литературы и сделать из пера не идола, но лишь орудие. Эти мысли вскоре пробуждают во мне гордое высокомерие, и я прямо-таки возношу благодарность Провидению за его милость, за то, что я не сделался одним из духовных гурманов, населяющих литературные клубы, как вдруг снизу доносится песня — буйная, оглушительная и тем не менее томительная, словно радость замерзла, не успев забурлить.

Гляжу через перила. Как раз подо мной стоят три молодых человека, которые только-только перестали быть подростками; у каждого за ленту шляпы заткнут документ, похожий на квитанцию налогового управления, и каждый, обняв товарищей за плечи, распевает во все горло. Они пьяны, но далеко не так, как были бы при подобных обстоятельствах пьяны англичане, хлебнувшие английских спиртных напитков. Они полны решимости веселиться вовсю, и ленточки, украшающие шляпу одного из них, указывают на какой-то радостный повод. Я пытаюсь разобрать слова их песни, но мне только-только удастся уловить общий смысл, и, как обычно в песнях, это не столько смысл, сколько бессмыслица. Они воспевают радости солдатской жизни — приключения, славные подвиги, бесконечную смену возлюбленных, выпивки и ловкие проделки, беззаботность и равнодушие ко всем последствиям. Внезапно бедняга в середине, запевала, оравший громче остальных, умолкает и начинает плакать. Его товарищ справа тоже приуныл было из сочувствия, но стоя-

щий слева, самый спокойный, подбадривает их, и они запевают еще более вызывающе, чем раньше.

Куплет-другой — и веселая песня вновь прерывается, на этот раз уже навсегда. Ее последние отзвуки заглушает правый из певцов, который заводит чрезвычайно трогательную балладу о разлуке с родным домом, с родимой матушкой, и прочее, и прочее. Баллада приходится им по вкусу, и они не без успеха доводят ее до конца. Успокоенные, они немножко разговаривают, немножко шутят, немножко пьют, немножко хвастают и в заключение раздражаются чрезвычайно воинственной и бесшабашной песней о победах, которые их ждут, когда меч, кубок и увлечение женщинами составят все их занятия. Они успевают пропеть два куплета, не заплакав, а затем средний падает на грудь своего товарища и раздражается самыми жалостными рыданиями.

И тут я понимаю, что означают бумаги, заткнутые за ленты их шляп. Эти молодые люди — новобранцы, которые едут к месту своей будущей службы. Они сходят на следующей пристани. И больше я ничего не помню об этом вечере на озере Комо, словно сам я не садился на пароход и не сходил с него.

...

Промелькнули годы, и у меня в памяти всплывает хмурый вечер на рейде Мальты — лайнер Восточного пароходства стремительно увлекает меня сквозь строй кораблей английской средиземноморской эскадры. Впереди — мрак и грозное море. Я не хочу туда, но капитан придерживается иного мнения, так как он более бывалый моряк, чем я, а к тому же находится при исполнении служебных обязанностей. Эскадра остается позади, а затем исчезают огни порта, потому что мы поворачиваем вправо (право на борт, как выражаемся мы, сухопутные крысы). Когда лайнер начинают раскачивать волны открытого моря, наши «морские ноги» дрожат и подгибаются, хотя они и обуты в башмаки, обработанные трубочной глиной, которые на пароходе мы носим с такой же истовостью, с какой на суше — башмаки, начищенные до блеска гуталином. Эта глина доставляет кому-то множество хлопот и портит его легкие, но он не признал бы нас джентльменами, если бы мы попробовали обой-

тись без нее. Но как бы то ни было, в этот вечер я сижу за полупустым обеденным столом и, хотя посуда на нем закреплена решеткой, а две дамы с подветренной стороны дважды летят в меня, как крикетные мячи, я ем, пью и веселюсь гораздо спокойнее, чем ожидал. Погода продолжает оставаться угрожающей, и я не испытываю никаких сожалений, когда мы добираемся до Гибралтара, где на борт поднимаются два человека. Первый развешивает по всему пароходу печатные объявления, предупреждающие, что всякого, кто осмелится фотографировать скалу или порт, ждет судьба Дрейфуса*. Второй расставляет лоток и начинает открыто торговать моделями и фотографиями вышеупомянутых скалы и порта.

Я схожу на берег и в компании английских паломников отправляюсь осматривать укрепления. Нам показывают несколько давно устаревших пушек и учения солдат (мы называем их «томми») в количестве двух-трех взводов. И мы удаляемся, твердо убежденные, что и в самом деле обзрели святую святых крепости. Пребывая в этом убеждении, мы даем щедрые чаевые обманщику в мундире, который делает вид, что показывает нам решительно все, и с лукавым видом твердим друг другу, что, пожалуй, крепость еще некоторое время может ничего не опасаться, э? Кто-то заявляет, что Гибралтар — это сплошная чепуха, что с помощью современных орудий его ничего не стоит разгромить из Сеуты и что только традиционное отношение к нему у нас в стране мешает нам выронить его из рук, как раскаленный уголек. Остальные британцы приходят в величайшее негодование, и я вынужден снабдить их другим поводом для гнева, заметив, что испанцам весьма выгодно такое укрепление их побережья за английский счет,— пожалуй, и нам следовало бы предложить немцам Портсмут на тех же условиях. Это выслушивается как парадокс сумасшедшего, и последующий разговор показывает, что вопрос о военном величии Англии задевает нас всех за живое.

И на то есть причина. На Мальте нас догнало известие — или, вернее, мы догнали известие,— что буры вторглись в Наталь и что Англия находится в состоянии войны*.

К вечеру погода выглядит еще более угрожающей. Солнце прячется за серыми тучами, а море раздраженно катит крутые валы с полным равнодушием к Англии и ее

войсковым транспортам. Я брожу по берегу. На обратном пути, обогнув какой-то угол, я оказываюсь перед большой казармой. На каменной площадке перед казармой сидят те, кого мы все утро называли «наши томми». Все они снаряжены по-походному и все глядят на унылое море и свинцовые небеса с выражением, которое иллюстрированные еженедельники не пожелают воспроизвести на своих страницах,— впрочем, это им все равно не удалось бы. Многие из них совсем юнцы и, как мне кажется, впервые попробовали морской болезни на пути в Гибралтар, от чего до сих пор еще не оправались. Вряд ли кто-нибудь из них много думает сейчас о винтовках Маузера*, которые поджидают их за этими волнами. Они потрясли меня: я еще никогда не видел целого полка безмерно несчастных людей. Они не разговаривают, они не двигаются. Если бы кто-нибудь из моих утренних спутников явился сейчас сюда и принялся убеждать их, что в штыковом бою они непобедимы, по-моему, они не пошевелились бы даже для того, чтобы его приколоть... В утрюмом безмолвии они ждут. Я тоже стою и жду, словно замороженный, но у пристани покачивается моя шляпка, а на рейде — паропход, а потому вскоре мне приходится их покинуть.

Какая-то дама говорит что-то о деловитом спокойствии англичан, готовящихся исполнить свой долг. Вероятно, она имеет в виду, что англичане ведут себя не так, как новобранцы на озере Комо.

В надлежащий срок мы пробрались по грозным валам через Бискайский залив и плетемся по Ла-Маншу, опустив голову, застегнув пальто на все пуговицы и раскрыв зонтик. И конец эпизода тонет в море забвения.

...

Следующее воспоминание связано с Рипли-роуд, где через час после захода солнца я зажигаю фонарик своего велосипеда. Я еду в Хейзелмир. Кроме того, я испытываю сильную усталость, и мне приходит в голову, что, поторопившись, я могу поспеть на портсмутский поезд в Гилдфорде и добраться до Хейзелмира на нем. Затем я помню, как в Гилдфорде мне сказали, что я сел не в тот вагон — и вот я мчусь по платформе, как дикий осел пустыни, прыгаю на движущуюся подножку, меня хватают и тянут какие-то руки, и я оказываюсь среди дикого бедлама.

В купе третьего класса — девять человек, и восемь из них распевают во всю глотку «Благослови тебя Господь, Томми Аткинс!». Один из них, вне всякого сомнения, трезв, но он бессовестно подстрекает остальных, делая вид, что настроен так же буйно, как и они. Не поет матрос, очень юный и наивный на вид. Мало-помалу для меня освобождают местечко, и человек, которому я этим обязан, нежно обнимает меня за плечи, едва я сажусь. Они почтительно именуют меня «папаша» и сообщают мне, что все они едут на фронт, кроме матроса, корабль которого стоит сейчас в Портсмуте, куда он и направляется. Я немедленно замечаю, что трезвенник ни о чем подобном не помышляет, хотя и не собирается пока выводить остальных из заблуждения. Скаковое поле — может быть, но никак не поля сражений.

Теперь мы с жаром запеваем «Солдаты королевы». Я пою фортиссимо, чтобы хоть немного заглушить вопли остальных, и тем самым кладу конец последним подозрениям, а не джентльмен ли я все-таки. Затем мой новый друг задает мне вопрос: «Что сделает Буллер с Крюгером?» — и каждый по очереди старается превзойти своих собратьев непристойностью ответа. После того как четверо продемонстрировали свое остроумие, возможности сквернословия истощены полностью. К большому моему облегчению (я опасался, что они вот-вот зададут этот вопрос и мне), человек, обнимающий меня, снимает руку с моих плеч и во всю мочь снова затягивает «Благослови тебя Господь, Томми Аткинс!». Когда «Томми Аткинс» подходит к концу, трезвый резервист (они все резервисты) по собственному почину запекает непристойную песню. Поет он соло, а мой сосед, не зная припева, вынужден хранить молчание. Этот душа-человек, освободивший для меня местечко на скамье и обнимавший меня, напился, орал песни и упорно смаковал тему Крюгер — Буллер по двум причинам: во-первых, он не хочет думать о своей жене, с которой расстался на вокзале Ватерлоо, не имея ни малейшего понятия о том, как она будет жить до его возвращения (если он когда-нибудь вернется), и, во-вторых, он боится заплакать. Глупые непристойности, которые выводит певец, не развлекают его.

— Не знаю, что ей и делать,— говорит он, потому что и опьянение ему не помогает.— Я чуток хлебнул на вокзале, знаете ли. Она там и осталась. Не знаю, что с ней станется...

И он горько плачет и больше уже не может бесшабашно вопить, хотя и делает одну-две неудачные попытки.

Тогда матрос — возможно, для того, чтобы отвлечь внимание от этой слабости, недостойной солдата, — вытаскивает экземпляр «Вестминстер газетт», на который он истратил пенни, считая, что в разгар крупных политических событий необходимо покупать крупные политические газеты (к ним, как ему кажется, принадлежит и эта). «Вестминстер газетт» кладет начало политической дискуссии о правительстве. Все они слышали, что Чемберлен* — «хороший человек», а матрос слышал утешительное мнение о лорде Розбери*, который присмотрит, чтобы все было сделано как следует. Другие государственные мужи им неизвестны — кроме лорда Солсбери*, и мы уже вновь почти подоברались к Буллеру, как вдруг одному из резервистов приходит в голову, что матрос едет в Портсмут по солдатскому тарифу, который ниже, чем тариф для резервистов. Такая несправедливая привилегия вызывает негодование, и не будь матрос еще и самым сильным человеком в купе, а не только самым молодым и добропорядочным, мы затеяли бы с ним ссору по этому поводу. А так завязывается нелепый спор, показывающий, что, хотя мы и жаждем свести политические счета с президентом Крюгером самыми неупоминаемыми способами, о природе железнодорожных билетов мы имеем столь же слабое представление, как и о взаимоотношениях между правительством и лордом Розбери. Мой сосед к этому времени выплакался и уснул. Он погружается в еще более крепкий сон, потому что двум резервистам пришла в голову счастливая мысль запеть «Забыть ли старых нам друзей?». Но они столь жутким образом приплетают сюда же «Родину, милую родину», что спящий просыпается с оглушительным воплем «Благослови тебя Господь, Томми Аткинс!», все три песни сплетаются друг с другом адским контрапунктом, но тут, к счастью, поезд останавливается. Хейзелмир! Я с благодарной внезапностью покидаю купе, потому что к этому времени они все преисполнились убеждения, будто я тоже еду на фронт; и возможно, мое исчезновение представляется им странным сочетанием трусливого и непатриотичного дезертирства со смелым и успешным обретением свободы.

Нет, они все-таки были очень похожи на итальянских новобранцев, только выпили заметно больше и, не стесняемые присутствием синьорин в волшебных платьях, вели себя куда более вольно. Англичане и

итальянцы с равной покорностью позволяли превратить себя в Kanonenfutter — пушечное мясо, по откровенному выражению немецких генералов. Их ностальгия трогает меня ровно столько же, сколько их морская болезнь,— и то и другое вскоре проходит бесследно. Не питаю я и иллюзий, будто искусству войны, в отличие от мирных искусств, служат люди, понимающие, что они делают. Если бы я успел к этому поезду загодя и ехал бы в купе первого класса с лордом Лэнсдауном, мистером Бродриком, лордом Метьюном, сэром Редверсом Буллером и Робертсом*, беседа все равно пришла бы к тому же самому концу — к острому концу штыка. Так что не ищите в этом повествовании какой-нибудь морали. Я просто рассказываю о том, что я видел и что я слышал.

1902



НОВАЯ ИГРА — ВОЗДУШНЫЙ ФУТБОЛ

— Насмерть? — спросил побледневший шофер автобуса, когда студент-медик из благотворительной больницы поднял миссис Хэйрнс с мостовой Грейз-Инн-роуд.

— Она вся пропахла вашим бензином, — сказал студент.

Шофер потянул носом.

— Это не бензин, — сказал он, — это денатурат. Она пьяна. Вы должны засвидетельствовать, что от нее пахнет спиртным.

— Это еще не все, что вы натворили, — сказал полицейский. — Вы убили его преосвященство.

— Какое преосвященство? — спросил шофер, становясь из бледно-желтого зеленым.

— Автобус задним колесом ударил прямо в карету, — всхлипывая, говорил ливрейный лакей. — Я слышал, как у его преосвященства хрустнула шея. — Слуга плакал — не потому, что любил покойного хозяина, а потому, что всякая неожиданная смерть действовала на него именно так.

— Это епископ Святого Панкратия, — сообщил какой-то мальчик.

— Боже милостивый! — сказал шофер в отчаянии. — Но что я-то мог сделать? — добавил он, вытирая лоб и обращаясь к толпе, которая до этого была словно растворена в воздухе — настолько быстро она выкристаллизовалась возле места, где произошел несчастный случай. — Ведь автобус занесло.

— Еще бы: по этой грязи да на такой скорости любой автобус занесет! — негодуяще сказал один из зевак.

И толпа тотчас принялась обсуждать, была превышена скорость или нет; шофер горячо утверждал, что не была, вопреки утверждениям всей Грейз-Инн-роуд.

От миссис Хэйрнс, несомненно, пахло спиртным, как пахло вот уже лет сорок всякий раз, как у нее заводились лишние два пенса. Она никогда не отличалась ни миловидностью, ни опрятностью, и переполненный автобус, проехав по ее ребрам, до странности мало изменил

ее внешний вид. Лишняя грязь на ее платье ничего не меняла — оно и так было грязнее грязного; да и разница между состоянием, когда пьяная старуха еще способна добрести до дому, и состоянием, когда это уже невозможно, совсем не так велика.

Что до епископа, то на нем не было ни единой царапины, ни единого пятнышка грязи. Его вообще не задело. Но он по-мальчишески гордился своим епископским саном, а потому всегда держал шею очень прямо. Вот она и сломалась, когда автобус ударил задним колесом в карету и карета резко стала, упершись в автобус.

Миссис Хэйрнс совсем растерялась, когда автобус неожиданно повернул прямо на нее. Впрочем, это не играло роли, потому что никакое присутствие духа ее не спасло бы. Ей совсем не было больно. Одно сломанное ребро, задевая легкое, причиняет боль, но когда чудовищный шок парализует вашу нервную систему и чудовищная тяжесть перемалывает ваши ребра и смешивает их с вашим сердцем и легкими, сострадание уже нелепо. Игра проиграна. Поправимое становится непоправимым, временное — вечным. Подлинно гибкий ум осознает случившееся и, прежде чем угаснуть, успевает как следует поразмыслить над создавшимся положением. Самая внезапная смерть — срок более чем достаточный, чтобы человек вспомнил всю свою жизнь, проживи он даже, скажем, тысячу лет.

Миссис Хэйрнс отбросило с Грейз-Инн-роуд к подножию горы. На вершине горы стоял город. Он слегка напоминал Орвието* — город, изображенный на фотографии в гостиной священника церкви Святого Панкратия. Этот священник нанимал миссис Хэйрнс убирать у него всякий раз, когда пытался наставить ее на путь истинный, но неизменно терпел поражение из-за ее пристрастия к денатурату — она с жадностью пила политиру, хотя ей спокойно можно было доверить не одну дюжину бутылок рейнвейна. Миссис Хэйрнс ничего не знала об Орвието, но, когда она вытирала пыль, фотография время от времени отпечатывалась на сетчатой оболочке ее глаз. Город, совсем не похожий на Пентонвилл-Хилл, внушал ей страх и беспокойство. Ей казалось, что он почти несколько не лучше, чем небеса, которые в ее представлении были неразрывно связаны с трезвостью, чистотой, сдержанностью, благопристойностью и всяческими другими ужасами. И вот, оказавшись на дороге к

нему, она глядела на него с самыми дурными предчувствиями, пока сзади не раздался высокомерный голос, заставивший ее вздрогнуть и сделать неуклюжий реверанс. Это был епископ.

— Можно здесь найти какой-нибудь экипаж,— спросил он,— который отвез бы меня наверх, к воротам?

— Не могу сказать точно, сэр,— ответила миссис Хэйрнс,— я не здешняя.

Едва она произнесла «не могу сказать», как епископ утратил к ней всякий интерес и пошел дальше, смирившись с необходимостью взбираться на гору.

Неподалеку паслась какая-то лошадь. Когда миссис Хэйрнс увидела ее, слабый луч небесного успокоения согрел ее душу. Хотя уже очень давно (с тех пор как угасли последние отблески ее юности, что произошло, когда ей исполнилось двадцать четыре года) она не интересовалась ничем, кроме денатурата, в ней от рождения жила необъяснимая любовь,— собственно, не к лошадям, а, как она выражалась, к лошади. Это была неясная и невинная любовь, но она-то и побудила ее отдать свою руку покойному Альфреду Хэйрнсу, который в силу экономической необходимости был возчиком, а по призванию — браконьером. Этот любитель коней был слишком беден, чтобы держать лошадь. Но с другой стороны он был слишком беден и для того, чтобы иметь жилище в Лондоне, или двуспальную кровать, или даже костюм. Тем не менее у него всегда был лондонский адрес, он никогда не появлялся на улице в голом виде, и ни он, ни его супруга не спали на полу. Общество внушило ему, что человек обязан иметь жилище, постель и одежду независимо от того, может он себе это позволить или нет; и поэтому они у него были. Но столь же сильным было его убеждение в том, что не менее необходима человеку и лошадь, и потому он всегда держал лошадь — даже когда ему было не по средствам содержать самого себя,— утверждая, что лошадь лишних расходов не требует и что она даже оправдывает затраты. Подобная точка зрения высказывается и по поводу автомобилей в восемьдесят лошадиных сил.

Бонавию Бэнкс привлекла в нем эта его страсть, которая была свойственна и ей. Она легко убедила его, что иметь жену так же необходимо, как и лошадь, и что это точно так же лишних расходов не требует. Она сделалась миссис Альфред Хэйрнс и родила тринадцать детей;

одиннадцать из них умерли в младенчестве, потому что все родительские заботы отдавались лошади. Наконец лошадь околела, и безутешный Хэйрнс, не выдержав искушения, купил за четыре фунта великолепного чистокровного жеребца у вдовы одного джентльмена, который всего три дня назад заплатил за него двести тридцать фунтов. Но когда Хэйрнс вел домой свою выгодную покупку, жеребец так его отделал, что он умер от столбняка на другой день после того, как жеребца пристрелили. Так печально погиб Альфред Хэйрнс, жертва уз, связывающих человека и животное,— уз, которые свидетельствуют о том, что все живое едино.

Лошадь оторвала морду от травы, равнодушно посмотрела на миссис Хэйрнс, махнула хвостом, сделала несколько шагов туда, где зелень была еще не выщипана, и продолжала свою трапезу, как вдруг что-то шевельнулось в глубине ее памяти: она насторожила уши, подняла голову и взглянула на миссис Хэйрнс более внимательно. Наконец она направилась к ней, потом остановилась пощипать траву, и, подойдя, спросила:

— Разве ты меня не помнишь?

— Чиппер! — воскликнула миссис Хэйрнс. — Не может быть!

— А вот и может, — сказал Чиппер.

Подобно валаамовой ослице, Чиппер заговорил. Вернее, миссис Хэйрнс отлично поняла, что он сказал, и даже не заметила, что на самом-то деле он не издал ни звука. Но и сама она не издала ни звука, хотя тоже этого не заметила. Здесь, на этой горе, беседы велись телепатическим способом.

— Чиппер, мне что, надо лезть на этот холм? — спросила миссис Хэйрнс.

— Да, — сказал Чиппер, — разве что я тебя подвезу.

— А ты не против? — спросила миссис Хэйрнс.

— Нисколько, — сказал Чиппер.

— Нет ли здесь повозки? — спросила миссис Хэйрнс. — А то я без седла ездить не умею. То есть я совсем не умею ездить верхом.

— Тогда тебе придется идти пешком, — сказал Чиппер. — Держись за мою гриву, и я помогу тебе забраться наверх.

Они вскарабкались по склону и уже почти подошли к воротам, когда миссис Хэйрнс вдруг пришло в голову спросить, что это за место и почему она туда идет.

— Это небеса,— ответил Чиппер.

— О Господи! — сказала миссис Хэйрнс, останавливаясь как вкопанная.— Что же ты раньше молчал? Я ведь ничего такого не сделала, чтобы меня отправили на небеса.

— Верно,— сказал Чиппер.— Так ты хочешь пойти в ад?

— Не мели вздора, Чиппер,— сказала миссис Хэйрнс.— Неужто между адом и небесами ничего нет? Мы, конечно, не все святые, но ведь и не такие уж закоренелые грешники. Наверняка должно быть какое-нибудь местечко для простых людей, которым ничего особенного не требуется.

— Это — единственное место, которое я знаю,— сказал Чиппер,— и это действительно небеса.

— Может, там у них тоже есть кухни,— сказала миссис Хэйрнс.— Ты не выдашь, что я иногда бывала под мухой, а, Чиппер?

Чиппер понюхал незримый ореол, окружавший миссис Хэйрнс.

— На твоём месте я бы держался с подветренной стороны от святого Петра,— сказал он.— А вот и сам Петр,— прибавил он, мотнув головой в сторону пожилого джентльмена с парой ключей работы XII века.

Ключи, по-видимому, служили больше для украшения, чем для дела, так как ворота были широко распахнуты и камень, подпиравший их, чтобы они не захлопнулись от ветра, весь покрылся мхом,— должно быть, его веками не сдвигали с места. Это удивило миссис Хэйрнс, ибо в детстве на земле ей раз и навсегда внушили, что небесные врата крепко заперты и открыть их не так-то легко.

В воротах стояла группа ангелов. Их крылья, пурпурные с золотом, голубые с серебром, янтарные с чернью, показались миссис Хэйрнс очень красивыми. У одного ангела был меч с лезвием из сверкающего темно-красного пламени. У второго одна нога была обнажена до колена, а на другой был болотный сапог; в руке он держал трубу, такую длинную, что она доходила чуть ли не до самого горизонта, и в то же время удобную, как зонтик. В окно первого этажа башенки у ворот миссис Хэйрнс увидела Матфея, Марка, Луку и Иоанна — они спали в кроватях прямо в штанах, совсем как в старинном детском стишке. Тогда она поняла, что это действительно небесные врата. Для нее это было самое неопровержимое доказательство.

Чиппер заговорил с Петром.

— Эта женщина пьяна,— сказал он.

— Вижу,— ответил святой Петр.

— Ох, Чиппер! — сказала миссис Хэйрнс с укоризной.— Как ты мог!

Все посмотрели на миссис Хэйрнс, и она заплакала. Ангел провел огненным мечом по ее глазам и осушил слезы. Пламя не обжигало, а только придавало силу и бодрость.

— Боюсь, она безнадежна,— сказал Чиппер.— Ее собственные дети не хотят иметь с ней ничего общего.

— Какая планета? — спросил ангел с трубой.

— Земля,— ответил Чиппер.

— А чем эта женщина так уж плоха? — спросил ангел.

— Она лгунья и воровка,— сказал Чиппер.

— Все обитатели Земли — лгуны и воры,— сказал ангел с трубой.

— Я хочу сказать, что даже по их понятиям она лгунья и воровка,— пояснил Чиппер.

— О! — сказал ангел с мечом, сразу став очень серьезным.

— Я ведь стараюсь, чтобы тебе было лучше,— сказал Чиппер миссис Хэйрнс,— пусть они не ожидают слишком многого.— Затем он обратился к Петру: — Я привел ее потому, что однажды, в жаркое воскресенье, когда я тащил ее в гору вместе с мужем, тремя его приятелями, их женами, восьмью ребяташками, грудным младенцем и тремя дюжинами пива, она вылезла из повозки и пошла пешком.

— Ну и память у тебя! — сказала миссис Хэйрнс.— Неужто я и вправду так поступила?

— Видишь ли, это было до того на тебя непохоже,— ответил Чиппер,— что я просто не мог этого забыть.

— Да,— смущенно сказала миссис Хэйрнс,— это было довольно глупо с моей стороны.

Тут появился епископ. Он энергично взбирался на холм по тропинкам, пересекавшим в нескольких местах дорогу, и в результате отстал от Чиппера, который знал, что таким тропинкам доверять не стоит.

— Это небесные врата? — спросил епископ.

— Да,— ответил Петр.

— Главные врата? — спросил епископ подозрительно.— Вы уверены, что это не вход для торговцев?

— Это вход для всех,— сказал Петр.

— Очень странный порядок и, на мой взгляд, очень неудобный,— сказал епископ. И, отвернувшись от Петра, обратился к ангелам.— Господа,— сказал он,— я епископ Святого Панкратия.

— А я — сам святой Панкратий, если уж на то пошло,— сказал юноша в далматике, высовываясь из окна башенки.

— Как ваш епископ, я рад познакомиться с вами,— сказал епископ.— Меня живо интересует каждый член моей паствы. Но сейчас извините — у меня неотложное дело, я спешу к престолу. С вашего разрешения, господа...— И, решительно раздвинув плечом группу ангелов, он вступил в царство небесное и энергичной походкой зашагал по улице. Он обернулся всего один раз, чтобы сказать: — Вам следовало бы доложить о моем прибытии.— И пошел дальше. Ангелы ошеломленно смотрели ему вслед. Затем ангел с трубой схватил ее и сначала протрубил в небо, а потом опустил ее вниз, словно луч прожектора, так что она почти уперлась в спину епископа,— новый трубный глас подхватил его, закинул за угол, как сухой листок, и он скрылся из виду.

Ангелы улыбнулись прекрасными и грустными улыбками. Миссис Хэйрнс не выдержала и рассмеялась.

— Вот ведь озорник! — сказала она Чипперу, кивнув на ангела с трубой.

— Не пойти ли тебе следом за епископом? — спросил Чиппер.

Миссис Хэйрнс с опаской посмотрела на Петра (ангелов она не боялась) и спросила, можно ли ей войти.

— Каждый может войти,— сказал Петр.— А для чего же, по-твоему, здесь ворота?

— Я же не знала, сэр,— сказала миссис Хэйрнс и робко направилась к порогу, как вдруг вернулся епископ, красный от негодования.

— Я обошел весь город, несмотря на ужасный ветер,— сказал епископ,— но не смог его найти. Я уже начинаю сомневаться, в самом ли деле это небеса.

— Чего вы не смогли найти? — спросил Петр.

— Престола, сэр,— сурово ответил епископ.

— А это он и есть,— сказал святой Панкратий, который по-прежнему сидел у окна, подперев щеки ладонями.

— Это? — спросил епископ.— Что «это»?

— Да город же! — сказал святой Панкратий.

— Но... но... где же тогда Он? — спросил епископ.

— Здесь, конечно, — сказал ангел с мечом.

— Здесь?! Где? — торопливо спросил епископ, понизив голос; с опаской переводя взор с одного ангела на другого, он наконец остановил его на ангеле с трубой, который как раз присел и, сняв болотный сапог, вытряхнул из него камешек.

— Он — это божественное присутствие, в котором мы живем, — мелодичным голосом сказал ангел с мечом.

— Потому-то они и ангелы, — пояснил святой Панкратий.

— А собственно, чего вы ищете? — спросил ангел с трубой, снова надевая сапог и вставая на ноги. — Может, вы ожидали увидеть кого-нибудь в широкополой шляпе и мантии, с носом и носовым платком, чтобы было чем этот нос вытереть?

Епископ побагровел.

— Сэр, — сказал он, — вы кощунствуете. Вы богохульствуете. Вы просто невоспитанны. Если бы моя профессия не обязывала меня быть милосердным, я бы усомнился в том, что вы джентльмен в подлинном смысле слова. До свидания.

И, отряса прах небес со своих ног, он пошел прочь.

— Ну и чудак же он, — сказала миссис Хэйрнс. — А я вот рада, что здесь нет престола и ничего такого прочего. Так больше похоже на Кингс-Кросс.

Она взглянула на них с некоторой растерянностью, потому что голос ангела с мечом пробудил в ней неясное смущение, и она даже застыдилась того, что была пьяна. Они ответили ей печальными взглядами, и она бы снова заплакала, если бы не знала, что отныне это невозможно: прикосновение огненного меча навеки осушило ее слезы. Она крутила дрожащими пальцами краешек своей кофты — жалкой грязной кофты. Воцарилась глубокая тишина, которую тягостно нарушал только храп Матфея, Марка, Луки и Иоанна; миссис Хэйрнс тоскливо посмотрела вверх, на их простые деревянные кровати и сверкавшую золотом и киноварью, засиженную мухами надпись: «Сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже».

— Прежде чем я решусь войти, добрые господа, — сказала она, — не помолится ли кто-нибудь из вас за бедную пьяную старуху поденщицу, которая схоронила

одиннадцать детей и не была врагом никому, кроме себя самой?

И тут же она, совсем огушенная, опустилась на землю прямо посреди дороги, ибо все ангелы воздели кверху руки и крылья и огласили воздух невыносимым воплем; меч пламенел по всему небосводу, а труба металась от края до края горизонта, и ее звуки наполнили всю вселенную; звезды вспыхнули среди бела дня, и отброшенное ими эхо подействовало на миссис Хэйрнс, как огромный глоток неведомого ей доселе восхитительного денатурата.

— Не надо из-за меня поднимать такого шума,— сказала она.— А то еще подумают, будто явилась королева или какая-нибудь леди с Тэвисток-сквер.

И она еще больше смутилась, не решаясь войти. Ангел с мечом улыбнулся и хотел ей что-то сказать, но тут снова появился епископ, шагавший энергичнее прежнего.

— Господа,— заявил он,— я обдумал то, что произошло. Рассудок подсказывает мне, что я был совершенно прав, действуя и говоря так, как я действовал и говорил, но все же ваша точка зрения вполне разумна и способ ее выражения, пусть и не очень пристойный, достигает своей цели. При этом я испытываю непреодолимое желание совершать поступки, которым я не нахожу оправдания, хоть и не в силах удержаться от них.

Окончив эту речь, он сорвал с себя фартук*, скомкал его, сунул в свою широкополую шляпу и ударом ноги послал шляпу в пространство. Ангел с мечом тут же взмахнул крыльями, поднялся в воздух и с восторженным воплем подбросил ее ногой еще на милю выше. Святой Панкратий, не имевший крыльев и летавший с помощью простой левитации, мгновенно оказался возле шляпы и погнался вперед, но тут ее отобрал у него ангел с трубой и перебросил ангелу с янтарно-черными крыльями. К этому времени Матфей, Марк, Лука и Иоанн вылезли из кроватей и вслед за Петром взмыли в голубую высь, где уже в полном разгаре был футбольный матч между ангелами и святыми, в котором одними воротами служил Сириус, а другими — Солнце. Епископ с минуту в изумлении смотрел на борьбу за мяч, затем издал пронзительный крик и подпрыгнул в воздух, но, взлетев футов на пятьдесят, стал падать и наверняка расшибся бы, если бы находившийся под его опекой святой не подхватил его и не вовлек в игру. Секунд через двадцать

его шляпа была уже на полпути к Луне и ликующие крики ангелов стали не громче птичьего писка, а сами небесные игроки казались меньше стрижей, что кружат летом над Римом.

Теперь миссис Хэйрнс могла незаметно пройти в ворота. Она ступила на порог, и дома небесной улицы приветливо засияли перед ней в солнечном свете, а мозаичная мостовая засверкала цветами, выложенными из драгоценных камней.

— Она умерла,— сказал студент из благотворительной больницы.— По-моему, в ней еще теплилась жизнь, когда я ее поднял, но только теплилась. А теперь нет никаких сомнений! Умерла, бедняга!

1907



ИМПЕРАТОР И ДЕВОЧКА

Была одна из тех ночей, когда чувствуешь беспокойство и принимаешь тени за людей или даже за привидения, потому что луна то выходит из облаков, то снова в них прячется; облака неслись по небу — одни такие белые, что луна была сквозь них видна, другие походили на коричневые перья, и сквозь них свет ее пробивался еле-еле, и, наконец, большие и темные, которые совсем заволакивали луну, если им удавалось ее догнать. Некоторые люди в такие ночи пугаются и остаются в своих светлых и теплых домах, где они не одни и где плотные шторы отгораживают их от ночи, а другие, не в силах усидеть на месте, выходят на улицу побродить и посмотреть на луну. Они любят темноту, потому что в темноте можно вообразить все что угодно, все то, чего не видишь, и представить себе, что вот сейчас из мрака появятся какие-то удивительные люди и начнутся всякие приключения.

Той ночью, о которой идет речь, выходить на улицу было куда безопаснее, чем днем, так как в тех краях англичане и французы воевали против немцев. Днем все прятались в окопах. Стоило кому-нибудь высунуть голову, и — хлоп! — его уже нет. В некоторых местах устраивались завесы, чтобы люди не ходили куда не следует, — только завесы эти ничего общего с оконными занавесями не имели, потому что состояли из снарядов и бомб, которые оставляли в земле огромные ямы и разрывали на мелкие куски людей, животных и деревья; поэтому их называли огненными. По ночам огненных завес не устраивали, и солдатам, дежурившим всю ночь, чтобы подкараулить и подстрелить вас, было не так-то просто что-нибудь углядеть в темноте. И все же было достаточно опасно, а потому вам и в голову не пришло бы думать о привидениях и разбойниках — вас неотступно преследовали мысли о снарядах и пулях и обо всех убитых и раненых, которые так и лежат там, где их ранили или убили. Неудивительно, что никто не гулял при лунном свете и не любовался фейерверком, а фейерверк между тем был. Время от времени солдаты, подкарауливавшие не-

приятеля, пускали в небо ракеты, которые вспыхивали яркими звездами, освещая все и вся, что находилось на земле под ними. И тогда те, кто крался, чтобы подглядеть, что делается в расположении врага, или искал раненых, или устанавливал заграждения из колючей проволоки для защиты своих окопов, падали плашмя и лежали неподвижно, как мертвые, пока звезда не гасла.

Чуть позже половины двенадцатого там, где никто не рыскал в темноте и куда почти не достигал свет далеких ракет, появился какой-то человек; вел он себя довольно странно: не искал раненых, не подглядывал за неприятелем и вообще не делал ничего такого, что обычно делают солдаты; он просто ходил, останавливался и шел дальше, но ни разу не наклонился, чтобы поднять что-нибудь с земли. Порой, когда ракета взлетала совсем рядом и его можно было отчетливо разглядеть, он останавливался и стоял очень прямо, скрестив руки на груди. Когда же снова наступала темнота, он шел дальше, шагая широко и размашисто, как ходят очень гордые люди. Однако ему приходилось идти медленно и смотреть под ноги, потому что вся земля была в глубоких рытвинах и ямах от бомб; а кроме того он мог споткнуться о мертвого солдата. Держался он так прямо и надменно потому, что был германским императором, и, если бы свет луны или ракеты упал на него, а его лицо было повернуто к вам, вы могли бы разглядеть торчащие вверх кончики усов — совсем как на фотографиях и картинках в газетах. Но его скрывала темнота: ведь когда небо все в бегущих облаках, а ракеты пускают далеко в стороне, вам удастся рассмотреть человека или предмет, только если вы столкнетесь с ними вплотную. Было до того темно, что, хотя император шел очень осторожно, он оступился и чуть не полетел вверх тормашками в глубокую яму, так называемую воронку, образовавшуюся от взрыва мины. Однако, падая, он удержался, ухватившись за что-то, что принял сначала за пучок травы. На самом же деле это была борода француза, мертвого француза. Тут луна на мгновение выглянула из-за облаков, и император увидел с десятков солдат, французов и немцев, взорванных этой миной и лежавших в воронке. Ему показалось, что все они смотрят на него. Император был потрясен. И, не думая о том, что он делает, невольно произнес по-немецки, обращаясь к мертвецам: «Ich habe es nicht gewollt», — то есть: «Это не я», или: «Я этого вовсе не хотел», или: «Я тут ни при чем», — словом, то, что вы говорите, когда вас бранят.

Затем он выбрался из ямы и пошел прочь от нее. Но тут он почувствовал себя так плохо, что, пройдя совсем немного, вынужден был присесть. Правда, он, наверное, мог бы заставить себя идти и дальше, но на пути его оказался зарядный ящик, и на нем было так удобно сидеть, что император решил передохнуть, пока ему не станет лучше.

И тут, к его великому удивлению, из темноты вдруг вынырнуло нечто бурое, что он непременно принял бы за собаку, если бы каждый шаг этого существа не сопровождался поскрипыванием и позвякиванием. Когда существо подошло ближе, он увидел, что это девочка, слишком маленькая, чтобы находиться одной в темном месте почти в полночь. А позвякивание и поскрипывание объяснялось тем, что в руке у нее был жестяной бидон. И девочка плакала — не громко, а только чуть-чуть всхлипывая. Увидев императора, она нисколько не испугалась и не удивилась, а просто, шмыгнув носом и всхлипнув в последний раз, перестала плакать и сказала:

— У меня больше нет воды.

— Какая жалость,— сказал император, который умел разговаривать с детьми.— А тебе очень-очень хочется пить? У меня есть фляжка, но то, что в ней, боюсь, будет для тебя слишком крепко.

— Я вовсе не хочу пить,— удивленно сказала девочка.— А вы разве не хотите? Вы не ранены?

— Нет,— ответил император.— А отчего ты плачешь?

Девочка снова начала плакать.

— Солдаты меня очень обидели,— сказала она, подойдя ближе к императору и прижавшись к его колену.— Их там четверо, вон в той воронке: томми, волосатый и два боша.

— Нельзя называть немецких солдат бошами,— сказал император.— Это очень-очень нехорошо.

— Нет,— сказала девочка,— честное слово, я правильно говорю. Английский солдат — это томми, французский — волосатый, а немецкие солдаты — боши. Моя мама так их называет, и все другие тоже. Один бош в очках, он похож на школьного учителя. А второй лежит там уже две ночи. И никто не может пошевелинуться. Они очень гадкие. Я дала им воды, и сначала они благодарили меня и молились за меня Богу — все, кроме учителя. А потом упал снаряд, он далеко упал, но они прогнали меня и сказали, что если я не пойду домой, то из леса выйдет медведь и съест меня, а отец меня высечет.

Учитель громко сказал им, что они дураки и что нечего из-за меня беспокоиться, а сам шепнул мне, чтобы я бежала домой. Можно, я останусь тут с вами? Отец не станет меня бить, я знаю, но медведя я боюсь.

— Можешь остаться,— сказал император,— я не позволю медведю тебя тронуть. Да тут и нет ни одного медведя.

— Правда? — спросила девочка.— А томми сказал, что есть. Он сказал, что тут живет большущий медведь, который глотает детей, а потом варит их в желудке.

— Англичанину ничего не стоит приврать,— сказал император.

— Он сначала был такой добрый,— сказала девочка и опять заплакала.— Он бы этого не сказал, если бы сам не верил. А может, это у него так болела рана, что ему стали мерещиться медведи.

— Не плачь,— сказал император.— Он не хотел тебя обидеть; просто они боялись, что тебя тоже ранит, как их, и хотели, чтобы ты пошла домой, где тебе ничего не грозит.

— Ну, к снарядам я уже привыкла,— сказала девочка.— Я хожу тут по ночам и пою водой раненых, потому что мой отец пролежал так пять дней и ужасно мучился от жажды.

— Ich habe es nicht gewollt,— сказал император, чувствуя, что ему снова становится нехорошо.

— А вы бош? — спросила девочка, так как император до сих пор разговаривал с ней по-французски.— Вы очень хорошо говорите по-французски, но я думала, что вы англичанин.

— Я наполовину англичанин*,— сказал император.

— Ну и ну,— сказала девочка.— Вам нужно быть очень осторожным: в вас будут стрелять с обеих сторон.

Император неестественно засмеялся, и тут из-за туч вышла луна, и девочка смогла лучше его разглядеть.

— Какой у вас красивый плащ,— сказала она,— и мундир как новенький. Почему он у вас такой чистый — ведь вам же приходится ложиться в грязь, когда пускают ракеты?

— Я не ложусь в грязь. Я стою. Поэтому у меня чистый мундир,— ответил император.

— Но вы не должны стоять,— сказала девочка.— Если они вас увидят, то станут стрелять в нас.

— Ну хорошо,— сказал император.— Пока ты со мной, я буду ложиться. А теперь я отведу тебя домой. Где твой дом?

Девочка засмеялась.

— А у нас нет дома,— сказала она.— Нашу деревню сначала обстреливали немцы. Потом они ее взяли, и тогда начали стрелять французы. Потом пришли англичане и выгнали немцев. Теперь по ней стреляют с трех сторон. В наш дом попали семь раз, а в хлев — девятнадцать. И подумайте, даже корову не убило! Папа говорит, что они потратили двадцать пять тысяч франков, чтобы разрушить наш хлев. Он очень этим гордится.

— Ich habe es nicht gewollt,— сказал император и почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Через некоторое время, немного оправившись, он спросил: — Где же вы теперь живете?

— Да где придется,— сказала девочка.— Что ж тут особенного — ко всему можно привыкнуть. А вы кто? Санитар, да?

— Нет, дитя мое,— сказал император.— Я из тех, кого называют кайзерами.

— А я думала, кайзер только один,— сказала девочка.

— Нет, нас трое*,— сказал кайзер.

— И все должны закручивать усы вверх?— спросила девочка.

— Нет,— сказал кайзер.— Можно носить бороду, если усы не закручиваются.

— Так их надо накрутить на папильотки, как я накручиваю волосы перед пасхой,— сказала девочка.— А что делает кайзер? Воюет или подбирает раненых?

— Делать он ничего не делает,— сказал император.— Он думает.

— О чем же он думает? — спросила девочка, которая, как все дети, очень мало знала о людях и потому, когда встречала кого-нибудь, задавала великое множество вопросов и нередко слышала в ответ, что нельзя быть такой любопытной,— правда, мать обычно ей говорила: «Не задавай вопросов, и не услышишь лжи».

— Если бы кайзер стал об этом рассказывать, он бы не думал, правда? Он бы разговаривал.

— Наверно, очень странно быть кайзером,— сказала девочка.— Но что же вы все-таки делаете тут так поздно, раз вы не ранены?

— А ты обещаешь никому этого не говорить, если я тебе скажу? — спросил император.— Это секрет.

— Честное слово, обещаю,— сказала девочка.— Пожалуйста, скажите. Я люблю секреты.

— Тогда слушай,— сказал император.— Утром я сказал своим солдатам, как я жалею, что не могу идти с ними в окопы и сражаться под огнем, ведь, к несчастью, я должен думать за них за всех, а если меня убьют, они не будут знать, что делать, и их всех разгромят и переубьют.

— Вы поступили очень нехорошо,— сказала девочка,— потому что это неправда. Когда убили моего брата, другой встал на его место, и бой продолжался, будто ничего и не случилось. Я думала, они хоть на минуту перестанут драться, а они не перестали. И если вас убьют, ведь кто-нибудь займет ваше место?

— Да,— сказал император.— Мой сын.

— Тогда зачем же вы им наврали? — спросила девочка.

— Я был вынужден,— сказал император.— Для того и существует кайзер: он вынужден говорить то, во что ни он сам, ни другие не верят. Сегодня я понял по лицам некоторых солдат, что они мне не верят и думают, будто я просто ищущ оправдания своей трусости. И вот когда настала ночь, я лег в кровать и притворился спящим, но, когда все ушли, я встал и потихоньку пробрался сюда, чтобы убедиться, что я не боюсь. Вот почему я стою, когда взлетают ракеты.

— А чего бы вам не сделать этого днем? — спросила девочка.— Ведь тогда опасно по-настоящему.

— Мне бы не позволили,— сказал император.

— Бедный кайзер! — сказала девочка.— Мне вас очень жалко. Надеюсь, что вас не ранят. А если ранят, я принесу вам воды.

Императору так понравилась девочка, что он поцеловал ее и только потом встал и взял ее за руку, чтобы отвести в безопасное место. А ей так понравился император, что она уже ни о чем другом не думала. И они не заметили, как прямо над ними взвилась ракета, и при ее свете высокая фигура императора стала отчетливо видна даже издали, хотя маленькую девочку в стареньком коричневом платице и, по правде говоря, довольно чумазую даже вблизи можно было принять за муравьиную кучу.

В следующую секунду раздался устрашающий свист — прямо на них с огромной скоростью летел большой снаряд, обгоняя грохот выстрела. Император быстро обернулся, и в это время вспыхнули еще две звезды, и к императору и девочке полетел новый снаряд, пущенный издали. Это был очень большой снаряд: император ви-

дел, как он несется по воздуху, похожий на огромного взбесившегося слона, грохоча, словно поезд в туннеле. Первый снаряд разорвался неподалеку от них с таким оглушительным треском, что императору показалось, будто он разорвался у него в ухе. А второй снаряд продолжал стремительно приближаться.

Император упал на землю и вцепился в нее всеми пальцами, словно надеясь укрыться от опасности. Внезапно он вспомнил про девочку и ужаснулся при мысли, что ее может разорвать на части; забыв о себе, он хотел было вскочить и прикрыть ее своим телом.

Но наши мысли быстрее наших поступков, а снаряды почти так же быстры, как мысли. Не успел император вытащить пальцы из глины и подогнуть колени, чтобы встать на ноги, как раздался страшный грохот. Император никогда не слышал ничего подобного, хотя уже успел привыкнуть к звукам далекой канонады. Это был и не свист, и не рев, и не треск, а какой-то страшный, неистовый, всесокрушающий звук, в котором слились воедино и стук, и грохот, и свист, и рев, и гром, точно наступил конец света. Целую минуту император верил, что его вывернуло наизнанку: ведь порой снаряды действительно выворачивают людей наизнанку, взрываясь рядом. Когда он наконец встал с земли, то никак не мог понять, на чем же он стоит — на голове или на ногах; да он, собственно, и не стоял, так как, не успев подняться, снова падал. Стремясь удержаться в вертикальном положении, он ухватился за что-то и обнаружил, что это дерево, которое находилось довольно далеко от него, когда прилетел снаряд, и понял, что его отбросило туда взрывной волной. И тотчас подумал вслух:

— А где ребенок?

— Здесь, — ответил голос с дерева над его головой. Это был голос девочки.

— Gott sei dank! — с огромным облегчением произнес император; по-немецки это значит: «Слава Богу!» — Ты не ушиблась, дитя мое? Ведь тебя могло разорвать на мелкие кусочки.

— А меня и разорвало на мелкие кусочки, — сказал голос девочки. — Меня разорвало на две тысячи тридцать семь маленьких, совсем крошечных кусочков. Снаряд попал прямо в меня. Самый большой кусок, который от меня остался, — это мизинец на ноге; его унесло за полмили, вон туда, а ноготь с большого пальца — на полми-

ли в другую сторону, а четыре реснички — в воронку, где лежат четыре солдата, по одной на каждого; а передний мой зуб впился в ремень вашей каски. Только ему все равно пора было выпасть — он уже давно шатался. А больше от меня ничего и на осталось — все сгорело и превратилось в пыль.

— Ich habe es nicht gewollt,— сказал император таким голосом, что кому угодно стало бы его жалко.

Но девочке было вовсе не жаль его. Она сказала:

— Ну теперь-то не все ли равно, хотели вы или не хотели. А уж как я смеялась, когда вы шлепнулись лицом вниз в вашем красивом мундире! Так смеялась, что даже не почувствовала взрыва, хоть меня, наверно, рвануло как следует. На вас и сейчас смешно смотреть,— уцепились за дерево и качаетесь, совсем как мой дедушка, когда напьется.

Она рассмеялась, но удивительнее всего, что император услышал и еще чей-то смех, хриплый, грубый смех нескольких мужчин.

— Кто там смеется? — спросил он.— С тобой кто-то есть?

— А как же,— ответил голос девочки.— Те четверо, которые лежали в воронке, теперь они здесь, наверху. Первый же снаряд их освободил.

— Du hast es nicht gewollt, Виллем, was?¹ — спросил один из хриплых голосов, и все рассмеялись: очень уж смешно было слышать, как простой солдат называет императора Виллемом.

— Вы не должны отказывать мне в знаках почтения, к которым вы же меня приучили,— сказал император.— Я не сам сделал себя кайзером. Вы вознесли меня на это место, лишили меня естественного равенства и невинных радостей обычных людей. Теперь я вам приказываю относиться ко мне как к идолу, в который вы меня превратили, а не как к простому человеку, каким меня создал Бог.

— Не имеет смысла разговаривать с ними,— сказал голос девочки.— Они все улетели. Не так уж вы их интересуете, чтобы они стали слушать вас. Здесь никого не осталось, кроме меня да боша в очках.

С дерева донесся мужской голос.

¹ Ты не хотел этого, Виллем, так ведь? (нем.)

— Я не отправился с ними, потому что не желаю общаться с солдатами,— сказал он.— Они знают, что вы сделали меня профессором за то, что я лгал им про вашего деда.

— Дурак,— грубо обрезал его император.— А ты когда-нибудь говорил им правду про своего деда?

Ответа не последовало; на некоторое время воцарилось молчание, затем голос девочки произнес:

— Он тоже улетел. Я думаю, его дедушка был не лучше вашего или моего. Ну, теперь и мне пора. Мне жалко с вами расставаться, потому что вы мне очень нравились, до тех пор пока снаряд не освободил и меня. Но теперь вы почему-то уже ничего не значите.

— Дитя мое,— произнес император, глубоко опечаленный тем, что она хочет его покинуть.— Я значу столько же, сколько и раньше.

— Конечно,— сказал голос девочки,— но не для меня. Понимаете, вы для меня никогда ничего не значили — разве что в ту минуту, когда я по глупости боялась, что вы можете убить меня. Я думала, что это будет больно, а на самом деле я освободилась. И теперь я стала свободной, а это куда приятнее, чем быть голодной, мерзнуть и бояться, и вы для меня ничего не значите. Ну, до свидания.

— погоди минутку,— умоляюще сказал император.— Тебе торопиться некуда, а я так одинок.

— Почему же вы не велите своим солдатам выстрелить в вас из большой пушки, как они выстрелили в меня? — спросил голос девочки.— Тогда вы стали бы свободны, и мы могли бы летать вместе. Если вы этого не сделаете, я не смогу остаться с вами.

— Мне нельзя,— сказал император.

— Почему? — спросил голос девочки.

— Потому что это не принято,— ответил император.— А если император сделает то, что не принято, он пропал, ибо он олицетворение Общепринятого.

— Какое длинное слово, я никогда его раньше не слышала,— сказал голос девочки.— Должно быть, это то самое, что не может отделиться от земли, сколько бы ни старалось?

— Да,— сказал император.— Вот именно.

— Тогда придется подождать, пока какой-нибудь томи или волосатый не разорвет вас в клочья большим снарядом,— сказал голос девочки.— Не падайте духом: я думаю, они наверняка это сделают, если вы будете сто-

ять, когда светят ракеты. А теперь я поцелую вас на прощание, потому что и вы поцеловали меня перед тем, как я освободилась. Только боюсь, вы этого не почувствуете.

И она оказалась права: хотя император изо всех сил старался что-то почувствовать, он не почувствовал ничего. И это было тем грустнее, что он кое-что увидел. Когда она сказала, что хочет поцеловать его, он повернулся в ту сторону, откуда доносился голос, и увидел слетавшую с дерева прелестную розовую девочку с крылышками, совсем крошечную,— она была очень чистенькая и ничуть не стеснялась, что на ней не осталось никакой одежды. Она обвила руками шею императора, поцеловала его и улетела. Он видел ее отчетливо, и это было очень странно, потому что в тусклом лунном свете она должна была бы казаться серой или белой, как сова, а вовсе не розовой и хорошенькой. Сердце у него болезненно сжалось при мысли, что он больше не увидит ее, но тут появились живые люди, заговорили с ним и все испортили. Он даже не заметил, как они подошли. Это были два его офицера, и они очень почтительно осведомились, не задело ли его осколками. Маленький ангел исчез при первом же их слове. Император так рассердился на них за это, что целую минуту не мог произнести ни слова. Потом он резко спросил у них, как пройти обратно в тюрьму. Видя, что они не понимают и смотрят на него как на сумасшедшего, он снова спросил, как ему вернуться к себе, имея в виду свою палатку. Они показали ему, куда надо идти, и он зашагал впереди них; часовые по пути окликали его и, когда офицеры отвечали им, отдавали императору честь. Достигнув палатки, он отрывисто простился с офицерами и хотел было лечь спать, но один из них робко спросил, не следует ли им составить рапорт о том, что произошло. На что император ответил только: «Вы два...» И добавил очень нехорошее слово.

Офицеры посмотрели друг на друга, и один из них сказал:

— Его величество пьян, как...— И тоже добавил очень нехорошее слово. К счастью, император думал о девочке и не слышал, что сказал офицер. Да если бы и услышал, что тут особенного? Все солдаты употребляют нехорошие слова, не задумываясь над их смыслом.

КОММЕНТАРИИ

ПИГМАЛИОН

Пьеса «Пигмалион» (Pygmalion) написана в 1912—1913 годах, поставлена 16 октября 1913 года в Вене, на сцене Бургтеатра. В Лондоне впервые исполнялась 11 апреля 1914 года. Опубликована в 1916 году.

На русской сцене «Пигмалион» впервые поставлен в 1914 году Московским драматическим театром и с тех пор шел во многих театрах нашей страны (бывший театр Корша — 1924 г.; Московский театр сатиры — 1938 г.; Ленинградский театр комедии и сатиры — 1941 г. и др.). В 1943 году «Пигмалион» был поставлен на сцене Московского Малого театра.

С. 7. Пигмалион — легендарный греческий скульптор, полюбивший созданную им самим статую прекрасной девушки Галатеи. Вняв мольбе Пигмалиона, богиня любви Афродита оживила статую Галатеи, и она стала его женой.

С. 18. Пиранези Джованни Баттиста (1720—1778) — выдающийся итальянский гравер и архитектор.

Меццо-тинто — один из видов гравюры, отличающийся богатством светотеневых переходов.

С. 43. Берн-Джонс Эдуард (1833—1898) — английский живописец, принадлежавший к младшему поколению прерафаэлитов — группировке английских художников и писателей, возникшей в середине XIX века и стремившейся возродить искусство раннего Возрождения.

С. 44. Уистлер Джеймс Эботт Мак-Нэйл (1834—1903), американский живописец и гравер, который жил и работал в Англии.

Галерея Гровнер — частная картинная галерея в Лондоне.

Сесил Лоусон (1851—1882) — английский художник-пейзажист.

Чипендейловский стул — то есть кресло в стиле Томаса Чипендейла, известного английского мебельщика XVIII века.

Иниго Джонс (1573—1652) — выдающийся английский архитектор и театральный декоратор, творчество которого проникнуто идеями эпохи Возрождения; создатель национальной архитектурной школы.

Кретон — плотная хлопчатобумажная ткань с продольными полосками из цветной пряжи.

С. 48. Королевское общество — Лондонское Королевское общество содействия успехам естествознания, старейшее английское научное общество, основанное в 1662 году.

С. 57. *Лайонел Монктон* (1862—1924) — английский композитор и музыкальный критик.

С. 58. *Эрлскорт* — выставочное помещение в западной части Лондона.

С. 59. «*La Fancuilla del Golden West*» («Девушка с Запада») — опера (1910) известного итальянского композитора Джакомо Пуччини (1858—1924).

С. 72. ...*Приходится выбирать между Скилией рабочего дома и Харбидией буржуазного класса.* — Дулитл хочет сказать: «Между Сциллой... и Харибдой», — выражение, означающее «находиться между грозящими с двух сторон опасностями» (Сцилла и Харибда — два чудовища в греческой мифологии, жившие на прибрежных скалах узкого морского пролива и губившие всех проплывавших мимо мореходов).

С. 78. ...*Церковь Святого Георгия* — церковь в западной части Лондона (построена в 1713—1724 гг.), место пышных бракосочетаний.

ДОМ, ГДЕ РАЗБИВАЮТСЯ СЕРДЦА

Пьеса «Дом, где разбиваются сердца» (Heart break House) написана в 1913—1917 годах, опубликована в 1919 году и поставлена 10 ноября 1920 года в Нью-Йорке на сцене Гаррик-Театра. В Лондоне впервые исполнялась 18 октября 1921 года на сцене Корт-Театра.

С. 106. *Седьмая степень самосозерцания* — согласно буддийской религии, высшая степень человеческого совершенства.

С. 113. *Магзини Джузеппе* (1805—1872) — вождь и идеолог национально-освободительного движения в Италии; сыграл значительную роль в борьбе за создание единого итальянского национального государства.

С. 121. *Студенческий день* — специальный день в Национальной галерее, когда начинающим художникам разрешается за плату в шесть пенсов копировать картины.

С. 134. *Махатма* — в индусской мифологии: мудрец, «божественный сверхчеловек».

С. 140. ...*Вроде Даниила во рву львином.* — Согласно библейской легенде, Даниил был брошен по приказу царя Дария в ров со львами, но «чудо» спасло его от смерти.

С. 173. *Прямо как в «Тристане и Изольде».* — Имеется в виду опера Вагнера «Тристан и Изольда» (1865).

С. 197. *Им алтарем был темный лес,*

Венчал их ветер вольный. —

Отрывок из произведения П.-Б. Шелли «Розалинда и Елена».

С. 204. ...*О капитан, мой капитан* — этими словами начинается известное стихотворение американского поэта У. Уитмена (1819—1892) «О капитан, мой капитан» (1865), посвященное памяти президента США Линкольна.

Река Иорданская.— Воды реки Иордан считаются святыми, так как в ней, по евангельскому преданию, крестился Христос.

КАРЬЕРА ОДНОГО БОРЦА

Оригинальное название «Cashel Bygon's Profession». Четвертый по времени создания роман Бернарда Шоу. Печатался с апреля 1885 по март 1886 г. в журнале «Today». Вслед за журнальной публикацией отдельными изданиями выходил в Англии в 1886 и 1889 гг., с изменениями — в 1901 г. Среди первых американских — издания 1886 и 1889 гг.

С. 233. Лудия Кэру.— Если в первых романах Шоу снабжал биографическими чертами, как правило, одного из мужских персонажей, то в «Карьере одного борца» писатель предпринял своего рода эксперимент, разделив свои «физическую» и «интеллектуальную» составляющие между двумя различными персонажами: Лидией и Кэшемом.

С. 235. ...Из Лессинга...— Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781), немецкий драматург, основоположник немецкой классической литературы.

С. 248. ...праксителевский Гермес.— Пракситель (ок. 390 до н. э.— ок. 330 до н. э.), древнегреческий скульптор, представитель поздней классики. Его скульптуры известны благодаря античным копиям и свидетельствам древних авторов. Упоминаемый Гермес («Гермес с младенцем Дионисом») — единственная, по мнению специалистов, работа Праксителя, сохранившаяся до наших дней в подлиннике.

С. 253. ...Напоминало ей басню о Лисе и Винограде...— Сюжет, известный русскому читателю по И. А. Крылову, разработан в одноименных баснях Эзопа и Лафонтена.

С. 289. ...Adagio — здесь: часть музыкального произведения, исполняемая в медленном темпе.

С. 303. ...Сто гиней.— Гиней — английская золотая монета, чеканилась в 1663—1817 гг.; с 1717 г. равнялась 21 шиллингу. Впервые была отчеканена из золота, привезенного из Гвинеи, — отсюда и название. Впоследствии была заменена золотым sovereignом.

С. 304. Св. Георгий...— Эпизод драконоборчества пользовался особой популярностью в Западной Европе: часто встречался в литературе, живописи. Со временем эта тема вытеснила все иные мотивы иконографии Св. Георгия.

СЕРЕНАДА

С. 443. Корнет-а-пистон (фр. cornet a pistons) — духовой медный мундштучный музыкальный инструмент типа трубы с поршневым (помповым) вентиляльным механизмом, изогнутой кольцеобразно и имеющей воронкообразный раструб; тембр инструмента мягкий, бархатистый.

ДОН-ЖУАН ОБЪЯСНЯЕТ

С. 453. То есть из другой оперы — из «Лючии ди Ламермур» Доницетти (1797—1848).

«Бокс и Кокс» — переделка французского фарса, шедшая на английской сцене в 1847 г.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ СРЕДИ ХОЛМОВ СУРРЕЯ

С. 472. *Суррей* — графство на юго-востоке Англии; пл. свыше 1,5 км², нас. ок. 1 млн. чел. (1971 г.); самая значительная река — Уэй, приток Темзы. Главный город — Гилфорд. Северная часть равнинная, южная — холмистая (холмы Норт Доунс — до 1000 футов над у. м.). Ныне города Суррея являются спальными или промышленными пригородами Большого Лондона. В южной части графства развито сельское хозяйство.

С. 474. *Инфлюэнца* (ит. influenza) — то же, что и грипп.

ПУШЕЧНОЕ МЯСО

С. 478. *Генри Лебушер* (1831—1912) — английский журналист, член парламента от либеральной партии.

Генриетта Хогсон (1841—1910) — известная английская актриса, вышедшая в 1868 г. замуж за Г. Лебушера, одного из совладельцев театра, в котором она тогда играла.

Космо Монкхаус (1840—1901) — английский поэт, литературный критик и искусствовед.

С. 481. *Дрейфус* Альфред (1859—1935) — французский офицер, в 1894 г. приговоренный по обвинению в шпионаже к пожизненному заключению. Приговор был отменен в 1906 г.

...*Англия находится в состоянии войны.* — Англо-бурская война началась 11 октября 1899 г.

С. 482. Винтовками Маузера были вооружены отряды буров.

С. 483. *Буллер* Редверс Генри (1839—1908) — британский генерал, командовал английскими войсками в Южной Африке в начале войны; после ряда неудач был замещен в октябре 1900 г. лордом Робертсом. *Крюгер* Паулус (1825—1904) — бурский государственный деятель, в 1883—1902 гг. — президент бурской республики Трансвааль.

С. 484. *Чемберлен* Джозеф (1836—1914) — английский государственный деятель, видный идеолог британского империализма и один из организаторов войны Англии против буров. В 1895—1903 гг. был министром колоний.

Розбери (1830—1929) — один из лидеров либеральной партии, к описываемому времени уже отошедший от политической деятельности.

Солсбери (1830—1903) — английский государственный деятель, в описываемый период (с 1895 по 1902 г.) — премьер-министр.

С. 485. Лэнсдаун (1845—1927) — английский государственный деятель, в 1895—1900 гг. — военный министр. *Бродрик* (1856—1942) — в 1898—1900 гг. помощник министра иностранных дел. *Метьюн* (1845—1932) — английский генерал, в начале англо-бурской войны командовал дивизией. *Робертс* (1832—1914) — английский генерал, прославившийся в Индии, командовал английской армией в Южной Африке в 1900 г.

НОВАЯ ИГРА — ВОЗДУШНЫЙ ФУТБОЛ

С. 487. Орвието — живописный старинный городок в горной части Италии, известный своим собором XIII в.

С. 494. Фартук составляет часть парадного облачения епископов англиканской церкви.

ИМПЕРАТОР И ДЕВОЧКА

С. 499. Я наполовину англичанин. — Речь идет о Вильгельме II из династии Гогенцоллернов (1859—1941), короле Пруссии и императоре Германии (1888—1918), сыне Фридриха III и Виктории Английской.

С. 500. Я из тех, кого называют кайзерами... Нас трое. — Кайзер (нем. Kaiser) — император. В описываемое время в Европе были три империи: Российская, Германская и Австро-Венгерская. Соответственно имеются в виду российский император Николай II, упомянутый выше Вильгельм II, а также Франц-Иосиф — император Австрии (с 1867 г. Австро-Венгрии) из рода Габсбургов, правивший в 1848—1916 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

Пигмалион. <i>Перевод П. Мелковой</i>	7
Дом, где разбиваются сердца. <i>Перевод М. Богословской</i> <i>и С. Боброва</i>	103

КАРЬЕРА ОДНОГО БОРЦА. Роман. <i>Перевод В. Малахиевой-Мирович</i>	209
--	-----

НОВЕЛЛЫ

Серенада. <i>Перевод В. Ашкенази</i>	443
Дон-Жуан объясняет. <i>Перевод В. Ашкенази</i>	451
Воскресный день среди холмов Суррея. <i>Перевод В. Ашкенази</i>	472
Пушечное мясо. <i>Перевод И. Гуровой</i>	477
Новая игра — воздушный футбол. <i>Перевод В. Ашкенази</i>	486
Император и девочка. <i>Перевод В. Ашкенази</i>	496
Комментарии <i>А. Николюкина</i> и <i>Б. Акимова</i>	506

Золотая серия

Зарубежная литература

Бернард Шоу

Избранные сочинения

в двух томах

Том второй

Редактор *Б. Акимов*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректоры *Э. Михалева, А. Сорокина*

ООО «Мир книги»
109052, Москва, ул. Смирновская, д. 4, стр. 2
Лицензия ЛР № 071810 от 9.03.99.

ООО РИЦ «Литература»
115407, Москва, ул. Судостроительная, д. 40

Подписано в печать 30.10.2003 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Балтика».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 0313710.

ISBN 5-8405-0078-X



Отпечатано на MBS в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

